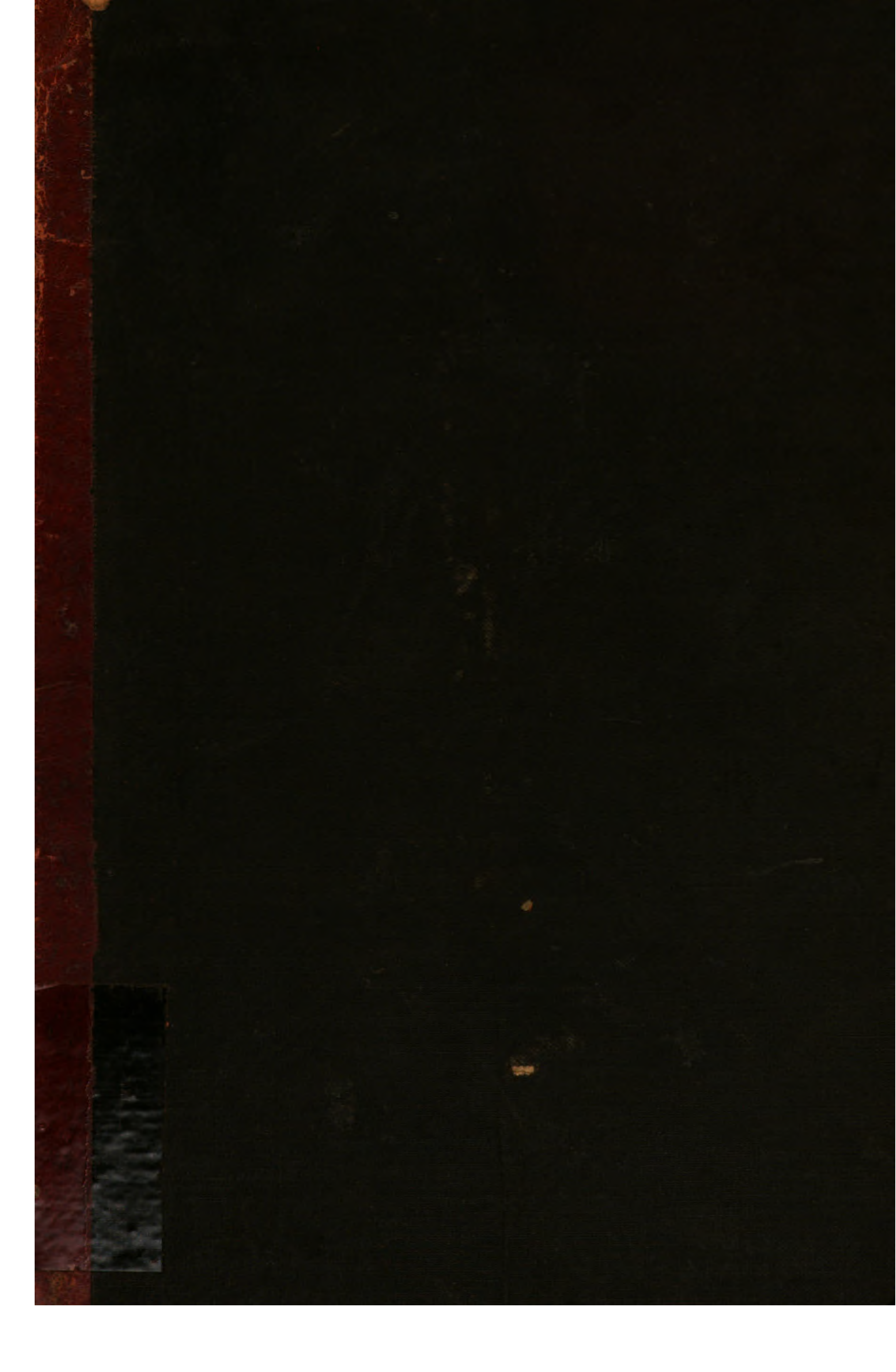
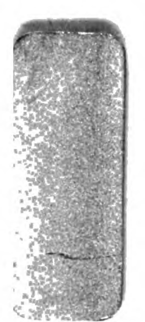
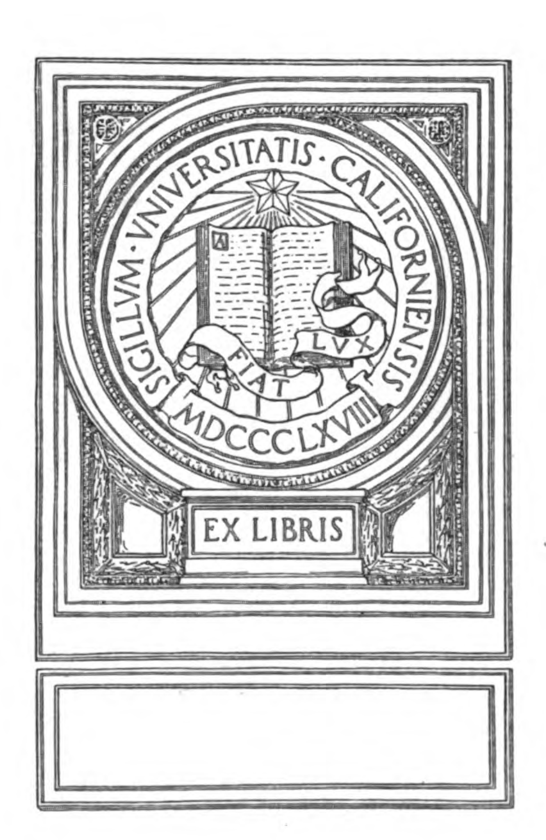
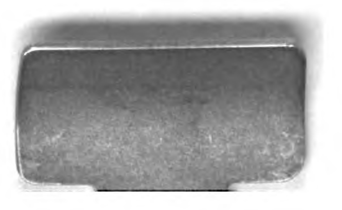

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ VIII-й. № 3-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

МАРТЪ

1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская 43).
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

VIII-й г. изд.

МІРЪ БОЖІЙ.

VIII-й г. изд.

Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца въ размѣрѣ не менѣе 25 печ. листовъ.

Въ 1899 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

Беллетристика: стихотворенія г.г. **Allegro**, **Бунина**, **Ладыженскаго**, **П. Я.**, **О. Чюминой**, **Яхонтова** и другихъ. «Освободилась», романъ **А. Вербицкой**; «Риштау», повѣсть **В. Сѣрошевскаго**; «Карандашомъ съ натуры» (Кругомъ свѣта черезъ Корею въ Манджурію), **Н. Гарина**; «Душная ночь» (Изъ степныхъ очерковъ), разск. **Ю. Безродной**; «Безъ роду-племени», разсказъ **И. Бунина**; «Каинъ и Артемъ» (Изъ жизни босяковъ), разск. **М. Горькаго**; «Въ ночной смѣнѣ», разсказъ изъ военнаго быта **А. Куприна**; разсказы г.г. **Потапенко**, **Станюковича**, **Чирикова**.

Научныя статьи и сочиненія. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ: «Антропологическіе очерки», проф. **Брандта**; «Современное положеніе вопроса о гипнотизмѣ», **В. Битнера**.—ИСТОРІЯ И БІОГРАФІИ: «Чарльзъ Парнель», **Ев. Тарле**; «Судебная ошибка въ XVIII в.» (дѣло Каласовъ и Вольтеръ), **Э. Моргулиса**; «Очерки по исторіи русской культуры», часть III, **П. Милюкова**; «Александръ I и его время», **А. Прѣснякова**.—КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ: «А. С. Пушкинъ» (юбилейная статья), **Ив. Иванова**; «Алчущія души» (Паскаль, Руссо, Гоголь), **Ив. Иванова**; «Писаревъ, его сподвижники и враги», **Ив. Иванова**; «Ада Негри», **В. Фритче**.—СОЦІОЛОГІЯ: «Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вѣковъ въ связи съ общественнымъ движеніемъ на Западѣ», проф. **Р. Ю. Виппера**. (Вопросы общественной и исторической мысли около 1700 года, Джанбатиста Вико и его «Новая наука».—Общественныя условія начала XVIII вѣка на Западѣ. Идеализація «натуральнаго человѣка». Робинзонъ Дефо.—Сближеніе англійскаго и французскаго общества. Монтескье, какъ представитель аристократическаго общества. Его историческіе взгляды. «Духъ Законовъ».—Просвѣтительное движеніе. «Философы», среда ихъ воздѣйствія, отношеніе ихъ къ народной массѣ. Философія исторіи у Вольтера.—Демократическія идеи XVIII вѣка. Руссо. Критика культуры и призывъ къ природѣ.—Проповѣдь гуманности и теорія безконечнаго прогресса. Лессингъ. Гердеръ. Кондорсе.—Общественная философія индивидуализма. Промышленный переворотъ въ Англіи. Адамъ Смитъ, Бентамъ, Мальтусъ, Рикардо.—Реакція и ея общественныя идеи. Жозефъ де-Местръ. Бональдъ, Галлеръ.—Органическія теоріи. Сенъ-Симонъ.—Католическое движеніе въ XIX в. Ог. Контъ.—Философія исторіи Гегеля. Развитіе теоріи историческаго прогресса и основныя идеи ея.—Натурализмъ въ общественныхъ и историческихъ ученіяхъ. Гербертъ Спенсеръ). «Н. К. Михайловскій, какъ соціологъ», **Л. Крживицкаго**; «Очерки по соціальной экономіи», прив.-доц. **М. Туганъ-Барановскаго**.—ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ: «Помѣщикъ и крестьянинъ въ крѣпостной Россіи XIX в.», **П. Струве**; «Послѣдствія переворота въ земледѣліи» (I. Паденіе поземельной ренты и судьбы крестьянства.—II. Крестьянскія коопераціи и ихъ значеніе), **Л. Крживицкаго**; «Причины сокращенія роста населенія Франціи», **д-ра I. Гольдштейна**; «Положеніе труда въ Англіи», **Л. Давыдовой**.—ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ: «Рихардъ Авенаріусъ и эмпиріокритицизмъ», проф. **Г. Челпанова**; «Экспериментальная психологія, ея настоящее и будущее, д-ра философіи **В. Анри**.

ПЕРЕВОДНЫЯ СОЧИНЕНІЯ. «Религія красоты» (Джонъ Рёскинъ и его идеи), **Сизерана**, пер. съ французскаго Т. Богданович; «XIX вѣкъ въ различныхъ областяхъ

науки, техники и общественной жизни», компилятивныя статьи; «Изъ исторіи тайныхъ обществъ у различныхъ народовъ», компил. работа Э. Пименовой; «Герои и сцены дореволюціонной Франціи» (по мемуарамъ Сенъ-Симона), переводъ съ французскаго.

Постоянные отдѣлы. Критическія замѣтки. Разборъ выдающихся произведеній русской и переводной литературы; обзоръ русскихъ журналовъ.

Изъ западной культуры. Разборъ выдающихся произведеній иностранной литературы.

На родинѣ. Свѣдѣнія и сообщенія о различныхъ событіяхъ и явленіяхъ русской жизни. Дополненіемъ къ нему служатъ статьи и корреспонденціи о текущихъ событіяхъ, дѣятельности разныхъ обществъ, съѣздовъ, и т. п.

За границей. Свѣдѣнія и сообщенія изъ заграничной жизни. Дополненіемъ къ нему служатъ рефераты статей особенно интересныхъ **Изъ иностранныхъ журналовъ**, а также статьи и корреспонденціи о текущихъ выдающихся явленіяхъ иностранной жизни.

Научный обзоръ. Статьи и рефераты по различнымъ отраслямъ естественныхъ наукъ и техники. Научный фельетонъ. Дополненіемъ къ этому отдѣлу служатъ **Текущія научныя новости**, составляемыя по русскимъ и иностраннымъ научнымъ изданіямъ.

Библіографія. Рецензіи о русскихъ, переводныхъ и иностранныхъ книгахъ по изящной литературѣ, публицистикѣ и всѣмъ отраслямъ наукъ, кромѣ исключительно-спеціальныхъ сочиненій, недоступныхъ для обще-образованной публики. **Новости иностранной литературы**, входящія въ библіографическій отдѣлъ, какъ самостоятельная часть, составляется по библіографическимъ иностраннымъ изданіямъ, съ цѣлью дать сжатые отзывы о важнѣйшихъ, появляющихся заграницей, новыхъ книгахъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ . .	8 руб.
Безъ доставки на годъ	7 »
За границу на годъ	10 »

Вмѣсто разсрочки допускается подписка:

По полугодіямъ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на полгода . 4 р.

За границу . . . . 5 »

Безъ доставки по соглашенію съ конторой.

По третямъ года:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи:

въ январѣ	3 р.
» маѣ	3 »
» сентябрѣ	2 »
За границу: въ январѣ	4 »
» » » маѣ	3 »
» » » сентябрѣ	3 »

Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Подписавшіеся на полгода или на треть года продолжаютъ подписку **безъ повышенія** подписной цѣны.

Книжные магазины при годовой и полугодовой подпискѣ пользуются обычной уступкой 5% съ подписной цѣны. **Подписка по третямъ года черезъ магазины не принимается. Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлается.**

Издательница **А. Давыдова**. Редакторъ **В. П. Острогорскій.**

3. В. ОСТРОГОРСКІЙ.

ОЧЕРКИ ПУШКИНСКОЙ РУСИ.

Изданіе II. Цѣна 40 коп.

4. Ив. ИВАНОВЪ.

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

Жизнь, личность, творчество.

Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 25 коп.

5. Ив. ИВАНОВЪ.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ.

ЧАСТИ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ.

Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 25 к.

6. **Ив. ИВАНОВЪ.**

ПИСЕМСКІЙ.

Цѣна 1 рубль.

7. **И. БОРОДИНЪ.**

ПРОЦЕССЪ ОПЛОДОТВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ.

Цѣна 1 р. 50 к.

8. ***П. Милюковъ.***

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Часть I.

Населеніе, экономическій, государственный и сословный строй.

3-е изданіе исправленное и дополненное.

Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Складъ изданія въ редакціи журнала „МІРЪ БОЖІЙ".

Проф. А. П. Павловъ.

МОРСКОЕ ДНО.

Съ 43 рис. въ текстѣ и 2 раскрашенными картинками.

Цѣна 60 коп.

Складъ изданія кн. маг. Карбасникова Спб. Литейный 45.

НОВАЯ КНИГА:

АДА НЕГРИ (ИТАЛЬЯНСКАЯ БИБЛІОТЕКА № 1).

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ М. ВАТСОНЪ.

Съ портретомъ Ады Негри. Цѣна 50 копѣекъ.

Прод. во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и у издательницы (М. Ватсонъ Спб., Озерной пер., д. 9).

Годъ VIII-й. **№ 3-й.**

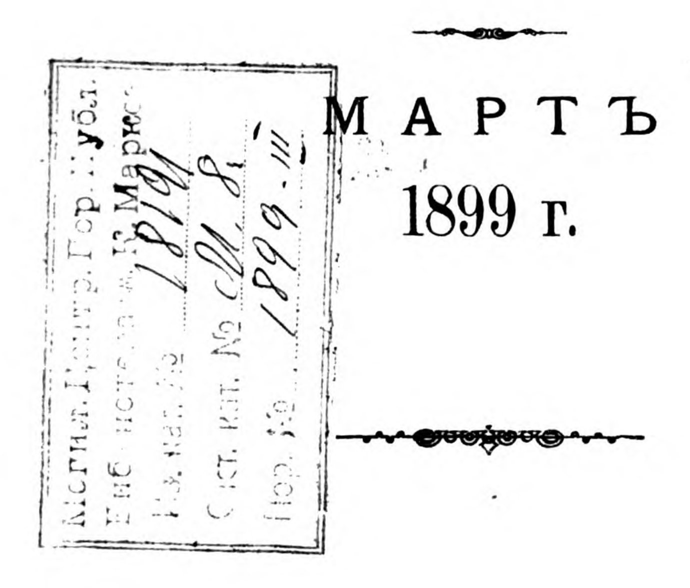
МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

МАРТЪ

1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1899.

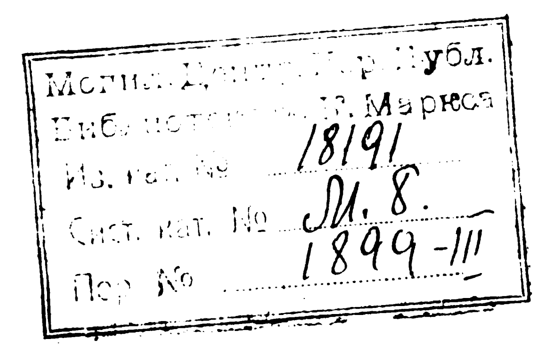
Дозволено цензурою 24 февраля 1899 г. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вв. въ связи съ общественнымъ движеніемъ на Западѣ.

Проф. **Р. Виппера.**

I. Вступленіе. «Новая наука» Вико.

Цѣль предстоящихъ очерковъ подойти къ объясненію общественныхъ ученій и историческихъ теорій XIX вѣка путемъ характеристики главныхъ системъ соціальной и исторической мысли двухъ послѣднихъ столѣтій, по возможности намѣчая условія, въ которыхъ эти системы возникли.

Историческія теоріи мы будемъ разсматривать при этомъ не въ ихъ связи съ извѣстными методическими пріемами и спеціальными изслѣдованіями матеріала, а общественныя ученія не какъ практическія программы въ партійной и политической жизни. Тѣ и другія будутъ занимать насъ, какъ одна опредѣленная сторона общаго міровоззрѣнія. Въ этомъ отношеніи между тѣми и другими существуетъ самая тѣсная и несомнѣнная связь. Общественныя ученія и историческія теоріи, это — если угодно — двѣ формы одного и того же интереса, одного и того же запроса. Всякое общественное ученіе исходитъ отъ впечатлѣній, данныхъ существующимъ порядкомъ, отъ оцѣнки его; впереди оно рисуетъ извѣстный идеалъ, а въ прошломъ предполагаетъ такія начала, изъ которыхъ могла или должна была сложиться организація, пригодная къ достиженію этого идеала. Поэтому, когда общественное ученіе ставитъ цѣли въ будущемъ и оправдываетъ ихъ, когда оно критикуетъ настоящіе порядки, или объясняетъ, чѣмъ они держатся, оно уже заключаетъ въ себѣ историческую теорію.

Съ другой стороны общая историческая теорія никогда не есть одно созданіе ученаго любопытства или желанія держать въ порядкѣ общественный архивъ. Въ ней всегда стоитъ живой вопросъ: правиленъ или нѣтъ, крѣпокъ или нѣтъ общественный строй переживаемой эпохи? Устанавливая законъ для прошлаго, историческая теорія силою вещей высказывается о предстоящемъ. Эти вопросы и рѣшенія—вовсе не придатокъ къ исторической теоріи; въ нихъ—ея жизненный нервъ, ея главная побудительная сила.

Всякая общая историческая теорія есть критика и оцѣнка современнаго ей общества. Обратно, всякое толкованіе живого общественнаго строя, т. е. всякое общественное ученіе, должно выстроить себѣ историческіе подмостки, должно истолковать и прошлое.

Но нельзя сказать, чтобы каждое поколѣніе приносило съ собой совершенно новый планъ работы. Общія представленія болѣе живучи, они образуютъ болѣе широкія полосы, чѣмъ трудъ одного поколѣнія. Элементы ихъ медленнѣе слагаются и медленнѣе исчезаютъ. Идейная среда, въ которой мы живемъ и которой мы подчинены, шире, чѣмъ та, какую мы привыкли непосредственно чувствовать кругомъ себя.

Вотъ почему, въ изученіи элементовъ общественнаго и историческаго міровоззрѣнія XIX в., необходимо захватить еще вѣкъ назадъ, присоединить XVIII вѣкъ. Обратившись къ рубежу XVII и XVIII столѣтій, мы начнемъ тамъ, гдѣ возникаетъ сама наша терминологія общественной и исторической науки; мы встрѣтимся съ постановкой вопросовъ, близкой къ нашей, мы можемъ говорить до извѣстной степени какъ бы съ нашими современниками, съ людьми, сходными съ нами по своимъ запросамъ, тревогамъ и упованіямъ.

Моментъ, на которомъ придется остановиться, былъ сильный и оригинальный; недаромъ крупнѣйшій научный инициаторъ эпохи, о которомъ дальше пойдетъ рѣчь, Джанбатиста Вико, назвалъ свой методъ, свою систему фактовъ «новой наукой». Эта новая наука была наша историческая наука.

Что такое была исторія раньше для школъ, для сознанія интеллигентныхъ классовъ? Были многія исторіи, но не было одной исторіи. Была исторія священная и свѣтская, исторія греческая и римская, исторія церкви, имперіи и т. д. Это были группы, системы свѣдѣній, чисто описательныя, и онѣ играли роль дополнительную, пояснительную. Исторіи состояли въ вѣдомствѣ филологіи, и ихъ данныя заучивались, поскольку могли пригодиться для толкованія древнихъ писателей, отцовъ церкви и т. п.

Для тѣхъ, кто спрашивалъ о ходѣ цѣлаго, исторіи были задвинуты въ параллельные ряды и нанизаны въ одну цѣпь. Тому служили готовыя старинныя рамки: ихъ извлекали изъ Даніилова пророчества о четырехъ всемірныхъ монархіяхъ, послѣ которыхъ долженъ наступить конецъ міра. Такъ какъ конецъ міра все не наступалъ, то рубрика послѣдней монархіи, римской, непомѣрно растянулась, и внутри нея господствовалъ большой хаосъ.

Во второй половинѣ XVII в. одинъ филологъ предложилъ различать въ историческомъ прошломъ три періода, сообразно судьбамъ общечеловѣческаго научно-литературнаго языка, т. е. языка латинскаго: время чистой латыни—древность, время потемнѣнія и варварской латыни послѣ паденія римской имперіи, и время возрожденія чистаго языка древнихъ въ школѣ гуманистовъ. Къ такому раздѣле-

нію очень подошло любимое сравненіе филологовъ, сопоставлявшихъ жизнь человѣчества съ возрастами человѣка; второй періодъ получилъ названіе средняго возраста, или средняго вѣка. Вотъ начало нашего дѣленія на древность, Средніе вѣка и Новое время.

Новое филологическое дѣленіе давало внѣшнюю привязку, но не вносило общаго освѣщенія въ судьбы прошлаго. Для общественной мысли исторія могла оставаться мертвой грудой. Существовало насмѣшливое или пренебрежительное отношеніе къ ней, какъ къ нескладному хранилищу мелочей, именъ, оторванныхъ анекдотовъ, неправдоподобныхъ эпизодовъ, противорѣчивыхъ извѣстій. Кто искалъ точнаго метода, яснаго знанія, тотъ склонялся къ изученію физико-математическихъ наукъ. Вотъ какъ выражался объ изученіи исторической жизни прошлаго вождь этого научнаго направленія, Декартъ: «Зачѣмъ отдавать столько времени на языки (древніе) и на старыя книги съ ихъ исторіями и баснями? Вѣдь бесѣда съ людьми прежнихъ временъ все равно, что̀ путешествія. Хорошо поѣздить и посравнить, чтобы пріобрѣсти здравое мнѣніе о своихъ обычаяхъ и порядкахъ и не находить смѣшнымъ и глупымъ того, что̀ не похоже на наше. Но если много ѣздить, подъ конецъ станешь чужимъ въ своемъ отечествѣ и, если очень увлекаться тѣмъ, что было въ прошлые вѣка, останешься большею частью невѣждой относительно современности. Кромѣ того, басни настаиваютъ на многомъ, что̀ невозможно, да и самые надежные историческіе писатели измѣняютъ и преувеличиваютъ значеніе обстоятельствъ, чтобы сдѣлать ихъ болѣе интересными для чтенія».

Здѣсь сказывается не одно только отвращеніе къ «старымъ книгамъ и баснямъ»; съ нимъ соединяется сомнѣніе, чтобы не сказать, отрицаніе самой возможности исторической науки. Много значила та тяжелая форма, въ которой предлагались результаты изученія прошлаго. Вотъ какъ выражался объ учености своего времени Болингброкъ, одинъ изъ самыхъ тонкихъ умовъ начала XVIII в., набросавшій въ непринужденной свѣтской бесѣдѣ рядъ замѣчательныхъ мыслей о задачахъ исторіи: «Я бы готовъ лучше смѣшивать Дарія Кодомана съ Даріемъ Гистаспомъ и провиниться въ столькихъ хронологическихъ ошибкахъ, сколько когда-либо дѣлалъ еврейскій хронологъ, чѣмъ употребить полжизни на то, чтобы собрать весь ученый хламъ, наполняющій голову знатока древностей».

Большая доля этого отвращенія къ исторіи была вызвана протестомъ противъ школьнаго классицизма, въ оффиціальномъ вѣдѣніи котораго состояла исторія. Въ концѣ XVII в. во Франціи и Германіи передовые люди отрицали пользу воспитанія на устарѣлыхъ образцахъ, извлеченныхъ изъ жизни погибшаго міра; они были проникнуты слишкомъ высокимъ понятіемъ о достоинствѣ своего времени, о его крупныхъ научныхъ, художественныхъ и общественныхъ успѣхахъ, чтобы идти въ школу къ отставшей, какъ бы неоконченной цивилизаціи древнихъ.

*

Въ знаменитой «Параллели древнихъ и новыхъ» аббата Перро (1692 г.), авторъ иронизируетъ: «нападеніе на древность затрогиваетъ цехъ ученыхъ, которые могутъ потерять весь авторитетъ; это все равно, какъ если бы предложить пониженіе цѣнности монеты людямъ, у которыхъ все владѣніе въ капиталѣ и нѣтъ ни одной пяди земли». Перро продолжаетъ въ безцеремонномъ тонѣ: «Гимназіи много содѣйствовали обоготворенію древнихъ; тамъ только и дѣлаютъ, что хвалятъ классиковъ, а потомъ уже дѣйствуетъ привычка». «Привыкли мы, добавляетъ онъ,—и вообще слишкомъ переносить понятіе объ умственномъ и нравственномъ совершенствѣ на отдаленное прошлое, видѣть тамъ счастье и добродѣтель».

Подъ тяжесть этихъ нападокъ подпадала исторія, матеріалъ которой главнымъ образомъ сводился къ знанію древности. Въ этомъ матеріалѣ чувствовалась хаотичность и утомительная пестрота; данныя исторіи производили впечатлѣніе господства дикаго случая, безтолковаго нагроможденія, въ которомъ не разобралась и, пожалуй, не въ состояніи будетъ разобраться организаторская рука; все это вмѣстѣ съ закрадывающимся скептицизмомъ могло дать пищу пессимистическому взгляду на прошлое человѣчества. Двѣ мысли смѣшивались въ этомъ пессимизмѣ: отчаяніе найти какой-либо выходъ, нить истины среди пусторѣчивой, какъ казалось, неясной и лживой лѣтописи прошлаго, и горькое чувство къ самому прошлому.

У одного писателя начала XVIII в., трактовавшаго о «примѣненіи исторіи», есть такая рѣзкая фраза: «исторія знакомитъ насъ съ человѣческимъ тщеславіемъ и лживостью; мы узнаемъ не то, что дѣйствительно было, а лишь человѣческія мнѣнія о происшедшемъ».

Настроеніе это ярко и въ болѣзненной формѣ отражается на оригинальнѣйшей фигурѣ учено-публицистическаго міра конца XVII в., Пьерѣ Бэлѣ. Бэль—безпокойный искатель, мучившій и раздражавшій себя и другихъ вѣчнымъ сомнѣніемъ и недовѣріемъ; человѣкъ, полный живыхъ запросовъ и задыхавшійся въ массѣ мелочнаго, антикварнаго матеріала. Его знаменитый «Историческій и критическій словарь» представляетъ характерное столкновеніе педантической, неорганизованной учености, путающейся въ мелочахъ, вмѣстѣ съ жаждой исканія общаго смысла, съ постановкой общихъ научныхъ цѣлей въ исторіи. Критика Бэля не глубока: позади крупныхъ историческихъ именъ, позади обманчиваго паѳоса въ историческихъ изображеніяхъ онъ умѣетъ открыть лишь личные, часто низменные мотивы; онъ не схватываетъ глубокихъ пружинъ, основныхъ соціальныхъ факторовъ; но при тѣхъ данныхъ, которыми располагала наука его времени, онъ не въ силахъ былъ углубить свою критику, а между тѣмъ онъ долженъ былъ по своей натурѣ, онъ не могъ не рыться, не подкапываться, не встряхивать историческихъ свидѣтельствъ; онъ не могъ не обнаруживать въ сотый, тысячный разъ ихъ несостоятельности и противорѣчивости.

По временамъ Бэль приходитъ въ отчаяніе отъ этого зрѣлища и отъ результатовъ своей работы, и у него вырываются злыя признанія. Ему нравится заглавіе всемірной исторіи одного изъ раннихъ христіанскихъ писателей (Орозія): «О ничтожествѣ человѣческомъ». «Вотъ настоящій заголовокъ для исторіи вообще», говоритъ онъ. Исторія въ духѣ оптимизма противна ему: «это—все равно, что патріотическая ложь, изображающая только собственныя побѣды». Бэль видитъ, наконецъ, въ исторіи сплошное опроверженіе той идеи, что судьбами человѣческими руководитъ Провидѣніе: на землѣ, очевидно, нѣтъ награды добрымъ и возмездія злымъ. «Доводовъ нѣтъ противъ сомнѣнія, остается лишь надѣяться на благость св. Духа», такъ кончаетъ онъ, близкій къ утратѣ всякой надежды.

Внести въ исторію смыслъ, законъ и разумъ съумѣли не тѣ, кому было поручено попеченіе о ней. Не детальныя изслѣдованія двинули впередъ историческое пониманіе. Живые запросы къ исторіи исходили въ XVI и XVII вв. изъ среды практиковъ, такъ сказать, самого историческаго дѣла, изъ среды юристовъ и политиковъ. Ихъ главныя имена: Макіавелли, Бодэнъ, Гроцій, Гоббзъ. Событія, подъ вліяніемъ которыхъ сложились ихъ ученія, это—послѣдняя борьба независимыхъ республикъ Италіи, соціально-религіозныя войны во Франціи, освобожденіе Нидерландовъ, великая англійская революція.

Потребность оправдать свою общественно-политическую программу, выработать точныя раціональныя основы будущей политики ставила публицистовъ лицомъ къ лицу съ исторіей. Въ переживаемыхъ переворотахъ, въ смѣнѣ политическихъ формъ они искали опредѣленнаго закона и послѣдовательности; подъ вліяніемъ кризисовъ они стремились уяснить условія жизни и паденія этихъ формъ. Естественно было съ ихъ стороны искать въ прошломъ аналогій, сравнивать конкретныя историческія явленія, отыскивать въ нихъ типичное, общее, присматриваться къ элементамъ правильнымъ, повторяющимся.

Въ публицистикѣ XVI и XVII вв. возвращается постоянно одна мысль: что общественно-политическія формы имѣютъ свою естественную исторію, что онѣ вытекаютъ изъ нѣкоторыхъ основныхъ свойствъ человѣческаго существа, развиваются подъ вліяніемъ толчковъ, данныхъ внѣшней природой, географическими условіями; что онѣ должны повторяться съ неизмѣнной правильностью тамъ, гдѣ образуются вновь сходныя условія.

Гоббзъ ставитъ будущее общественной науки въ прямую зависимость отъ открытія точныхъ законовъ, равныхъ математическимъ. Онъ думаетъ больше. «Если бы взаимоотношенія человѣческихъ поступковъ могли быть опредѣлены съ тою же увѣренностью, какъ и количественныя отношенія геометрическихъ фигуръ,—честолюбіе и жадность стали бы безоружны, такъ какъ ихъ могущество опирается лишь на ложныя воззрѣнія о правѣ и неправдѣ, и родъ человѣческій

сталъ бы пользоваться непрерывнымъ миромъ, который не нарушался бы никакой борьбой».

Въ политическихъ буряхъ XVI и XVII вв., въ борьбѣ короны и сословій выдвинулся вопросъ о предѣлахъ принудительной власти и о правахъ личности въ общественномъ союзѣ. Въ разсужденіяхъ по этому поводу обращали вниманіе на то, что организація власти, устройство общества ясно отражаютъ въ себѣ сознательную работу людей, обнаруживаютъ много искусственности. Спрашивалось, какъ согласовать эти искусственные элементы съ тѣмъ, что вложила въ людей природа, съ ихъ естественными свойствами и влеченіями? Происходитъ ли въ культурно-политической средѣ нарушеніе естественнаго закона, или его дальнѣйшее развитіе и приложеніе?

Вопросы эти, живо волновавшіе общество во второй половинѣ XVII в., такъ или иначе выдвигали историческую тему, именно проблему о раннемъ первобытномъ состояніи людей. Надо было прежде всего опредѣлить, что такое «естественный человѣкъ», отыскать его вживь, въ конкретномъ видѣ. Матеріалистъ Гоббзъ выставилъ теорію «человѣка-звѣря». Звѣремъ былъ человѣкъ въ первобытномъ состояніи, и это звѣрство кроется въ немъ сейчасъ, въ культурной средѣ и всегда останется, сдерживаемое лишь принужденіемъ, государственнымъ деспотизмомъ. «Когда ты отправляешься въ путешествіе, говоритъ Гоббзъ, зачѣмъ ищешь ты спутниковъ, берешь оружіе? Когда идешь спать, зачѣмъ запираешь двери? Если ты такъ поступаешь подъ охраной законовъ и ихъ служителей, не очевидно-ли отсюда, какое мнѣніе у тебя о своихъ согражданахъ, сосѣдяхъ, домочадцахъ? Ты именно предполагаешь наличность естественнаго состоянія». Гоббзу возражали, что доля того сдерживающаго начала, которое онъ приписывалъ искусственной силѣ, принадлежитъ природѣ человѣка и было въ человѣкѣ ранней первобытной эпохи; слѣдовательно, извѣстная доля свободы необходима. Историческій вопросъ былъ здѣсь тѣсно связанъ съ соціально-политическимъ

Въ этомъ спорѣ надо обратить вниманіе на одну черту, которую можно было бы назвать реализмомъ изслѣдованія. Мѣсто богословскихъ цитатъ, отвлеченныхъ формулъ, взятыхъ у римскихъ юристовъ, заняли ссылки на типическія явленія окружающей политической и культурной жизни; въ нихъ стремились путемъ внимательнаго изученія прочитать неясныя очертанія ранней поры и пройденнаго съ тѣхъ поръ развитія. Рядомъ съ этимъ въ фактическомъ матеріалѣ важное мѣсто заняло изслѣдованіе быта современныхъ дикарей, особенно Америки, въ качествѣ живыхъ представителей первобытнаго естественнаго состоянія.

Мы уже на порогѣ «Новой науки» Вико, но нужно отмѣтить еще одну черту эпохи. Люди, возсоздавшіе путемъ самостоятельнаго анализа картину начала человѣчества, обнаруживали большую смѣлость кри-

тической мысли. Писанное слово, покрытое именемъ классическаго ритора или философа, не оказывало на нихъ болѣе чарующаго впечатлѣнія, не казалось имъ гравированнымъ памятникомъ. Пробудилось сознаніе нетвердости всей этой традиціи, наивности ея, наличности въ ней вымысла и догадки, съ которой рядомъ можно поставить вѣдь и свою догадку; сознаніе это характеризуетъ отношеніе передовыхъ слоевъ общества ко всей старой литературѣ, которую твердили въ школахъ и изъ разноцвѣтныхъ лоскутовъ которой сшивали безконечно и неутѣшительно тягучую ткань. Образованный человѣкъ конца XVII в. выросъ выше сказокъ о римскихъ царяхъ и анекдотовъ о греческихъ тираннахъ и законодателяхъ, и онъ готовъ былъ выкинуть изъ науки вовсе эту дѣтскую забаву, пожертвовать фиктивнымъ знаніемъ о раннихъ вѣкахъ, начинать съ достовѣрныхъ позднихъ временъ, чтобы построить реальную картину историческаго развитія.

Много живыхъ запросовъ было поднято въ области общественно-исторической мысли въ концѣ XVII в. и къ нимъ приступали съ большою смѣлостью анализа и критицизма. На этой почвѣ выросла удивительная книга неаполитанскаго юриста-философа Джанбатиста Вико, вышедшая въ 1725 г. подъ заглавіемъ «Новая наука».

Ближайшая обстановка, въ которой пришлось дѣйствовать этой богатой, творческой головѣ, была очень невыгодной. Въ эпоху жизни Вико (род. 1668 г., ум. 1744 г.) Италія была одной изъ отсталыхъ странъ Европы. Въ ея искусствѣ и литературѣ господствуетъ тусклое подражательное направленіе, наклонность къ вульгарной или педантической реторикѣ. Политическая среда Италіи, особенно Неаполя, далека отъ борьбы крупныхъ принциповъ. Въ наукѣ преобладаетъ модное картезіанство, философія, которая обѣщала простой и точный методъ, исходила отъ довѣрія къ личному сознанію, къ разсудку человѣка, какъ силѣ ясной и безусловной; она какъ бы ставила человѣка сразу на опредѣленный путь, не отвлекая его вопросомъ о томъ, какъ складывается, на чемъ держится наше сознаніе, она предлагала ему на выборъ ту или другую спеціальную область, гдѣ оставалось лишь примѣнять опредѣленные пріемы.

По мнѣнію Вико, въ этомъ печальномъ съуженіи культурнаго сознанія погибъ тотъ всесторонне одаренный и развитой человѣкъ, какимъ былъ въ свое время, какъ онъ думалъ, греческій философъ, заключавшій «въ самомъ себѣ цѣлый университетъ», или многоопытный въ жизни римскій юристъ-практикъ.

Самъ Вико—одна изъ тѣхъ натуръ, которыя въ своей глубокой внутренней жизни способны проникаться далекой традиціей, а съ другой стороны, чутко отзываться на общіе вопросы эпохи, поднимающіе ихъ надъ ближайшей средой. Какъ юристъ, Вико сильно заинтересовался

публицистикой XVII в.; подъ ея вліяніемъ, онъ уже не могъ удовольствоваться логическимъ истолкованіемъ и нанизываніемъ принциповъ права; онъ хотѣлъ понять формы права въ связи съ общественно-политическими переворотами, которые вызываютъ эти формы къ жизни онъ искалъ въ правѣ выраженія и закрѣпленія успѣховъ общественнаго развитія.

Въ Вико есть и черты стараго гуманизма съ его непосредственнымъ чутьемъ древней жизни и литературы; въ эпоху господства реторическихъ книжекъ и плоскихъ обработокъ, онъ точно сохранилъ истинный кладъ старинной славы Италіи, еще покрытой сотней обломковъ античной культуры и словно озаренной ея солнцемъ. Наконецъ, въ немъ есть черты мистицизма, его богатое воображеніе какъ бы способно переходить въ пророческія видѣнія; эта сторона духовнаго склада Вико сближаетъ его съ католическими энтузіастами прежнихъ временъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ведетъ его къ поэтической философіи Платона.

Вико не могъ принять господствующей философіи своего времени. Область знанія, доступная точнымъ вычисленіямъ, открытая разсудку отдѣльнаго человѣка, по его мнѣнію, тѣсна и ограничена. Но она окружена обширной областью вѣры, областью таинственнаго и неуловимаго, областью вѣроятнаго. Эта область стоитъ передъ нами въ своихъ символахъ, въ безконечныхъ комбинаціяхъ вещей, въ разнообразныхъ сочетаніяхъ человѣческихъ отношеній. Въ свою очередь, эти символы и знаки кажутся Вико отраженіями безконечно прекраснаго вѣчнаго міра идей, по образу которыхъ складывается земная жизнь.

Смыслъ явленій въ области вѣроятнаго, эта болѣе глубокая, хотя и болѣе смутная истина не открывается прямымъ и механическимъ вычисленіемъ. Такіе пріемы—«оковы для духа, привыкшаго пробѣгать безграничное поле общихъ идей». Творческія силы человѣка далеко не ограничиваются предѣлами того, что ясно сознается. «Подобно тому, какъ Богъ—геній міра, говоритъ Вико, такъ человѣческій геній—богъ въ человѣкѣ. Не случалось ли вамъ въ порывѣ сильной воли совершать дѣла, которымъ вы послѣ изумлялись и которыя вы склонны были скорѣе приписать Богу, чѣмъ самому себѣ?»

Личный разсудокъ, предоставленный самому себѣ, лишь разъединяетъ людей. Истинная мудрость, а потому и движущій въ человѣческомъ мірѣ факторъ, заключается въ обществѣ, въ народной массѣ, въ коллективной жизни, въ инстинктѣ группы, который есть несознанный разумъ.

На этой мысли основаны юридическія работы Вико: онъ хочетъ открыть въ правѣ выраженіе народнаго духа. Эта мысль указываетъ задачу и его великому и послѣднему труду «Новой наукѣ». Вико хочетъ раскрыть въ общей природѣ народовъ, въ ихъ однородномъ культурномъ достояніи вѣчныя начала общежитія и вѣчныя основы права. Если мы встрѣчаемъ у народовъ, не знавшихъ другъ друга, сходныя

понятія, формы языка, миѳы, обычаи, то здѣсь заключено доказательство и выраженіе великаго общаго факта. Это значитъ, что «идеальная исторія» начертана впередъ и составляетъ великій планъ Божій, по которому все развивается въ человѣческомъ мірѣ. Иначе говоря, Провидѣніе дало «общинѣ человѣческаго рода» неизмѣнные законы. Поэтому изученіе исторической жизни Вико называетъ въ свойственной ему патетической терминологіи «гражданскимъ и разсудочнымъ богопознаніемъ».

Но высшая воля не вмѣшивается непосредственно въ ходъ вещей. Единственное чудо міра, и чудо изъ чудесъ, это—неуклонное дѣйствіе тѣхъ силъ, изъ которыхъ слагается общество, и которыя лежатъ въ глубокихъ основныхъ человѣческихъ свойствахъ. Божественная воля лишь создаетъ общія необходимыя отношенія, даетъ общій первоначальный толчокъ. Само общество есть продуктъ человѣческой работы. Всѣ общества идутъ по одному пути; гдѣ и сколько бы разъ ни начиналась исторія, она всюду и вѣчно будетъ повторять тѣ же формы пройдетъ одинъ и тотъ же кругъ.

Какія же у историка средства познанія этого пути? Разъ соціальный міръ есть созданіе людей, въ умѣ культурнаго человѣка, въ духовномъ наслѣдіи, которымъ онъ располагаетъ, должны были отложиться всѣ пройденныя измѣненія, должны были остаться слѣды пережитыхъ эпохъ, настроеній и мыслей. Поэтому, восходя правильнымъ методомъ, можно разсказать себѣ всю исторію прошлаго. «Въ этой исторіи не будетъ ошибокъ, если тотъ, кто участвуетъ въ историческомъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ является лицомъ, разсказывающимъ исторію». «Исторія можетъ стать наукой, столь же точной, какъ и геометрія, потому что она создаетъ изъ самой себя міръ извѣстныхъ величинъ, строитъ сама себя изъ собственныхъ элементовъ».

Въ этой для насъ нѣсколько необычной формѣ заключена сильная и глубокая мысль. Вико хочетъ сказать, что новыя поколѣнія выстраиваютъ себѣ исторію сообразно своимъ понятіямъ и запросамъ, по своему разумѣнію и жизненнымъ цѣлямъ, въ которыхъ, въ свою очередь, отразился опытъ вѣковъ.

Вико убѣжденъ въ томъ, что потребности людей, ихъ свойства по существу остаются тѣ же на всемъ протяженіи исторіи; измѣняется ихъ форма по мѣрѣ постепеннаго ихъ роста. Мало развитой человѣкъ живетъ воображеніемъ, страстью, жаждой непосредственнаго удовлетворенія, культурный—разсудкомъ, рефлексіей, онъ приспособленъ и методиченъ. Но между чувствомъ, между безсознательной жизнью ранняго времени и интеллектомъ, сознательнымъ и искусственнымъ строеніемъ послѣдующей эпохи—органическая связь. Культура есть утилизація страстей, первоначально грубыхъ свойствъ. «Физика невѣжды есть первобытная философія». Философія есть замѣна религіи на извѣстной ступени развитія.

Человѣкъ всегда толкуетъ окружающій міръ по себѣ, по мѣркѣ своихъ качествъ и силъ: чѣмъ ниже онъ стоитъ, тѣмъ сильнѣе воображеніе, тѣмъ болѣе окружаетъ онъ себя идеальнымъ міромъ символовъ, образныхъ объясненій. «Невѣжественный человѣкъ строитъ весь міръ по своему образу и подобію». Задача науки и состоитъ въ томъ, чтобы сквозь маску этой символической, обманчивой, субъективной традиціи вѣковъ разгадать истинныя и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянныя жизненныя условія отдаленныхъ временъ и вообще всѣхъ временъ. Съ этой точки зрѣнія Вико нашелъ возможнымъ примѣнить новый методъ къ изученію древности.

Дошедшія до насъ сказанія, историческіе романы и анекдоты не даютъ, конечно, картины исторической дѣйствительности. Но они заключаютъ въ себѣ вмѣстѣ съ сохранившимися формами языка, литературными оборотами, обрывочными слѣдами вѣрованій и обычаевъ,—символы пережитыхъ настроеній, понятій и бытовыхъ формъ. По этимъ обломкамъ старины—переживаніямъ, какъ мы привыкли говорить,—историкъ можетъ возсоздать прошлое, читая въ переданныхъ знакахъ эпохи идеи и соціальныя состоянія.

Въ развитіи обществъ Вико различаетъ три великія эпохи. Первая изъ нихъ представляется ему дѣтствомъ народа, когда зачатки будущихъ культурныхъ потребностей являются лишь въ видѣ грубыхъ инстинктовъ. Проблема ранняго первобытнаго состоянія сильно занимала его, какъ и его современниковъ. Но картина этого состоянія у Вико въ сравненіи съ догадками юристовъ и политиковъ XVII в. поражаетъ удивительнымъ историческимъ реализмомъ.

Люди ранней эпохи кажутся Вико похожими на гомеровскихъ циклоповъ. Это были крупныя физически существа, великаны, скорѣе звѣри, не отличавшіеся отъ другихъ звѣрей даже выпрямленнымъ положеніемъ на двухъ ногахъ; волосатые, съ гривой, закрывавшей лицо, съ острыми ногтями, которыми они защищались, они не ходили, а скорѣе ползали и карабкались по кустарнику и терну, покрытые грязью; никогда не поднимали они дикаго мутнаго взгляда вверхъ къ небу; они испускали лишь хриплые, нечленораздѣльные крики. Царь созданія мало отличался отъ самыхъ низкихъ представителей его. Всѣ его данныя спали бездѣятельно и выражались лишь въ простой потребности существованія; онъ не имѣлъ ни Бога, ни закона.

Новая жизнь началась, когда впервые люди были поражены ударомъ грома. Вико выставляетъ при этомъ своеобразную космическую гипотезу: образованіе современной атмосферы, облегающей землю—моложе происхожденія человѣка, и гроза—явленіе позднее. Страхъ, вызванный новой стихіей, создалъ первую вѣру. Опасность исходила отъ неизвѣстнаго и недоступнаго неба; она заставила грубыхъ великановъ попрятаться по пещерамъ—такъ образовалось первое жилище; съ отдѣльными дикарями укрылись похищенныя ими женщины—такъ началась семья.

Они подняли глаза кверху и впервые начали размышлять: они предположили живое страшное существо, Юпитера, который гнѣвается на нихъ. Таковъ смыслъ всюду встрѣчающагося миѳа, что «Юпитеръ низвергнулъ гигантовъ». Этотъ миѳъ ничто иное, какъ память о фактѣ, дѣйствительномъ земномъ фактѣ, въ томъ видѣ, какъ онъ отразился въ дикомъ воображеніи. Тотъ же смыслъ имѣетъ миѳъ о Прометеѣ, прикованномъ къ скалѣ, между тѣмъ какъ его сердце пожираетъ орелъ Юпитера. Это значитъ: люди были прикованы къ мѣсту ужасомъ, и гаданія по вѣщей птицѣ бога охватили душу ихъ.

Здѣсь впервые проявилось основное человѣческое свойство—возвеличивать неизвѣстное. Слѣпое преклоненіе передъ созданіемъ своего страха было необходимо для возникновенія общественности у этихъ людей; никакая другая власть, кромѣ религіи ужаса, не могла бы сломить той безсмысленной похвальбы силою, которая разъединяла до тѣхъ поръ людей. Мысль о гнѣвѣ бога заставила пробужденныхъ дикарей различать дозволенное и постыдное, внесла первый зачатокъ понятія о добрѣ и злѣ. Они старались по внѣшнимъ признакамъ предупредить его гнѣвъ, узнать его волю. Такъ произошли гаданія, начался культъ. Изъ знаменій создался особый таинственный языкъ, особое мистическое искусство.

Происхожденіе каждаго бога по Вико объясняется изъ какой-нибудь новой общественной потребности или новаго рода отношеній. Во всякомъ дѣлѣ, во всякомъ пріемѣ и привычкѣ, во всякой сложившейся формѣ въ тотъ дѣтскій вѣкъ предполагали творца, охранителя. Когда установилась моногамическая семья, явилось божество, олицетворявшее и охранявшее бракъ, Юнона. Когда появился новый культурный обычай—хоронить умершихъ, которыхъ до тѣхъ поръ бросали, когда возникла членораздѣльная рѣчь—создали бога Аполлона.

При помощи такого толкованія Вико раскрывается глубокій историческій смыслъ миѳологіи: это—безсознательная лѣтопись первыхъ шаговъ культуры; во всякой чертѣ сказаній о богахъ кроется символъ какой-либо новой мысли, появленія новой наклонности, перемѣны строя. Съ другой стороны Вико хочетъ показать, что культурный міръ есть созданіе міра соціальнаго.

Чувственные образы, это та единственная форма, въ которой неразвитой человѣкъ выражаетъ свой опытъ, свои идеи. Что потомъ приметъ форму отвлеченій и разсужденій, то пока у безпомощныхъ умовъ вылѣпляется конкретно и рѣзко. Вико дѣлаетъ рядъ интересныхъ психологическихъ сопоставленій. Заика, чтобы совладать съ помѣхой, съ несовершенствомъ своей рѣчи, начинаетъ пѣть: не надо удивляться поэтому, что музыка, пѣніе явилось раньше правильной рѣчи, стихи раньше прозы. Ребенокъ называетъ все окружающее собственными именами, потому что онъ не умѣетъ обобщать. Языкъ людей въ раннюю эпоху также отвѣчаетъ отрывочности ихъ представ-

леній: онъ состоитъ изъ собственныхъ именъ отдѣльныхъ вещей или явленій. Слова односложны и не связываются въ предложенія. Жесты, знаки должны сопровождать рѣчь; на помощь ей является рисунокъ, этотъ первоначальный видъ письма: іероглифы такимъ образомъ старше правильной рѣчи. Другая помощь языку—пантомима, воспроизведеніе того дѣйствія, которое хотятъ закрѣпить, освятить. Такъ какъ все ставится подъ охрану божества, то языкъ обращается въ соединеніе именъ боговъ и названій ихъ качествъ и поступковъ, а жизнь представляетъ рядъ нѣмыхъ актовъ религіи.

Всю мудрость и опытъ люди въ это время выводятъ отъ боговъ; поэтому тѣ, кто объявляетъ волю боговъ, отцы семействъ, патріархи,—полные господа надъ женами и дѣтьми: они царьки и жрецы. Древніе называютъ этотъ вѣкъ божественнымъ, и мы присоединимся къ этому, названію, разумѣя подъ нимъ эпоху обоготворенія силъ. Таково, думаетъ Вико, должно быть истинное историческое представленіе о томъ, что иные воображали золотымъ блаженнымъ вѣкомъ. Божественный вѣкъ создалъ страшные кровавые культы; иго патріарховъ было сурово и жестоко, но грубыя натуры этого времени только этими средствами можно было сдержать и дисциплинировать: семейный деспотизмъ приготовлялъ къ повиновенію гражданскимъ законамъ.

Далеко не всѣ люди организовались въ это первоначальное общество. Между тѣмъ какъ познавшіе боговъ властелины семей укрѣпились на высотахъ, внизу продолжалась дикая борьба за существованіе среди людей-звѣрей, жившихъ стаднымъ образомъ. Отъ самыхъ страшныхъ изъ нихъ бѣжали несчастные остальные и искали спасенія у священныхъ очаговъ и у стѣнъ, сложенныхъ отцами первыхъ семей. Тѣ приняли ихъ подъ защиту, спустились въ долины и истребили ужасныхъ разбойниковъ. Такъ они стали героями. Типическія черты возникающаго героическаго вѣка и характеръ властныхъ богатырей-благодѣтелей отразились въ новыхъ миѳологическихъ фигурахъ. Таковъ Геркулесъ. Это опять идеальный типъ, это—цѣлая группа людей, поставленныхъ подъ одно собственное имя.

Защита была дана не даромъ. Бѣглецы были взяты скорѣе въ качествѣ домашнихъ животныхъ; полная покорность требовалась отъ нихъ; ихъ заставили работать на землѣ и приносить съ нея продукты. У этихъ рабовъ и кліентовъ не было религіи, т. е. они не могли сами обращаться къ богамъ и не знали божественной мудрости; у нихъ не было священнаго брака, собственности, у нихъ даже не было именъ.

Когда зависимыхъ людей становится много, они начинаютъ требовать себѣ лучшаго положенія. Эта опасность заставляетъ героевъ или отцовъ соединиться тѣснѣе; такъ возникаетъ первая община, государство, сосредоточенное въ укрѣпленномъ городѣ. Въ немъ живутъ властелины семей и господа надъ зависимыми; они составляютъ общій совѣтъ, сенатъ. Первое правительство, слѣдовательно, было аристократическое.

Аристократическій вѣкъ героевъ хорошо можно себѣ представить потому, что до насъ дошелъ несравненный памятникъ, поэмы Гомера. Вико дѣлаетъ здѣсь научный шагъ поразительной смѣлости для своего времени: онъ отрицаетъ Гомера, какъ личность, какъ индивидуальнаго творца поэмъ. Но Вико не останавливается на скептицизмѣ и старается возстановить, что̀ крылось подъ этой идеальной фигурой и какъ она создалась въ представленіяхъ. Между Иліадой и Одиссеей прежде всего разница эпохъ: одна—принадлежитъ времени молодыхъ героическихъ порывовъ, которые олицетворены въ горячемъ юношѣ Ахиллѣ, другая—болѣе уравновѣшенной зрѣлой эпохѣ, представитель которой—многоопытный Одиссей. Та и другая—собраніе пѣсенъ, сложенныхъ народными пѣвцами; онѣ отразили знанія, чувства, обычаи, обстановку общества, которое слушало эти пѣсни, а Гомеръ лишь собирательное имя, идеальный типъ нищаго, странствующаго сказителя, поющаго на праздникахъ. Гомеръ, это—цѣлая цивилизація. Понятны споры о времени, когда онъ жилъ: вѣдь Гомеръ дѣйствительно жилъ въ теченіе пяти вѣковъ, которые прошли отъ троянской войны до эпохи достовѣрной—онъ жилъ въ устахъ и памяти людей.

Къ такимъ же заключеніямъ приходитъ Вико, всматриваясь въ традиціонныя фигуры законодателей, основателей государствъ, каковы Ликургъ, Ромулъ и др. Римская конституція въ легендѣ изображена вышедшей изъ головы Ромула. Люди освящаютъ память объ учрежденіяхъ, составляющихъ основу ихъ общежитія. Историкъ долженъ разобрать сдвинутыя подъ собственное имя группы впечатлѣній или черты строя, которыя принадлежатъ цѣлой эпохѣ.

Въ идеальной фигурѣ историкъ долженъ распознать характеръ общественнаго класса. Міръ всегда управлялся «лучшими», сильнѣйшими и способнѣйшими. Сила патріарховъ, первыхъ «одинокихъ государей» опиралась на физическія свойства, породу, полъ, возрастъ и мужество. Когда ихъ потомки, герои, соединились противъ простолюдиновъ, они захватили себѣ власть въ городской общинѣ, объявивъ себя единственными истолкователями гаданій и знаменій. Это право они основывали на «благородномъ» происхожденіи отъ «дѣтей боговъ». Мѣсто физическаго преимущества заняла теперь случайность происхожденія.

Судебное разбирательство эпохи героевъ состоитъ изъ религіозныхъ церемоній и мистическихъ словъ, смыслъ которыхъ только имъ понятенъ; добиться чего-нибудь передъ судомъ значитъ примѣнить подходящіе обряды и формулы. Подчиненные должны благоговѣйно внимать и безпрекословно повторять ихъ; потребовать объясненія священнаго права—значитъ совершить кощунство.

Герои выработали новый языкъ. Это—языкъ метафоръ, сравненій, о которыхъ можно судить по рисункамъ и девизамъ рыцарскихъ гербовъ. Они не говорили: «я разсерженъ», а выражались: «кровь кипитъ

въ моихъ жилахъ». Право эпохи отражаетъ ея воинственныя черты. Судебныя тяжбы рѣшаются поединками. Понятія врагъ и чужой покрываются однимъ и тѣмъ же словомъ, потому что между сосѣдними общинами вѣчная вражда. Герои гордятся прозваніемъ разбойниковъ. Рѣзкими противниками стоятъ другъ противъ друга сословія: патриціи въ Римѣ клялись вѣчною ненавистью плебеямъ.

Но народъ, плебеи, бывшіе крѣпостные, становятся все сильнѣе. Надо идти на уступки. Преграды расшатываются, тайны падаютъ. Потомкамъ богатырей, которые вели себя отъ боговъ, приходится допустить смѣшанные браки съ простолюдинами, принять новыхъ людей въ свою среду. Наступаетъ человѣческій вѣкъ. Заслуга, богатство выдвигаются рядомъ съ божественнымъ происхожденіемъ. Главными добродѣтелями становятся предусмотрительность, трудолюбіе, бережливость. Мѣняются понятія, языкъ, обычаи. Люди привыкаютъ разсуждать и анализировать; они начинаютъ обобщать и дѣлать отвлеченія. Народъ хочетъ справедливости для всѣхъ. Старая исключительность кажется ему предразсудкомъ и онъ требуетъ равенства, одинаковаго писаннаго закона. Постепенно слагается вторая политическая форма, демократія.

Во всякой формѣ есть зачатки паденія. Народъ, шумѣвшій противъ тиранніи героевъ—самъ хочетъ быть неограниченнымъ властелиномъ. Но въ его средѣ новое раздвоеніе: богатые притѣсняютъ бѣдныхъ; на защиту послѣднихъ встаютъ честолюбивые вожди. Споры рѣшаются все чаще и чаще силою и отсюда возникаютъ гражданскія войны.

Умственное движеніе отвѣчаетъ этому ряду соціальныхъ явленій. Съ паденіемъ героевъ исчезли наслѣдственныя моральныя качества, религія не можетъ болѣе внушать возвышенныхъ поступковъ, и на смѣну ея является философія, объясняющая людямъ идею добродѣтели. Философіи отвѣчаетъ краснорѣчіе, которое въ народныхъ республикахъ горячо взываетъ къ уваженію добродѣтели. Философія и краснорѣчіе клонятся постепенно къ упадку: первая впадаетъ въ скептицизмъ и отрицаніе, а ложная реторика начинаетъ защищать безразлично взаимно противорѣчащія положенія. И въ умственномъ отношеніи, слѣдовательно, наступаетъ разрушеніе и анархія.

Анархія заставляетъ народъ прибѣгнуть къ господству одного, къ монархіи. Монархія основывается на охранѣ слабыхъ и потому должна управлять въ народномъ духѣ. Государь принижаетъ крупныхъ людей, ослабляетъ строгія наказанія, уменьшаетъ страшную отцовскую власть первыхъ вѣковъ. Мягкость закона нисходитъ до раба: не только сословія, но и національности растворяются широко въ гражданствѣ.

Но новая власть, по Вико, въ свою очередь, принижаетъ и развращаетъ народъ. По мѣрѣ того, какъ люди уходятъ отъ политической жизни и улучшаютъ свое благосостояніе, они теряютъ вкусъ къ круп-

ному, возвышенному, впадаютъ въ низменные интересы, утрачиваютъ чувство взаимной связи. Общество распадается, люди начинаютъ служить своимъ грубымъ прихотямъ и капризамъ; наступаетъ какъ бы снова варварство. Но въ первомъ варварствѣ была дикость, во второмъ—низость. Пусть же погибаетъ это общество, пусть города замѣняются лѣсами!

Хорошо, если въ этотъ моментъ явится дикій свѣжій народъ: онъ подчинитъ опустившуюся массу бывшихъ культурныхъ людей, которые по уровню, впрочемъ, уже недалеки отъ него. Такими спасителями для распавшагося римскаго общества были дикіе германцы. Огрубѣвшіе люди нисходятъ на уровень первоначальныхъ потребностей; тогда они опять становятся воспріимчивы къ культурѣ. Со старинной простотой возвращается благочестіе и правдивость.

Средневѣковое варварство во всѣхъ своихъ чертахъ есть возрожденіе божественнаго вѣка. Люди вернулись къ началу круга. Опять передъ нами теократія, власть истолкователей божьей воли. Католическіе государи снова надѣли одежду діаконовъ, помѣстили крестъ на оружіи, на своихъ коронахъ. Вернулись религіозныя войны древности: когда подступаютъ къ враждебному городу, то стараются отнять у него мощи или перезвать на свою сторону святого - патрона города такъ же, какъ прежде старались открыть имя чужого бога и перетянуть его къ себѣ. Возвращается божій судъ, поединокъ. Опять въ ходу героическіе разбои; часовни, жилища епископовъ и аббатовъ служатъ убѣжищемъ, какъ въ прежнія времена алтари патріарховъ. Слабые отдаются подъ защиту и въ рабское услуженіе сильныхъ. Положеніе вассаловъ въ феодальномъ строѣ вполнѣ напоминаетъ зависимость кліентовъ отъ римскихъ патриціевъ. Опять наступаетъ нѣмой вѣкъ, потому что побѣдители и побѣжденные не понимаютъ другъ друга. На обыденномъ языкѣ нѣтъ болѣе письма: на домахъ, могилахъ, щитахъ снова явились символы и рисунки.

Общество человѣческое прошло полный кругъ и люди вступили снова на прежній путь; предстоитъ-ли новоевропейскимъ народамъ, въ свою очередь, пробѣжать уже отмѣченныя ступени до впаденія въ варварство, и будетъ ли круговоротъ безконечно одинаковымъ?—Вико колеблется. Съ одной стороны, общество человѣческое подчинено тѣмъ же законамъ, какъ личность: оно старится и умираетъ. Съ другой, Вико кажется, что Провидѣніе ведетъ человѣчество дальше впередъ, и онъ рисуетъ мечту какой-то универсальной республики, союза государствъ, въ которомъ единымъ монархомъ будетъ Богъ. Но этотъ мистическій порядокъ будущаго больше похожъ на символъ разумнаго, неизмѣннаго закона возобновляющагося кругового развитія: кругъ вращается около себя и, вращаясь, подвигается къ вѣчности, слѣдовательно здѣсь мы уже внѣ исторіи; Вико уводитъ насъ въ свою религіозную утопію.

Только въ общихъ чертахъ можно было набросать идеи и картины «Новой науки» Вико. Но и этого достаточно, чтобы судить о поразительной силѣ и оригинальности книги, вышедшей 173 года тому назадъ, о близости ея мыслей къ научно-исторической работѣ нашего времени.

Вико ставитъ задачи уже въ духѣ нашего соціологическаго метода. Онъ идетъ путемъ сравненій и открываетъ въ развитіи обществъ одинаковыя для всѣхъ, неизмѣнно повторяющіяся, нормальныя ступени. Всѣ явленія каждой эпохи, черты права, хозяйства, религіи, искусства, языка образуютъ въ глазахъ Вико одну связную органическую систему: соціальная жизнь именно и составляетъ ихъ глубокое взаимодѣйствіе. Удивительная цѣльность представленій у Вико достигается при помощи его единственной въ своемъ родѣ, бьющей черезъ край фантазіи, его способности читать исчезнувшее цѣлое по уцѣлѣвшимъ обрывкамъ.

Особенно поражаетъ его глубоко историческое истолкованіе религіозныхъ понятій и языка. Въ противоположность позднѣйшимъ взглядамъ просвѣтительной философіи Вико не признаетъ, чтобы религія и языкъ были искусственно сочинены для опредѣленныхъ цѣлей. Вѣра и рѣчь рождаются изъ новыхъ соціально-психическихъ потребностей: онѣ отражаютъ въ себѣ мѣру способности человѣка схватывать смыслъ окружающихъ явленій и выражать ихъ значеніе для себя.

По остаткамъ старинной религіи и языка, въ свою очередь, историкъ можетъ возсоздать картину ранняго общества. Вико указываетъ, такимъ образомъ, впервые совершенно новый источникъ для изученія эпохи, которая не оставила намъ никакихъ собственныхъ сознательныхъ свидѣтельствъ.

Удивительно мѣтки и сильны его догадки въ объясненіи первыхъ шаговъ общественнаго союза людей, въ характеристикѣ стариннаго священнаго и аристократическаго права или поэтическаго творчества героическаго періода.

Но ни одна идея Вико не поражаетъ насъ, можетъ быть, съ такой силой, какъ его истолкованіе смысла великихъ людей въ исторіи. Вико не ищетъ вліянія такъ называемыхъ великихъ личностей на историческое развитіе. Самый вопросъ этотъ кажется ему дѣтскимъ, принадлежащимъ наивному вѣку. Онъ объясняетъ поэтому лишь, какъ складывается представленіе о великихъ людяхъ. Вожди человѣчества, будто бы совершившіе чудеса переустройства, назывались-ли они боги, герои или великіе законодатели—ничто иное, какъ продукты дѣтской фантазіи, миѳологическаго творчества; это—идеальныя коллективныя фигуры вѣковъ, это—символы обычаевъ и вѣрованій, типы общественныхъ классовъ. «Гермесы, Орфеи и Зороастры—не авторы, а продукты и результаты цивилизаціи». Невозможно поддаваться этому несовершенному пріему олицетвореній теперь, когда мы стараемся схва-

тить сложныя причины явленій, когда мы разсуждаемъ и оперируемъ отвлеченіями. Невозможно вставлять эти раскрашенныя картинки, помогать себѣ тамъ, гдѣ не хватаетъ объясненія внутренней связи, разсказами о чудесахъ, о сказочныхъ великанахъ и т. п.

Во всемъ этомъ Вико—предтеча нашихъ историческихъ взглядовъ, его «Новая наука» образуетъ первые проблески, первую манифестацію нашихъ научныхъ идей. Но надо отмѣтить въ немъ еще черту, характерную для соціальнаго сознанія начала XVIII в. Вико представляетъ исторію человѣческихъ обществъ въ видѣ круговорота, смѣны подъема и паденія; у него нѣтъ идеи непрерывнаго, неуклонно идущаго прогресса человѣчества. Въ исторіи Вико не видитъ единой великой восходящей линіи, захватывающихъ успѣховъ культуры, которыми будутъ восторгаться полстолѣтіе спустя. Человѣческій міръ распадается на круговые періоды, въ предѣлахъ которыхъ обособленныя общества самостоятельно выростаютъ и идутъ къ упадку, подобно жизни преходящаго растительнаго или животнаго существа. Вико цѣнитъ жизненныя черты этихъ смертныхъ коллективныхъ личностей болѣе, чѣмъ воображаемый путь перерожденій, черезъ которыя должно было пройти фиктивное цѣлое, называемое человѣчествомъ. Вико склоненъ думать, что самая блестящая цивилизація можетъ сама собою сокрушиться, что самый совершенный строй можетъ утратить свою силу, свой смыслъ, потерять цѣну для слѣдующихъ поколѣній.

Въ своей теоріи круговорота Вико является до извѣстной степени послѣднимъ гуманистомъ Италіи. Читая Вико, вы чувствуете, что картина круговой трансформаціи навѣяна исторіей Рима, все еще какъ будто живой и не сошедшей съ земли для итальянскаго мыслителя. «Идеальная исторія», которой искалъ Вико, какъ бы дана была ему уже въ судьбахъ Рима. Задолго до него Макіавелли вывелъ законъ смѣны политическихъ формъ, возвращенія ихъ къ своему началу, изъ исторіи Рима. Гораздо шире строитъ теорію круговорота мистикъ и соціалистъ XVI в., Кампанелла, сильно повліявшій на Вико. У него политическимъ поворотамъ соотвѣтствуетъ движеніе съ сферѣ религіозныхъ идей: за періодомъ господства авторитета, теократіей, идетъ распаденіе на ереси, атеизмъ, т.-е. умственная анархія, а въ ней коренится новое возвращеніе къ объединяющему и авторитарному началу, къ религіи.

Въ нашей наукѣ едва ли есть болѣе оригинальная, богатая творческая голова. Но въ исторіи науки вообще, этомъ великомъ мартирологѣ, съ трудомъ можно найти и болѣе трагическую судьбу. «Новую науку» Вико встрѣтили враждебно въ Италіи и едва замѣтили заграницей. Къ концу вѣка онъ былъ, по выраженію Гердера, «забытый человѣкъ». Когда его въ XIX в. извлекли изъ подъ спуда, многія идеи, впервые имъ высказанныя, были уже воспроизведены подъ вліяніемъ другихъ толчковъ и воздѣйствій, независимо отъ его великой книги.

Вико, слѣдовательно, даже не былъ учителемъ позднѣйшихъ поколѣній. Едва ли можно найти и болѣе трагическую жизнь, чѣмъ жизнь Вико, хотя въ ней нѣтъ никакихъ крупныхъ катастрофъ. Она глубоко грустна противорѣчіемъ между поразительно сильной жизнью ума и фантазіи и принижающей, можно бы сказать, полной издѣвательства обстановкой. Бѣдность, огромная семья, жалкое жалованье профессора реторики, которое заставляло въ видѣ дополнительнаго заработка писать по заказу свадебные стишки, погребальныя рѣчи и надгробныя эпитафіи, оды на встрѣчу знатныхъ сеньёровъ и привѣтствія мѣнявшимся въ странѣ намѣстникамъ двухъ воюющихъ державъ—вотъ эта остановка.

Что еще есть въ этой жизни? Выдвинуться рядомъ замѣчательныхъ философско-юридическихъ работъ и потомъ, на склонѣ лѣтъ въ конкурсѣ на каѳедру юриспруденціи, той науки, въ которой онъ геніемъ родился, быть вынужденнымъ уступить какому-то ничтожеству, которое получило предпочтеніе. Прожить долгую однообразную жизнь и не только не видѣть вліянія своихъ мыслей, но не встрѣтить имъ сочувствія. Горечь этого существованія, усиливалась еще несчастливой организаціей натуры, отсутствіемъ въ ней равновѣсія. Вико никогда не могъ разобраться въ богатствѣ своихъ знаній; онъ не могъ раздѣлить ясно возможное и правдоподобное отъ достовѣрнаго; матеріалъ его былъ спутанъ и доказательства не размѣщались ясно. Онъ не различалъ часто, что̀ было заимствовано и до чего онъ добрался самъ, и свою мысль онъ могъ принять за цитату изъ прочитаннаго. Что-то нескладное, неповоротливое, безсистемное, досадливыя повторенія и расплывчатость, неумѣнье обставить и подчеркнуть идею, сдѣлать ее привлекательной, выдвинуть оригинальность своей мысли—вотъ что поражаетъ насъ въ его великой работѣ. Этотъ профессоръ реторики не былъ способенъ примѣнить простыя правила преподаваемаго имъ искусства; вѣроятно, онъ первый съ болью ощущалъ эту безпомощность. Надо прямо сказать, никто никогда не будетъ читать «Новой науки» Вико съ наслажденіемъ, какъ классическую вещь; никогда большой читатель не отдастъ ей справедливости, всегда ее будутъ знать лишь съ чужихъ словъ и въ переложеніи. Здѣсь—какъ будто загробное продолженіе трагедіи Вико.

Можно ли въ ней найти примиреніе? Вико нашелъ его. Черезъ годъ по выходѣ «Новой науки», онъ говорилъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ я написалъ великую работу мою, я возродился новымъ человѣкомъ. У меня уже нѣтъ болѣе желанія осуждать дурной вкусъ вѣка моего, потому что, отказавъ мнѣ въ томъ положеніи, какого я себѣ требовалъ, онъ далъ мнѣ возможность создать новую науку... Эта работа вдохнула въ меня героическій духъ, который поднимаетъ меня выше страха смерти и клеветы моихъ соперниковъ. Я чувствую себя словно на скалѣ изъ алмаза, когда подумаю о справедливомъ приговорѣ Божіемъ, который воздаетъ генію преклоненіемъ передъ нимъ мудреца».

II. Отраженіе общественнаго сознанія въ утопіяхъ начала XVIII в.

Въ великой исторической теоріи начала XVIII в. намъ пришлось отмѣтить отсутствіе идеи непрерывнаго прогресса; въ началѣ XVIII в. вообще историческая мысль не находилась еще подъ вліяніемъ представленія о человѣчествѣ, какъ великомъ организмѣ, развивающемся по извѣстному общему закону на протяженіи вѣковъ. Это представленіе, напротивъ, господствуетъ въ концѣ XVIII в., составляетъ какъ бы его религію. Въ чемъ кроется причина этой разницы взглядовъ? Очень важную роль здѣсь играетъ различіе соціально-культурныхъ впечатлѣній каждой эпохи.

Около 1700 года европейскія націи и общества далеки отъ сознанія какихъ-либо надвигающихся переворотовъ, какого-либо захватывающе-быстраго движенія. Они мало знаютъ другъ друга, мало чувствуютъ общую связь между собою, мало заняты мыслью о возможности перехода изъ страны въ страну или общаго распространенія какихъ-либо политическихъ и соціальныхъ формъ или политическихъ и общественныхъ понятій.

Можно привести въ примѣръ, какъ мало знакомы другъ съ другомъ двѣ сосѣднія націи, между которыми идетъ торговля и происходитъ почти непрерывная борьба — Франція и Англія. Монтескьё посмѣивался, что во времена его молодости, т. е. въ началѣ XVIII в., французскіе министры знали Англію не лучше, чѣмъ шестимѣсячный ребенокъ. Политическія бури Англіи XVII в., «англійскія трагедіи», по словамъ Декарта, казались французамъ чѣмъ-то непонятнымъ и чуть ли не дикимъ. «Нація преступная»,—говорилъ великосвѣтскій прелатъ Боссюэтъ,—«болѣе волнующаяся на своей землѣ, чѣмъ океанъ, который окружаетъ ее!» У этихъ «мятежныхъ варваровъ»—такъ называли во Франціи Кромвеля и его восторженныхъ солдатъ — у націи «болѣе дикой, чѣмъ ея большіе доги», какъ говорилъ Сомэзъ, едва предполагали способность къ искусству и поэзіи. Французскій посолъ въ Англіи долженъ былъ удовлетворить по этому пункту любопытство Людовика XIV. Онъ наивно отписалъ: «Иногда, повидимому, искусства и науки покидаютъ одну страну, чтобы придать блескъ другой. Теперь онѣ перешли во Францію, а здѣсь (въ Англіи), если и остались кое-какіе слѣды, такъ лишь воспоминанія о Бэконѣ, Морѣ, Бьюкананѣ, да еще въ послѣднемъ вѣкѣ о нѣкоемъ Мильтоніусѣ (т. е. Мильтонѣ), который болѣе опозорился своими опасными сочиненіями, чѣмъ палачи и убійцы ихъ короля».

Путешествія въ другія страны вообще были мало въ ходу, а черезъ морской каналъ и совсѣмъ не было охоты ѣздить. Нѣтъ ничего характернѣе выраженій перваго французскаго гида по Англіи, вышедшаго въ 1654 г. Стоитъ замѣтить кстати, что роль Бэдекера XVII в. исполняетъ еще духовное лицо, іезуитъ Кулонъ. Онъ откровенно пре-

достерегаетъ путешественника относительно непріятныхъ сторонъ описываемой страны: «Англія была въ свое время мѣстопребываніемъ ангеловъ и святыхъ, а теперь это — адъ демоновъ и отцеубійцъ (чтобы понять это выраженіе, надо вспомнить, что въ Англіи это было время республики). Но природа ея не измѣнилась, она все на томъ же мѣстѣ и, какъ въ самомъ аду справедливость Всемогущаго сопровождается состраданіемъ, такъ и на этомъ гнусномъ островѣ ты замѣтишь слѣды стариннаго благочестія среди взрывовъ и волненій звѣрства бѣшенаго народа, хотя онъ тутъ и живетъ на сѣверѣ».

По взятой на себя обязанности руководителя благочестивый отецъ приглашаетъ, однако, взглянуть на страну; но, стараясь отыскать примѣръ, чтобы одушевить сомнѣвающихся, онъ ничего не находитъ лучше, какъ сослаться на смѣлое предпріятіе въ древности Юлія Цезаря; вѣдь довѣрился же онъ, переправляясь въ Британію черезъ проливъ, вѣтрамъ и фортунѣ. Руководитель заканчиваетъ: «Не совѣтую далеко углубляться въ страну, которую природа помѣстила въ дурномъ климатѣ и какъ-бы на краю свѣта, чтобы запереть намъ входъ; лучше поскорѣе вернуться во Францію».

Плохо знали при этихъ условіяхъ чужой строй, чужую исторію. За политическимъ или культурнымъ примѣромъ обращались обыкновенно въ древнюю исторію, если сравнивали, то большею частью античныя явленія и свои мѣстныя. При такой обособленности національной жизни и сознанія, своя культура и строй могли казаться чѣмъ-то неподвижнымъ, почти даннымъ отъ природы.

Да и дѣйствительно, около 1700 г. соціальныя формы давали впечатлѣніе малоподвижности. Западная Европа въ цѣломъ была въ то время все еще большой группой преимущественно земледѣльческихъ областей со старой полевой техникой, съ индустріей, главнымъ образомъ, кустарнаго типа, съ довольно устойчивымъ сословнымъ раздѣленіемъ. Самая характерная и любопытная черта, подъ которой и кроется одна изъ основныхъ причинъ этой устойчивости—крайне медленный ростъ населенія въ XVI и XVII вѣкахъ въ сравненіи съ послѣдующими вѣками, т. е. съ XVIII и XIX вв., а затѣмъ общая малочисленность населенія.

Въ Англіи къ концу XVII вѣка считали лишь 5½ милліоновъ населенія. Во Франціи хотя и было гораздо больше, но за полтора столѣтія ея матеріальнаго процвѣтанія отъ послѣдней трети XVI вѣка до первой трети XVIII вѣка населеніе поднялось лишь на 4 милліона, съ 14 до 18 милліоновъ. Въ Испаніи оно идетъ назадъ, въ Италіи и Швейцаріи стоитъ на мѣстѣ. Нѣтъ въ Европѣ въ это время такой внутренней или внѣшней эмиграціи, которая вызывалась бы экономическими причинами и вела къ большимъ соціальнымъ перестановкамъ, къ другой организаціи труда.

Не видно замѣтнаго разрушенія старыхъ классовъ и образованія новыхъ слоевъ; между сословіями какъ бы застыли извѣстныя пере-

городки; среди нихъ какъ-бы фиксировались не только занятія, но и опредѣленные вкусы, нравы, понятія о чести и работѣ; мелочь на первый взглядъ, своеобразный костюмъ у каждаго класса указываетъ на эту отрѣзанность сословій, тѣмъ болѣе, что и законодательство поддерживаетъ различіе одежды. Въ концѣ XVII вѣка саксонское рыцарство настаивало, чтобы дѣти его учились въ княжескихъ школахъ врозь съ буржуазными, во-первыхъ, потому, что имъ нужно знать совсѣмъ другія вещи, во вторыхъ, потому, что молодые дворяне лишь напрасно привыкаютъ къ застѣнчивости, которая за ними такъ и остается потомъ. Не хорошо также, по мнѣнію дворянъ, и нарушаетъ ихъ честь чрезмѣрное общеніе людей въ церкви: крещенія и браки дворянъ должны происходить на дому. «Неприлично,—говорятъ они,—чтобы знатное дитя было окрещено тою-же водой, что дѣти низкаго званія».

Что-то въ родѣ закона природы чудилось здѣсь людямъ; во всякомъ случаѣ, историческій законъ приспособили для себя высшіе классы: они производили себя, напримѣръ, во Франціи отъ завоевателей-франковъ, а рабочіе классы считали потомками туземныхъ галловъ. Значитъ, сословную разницу сводили на природное различіе расъ, на основную антропологическую разницу.

Можно сказать, что въ бóльшей части Европы и политическія отношенія были малоподвижны, а вслѣдствіе этого и политическое сознаніе было мало встревожено.

Монархія казалась твердо установившимся порядкомъ для бóльшей части европейскихъ государствъ. Очень характерно, что Вико называетъ монархію нормальной формой цивилизованнаго общества: къ этому строю должны, по его мнѣнію, придти и современныя аристократіи, Польша и Англія, которыя, подобно тому, какъ незадолго до этого Швеція и Данія, должны обратиться въ монархіи. Люди оппозиціи, напримѣръ, во Франціи, требовали не измѣненія политическаго порядка, а смягченія принциповъ и пріемовъ въ существующемъ строѣ или извѣстнаго вниманія къ старымъ традиціямъ. Сознаніе было далеко отъ мысли о переворотахъ. Они какъ бы казались принадлежностью двухъ исключительныхъ странъ въ XVII вѣкѣ, Голландіи и Англіи, которыя точно производили нарушающее впечатлѣніе въ укрѣпившемся международномъ строѣ.

Послѣдняя треть XVII вѣка и первое десятилѣтіе XVIII вѣка, правда,—время шумныхъ событій, войнъ, охватывающихъ всю Европу, крупныхъ дипломатическихъ комбинацій: Людовикъ XIV развертываетъ свои широкія и дорогія имперскія затѣи на сушѣ, Англія начинаетъ всесвѣтное завоеваніе моря. При всей широтѣ этихъ предпріятій и столкновеній, они не могли открыть общественному сознанію въ Западной Европѣ новыхъ соціальныхъ или историческихъ перспективъ; они не заключали въ себѣ крупныхъ общественныхъ перестановокъ.

Общественное сознаніе этого времени выступаетъ въ цѣломъ рядѣ утопій и соціальныхъ идиллій, которыми потомъ вообще былъ богатъ весь XVIII вѣкъ. Характерная черта ихъ въ томъ, что не столько онѣ отражаютъ мысль о новомъ распредѣленіи богатства, о новыхъ правовыхъ формахъ, сколько о моральномъ перевоспитаніи личности въ обществѣ или о перерожденіи нравственномъ самого общества.

Каждой эпохѣ свойственно выставлять свой протестъ, между прочимъ, въ формѣ фантастическихъ картинъ будущаго. Для послѣдующихъ поколѣній, для историка онѣ имѣютъ двоякое значеніе.

Каждая положительная черта фантастической картины есть болѣе или менѣе рѣзкая критика какой-либо стороны существующаго политическаго или общественнаго порядка, окружающей культуры; слѣдовательно, такая черта рисуетъ господствующее, характерное настроеніе эпохи. Но помимо того, что̀ сознательно вычерчиваетъ соціальная романтика, въ ея картины будущаго еще незамѣтно вкрадываются черты самой современности, потому что и идеалъ не можетъ отрѣшиться отъ ея красокъ. Случайныя, повидимому, конкретныя детали, мелькая среди фантазіи, много говорятъ намъ для характеристики переживавшагося момента; намъ важно не только, что̀ упомянуто, но и о чемъ пропущено, что̀ обойдено при разрисовкѣ будущаго.

Черты эти дороги потому, что авторы совсѣмъ не желали показывать себя и свое общество. Они играли возвышенную аллегорическую пьесу, а мы увидали кулисы, обыденную обстановку и фигуры добросовѣстно старавшихся любителей. Другими словами, соціальная фантазія важна еще, какъ прямой документъ современной ей жизни.

Возьмите любое произведеніе утопической литературы этой эпохи и сравните его съ современной намъ общественной фантазіей, напримѣръ, съ извѣстнымъ романомъ Беллами, и вы увидите огромную разницу.

Въ современномъ политическомъ романѣ первостепенную роль играетъ чудотворная техника: она торжествуетъ надъ всѣми преградами внѣшней природы, она уничтожаетъ тяжелыя и грязныя работы; увеличивая богатство въ невѣроятной прогрессіи, она помогаетъ окончательно излѣчить всѣ соціальные недуги. Одинъ новый романъ переноситъ насъ во внутрь земли, гдѣ нѣтъ солнца, нѣтъ растеній и животныхъ, нѣтъ временъ года, нѣтъ дня и ночи, нѣтъ различія націй, классовъ, говора, костюма, характера. Природа, можно сказать, исчезла, осталось одно искусство, и въ жизни царствуетъ искусственность. Люди, интернированные въ кристальныхъ дворцахъ, освѣщенные электрическимъ сіяніемъ и питаемые химическими фабрикатами, объясняются алгебраическимъ языкомъ; въ своемъ вѣчномъ вечернемъ салонѣ они отдаются эстетическому наслажденію символикой, оставшейся отъ исчезнувшаго стараго реальнаго міра. Безконечная игра, условность и узоры техники, заполняющей всю жизнь.

Чудеса механики или художества, тонкости культурнаго общенія не

имѣютъ мѣста въ соціальныхъ идилліяхъ начала XVIII в. Ихъ основной мотивъ, напротивъ,—отреченіе отъ того, что они считаютъ воображаемыми благами городской, придворной жизни, жизни вообще суетной, безпокойной, полной ухищреній и роскошества; въ то же время они идеализируютъ естественную простоту, ограниченность потребностей и спокойный здравый смыслъ. Общее довольство не приводится въ зависимость отъ усиленной эксплуатаціи природныхъ силъ посредствомъ сложныхъ пріемовъ и машинъ; совершенно достаточно, такъ думаютъ въ то время строители утопій, того, что̀ природа открываетъ всякому человѣку непосредственно.

Въ знаменитомъ романѣ Фенелона (вышл. въ 1699 г.), въ разсказѣ о путешествіяхъ Телемака вплетенъ цѣлый рядъ картинъ быта разныхъ народовъ, которыя должны иллюстрировать черты разумнаго существованія. Когда мудрый руководитель Телемака, Менторъ, проводитъ въ Салентѣ реформы, чтобы обезпечить общинѣ золотой вѣкъ, онъ предписываетъ сельскую жизнь и запрещаетъ роскошь. «Развивать вкусы людей выше истинныхъ потребностей, значитъ отравлять ихъ». «Роскошь губитъ весь народъ, увлекая всѣ состоянія въ одинъ водоворотъ». Поэтому, надо наложить узду и на искусства. Государю идеальный законодатель совѣтуетъ прежде всего удерживать народъ въ умѣренности; а для этого надо каждой рабочей семьѣ дать неподвижный надѣлъ, въ размѣрѣ, не превышающемъ потребностей пропитанія. Торговля допустима лишь, какъ отдача на сторону того, что̀ безусловно излишне.

Возвращаясь потомъ въ преобразованную страну, путешественники не узнаютъ ея: все въ ней цвѣтетъ изобиліемъ, но золота и серебра не видно, дома просторны и лишены украшеній, искусства чахнутъ, а главное—городъ обратился въ пустырь. «Что же лучше»,—спрашиваетъ Менторъ царственнаго ученика,—«великолѣпный городъ изъ мрамора и золота и заброшенная деревня, или счастливая деревня, воздѣланная земля и незамѣтный городъ?» Большой городъ, густо заселенный ремесленниками и рабочими, которые заняты приготовленіемъ утѣхъ, развращающихъ нравы, такой городъ среди бѣдной страны напоминаетъ чудовище съ огромной головой и истощеннымъ непропорціональнымъ тѣломъ.

Въ другой странѣ (Бэтикѣ) уже установилось полное безмятежное счастье народа; здѣсь пастухи и земледѣльцы не вѣдаютъ или сожалѣютъ о положеніи обитателей городовъ, этихъ рабовъ каторжнаго труда и мнимыхъ, искусственно-воспитанныхъ потребностей, между тѣмъ, какъ сами они познали мудрость, изучая лишь простую природу окружающаго. У нихъ общее имущество: «Плоды деревъ, овощи земные, молоко стадъ—богатства настолько изобильныя, а народъ такъ трезвъ и умѣренъ, что дѣлить ихъ нѣтъ нужды. Оттого нѣтъ и споровъ, нѣтъ зависти и честолюбія. Миръ обезпеченъ устраненіемъ лишняго богатства и удовольствія».

Эта картина идетъ дальше простого изгнанія торговли и обращенія золота въ полезный металлъ, употребляемый на плуги. Она перекидывается въ изображеніе патріархальнаго быта блаженствующихъ номадовъ. Зачѣмъ строить прочные дома когда достаточно простой защиты отъ дождя? «Каждая семья, перекочевывая въ этомъ прекрасномъ краю, переноситъ свои палатки съ мѣста на мѣсто, по мѣрѣ того, какъ съѣдаются плоды земли и уничтожаются пастбища на временномъ ея поселеніи. Такимъ образомъ, они не связаны взаимными интересами и могутъ любить другъ друга безкорыстно, какъ братья».

Правда, моральный мотивъ можетъ звучать иначе. Въ другомъ фантастическомъ романѣ, изображающемъ счастливый патріархальный народъ меззорановъ въ Средней Африкѣ, правитель страны объясняетъ путешественнику причину, почему запрещено украшать свои дома. «Домъ служитъ только противъ непогоды; если всякій будетъ вносить свой вкусъ въ его убранство и обратитъ его въ предметъ удовольствія, то начнетъ уединяться и избѣгать общенія съ другими людьми, которое именно вызывается обмѣномъ необходимаго. Мы погрѣшили бы, такимъ образомъ, противъ основного начала, на которомъ держится общежитіе». Но соціальныя побужденія въ обѣихъ утопіяхъ одинаковы: чѣмъ проще жизнь, тѣмъ ближе люди къ счастью, тѣмъ меньше разлада между ними.

Въ приведенныхъ идилліяхъ не трудно увидать иллюстрацію къ распространеннымъ въ то время понятіямъ о естественномъ правѣ и естественномъ состояніи. Люди, одаренные фантазіей, по своему помогали людямъ отвлеченной мысли; основная цѣль тѣхъ и другихъ состояла въ томъ, чтобы открыть разумные устои общественной жизни и на твердой основѣ потребностей, подсказанныхъ человѣческой природой, реформировать созданіе человѣческаго искусства, государство, разъ оно взялось служить благу человѣчества. Общій толчекъ, создавшій утопическую литературу, понятенъ; но спрашивается, откуда взяты въ этихъ картинахъ краски, содержаніе? Чѣмъ вдохновлялись авторы? Гдѣ нашли они образцы для разрисовки первобытнаго человѣка, не тронутаго ядовитой культурой, не знающаго собственности, ея утѣхъ и связанныхъ съ нею безпокойствъ? Гдѣ оказались оригиналы для тогдашняго, позволимъ себѣ такъ выразиться, народничества?

Конецъ XVII и начало XVIII в.—эпоха чрезвычайнаго увлеченія путешествіями, эпоха крайняго напряженія географической фантазіи. Въ это время коммерсанты, миссіонеры и дѣятели науки открывали пути въ Россію, Персію, Китай; въ это же время передовые посты западно-европейской эмиграціи продвинулись далеко вглубь американскихъ материковъ. Разсказы этихъ путешественниковъ какъ бы на луну читались со страстнымъ интересомъ. Общество все еще чувствовало себя твердо и дѣйствительно на землѣ лишь на европейскомъ клочкѣ: оно готово было вѣрить необычайнымъ сказкамъ и само искало всюду чудесъ.

Характеренъ слѣдующій случай, звучащій невѣроятнымъ анекдотомъ. Одинъ разорившійся французскій дворянинъ въ самомъ началѣ XVIII в. сталъ выдавать себя въ Англіи за уроженца острова Формозы, принявшаго христіанство и назвался Псалманаазааромъ (имя онъ придумалъ себѣ почему-то въ ассирійскомъ вкусѣ). Онъ издалъ на латинскомъ и англійскомъ языкахъ (1704 г.) обстоятельную исторію своей мнимой родины, подробное описаніе ея быта и нравовъ, политическаго строя и религіи, алфавитъ и грамматику измышленнаго имъ самимъ формозскаго языка. Къ книгѣ была приложена географическая карта острова, изображенія храмовъ и идоловъ и фигуры представителей различныхъ сословій. Книга была переведена на всѣ европейскіе языки. Епископъ лондонскій поручилъ Псалманаазаару перевести англійскій катехизисъ на мнимый формозскій языкъ и хранилъ это произведеніе, какъ великую драгоцѣнность, въ своей библіотекѣ. Отовсюду притекали денежныя пожертвованія, вызванныя восторгомъ, что формозскій дикарь обратился въ христіанство, и жизнь искуснаго авантюриста устроилась недурно. Подъ конецъ онъ раскаялся въ продѣлкахъ и самъ открылъ мистификацію.

Въ чудесахъ, которыхъ ждали и которыя оказывались вслѣдствіе этого на мѣстѣ,—одинъ любопытный мотивъ. Это описаніе добраго и благороднаго дикаря. Добрый дикарь—иллюстрація къ ученію, что человѣкъ отъ природы доброе и разумное существо.

Въ возникновеніи безконечной литературы о добромъ дикарѣ видное мѣсто принадлежитъ англичанкѣ м-съ Афра Бенъ въ 60-хъ и 70-хъ гг. XVII в. Афра, въ качествѣ первой писательницы по ремеслу въ Англіи, представляетъ вообще любопытную фигуру. Она жила въ эпоху революціи и реставраціи Стюартовъ. 18-ти лѣтъ, уже съ литературными вкусами, она заброшена судьбой въ Южную Америку; здѣсь она вступаетъ въ романтическую дружбу съ индѣйскимъ краснокожимъ принцемъ Орооноко, проданнымъ въ рабство. Нѣсколько лѣтъ спустя, Афра появляется въ качествѣ красивой блестящей дамы при легкомысленномъ дворѣ Карла II; будучи искусной и разнообразной разсказчицей, она заинтересовываетъ короля своими индійскими приключеніями и изображеніемъ живого натуральнаго человѣка, тема, какъ мы знаемъ, захватывающая для тогдашняго общества. Позднѣе, она исполняетъ въ Голландіи дипломатическія порученія короля, вывѣдываетъ тамъ черезъ своихъ многочисленныхъ поклонниковъ важныя политическія тайны. Не получивъ награды отъ двора, она бросается на литературный заработокъ, и здѣсь ей приходитъ на помощь богатство ея впечатлѣній и романтическое воображеніе.

Самое замѣчательное ея сочиненіе романъ «Орооноко». Въ спорѣ о томъ, добръ-ли человѣкъ отъ природы, или ему нужна жестокая узда, Афра берется показать настоящаго реальнаго естественнаго человѣка и въ лицѣ Орооноко даетъ идеальный образъ его.

«На дикаряхъ я узнала, что̀ такое состояніе невинности, предшествующее тому, когда человѣкъ научился грѣшить; отсюда я вывела, что безхитростная природа—самый вѣрный путеводитель; если бы только соблюдали то, что она позволяетъ, ея простыя внушенія научили бы насъ гораздо лучше, чѣмъ правила, выдуманныя человѣкомъ». «Введеніе религіи въ странѣ дикихъ послужило бы лишь къ тому, чтобы изгнать оттуда счастливое спокойствіе, происходящее отъ невѣдѣнія. А ввести тамъ законы—значитъ скорѣе дать имъ понятіе о злѣ, о которомъ они еще ничего не знаютъ; это понятіе не послужитъ имъ средствомъ избѣгнуть зла, если они узнаютъ о немъ».

Выше всѣхъ дикихъ—добродѣтельный принцъ Орооноко. Его благородный и открытый характеръ отражается въ поразительной красотѣ его лица. Любимая имъ индійская дѣвушка Имоинда продана въ рабство по волѣ жестокаго короля, его дѣда. Орооноко въ отчаяніи и говоритъ себѣ: «Не всегда благородная кровь создаетъ возвышенныя качества души». Испанскій офицеръ измѣннически захватываетъ его; Орооноко отвѣчаетъ лишь презрительной и горькой усмѣшкой. Жестокій и коварный англичанинъ задерживаетъ освобожденіе Орооноко. Принцъ возбуждаетъ другихъ рабовъ къ свободѣ, представляя имъ, что «честь—первое предписаніе природы, которому долженъ повиноваться человѣкъ». Онъ чувствителенъ и впечатлителенъ, какъ культурный европеецъ. Встрѣча съ Имоиндой вызываетъ въ немъ обморокъ: «вся душа его перешла въ сердце, и глаза, и тѣло его лишились жизни». Афра читаетъ ему римскую исторію, которая его очень увлекаетъ. Но Орооноко отказывается отъ сбращенія въ христіанство въ качествѣ свободнаго мыслителя.

Фигура добраго дикаря пріобрѣтаетъ постепенно въ литературѣ большую популярность. Наконецъ, она появляется на театральной сценѣ, напримѣръ, во Франціи. Старинная комедія давала рядъ готовыхъ масокъ, фиксированныхъ сценическихъ типовъ. Среди нихъ была фигура простака, наивно добродушнаго непосредственнаго Арлекина. Подъ Арлекиномъ теперь выводятъ въ комическихъ діалогахъ дикаря съ явной тенденціей противопоставить извратившемуся обществу натуру, хоть и грубоватую, но зато незнакомую съ обманомъ и тщеславіемъ; своими вопросами Арлекинъ-дикій вскрываетъ господствующую ложь.

Въ 1704 г. вышла во Франціи книжка Гѐдвилля, получившая большое распространеніе и озаглавленная: «Бесѣды между дикимъ и барономъ Гонтаномъ». Здѣсь представленъ краснокожій изъ племени гуроновъ, который посѣтилъ Европу и вынесъ самыя тяжелыя впечатлѣнія. Онъ выступаетъ суровымъ критикомъ ея порядковъ.

«Нигдѣ,—говоритъ онъ,—нѣтъ свободы, дружбы, покоя, мира. Ваши законы,—обращается онъ къ европейцамъ,—законы, которые вы называете опредѣленіемъ разумнаго и справедливаго, не заключаютъ ничего подобнаго; богачи смѣются надъ ними, и лишь несчастные слѣдуютъ

имъ. Вы—рабы одного деспота, и подчинены тысячѣ мелкихъ тиранновъ. Цивилизація ваша нелѣпа; ваше искусство нездорово. Мы не завидуемъ тонкостямъ вашей культуры, потому что у насъ нѣтъ понятія о нихъ. Ваши браки безумны и плохо кончаются; свобода нашихъ дѣвушекъ лучше безнравственности вашихъ женщинъ. У насъ нѣтъ тюремъ и пытокъ, но мы живемъ мирно, слѣдуя инстинкту, вложенному въ насъ голосомъ природы. Несмотря на нашу бѣдность, мы богаче васъ, потому что среди васъ понятія о моемъ и твоемъ заставляютъ совершать тысячи преступленій. То, что вы называете деньгами, это — демонъ всѣхъ демоновъ, тиранъ французовъ, источникъ золъ, погибель душъ и могила для живыхъ. Когда ваши законы уменьшатъ подати, давящія бѣдныхъ, между тѣмъ какъ богатые ничего не платятъ, у васъ постепенно установится равенство имуществъ, и тогда вы приблизитесь къ счастію гуроновъ».

Конечно, гуронъ здѣсь — авторская маска, но авторъ не даромъ вывелъ первобытнаго человѣка. Тогдашняя географическая литература полна моралистическихъ разсужденій въ связи съ идеализаціей дикаря, который долженъ пристыдить европейца.

Главную роль въ этомъ сентиментальномъ теченіи играютъ миссіонеры, особенно отцы-іезуиты, важнѣйшіе посредники между тогдашней Европой и другими странами свѣта. Отъ нихъ идутъ картины блаженно-патріархальнаго быта Китая, картины, которыми такъ любила потомъ пользоваться просвѣтительная литература политиковъ и экономистовъ XVIII вѣка. Въ своемъ религіозномъ рвеніи и оптимизмѣ они отыскивали уже заранѣе въ средѣ, подлежавшей воспитанію, тѣ начала, которыя они проповѣдывали. Въ свои восторженныя характеристики они влагали, конечно, то, что въ свое время дала имъ классическая или богословская школа, т. е. условныя формулы школьнаго изображенія ликурговой Спарты и раннихъ христіанскихъ общинъ.

Благочестивымъ отцамъ, которые со своей точки зрѣнія осуждаютъ культурную Европу, потерявшую ревность къ вѣрѣ, начинаетъ представляться, что новая среда, куда они переносятъ свою проповѣдь, быть можетъ, не болѣе удалена отъ вратъ спасенія, чѣмъ цивилизованные люди. Они ставятъ вопросъ, не заключаетъ ли въ себѣ культурное общество болѣе опасностей, чѣмъ натуральное состояніе?

Одинъ пишетъ, что естественная простота дикарей болѣе располагаетъ ихъ къ усвоенію христіанскихъ добродѣтелей; другой—что они не знаютъ пороковъ, вызываемыхъ роскошью и изобиліемъ. Все чаще и чаще возвращается у миссіонеровъ мысль, что они нашли почву, похожую на ту среду, гдѣ работали основатели христіанства; имъ кажется, что въ общинахъ новообращенныхъ дикарей возрождаются раннія христіанскія общины. «Вотъ, достопочтенный отецъ,—пишетъ одинъ миссіонеръ своему начальнику,—избранный народъ Божій, вотъ—нація, предназначенная въ эти послѣдніе дни къ возрожденію ревности, благо-

честія, живой вѣры и совершеннаго единенія сердецъ, которымъ удивлялись въ свое время у первыхъ христіанъ церкви. Зрѣлище этихъ добродѣтелей должно смирить наши цивилизованные народы и заставить ихъ преклониться передъ путями Бога, распространяющаго свою благодать среди народовъ, которые едва вышли изъ мрака варварства».

Другой ученый миссіонеръ пускается въ догадки историческаго свойства, находитъ дикарей очень похожими на древнихъ грековъ, какъ ихъ изображала гуманистическая школа, и предполагаетъ какія-то переселенія изъ Европы въ Америку въ отдаленныя времена; всѣ эллинскія черты, по его мнѣнію, на лицо: и живое воображеніе, и быстрота усвоенія, и удивительная память, и здравый смыслъ. Есть слѣды старинной наслѣдственной религіи и государственнаго порядка: дикари правильно судятъ о дѣлахъ и «лучше, чѣмъ народъ у насъ (т. е. въ Европѣ)». Они хладнокровны; сердце ихъ гордо и горячо. Они счастливѣе насъ и т. д.

Между тѣмъ католическіе миссіонеры организуютъ въ Америкѣ цѣлыя территоріи и наконецъ основываютъ въ Парагваѣ теократическое, христіанско-соціалистическое государство. Теперь въ ихъ письмахъ и отчетахъ все шире развертывается картина мирныхъ и благодушныхъ нравовъ безхитростныхъ дѣтей природы и все больше въ нихъ вплетается соціальныхъ и экономическихъ соображеній. Въ Европѣ ихъ описанія счастья и добродѣтелей христіанскихъ индѣйцевъ вызываютъ восторгъ и захватываютъ даже такихъ ученыхъ, какъ Монтескьё и Бюффонъ. За разсказомъ объ устройствѣ парагвайскихъ селеній, находившихся подъ верховнымъ надзоромъ отцовъ-іезуитовъ, слѣдуютъ обыкновенно такія замѣчанія: «Нажива и жадность, этотъ источникъ столькихъ пороковъ, совершенно изгнаны изъ этой благословенной страны; плоды земли, собираемые каждый годъ, складываются въ общественные магазины и оттуда уже распредѣляются по семьямъ, по числу составляющихъ ихъ членовъ. Простота и кротость этихъ добрыхъ индѣйцевъ поразительны. Праздности среди нихъ нельзя встрѣтить». Конечно, въ глазахъ духовныхъ руководителей эти черты стоятъ въ тѣсной связи съ благочестіемъ новообращенныхъ, которые причащаются каждую недѣлю, и т. п. По мнѣнію миссіонеровъ, въ соціальномъ отношеніи культурной Европѣ здѣсь есть еще чему поучиться. Одинъ миссіонеръ ссылается на то, что въ Индостанѣ есть семьи, гдѣ никогда не говорятъ о раздѣлѣ; имущество въ общемъ владѣніи и среди нихъ царствуетъ полное согласіе. «Это безкорыстіе, отрѣшеніе отъ благъ земли, какое мы встрѣчаемъ среди идолопоклонниковъ, не должно-ли смущать многихъ христіанъ Европы, которые способны ссориться изъ-за ничтожныхъ интересовъ и вести вѣчныя тяжбы?»

Вся группа представленій и мечтаній, соціальныхъ желаній и аргументовъ въ защиту лучшаго строя, которая отразилась въ утопической, географической и миссіонерской литературѣ начала XVIII вѣка,

получила художественное выраженіе въ знаменитомъ романѣ Даніеля Дефо, «Робинзонъ Крузо», въ книгѣ, замѣчательная популярность которой надолго пережила своеобразный кругъ идей, породившихъ ее.

Фабула романа слишкомъ извѣстна, хотя, благодаря передѣлкамъ, менѣе знакома его вторая часть, исторія маленькаго общества на Робинзоновомъ островѣ. Эта вторая часть ничто иное, какъ продолженіе первой, т. е. исторіи изолированной личности, предоставленной воспитанію и исправительной работѣ природы. Основная мысль обѣихъ частей состоитъ въ томъ, что для улучшенія человѣка, для пробужденія въ немъ возвышенныхъ чувствъ и глубокихъ мыслей должно заставить его передумать и пережить все съ первыхъ шаговъ культурной жизни, и притомъ безъ посторенней помощи и указанія. Это вѣдь и есть возвращеніе его къ естественному состоянію.

На необитаемомъ островѣ Робинзонъ начинаетъ всю свою жизнь сызнова, съ самаго грубаго и элементарнаго строенія. Въ тяжкой борьбѣ съ нуждой и страхомъ онъ вырабатываетъ умственную энергію, которая позволяетъ потомъ ему, бывшему авантюристу, проявить высшее искусство законодателя и администратора, военнаго вождя и духовнаго пастыря. Вмѣстѣ съ тѣмъ смягчается его непокорная, равнодушная къ высшей правдѣ и религіи душа, и въ просвѣщеніи дикаря, Пятницы, онъ находитъ свой возвышенный долгъ.

Во второй части, въ исторіи Робинзоновской колоніи представлено то же самое духовное перерожденіе. Передъ нами на половину преступники и одичавшіе злодѣи, остатки мятежнаго экипажа корабля, люди безъ чести и совѣсти, поминающіе Бога только въ страшныхъ проклятіяхъ, безнадежные, повидимому, разбойники, которые безсмысленно грабятъ старыхъ колонистовъ, спасающихъ ихъ отъ голодной смерти.

Словомъ, это люди-бѣшеные звѣри, вполнѣ по Гоббзу. Управлять ими невозможно: ни великодушіе, ни наказанія ничего не помогаютъ. Ихъ остается выселить и предоставить самимъ себѣ. И вотъ, вдали отъ общества, въ тяжкой обстановкѣ примитивнаго труда, среди несчастій и лишеній, очищаются и приходятъ въ сознаніе эти потерянные люди; они становятся культурными безъ помощи культуры и внѣ ея удобствъ.

Рядомъ своеобразно поставленъ міръ дикарей. Это — людоѣды; но въ нихъ таится простое человѣческое начало; безсознательно и тихо пробивается оно у цвѣтныхъ женщинъ. Нѣсколько дикарокъ въ видѣ подарка для съѣденія достаются колонистамъ, вышедшимъ на охоту за рабами. Индіанки становятся работящими женами поселенцевъ, и ихъ тихая, почти безмолвная природа незамѣтно дѣлаетъ великую работу, смягчаетъ огрубѣлыхъ и праздныхъ злодѣевъ. Дикарь не знаетъ истины, но онъ простымъ сердцемъ стремится къ ней, и его здоровый и добрый инстинктъ наводитъ опустившагося въ варварство европейца на сознаніе правды—вотъ мораль этой исторіи.

Подъ конецъ завершителемъ возрожденія становится идеальный пастырь-просвѣтитель; это — католическій священникъ, пріѣзжающій съ Робинзономъ, который возвратился взглянуть на колонію. Молодой священникъ—вѣротерпимый, безконечно мягкій, чувствительный моралистъ и глубокій знатокъ человѣческаго сердца. Замѣтьте широту воззрѣній и гуманное безпристрастіе автора: испанцы въ романѣ — несравненно культурнѣе, строже нравами и разсудительнѣе соотечественниковъ автора, англичанъ, и протестантъ Дефо предоставляетъ именно католическому патеру просвѣтить заблудшихъ протестантовъ. Но священникъ не желаетъ навязывать вѣроисповѣданія, онъ совершаетъ обряды крещенія и брака, скрывая свою католическую оболочку; онъ выражаетъ увѣренность, что Богъ укажетъ самъ для спасенія людей тотъ путь, который ему угоднѣе.

Въ результатѣ забытая религія, а съ нею вмѣстѣ гуманность и культура пробуждены, найдены даже у самаго злого и отчаяннаго озвѣрѣвшаго человѣка: онѣ найдены жизнью труда, близостью къ природѣ, инстинктомъ дикарки, его жены, и наконецъ, когда почва готова, моральнымъ воздѣйствіемъ возвышеннаго наставника, въ которомъ философъ просвѣтляетъ священника.

Вотъ коротко мысль романа, имѣвшаго единственный въ своемъ родѣ успѣхъ. Онъ рисуетъ намъ живо и безхитростно, что думали въ XVIII в. о природѣ и культурѣ, о совершенствованіи личности и общества.

Параллель со знакомой намъ одновременной исторической теоріей ясно чувствуется. Здѣсь нѣтъ мѣста мысли о быстромъ благодѣтельномъ прогрессѣ, уводящемъ человѣческое общество въ успѣхахъ техники и сознательнаго творчества далеко отъ примитивныхъ началъ. Напротивъ, преобладаетъ идея, что условія счастья и моральнаго добра какъ будто лежатъ въ постоянномъ возвращеніи къ источнику, къ началу общежитія, къ первоначальнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ глубочайшимъ элементамъ человѣческой природы. Культура какъ будто бы благо лишь при условіи сохраненія ея близости къ натурѣ. Исцѣленіе культуры отъ свойственныхъ ей золъ возможно какъ будто лишь путемъ возврата ея къ натурѣ, къ простымъ запросамъ и формамъ ранней поры.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Есть много истинъ не открытыхъ
И не измѣренныхъ глубинъ,
Страданій, чувствъ не пережитыхъ
И не достигнутыхъ вершинъ!

Есть много бурь, еще не спѣвшихъ
Своихъ таинственныхъ угрозъ,
Великихъ словъ не прогремѣвшихъ,
Не пролитыхъ великихъ слезъ;

А сколько мыслей дерзновенныхъ,
Надеждъ, желаній, чуждыхъ всѣмъ,
И пѣсенъ, пѣсенъ вдохновенныхъ,
Еще не слышанныхъ никѣмъ!

II.

Веселье.

Веселье! странныя мгновенья!
Обманчивый, неполный бредъ!..
Въ тебѣ живетъ какой-то слѣдъ
Непостижимаго мученья.

Когда печали въ сторонѣ,
Когда въ насъ сердце бодро бьется,
Когда въ безпечномъ забытьѣ
И мысль и чувство — все смѣется, —

Глубоко тамъ, на самомъ днѣ,
Струна больная отдается...
Откуда эта грусть берется?

Откуда вы, скажите мнѣ,
Укоры тайнаго сомнѣнья?
И неужели нѣтъ забвенья?

III.

Просторъ.

Юная рожь не дрожитъ, не колышется;
Тѣнью недвижной объяты поля,
Въ воздухѣ ясномъ ни звука не слышится;
Спитъ, отдыхая отъ зноя, земля.

—

Спитъ безграничнымъ молчаніемъ скованный
Въ блескѣ вечернемъ хрустальный шатеръ.
Спитъ тишиною небесъ заколдованный
Весь этотъ мирный, лѣнивый просторъ...

—

Вечеръ! Ты въ душу мнѣ тихо вливаешься,
Ты говоришь мнѣ о тайнѣ своей,
Думой, восторгомъ моимъ наполняешься,
Дышишь невнятною скорбью моей!

IV.

Море.

Море! сколько мукъ будило
Ты мятежной шириной,
Сколько грусти наводило
Вѣчно-ропщущей волной!

Но тѣ муки со слезами
Схоронила твоя гладь,
Чтобы съ бурей и вѣтрами,
Имъ проснуться и рыдать!

Сергѣй Маковскій.

БЛУДНЫЙ СЫНЪ.

ОЧЕРКЪ.

I.

Петръ Трофимовичъ спустилъ съ кровати ноги въ однихъ чулкахъ и сталъ ощупью искать на полу валенки... Въ сосѣдней комнатѣ, столовой, топилась галанка; красный отблескъ раскаленныхъ углей бросалъ дрожащія свѣтовыя пятна на полъ, а чрезъ пріотворенную дверь проникалъ и въ комнату Петра Трофимовича, слабо вспыхивая на голомъ темени старика... Должно быть, ужъ поздно: Васильевна топитъ печи два раза въ день, на разсвѣтѣ и еще на ночь, потому что стоятъ морозы и въ барскомъ старомъ домѣ плохо держится тепло.

— Это ты, Васильевна?—спросилъ старикъ, заслыша возню около печки.

— Я, батюшка...

Васильевна начала бить желѣзной кочергою головешки, угли затрещали и свѣтъ яркой полосой запрыгалъ на полу и дверномъ косякѣ. Часы медленно пробили девять. Значитъ, теперь пришелъ уже на ближайшій къ нимъ полустанокъ поѣздъ, съ которымъ долженъ пріѣхать и второй сынъ старика, Григорій.

— Уѣхалъ Никаноръ на станцію?—спросилъ Петръ Трофимовичъ хриплымъ съ просонья голосомъ.

— Уѣхалъ. Поди, скоро будутъ...

— А гдѣ Сергѣй Петровичъ?

— Уѣхали братца встрѣчать.

— Надо имъ поѣсть чего-нибудь приготовить... Спроворь самоваръ... яичницу, что ли!... Озябнутъ .. Слышишь?

Старикъ говорилъ хрипло и отрывисто и, казалось, что онъ сердится. Но онъ только волновался, ожидая блуднаго сына. Сердце улеглось. Богъ съ нимъ! Несчастный человѣкъ. Не видались около двѣнадцати лѣтъ. Теперь намыкался по свѣту и ѣдетъ къ отцу отдыхать, пишетъ, что усталъ, наконецъ... Да,

неудача имъ въ дѣтяхъ: старшаго, Сергѣя, выгнали изъ пятаго класса гимназіи, лѣтъ пять онъ щеголялъ въ формѣ вольноопредѣляющагося, года три томился подпрапорщикомъ и кое-какъ вылѣзъ въ подпоручики; другого, Григорія, тоже выгнали изъ университета ужъ, потомъ отправили куда-то, потомъ отпустили и скоро опять куда-то отослали; потомъ онъ самъ уже сталъ мыкаться, какъ бродяга, по свѣту; мать такъ и умерла, не видавши Григорія съ тѣхъ поръ, какъ его выгнали изъ университета...

Петръ Трофимовичъ надѣлъ валенки, зажегъ въ столовой лампу и, плотно запахнувшись въ пальто, которое носилъ вмѣсто халата, сѣлъ въ кресло и началъ думать о своей покойной женѣ, о Григоріи, о томъ, что Сергѣй любитъ водочку и сильно поигрываетъ въ карты... Если бы Григорій кончилъ курсъ,—теперь не было бы нужды унижаться предъ всякими тамъ Виноградовыми... Сталъ бы Григорій у нихъ земскимъ начальникомъ, жилъ бы въ своемъ имѣніи... Дуракъ. Теперь, вѣрно, кается, да поздно, близокъ локоть да не укусишь!...

Старикъ пыхтѣлъ, покашливалъ и что-то шепталъ и, казалось, ему жизнь въ тягость и въ тягость самая радость встрѣчи съ Григоріемъ. За окномъ или въ трубѣ гудѣлъ вѣтеръ, ставень стучалъ гдѣ-то желѣзнымъ болтомъ,—и дряхлый домъ вздрагивалъ подъ порывами зимней вьюги... Глухо донесся собачій лай, такой злобный, съ подвываніемъ... Кажется, звенятъ колокольчики? да, ѣдутъ... Старикъ дрожащими руками зажегъ свѣчу и торопливо направился къ передней—встрѣчать. Темнота разступалась передъ нимъ, и подъ свѣтомъ раздувающагося пламени свѣчи вставали угрюмыя стѣны, сѣрыя, съ пятнами на облупившейся штукатуркѣ, занесенныя снѣгомъ окна, съ ледянымъ бордюромъ по стекламъ, старомодная тяжелая и некрасивая мебель... Половицы иногда жалобно поскрипывали подъ обутыми въ валенки ногами Петра Трофимовича и весь онъ былъ похожъ на какого-то сказочнаго старика въ этомъ большомъ и молчаливомъ домѣ...

— Сейчасъ! сейчасъ!

Дверь распахнулась и въ бѣлыхъ облакахъ ворвавшагося пара зашевелились три несуразныя фигуры, чѣмъ-то обвязанныя, обмотанныя, занесенныя съ ногъ до головы снѣгомъ. Который изъ нихъ Григорій—не разберешь.

— Ни пути, ни дороги!—произнесъ Никаноръ, опуская на полъ чемоданъ пріѣзжаго. Это вотъ Сергѣй: пуговицы свѣтятся, а это, стало быть, Григорій... Борода въ снѣгу, усы въ снѣгу, на головѣ торчитъ башлыкъ пикой.

— Здравствуй, отецъ!

— Здравствуй, здравствуй! Здоровъ-ли?... Снимай башлыкъ-то! Одинъ носъ видно... Ахъ ты, этакій... Ну, теперь подойди ближе!..

Они поцѣловались нѣсколько разъ. Потомъ Григорій сталъ снимать пальто, а Петръ Трофимовичъ все смотрѣлъ ему въ лицо, особенно въ глаза, и думалъ: „совсѣмъ мать, вылитая мать!“ и сердце старика заполнялось нѣжностью къ этому „безпутному субъекту“—какъ называлъ отецъ Григорія—и ему хотѣлось смѣяться отъ радости и плакать о томъ, что вотъ Гриша, наконецъ, пріѣхалъ, а Марьи Ѳеодоровны нѣтъ и она не знаетъ объ этомъ и не можетъ посмотрѣть, какая большая борода выросла у Гриши.... Старикъ похлопалъ Григорія по плечу и сказалъ:

— А меня, чай, не узналъ? Совсѣмъ я старикомъ сталъ, въ могилу гляжу... Идите въ столовую, тамъ тепло... Тамъ четырнадцать градусовъ... Ну, ну! Всѣ теперь... Только матери нѣтъ...

Петръ Трофимовчъ засуетился, сбѣгалъ въ кухню и поругалъ Васильевну за промедленіе съ яичницей. Потомъ онъ подсѣлъ къ Григорію и снова сталъ похлопывать его по плечу и заглядывать ему въ глаза.

— Всѣ теперь въ сборѣ... Да!... Только матери нѣтъ... да! ушла она, наша мать, не дождалась тебя, Григорій!... да!

— Будетъ ужъ, папаша!—недовольно замѣтилъ густымъ басомъ подпоручикъ—что толковать ужъ!

А Григорій вдругъ заморгалъ глазами... Ему, такому большому и серьезному, отвыкшему за двѣнадцать лѣтъ не только отъ родительской ласки и опеки, но даже отъ мысли о родителяхъ, давно уже ставшему чужимъ человѣкомъ для семьи и всѣхъ своихъ родственниковъ, вдругъ сдѣлалось страшно жаль мать и мучительно больно сознавать, что онъ никогда уже болѣе не увидитъ своей „мамаши“... Теперь только смерть матери сдѣлалась для него какимъ-то чудовищнымъ, невѣроятнымъ фактомъ!.. Ему захотѣлось узнать про мать: когда она умерла, отчего, гдѣ она похоронена, не спрашивала-ли она на смертномъ одрѣ про него, Григорія.

— Отчего умерла мать?

— Да будетъ ужъ! Ну, умерла, значитъ умерла... Не все-ли равно? Что тутъ говорить!—опять пробасилъ Сергѣй и недовольно и сердито выпустилъ „хм!“, словно приказалъ прекратить непріятные разговоры и тяжелыя воспоминанія.

Васильевна принесла сковородку съ яичницей и не уходила. Она встала въ дверяхъ и внимательно и печально разсматривала своего молочнаго сына съ бородой и усами, такого обдерганнаго и лохматаго, съ остановившимися въ глазахъ слезами...

— Ненаглядный ты мой, касатикъ, соколъ мой ясный, Григорій Петровичъ! Вѣдь, выкормила я тебя!... Не привелъ Богъ родной матери, такъ хоть я на тебя погляжу!...—жалобно начала она. Но Сергѣй вышелъ изъ терпѣнія:

*

— Замолчи! Еще ты начнешь каркать? маршъ! Чертъ знаетъ... Пріѣхалъ отдохнуть, а вмѣсто этого всю душу измотаютъ... Точно на кладбищѣ себя чувствуешь... Право!... Есть у васъ водка?

— Посмотри въ буфетѣ... Кажется, осталось тамъ, въ графинѣ...

— Ничего не осталось!—съ сердцемъ захлопнувъ дверцу буфета, пробасилъ подпоручикъ и сѣлъ.

Тихо стало за столомъ. Старикъ сердился на Сергѣя, но сдерживалъ свое негодованіе. Онъ опустилъ глаза на полъ и только покрякивалъ и пыхтѣлъ. Григорій курилъ папиросу и искоса посматривалъ на брата. Грубая, неинтеллигентная физіономія; что-то фельдфебельское отпечаталось на этомъ лицѣ и было трудно примириться съ фактомъ, что это и есть Сережа, тотъ самый гимназистъ, старшій братъ, другъ и товарищъ, съ которымъ въ далекомъ дѣтствѣ они имѣли столько общихъ радостей и печалей... Совсѣмъ чужой человѣкъ, далекій, внушающій антипатію...

— А ты, Григорій, худой какой! Кашляешь....—замѣтилъ отецъ.

— Да. Ничего, это пройдетъ,—отвѣтилъ Григорій.

— Продуло,—хмуро бросилъ Сергѣй и, вставъ со стула, началъ прохаживаться взадъ и передъ по комнатѣ и посвистывать „я—цыганскій баронъ“.

— Сергѣй! Если хочешь свистать, уйди въ залу... Я тебя просилъ,—тихо, но раздраженно сказалъ отецъ.

— Вотъ еще, какія нѣжности... Скажите пожалуйста!... Могимъ уйти-съ...—Онъ ушелъ и продолжалъ свистать. А за окномъ тоскливо вторилъ ему вѣтеръ, и иногда трудно было разобрать: буранъ это или подпоручикъ выводитъ тоскливыя нотки.

— Ты, Гриша, усталъ, вѣдь, съ дороги?... Ты ложись здѣсь на софѣ, здѣсь тепло, четырнадцать градусовъ... Дверь въ залу затвори, чтобы тепло не уходило... А я сплю все на старомъ мѣстѣ... И все тамъ осталось по-старому, какъ было при матери... И зеркало ея осталось на столикѣ. Пусть стоитъ! Эхе-хе! Худой ты какой! Сергѣй вонъ плотный, какъ стальной, а ты—плохой... Тебѣ надо отдохнуть, бросить всѣ эти глупости, успокоиться... Что толку? Пора и къ пристани, Гриша! Мать передъ смертью сказала: если вернется Гриша, скажи, что я ему прощаю... да! Ну спи! Завтра поговоримъ, ты усталъ...

Въ спальнѣ у Петра Трофимовича горѣла лампадка. Лежа въ постели съ закрытыми глазами старикъ былъ полонъ тихой грусти и радости, и сознаніе, что теперь Григорій вернулся и спитъ тутъ, рядомъ, какъ-то успокаивало, баюкало его, и онъ отдувался и улыбка время отъ времени скользила по старому лицу. Но Григорій кашлялъ и это портило настроеніе тихой радости и успо-

кoенія. Этотъ кашель, такой сиплый и безсильный, отдавался прямо въ сердцѣ старика, тревога прокрадывалась въ его душу и не было силъ заснуть... „Вылитая мать!“—мысленно повторялъ Петръ Трофимовичъ, вспоминая выраженіе глазъ Григорія, и въ мозгу его снова всплывали воспоминанія объ умершей два года тому назадъ женѣ, о ея привычкахъ, о послѣднихъ минутахъ жизни,—и тогда старикъ ворочался въ большой и широкой постели и все ему казалось, что онъ лежитъ неудобно...

И Григорію тоже не спалось. Онъ испытывалъ такое ощущеніе, словно долго-долго все куда-то шелъ, и путь былъ такой утомительный, а когда онъ, изусталый и измученный, прилегъ отдохнуть, то, оглянувшись кругомъ, къ своему удивленію, увидѣлъ, что онъ лежитъ на томъ самомъ мѣстѣ, откуда вышелъ въ дорогу...

Въ той комнатѣ, гдѣ лежалъ теперь Григорій, когда-то была дѣтская, а на мѣстѣ софы, на которой онъ теперь спалъ,—кроватка Гриши... Все это было очень давно, но теперь прошлое какъ-то сократилось, прожитые года казались такими маленькими и мелькали въ памяти, какъ дни, и Григорію казалось, что онъ только уѣзжалъ куда-то по дѣлу и опять пріѣхалъ... Такъ мягко, тепло и удобно было лежать на софѣ; казалось, что вся усталость, скопившаяся за время всей прожитой жизни, теперь уходила куда-то назадъ и на душѣ прояснялся покой и миръ... Прислушиваясь къ тиканью часовъ и къ пѣснямъ зимней метели за окномъ, Григорій тоже улыбался, какъ выздоравливающій больной, въ которомъ пробуждается трепетъ безсознательной радости жизни... Похоже на то, что Григорій, дѣйствительно, причалилъ къ пристани, бросилъ якорь... Онъ усталъ, невыносимо усталъ жить этой нервной, полной безчисленныхъ превратностей и терзаній жизнью интеллигентнаго пролетарія, усталъ отъ безполезныхъ, никому ненужныхъ страданій, отъ лжи и фарисейства, въ которыхъ топегъ культурный человѣкъ, усталъ отъ надоѣвшихъ безполезныхъ споровъ, больныхъ самолюбій, взаимныхъ непониманій и оскорбленій... А, можетъ быть, онъ ушелъ теперь и отъ сознанія, страшнаго сознанія своей ненужности, этого итога прожитой жизни... Теперь онъ никуда не принадлежитъ, не задается никакими принципіальными планами и задачами жизни... Теперь онъ просто больной и усталый человѣкъ, который хочетъ покоя и отдыха. Здѣсь онъ возьметъ клочекъ земли и будетъ работать и жить просто, безъ всякихъ плановъ, какъ живутъ милліоны людей... Чѣмъ гордиться? Какъ считать себя предназначеннымъ къ какой-то особой высокой миссіи, если въ результатѣ получилась одна усталость и сознаніе своего безсилія и ненужности? Онъ будетъ теперь жить на своемъ клочкѣ земли и пусть его

оставятъ въ покоѣ... Онъ останется съ глазу на глазъ съ природой, съ ея ясными и непреложными законами, съ ея собственной справедливостью, красотой и правдивостью, отдыхая отъ всякихъ мукъ, сомнѣній, ссоръ и всей этой безсмысленной сутолоки... У него болитъ грудь, истрепаны нервы, нѣтъ вѣры въ необходимость страданій... Онъ будетъ отдыхать... Уфъ!

Приступъ кашля, сиплаго и настойчиваго, оборвалъ тихія думы Григорія. Онъ долго не могъ остановить этотъ кашель и усталъ, когда онъ прекратился.

— Ты все кашляешь...

Григорій раскрылъ глаза и увидѣлъ отца: онъ стоялъ въ дверяхъ, завернувшись въ пестрое одѣяло, со свѣчей въ рукахъ.

— Надо выпить воды съ вареньемъ, тогда стихнетъ.

— Не безпокойся... Теперь прошло...

Старикъ, гремя посудой, порылся въ буфетѣ, принесъ изъ своей комнаты графинъ съ водой и, сдѣлавъ питье, подалъ сыну.

— Вотъ... выпей! Помогаетъ... У меня былъ кашель, ужасный кашель, такъ я только этимъ и спасался...

И пока Григорій пилъ, старикъ смотрѣлъ ему въ лицо и думалъ: „вылитая мать!“ Потомъ онъ подсѣлъ на софу, въ ногахъ у Григорія, и сказалъ:

— Не спится что-то... Все думаю о томъ, о семъ... Какъ это все устроится... Я думаю тебѣ здѣсь сдѣлать кабинетъ,— ты любишь почитать и пописать,—а столовую можно перенести рядомъ... Здѣсь тепло, а ты все кашляешь. Теперь ужъ отдыхай, береги здоровье, можетъ быть, еще все устроится. Дѣла у меня пошатнулись, а все-таки, если жить экономно и осмотрительно, то прожить можно, проживемъ... да! Вотъ только бы Богъ помогъ намъ развязаться съ мерзавцемъ Виноградовымъ... Я взялъ у него подъ вторую закладную... Бѣда нынче нашему брату, хозяину... да! Однихъ процентовъ я выплачиваю этому подлецу до пятисотъ рублей ежегодно... А имѣніе всего-то въ хорошій годъ даетъ полторы тысячи... Горки, мы вѣдь, давно ужъ продали этому мерзавцу за безцѣнокъ...

Потомъ старикъ сталъ подробно разсказывать, какъ они раззорились и, упоминая о Виноградовѣ, всегда прибавлялъ къ нему „подлецъ“ или „мерзавецъ“.

— Если я умру, будьте съ нимъ осторожнѣй, не довѣряйте, Боже васъ избави! Я ничего съ собой не возьму, все останется вамъ съ Сергѣемъ. Сергѣй все-таки на ногахъ, а тебѣ надо будетъ крѣпче держаться за имѣнье. Надо подняться. Можетъ быть, со временемъ, ты зарекомендуешь себя предъ начальствомъ, поправишь свою репутацію и можно будетъ поступить на службу... Все это возможно. Бывали случаи. Хорошо бы—въ земскіе начальники...

Григорій слушалъ и молчалъ, но когда старикъ началъ говорить о поправленіи репутаціи и о поступленіи въ земскіе начальники, то нетерпѣливо произнесъ:

— Ахъ оставь, отецъ! Все это—неисполнимые проэкты!..

— Что же, ты, вѣдь, ничего не укралъ, никого не ограбилъ... Ты только потерялъ въ жизни маякъ... да! А теперь ты его нашелъ. Не всякое лыко въ строку. Бывали случаи. Не надо отчаиваться, Григорій... Вотъ ты кашляешь,—это нехорошо...

Григорію хотѣлось сказать, что онъ ни въ чемъ не раскаивается и что никакого маяка не нашелъ еще въ жизни, что онъ не желаетъ поправлять свою репутацію и ни передъ кѣмъ не хочетъ себя зарекомендовывать. Но зачѣмъ? Только обидишь старика, потому что онъ не пойметъ. Пусть думаетъ и говоритъ, что̀ хочетъ и что̀ думаетъ...

— Поживешь тутъ смирненько, безъ всякихъ такихъ идей... Поможешь мнѣ вести хозяйство. Одному трудно. Народъ теперь—вольница; кричатъ, что онъ голодаетъ, а онъ пьянствуетъ... Звѣрье, дикое, грубое!.. Берутъ задатки и бѣгутъ и ничего не подѣлаешь... Что тамъ ни говори, а рано дали ему свободу. Покуда волкъ ручнымъ не станетъ, его нельзя спускать съ цѣпи... А за этихъ лѣнтяевъ и пьяницъ мечтатели себя губятъ. Вотъ поживешь,—увидишь! А когда я умру и ты самостоятельно будешь вести хозяйство,—ты не разъ вспомнишь отца. Я тебѣ говорилъ это и раньше... И вотъ что изо всего этого вышло: потеряна карьера, ты кашляешь... Я тебѣ всегда говорилъ. Мы съ матерью не желали тебѣ худа... Ну, что-жъ... Теперь какъ-нибудь все это устроится... Не надо отчаиваться. Мать сказала: если вернется Гриша, скажи ему, что я прощаю... да! Ну, Богъ съ тобой. Спи! Я тебѣ все мѣшаю... Эхе-хе! Мечтатели!..

Старикъ покачалъ головой и пошелъ. Григорій смотрѣлъ ему вслѣдъ недоумѣвающими глазами и, когда старикъ исчезъ за дверью, вздохнулъ и закрылъ глаза. Онъ вдругъ страшно усталъ; что-то стало тяготить его душу и исчезло прежнее настроеніе, будто онъ, наконецъ, пришелъ... За окномъ бѣсновалась вьюга и это безпокоило Григорія, словно ему предстояло идти куда-то дальше въ эту вьюгу, по какому-то важному дѣлу, и словно онъ прилегъ здѣсь только отдохнуть на перепутьи и говорилъ сейчасъ не съ отцомъ, а съ хозяиномъ постоялаго двора, гдѣ остановился...

II.

Было морозное веселое утро. Иней сверкалъ на солнцѣ и снѣгъ скрипѣлъ подъ ногами и казался такимъ бѣлымъ, что слѣпилъ глаза. Всѣ печи въ жилыхъ постройкахъ хутора топились

и дымъ поднимался надъ нимъ высокими фіолетовыми столбами. Въ горкахъ, которыя Петръ Трофимовичъ продалъ мерзавцу Виноградову, былъ храмовой праздникъ, и старикъ поднялся очень рано и сталъ собираться въ Горки къ обѣднѣ. Онъ ѣздилъ туда каждое воскресенье, а на этотъ разъ хотѣлъ взять съ собой Сергѣя и Григорія, чтобы послѣ обѣдни отслужить панихиду на могилѣ Марьи Өеодоровны. Сперва старикъ разбудилъ Сергѣя, а будить Григорія медлилъ, жалѣлъ: „пусть поспить еще немножко!..“ Сергѣй всталъ злой; ему было лѣнь подниматься съ теплой постели; поэтому онъ громко кашлялъ, плевался и дико кричалъ на Васильевну, какъ онъ привыкъ кричать на своего деньщика.

— Дурища, эка дурища!—гремѣлъ его басъ на всѣ комнаты.—Ну! Живо!

Отъ этого крика проснулся и Григорій. И ему было лѣнь вставать и онъ не поѣхалъ бы въ Горки, если бы не панихида по матери. Не поѣдешь,—обидишь старика, потому что онъ придаетъ этому особенный смыслъ и значеніе. Григорій сталъ одѣваться.

— Ты ужъ всталъ? Добре, добре!..—сказалъ отецъ, проходя мимо.—Ну умывайся, да надѣвай сюртукъ,—добавилъ онъ, окинувъ Григорія бѣглымъ взглядомъ.

— У меня сюртука нѣтъ. Я думаю,—можно и въ этомъ...

Старикъ еще разъ обозрѣлъ Григорія и вѣрно ему что-нибудь не понравилось, потому что онъ сморщилъ брови.

— Надо сюртукъ. Ѣхать такъ неудобно. Послѣ панихиды мы проѣдемъ къ Виноградовымъ, тебѣ надо познакомиться, сдѣлать визитъ, потому что этотъ прохвостъ можетъ тебѣ пригодиться. Тебѣ надо какъ-нибудь подняться, поправить репутацію...

Григорій, котораго старикъ раздражалъ проэктами исправленія репутаціи, закашлялся и, когда кашель утихъ, съ досадой сказалъ:

— Мерзавцы и прохвосты мнѣ не могутъ пригодиться. Можно обойтись безъ визита.

— Это все—старая закваска!—отвѣтилъ старикъ и недовольно прибавилъ:

— А, впрочемъ, твоя воля... Я тебѣ, Григорій, худа не желаю... Какъ хочешь, только послѣ не пеняй...

— Не буду пенять—повѣрь ужъ!..

Вошелъ Сергѣй. Онъ былъ въ парадной формѣ, съ эполетами на приподнятыхъ плечахъ, съ выпяченной колесомъ грудью, съ перетянутой серебрянымъ кушакомъ таліей и съ густо нафабренными и закрученными въ струнку усами, которые издали были похожи на два сложенныхъ шляпками гвоздя.

— Шашку!—закричалъ онъ громовымъ голосомъ и, когда пе-

репуганная Васильевна въ попыхахъ прибѣжала и подала ему шашку,—перекинулъ лакированный ремень ея черезъ плечо и спросилъ Григорія:

— А ты что, въ этомъ обдергайчикѣ развѣ поѣдешь?

— Въ обдергайчикѣ.

— Мило! У Виноградовыхъ тебя примутъ за нашего лакея!

— Я къ Виноградовымъ не собираюсь.

— Да и въ церковь—неудобно! Тамъ бываютъ порядочные люди...

Григорій ухмыльнулся, но промолчалъ; онъ бросилъ на брата ироническій взглядъ и подумалъ: „настоящій фельдфебель".

У крыльца топталась малорослая вятская лошадка, такая кругленькая сытая и сильная. Время отъ времени она кому-то кланялась, позванивая привязанными къ уздѣ бубенчиками, и тогда казалось, что гдѣ-то сыпется дождь изъ мелодичныхъ колокольчиковъ. Никаноръ похаживалъ около кошевки и покуривалъ папироску, ожидая выхода господъ. На немъ былъ сѣрый пиджакъ на ватѣ и картузъ мѣщанина на головѣ; только большія рукавицы, которыми Никаноръ похлапывалъ, чтобы согрѣть руки, да валеные сапоги съ краснымъ горошкомъ изобличали мужика. Снѣгъ хрустѣлъ подъ этими громадными валенками и гигантскіе слѣды отпечатывались около санокъ.

Сергѣй стоялъ у окна и смотрѣлъ на лошадку и Никанора. Онъ слегка барабанилъ по стеклу пальцами и пристукивалъ каблукомъ своего лакированнаго сапога. Ему хотѣлось еще поговорить съ братомъ на ту же тему, но не подвертывалось подходящаго повода.

— Удивительное дѣло,—сказалъ онъ, наконецъ, какъ бы размышляя и ни къ кому не обращаясь.—Удивительное дѣло: мужики стараются походить на господъ, а господа—на мужиковъ. Все шиворотъ-на-выворотъ!... Что мужикъ старается вылѣзти изъ мужиковъ—мнѣ это понятно, всякому хочется подняться, а что вотъ нѣкоторыя господа лѣзутъ въ мужики и стараются сдѣлаться мужиками,—этого, ей-Богу, никакъ въ толкъ не возьму!..

„Выстрѣлилъ!"—подумалъ Григорій, но не отвѣтилъ на вызовъ. Очевидно, этотъ выстрѣлъ былъ направленъ въ Григорія: вчера онъ размечтался и вскользь подѣлился своимъ намѣреніемъ взять клочекъ земли и жить, какъ живутъ милліоны людей. Не стоило говорить, потому что они не въ состояніи понять внутренній смыслъ такого рѣшенія. Отецъ появился въ фракѣ и въ большихъ громыхающихъ по полу галошахъ.

— Готовы? А ты, Григорій, все-таки въ этомъ...

— Въ обдергайчикѣ,—отвѣтилъ за брата Сергѣй.

— Я не поѣду,—сказалъ Григорій.

— Твое дѣло, твое дѣло...—недовольно бросилъ на ходу старикъ и пошелъ, и было слышно, какъ онъ сердито хлопнулъ гдѣ-то дверью.

Они уѣхали. Григорій остался одинъ. Вошла Васильевна и сказала:

— А ты, Григорій Петровичъ, не поѣхалъ на могилку къ мамашѣ?

И въ ея голосѣ послышался упрекъ и обида.

— Сколько слезъ за тебя мамаша-то пролила!... Какъ она убивалась за тебя!... Не грѣхъ бы тебѣ за нее помолиться... Охо-хо! Прости намъ, окаяннымъ, Господи!—вздохнувши, закончила Васильевна и вышла, печальная и задумчивая.

Григорій долго и упорно ходилъ по комнатамъ, и въ мозгу его совершалась какая-то торопливая, но безсознательная тревожная работа.

Чего-то не доставало, словно онъ потерялъ что-то или съ нимъ случилось что-то очень скверное, но что именно потерялъ или что случилось—было непонятно. И это его безпокоило, и безпокойство все росло, росло, и весь организмъ заполнялся какой-то тоской и отчаяніемъ, и онъ не находилъ мѣста въ этомъ большомъ домѣ, гдѣ онъ родился... Присѣвъ на диванъ, въ залѣ, Григорій взялъ со стола альбомъ съ фотографическими портретами и отыскалъ мать: на карточкѣ она была снята молодой, съ двумя дѣтьми: Сергѣй стоялъ, а Григорій, такой полненькій съ голыми ножками карапузъ, сидѣлъ на рукахъ у матери, съ удивленно вытаращенными глазами... Долго Григорій смотрѣлъ на этотъ портретъ и какія-то смутныя воспоминанія начинали бродить въ его памяти, а со дна души поднималось сожалѣніе о чемъ-то потерянномъ и невозвратномъ... И чѣмъ больше Григорій смотрѣлъ, тѣмъ больше прояснялись эти воспоминанія, и одинъ моментъ показалось, что Григорій даже помнитъ, какъ ихъ снимали... Но, конечно, то былъ обманъ воображенія, потому что этому карапузу съ голенькими ножками, перетянутыми у ступней ниточкой, было не больше трехъ лѣтъ... Григорій смотрѣлъ на молодую мать и ему не хотѣлось вѣрить, чтобы мама, съ такими добрыми и ласковыми глазами, съ такой любящей, полной материнскаго счастія, улыбкой на лицѣ, не могла понять, что онъ, Григорій,—былъ только честнымъ человѣкомъ и что онъ не виноватъ ни въ чемъ передъ ними. Григорій думалъ, что только одна мать могла бы, можетъ быть, понять теперь, какъ и почему все такъ случилось съ нимъ и, если не понять, то повѣрить, что онъ всю жизнь отдалъ людямъ и что теперь онъ усталъ и обезсилѣлъ, что у него болитъ грудь и больше нѣтъ силъ скитаться... Вынувъ изъ кармана пиджака носовой платокъ, онъ приложилъ его къ глазамъ и порывисто вскочилъ съ мѣста...

Въ полдень пріѣхали изъ Горокъ отецъ съ Сергѣемъ. На лицѣ старика была торжественность и то особое выраженіе серьезности и умиленія, которое запечатлѣвается, обыкновенно, на лицѣ вѣрующаго человѣка при совершеніи религіозныхъ таинствъ и обрядовъ. Онъ ходилъ тихо, словно носилъ въ рукахъ что-то хрупкое, голову держалъ прямо, и какая-то тайная высокая дума, казалось, не покидала его даже тогда, когда онъ сѣлъ за обѣдъ. Онъ былъ молчаливъ и смотрѣлъ куда-то далеко, словно не видѣлъ сидѣвшихъ противъ него Сергѣя и Григорія.

Сергѣй былъ румянъ, бодръ и веселъ и, казалось, жизнь играла въ этомъ здоровомъ и крѣпкомъ тѣлѣ. Онъ былъ очень доволенъ собой: въ бѣдномъ сельскомъ храмѣ, гдѣ молились все темные и пугливые люди, появленіе Сергѣя было цѣлымъ событіемъ; блестящая форма заставляла эти темныя головы предполагать въ Сергѣѣ очень важную и крупную особу, вродѣ исправника или даже губернатора, и когда Сергѣй звонко прищелкивалъ шпорами по каменному полу церкви, то всѣ торопливо сторонились, разступались и, давая ему дорогу, шептали сосѣдямъ: „пропусти! али не видишь?“ Впереди, вблизи клиросовъ, стояла чистая публика: мужчины—направо, женщины—налѣво; налѣво пестрѣло нѣсколько шляпокъ съ яркими цвѣтами, и Сергѣй не разъ съ удовольствіемъ замѣчалъ, что всѣ шляпки повертываются въ его сторону и что женщины въ шляпкахъ заботятся о собственномъ впечатлѣніи на Сергѣя, лишь только онъ по-орлиному повернетъ голову налѣво... Его отмѣтили даже священнослужители: для него была нарушена привиллегія станового пристава первымъ приложиться къ кресту и поздороваться съ батюшкой, а дьячекъ, съ похожей на хвостикъ косичкой позади, подавая Сергѣю просфору на блюдцѣ, подобострастно улыбнулся и сказалъ: „Съ праздничкомъ, ваше высокоблагородіе!“ и всѣ это слышали, а становому не понравилось...

Обѣдъ былъ тоже торжественный. Сперва Васильевна подала кутью, чтобы помянуть покойницу Марью Ѳеодоровну. Отецъ перекрестился и осторожно, съ благоговѣніемъ, съѣлъ нѣсколько ложекъ этого символическаго кушанья. Сергѣй тоже съѣлъ нѣсколько ложекъ съ почтеніемъ, а потомъ наложилъ себѣ кутьи на тарелку и сталъ ѣсть, какъ кашу. Отецъ взглянулъ въ сторону Григорія и тому показалось, что старикъ хотѣлъ посмотрѣть, ѣстъ-ли Григорій кутью. Григорій чувствовалъ къ кутьѣ брезгливость; она осталась у него съ дѣтства и появилась послѣ того, какъ законоучитель въ гимназіи объяснилъ значеніе кутьи такъ: „зернышекъ много,—и покойниковъ много, изюменки сладки,—и покойничкамъ *тамъ* сладко“. Чтобы не обидѣть, однако, отца, Григорій взялъ вилку и, отбрасывая въ сторону изюменки, сталъ ѣсть одни рисовыя зерна.

— Это не игрушка!—недовольно сказалъ старикъ и отодвинулъ блюдо съ кутьей отъ Григорія.

— По ихнему, папаша, все это—одна комедія и предразсудки!—насмѣшливо пробасилъ Сергѣй и, проглотивъ послѣднюю ложку своей порціи кутьи, вытеръ усы салфеткой и весело сказалъ:

— А теперь можно раздавить и чепурышечку!

И выпивъ рюмку водки, онъ съ удовольствіемъ пустилъ „брр!“

Григорій сидѣлъ за столомъ и чувствовалъ себя неловко и натянуто, словно онъ и въ самомъ дѣлѣ въ чемъ-то провинился передъ этими людьми. Еще онъ чувствовалъ, что отецъ съ Сергѣемъ говорили между собою о немъ, Григоріи, и въ чемъ-то оказались согласны, солидарны другъ съ другомъ. По временамъ они обмѣнивались взглядами, по временамъ отецъ изъ-подлобья взглядывалъ на Григорія и въ этомъ взглядѣ Григорій улавливалъ, кромѣ недружелюбія, еще озабоченность и безпокойство. Можетъ быть, отецъ опять говорилъ о немъ со становымъ...

— Тебѣ, Григорій, не мѣшало бы остричься, космы отросли, какъ у дьячка!—сказалъ старикъ, между прочимъ, кончая обѣдать.

— Это, братецъ, теперь ужъ вышло изъ моды,—замѣтилъ Сергѣй, отдуваясь отъ излишка принятой пищи,—нигилисты нынче подтянулись: стригутся „подъ польку“ и не носятъ красныхъ рубахъ!

И сказавъ это, Сергѣй бросилъ взглядъ на отца съ такимъ выраженіемъ, когда человѣкъ бываетъ убѣжденъ, что встрѣтитъ поддержку.

— Оставьте меня въ покоѣ!—крикнулъ Григорій. Въ его голосѣ зазвенѣла злоба и онъ сталъ кашлять. Этотъ кашель встряхивалъ все его тощее тѣло, и казалось, что въ груди у Григорія что-то сидитъ и держится когтями, а онъ всѣми силами легкихъ старается выбросить это „что-то“ вонъ и никогда не выброситъ...

За вечернимъ чаемъ они сидѣли молча и тяготились другъ другомъ. Отцу нездоровилось: онъ кряхтѣлъ и на лицѣ его было такое выраженіе, словно ему бередили незажившую рану. Сергѣй читалъ „Новое Время“, позванивалъ чайной ложечкой о стекло стакана и время отъ времени произносилъ „хм!“

— Я всѣхъ бы ихъ перевѣшалъ и дѣлу конецъ!—вслухъ подумалъ онъ, отбросивъ газету и принимаясь за чай.

— Кого ты это?—хмуро спросилъ отецъ.

— Жидовъ. Началъ бы съ этого самого Дрейфуса и кончилъ послѣднимъ пархатымъ жидомъ!

— А что?

— Помилуйте! Изъ-за одного какого-то, съ позволенія сказать, паршиваго жида трясется все государство, оскорбляется честь арміи! Повѣсить на первую осину и дѣлу конецъ! Хм!.. А ты,

милѣйшій, чему же смѣешься?—вызывающе обратился вдругъ онъ къ Григорію, замѣтивъ на лицѣ того ироническую улыбку.

— Слишкомъ ужъ ты строгъ, хотя и несправедливъ... Если бы тебя, Сергѣй, неожиданно сдѣлали, какъ Санчо Панса, губернаторомъ какого-нибудь острова, то навѣрное тамъ скоро не осталось бы жителей...

— А я думаю, братецъ, что и такихъ, какъ ты, Донъ-Кихотовъ ставить къ дѣлу негодится...

— И это правильно!—спокойно отвѣтилъ Григорій.—Такіе Донъ-Кихоты, какъ я, не годятся даже на пушечное мясо...

Сергѣй вспыхнулъ.

— Это пушечное мясо, милѣйшій, проливаетъ кровь за отечество, не щадитъ своего живота, а не мѣшаетъ помнить, что сказано: нѣтъ выше подвига, какъ положить душу за други своя... Вотъ что, братецъ!

— Ты говоришь такъ, словно ужъ не пощадилъ живота и положилъ душу,—замѣтилъ Григорій и ему стало такъ смѣшно и весело, что онъ громко расхохотался.

— И потомъ, Сергѣй, это сказано про душу, а не про животы... Придетъ время, когда не надо будетъ такъ безпощадно относиться къ своимъ и къ чужимъ животамъ, и тогда... тогда вамъ нечего будетъ класть!

Сергѣй вскочилъ со стула и, стукнувъ по столу кулакомъ, закричалъ дико:

— Прошу со мной не шутить! Я могу забыть, что ты мой братъ!..

Съ этими словами Сергѣй вышелъ въ залъ, захлопнувъ дверь за собой такъ сильно, что чайная посуда на столѣ вздрогнула. Григорій сидѣлъ, съ недоумѣвающей улыбкою на лицѣ, и смотрѣлъ какъ-то себѣ въ бороду. Отецъ покрякивалъ и насупилъ брови. Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи, а потомъ старикъ началъ:

— Григорій! Я тебя попросилъ бы не разводить передъ нами нигилизма и атеизма,—это во-первыхъ! а во-вторыхъ...

— Во-вторыхъ?

— Во-вторыхъ, не оскорблять насъ съ Сергѣемъ своими неумѣстными шуточками. Я слишкомъ старъ, чтобы служить для нихъ мишенью, а Сергѣй... Сергѣй какъ-никакъ представитель русскаго дворянства, отъ котораго ты открещиваешься, и... русской арміи... да! Я долженъ тебѣ сказать...

Григорій смотрѣлъ широко раскрытыми глазами на отца и не зналъ, вѣрить ли своимъ ушамъ. Онъ и не замѣтилъ, какъ нанесъ столь тяжкія оскорбленія отцу и брату!.. Оперши голову на руки, Григорій слушалъ, какъ плавно, методично, словно дождевая вода съ крыши, лилась обличительная рѣчь старика, и въ

тактъ словамъ и ударенiямъ покачивалъ головою, словно соглашался во всемъ...

— Ты мнѣ писалъ, что усталъ нравственно и физически, и я думалъ, что ты, наконецъ, образумился, бросилъ свои разныя этакія идеи и хочешь успокоиться и жить, какъ живутъ всѣ благоразумные, честные люди... А ты, оказывается, вовсе не думалъ уставать и намѣренъ воспользоваться моимъ приглашеніемъ для своихъ соціальныхъ затѣй, хочешь что-то тамъ учредить на моей землѣ... Тебя не останавливаетъ ни благородное происхожденіе, ни то, что мать простила тебѣ передъ смертью всѣ твои гадости, ни болѣзнь твоя, ни мысль, что когда-нибудь надо же взяться за честное дѣло... Я тоже усталъ, дѣйствительно усталъ, и нравственно и физически... Я старъ и, кто знаетъ, дни мои, можетъ быть, сочтены... Хоть бы передъ гробомъ-то ты... пожалѣлъ... да... меня...

Голосъ старика изъ методичнаго и сухого сдѣлался вдругъ неровнымъ, задрожалъ, глаза стали моргать, а ввалившіяся въ беззубый ротъ губы—конвульсивно кривиться.

— Сколько горя мы уже пережили черезъ тебя, Григорій! Если бы собрать всѣ слезы, которыя мы... съ матерью...

Старикъ махнулъ рукой, замолчалъ и сталъ всхлипывать, какъ ребенокъ послѣ продолжительнаго плача. Когда Григорій слушалъ методическую рѣчь на его лицѣ вспыхивали красныя пятна и въ душѣ закипало негодованіе, по временамъ ему хотѣлось зло расхохотаться прямо въ лицо старику или оборвать его дикія слова и оскорбленія крикомъ „Замолчи!“ и стукнуть кулакомъ по столу, какъ это сдѣлалъ давеча Сергѣй,—но когда Григорій услышалъ эти всхлипыванія и когда увидалъ моргающіе глаза и искривленныя губы,—то онъ вдругъ почувствовалъ себя совершенно беззащитнымъ и ему самому захотѣлось плакать, но не было слезъ, а было только трудно дышать, не хватало воздуха и что-то давило на мозгъ... А старикъ все всхлипывалъ, голова его, съ голымъ теменемъ и съ клочьями сѣрыхъ волосъ, тряслась на рукахъ, а плечи вздрагивали...

Григорій соскочилъ вдругъ со стула и, приблизившись къ отцу сзади, обнялъ рукой его шею и, перекинувшись черезъ плечо, сталъ цѣловать его колючую мокрую и соленую отъ слезъ щеку.

— Перестань, отецъ! успокойся... Мы не можемъ только понять другъ друга... Я, отецъ—не злой человѣкъ... Нѣтъ... Я ни въ чемъ не виноватъ... Что горя я причинилъ вамъ много—это такъ, правда!.. Ну, за это прости меня, какъ—мать!.. Я не виноватъ... Нѣтъ...—говорилъ Григорій и весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Богъ съ тобой, Григорій! Мы... мы съ матерью не могли тебѣ желать худа... да!.. Мы знали, что сердце у тебя доброе... Но тебя смутили... Эти... будь они прокляты!—со стономъ выкрикнулъ старикъ и какъ-то трагически погрозилъ въ пространство кому-то пальцемъ.

Вошелъ Сергѣй. Онъ услыхалъ плачъ отца и весь кипѣлъ негодованіемъ.

— Развѣ у нихъ есть сердце, папаша? Хм... Они не признаютъ брака, а слѣдовательно не могутъ чувствовать и сыновней любви, жалости къ отцу... У нихъ „зѣнчали вокругъ ели, а черти пѣли...“ А насчетъ собственности у нихъ: „что мое, то мое, а что твое,—тоже мое!“

Григорій отошелъ въ сторону. Онъ мелькомъ взглянулъ на брата, и взглядъ этотъ былъ безстрастенъ и безразличенъ, словно Григорій видѣлъ предъ собою не Сергѣя, а такъ, какой-то неодушевленный предметъ... Онъ тихо пошелъ прочь, съ опущенной головой, и въ походкѣ его, какъ и во всей фигурѣ, было что-то беззащитное и безвыходное.

III.

Григорій ходилъ по своей комнатѣ и курилъ папиросу за папиросой. Чтобы не мѣшать прихворнувшему отцу спать, онъ снялъ ботинки и ходилъ въ однихъ чулкахъ. Шаги его мягко и глухо отдавались въ тишинѣ ночи и заставляли чуткую Васильевну прислушиваться и безпокоиться: она не могла понять, гдѣ ходятъ, и, по обыкновенію, предполагала воровъ на подволокѣ, гдѣ у нихъ стоитъ сундукъ съ разнымъ хламомъ.

Ночь была лунная и тихая. Снѣгъ блисталъ синими огоньками и въ комнатѣ дрожалъ мягкій голубоватый отблескъ луннаго сіянія. Было такъ тихо въ домѣ и на дворѣ, что казалось, будто снѣгъ подъ ногами карауливщаго хуторъ мужика хруститъ въ комнатахъ, а протяжный звонъ колокола Горской церкви, отбивавшаго „часы“, слышался такъ ясно и отчетливо, словно церковь стояла на дворѣ, а не въ Горкахъ, за четыре версты отъ хутора... Когда Григорію надоѣдало ходить взадъ и впередъ, онъ подходилъ къ окну и смотрѣлъ на лунную ночь... Тамъ было такъ спокойно и тихо, словно всѣ люди на землѣ умерли и остался одинъ только онъ, Григорій, да этотъ лунный свѣтъ, такой странный и загадочный... Ночь точно о чемъ-то думала. Казалось, она что-то знаетъ, но хранитъ въ тайнѣ и никогда не скажетъ то, что она знаетъ... Быть можетъ, она думаетъ о людяхъ и жалѣетъ этихъ несчастныхъ пигмеевъ, устроившихъ

себѣ адъ на землѣ въ ожиданіи рая на небѣ, гдѣ теперь безстрастно и величаво остановилась луна...

Дверь въ залъ раскрыта: на полу легли тѣни отъ переплета оконныхъ рамъ; въ углу стоятъ старыя забытыя клавикорды... На этихъ клавикордахъ мать играла когда-то „Молитву дѣвы"; когда, на-дняхъ, Сергѣй началъ играть на этихъ клавикордахъ, то они словно заплакали и закашляли проволокой... И все-таки они стоятъ и стоятъ, а матери, которая играла на нихъ „Молитву дѣвы", нѣтъ. Да, матери нѣтъ... И того Сережи, гимназиста, съ которымъ въ дѣтствѣ они жили душа въ душу, жили одной жизнью и понимали другъ друга съ полуслова,—тоже нѣтъ... Онъ исчезъ безслѣдно, и кажется, что его подмѣнилъ кто-то большимъ и грубымъ человѣкомъ, который кричитъ, стучитъ, говоритъ: „ну-ка, раздавимъ чепурышечку!" и насвистываетъ: „я цыганскій баронъ..." И отца нѣтъ, предъ которымъ онъ когда-то благоговѣлъ и каждому слову котораго вѣрилъ... И никого нѣтъ на свѣтѣ, кто бы понялъ, какъ онъ усталъ и какъ болитъ у него грудь... Отъ этого одиночества жутко и холодно, и никуда отъ него не уйдешь, потому что оно, какъ тѣнь, идетъ по слѣдамъ...

Григорій прилегъ на софу. У него закружилась голова, можетъ быть отъ думъ, какъ вихрь, кружащихся въ мозгу, а можетъ быть, просто отъ долгаго хожденія по комнатѣ. Когда онъ закрывалъ глаза, то ему чудилось, что софа, вмѣстѣ съ его тѣломъ, двигается плавно и безшумно, какъ лодка по тихой водѣ. И опять ему казалось, что онъ все время куда-то ѣхалъ, безконечно долго ѣхалъ, потомъ остановился немного отдохнуть и опять поѣхалъ дальше... Куда? Это неясно... А когда онъ уснулъ, то ему приснился глупый сонъ, будто онъ летаетъ на этой самой софѣ по воздуху и нигдѣ не можетъ остановиться, потому что какъ только софа начнетъ опускаться на землю, появляется откуда-то Сергѣй, въ полной парадной формѣ, и кричитъ: „шашку!"—и тогда софа, покачавшись на мѣстѣ, опять поднимается и летитъ...

Утромъ онъ всталъ вялый, развинченный и всѣ члены его болѣли, словно за ночь его избили. Въ головѣ носился туманъ, знобило и во рту ощущалась сухость. Первымъ дѣломъ онъ вытащилъ изъ-подъ софы свой чемоданъ, раскрылъ его и задумался. Въ этомъ положеніи его засталъ отецъ. Теперь старикъ ходилъ мягко, смотрѣлъ кротко и въ глазахъ его свѣтилась добрая задумчивость.

— Сегодня я видѣлъ во снѣ нашу мать,—заговорилъ онъ и вздохнулъ.—Будто она пила съ нами чай и все торопилась... А когда я спросилъ ее, зачѣмъ она торопится, то она сказала, что пришла ненадолго, чтобы повидаться съ тобой, Григорій! Да! съ тобой! А потомъ кто-то—должно быть, ты—стукнулъ и я проснулся...

Григорій задвинулъ чемоданъ подъ софу и сталъ ходить рядомъ съ отцомъ и все порывался о чемъ-то заговорить съ нимъ. Старикъ былъ съ нимъ ласковъ: онъ былъ увѣренъ, что Григорій вчера обнималъ его и цѣловалъ потому, что, наконецъ, раскаялся, и съ этимъ раскаяніемъ онъ связывалъ свой сонъ, который казался старику чрезвычайно знаменательнымъ...

— Тебѣ, можетъ быть, надо что-нибудь изъ бѣлья?—заговорилъ онъ, вспомнивъ, что засталъ Григорія за раскрытымъ чемоданомъ.—У тебя, вѣрно, какая-нибудь нехватка? Ты говори, не стѣсняйся. У меня есть лишнее. Покойная мать много нашила мнѣ всякой всячины, на всю жизнь мою хватитъ и еще останется... Нечего церемониться...

— Нѣтъ, не надо...

Григорій еще походилъ около отца молча и, наконецъ, тихо сказалъ:

— Бѣлья не надо.. Вотъ если бы ты далъ мнѣ рублей десять—пятнадцать на дорогу, я былъ бы тебѣ очень благодаренъ. Когда получу,—вышлю тебѣ...

Старикъ вопросительно посмотрѣлъ на Григорія и ничего не понялъ.

— Сегодня я, отецъ, думаю ѣхать,—пояснилъ Григорій, глядя въ землю.

— Куда?

— Да покуда въ Самару, а потомъ... посмотрю тамъ.

— Зачѣмъ?!

— Надо. Можетъ быть, найду тамъ какую-нибудь работу и устроюсь...

— Вотъ тебѣ и разъ! Самъ усталъ, кашляетъ, а самъ опять—работу! Ты что-то, Григорій, неладно думаешь... Можетъ быть, ты думаешь, что ты... какъ это сказать... что ты будешь мнѣ мѣшать, или что при тебѣ будетъ лишній расходъ? Ты это оставь, Григорій! Зачѣмъ передъ отцомъ гордиться?! Проживемъ какъ-нибудь...

И опять Григорій почувствовалъ какую-то безвыходность и не зналъ, какъ ему объяснить свое рѣшеніе уѣхать, чтобы не оскорбить и не огорчить старика, такъ нѣжно и кротко настроеннаго. Опять у Григорія стало тяжело на душѣ, и опять стало трудно дышать и въ вискахъ застучало громко, какъ молотками по наковальнѣ...

— Я къ тебѣ пріѣду весной, а теперь... надо ѣхать. Ты, пожалуйста не сердись... Что же дѣлать? Никто не виноватъ тутъ, а просто я... не могу...

— Ну, что-жъ... если не можешь, ничего не подѣлаешь. Я неволить не стану... да! А самъ говорилъ, что усталъ... Въ род-

номъ домѣ, гдѣ ты родился и воспитывался, около отца, въ деревнѣ—лучшаго отдыха, Григорій, не найдешь, помяни мое слово: не найдешь!.. Ну, что же?... Опять я одинъ останусь... Сергѣй тоже уѣдетъ скоро—отпускъ у него кончится, и ты уѣдешь... Ты, можетъ-быть, разсердился на то, что я вчера говорилъ? На отца не стоитъ сердиться... Можетъ быть, немножко лишняго я вчера сказалъ, погорячился...

— Нѣтъ, не въ томъ, отецъ, дѣло... Это пустяки... А такъ... Поѣду...

— Ну, что-жъ... Денегъ я тебѣ дамъ. Мнѣ не жалко, когда есть... А когда ты поѣдешь?

— Сегодня...

— Какъ это у васъ все вдругъ, Григорій!.. Ни съ того, ни съ сего... Ужъ погостилъ бы, вмѣстѣ съ Сергѣемъ и поѣхали бы...

Когда отецъ упомянулъ о Сергѣѣ, Григорій отрицательно замоталъ головой и сказалъ:

— Намъ съ нимъ не по пути...

— Вотъ тебѣ и разъ! До станціи то поѣхали бы вмѣстѣ,—я про то и говорю...

— Нѣтъ, отецъ, ужъ все равно... Скорѣй—лучше...

— Жалко, жалко... Опять я одинъ... да!..

Весь день старикъ ходилъ какой то задумчивый, сосредоточенный и печальный, и все вываливалось у него изъ рукъ, и все онъ кряхтѣлъ и съ тоской останавливалъ свои глаза на лицѣ Григорія, словно все хотѣлъ разгадать что-то или хорошенько разсмотрѣть это лицо, въ которомъ было для него столько дорогого, близкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ чуждаго и непонятнаго...

Сергѣй ходилъ съ холоднымъ презрѣньемъ, то же сосредоточенный, держалъ руки въ карманахъ тужурки, узкой, плотно обтянувшей его сзади, и насвистывалъ: „я—цыганскій баронъ“; когда онъ проходилъ залъ до конца, то быстро повертывался на каблукахъ и, позванивая шпорами, опять шелъ... Сергѣй приписывалъ сборы Григорія въ отъѣздъ исключительно своему воздѣйствію и тому, что онъ стукнулъ кулакомъ по столу и сказалъ: „я прошу со мной не шутить“, но онъ предполагалъ, что братъ не уѣдетъ и что онъ ломаетъ только комедію, желая, чтобы его упрашивали остаться. „Пусть извинится, больше никакихъ!“—думалъ онъ и ждалъ, что вотъ-вотъ Григорій подойдетъ и начнетъ извиняться. Но Григорій медлилъ и Сергѣй терялъ терпѣніе.

— Куда изволите собираться?—спросилъ онъ, останавливаясь около брата и выдѣлывая какія то „па“ ногами.

— Домой!—со вздохомъ отвѣтилъ Григорій, не обернувшись.

— Такъ-съ... А позвольте узнать, гдѣ у васъ домъ?

— Далеко. Отсюда не видать,—спокойно отвѣтилъ Григорій, крѣпко стягивая ремни чемодана.

— Такъ-съ... Однако будетъ комедію ломать! Ты, вѣроятно, считаешь себя оскорбленнымъ? Я, Григорій, вынужденъ былъ такъ отвѣтить... Если ты извинишься, я готовъ взять свои слова назадъ...—началъ Сергѣй снисходительнымъ тономъ.—Я, Григорій, поступилъ, какъ...

— Какъ „честный офицеръ",—докончилъ Григорій серьезно.

— Въ такомъ случаѣ—давай руку и развязывай чемоданъ!—довольно улыбаясь, пробасилъ Сергѣй.

Григорій руку подалъ, но чемоданъ развязывать не сталъ.

Послѣ обѣда, который прошелъ томительно, въ какомъ то напряженномъ молчаніи, отецъ отозвалъ Григорія въ сторону и сказалъ: „поди-ка ко мнѣ въ комнату на два слова".

— Ты, Григорій, можетъ быть, дѣйствительно того... изъ-за ссоры съ Сергѣемъ хочешь уѣхать? Надо плюнуть. Онъ, вѣдь, грубъ и глупъ, ему извинительно.. У нихъ у всѣхъ такія замашки: стучать, кричать и свистать... Ты ему извини ужъ! Не стоитъ на него обижаться. Ты поумнѣе и плюнь!

— Я и не обижаюсь... Я—не потому... Нѣтъ! Надо все-таки ѣхать...

— То-то!.. да... Такъ, можетъ быть, ты отложишь до завтра?

— Надо ѣхать, отецъ!.. Все равно ужъ... Скорѣе. Сегодня въ ночь.

— Ну, Богъ съ тобой! какъ хочешь... да! денегъ тебѣ надо. Вотъ, возьми четвертную!

— Много. Довольно пятнадцати.

— Ну, ну! полно! Что гордиться? Всетаки я тебѣ — отецъ, не чужой... бери, бери! А то въ конецъ обидишь меня.. Умру,—все ваше будетъ.

— Я разсчитываю получить... Вышлю тебѣ.

— Нѣтъ, ужъ пожалуйста не дѣлай этого!.. Какіе съ отцомъ счеты?! Зачѣмъ гордиться!..

Васильевна ходила съ заплаканными глазами. Она жалѣла Григорія и думала, что его всѣ обижаютъ. Она нѣсколько разъ принималась на кухнѣ плакать и причитать, но, появляясь въ комнатахъ, не подавала виду: она помнила, какъ Сергѣй Петровичъ закричалъ „маршъ", когда она пожалѣла Григорія Петровича. А Григорій Петровичъ — мягкій, сердце у него ласковое и всякій его можетъ обидѣть, а заступиться некому,—нѣтъ родной матери..

Въ семь часовъ у крыльца стояла уже запряженная въ кошевку маленькая лошадка и когда она, потряхивая головой, разсыпала колокольчики, то и у старика, и у Сергѣя, и у Григорія вздрагивало сердце и дѣлалось грустно, грустно. Они пили вмѣстѣ послѣдній чай.

*

— Я тебѣ налью еще стаканчикъ? — говорилъ старикъ, оттягивая минуту разлуки.

— Пожалуй, налей... Хотя не хочется.

— Пей, пей! На желѣзной дорогѣ надо платить 10 коп. за каждый стаканъ... Какъ не стало матери, я самъ началъ разливать чай... Привыкъ!.. А раньше не могъ, все забывалъ, что наливать некому, и ждалъ, когда мнѣ нальетъ мать... Ты пей съ хлѣбомъ! Я тебѣ положилъ курицу-то въ узелокъ... Зубовъ у меня мало и все ровно я только пососу, а ничего не сдѣлаю съ курицей... А тебѣ въ дорогѣ пригодится... На желѣзной дорогѣ за эту штуку заплатишь гривенъ шесть...

Григорій черезъ силу пилъ чай и то и дѣло смотрѣлъ на часы. Но въ комнату заглянулъ Никаноръ и сказалъ:

— А что, господа честные, не опоздамъ мы на чугунку?

Тогда Григорій всталъ и, словно спохватившись, произнесъ: „пора! пора!“...

— Весной буду ждать,—началъ отецъ, —весной у насъ хорошо, благодать! На пруду есть лодка... будешь рыбачить... Ты не разлюбилъ это занятіе?

— Нѣтъ.

— Будешь охотиться на утокъ...

— Прошлой весной этихъ самыхъ утокъ было...—неожиданно воодушевившись, началъ было говорить Никаноръ, но Сергѣй показалъ ему на чемоданъ, и Никаноръ не кончилъ фразы: схвативъ чемоданъ, онъ понесъ его въ санки.

— Ну, прощайте,—глухо сказалъ Григорій.

— Надо присѣсть передъ дорогой... Такой ужъ обычай... Сядь, Сергѣй!

Они посидѣли, потомъ разомъ всѣ встали, старикъ помолился передъ образомъ, подошелъ къ Григорію, перекрестилъ его и долго держалъ въ объятіяхъ и цѣловалъ, а когда выпустилъ, то сталъ тяжело отдуваться, приговаривая:

— Ну, Богъ съ тобой! Счастливый путь тебѣ!.. Весной, смотри, буду ждать... Пиши, какъ тамъ будешь жить... Деньги если понадобятся,—не гордись...

— Прощай, Гришка!—сказалъ Сергѣй и тоже громко поцѣловалъ брата три раза.

— Смотри, не сердись!.. Я, вѣдь, горячій,—добавилъ онъ.

Всѣ вышли провожать Григорія на крыльцо. Васильевна стояла тутъ же. Когда всѣ еще разъ простились съ Григоріемъ, она схватила его руку и поцѣловала.

— Прости насъ, окаянныхъ... А самъ молись за мамашу-то!— наставительно прошептала она ему на ухо, и Григорій почувствовалъ, какъ горячая слеза упала ему на руку.

— Ну, трогай!

Завизжали полозья саней, забулькали бубенчики и Григорій поѣхалъ.

— На Козьемъ вражкѣ осторожнѣй, Никаноръ! Подъ уздцы спусти!—крикнулъ старикъ упавшимъ голосомъ.

— Спустимъ!—отвѣтилъ Никаноръ, не оборачиваясь, ударилъ лошадку, и кошевка плавно покатилась по снѣгу, мимо амбаровъ, погребовъ и каретниковъ, къ воротамъ...

Сергѣй ушелъ въ комнаты, а отецъ съ Васильевной остались. Васильевна утирала слезы рукавомъ кофты и что-то шептала. А старикъ смотрѣлъ вслѣдъ уплывавшимъ санкамъ, изъ которыхъ торчалъ башлыкъ на головѣ Григорія, и моргалъ глазами, и ему было такъ грустно, словно онъ во второй разъ похоронилъ Марью Ѳедоровну...

Когда лошадка выѣзжала изъ воротъ, Григорій оглянулся. На крыльцѣ еще темнѣла чья-то фигура; Григорій хотѣлъ помахать рукой, но не успѣлъ: крыльцо спряталось за какую-то постройку и незачѣмъ было махать.

Когда выѣхали въ поле,—подулъ въ лицо рѣзкій вѣтеръ. Григорій накрылъ лицо наглухо башлыкомъ, оставивши только маленькую дырочку для воздуха, и закрылъ глаза... Полозья съ желѣзными подрѣзами визжали по снѣгу, бубенчики сыпались по дорогѣ непрерывнымъ дождемъ мелодичныхъ колокольчиковъ и, прислушиваясь къ этой своеобразной мелодіи, Григорій начиналъ мало-по-малу погружаться въ нирвану.

Ему казалось, что онъ ѣдетъ давно, давно, что онъ никогда не останавливался и никогда не остановится, а будетъ безъ конца все куда-то ѣхать...

Евгеній Чириковъ.

Вулканы на землѣ и вулканическія явленія во вселенной.

Проф. А. П. Павлова.

I. Вулканы на землѣ.

Въ этой статьѣ описываются тѣ замѣчательныя явленія въ жизни нашей земли, съ которыми насъ знакомятъ вулканы, разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ по ея поверхности.

Правда, намъ, жителямъ русской равнины, приходится слышать о вулканическихъ явленіяхъ только на урокахъ географіи, но, тѣмъ не менѣе, они заслуживаютъ того, чтобъ остановить на нихъ наше вниманіе, такъ какъ играютъ очень важную роль и на землѣ, и на другихъ небесныхъ тѣлахъ, и ихъ изученіе проливаетъ свѣтъ на нѣкоторыя еще таинственныя для насъ явленія въ міровой или космической жизни.

Вулканы и вещества, ими выбрасываемыя и изливаемыя, не слишкомъ распространены на землѣ. Далеко бо́льшая часть зёмной поверхности сложена изъ матеріаловъ не вулканическаго, а воднаго происхожденія. Почти всюду подъ почвой съ ея растительнымъ покровомъ мы встрѣчаемъ болѣе или менѣе уплотненные осадки моря: глины, песчаники, известняки съ морскими раковинами, иногда съ остатками растеній, занесенныхъ съ ближайшаго берега. Въ равнинныхъ странахъ они обыкновенно лежатъ горизонтальными слоями, въ странахъ горныхъ они приподняты, сдвинуты въ складки, смяты и разломаны. Въ сѣверной и средней части нашей русской равнины поверхъ этихъ осадковъ лежитъ еще красноватая глина или песокъ съ валунами сѣверныхъ, преимущественно финляндскихъ и олонецкихъ каменныхъ породъ (булыжный камень); это наносы, образовавшіеся при участіи льда, когда-то покрывавшаго эту страну. Словомъ, вода и холодъ—Нептунъ и Борей—были главными дѣятелями, созидавшими тѣ матеріалы, изъ которыхъ построена обитаемая нами страна. Чтобы познакомиться еще съ другими матеріалами—тѣми, которые создаются при участіи жара, сокрытаго въ глубинахъ земли — нужно отправиться въ другія мѣстности, туда, гдѣ дѣятельность этого жара проявилась и продолжаетъ проявляться въ наиболѣе осязательной формѣ. Ближайшая изъ такихъ мѣстностей—южная Италія.

Невдалекѣ отъ сѣвернаго берега Сициліи и отъ страшнаго въ древности пролива Сциллы и Харибды (нынѣшній Мессинскій проливъ) расположена группа небольшихъ островковъ, называемыхъ Липарскими или Эоловыми. Самый южный изъ нихъ въ эпоху заселенія Италіи греками представлялъ страшное и необычайное для нихъ зрѣлище (рис. 1). Изъ обширнаго чашеобразнаго углубленія на его вершинѣ, такъ называемаго кратера (κρατήρ по-гречески чаша), выбрасывались клубы паровъ и удушливыхъ газовъ, вылетали раскаленные камни и падали въ сосѣднее море.

Непривычные къ подобнымъ зрѣлищамъ, мореплаватели не осмѣливались приближаться къ этому острову, думая, что здѣсь входъ въ адъ, въ страшное царство бога огня Гефеста или Вулкана. Самый островъ и до сихъ поръ называется Вулканъ и его собственное имя сдѣлалось нарицательнымъ для всѣхъ горъ, проявляющихъ дѣятель-

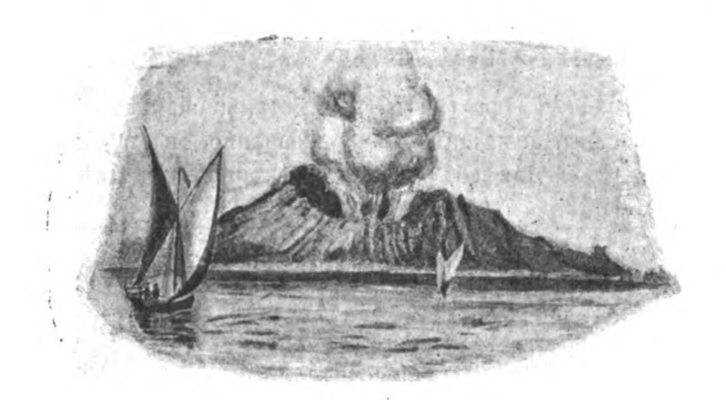

Рис. 1.

ность, сходную съ этой. Повидимому, въ тѣ древнія времена всякая попытка ближе изслѣдовать эти таинственныя явленія считалась безразсудствомъ, дерзостью, грѣхомъ противъ боговъ.

Если бы въ ту же древнюю эпоху или нѣсколько позже, напр., незадолго до начала нашей эры, мы перенеслись въ другой уголокъ Италіи, на берега Неаполитанскаго и Байскаго залива, и стали гдѣ-нибудь на возвышенномъ пунктѣ у греческой колоніи Неаполисъ (Новый городъ), то, обратившись къ востоку, мы увидали бы вдали большую гору со срѣзанной вершиной (рис. 2), покрытую у подножія и по склонамъ зеленью виноградниковъ и садовъ, замѣтили бы много виллъ и нѣсколько довольно большихъ городовъ. Если бы мы стали разспрашивать объ этой мѣстности, то узнали бы, что на вершинѣ горы находится обширная впадина съ плоскимъ ровнымъ дномъ, что эта какъ бы валомъ окруженная площадь служитъ мѣстомъ воинскихъ упражненій для римскихъ легіоновъ, что большіе города у подножія горы назы-

ваются Геркуланъ, Оплонтисъ, Стабія, Помпея, что въ нихъ есть богатые, украшенные произведеніями скульптуры и живописи, дома, храмы, амфитеатры и т. п. Словомъ, мы не услыхали бы ничего страшнаго и убѣдились бы, что здѣсь ключемъ кипитъ жизнь и развивается римская культура.

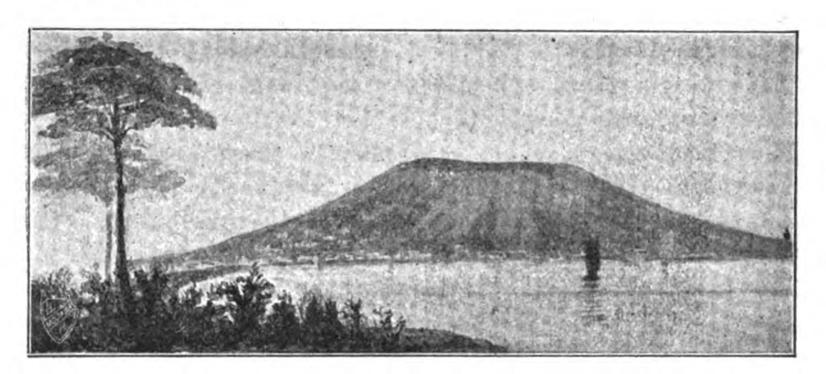

Рис. 2.

Теперь эта большая гора (рис. 3) имѣетъ иной видъ. Смотря изъ Неаполя или съ близь лежащаго холма Позилипо, мы видимъ не одну большую правильную гору со срѣзанной вершиной, а двѣ горы, изъ

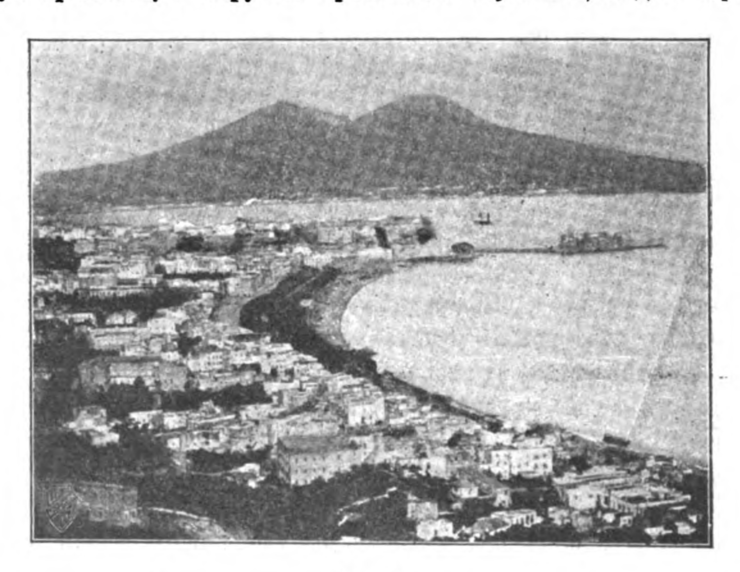

Рис. 3.

которыхъ одна полукольцомъ обхватываетъ другую, а эта другая гора имѣетъ видъ конуса, поднимающагося на высоту 1.200 метровъ (562 сзж.) и постоянно дымящагося на вершинѣ. Это — Везувій, единственный на европейскомъ материкѣ дѣйствующій вулканъ. Полукольцевая гора, опоясывающая его съ сѣвера, представляетъ остатокъ

прежней большой горы и называется Монте Сомма или просто Сомма. Обѣ эти горы обозначены на картѣ (рис. 4).

Вулканическая природа Везувія впервые обнаружилась въ 79 году нашей эры (если не считать случившагося здѣсь въ 63 г. землетрясенія). Началу дѣятельности вулкана предшествовали сильныя землетрясенія въ окрестной мѣстности и затѣмъ началось самое изверженіе, описанное Плиніемъ младшимъ, находившимся въ то время на противоположномъ берегу Неаполитанскаго залива у города Байи на разстояніи 24-хъ верстъ отъ вулкана. Вотъ главные факты, отмѣченные Плиніемъ: надъ горою появилось облако, имѣвшее видъ столба, который поднялся и расширился наверху, принимая формы, напоминающія крону итальянской сосны—пиніи. При непрерывно продолжающемся гулѣ взрывовъ,

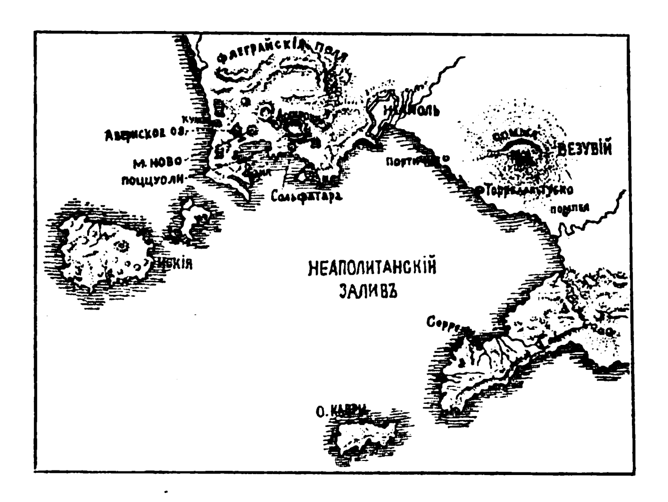

Рис. 4.

это облако, то бѣлое, то темное отъ поднимавшейся съ нимъ земли и пепла, все больше и больше расширялось и вскорѣ на землю и море сталъ падать пепелъ и черные осколки камня. На другой день, въ 7 часовъ утра, было довольно темно, но можно было видѣть, что зданія города сильно расшатаны и угрожаютъ паденіемъ, что море удалилось отъ берега, какъ это бываетъ во время землетрясеній, а черное облако надъ горою прорѣзывается огненными зигзагами и вспыхиваетъ пламенемъ, какъ это бываетъ при сильной грозѣ съ молніями. Вскорѣ облако начало опускаться на землю и покрывать море, какъ бы наводняя всю окрестную мѣстность. Спасаясь отъ бѣгущей толпы, пишетъ Плиній, мы сошли съ дороги и, едва успѣли сѣсть въ сторонѣ, какъ насъ покрыла тьма и не такая, какъ ночью, когда нѣтъ луны и небо въ тучахъ, а такая, какая бываетъ въ совершенно закрытой комнатѣ. Слышались вопли женщинъ, возгласы мужчинъ и рѣзкіе крики дѣтей... Дождь пепла былъ такъ обиленъ, что приходилось вставать и стряхи-

вать его, чтобы не быть засыпаннымъ. Когда, наконецъ, показался солнечный свѣтъ, слабый и мрачный, какъ во время затменія, весь міръ, открывшійся передъ нашими испуганными взорами, оказался измѣнившимся. Все было покрыто пепломъ, бѣлымъ какъ снѣгъ...

Съ тѣхъ поръ гора сильно измѣнила свой видъ. Отъ прежней большой горы съ обширной впадиной на вершинѣ сохранился только одинъ край, и этотъ-то уцѣлѣвшій остатокъ ея и называется Монте Сомма; тамъ, гдѣ была ровная, покрытая растительностью впадина, возвышается теперь конусообразная черная гора, надъ которой почти всегда колышется облачко пара, свидѣтельствующее о томъ, что дѣятельность вулкана еще не прекратилась окончательно. Со времени изверженія, описаннаго Плиніемъ, измѣнилась и вся окружающая гору мѣстность. Города и виллы исчезли, погребенные подъ слоями камней и пепла, частью сухаго, частью смѣшавшагося съ водою ливней, всегда сопровождающихъ сильныя изверженія и возникающихъ вслѣдствіе того, что выброшенные вулканомъ пары охлаждаются въ верхнихъ слояхъ атмосферы. Мѣстность до такой степени измѣнила свой видъ, что самыя мѣста, гдѣ находились города Геркуланъ, Помпея, Стабія, были потеряны, и только случайная находка въ 1713 г., при рытьѣ одного колодца, статуи Геркулеса и Клеопатры, дала поводъ къ поискамъ и раскопкамъ, приведшимъ къ открытію Помпеи (рис. 8) съ ея храмами, цирками, мастерскими, частными жилищами, въ которыхъ превосходно сохранились произведенія искусства и промышленности того времени.

Со времени этого перваго изверженія, вулканъ не прекращалъ надолго свою дѣятельность; проходитъ десятокъ или нѣсколько десятковъ лѣтъ, и вновь начинается изверженіе, тѣмъ болѣе сильное, чѣмъ больше былъ промежутокъ покоя. Вулканъ начинаетъ выбрасывать пары и пепелъ. Это длится иногда нѣсколько дней, иногда и мѣсяцевъ; время отъ времени, чаще всего къ концу изверженій, лава выливается или черезъ край его жерла, или черезъ боковыя трещины горы, и затѣмъ вулканъ затихаетъ и успокоивается.

Соотвѣтствіе силы изверженія съ продолжительностью покоя какъ бы оправдываетъ старинный взглядъ на вулканъ, какъ на предохранительный клапанъ земли.

Рис. 5 изображаетъ одно изъ этихъ изверженій, случившееся въ 1872 г. Потоки лавы, текущіе по склонамъ горы, выдѣляютъ съ своей поверхности клубы бѣлаго пара, что и даетъ возможность видѣть ихъ путь, находясь даже очень далеко отъ горы.

Теперь мы совершимъ маленькое мысленное путешествіе на Везувій, чтобы ближе съ нимъ познакомиться. Изъ Неаполя паровая или конная желѣзная дорога привозитъ насъ къ подошвѣ Везувія въ Резину или Портичи, откуда можно начать восхожденіе. Миновавъ грязныя и узкія улицы итальянскаго городка, мы идемъ, незамѣтно поднимаясь въ гору, по дорогѣ между виноградниками и виллами. По вре-

менамъ мы всходимъ на уступы съ шероховатой поверхностью — это древніе лавовые потоки; чѣмъ выше, тѣмъ рѣже становятся виллы и

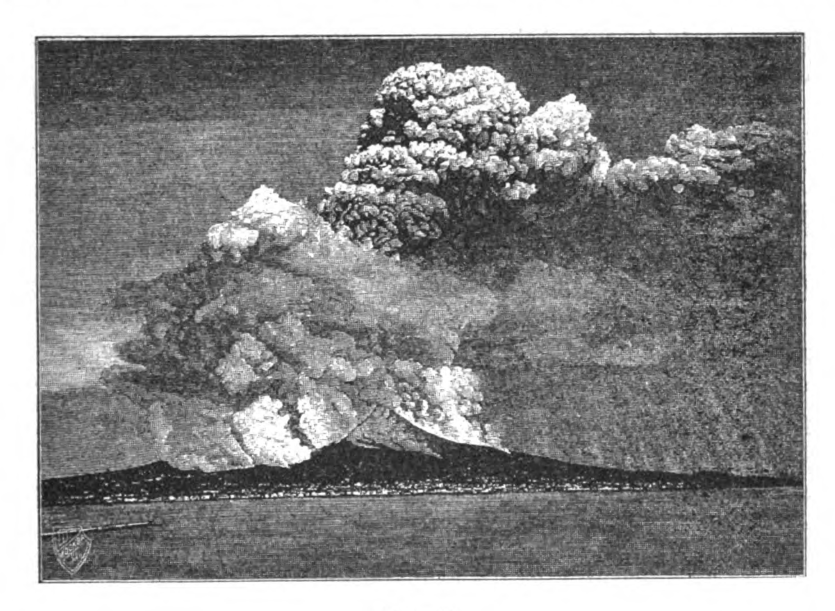

Рис. 5.

сады, и мы отчетливѣе на большемъ протяженіи видимъ лавовые потоки съ ихъ характерною неровною поверхностью (рис. 6).

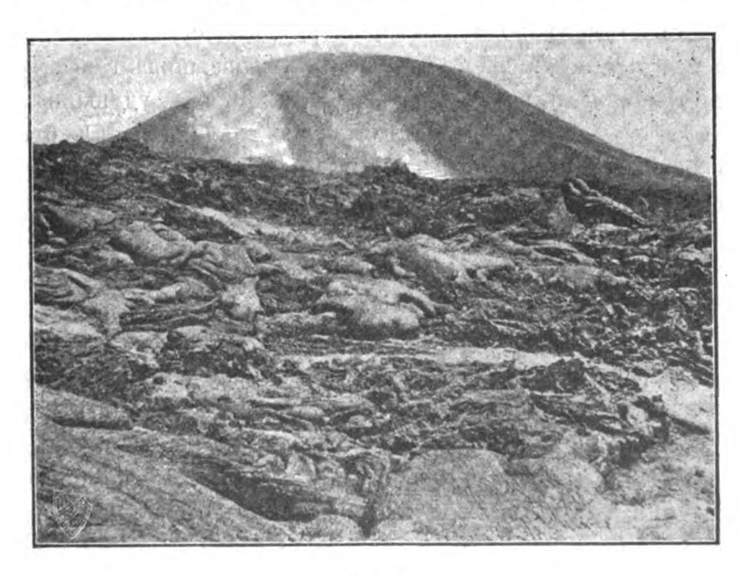

Рис. 6.

Эти неровности возникаютъ отъ того, что лава довольно скоро охлаждается съ поверхности и покрывается твердой каменной коркой, задер-

живающей движеніе потока, но онъ все же движется, каменный чехолъ взламывается и вновь застываетъ. Иногда онъ прорывается на своемъ нижнемъ концѣ и освободившаяся изъ него лава снова течетъ быстрѣе, пока вновь не покроется каменной коркой. Иногда за первой, уже остывшей струей лавы, на нее натекаетъ вторая и д. т. Этотъ же способъ движенія лавы и дѣлаетъ поверхность застывшаго ея потока неровной и шероховатой, то съ округлыми уступами, то съ торчащими зубцами—остатками взломанной корки.

Мѣстами слой чернаго минеральнаго пепла или мелкихъ пористыхъ камешковъ—rapilli—покрываетъ потокъ и скрываетъ его шероховатости. Эти рапилли и пепелъ представляютъ собою раздробленные взрывами осколки лавы.

Мы все болѣе и болѣе приближаемся къ круто поднимающемуся центральному конусу Везувія и, наконецъ, миновавъ обсерваторію, достигаемъ его подошвы.

У подошвы этого конуса иногда можно видѣть начало нѣкоторыхъ лавовыхъ потоковъ, тотъ пунктъ, ту трещину на склонѣ горы, изъ которой излился нѣкогда пылавшій жаромъ лавовый потокъ.

Мы начинаемъ подниматься на самый конусъ, и тутъ условія нашего пути сразу измѣняются. Раньше мы шли по твердой каменной поверхности, теперь мы взбираемся по рыхлому скопленію вулканическаго пепла и рапилли, изъ которыхъ состоитъ центральный конусъ. Нога вязнетъ въ сыпучій матеріалъ; поставивъ ногу на выбранную точку, мы не можемъ удержать позицію, съѣзжаемъ назадъ и лишь медленно и съ трудомъ поднимаемся кверху.

Наконецъ, трудности превзойдены, и мы на вершинѣ горы. Вокругъ насъ всюду трещины, изъ которыхъ выходятъ горячіе, удушливые пары; мѣстами нога чувствуетъ, что стоитъ на горячей почвѣ, представляющей собою пеструю поверхность изъ разныхъ минераловъ, выдѣлившихся при участіи вулканическихъ газовъ. Но на это мы мало обращаемъ вниманія: передъ нами величественная картина дѣйствующаго—хотя и въ слабой степени—вулкана (рис. 7).

Передъ нами чашеобразное углубленіе, мы стоимъ какъ бы на валу образующемъ край этой чаши, называемой кратеромъ. На днѣ кратера почти посрединѣ возвышается небольшой черный конусъ, какъ бы маленькая модель той горы, на которую мы только что взобрались, и изъ этого конуса, время отъ времени, со взрывомъ, напоминающимъ пушечный выстрѣлъ, вырывается клубъ пара, смѣшаннаго съ пепломъ, съ осколками камня и съ комками полужидкой лавы, которые скругляются въ воздухѣ и, падая на дно кратера, иногда расплющиваются въ лепешку; эти скруглившіеся комки лавы называются вулканическими бомбами.

Подойдя съ подвѣтренной стороны, мы можемъ даже спуститься на дно кратера и тогда увидимъ, что оно покрыто морщинистой черной лавой, по разнымъ направленіямъ прорѣзанной трещинами, а изъ нихъ

мѣстами съ характернымъ свистящимъ шумомъ или шипѣніемъ вырываются горячіе удушливые пары; въ глубинѣ ихъ свѣтится зловѣщимъ красноватымъ свѣтомъ раскаленная каменная масса.

Если вѣтеръ силенъ и постояненъ, онъ относитъ удушающіе пары въ одну сторону и тогда бываетъ можно подойти совсѣмъ близко къ черному конусу, возвышающемуся посреди кратера, даже взобраться на него и на нѣсколько мгновеній заглянуть въ самое жерло вулкана, защищая лицо отъ палящаго жара и стараясь удержаться на ногахъ на дрожащемъ отъ сильныхъ взрывовъ шлаковомъ конусѣ. Мы увидимъ тогда клубящіеся въ жерлѣ пары и, если порывъ вѣтра на время разсѣетъ ихъ, то можно бываетъ бросить взглядъ на волнующуюся

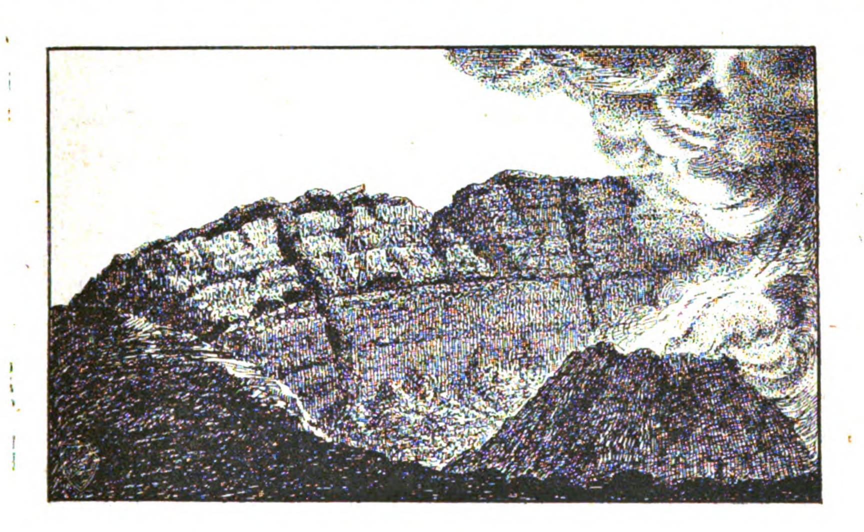

Рис. 7.

раскаленную массу лавы, поднимающуюся вверхъ передъ каждымъ взрывомъ: въ моментъ взрыва она разверзается и выбрасываетъ на сотни футовъ вверхъ большой клубъ пара съ комками полужидкой лавы, иногда очень большими, и съ осколками, уже застывшей по краямъ жерла, каменной массы. Черезъ нѣсколько мгновеній всѣ эти комки и осколки, немного отклоняемые вѣтромъ, съ шумомъ сыпятся на противуположную отъ васъ сторону конуса и скатываются съ него на дно кратера. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что наблюдать такъ близко дѣятельность вулкана удается рѣдко и не всякому. Отъ вулканическихъ взрывовъ дрожатъ и колеблются и конусъ, и все дно кратера; эти взрывы оглушаютъ, вызываютъ дрожь въ ногахъ и трепетаніе сердца и вообще лишаютъ наблюдателя необходимаго спокойствія и самообладанія.

Разсматривая крутой, мѣстами обрывистый, внутренній край кратера (рис. 7), можно убѣдиться, что вся гора состоитъ изъ чередующихся наклонныхъ слоевъ лавы и пепла; мѣстами эти слои пересѣ-

каются вертикальными или косо стоящими каменными жилами, выдающимися впередъ, какъ кулисы. Онѣ образовались изъ лавы, проникшей въ трещины горы и въ нихъ застывшей.

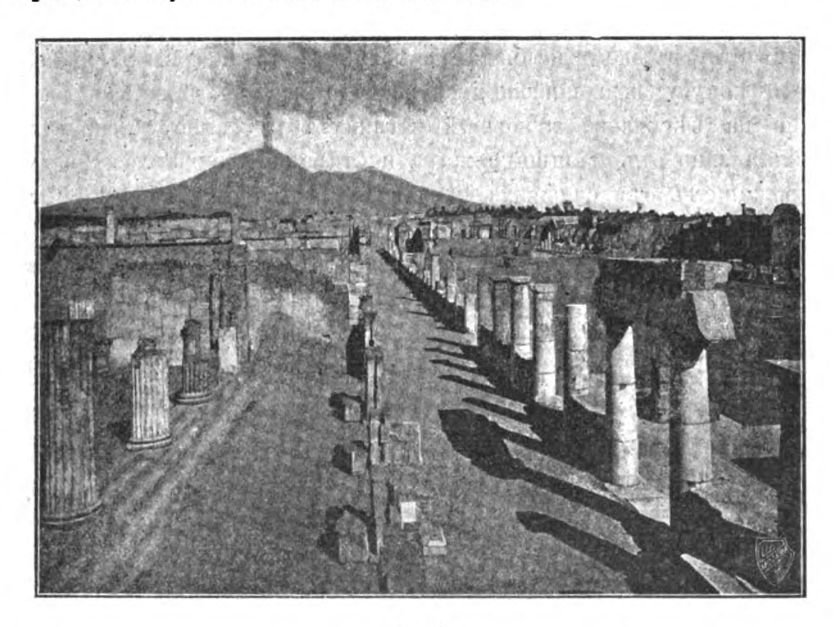

Рис. 8.

Такое же строеніе, но въ болѣе грандіозномъ масштабѣ, обнаруживаетъ и крутой ввутренній край Соммы, тоже бывшій когда-то краемъ кратера, несравненно болѣе обширнаго. Мы, впрочемъ, не будемъ спускаться къ Соммѣ, а сойдемъ съ Везувія по другой сторонѣ, по направленію къ лежащему у его подошвы знаменитому ископаемому городу Помпеѣ.

Рис. 9.

Значительная часть этого города теперь раскопана, такъ что можно гулять по улицамъ римскаго города (рис. 8), заходить въ жилища, изучать расположеніе комнатъ и любоваться стѣнною живописью, ихъ украшающею. Въ музеѣ помпейскихъ находокъ можно видѣть и гипсовые отливки погибшихъ жителей города, отъ которыхъ сохранились пустоты въ отвердѣвшемъ вулканическомъ пеплѣ или туфѣ; наливая въ нихъ гипсъ и получаютъ такіе отливки (рис. 9).

Еще и теперь часть города лежитъ подъ пепломъ образующемъ на уровнѣ, нѣсколько

болѣе высокомъ, чѣмъ крыши домовъ города, довольно ровное, покрытое растительностью поле, подъ почвой котораго на глубинѣ нѣсколькихъ метровъ еще скрываются обломки древняго міра.

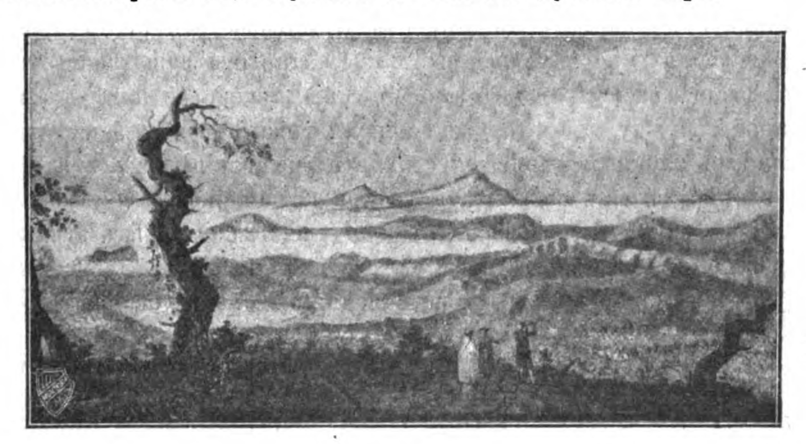

Рис. 10.

Но довольно о Везувіѣ. Обратимъ теперь вниманіе на мѣстность, лежащую къ западу отъ Неаполя и называемую Флеграйскими полями (см. карту рис. 4).

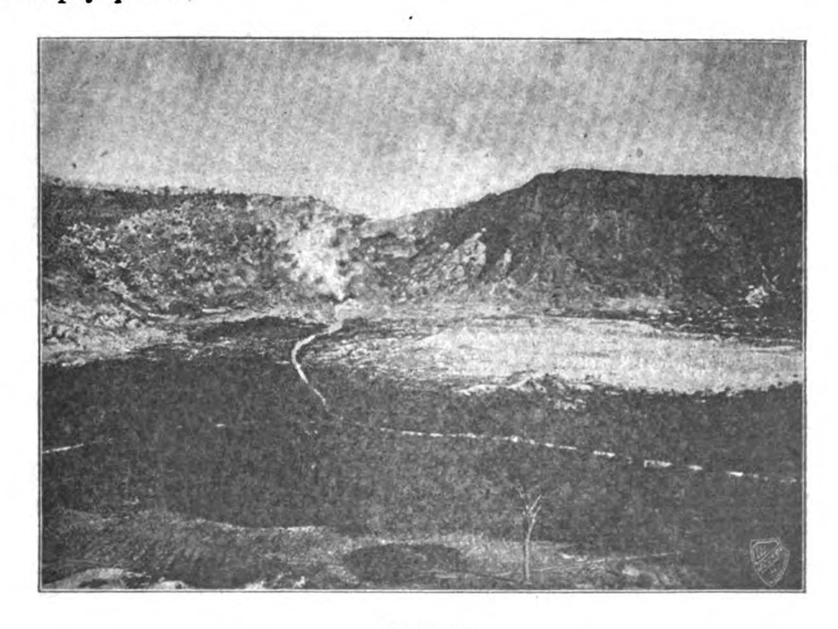

Рис. 11.

Если съ того же холма Позилипо, съ котораго мы смотрѣли на Везувій, взглянуть въ противоположную сторону—на западъ, мы увидали бы другую картину (рис. 10).

Мы увидали бы Байскій заливъ и по берегамъ его на разныхъ разстояніихъ невысокія горы оригинальной кольцеобразной или полу-

кольцеобразной формы и различной величины. Одна изъ самыхъ большихъ поросла внутри лѣсомъ, другая представляетъ внутри ровное, плоское пространство съ бѣлой, почти лишенной растительности, почвой (рис. 11). У одного края этой площади существуетъ отдушина, выбрасывающая горячіе удушливые пары. Эта гора называлась въ древности площадью Вулкана (Forum Vulcani), теперь ее называютъ Сольфатарой. Между этими оригинальными горами можно замѣтить тоже кольцевыя или полукольцевыя сравнительно низкія горки, представляющія скорѣе валъ, чѣмъ гору, а внутри кольца или съ внутренней стороны полукольца расположилось озеро (рис. 12). Одно изъ этихъ озеръ Авернское, видное близъ середины рисунка, имѣло въ древности унылый и печальный видъ. Отъ него поднимались вредные пары и здѣсь

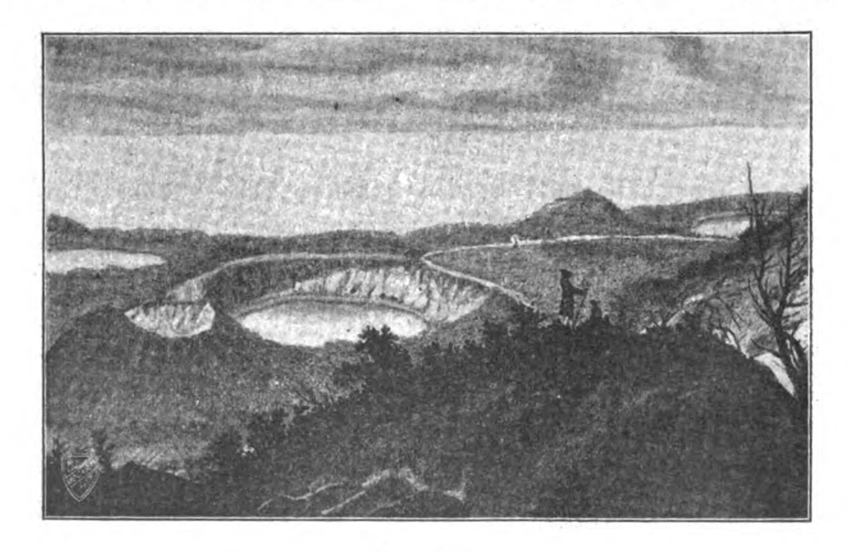

Рис. 12.

же на берегу этого озера, вѣроятно, и былъ тотъ знаменитый гротъ, въ которомъ прорицала кумская Сибилла. Всѣ эти горы были когда-то настоящими вулканами или, вѣрнѣе, кратерами, можетъ быть, не менѣе страшными, чѣмъ кратеръ острова Вулкана; кратерами были и круглыя, окруженныя валомъ, озера, но дѣятельность всѣхъ этихъ кратеровъ давно затихла и лишь выходящіе кое-гдѣ газы и пары представляютъ какъ бы отдаленный ея отголосокъ.

Въ эпоху процвѣтанія здѣсь римской культуры, ни Forum Vulcani, въ которомъ подозрѣвали одну изъ дорогъ въ адъ, ни близость грота Сибиллы ничуть не дѣлали эту мѣстность мрачной и страшной. Напротивъ, берега залива, склоны горъ и промежутки между ними были застроены городами и виллами, утопавшими въ зелени садовъ. Здѣсь были города Путеоли, Кумы и Байя. Это было любимое мѣстопребываніе богатыхъ и знатныхъ римлянъ. Здѣсь проводили значительную часть

своего времени Цезарь, Помпей, Марій, Неронъ, здѣсь же на берегахъ Байскаго залива жили Цицеронъ и Виргилій. Здѣсь и Лукуллъ задавалъ свои знаменитые пиры, и римляне, въ нихъ участвовавшіе, не подозрѣвали, что они въ буквальномъ смыслѣ слова танцуютъ на вулканѣ, какъ не подозрѣвали и того, что большая гора къ западу отъ Неаполиса представляетъ настоящій большой вулканъ.

Съ тѣхъ поръ природа Флегрейскихъ полей въ общемъ мало измѣнилась. Однако произошло одно весьма интересное измѣненіе. Въ 1538 г. въ сентябрѣ, здѣсь были сильныя землетрясенія къ западу отъ древняго г. Путеоли, называвшагося въ то время Поццоло, а теперь это Поццуоли. Здѣсь впродолженіи двухъ дней на ровномъ мѣстѣ образовался вулканъ, въ 140 м. высотою, который до сихъ поръ называется Новой Горой или Монте-Ново. Эта гора видна на рис. 12-мъ слѣва. Она имѣетъ видъ вулканическаго конуса, сложеннаго изъ пепла, камней и rapilli, и на вершинѣ ея кратеръ въ 120 м. глубины съ плоскимъ, засѣяннымъ кукурузой, дномъ.

Сохранилось письмо Франческо дель-Неро, который описываетъ одному изъ своихъ друзей это событіе. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этого письма.

«Не знаю, бывали ли вы въ Поццоло; на разстояніи шести выстрѣловъ изъ лука по ту сторону города начинается равнина. Она имѣла около полумили ширины и опоясывала часть морского залива вправо отъ горы. Теперь вся эта равнина и часть горы превращена въ огненное жерло. 28-го сентября, около 12 ч. пополудни, море у Поццоло на разстояніе 600 локтей превратилось въ сушу, такъ что жители Поццоло могли привезти цѣлые воза рыбы, оставшейся на высохшемъ днѣ. 29-го, около 8 ч. утра, тамъ, гдѣ теперь жерло, земля опустилась на двѣ трости и выступила вода. Къ полудню того же дня земля начала на этомъ же мѣстѣ вздуваться и къ вечеру образовалась небольшая гора, показался огонь и блескъ и съ страшнымъ шумомъ образовалось жерло, выбрасывавшее много земли и камней, падавшихъ вокругъ жерла и засыпавшихъ полукругъ моря съ діаметромъ въ 1½ мили... Со стороны Поццоло образовалась гора, и вокругъ земля и деревья были покрыты пепломъ. Вы не узнали бы моря—оно имѣетъ теперь видъ вспаханнаго поля, потому что на немъ кора въ полъ-ладони толщиною изъ камешковъ, называемыхъ здѣсь rapillo; она плаваетъ на его поверхности».

Со времени образованія Монте-Ново вулканическая дѣятельность въ этой области не возобновлялась, и Флегрейскія поля могутъ служить типомъ области потухшихъ вулкановъ. На примѣрѣ Монте-Ново мы видимъ, что вулканическій конусъ—гора вулкана—не есть что-либо существенное, что она есть слѣдствіе изверженія, а не причина, что главное, существенное въ вулканѣ—это жерло, или каналъ, посредствомъ котораго внутренняя область земли сообщается съ поверхностью.

Прежде чѣмъ оставить вулканическій округъ Неаполя, интересно

бросить на него общій взглядъ и посмотрѣть, чѣмъ и какъ онъ ограничивается.

Съ с.-в. отъ него тянется горная цѣпь Аппенинъ, состоящая не изъ вулканическаго матеріала, а главнымъ образомъ изъ известковыхъ слоевъ—изъ древнихъ морскихъ осадковъ, впослѣдствіи уплотненныхъ и превращенныхъ въ камень. Эти пласты морского происхожденія оказываются здѣсь, какъ и вообще въ горныхъ цѣпяхъ, изогнутыми и смятыми въ складки. Эти-то складки или ихъ болѣе или менѣе разрушенные остатки и образуютъ гребни горъ.

Мы уже упомянули въ началѣ этой статьи, что породы подобнаго характера: известняки, глины, сланцы, песчаники, по большей части морского, рѣже озерного происхожденія, то лежащіе въ ихъ естественномъ горизонтальномъ положеніи, то приподнятые и смятые въ складки,—принадлежатъ къ числу распространеннѣйшихъ на земной поверхности

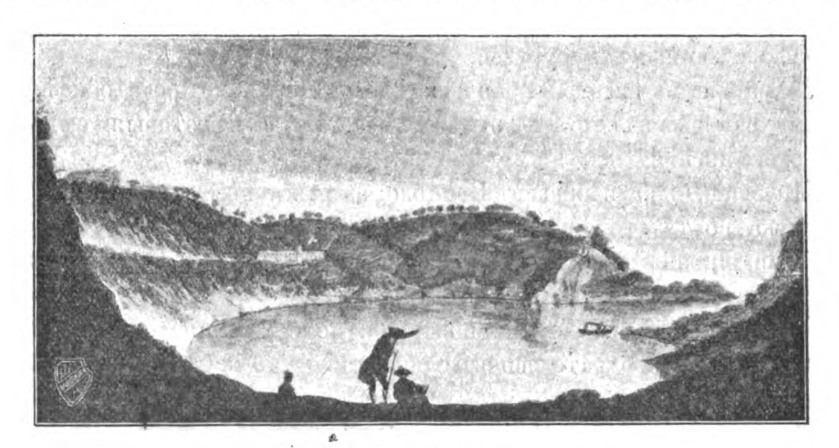

Рис. 13.

минеральныхъ массъ или породъ. Они почти всюду лежатъ подъ почвеннымъ и растительнымъ покровомъ въ равнинахъ и они же образуютъ высочайшія вершины горъ. Почти $^3/_4$ земной поверхности состоитъ изъ породъ такого типа. Породы вулканическаго происхожденія занимаютъ на земной поверхности сравнительно небольшіе участки и съ однимъ изъ такихъ участковъ—вулканическимъ округомъ Неаполя, мы сейчасъ познакомились. Онъ ограниченъ съ одной стороны цѣпью Аппенинъ, съ двухъ другихъ—ея боковыми отрогами; только съ третьей онъ ограниченъ моремъ. Изслѣдованія показали, что наибольшимъ распространеніемъ здѣсь пользуется вулканическій туфъ, сложившійся изъ массъ пепла, но весь этотъ пепелъ нельзя приписать дѣятельности извѣстныхъ намъ вулкановъ. Матеріалъ для его образованія выбрасывался изъ кратеровъ, которые находились тамъ, гдѣ теперь море. Вулканическій округъ Неаполя представляетъ слѣдовательно, только край болѣе обширной вулканической площади, западное продолженіе которой

затоплено моремъ. Такой выводъ подтверждается и рельефомъ морского дна, и существованіемъ по близости вулканическихъ острововъ. Одинъ, изъ этихъ острововъ, Низита, имѣетъ видъ кольцеобразнаго кратера прорваннаго въ одномъ мѣстѣ и затопленнаго внутри моремъ (рис. 13).

Перенесемся теперь на самый югъ Италіи, на полуостровъ Калабрію, образующій тотъ изогнутый носокъ сапога, съ которымъ сравниваютъ Италію. Внутри дуги, образованной этимъ изгибомъ, расположена группа острововъ называемыхъ Эоловыми или Липарскими (рис. 14).

Къ числу ихъ принадлежитъ и знакомый уже намъ островъ Вулканъ, который, какъ и Везувій, время отъ времени возобновляетъ свою дѣятельность (послѣднее извержевіе было въ 1888 г.).

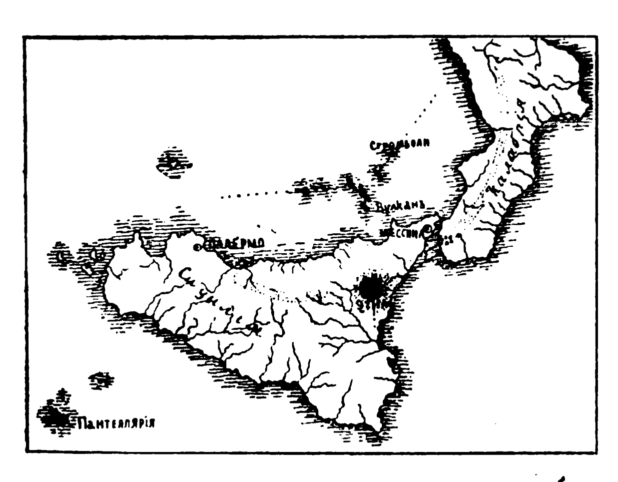

Рис. 14.

Въ настоящее время онъ спокоенъ; изъ отдушины въ его кратерѣ выдѣляются горячіе пары и газы и отлагаютъ на стѣнкахъ кратера возгоны хлористаго желѣза, сѣры и борной кислоты.

Здѣсь есть и еще одинъ интересный вулканъ — Стромболи, поднимающійся прямо изъ моря на высоту 900 метровъ и замѣчательный тѣмъ, что онъ съ незапамятныхъ временъ не прекращаетъ свою дѣятельность, но и не производитъ бурныхъ разрушительныхъ изверженій. Въ его нѣсколько сбоку лежащемъ кратерѣ постоянно поднимается и опускается столбъ расплавленной раскаленной лавы, изъ нея черезъ промежутки въ 1—20 минутъ вырываются клубы пара съ брызгами жидкой и осколками застывшей лавы. Столбъ пара, освѣщенный снизу лавой, видѣнъ ночью на разстояніи до полутораста верстъ и представляетъ собою естественный маякъ Средиземнаго моря (рис. 15).

Изучая строеніе Калабріи, огибающей дугой Эоловы острова, геологи пришли къ заключенію, что она представляетъ собою какъ бы остатокъ когда-то болѣе обширной площади суши, которая раскололась по дугообразнымъ трещинамъ, и участокъ ея, лежавшій по запад-

*

ную сторону этихъ трещинъ, т.-е. тамъ, гдѣ теперь Эоловы острова, опустился внизъ и затопленъ моремъ. Поднимающіеся со дна моря вулканы, образующіе эти острова, расположились тремя расходящимися по радіусамъ рядами, какъ будто опустившійся подъ море участокъ суши раскололся по тремъ направленіямъ, и по этимъ расколамъ нашли себѣ путь изъ глубины земли вулканическіе продукты и воздвигли надъ мѣстами своего выхода конусы изъ лавы и шлаковъ. Такое предположеніе объ опусканіи здѣсь части суши подъ море представляетъ не простую догадку. Данныя изъ другой области геологіи показываютъ, что въ одну изъ недавнихъ геологическихъ эпохъ Юж. Италія продолжалась далѣе на югъ и была въ сухопутномъ соединеніи съ Африкой.

Рис. 15.

Если продолжить одинъ изъ этихъ вулканическихъ радіусовъ къ югу, то онъ пересѣчетъ восточной край Сициліи и пройдетъ черезъ Этну, величайшій изъ европейскихъ вулкановъ, поднимающійся на высоту $3^1/_2$ тыс. метровъ. Внизу, конечно, тамъ гдѣ нѣтъ недавнихъ еще не вывѣтрившихся лавъ, онъ покрытъ садами и виноградниками; выше располагается полоса каштановыхъ, а затѣмъ и хвойныхъ лѣсовъ; дальше еще на 1.500 м. приходится подниматься по залитой лавами пустынѣ, и наконецъ мы достигаемъ снѣжной области, въ которой и расположенъ обширный вершинный кратеръ Этны (рис. 16).

Но не этотъ кратеръ составляетъ главную особенность Этны. Склоны ея, главнымъ образомъ въ области хвойнаго лѣса, усажены множествомъ небольшихъ, такъ называемыхъ побочныхъ конусовъ, величиною съ Монте-Ново или нѣсколько больше. Происхожденіе ихъ объясняется тѣмъ, что при столь значительной высотѣ горы въ $3^1/_2$ тыс. метровъ, т. е. почти втрое болѣе Везувія, поднимающійся въ

жерлѣ вулкана столбъ тяжелой лавы долженъ оказывать страшное давленіе на стѣнки горы. Онѣ не выдерживаютъ этого давленія, даютъ трещины, черезъ которыя изливается лава и на протяженіи

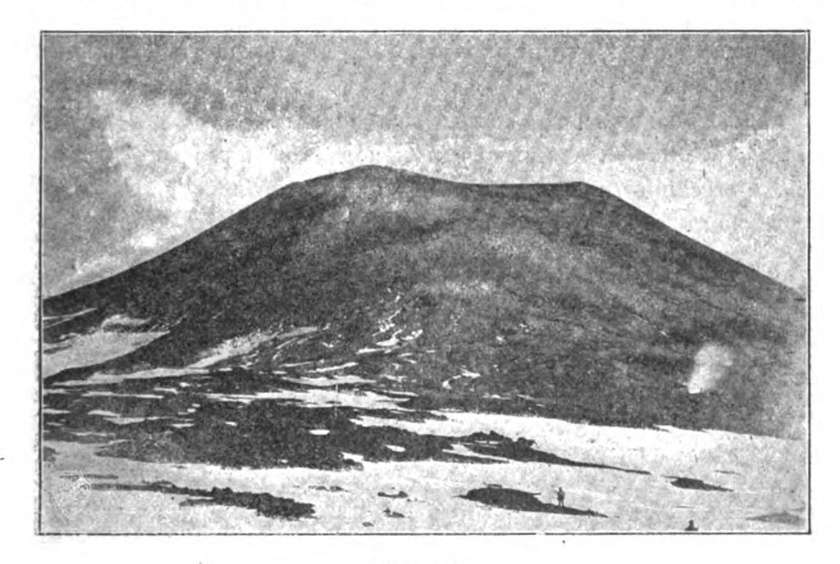

Рис. 16.

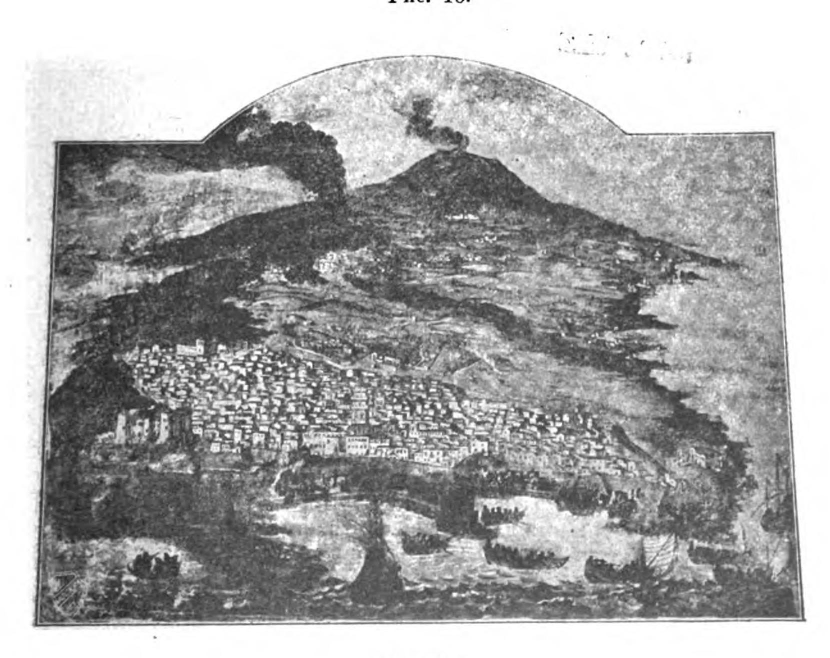

Рис. 17.

которыхъ изъ выброшеннаго пепла и бомбъ нагромождаются побочные конусы.

Сильныя изверженія Этны раздѣлены промежутками относительнаго

покоя. Одно изъ сильнѣйшихъ было въ 1669 г., когда на склонѣ горы образовалась трещина, въ 18 верстъ длины; изъ нея вытекъ потокъ лавы, покрывшій 50 кв. километровъ (44 кв. версты) и достигшій моря. Этотъ потокъ разрушилъ 12 мѣстечекъ и большую часть г. Катаніи. На стѣнѣ собора въ Катаніи сохранилось старинное изображеніе этого событія (рис. 17).

Послѣднее большое изверженіе Этны, также сопровождавшееся образованіемъ трещины и изліяніемъ изъ нея лавы было въ 1892 г. Оно длилось 5 мѣсяцевъ и за это время 6 новыхъ побочныхъ конусовъ прибавилось къ прежнимъ.

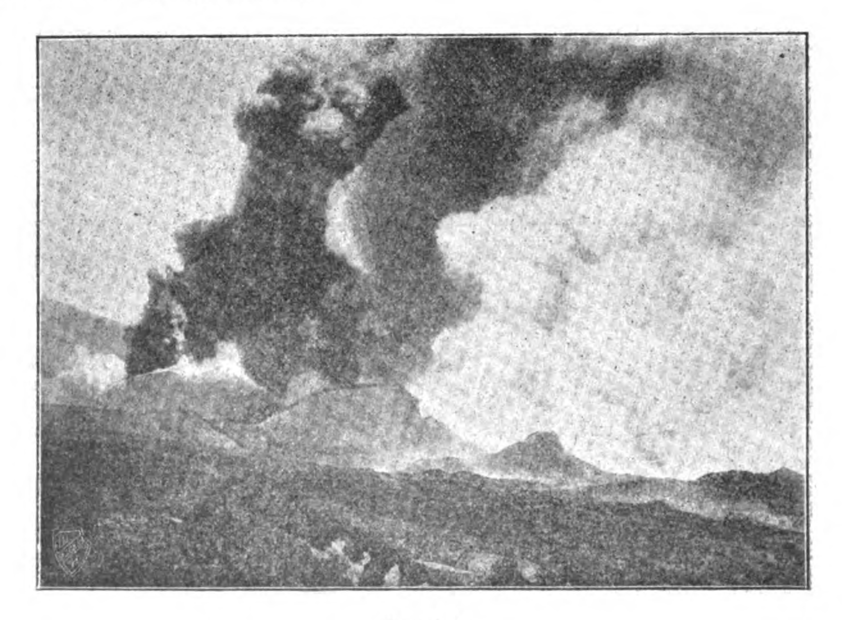

Рис. 18.

Рис. 18. Изображаетъ эти конусы въ моментъ ихъ образованія. Всѣ эти конусы расположены вдоль одной и той же трещины по склону горы и всѣ выбрасываютъ клубы пара, смѣшаннаго съ чернымъ пепломъ и шлаками, изъ которыхъ и нагромождаются самые конусы.

Рис. 19 изображаетъ край лавоваго потока, уже покрывшагося каменной коркой и медленно надвигающагося на сады и жилища.

Вулканы этого такъ называемаго везувскаго типа принадлежатъ къ числу распространеннѣйшихъ на землѣ и общее ихъ число простирается до 320; впрочемъ, эта цифра только приблизительная, такъ какъ почти невозможно строго разграничить вулканы дѣйствующіе отъ потухшихъ.

Изъ внѣевропейскихъ вулкановъ этого типа мы остановимъ вниманіе только на знаменитомъ Кракатоа въ Зондскомъ проливѣ, произведшемъ въ 1883 г. изверженіе, не менѣе сильное, чѣмъ изверженіе Везувія въ 1879 г.

Кракатоа лежитъ на той замѣчательной линіи вулкановъ, которая проходитъ черезъ Яву и Суматру. Еще не прошло и года съ тѣхъ поръ, какъ телеграфъ принесъ намъ извѣстіе о томъ, что одинъ изъ вулкановъ этой линіи произвелъ очень опустошительное изверженіе. О самомъ началѣ возобновленія дѣятельности Кракатоа мы не имѣемъ свѣдѣній. Первое послѣ продолжительнаго покоя изверженіе онъ произвелъ въ маѣ 1883 г. Въ іюнѣ было опять сильное изверженіе, а въ началѣ августа на островѣ, имѣвшемъ размѣры 30 квадр. верстъ, было три большихъ кратера и можество мелкихъ, выбрасывавшихъ пары и пепелъ.

Катастрофа началась 26 августа и была наблюдаема съ судовъ и съ береговъ Явы и Суматры. Самъ Кракатоа не населенъ; да если бы

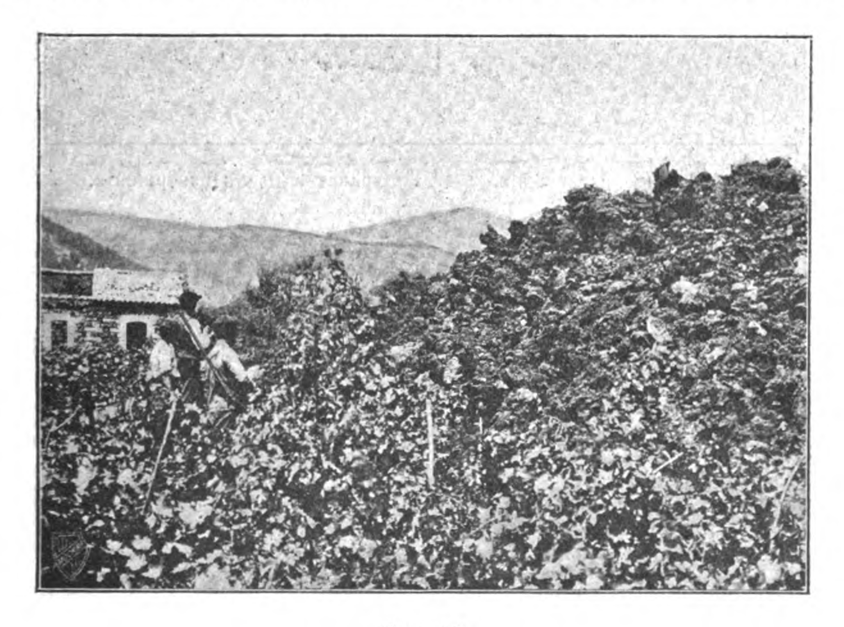
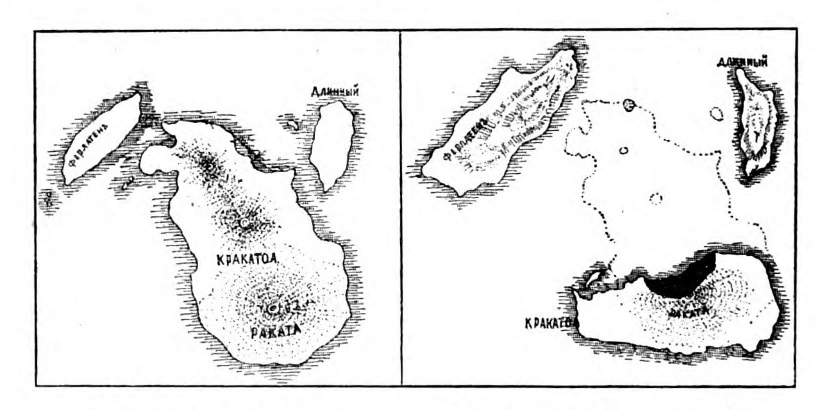

Рис. 19.

онъ и былъ населенъ, все населеніе погибло бы, такъ какъ оно погибло даже на о. Себези, почти въ 20 верстахъ отъ Кракатоа. Около часу дня послышался грозный гулъ, дошедшій до Батавіи и дальше; столбъ пепла поднялся до высоты почти 30 километровъ. Гора грохотала, море бушевало, топило или выбрасывало на берегъ мелкія суда, густыя тучи пепла засыпали корабли. Около 2 ч. ночи на палубѣ «Бербисъ» пепелъ лежалъ пластомъ въ 1 метръ толщиною. Въ атмосферѣ чувствовалось сильное напряженіе электричества, и на мачтахъ точно огненныя змѣи извивались огни св. Эльма. Въ 10 ч. наступилъ самый страшный моментъ. Въ морѣ поднялась буря, волны, достигавшія 30 м. высоты, обрушивались на берегъ. Города Анжеръ, Меракъ, Бентамъ, деревни, лѣса, желѣзная дорога на Явѣ—все было уничтожено потопомъ. Тьма

окутывала все, и такъ продолжалось до утра 28 августа, когда изверженіе стало затихать.

Берега Суматры и Явы стали неузнаваемы; растительность исчезла, земля была покрыта грязью, пепломъ, вырванными деревьями, трупами животныхъ и людей. Отъ Кракатоа уцѣлѣла едва одна третья

Кракатоа до изверженія. Кракатоа послѣ изверженія.

Рис. 20.

часть (рис. 20), и она представляетъ собою вертикальный разрѣзъ, прошедшій черезъ кратеръ вулкана изъ вертикальной точки, поднимавшейся на высоту 800 м. (рис. 21). Гдѣ была земля—теперь море, глубиною въ 200—300 м.

Замѣчательно, что вызванная этимъ изверженіемъ волна достигла береговъ Африки, Австраліи, прошла черезъ весь Великій океанъ до

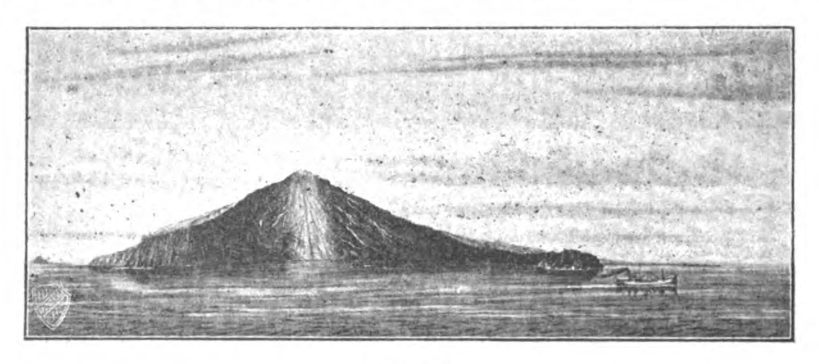

Рис. 21.

западныхъ береговъ Америки и даже перебралась въ Атлантическій океанъ. Звуки взрыва также были слышны далеко до восточнаго побережья Индостана и Западной части Австраліи. Если бы такой взрывъ произошелъ въ Москвѣ, онъ былъ бы слышенъ не только во всей Европѣ (кромѣ ю.-з. части Испаніи), но также въ сѣверной Африкѣ восточнѣе г. Алжира и въ Азіи до линіи, проходящей черезъ

Синай, сѣверную часть Персидскаго залива, Памиръ, г. Красноярскъ, полуостровъ Таймыръ. На с. и с.-з. звукъ былъ бы слышенъ на Исландіи, Шпицбергенѣ и даже на в. берегу Гренландіи. При этомъ предполагаются, конечно, и одинаковыя условія распространенія звука. Воздушная волна нѣсколько разъ обошла весь земной шаръ и была отмѣчена на метеорологическихъ обсерваторіяхъ всѣхъ странъ. Мало того. Мельчайшія частицы пепла были увлечены въ очень высокіе слои атмосферы, долго оставались взвѣшенными въ атмосферѣ и были далеко разнесены ея движеніями, производя изумлявшее многихъ въ Европѣ явленіе багряныхъ зорь.

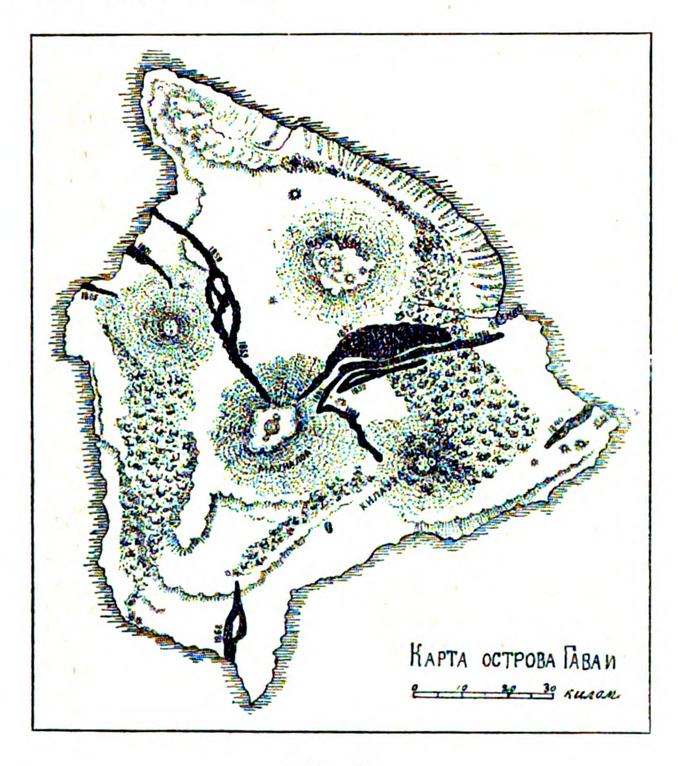

Рис. 22.

На этихъ примѣрахъ мы и покончимъ съ вулканами того типа, который можно назвать везувскимъ,—вулканами, въ дѣятельности которыхъ весьма важную роль играетъ упругость водяныхъ паровъ, производящихъ взрывы, раздробляющихъ застывшую лаву прежнихъ изверженій, разбрызгивающихъ еще не застывшую лаву и выбрасывающихъ все это въ видѣ массъ пепла, рапилли, вулканическихъ бомбъ и камней, изъ которыхъ главнымъ образомъ и нагромождаются ихъ конусы.

Но не всѣ вулканы работаютъ такимъ образомъ. Есть еще иной, хотя и рѣдкій типъ вулкановъ, при изверженіи которыхъ выдѣляется сравнительно мало паровъ, но изливается огромное количество расплав-

ленной каменной матеріи—лавы. Такой примѣръ представляютъ вулканы острова Гаваи, одного изъ Сандвичевыхъ. Почти весь островъ Гаваи состоитъ изъ послѣдовательныхъ потоковъ лавы, источникомъ которыхъ служили частью три потухшіе вулкана въ сѣверной части острова, а главнымъ образомъ два нынѣ дѣйствующіе Моуна-Лоа и Килауэа. Эти вулканы, всецѣло построенные изъ послѣдовательныхъ потоковъ лавы, почти слились въ одно цѣлое, такъ что представляютъ собою какъ бы одну колоссальную гору, имѣющую форму пологаго *купола* или опрокинутаго щита; взбираясь на эту гору, почти не замѣчаешь подъема, а между тѣмъ Моуна-Лоа достигаетъ *4.100* метровъ высоты, т.-е. выше высочайшихъ Альпійскихъ вершинъ. Если принять во вниманіе и подводное продолженіе этого лавоваго щита и считать

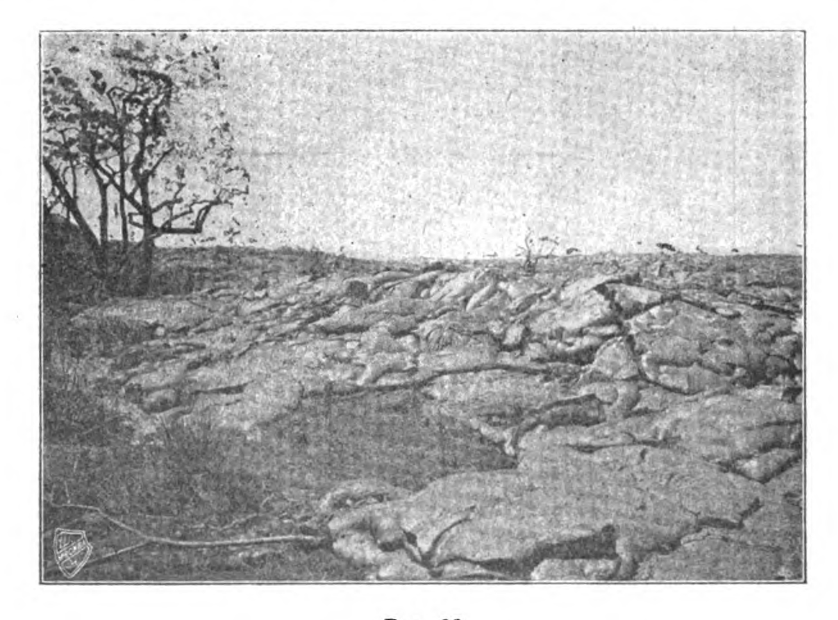

Рис. 23.

высоту *отъ уровня океаническаго дна* въ этой части океана, то получится высота болѣе *8.000* метровъ, т.-е., приблизительно, равная высотѣ главныхъ Гималайскихъ вершинъ. Другой вулканъ *Килауэа представляетъ* какъ бы *уступъ* или небольшое плато *на склонѣ Моуна-Лоа* на высотѣ всего 1.200 метровъ. На вершинѣ этого почти горизонтальнаго плато и находится оригинальный, не похожій на все намъ извѣстное, кратеръ Килауэа.

Восхожденіе къ нему начинается отъ прибрежнаго городка Хило, и путь сначала лежитъ по полямъ сахарнаго тростника, а потомъ по тропическому лѣсу, съ древовидными папоротниками, деревьями изъ семейства миртовыхъ съ гирляндами изъ пандановъ и т. п.; на высотѣ около 1.000 метровъ остаются одни кустарники, ютящіеся еще на мало вы-

вѣтрившейся лавѣ; подъемъ становится все менѣе и менѣе крутъ; мы идемъ по обнаженнымъ потокамъ застывшей лавы (рис. 23) и наконецъ передъ нами открывается видъ на кратеръ (рис. 24), представляющій собою овальную впадину около 4½ верстъ въ поперечникѣ и около 150 метровъ глубиною, съ крутыми обрывистыми краями. Такой необычнаго вида кратеръ часто называютъ кальдерой.

Рис. 24.

Вотъ мы на краю кальдеры (рис. 25) и спускаемся на ея дно по лавовымъ обломкамъ (рис. 26). Почти плоское нѣсколько понижающееся къ краямъ дно этой кальдеры состоитъ изъ застывшихъ какъ

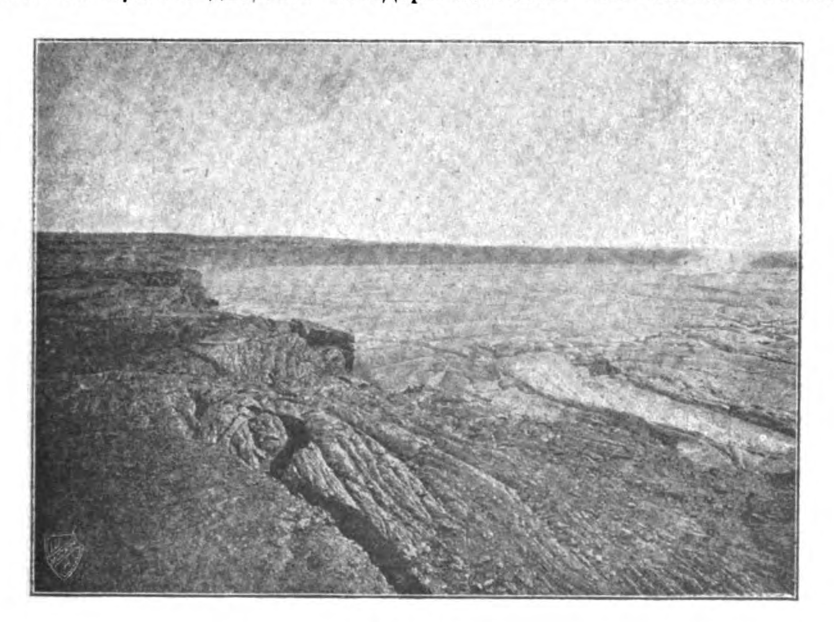

Рис. 25.

бы настланныхъ или навороченныхъ одинъ на другой слоевъ черной лавы, прорѣзанной въ разныхъ направленіяхъ трещинами, изъ которыхъ мѣстами поднимаются бѣловатые пары, мѣстами края трещинъ покрыты снѣжнобѣлыми налетами гипса. Въ нѣсколькихъ пунктахъ возвышаются неправильные конусы, образовавшіеся изъ комковъ полузастывшей лавы, выброшенныхъ изъ трещинъ. Нѣкоторые изъ нихъ

имѣютъ на вершинахъ отдушники, изъ которыхъ вырываются струйки пара (Рис. 27).

Нѣсколько эксцентрично, ближе къ юго-западному краю кальдеры замѣчается довольно обильное выдѣленіе паровъ. Здѣсь находится вторичная впадина, также съ отвѣсными краями, метровъ 700—800 въ поперечникѣ и весьма измѣнчивой глубины и на днѣ ея озеро расплавленной лавы, обыкновенно занимающее не все дно впадины, а оставляющее у краевъ кайму твердой лавовой корки.

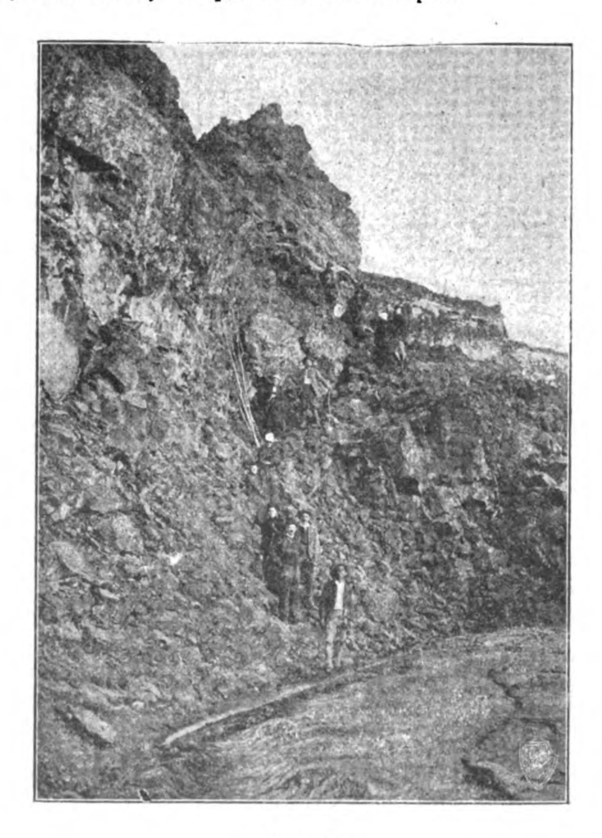

Рис. 26.

Передъ нами одно изъ замѣчательнѣйшихъ на землѣ явленій. Днемъ мы видимъ свинцово-сѣрую ровную поверхность, обнаруживающую мѣстами медленное горизонтальное движеніе; по виду она напоминаетъ поверхность илистой полужидкой массы, но она излучаетъ жаръ, который мы чувствуемъ на своемъ лицѣ.

Всѣ предметы, видимые сквозь горячую атмосферу надъ лавой, дрожатъ и колеблются. Во многихъ мѣстахъ масса какъ бы кипитъ; въ этихъ мѣстахъ она подбрасывается выходящими газами немного вверхъ и кажется тогда красною, какъ расплавленный сургучъ, при чемъ слышенъ особый характерный шумъ, родъ урчанія. По временамъ въ

разныхъ мѣстахъ озера и обыкновенно въ нѣсколькихъ сразу это кипѣніе усиливается, брызги лавы начинаютъ подбрасываться все выше и выше, чаще и чаще шумъ усиливается и наконецъ взвивается настоящій

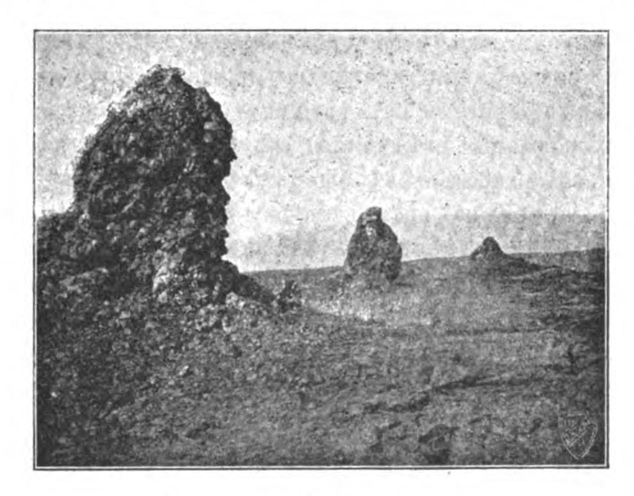

Рис. 27.

лавовый фонтанъ на высоту 4, 6 и болѣе метровъ въ видѣ красной шумящей и разсыпающейся каплями струи. Сѣрая поверхность озера представляетъ собою тонкую твердую корку застывшей лавы, а находя-

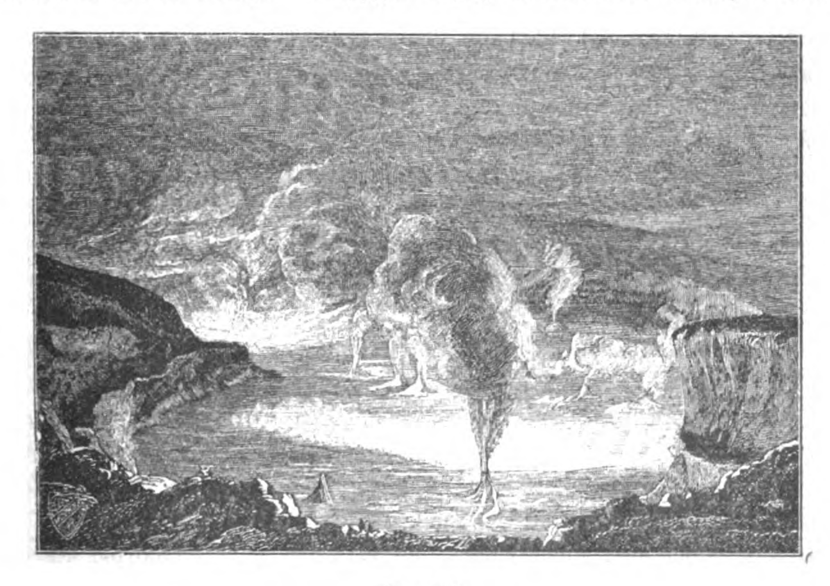

Рис. 28.

щаяся подъ нею лава оказывается раскаленною чрезвычайно подвижною жидкостью. Нѣкоторыя особенности явленія всего лучше наблюдаются ночью (рис. 28). Лавовое озеро представляетъ тогда ни

съ чѣмъ не сравнимое по своей величественности зрѣлище. На всю поверхность озера какъ бы наброшена подвижная сѣть изъ ярко свѣтящихся, рѣзко очерченныхъ зигзагообразныхъ трещинъ, раздѣляющихъ отдѣльные участки застывшей лавы—сѣть молній по выраженію Дэна, но не моментально вспыхивающихъ, а медленно измѣняющихъ свою форму и расположеніе, вслѣдствіе движенія отдѣльныхъ пластинъ коры. Во многихъ мѣстахъ изъ трещинъ выбрасываются яркія искры и изливаются небольшія свѣтящіяся струи быстро застывающей лавы, такъ что вся поверхность какъ бы искрится и на этомъ то искрящемся фонѣ выбрасываются по временамъ ослѣпительно свѣтлые лавовые фонтаны. Съ возникновеніемъ фонтана огненная сѣть ближайшихъ къ фонтану мѣстъ начинаетъ двигаться къ фонтану, и когда плита коры подойдетъ къ свѣтлому расплавленному вокругъ фонтана участку лавы, она наклоняется переднимъ краемъ внизъ и быстро исчезаетъ въ глубину. Иногда 6—10 фонтановъ дѣйствуютъ одновременно, и шумъ ихъ очень напоминаетъ шумъ морского прибоя. Послѣ усиленной дѣятельности фонтановъ, уровень лавы въ озерѣ понижается, когда фонтановъ мало—онъ повышается. Во время слабаго дождя, отъ паденія капель воды на раскаленную поверхность, озеро окутывается облаками; если дождь сильнѣе, то облака теплаго пара совершенно скрываютъ все дно и края второго кратера, такъ что нѣтъ никакой возможности оріентироваться въ мѣстности, а ночью пары просвѣчиваютъ красноватымъ цвѣтомъ и кажутся накаленными. Въ отличіе отъ устрашающихъ взрывовъ вулкановъ типа Везувія дѣятельность Килауэа поражаетъ своимъ величественнымъ спокойствіемъ.

Это обычное состояніе вулкана. При усиленіи его дѣятельности, лава по временамъ поднимается выше краевъ озера, переливается черезъ края и быстро на нихъ остываетъ, образуя вокругъ озера чрезвычайно интересный валъ правильной округлой формы (рис. 29). Каждый новый переливъ лавы черезъ край увеличиваетъ высоту и толщину вала, мѣстами она вытекаетъ какъ бы языками или лоскутами, застывающими на внѣшнемъ склонѣ вала; иногда плиты лавовой коры плавающей на озерѣ надвигаются на валъ, перекидываются черезъ его край и остаются на немъ какъ приклеенные и даже надвигаются одна на другую какъ черепицы на крышѣ. *Фонтаны* очень часто *возникаютъ у края озера* и иногда въ теченіи цѣлаго дня взвиваются на одномъ мѣстѣ, набрасывая на край вала брызги и комья лавы, застывающей въ фантастическіе зубцы и башенки.

Такимъ способомъ возникаетъ лавовый бассейнъ, высотою до 4—8 и болѣе метровъ, который можетъ быть названъ кратеромъ перелива. Лава, переливаясь черезъ края бассейна, разливается у его основанія, подвигаясь впередъ отдѣльными выступами и языками, какъ какая-то гигантская амеба. Движущіеся концы выступовъ огненнокраснаго цвѣта, поверхность ихъ быстро покрывается сѣрой каменной коркой, а

самый каскадъ ослѣпительно яркаго желтоватаго цвѣта. Иногда удается подойти сбоку къ этому ослѣпительному каскаду на разстояніе нѣсколькихъ метровъ, закрывая лицо отъ палящаго лучистаго жара.

Переливающаяся черезъ края бассейна и растекающаяся кругомъ лава повышаетъ дно вторичнаго кратера, отчего видимая высота вала уменьшается, но и валъ, въ свою очередь, повышается. Нерѣдко дѣло доходитъ до того, что весь вторичный кратеръ наполняется лавой и исчезаетъ, и лава растекается по дну первичнаго кратера и повышаетъ его уровень Въ это время кальдера представляетъ еще болѣе интересное и величественное зрѣлище.

Процессъ оканчивается быстрымъ пониженіемъ лавы; она глубоко уходитъ во вторичный кратеръ, при чемъ не только кольцевой валъ,

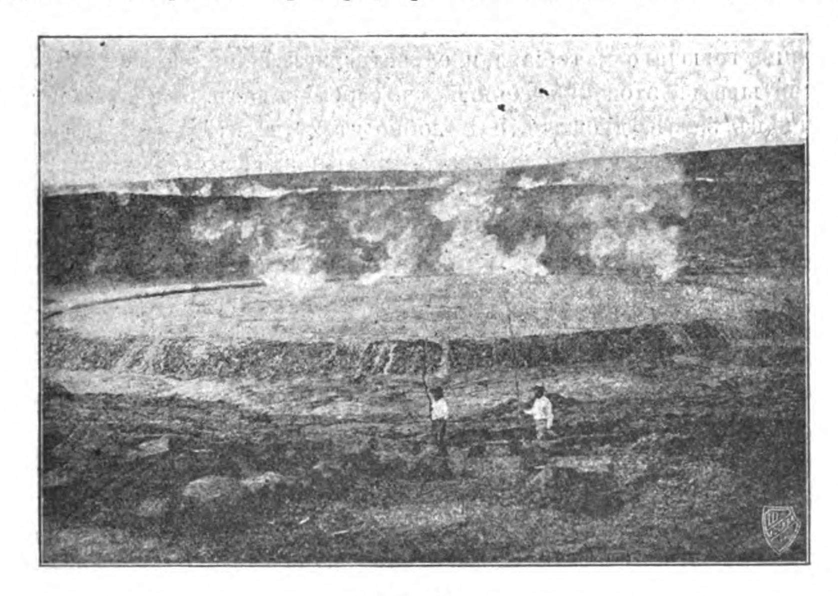

Рис. 29.

если онъ еще сохранился, обрушивается на поверхность понизившейся лавы, но и прежніе размѣры и очертанія вторичнаго кратера сильно измѣняются вслѣдствіе обваливанія его краевъ.

Въ то время, какъ главный интересъ Килауэа сосредоточивается на явленіяхъ, совершающихся въ его кальдерѣ, сосѣдній вулканъ Моуна-Лоа, представляющій колоссальнѣйшее въ мірѣ лавовое сооруженіе, проявляетъ свою дѣятельность внѣ кальдеры. На склонѣ его раскрываются время отъ времени трещины, изъ которыхъ изливаются могучіе лавовые потоки. Нѣкоторые изъ потоковъ доходятъ до моря, пройдя разстояніе верстъ 50 со скоростью отъ 25 до 30 верстъ въ часъ. Потокъ 1881 года почти достигъ городка Хило и въ $1^1/_2$ часа наполнилъ глубокій прудъ, находившійся отъ него на разстояніи версты $1^1/_2$. Потокъ 1855 г. изливался нѣсколько дней и образовалъ на сѣверо-во-

сточной сторонѣ горы цѣлое озеро лавы шириною верстъ 8—10 и длиною болѣе 20 верстъ. Каждое большое изверженіе доставляетъ столько лавы, что изъ нея можно было бы построить весь Везувій, а изверженія повторяются лѣтъ черезъ 8, черезъ 10.

Вершинный кратеръ Моуна-Лоа въ общемъ представляетъ повтореніе того, что мы видѣли на Килауэа только въ болѣе грандіозномъ масштабѣ. Кальдера имѣетъ около 10 верстъ въ поперечникѣ и дно ея также періодически заливается лавой. За подъемомъ лавы слѣдуетъ ея быстрое опаданіе, стоящее, между прочимъ, въ связи съ истеченіемъ лавы изъ трещинъ.

Посѣщеніе вершины Моуна-Лоа сопряжено съ большими трудностями. По описанію Дёттона, вѣтеръ дуетъ здѣсь рѣзкими, пронзительными порывами, отъ которыхъ нѣтъ защиты, на разстояніи 18 верстъ нѣтъ ни унца горючаго матеріала, и единственная пища, на которую можно разсчитывать, это принесенный съ собою запасъ. Животныя припадаютъ къ землѣ, дрожатъ и жалобно стонутъ всю ночь. Проводники и носильщики, привычные только къ тропическому климату морского побережья, едва ли способны долго выносить эти условія, но величественность этихъ пустынь и глубокое значеніе созерцаемыхъ картинъ, то прекрасныхъ, то страшныхъ, придаютъ путешествію чарующую прелесть.

Если явленія въ кратерѣ Моуна-Лоа поражаютъ своимъ величіемъ, если потоки ея лавы кажутся намъ колоссальными, то еще болѣе удивительны въ этомъ отношеніи древніе лавовые потоки и покровы высокихъ плато западныхъ территорій Сѣверной Америки.

Рѣка Колумбія и ея притокъ Змѣиная рѣка на значительномъ протяженіи своего теченія прорѣзываетъ толщи застывшей базальтовой лавы въ сотни метровъ толщиною, и эти лавы покрываютъ необозримое глазамъ пространство въ 150—300 верстъ въ поперечникѣ, причемъ не видно никакихъ слѣдовъ кратеровъ, изъ которыхъ излилась эта лава, какъ будто лава эта изливалась просто изъ трещинъ земной коры и затопляла цѣлую область, скрывая подъ собою ея первоначальный рельефъ.

Приходится признать, что въ прежнія геологическія эпохи вулканическая дѣятельность проявлялась въ болѣе значительномъ масштабѣ, чѣмъ нынѣ. Со времени появленія и остыванія этихъ лавъ, рѣки успѣли прорѣзать въ нихъ свои долины и теперь текутъ въ крутыхъ лавовыхъ берегахъ. Глубина ихъ долинъ свидѣтельствуетъ о томъ, что лава излилась на дневную поверхность уже очень давно.

Еще болѣе замѣчательно древнее лавовое изліяніе въ области верховьевъ рѣки Елловстона, гдѣ находится знаменитый національный паркъ, занимающій площадь, равную третьей части Московской губерніи. Это слегка холмистое плато среди горныхъ цѣпей скалистыхъ горъ, съ средней высотой 2.400 метровъ, представляетъ колос-

сальную массу лавы, нѣкогда излившейся въ это замкнутое среди горъ пространство и образовавшей здѣсь лавовое озеро, затопившее основанія горъ до высоты 500—600 метровъ. Лава этого озера изливалась мѣстами черезъ промежутки между горами въ сосѣднія горныя области.

Замѣчательныя крайности представляетъ судьба этой мѣстности. Вскорѣ (говоря геологическимъ языкомъ) за разлитіемъ раскаленной лавы наступилъ ледниковый періодъ. Вся сѣверная половина Сѣверной Америки покрылась ледянымъ покровомъ, остатокъ котораго донынѣ сохранился въ Гренландіи. Тогда и область національнаго парка съ ея лавовымъ покровомъ превратилась въ гигантскій ледникъ, во много разъ превосходившій самые большіе ледники Альпъ. Объ этомъ

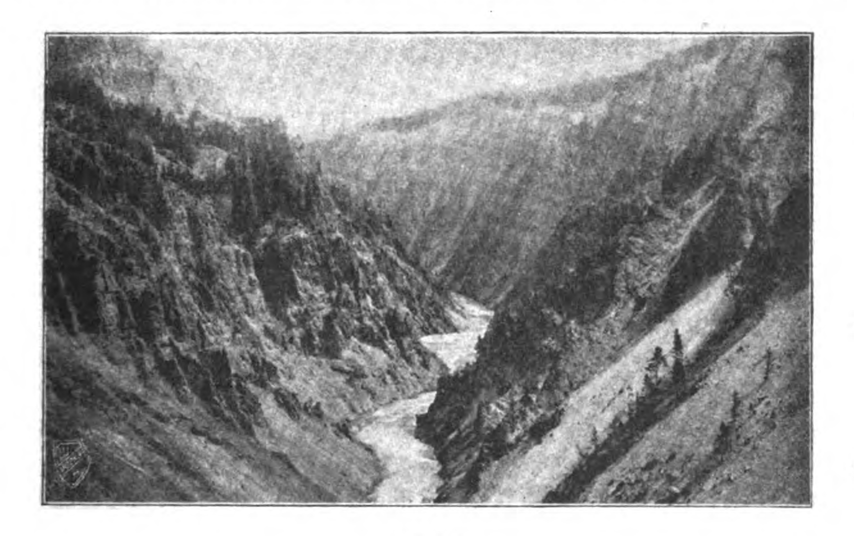

Рис. 30.

времени свидѣтельствуютъ морены, лежащія на лавѣ и разбросанные по поверхности валуны, принесенные льдомъ изъ далекихъ окраинныхъ горъ. По исчезновеніи льда, рѣки прорыли себѣ глубокія русла въ лавовомъ покровѣ. Рисунокъ 30 изображаетъ одно изъ этихъ руслъ— каньонъ Еловстона, достигающій глубины 300 метровъ. Но что всего замѣчательнѣе, такъ это то, что лавы сохранили въ глубинѣ чрезвычайно высокую температуру. Въ глубинѣ каньона есть отдушины, изъ которыхъ выходятъ горячіе пары, а атмосферныя воды, проникающія съ поверхности въ толщу лавы, возвращаются назадъ въ видѣ горячихъ ключей и даже гейзеровъ, воды которыхъ упругостью образующагося въ нихъ пара выбрасываются кверху въ видѣ фонтановъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ЧАРЛЬЗЪ ПАРНЕЛЬ.

(Страница изъ исторіи Англіи и Ирландіи).

(Окончаніе *)

IX.

Съ самаго начала 1886 года, или вѣрнѣе, со второй половины декабря 1885 г., тотчасъ послѣ выборовъ, разнесся слухъ, что Гладстонъ желаетъ поставить на очередь вопросъ объ ирландскомъ самоуправленіи. Слухъ этотъ вызвалъ необыкновенное волненіе. Прежде всего ему не повѣрили; министерство Гладстона 1880—1885 годовъ, говорили скептики, закрыло земельную лигу, преслѣдовало и сажало въ тюрьму Парнеля и его товарищей, провело два усмирительныхъ билля, вело ожесточенную борьбу съ обструкціей; наконецъ, еще совсѣмъ недавно Гладстонъ, по поводу рѣчей Парнеля о гомрулѣ, сказалъ, что Парнель еще не есть Ирландія, и что поэтому много вниманія на его слова обращать не должно. Почему же вдругъ станетъ мыслимою такая перемѣна фронта? Съ своей стороны лица, вѣрившія этому слуху, утверждали, что Гладстонъ всегда склонялся къ идеѣ гомруля, что общій тонъ его отношеній къ Ирландіи былъ бы иной, если бы не феніанство и не обструкція Парнеля. Они напоминали о земельномъ биллѣ, о кильмангэмскомъ договорѣ съ Парнелемъ, такъ внезапно уничтоженномъ убійствами въ Фениксъ Паркѣ. Думать, что Гладстонъ сталъ на сторону гомрулеровъ, чтобы привлечь Парнеля и при его помощи низвергнуть консервативный кабинетъ, предполагать въ Гладстонѣ притворство и компромиссы для достиженія власти—можно было только насилуя то представленіе о личности стараго вождя либераловъ, которое сложилось у друзей и враговъ его не сегодня и не вчера. Въ теченіе своей долгой жизни, съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ торіевъ, Гладстонъ никогда не произносилъ ни одного слова, которое шло бы въ разрѣзъ съ принципами чистаго либерализма. Онъ боролся съ парнеллитами до той поры, пока могъ думать, что все-таки они меньшинство, пока ихъ было изъ 103 ирландскихъ депутатовъ—всего тридцать девять,—и его

---

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль.

слова, что Парнель еще не Ирландія, что нужно узнать мнѣніе всей Ирландіи, не были только словами. Но когда въ декабрѣ 1885 года Ирландія прислала въ палату 86 парнеллитовъ изъ 103 депутатовъ, которыхъ имѣла право избрать, тогда Гладстонъ могъ смотрѣть на гомруль и аграрную реформу, какъ на желанія дѣйствительно всей націи. Теперь упорствовать въ своемъ прежнемъ поведеніи значило бы вести открытую борьбу съ національными стремленіями и надеждами, т. е. идти противъ коренныхъ принциповъ строгаго либерализма. Гладстонъ зналъ, какъ высказались во время предвыборной агитаціи Гошенъ, Гартингтонъ и другіе вліятельные члены его партіи о гомрулѣ; онъ могъ ожидать раскола, ослабленія своихъ силъ, отпаденія такой массы либераловъ, которая не могла бы компенсироваться присоединеніемъ къ нему парнеллитовъ, но страхъ предъ окончательной измѣной своимъ принципамъ и перспектива новой ожесточенной борьбы съ Парнелемъ изъ-за того, что самъ Гладстонъ не считалъ правымъ дѣломъ, перетянули чашку вѣсовъ. Когда началась сессія 1886 года въ парламентѣ уже всѣ знали вполнѣ опредѣлено, что Гладстонъ перешелъ на сторону Парнеля. Въ свою очередь Парнель, конечно, увидѣлъ, что отъ лорда Салисбюри ждать гомруля труднѣе, чѣмъ отъ Гладстона, такъ какъ консерваторы, не измѣняя своимъ убѣжденіямъ и своей программѣ, не могли осуществить ирландскихъ желаній *). Онъ примкнулъ къ Салисбюри въ 1885 году, чтобы низвергнуть Гладстона; теперь, когда въ его рукахъ было удалить Салисбюри отъ власти, когда онъ ждалъ отъ либераловъ и консерваторовъ опредѣленныхъ условій, и когда торіи повидимому думали ограничиться посылкою къ Парнелю Кэрнарвона и неясными намеками, а Гладстонъ прямо обѣщалъ внести въ палату проэктъ гомруля,—Парнель колебался недолго: въ первые же дни январьской сессіи онъ сталъ на сторону Гладстона. Эти событія перевернули вверхъ дномъ всѣ партійныя комбинаціи; стало ясно, что Салисбюри не продержится и одного мѣсяца и что паденіе его кабинета есть только вопросъ времени.

Сессія открылась 12 января. Послѣ тройной рѣчи началось обсужденіе отвѣта на нее, и тутъ уже обнаружились вполнѣ явственно главные контуры новой группировки партій. 26 января либералъ Джесси Коллинсъ **), поднимая ирландскій вопросъ, потребовалъ, чтобы въ отвѣтный адресъ были включены слова: «палата почтительнѣйше выражаетъ сожалѣніе, что Ея Величество не указала никакихъ мѣръ

*) Салисбюри, когда ему приходилось говорить объ ирландскихъ дѣлахъ въ эпоху 1880—1885 г.г., всегда высказывался неопредѣленно: порицая Гладстона, онъ избѣгалъ разговоровъ о причинахъ бѣдственнаго положенія Ирландіи, ср. Pulling, The life and speeches of the marquis of Salisbury (Lond. 1885), vol. II, стр. 112; 105, 110.

**) Теперь, въ 1898 г. Джесси Коллинсъ—товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ Салисбюри.

*

къ облегченію для землевладѣльцевъ возможности пріобрѣтать себѣ въ аренду участки и дома на льготныхъ основаніяхъ и съ увѣренностью, что они не будутъ оттуда удалены» [1]). Министерство Салисбюри высказалось противъ включенія этихъ словъ; восемнадцать либераловъ, подъ предводительствомъ Гартингтона, примкнули къ кабинету; Парнель со всѣми своими силами сталъ на сторону оппозиціи и этимъ рѣшилъ дѣло. Произошло голосованіе. 329 голосовъ высказалось противъ министерства, 250 за министерство. Салисбюри долженъ былъ подать въ отставку и уступить мѣсто Гладстону.

Событія громоздились съ необыкновенной быстротой: 26 января произошло голосованіе поправки Джесси Коллинса, и кабинетъ остался въ меньшинствѣ, 1 февраля было сформировано либеральное министерство [2]); въ тотъ же день стало извѣстно что статсъ-секретаремъ по ирландскимъ дѣламъ назначается Джонъ Морлей [3]), одно имя котораго говорило о твердой рѣшимости правительства дать Ирландіи все, чего она хочетъ [4]). На другой день уже всѣ въ парламентѣ толковали о расколѣ среди либераловъ, о томъ, что Гартингтонъ и съ нимъ весьма вліятельные виги покидаютъ окончательно Гладстона. Дѣйствительно, именно въ это время, весною 1886 года, начался и развился тотъ процессъ раздѣленія либеральной партіи, который привелъ ее къ современному состоянію упадка и безсилія. Гартингтонъ и его послѣдователи были возмущены образомъ дѣйствій Гладстона, его сближеніемъ съ Парнелемъ, ненавидѣвшимъ либераловъ и открыто признававшимся въ этомъ, и особенно обѣщаніями, которыя давались Гладстономъ. Отпавшіе члены гладстоновской партіи стояли за нерасторжимость уніи между Ирландіей и Англіей и потому стали называться уніонистами, а такъ какъ они продолжали считать себя либералами, то оффиціальнымъ титуломъ ихъ фракціи сдѣлалась кличка «либераловъ-уніонистовъ». Зародившись въ концѣ января 1886 года, эта фракція росла безъ перерыва въ теченіе всей весны.

Черезъ два мѣсяца послѣ сформированія кабинета Гладстонъ исполнилъ свое намѣреніе: онъ заявилъ, что 8 апрѣля внесетъ въ палату общинъ билль объ ирландскомъ самоуправленіи. Интересъ, возбужденный этимъ биллемъ былъ такъ великъ, что съ разсвѣта назначеннаго дня публика стояла толпами около парламента, чтобы успѣть захватить мѣста. Палата общинъ была переполнена народомъ [5]); даже привиллегированные

[1]) Отвѣтъ на милостивую рѣчь Ея Величества, parliam. Debates, томъ 302, 1 т. сессіи, стр. 525 и предыд.

[2]) The ministry of the r. h. W. E. Gladstone, as formed on acceptance of office, Parliam. Deb. т. 302, стр. 540.

[3]) Annual Register, 1886, part I, стр. 36.

[4]) Вотъ сужденіе Times'а о назначеніи Морлея: It would be impossible to overestimate the political significance of the selection of Mr. Morley... The irish policy of the new cabinet is thus proclaimed to be a home-rule policy in the largest sense etc.

[5]) См. Воспоминанія Темпля—Sir Richard Temple, Life in parliament being the experience of a member in the house of commons from 1886 to 1892 inclusively (Lond. 1893), стр. 81.

посѣтители брали съ бою каждое мѣсто. Первый министръ Великобританіи, берущій на себя иниціативу ирландскаго гомруля, казался явленіемъ въ высшей степени любопытнымъ. Билль Гладстона поручалъ управленіе всѣми спеціально ирландскими дѣлами дублинскому парламенту, который долженъ состоять изъ двухъ палатъ—верхней и нижней. Верхняя представляетъ нѣчто среднее между наслѣдственной палатой лордовъ и избираемымъ сенатомъ [1]), а нижняя избирается на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ Англіи, и состоитъ изъ 206 членовъ. Въ фискальномъ отношеніи Ирландія обязывалась вносить ежегодно въ имперскую казну 3.244.000 фунтовъ стерлинговъ. Для веденія ирландскихъ дѣлъ дублинскій парламентъ долженъ былъ выдѣлять изъ своей среды министерство, передъ нимъ отвѣтственное. Внѣшняя политика оставалась всецѣло въ рукахъ парламента англійскаго.

Этотъ билль давалъ, такимъ образомъ, широкое самоуправленіе Ирландіи, и если не удовлетворилъ всѣхъ желаній Парнеля, если верхняя палата и ежегодный взносъ трехъ милліоновъ являлись такими нововведеніями, безъ которыхъ ирландцы охотно обошлись бы, то во всякомъ случаѣ гомруль Гладстона былъ огромнымъ пріобрѣтеніемъ, первымъ и рѣзкимъ шагомъ къ раздѣленію враждебныхъ національностей. Поэтому при первомъ чтеніи парнеллиты въ полномъ составѣ поддерживали премьера. Они и либералы-гладстоновцы встрѣтили старика шумной оваціей, когда онъ вошелъ; враждебность же либераловъ-уніонистовъ сразу обозначилась такъ ярко, что консерваторы могли смѣло надѣяться на свое близкое торжество. Второе чтеніе билля произошло 7 іюня. Совершенно лишнее было бы передавать въ подробностяхъ рѣчи защитниковъ и противниковъ билля; эти люди стояли на разныхъ точкахъ зрѣнія и обсуждали вопросъ и спорили, имѣя подъ собою далеко неоднородную почву. Гладстоновцы утверждали, что для имперіи даже выгодно дать Ирландіи гомруль [2]); парнеллиты говорили о томъ, что гомруль единственное спасеніе Ирландіи [3]); консерваторы клялись, что кровные интересы англичанъ требуютъ сохраненія уніи [4]); либералы-уніонисты кричали, что они не позволятъ, чтобы Парнель былъ диктаторомъ и предписывалъ свою волю великобританскому парламенту [5]). Пренія недолго и длились; примиренія между противниками и защитниками проэкта быть не могло. Когда поздно ночью вопросъ былъ поставленъ

---

[1]) Часть ея—наслѣдственные перы, назначенные королевой, а другая часть—лица, избираемыя на пять лѣтъ плательщиками налога въ 25 ф. въ годъ; баллотирующіеся должны имѣть 200 фунт. дохода.

[2]) Рѣчь Гладстона, Parliam Deb. томъ 306, 5 т. сессіи, засѣд. 7 іюня, стр. 1222—1223.

[3]) Рѣчь Парнеля, Parl. Deb., т. 306, стр. 1170, 1171, 1172.

[4]) Рѣчь Гиксъ-Бича, Parl Db. т. 306, стр. 1205—1206.

[5]) Рѣчь Гошена: it has been shown that the parliament of Great Britain is not inclined to consider Mr. Parnell as our dictator etc. (Parl. Deb. 306, стр. 1148).

на баллотировку, девяносто три либерала-уніониста съ Гартингтономъ во главѣ голосовали вмѣстѣ съ 250 консерваторами противъ министерскаго билля; восемьдесятъ пять парнеллитовъ примкнуло къ гладстоновцамъ, которыхъ оказалось всего 228. Въ общей сложности баллотировка дала такіе результаты:

За билль:	Противъ билля:
228 либераловъ-гладстонцевъ	250 консерваторовъ
85 парнеллитовъ	93 либерала-уніониста.
всего 313 голосовъ.	всего 343 голоса.

Итакъ, законопроектъ о гомрулѣ былъ отвергнутъ большинствомъ тридцати голосовъ. Въ прессѣ было высказано мнѣніе, что премьеръ подастъ сейчасъ въ отставку, но онъ рѣшилъ апеллировать къ странѣ. Черезъ двѣ съ половиною недѣли послѣ провала законопроекта Гладстонъ распустилъ парламентъ.

Новые выборы (которые такимъ образомъ послѣдовали всего черезъ полгода послѣ выборовъ 1885 года) рѣзко измѣнили положеніе дѣлъ. Въ первый разъ появилась на избирательной платформѣ новая партія либераловъ-уніонистовъ, и сразу стали говорить о ея побѣдѣ надъ гладстоновцами *). Общественное мнѣніе Англіи раскололось самымъ рѣшительнымъ образомъ; обычныя предвыборныя колкости между либералами и торіями измѣнились взаимными обвиненіями гомрулеровъ и уніонистовъ. Парнеллиты всюду, гдѣ могли, поддерживали гладстоновцевъ, т. е. дѣлали какъ разъ противоположное тому, что во время выборовъ 1885 года.

Либералы-уніонисты начали предвыборную кампанію еще раньше распущенія парламента. Уже 12 іюня Чемберленъ произнесъ рѣчь въ Бирмингэмѣ, излюбленномъ мѣстѣ его ораторскихъ откровеній **). Въ этой рѣчи онъ съ горечью нападалъ на Гладстона, обвинялъ его въ перемѣнѣ фронта, въ страхѣ предъ Парнелемъ, въ томъ, что онъ сталъ пѣшкою въ рукахъ «ирландскаго короля». Гладстонъ отвѣчалъ ему указаніемъ на то, что если Ирландіи дать гомруль, то между нею и Англіей образуется не бумажная унія, а настоящая, сердечная ***). Гартингтонъ рѣзко протестовалъ противъ этого мнѣнія, говоря, что Гладстонъ вообще принимаетъ въ расчетъ только ирландцевъ, а объ англичанахъ, живущихъ въ Ирландіи, не подумалъ и хочетъ отдать ихъ подъ иго дублинскаго парламента ****). Старый либералъ Джонъ Брайтъ рѣшительно примкнулъ къ уніонистамъ, и весьма сильное впечатлѣніе произвело его открытое письмо къ Гладстону, гдѣ также почеркивалось слишкомъ быстрое превращеніе премьера изъ врага въ друга

*) «The Liberal Wreck», стр. 8. («Fortnightly Rev». Iuly 1886).
**) «Annual Register». 1886, стр. 225.
***) «Pall Mall Gazette». 15 Inny 1886.
****) «Times», 18—19 Iun. 1886.

Парнеля *). Что касается до ирландцевъ, то они относились къ Гландстону, повидимому, съ искренней сердечностью. Въ ихъ глазахъ обращеніе Гладстона было блестящей побѣдой Парнеля, и они такъ же рѣшительно измѣнили свои отношенія къ первому министру, какъ онъ измѣнилъ свое отношеніе къ ихъ вождю. Но національныя страсти были возбуждены не только въ одной Ирландіи, и выборы лишній разъ иллюстрировали ту аксіому, что при наличности одинаковаго взаимнаго раздраженія двухъ борющихся соціальныхъ группъ побѣждаетъ та, которая сильнѣе количественно.

Выборы начались 1-го іюля, и съ первыхъ же подсчетовъ уже нельзя было обманываться въ истинномъ характерѣ ихъ. Парнелитовъ было избрано 84, гладстоновцевъ—191, консерваторовъ—317 и либераловъ-уніонистовъ—74. Противъ 275 соединенныхъ парнеллитовъ и гладстоновцевъ въ парламентъ пришла соединенная партія консерваторовъ и уніонистовъ, располагавшая 391 голосомъ **). Въ концѣ іюля Гладстонъ подалъ въ отставку, и Салисбюри занялъ его мѣсто.

X.

До сихъ поръ, т. е. до средины 1886 г., тактика Парнеля состояла сначала въ ожесточенной борьбѣ противъ консерваторовъ и либераловъ безъ различія. Всякое англійское правительство было недругомъ и всякая англійская партія—враждебной ассоціаціей. Въ тѣ рѣдкіе моменты, когда ему приходилось сблизиться съ вигами, какъ это было въ эпоху «кильмангэмскаго договора», за нѣсколько дней до убійства въ Фениксъ-Паркѣ, или съ торіями, какъ имѣло мѣсто при низверженіи Гладстона въ 1885 году, Парнель дѣлалъ это съ какими-нибудь непосредственными практическими цѣлями, и проекты союзовъ дальше такихъ временныхъ комбинацій не шли. Теперь, послѣ выборовъ 1886 года, дѣло было иное: либеральная партія Гладстона, ставя на карту свою политическую будущность, порывая всѣ національныя англійскія традиціи и внося опаснѣйшій для себя расколъ въ свою среду,—подняла вопросъ о гомрулѣ. Этимъ она превращалась въ партію ирландскаго самоуправленія по преимуществу, и Парнель могъ смѣло протянуть ей руку, тѣмъ болѣе, что она уже сожгла свои корабли и нуждались въ немъ всецѣло, а это для подозрительнаго ирландскаго лидера являлось большою гарантіей вѣрности. Что касается до Салисбюри, то теперь уже Парнель его весьма удовлетворительно понялъ и пришелъ также къ твердому заключенію, что консервативная партія ни за что гомруля Ирландіи не дастъ. Единственнымъ раціональнымъ поведеніемъ съ точки зрѣнія парнеллизма являлась упорная оппозиція консервативному

*) «Daily News», 1—10 Iuly, 1886.

**) «The New Parliament», p. I стр. 255.

министерству, а единственнымъ возможнымъ и полезнымъ союзомъ — союзъ съ Гладстономъ.

Итакъ, прежніе враги стали уже не временными союзниками, но политическими друзьями; послѣ долгихъ колебаній партіи разслоились вполнѣ естественно, согласно съ общими положеніями своихъ программъ: либералы отстаивали принципъ національнаго самоуправленія, консерваторы стояли за неприкосновенность имперіалисткихъ началъ. Съ 1886 года вплоть до 1891 года парнеллиты голосовали всегда съ либералами и не было случая, когда они отказали бы Гладстону въ поддержкѣ противъ кабинета. Какъ только началась осенняя сессія 1886 г., Парнель внесъ на разсмотрѣніе парламента [1]) билль объ улучшеніи положенія арендаторовъ въ Ирландіи; по этому биллю, между прочимъ, лица, арендовавшія не земельные участки, а только дома должны были получить всѣ права, предоставленныя земельнымъ арендаторамъ. Кромѣ того, всѣмъ вообще арендаторамъ предполагалось доставить льготный кредитъ изъ государственнаго казначейства для выкупа въ собственность арендуемыхъ участковъ. Этотъ проектъ былъ враждебно встрѣченъ министерствомъ; Гиксъ-Бичъ съ своею обычною ядовитостью сказалъ Парнелю во время преній [2]): «мнѣ прекрасно извѣстно, насколько важно для правительства быть въ мирѣ и согласіи съ ирландской партіей, но мы не въ правѣ покупать миръ цѣною несправедливости (по отношенію къ лендлордамъ)». Законопроектъ Парнеля былъ отвергнутъ [3]); консерваторы и уніонисты оказывались гораздо сильнѣе гладстоновцевъ и парнеллитовъ. Намекъ сэра Гиксъ-Бича былъ далеко не единственной шпилькой, направленной противъ превращенія Гладстона «изъ англійскаго Савла въ ирландскаго Павла». Либераламъ, оставшимся вѣрными своему старому лидеру, приходилось выслушивать упреки въ пресмыкательствѣ передъ Парнелемъ, въ отступничествѣ отъ своей національности и пр. Одинъ изъ выдающихся гладстонцевъ, знаменитый авторъ «Священной римской имперіи»—Джемсъ Брайсъ отвѣчалъ на эти нападенія статьей [4]), являющейся партійнымъ объясненіемъ съ обществомъ. Онъ заявилъ прямо, что прежняя политика либераловъ, политика усмирительныхъ законовъ была ошибкой [5]), что опытъ показалъ всю тщету суроваго обращенія съ Ирландіей и, наконецъ, что выборъ 86 парнелитовъ въ первый разъ открылъ либераламъ глаза на истинныя желанія и нужды ирландцевъ, на ихъ стремленіе получить гомруль [6]).

---

[1]) «Parliam Debates», 1886, зас. іюля: «Irish tenants relief bill».

[2]) «Parl. Deb.», томъ 309, стр. 1206: «Jam very well aware, what the value of peace and harmony with the irish party might be to government etc».

[3]) «Parl Deb». т. 309, стр. 1247: Ayes 202; Noes 297.

[4]) «Какъ мы стали гомрулерами?» (How we became home-rulers?« The Contempor. Rewiew», vol. 51, стр. 736—756. (1887 г.).

[5]) «Enormous Mischief». (How we became, стр. 754).

[6]) «Если когда-либо народъ высказывалъ ясно свою волю,—то это ирландскій народъ на выборахъ 1885 года». (How e became, 753—754).

Послѣ такихъ декларацій Парнель могъ съ полною справедливостью считать гладстоновцевъ такими-же своими орудіями, какъ О'Келли, О'Коннора или Макъ-Карти. Интересно еще и то, что въ прессѣ Гладстона обвиняли въ желаніи отдать Ирландію подъ диктатуру Парнеля, такъ какъ дублинскій парламентъ будетъ пѣшкою въ его рукахъ. Гладстонъ самъ печатно отвѣтилъ на это *), что, дѣйствительно, Парнель будетъ играть огромную роль въ ирландской палатѣ и что онъ, Гладстонъ, это знаетъ...

Лондонской прессѣ и министерству скоро пришлось говорить объ ирландскихъ дѣлахъ не только по поводу дружбы Гладстона и Парнеля: съ зимы 1886 и въ особенности весною 1887 года аграрныя преступленія послѣ временнаго затишья опять начали тревожить страну. Когда въ февралѣ 1887 года въ парламентѣ стали обсуждаться мѣры, необходимыя для прекращенія аграрныхъ разбоевъ, Парнель произнесъ длинную рѣчь, въ которой, между прочимъ, говорилъ слѣдующее: «если вы создадите новый законъ объ усмиреніи, то повѣрьте, что этимъ вы возбудите Ирландію гораздо сильнѣе, нежели всевозможные агитаторы изъ Америки начиная отъ Нью-Іорка и кончая Санъ-Франциско. Гомруль и земельная реформа—единственныя противоядія». 28 марта членъ кабинета Бальфуръ предложилъ палатѣ проэктъ билля о преступленіяхъ. Между прочимъ онъ мотивировалъ необходимость этого закона тѣмъ, что правительство должно защищать при помощи спеціальныхъ агентовъ особы 770 лендлордовъ **); каждому агенту нужно платить въ годъ 70 ф., (700 рублей); въ общемъ, значитъ, правительство принуждено покупать безопасность лендлордовъ цѣною пятидесяти пяти тысячъ фунтовъ ***) въ годъ—а это, по мнѣнію Бальфура, дорого. Далѣе, воскресъ бойкоттъ, общественная опала противъ тѣхъ фермеровъ, которые занимаютъ мѣста прогнанныхъ арендаторовъ. Въ 1887 г. бойкоттировалось 836 человѣкъ, цифра, давно уже небывалая. Парнель отвѣчалъ, что лендлорды, почувствовавши опору въ министерствѣ Салисбюри, стали развязнѣе прогонять своихъ арендаторовъ и противузаконно возвышать арендныя цѣны, такъ что они являются зачинщиками аграрныхъ преступленій и бойкотта, а не ирландцы. Билль прошелъ въ первомъ чтеніи, но дебаты во время второго чтенія были еще болѣе страстны ****). «Вы намѣрены», сказалъ Парнель, обращаясь къ Салисбюри: «посылать на эшафотъ и въ тюремныя камеры людей завѣдомо невинныхъ, непричастность которыхъ къ преступленіямъ извѣстна и ихъ сосѣдямъ, и даже властямъ». Въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ онъ обвинялъ премьера и Бальфура въ желаніи внести терроръ въ Ирландію. Гладстонъ, не обращая вниманія на враждебные

*) W. L. Gladstone, «Notes and queries on the irish demand», стр. 176. (Nineteenth Century, Febr. 1887).

**) Annual Register 1887, p. I стр. 88.

***) Около 550.000 рублей.

****) Parliam. Deb. 1—25 march. 1887.

крики консерваторовъ, поддерживалъ Парнеля. Ему напоминали его собственные билли объ усмиреніи, но онъ твердо стоялъ на высказанномъ раньше: признавая ошибочной всю прежнюю свою ирландскую политику, онъ протестовалъ противъ желанія Салисбюри продолжать ее.

Обсужденіе законопроэкта было отложено. Ненависть противъ Парнеля вспыхнула у его враговъ съ особенною силою; говорили, что гипнозъ, который положилъ къ его ногамъ Ирландію, теперь распространился на Гладстона и либераловъ, и старый Вильямъ не видитъ, что онъ протягиваетъ руку покровителямъ убійцъ. Живя среди такой атмосферы озлобленія и вражды къ ирландскому лидеру, англійская публика прочла 18-го апрѣла въ газетѣ «Times» слѣдующія строки [1]: «15—5—82. Дорогой сэръ, я не удивленъ тѣмъ, что Вашъ другъ сердится на меня, но и Вы, и онъ должны знать, что порицать убійство было единственнымъ выходомъ для насъ. Ясно, что сдѣлать это поскорѣе было нашей лучшей политикой. Но Вы можете передать ему и всѣмъ другимъ, кого это касается, что хотя я сожалѣю о смерти лорда Кавендиша,—я долженъ признать, что Боркъ не стоилъ больше, чѣмъ его трупъ. Вы можете показать это письмо вашему другу и тѣмъ, кому Вы довѣряете. Но не говорите никому моего адреса. Пусть онъ мнѣ напишетъ въ палату общинъ. Вашъ Чарльзъ Парнель». Письмо это было помѣчено 15 мая 1882 года, т. е. написано черезъ нѣсколько дней послѣ убійства въ Фениксъ-Паркѣ и публичнаго порицанія Парнелемъ этого факта. Письмо было напечатано въ видѣ факсимиле, почеркомъ Парнеля. Редакція «Times»'а, печатая это письмо въ заключеніе статьи о «парнелизмѣ и преступленіи», выражала полную увѣренность, что оно писано, дѣствительно, рукою Парнеля [2]). Впечатлѣніе, произведенное письмомъ отъ 15 мая, было потрясающимъ.

Положеніе Гладстона сдѣлалось такимъ шаткимъ и невѣрнымъ, какъ ни разу не было за всю эту долгую жизнь политическаго борца. Но, главнымъ образомъ, Парнель долженъ былъ немедленно высказаться. Придя въ палату общинъ въ тотъ же день, какъ появилось письмо, онъ заявилъ, что редакція «Times»'а учинила грубый подлогъ. «Я готовъ былъ бы»,—сказалъ онъ:—«собственное тѣло подставить подъ ножъ, лишь бы спасти лорда Кавендиша». Въ залѣ поднялся ропотъ. Тогда Парнель, помолчавши немного, прибавилъ: «И Борка тоже» [3]).

На другой день Гладстонъ выразилъ убѣжденіе [4]), что Парнель никогда не былъ въ связи съ преступниками, но Салисбюри замѣтилъ на это въ рѣчи на консервативномъ митингѣ [5]), что, если Парнель

[1]) См. «Times», 18 April 1887, стр. 8 (письмо въ черномъ ободкѣ): Dear Sir, Iam surprised etc.

[2]) Parnellism and crime. Mr. Parnell and the Phoenix-Park murders, «Times», 8 стр. 18 Apr. 87.

[3]) Parliam. Deb. 1887, 18 April.

[4]) «Daily News», 21 April. 1887.

[5]) Primrose league meeting, speech of Mark. Salisbury, 20 Apr. 87.

хочетъ избавиться отъ обвиненій, то пусть притянетъ редакцію къ суду, а иначе дѣло не выяснится. Почеркъ подписи на факсимиле «Times»'а, дѣйствительно, имѣетъ поражающее сходство съ почеркомъ Парнеля; пишущій эти строки имѣлъ случай сравнивать нѣсколько его подписей и пришелъ къ заключенію, что во всякомъ случаѣ Парнель былъ несправедливъ, назвавши подлогъ грубымъ. Какъ уже было сказано, газета не выражала и сомнѣнія, что письмо принадлежитъ Парнелю и адресовано убійцамъ Борка и Кавендиша. Парнель въ печати заявилъ, что, вѣроятно, онъ какъ нибудь росписался на пустомъ листкѣ бумаги, а редакція «Times»'а присочинила отъ себя письмо. Но затѣмъ онъ отказался и отъ подписи и высказалъ мнѣніе, что подпись также сфабрикована его врагами. Привлекать редакцію къ суду онъ медлилъ. Вскорѣ послѣ письма въ «Times»'ѣ билль Бальфура (объ усмиреніи) сталъ закономъ: правила, бывшія въ силѣ отъ 1882 до 1885 года, теперь возстановлялись. Но въ 1887 году, несмотря на эти мѣры, аграрныя преступленія стали переходить уже въ попытки открытыхъ бунтовъ; въ Митчельстоунѣ и другихъ мѣстахъ приходилось разгонять толпу военной силой. Можно себѣ представить, насколько эти происшествія въ связи съ упорнымъ нежеланіемъ привлечь редакцію къ суду, волновали общественное мнѣніе *). Парнель въ глазахъ менѣе культурныхъ слоевъ общества являлся уже признаннымъ главою революціонной арміи, предводителемъ феніевъ. Между тѣмъ «Times» и не думала ограничиться однимъ письмомъ; газета напечатала еще два письма, также подписанныя именемъ Парнеля и касающіяся того же предмета—порицанія убійства въ Фениксъ-Паркѣ; въ этихъ письмахъ Парнель снова объясняетъ и извиняетъ свое поведеніе въ парламентѣ въ маѣ 1882 года. Послѣ напечатанія этихъ писемъ къ Парнелю уже приступили съ самыми серьезными требованіями и члены его партіи, и либералы — гладстоновцы, чтобы онъ предпринялъ какія-нибудь рѣшительныя мѣры. Тогда Парнель заявилъ въ палатѣ общинъ требованіе, чтобы было назначено парламентское слѣдствіе по этому дѣлу. Во время обсужденія этого предложенія членъ кабинета Чемберленъ, одинъ изъ отпавшихъ отъ Гладстона либераловъ, сильно нападалъ на Парнеля. Парнель отвѣтилъ, что Чемберленъ непрочь былъ раньше заискивать предъ ирландцами, когда они были ему нужны, а теперь, ставши министромъ, ведетъ игру на два фронта: вслухъ нападаетъ на ирландскую партію, а втихомолку ведетъ съ ней сношенія, обманывая Салисбюри. Рѣчь Парнеля была покрыта аплодисментами ирландцевъ и гладстоновцевъ и среди шума раздались крики: «Іуда Чемберленъ! Іуда Чемберленъ!» Кричали это ирландцы **). Этотъ поворотъ дѣла былъ со-

*) The forged letters, 329 (The parnell-commission. Third edition, Lond. 1889, изданіе Макмильяна).

**) См. Diary of Salisbury parliament 1886 — 1892. (Lond. 1892, by h. Lucy), стр. 97 и 98.

всѣмъ неожиданъ: изъ обвиняемаго Парнель превратился въ обвинителя, министерство не скрывало своего смущенія. Чемберленъ взволнованно оправдывался (ни на кого, впрочемъ, въ частности не глядя), палата раздражена страшно. Парнелю въ его требованіи о парламентской коммиссіи было отказано; рѣшили только составить комитетъ изъ членовъ суда Королевской скамьи, и эта коммиссія должна была рѣшить, кто правъ: Парнель или редакція «Times»'а.

Слѣдствіе началось въ концѣ 1887 года, а судъ осенью 1888 г.; онъ тянулся одинъ годъ и одинъ мѣсяцъ и занялъ 128 засѣданій (начался онъ 22 октября 1888 г., а окончился 22 ноября 1889 г.). Судьба какъ будто не хотѣла дать Парнелю хоть немного отдохнуть: обструкція въ эти годы (со времени измѣненія парламентскихъ правилъ) была сильно затруднена, другимъ способомъ бороться противъ коалиціи уніонистовъ и консерваторовъ не было возможности, и вотъ, какъ разъ, когда въ парламентѣ стоитъ сравнительное затишье, Парнель волнуетъ англійское общество своимъ процессомъ и тѣми подробностями его, которыя выяснились во время суда и слѣдствія. Нужно отдать справедливость генералъ-атторнею, руководившему слѣдствіемъ: онъ дѣлалъ все, что только было въ его силахъ, чтобы доказать связь Парнеля съ феніями и, eo ipso, подлинность писемъ. Но такого осторожнаго и скрытнаго человѣка, такого, по отзывамъ всѣхъ слѣдившихъ за нимъ агентовъ, идеальнаго конспиратора нельзя было другого отыскать въ Соединенномъ Королевствѣ; Томасъ Бичъ былъ единственнымъ человѣкомъ, который могъ хвалиться тѣмъ, что обманулъ Парнеля. Генералъ-атторней приказалъ на казенный счетъ привозить въ Лондонъ со всѣхъ концовъ Ирландіи и Англіи тѣхъ политическихъ арестантовъ, которые могли бы хоть что-нибудь сказать противъ Парнеля. Многіе ирландцы сидѣли въ тюрьмѣ на основаніи только что проведеннаго бальфуровскаго билля объ усмиреніи; этимъ людямъ, находившимся въ полной власти администраціи, была обѣщана свобода за одно только слово противъ Парнеля *). Но ничего не помогало; доказательства не являлись.

Когда слѣдствіе коснулось, наконецъ, исторіи съ письмами, генералъ-атторней вызвалъ редактора «Times»'а и спросилъ его, отъ кого онъ получилъ эти письма. Редакторъ отвѣтилъ, что онъ ихъ получилъ отъ нѣкоего Густона **), секретаря англійской патріотической лиги въ Дублинѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ корреспондента «Times»'а. Генералъ-атторней вызвалъ Густона и спросилъ, кто же ему самому далъ эти письма. Тогда Густонъ назвалъ нѣкоего Ричарда Пиготта, бывшаго репортера дублинской мелкой прессы. Вызвали Пиготта, и тутъ дѣло начало раскрываться. Вотъ что обнаружилось. Этотъ Пиготтъ жилъ въ Кингстоунѣ, -

*) См. объ этомъ Filon, Profils anglais (Paris 1893), стр. 275.

**) The Parnell-commission. The opening speech. (3 edition, London 1889), стр. 332.

вблизи отъ Дублина; у него была семья, состоявшая изъ жены и четырехъ маленькихъ дѣтей. Положеніе всей семьи было ужасно; Пиготтъ дѣлалъ все, чтобы достать какую нибудь работу, но ничего не выходило, неудачи преслѣдовали его съ замѣчательнымъ постоянствомъ. Доведенный до отчаянія, онъ уже началъ просить милостыню у тѣхъ людей, отъ милосердія которыхъ могъ чего нибудь ожидать. Онъ страстно любилъ своихъ дѣтей, по отзывамъ всѣхъ, и жестоко страдалъ, видя, что они умираютъ отъ голода. Положеніе его и, въ особенности, страхъ за жизнь дѣтей стали извѣстны Густону, секретарю англійской патріотической лиги и сотруднику «Times»'а. Густонъ явился къ Пиготту и предложилъ ему слѣдующее дѣло. (Это было въ концѣ 1886 года, въ разгаръ толковъ о совращеніи либераловъ и Гладстона въ парнеллизмъ). Существуетъ, сказалъ онъ, единственная возможность для Пиготта спасти своихъ дѣтей отъ голодной смерти. Нужно *достать* письма, которыя бы показывали, что Парнель находился въ связи съ убійцами Борка и Кавендиша. Если Пиготтъ беретъ на себя *искать и найти* такія письма, то англійская патріотическая лига обязуется платить ему за каждый день во время поисковъ два фунта стерлинговъ (около 20 руб.), а когда письма будутъ найдены, тогда онъ получитъ за напечатаніе ихъ разомъ такую сумму, которая его обезпечитъ до конца дней. Пиготтъ согласился. Затѣмъ, показаніе Пиготта, до сихъ поръ подтвержденное другими свидѣтелями, становится нѣсколько сбивчивымъ. Онъ отправился искать письма почему-то въ Лозанну, но тамъ ничего не нашелъ и поѣхалъ въ Парижъ *). Здѣсь его встрѣтилъ на улицѣ какой то неизвѣстный человѣкъ, который спросилъ его, не письма ли Парнеля онъ ищетъ? Получивши утвердительный отвѣтъ, незнакомецъ сказалъ, что эти письма находятся въ черномъ мѣшечкѣ въ одномъ запертомъ помѣщеніи, въ Парижѣ. Пиготтъ выразилъ желаніе купить ихъ, но незнакомецъ не продавалъ, боясь гнѣва феніевъ, сидѣвшихъ въ Америкѣ. Пиготтъ, съѣздивъ въ Америку, получилъ отъ феніевъ позволеніе купить письма, вернулся въ Парижъ и пріобрѣлъ ихъ. Затѣмъ эти письма, уличавшія Парнеля въ сношеніяхъ съ заговорщиками Фениксъ-Парка, были переданы Густону, а Густонъ отослалъ ихъ въ редакцію «Times»'а. Пиготтъ видѣлся лично и съ редакторомъ, и тотъ вполнѣ повѣрилъ подлинности документовъ **). Въ общемъ, онъ пока получилъ за нихъ отъ редакціи около 1000 фунтовъ (десять тысячъ рублей).

Защитникъ Парнеля Чарльзъ Россель весьма саркастически допрашивалъ редакцію «Times»'а, свято ли она вѣритъ словамъ Пиготта, и, очень искусно ведя перекрестный допросъ, убѣдилъ присутствовав-

---

*) Diary of the parnell-commission, 54 Day, February 21, стр. 151, показаніе Пиготта. (изд. Lond. 1890).

**) The opening speech for the defence (Charles Russel), 3 edition, Lond. 1889, стр. 340 и 341.

шую въ судѣ публику (да и не только поблику, если судить по тому, что члены Королевской скамьи смѣялись вмѣстѣ со всѣми), что, во-первыхъ, свидѣтель фантазируетъ, и, во-вторыхъ, что редакція притворяется, будто вѣритъ ему. Положеніе Пиготта во время засѣданія было страшно трудно, и стенографическій отчетъ о процессѣ черезъ каждыя нѣсколько строкъ замѣчаетъ *), что Пиготтъ «обнаруживаетъ всѣ признаки потрясенія». Этотъ разсказъ о доставаніи писемъ былъ выслушанъ отъ него во время засѣданія суда 21 и 22 февраля (1889 г.), а 23-го февраля, рано утромъ, Пиготтъ явился къ Лабушеру, редактору газеты «Truth», поддерживавшему Парнеля,—торопливо и задыхаясь потребовалъ, чтобы Лабушеръ позвалъ свидѣтелей, и, когда это было исполнено, сказалъ, что все его показаніе на судѣ — ложь, что онъ самъ поддѣлалъ всѣ письма, соблазненный обѣщаніями Густона. Его признаніе было имъ тутъ же написано и подписано. Затѣмъ онъ поспѣшно вышелъ изъ редакціи. Онъ бѣжалъ въ Парижъ, а оттуда въ Испанію, въ Мадридъ. Ожидая, что его соблазнители поддержатъ его теперь, онъ послалъ телеграмму въ «Times» съ просьбою о деньгахъ, которыя газета еще осталась ему должна. Редакція «Times»'а тотчасъ же сообщила указанный въ телеграммѣ адресъ полиціи. На другой день въ мадридскую гостиницу явились арестовать его; Пиготтъ, увидя вошедшихъ, пустилъ себѣ пулю въ лобъ раньше, чѣмъ могли его остановить.

Послѣ этой трагедіи и прочтенія на судѣ признаній Пиготта дѣло Парнеля было выиграно, и выиграно блестящимъ образомъ. Тріумфъ былъ полный, безусловный, такой, какихъ немного выпало на долю даже этого человѣка, привыкшаго къ успѣхамъ. Надо замѣтить, что если Парнель неохотно началъ процессъ, какъ всегда не желая безъ особенной нужды отрекаться отъ феніевъ, если онъ не любилъ защищаться на этой почвѣ, то и во время суда онъ ограничивался лаконическими отвѣтами на вопросы о сношеніяхъ съ тайными обществами и принципіально ничего о нихъ не говорилъ. Во время процесса, между прочимъ, Парнель встрѣтился со своимъ старымъ знакомымъ, агентомъ полиціи Томасомъ Бичемъ **); этотъ дѣятель произвелъ очень сильное впечатлѣніе, разсказавши ***), какъ Парнель въ 1881 году говорилъ съ нимъ о необходимости дѣйствовать дружно съ феніями. Но теперь уже редакціи «Times»'а ничто помочь не могло. Она потерпѣла такое страшное пораженіе, послѣ котораго даже этотъ органъ не могъ вполнѣ оправиться. Кромѣ моральнаго ущерба газета понесла и матеріальный; она должна была заплатить Парнелю 5.000 фунтовъ судебныхъ издержекъ (около 50.000 рублей).

---

*) Diary of the parnell-commission, 53 and 54 Days, passim.

**) Авторъ цитированной выше книги Twenty five yearsin the secret service.

***) Diary of the parnell-commission, 215—217.

Враги ирландскаго лидера были раздавлены, очутились въ самомъ затруднительномъ положеніи, какое только можно себѣ представить, а онъ торжествовалъ—и все-таки его отношенія съ феніанствомъ оставались невыясненными, никакихъ признаній на судѣ онъ не сдѣлалъ и никого ни въ чемъ разувѣрить не старался. Ненависть къ нему, всегда острая, теперь усиливалась чувствомъ горечи и обиды; но до поры, до времени возможно было только дѣлать вылазки спорадическія и исподтишка. Чтобы разомъ все припомнить и за все съ нимъ расплатиться, слѣдовало подождать болѣе благопріятнаго времени и болѣе удобнаго случая.

XI.

Джіордано Бруно говоритъ въ одномъ ихъ своихъ произведеній о людяхъ, которые въ горѣ веселы, а въ радости печальны, in tristitia hilares—in hilaritate tristes. Судя по всему, Парнель принадлежалъ въ числу такихъ людей. Въ самыя трудныя минуты своей жизни онъ удивлялъ близко стоявшихъ къ нему лицъ полнымъ спокойствіемъ, бодростью и увѣренностью, а въ дни тріумфовъ не менѣе поражалъ какою то печальной задумчивостью, непонятной сумрачностью. Впрочемъ, его настроеніе всегда должно было казаться немотивированнымъ. Своей души онъ не открывалъ никому изъ тѣхъ, кто повидимому имѣлъ больше всего правъ на его откровенность.

Онъ казался всегда одинокъ, члены его партіи, безпрекословно ему повиновавшіеся, весьма рѣдко видѣли его внѣ палаты общинъ и никогда ни о чемъ, кромѣ предстоящихъ парламентскихъ дѣлъ съ нимъ не говорили. На партійныя засѣданія онъ являлся рѣдко, адреса своего также никому не сообщалъ, такъ что, напримѣръ, когда Гладстону разъ понадобилось видѣться съ Парнелемъ до засѣданія, онъ никакъ не могъ узнать, гдѣ тотъ живетъ. Что онъ дѣлалъ внѣ палаты, всегда оставалось тайной, такъ же, какъ тайной была вся частная, интимная жизнь этого человѣка. Сосредоточенное вниманіе, обращенное, казалось, не столько на внѣшній, сколько на собственный, внутренній міръ, чаще всего отражалось на его лицѣ. Никто не видѣлъ, чтобы онъ сильно волновался; во время парламентскихъ бурь, въ моменты ирландскихъ встрѣчъ и овацій онъ оставался, за рѣдкими исключеніями, невозмутимо спокоенъ. И это постоянное спокойствіе опять таки никого не заставило никогда сказать, что Парнель, полубогъ народныхъ массъ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ парламентскихъ дѣятелей, человѣкъ, въ сорокалѣтнемъ возрастѣ снискавшій всемірную извѣстность,—счастливъ, что онъ, при своемъ желѣзномъ здоровьи и обезпеченномъ состояніи, доволенъ судьбою. Какая-то трагическая нотка звучала въ теченіе всей его жизни и давала тонъ всему его поведенію. Обстоятельства могли быть запутанными и сложными, но онъ никогда не казался поглощеннымъ ими все-

цѣло; среди самыхъ оживленныхъ бесѣдъ и споровъ онъ иногда внезапно умолкалъ и угрюмо задумывался, не то о чемъ-то вспоминая, не то къ чему-то прислушиваясь.

Чѣмъ больше время шло къ концу 80-хъ годовъ, тѣмъ поведеніе его становилось все загадочнѣе и загадочнѣе. Нерѣдко среди сессіи онъ вдругъ уѣзжалъ изъ Лондона и никто не зналъ, куда онъ отправился и сколько времени пробудетъ въ отсутствіи; часто, въ разныхъ мѣстахъ онъ называлъ себя вымышленными именами. Если всегда было мало общенія между Парнелемъ и его партіей, то въ это время (въ 1888, 1889, 1890-мъ г.г.) оно совсѣмъ прекратилось. Его манеры и обхожденіе отличались обыкновенно простотой и изяществомъ, но тутъ всѣ стали замѣчать неизвѣствую прежде рѣзкость, суровость въ обращеніи съ окружающими. Нѣкоторые приписывали эту раздражительность парламентскому затишью, невозможности бороться съ министерскимъ большинствомъ; другіе говорили, что между Парнелемъ и Гладстономъ происходятъ какіе то раздоры... Ничто не могло быть ошибочнѣе послѣдняго предположенія: Гладстонъ, послѣ парнелевскаго процесса съ редакціей «Times»'а, не зналъ просто, чѣмъ выразить дружбу и расположеніе къ своему союзнику.

Вообще въ Шотландіи и Англіи многіе старались показать сочувствіе Парнелю послѣ его торжества. Такъ, городъ Эдинбургъ поднесъ ему почетное гражданство; либеральный клубъ въ Лондонѣ съ энтузіазмомъ встрѣтилъ его рѣзкую рѣчь о такомъ щекотливомъ предметѣ, какъ обращеніе англійской администраціи съ ирландскими политическими арестантами *). Нужно сказать, что посрамленіе Times'а послѣ суда либералы эксплуатировали гораздо больше, чѣмъ самъ Парнель; ирландцы также старались воспользовать этой побѣдой и недоумѣвали, почему ихъ вождь не старается извлечь всѣ выгоды изъ своего, дѣйствительно, блестящаго положенія послѣ процесса. Но Парнель такъ искренно и глубоко презиралъ всю эту затѣянную противъ него интригу, что вполнѣ равнодушно смотрѣлъ на пораженіе враговъ и не удостаивалъ ихъ особеннымъ вниманіемъ. Это еще болѣе импонировало значительной части англійскаго общества; и такъ какъ въ политикѣ обыкновенно чѣмъ болѣе везетъ счастіе одному изъ союзниковъ, тѣмъ ласковѣе становится къ нему другой, то и либералы относились къ Парнелю послѣ его тріумфа въ высшей степени сердечно. На Рождество 1889 года Гладстонъ пригласилъ его пріѣхать погостить въ Говардинъ. Парнель пріѣхалъ, и тутъ оба дѣятеля бесѣдовали о гомрулѣ, о ближайшихъ шансахъ поставить вопросъ на очередь, о подробностяхъ отдѣленія Ирландіи отъ Англіи. Во время этихъ переговоровъ обнаружилось, что Гладстонъ въ новомъ проэктѣ гомруля оставляетъ управленіе ирландской полиціей въ рукахъ англійскаго министер-

*) «Truth», 14 March 1889.

ства и что разрѣшеніе аграрнаго вопроса онъ также предоставляетъ имперскому парламенту. Парнель замѣтилъ на это, что при такихъ условіяхъ онъ боится, что ирландскій народъ не будетъ поддерживать вождя либераловъ съ той искренностью, какъ это было бы желательно. Впрочемъ, въ виду того, что въ ближайшемъ будущемъ вносить билль о гомрулѣ было вполнѣ безполезно, эти разговоры удерживались на теоретической высотѣ.

Погостивши у Гладстона, Парнель отправился въ Эдинбургъ, гдѣ на митингѣ, устроенномъ въ его честь, ему была поднесена сумма въ три тысячи фунтовъ, собранная его почитателями съ цѣлью вознаградить за судебные убытки *). Чрезъ нѣсколько времени редакція газеты «Times» должна была, согласно приговору суда, заплатить Парнелю пять тысячъ фунтовъ, такъ что въ общемъ денежныя дѣла его находились въ блестящемъ положеніи. Но его еще ожидало торжество въ парламентѣ—рѣчь Гладстона, предложившаго оффиціально выразить негодованіе по поводу клеветы «Times»'а, жертвой которой чуть не сдѣлался Парнель, и высказать ему сочувствіе.

Дебаты по этому поводу лишній разъ показали, до какой степени консерваторы и уніонисты ненавидятъ Парнеля. Они говорили, что ирландскій агитаторъ отъ феніевъ не отказался публично, хотя имѣлъ для этого прекрасный предлогъ, что, наконецъ, сыщикъ Томасъ Бичъ прямо утверждаетъ, будто Парнель находился въ связи съ преступными обществами. Вообще много разъ подчеркивалось глубочайшее довѣріе къ словамъ Томаса Бича именно тогда, когда они расходились съ утвержденіями Парнеля. Представителемъ чувствъ большинства явился одинъ изъ консерваторовъ Фультонъ, который, истощивши всѣ аргументы, объявилъ: «Нѣтъ, слишкомъ всего этого (т.-е. выигрыша процесса) мало, чтобы мы отдали свои симпатіи м-ру Парнелю» **). Тогда ирландецъ Сикстонъ замѣтилъ: «да онъ и не проситъ вашихъ симпатій». «Пожалуй», возразилъ Фультонъ: «но м-ръ Гладстонъ за него проситъ!» Салисбюри и весь кабинетъ упорно стояли на томъ, что Парнель морально вовсе не оправданъ и не хочетъ оправдываться въ преступныхъ связяхъ. Либералы съ Гладстономъ во главѣ рѣшительно и горячо настаивали на своемъ. Это была замѣчательная сцена, показавшая наглядно, до какой степени глубоко и круто Парнель измѣнилъ партійныя отношенія: либералы-уніонисты спорили съ своими бывшими товарищами гораздо ожесточеннѣе, чѣмъ консерваторы, гладстоновцы защищали Парнеля еще болѣе горячо, чѣмъ ирландцы. Большинство, конечно, составилось изъ уніонистовъ и консерваторовъ, и предложеніе Гладстона выразить Парнелю сочувствіе было отвергнуто. Пове-

---

*) Freeman's Journal, Ianuary 1890.

**) Parliamentary Debates, томъ 341-й, стр. 1718, (53 и 54 парл. Викторіи, 1-й томъ сессіи).

деніе Гладстона произвело весьма сильное дѣйствіе на умы и въ Англіи, и за границей; результаты голосованія всѣ предвидѣли и они не уменьшили впечатлѣнія, оставшагося отъ апологіи ирландскаго сепаратиста главою великой англійской партіи.

Вліяніе Парнеля на палату, несмотря на враждебность большинства, было огромное. Стоитъ прочитать разсказы мемуариста салисбюріевскаго парламента *), какъ пустая зала разомъ наполнялась депутатами, когда разносился слухъ, что Парнель будетъ говорить; стоитъ взвѣсить истинное значеніе того факта, что личное обаяніе самого Гладстона нейтрализовалось въ это время престижемъ Парнеля,—чтобы оцѣнить моральное могущество ирландскаго лидера. «Въ Англіи теперь не парламентъ, а парнельментъ»,—повторяли шутку «Punch»'а.

20 мая (1890 г.) состоялся въ Лондонѣ митингъ ирландской національной лиги подъ предсѣдательствомъ Парнеля; здѣсь онъ, между прочимъ, указалъ на тотъ фактъ, что въ самой Англіи живетъ около 250.000 ирландцевъ, имѣющихъ право голоса на парламентскихъ выборахъ. Нужно, сказалъ онъ, позаботиться, чтобы эти голоса не пропадали даромъ, чтобы эти массы не воздерживались отъ вотированія и голосовали единодушно. На необходимость предвыборной агитаціи между этими ирландцами онъ обращалъ вниманіе собравшихся членовъ лиги. Энтузіазмъ, съ которымъ встрѣтили его появленіе и его рѣчь, лишній разъ показалъ, какъ онъ теперь силенъ. Черезъ недѣлю послѣ этого митинга парламентскіе парнеллиты дали ему обѣдъ по случаю дня рожденія. Въ застольномъ спичѣ Парнель говорилъ о союзѣ съ либералами, сказалъ, что гомруль непремѣнно будетъ представленъ въ палату, какъ только Гладстонъ станетъ у власти, утверждалъ, что этотъ гомруль удовлетворитъ ирландскую націю и поздравлялъ свою партію съ такими союзниками, какъ Гладстонъ и либералы. Присутствующіе прерывали аплодисментами его слова, повторяли, что Ирландія и ирландская партія всѣмъ этимъ обязана никому другому, какъ виновнику нынѣшняго торжества, и очень просили его вѣрить искренности ихъ чувствъ. Неизвѣстно, исполнилъ ли эту просьбу Парнель; за обѣдомъ онъ былъ задумчивъ и разсѣянъ.

Осенью 1890-го года, на парламентскихъ каникулахъ онъ побывалъ въ Ирландіи; сессія должна была открыться въ концѣ ноября; парнеллиты и либералы готовились повести правильную аттаку противъ министерства Салисбюри. Неожиданное обстоятельство вверхъ дномъ перевернуло всѣ эти планы и парламентскія комбинаціи.

*) Lucy, A Diary of the Salisbury parliament (London 1892), стр. 301: Mr. Parnell and his influence in the house.

XII.

Если бы кто-нибудь еще въ началѣ ноября 1890 года сказалъ, что въ предстоящіе десять мѣсяцевъ Парнеля ждутъ паденіе и смерть, то весьма многимъ такое пророчество показалось бы фантастическимъ. Только что онъ избавился отъ обвиненія въ связяхъ съ убійцами Кавендиша; только что его враги были раздавлены самымъ несомнѣннымъ образомъ, а его друзья такъ высоко подняли голову, какъ никогда раньше. Но именно въ эти дни тріумфа на него обрушился ударъ, отъ котораго не было спасенія и всю силу и значеніе котораго сразу нельзя было достаточно вѣрно оцѣнить.

Уже сравнительно давно, съ половины 80-хъ гг., въ ирландскихъ политическихъ кружкахъ и въ лондонскихъ клубахъ говорили объ интимныхъ отношеніяхъ, существующихъ между Парнелемъ и г-жею Кэтринъ О'Ши, женою ирландскаго депутата *). Съ теченіемъ времени слухи эти стали довольно настойчивы. Всѣ знали, что Парнель бываетъ только у м-съ О'Ши и ни у кого больше; что, когда его нѣтъ въ Лондонѣ, самый удобный способъ для сношеній съ нимъ—передать, что нужно, черезъ г-жу О'Ши; всѣ знали, наконецъ, что Гладстонъ и члены его партіи весьма часто ведутъ съ Парнелемъ переговоры черезъ Кэтринъ О'Ши, когда онъ почему либо не хочетъ или не можетъ видѣться съ ними лично **). Въ 1886 году или около того произошло охлажденіе между капитаномъ О'Ши и Парнелемъ; охлажденіе окончилось формальнымъ разрывомъ, и Парнель пересталъ бывать у него въ домѣ.

Но съ Кэтринъ О'Ши онъ видѣться не пересталъ. Эти свиданія были рѣдки и недолги, происходили урывками, но, тѣмъ не менѣе, дошли до свѣдѣнія капитана. Кэтринъ О'Ши была, по общему отзыву, единственной женщиной, которую въ своей жизни любилъ Парнель; она была также его единственнымъ другомъ и повѣреннымъ, и онъ не могъ заставить себя отказаться отъ свиданій съ ней, несмотря на безчисленные глаза и уши, слѣдившіе за каждымъ его шагомъ, ловившіе каждое его слово. Двѣ-три наивнымъ тономъ изложенныя замѣтки проскользнули въ лондонской прессѣ о томъ, что экипажъ Парнеля тогда-то и тогда-то стоялъ около дома О'Ши; два три дружескихъ намека вкрались въ разговоръ собесѣдниковъ капитана ***), анонимныя письма также не заставили себя ждать. Произошло объясненіе между мужемъ и женою; капитанъ О'Ши созвалъ семейный совѣтъ и тамъ было рѣшено, что онъ имѣетъ право требовать развода.

*) О немъ. см, Men and Women of to-day (Lond. 1893), ort O'Shea.

**)... nothing was more common than for liberal statesmen to communicate with mr. Parnell through mrs O'Shea. (показаніе человѣка, близкаго къ семьѣ О'Ши. The Falle of mr. Parnell. The Review, 1890, vol II стр. 598).

***) Captain O'Shea and his Wife, Review of reviews (1890), vol. II, стр. 599.

Просьба о разводѣ была подана въ судъ и 16 ноября 1890-го года началось разбирательство. На судѣ ни Кэтринъ О'Ши, ни Парнель не думали защищаться; Парнель даже не прислалъ на судъ представителя своихъ интересовъ. Присяжные признали отвѣтчицу виновной въ нарушеніи супружеской вѣрности и удовлетворили просьбу ея мужа о разводѣ, а предсѣдатель суда заявилъ, что Парнель—«человѣкъ, воспользовавшійся гостепріимствомъ капитана О'Ши для разврата». Отчетъ о процессѣ былъ напечатанъ во всѣхъ англійскихъ газетахъ, и факты, обнаруженные на судѣ, стали достояніемъ читающей публики обоихъ полушарій.

Англійская общественная мораль была возмущена, англійская публика оскорбилась въ своихъ глубочайшихъ чувствахъ. Правда, всего только въ срединѣ 80-хъ годовъ газета «Pall-Mall» обнародовала цѣлый рядъ случаевъ всевозможныхъ естественныхъ и неестественныхъ преступленій противъ нравственности, совершаемыхъ людьми, которые носили почтеннѣйшіе титулы и фамиліи; правда, эти разоблаченія никѣмъ не были опровергнуты; правда, наконецъ, десять-двѣнадцать человѣкъ, украшавшихъ собою лондонскіе аристократическіе салоны, были въ сильномъ подозрѣніи у сыскной полиціи, развѣдывавшей въ 1887, 1888 и 1889 гг., для кого совершается въ столицѣ систематическій торгъ несовершеннолѣтними. Итакъ, англійская публика могла бы, повидимому, настолько окрѣпнуть нервами къ 1890 году, чтобы не такъ ужасно потрястись зрѣлищемъ парнелевскаго «моральнаго паденія», тѣмъ болѣе, что названные выше факты изъ жизни аристократіи, обыкновенно, никого особенно не безпокоили и весьма быстро тонули въ Летѣ.

Но съ Парнелемъ вышло иначе. Его громили и уничтожали всюду, и въ консервативныхъ слояхъ, и въ либеральныхъ, и въ высшемъ кругѣ, и въ среднемъ. Съ жадностью читались передовицы, описывавшія всѣ перипетіи романа Кэтринъ О'Ши; наперерывъ разсказывались подробности о томъ, какъ Парнель подкупалъ прислугу, чтобы передать записку, какъ часами онъ стоялъ подъ окнами, чтобы увидѣть г-жу О'Ши, какъ онъ переодѣвался и измѣнялъ свою наружность. Во главѣ суровыхъ моралистовъ шла редакція газеты «Times», видѣвшая въ этой исторіи вѣрное средство повалить, наконецъ, своего врага и доказать такимъ образомъ, что добродѣтель, несмотря ни на какіе встрѣчные терніи и временныя пораженія,—все таки въ концѣ концовъ торжествуетъ. За единичными исключеніями англійская печать всей своей компактной массой вторила «Times»'у. Ненависть, лютая и непримиримая, долго принужденная прятаться и улыбаться и теперь увидѣвшая, что ея часъ пришелъ, брызгала съ печатныхъ листовъ, проникала и заражала атмосферу и самою своею беззавѣтностью покоряла окружающихъ. Забыли о закаспійской желѣзной дорогѣ, о русской среднеазіатской политикѣ, о Египтѣ и Хартумѣ: все это отошло на задній планъ предъ дѣломъ Парнеля.

Ирландцы-депутаты были смущены и испуганы, но первымъ ихъ движеніемъ было тѣснѣе сплотиться вокругъ своего вождя, какъ сбивается кучка солдатъ вокругъ знамени въ ожиданіи особенно сильной атаки. «Чарли не можетъ быть виновенъ въ томъ, что на него взводятъ», говорили они *). 20 ноября, т. е. черезъ три дня послѣ окончанія процесса супруговъ О'Ши, въ Дублинѣ сошлось большое собраніе, на которомъ собравшіеся ирландскіе члены парламента торжественно заявили свою вѣрность и благодарность Парнелю; тамъ же была прочтена телеграмма отъ нѣсколькихъ парламентских парнеллитовъ, путешествовавшихъ въ это время въ Америкѣ; они также утверждали, что будутъ всегда держаться Парнеля и его политики. «Незабвенныя услуги нашего лидера въ прошломъ и глубокое убѣжденіе въ необходимости его несравненныхъ качествъ для блага дѣла заставляютъ насъ еще разъ выразить свое желаніе, чтобы онъ взялъ на себя лидерство партіи», писали они. Парнеля единогласно выбрали лидеромъ на предстоящую сессію. Итакъ, партія пока вѣрна. Но Парнель зналъ, что огромную важность представляетъ при данныхъ обстоятельствахъ мнѣніе Гладстона; онъ бодро и увѣренно относился къ поднявшейся бурѣ, съ насмѣшками и презрѣніемъ отзывался о походѣ противъ него и Кэтринъ О'Ши: ему нужно было только знать, что скажетъ Гладстонъ. Одно слово этого человѣка заглушило бы всѣ голоса, донеслось бы до ушей страны и могло бы создать поворотъ въ общественномъ мнѣніи.

Прошла цѣлая недѣля послѣ процесса, а Гладстонъ молчалъ. «Times» громилъ его молчаніе съ тою библейской силой, до которой любятъ подыматься передовики этого органа въ особо сенсаціонныхъ случаяхъ; «гладстоновцы», писала газета, «могутъ не обращать вниманія на рѣшеніе суда, но они не заставятъ британскій народъ думать по своему **)». Другіе органы, консервативные и уніонистскіе, не отставали: они требовали отъ Гладстона, чтобы онъ или прямо объявилъ, что либералы по-прежнему въ союзѣ съ Парнелемъ, или чтобы открыто отшатнулся отъ ирландскаго лидера ***). Если Парнель съ напряженнымъ вниманіемъ ждалъ, чтобы Гладстонъ высказался, то и вся Англія смотрѣла на Говардинъ и прислушивалась, не раздастся ли оттуда голосъ, которому она привыкла вѣрить. И Гладстонъ, наконецъ, сказалъ свое слово.

24 ноября, черезъ восемь дней послѣ процесса, онъ написалъ члену либеральной партіи Джону Морлею письмо ****), въ которомъ говорилъ, что, по его мнѣнію, дальнѣйшее лидерство Парнеля было бы въ высшей

---

*) ...Charlie is all right etc. («How Michael Devitt was deceived, стр. 600).

**) Times, 18—22. Nov. 1890.

***) Standart 19—23 Nov. 1890; Manchester Guardian (8—22 Nov: Leeds Mercury 23 Nov.).

****) Письмо Гладстона къ Морлею, Annual Register 1890, стр. 235—236.

степени гибельно для ирландскаго дѣла *). Онъ просилъ, чтобы Морлей передалъ это Парнелю. «Я высказываю свое рѣшеніе просто и прямо, какъ бы мнѣ ни хотѣлось смягчить чисто личную сторону этого положенія». Приведенная фраза одна только (да и то глухо) говорила о коренной причинѣ разрыва. Въ сущности читатели письма не могли составить себѣ яснаго мнѣнія о томъ, почему Гладстонъ не желаетъ видѣть Парнеля ирландскимъ лидеромъ: потому ли, что вѣритъ въ его моральную испорченность, или изъ боязни пойти противъ общественнаго мнѣнія? Не было человѣка, который умѣлъ бы яснѣе выражать свои мысли, чѣмъ Гладстонъ; запутаннѣйшіе финансовые доклады подъ его перомъ и въ его устахъ казались проще таблицы умноженія. А здѣсь—коротенькое письмо по несложному дѣлу кажется темнымъ, недописаннымъ, сбивчивымъ. Не подлежало сомнѣнію только одно: Гладстонъ, не оставляя ирландскую партію, не отказываясь отъ поддержки идеи гомруля, требуетъ, чтобы ирландцы выбрали себѣ другого лидера вмѣсто Парнеля.

Если враждебныя выходки прессы и англійскаго общественнаго мнѣнія могли казаться Парнелю не болѣе какъ «щипками и мелкими уколами», то рука Гладстона теперь наносила ударъ прямо по головѣ. Только эта рука и могла такъ сильно поразить его. Могущественный союзникъ покидалъ его и ставилъ предъ ирландской партіей дилемму: или низложить Парнеля, или отказаться отъ поддержки либераловъ.

Какъ только письмо Гладстона было опубликовано, ирландская партія пришла въ смятеніе. Несмотря на всѣ увѣренія, застольные тосты и клятвы, весьма многіе члены партіи больше уважали Парнеля, чѣмъ любили его; онъ держалъ себя со многими изъ нихъ холодно, мало съ ними сообщался, въ особенности въ послѣдніе годы, и слишкомъ сурово охранялъ принципы партійной дисциплины. Ирландскіе депутаты безпрекословно повиновались ему, потому что въ немъ видѣли избранника страны и отъ него ожидали всевозможныхъ чудесъ, немыслимыхъ для простыхъ смертныхъ. Однимъ изъ такихъ чудесъ въ ихъ глазахъ являлся формальный союзъ съ либералами и превращеніе Гладстона въ гомрулера. Они полагали, что теперь уже главное сдѣлано, что имъ только нужно спокойно ожидать паденія Салисбюри,— и гомруль будетъ въ ихъ рукахъ на другой день послѣ избранія либеральной палаты и сформированія кабинета Гладстона. И вдругъ, когда они уже разсчитывали отдохнуть на правахъ друзей будущаго министра, имъ предлагаютъ или пожертвовать Парнелемъ, или отказаться отъ всѣхъ своихъ надеждъ. Они очень хорошо понимали и съ готовностью высказывали, что самому же Парнелю обязаны этимъ союзомъ, что когда онъ въ первый разъ явился въ палату, смѣшно

---

*) .... disastrous in the highest degree to the cause of Ireland, письмо Гладстона, стр. 235.

было и думать для тогдашней ирландской группы, для какого-нибудь Исаака Бьюта о завоеванiи одной изъ двухъ великихъ партiй; они сознавали вполнѣ отчетливо, что только Парнель своей борьбой съ англичанами не на жизнь, а на смерть,—создалъ такое блестящее положенiе дѣлъ. Но съ другой стороны: несчастная страна семь столѣтiй ждетъ своего освобожденiя, оно теперь уже готово стать фактомъ, какъ вдругъ только оттого, что Парнель не могъ подавить своей страсти,—опять рушатся всѣ надежды, опять Агасферу вкладываютъ посохъ въ руки и приказываютъ продолжать странствiе. Развѣ Парнель не зналъ, говорили многiе ирландскiе депутаты на первыхъ же собранiяхъ послѣ письма Гладстона,—развѣ Парнель не зналъ, чѣмъ онъ рискуетъ, на что идетъ, вступая въ связь съ замужней женщиной въ такой странѣ, какъ Англiя? Какъ же у него не хватило настолько любви къ обожающему его народу, чтобы подавить въ себѣ эту страсть? Если теперь онъ останется лидеромъ, Гладстонъ исполнитъ свое слово и порветъ всѣ сношенiя съ ирландской партiей, и Парнель самъ разрушитъ дѣло рукъ своихъ. Его долгъ—уйти отъ лидерства.

Такiя рѣчи слышались все чаще и чаще на собранiяхъ партiи; Парнель могъ видѣть, что почва подъ нимъ колеблется, и онъ апеллировалъ къ Ирландiи. Вотъ что гласилъ его манифестъ къ ирландскому народу *): «разсмотрите внимательно, какъ съ вами обращаются, чего отъ васъ требуютъ, раньше чѣмъ вы согласитесь выдать меня англiйскимъ волкамъ, воющимъ, требуя моей гибели» **). Всегда въ послѣднiе годы, говорилъ манифестъ, ирландская партiя держалась независимо, не шла ни за кѣмъ въ хвостѣ и никому не позволяла вмѣшиваться въ свои дѣла. Теперь Гладстонъ осмѣливается давать партiи указанiя и повелѣнiя относительно такого вопроса, какъ лидерство. Если партiя уступитъ, этимъ она признаетъ свое ничтожество и сама же похоронитъ надежду на гомруль: англичане добры только тогда, когда видятъ противъ себя силу, а слабыхъ и уступчивыхъ они презираютъ. Далѣе въ «манифестѣ» Парнель говорилъ о своемъ пребыванiи въ гостяхъ у Гладстона всего за годъ передъ тѣмъ, во время рождественскихъ праздниковъ 1889-го года, когда Гладстонъ соглашался со всѣми требованiями ирландцевъ. Если дѣйствительно вождь либераловъ убѣжденъ въ необходимости гомруля, если это правда, а не лицемѣрiе, то все равно его долгъ поддерживать ирландскую программу, а кто будетъ лидеромъ партiи—неважно для такого человѣка чистыхъ принциповъ, какимъ называютъ Гладстона.

Ирландская партiя послѣ парнелевскаго «манифеста» совершенно явственно раскололась на два лагеря и большинство придерживалось того мнѣнiя, что ссориться съ Гладстономъ нельзя, и что Парнель хоть

---

*) Freeman's Journall 29—30, Nov 1891.

**) ... to the english wolves, howling for my destruction.

на время долженъ уйти. Но Парнель сдаваться не хотѣлъ. Онъ, какъ будто помолодѣлъ, какъ будто сталъ живѣе и сильнѣе при видѣ опасностей, отовсюду встававшихъ вокругъ него. Самыя бурныя пренія велись на партійныхъ засѣданіяхъ; онъ присутствовалъ на нихъ и многократно высказывалъ свое мнѣніе по дебатировавшемуся вопросу: бракоразводный процессъ супруговъ О'Ши и его роль въ этомъ дѣлѣ нисколько не касаются лидерства ирландской партіи; онъ считаетъ всю поднявшуюся бурю результатомъ англійскаго лицемѣрія и полагаетъ, что Гладстонъ побоялся быть однимъ противъ всѣхъ и только потому сталъ на сторону его враговъ. Далѣе, онъ думаетъ, что партія унизитъ себя, если согласится повиноваться Гладстону. Но все было напрасно: слишкомъ жаль было многимъ ирландскимъ депутатамъ разстаться съ мечтою о близкой побѣдѣ, слишкомъ безопаснымъ и легкимъ представлялось дальнѣйшее парламентское плаваніе подъ флагомъ Гладстона. Пять дней длились эти дебаты; 6-го декабря произошла баллотировка вопроса. Голоса раздѣлились: сорокъ пять депутатовъ признали временное удаленіе Парнеля необходимымъ, двадцать шесть остались вѣрными ему. Новымъ лидеромъ былъ избранъ Джустинъ Макъ-Карти.

Если покинулъ Гладстонъ, это не казалось непоправимой бѣдой: англійскій союзъ добытъ силою и, значитъ, его еще можно вернуть. Если измѣнила партія, это было тяжело, но также не могло назваться рѣшительнымъ несчастьемъ: хотя депутаты присылаются страною, однако она не можетъ контролировать каждый ихъ шагъ и каждое мнѣніе. Несравненно важнѣе всего этого было узнать, какъ же смотритъ на него теперь сама Ирландія? Какъ она отнеслась къ заявленіямъ его враговъ и къ его манифесту? Собирается ли также оставить его или нѣтъ? Отвѣтъ на эти вопросы получился не сразу.

Въ Ирландіи всѣ три извѣстія о процессѣ О'Ши, о письмѣ Гладстона и лишеніи Парнеля лидерства распространились въ одно время и произвели ошеломляющее дѣйствіе. Собственно грозящій разрывъ съ Гладстономъ не испугалъ ирландцевъ такъ, какъ испугалъ ихъ депутатовъ: они привыкли на Англію смотрѣть, какъ на вражескій станъ, не разбирая оттѣнковъ, и соглашеніе съ либералами считали дипломатической сдѣлкой, которую ихъ «король» можетъ расторгнуть, когда найдетъ нужнымъ. Но что ихъ поразило, какъ громомъ, это—факты, обнаруженные бракоразводнымъ процессомъ. Если Парнель называлъ лицемѣріемъ движеніе, поднявшееся противъ него въ Англіи, то здѣсь и онъ долженъ былъ согласиться, что имѣетъ дѣло съ психологическими факторами совсѣмъ иной категоріи. Вѣрующіе католики Ирландіи были искренно и глубоко убѣждены, что онъ дѣйствительно совершилъ преступленіе и преступленіе тяжкое. Они любили его такъ, какъ никогда не любили ни Граттана, ни О'Коннеля, никого изъ своихъ прежнихъ католическихъ вождей и этимъ доказали, что видятъ въ немъ не протестанта, а своего національнаго героя. Но когда этотъ

протестантъ нарушилъ заповѣдь, которую признаетъ и его религія, они были поражены и испуганы.

Если когда-нибудь у цѣлаго народа чувство становилось въ противорѣчіе съ традиціонными убѣжденіями, то это было съ ирландцами въ 1890 и 1891 годахъ. Наблюдатели ирландской народной жизни говорятъ, что въ первое время о процессѣ Кэтринъ О'Ши и о поступкахъ Парнеля отзывались такъ, какъ о несчастьи, ниспосланномъ судьбою—и только. Для массы ирландскаго народа окончательно разрѣшить вопросъ о томъ, какъ теперь должны вѣрующіе люди относиться къ Парнелю, могло одно лишь духовенство. Мы уже имѣли случай коснуться роли духовенства въ ирландской исторіи; эта роль была всегда велика и существенно важна. Клиръ черпалъ тамъ свою силу не только въ религіозности паствы; въ худшія времена своей исторической жизни Ирландія, загнанная и угнетенная, находила всегда поддержку и сочувствіе у своихъ священниковъ и монаховъ. Ирландское духовенство не фразами доказало, что оно горой стоитъ за свою паству: погибая на кромвелевскихъ висѣлицахъ, томясь въ англійскихъ тюрьмахъ, терпя нищету и голодъ послѣ каждой изъ безчисленныхъ конфискацій,—оно въ продолженіе многихъ вѣковъ заставило видѣть въ себѣ душу націи. Конечно, въ извѣстномъ слоѣ ирландскаго клира проложило себѣ дорогу и ультрамонтанство, но, находя адептовъ больше среди высшихъ сановниковъ церкви, это теченіе никогда не торжествовало надъ чисто націоналистическимъ. Мы видѣли *), что когда въ 1883 году собирались деньги для поднесенія Парнелю, высшія духовныя лица Ирландіи, подъ давленіемъ со стороны папы, высказались противъ участія въ подпискѣ, а низшій клиръ дѣйствовалъ за одно съ народомъ. Итакъ, когда теперь Ирландія обратилась къ своему духовенству за разрѣшеніемъ труднаго вопроса, поставленнаго жизнью, это было сдѣлано съ полнымъ довѣріемъ и глубокимъ почтеніемъ. Для духовенства выбора не существовало: одобрить Парнеля оно не могло, не идя въ прямой разрѣзъ со своими догматами, и архіепископъ Уэльшъ явился выразителемъ мнѣній всего клира, когда заявилъ, что Парнель послѣ своего поступка не можетъ разсчитывать уже на поддержку духовныхъ лицъ **). Другой ирландскій архіепископъ Крокъ телеграфировалъ въ Лондонъ, что онъ не считаетъ мыслимымъ оставленіе лидерства въ рукахъ Парнеля.

Послѣ этихъ двухъ демонстрацій уже всѣ знали, что между Парнелемъ и его сильными помощниками все кончено и навсегда. Началось медленное, но безпрерывное отпаденіе цѣлыхъ группъ, цѣлыхъ округовъ отъ Парнеля, и весною 1891 года только слѣпой могъ не видѣть, что престижъ бывшаго лидера въ и половину не тотъ, какъ прежде. Парнель смотрѣлъ событіямъ прямо въ глаза, не обманывая себя и не

*) См. VII гл. наст. этюда.

**) «The bishops speak out», 686. («Review» 1890. vol. II).

утѣшаясь. Когда Гладстонъ написалъ свое письмо, онъ сказалъ: «мы еще поборемся»; когда его удалили отъ лидерства, онъ повторилъ: «мы еще поборемся»; когда архіепископы заявили свое мнѣніе, онъ сказалъ окружающимъ: «передайте имъ, что я буду бороться до послѣдней крайности» *).

Онъ поѣхалъ въ Ирландію и тамъ, въ Коркѣ и Дублинѣ, произнесъ двѣ запальчивыя рѣчи противъ Гладстона; въ первый разъ видѣли его въ такомъ возбужденіи. Онъ называлъ вождя либераловъ предателемъ, говорилъ, что теперь англичане бьютъ не его, а Ирландію въ его лицѣ, что они ухватились за его частное дѣло, какъ за предлогъ для торжества надъ гомрулерами. Его слушала большая толпа, ему аплодировали, но и не такой проницательный взоръ замѣтилъ бы разницу между настроеніемъ народа прежде и теперь. «Меня убиваютъ священники», сказалъ онъ близкимъ людямъ послѣ митинговъ. На собраніяхъ и всюду, гдѣ онъ высказывался, онъ говорилъ: «Я признáю Макъ-Карти лидеромъ, я не буду даже добиваться лидерства, я уйду отъ общественныхъ дѣлъ, но при одномъ условіи: пусть Гладстонъ исполнитъ свои обѣщанія, пусть онъ проведетъ гомруль. Онъ этого не сдѣлаетъ, потому что просто хочетъ насъ обмануть».

Въ этомъ 1891 году, особенно съ лѣта, здоровье Парнеля стало измѣнять ему. Онъ былъ въ постоянномъ волненіи, которое несмотря ни на какія усилія, не хотѣло прятаться и постоянно давало себя чувствовать. Это замѣтили и друзья, и враги **), и первые съ грустью, а вторые съ радостью ***) дѣлились своими наблюденіями. Въ парламентѣ Парнель и немногіе, оставшіеся ему вѣрными, почти не бывали; маккартисты заняли ихъ мѣсто. Оппозиція была вообще разстроена этимъ разладомъ страшно, и всемогущество Салисбюри, начавшееся расколомъ между гладстоновцами и уніонистами, упрочилось окончательно послѣдствіями процесса Кэтринъ О'Ши. Парнель всегда былъ сначала демагогомъ, а потомъ парламентскимъ дѣятелемъ, и теперь онъ всѣ усилія напрягалъ, чтобы вернуть расположеніе народа. Въ иныхъ мѣстахъ его продолжали встрѣчать радушно, въ другихъ сдержанно.

Впервые ему (и съ нимъ всей Англіи) истина предстала на выборахъ въ Килькенни. Въ Килькенни освободился депутатскій мандатъ; обѣ группы — маккартисты и парнеллиты, всѣми способами старались провести каждая своего кандидата, и на выборахъ маккартистъ прошелъ съ рѣшительнымъ большинствомъ. Въ мартѣ (1891 г.) произошли также частные выборы въ сѣверномъ Слиго, и здѣсь снова парнеллита забаллотировали. Но съ другой стороны, въ Коркѣ и Дублинѣ были устроены лѣтомъ манифестаціи въ честь Парнеля и, по общему убѣж-

---

*) Tell them I will fight to the last.

**) См. «The irish leadership», 125 стр. (by F. Harrison, «Fort. Review», 1891, v. I).

***) Ibid.

денію, еще добрая половина Ирландіи несмотря ни на что стояла на его сторонѣ.

Борьба разгоралась; 22 мая Парнель говорилъ въ Бельфастѣ на митингѣ; онъ обвинялъ духовенство въ измѣнѣ ирландскому дѣлу и заявилъ, что архіепископы мѣшаются въ политику и не хотятъ вмѣстѣ съ тѣмъ стоять на политической точкѣ зрѣнія. Онъ говорилъ также, что духовенство не рѣшалось раньше заявить себя противъ него, а сдѣлало это потомъ, когда увидѣло, что противъ Парнеля вся Англія. Архіепископъ Крокъ отвѣтилъ на такія обвиненія на митингѣ въ Ньюиннѣ *), что духовенство всегда было противъ Парнеля, какъ только узнало о процессѣ Кэтринъ О'Ши, но что нужно было собрать совѣтъ всѣхъ ирландскихъ епископовъ, чтобы обсудить дѣло, а нѣкоторые изъ нихъ находились въ Римѣ. Съ своей стороны архіепископъ Уэльшъ объявилъ, что вообще Парнелю нельзя вѣрить послѣ того, что открылось на судѣ, и поэтому не мѣшало бы пересчитать денежныя суммы, переходившія черезъ его руки. Письмо Уэльша было напечатано въ «Times»'ѣ **). Парнель на это замѣтилъ, что Уэльшъ желаетъ подражать очевидно Пиготту, автору подложныхъ писемъ, и выбралъ даже одинъ и тотъ же органъ для сотрудничества. Впрочемъ, самъ Уэльшъ, вѣроятно рѣшивши, что увлекся, взялъ свои слова назадъ безъ всякихъ оговорокъ.

Полемика поглощала Парнеля всецѣло. Онъ не спалъ, ѣлъ урывками, переѣзжалъ безконечное количество разъ изъ Англіи въ Ирландію, и дѣйствовалъ съ несокрушимой энергіей. Но чѣмъ больше онъ оборонялся, тѣмъ болѣе яро нападала англійская пресса и тѣмъ сильнѣе разгорячались ирландскіе оппоненты. Разъ въ это время онъ вошелъ неожиданно въ кабинетъ Макъ-Карти (съ которымъ оставался въ вполнѣ мирныхъ личныхъ отношеніяхъ), молча поздоровался и сѣлъ въ кресло; онъ былъ блѣденъ, какъ мѣлъ, и страшно худъ. Безмолвно посидѣвши короткое время, онъ попрощался и ушелъ; Макъ-Карти заплакалъ, глядя на него.

Переговоры съ Диллономъ и О'Бріеномъ, которые хотѣли соединить обѣ группы ирландской партіи, не увѣнчались успѣхомъ. Впрочемъ, Парнель желалъ теперь только возвратить себѣ Ирландію, а парламентскія дѣла отодвинулись для него на задній планъ. Положеніе партіи было бѣдственное; маккартисты умоляли Парнеля прекратить борьбу хоть на время. Архіепископъ Уэльшъ также говорилъ, что дѣло Ирландіи погибаетъ, благодаря этому расколу. Парнель назвалъ слова Уэльша дѣтской болтовней и чистѣйшей безсмыслицей ***). Въ іюлѣ (1891 года) Парнель женился на Кэтринъ О'Ши, разведенной со своимъ мужемъ.

*) «Annual Register», 1891, стр. 242.
**) «Times», 25 May, 1891.
***) Child's talk and purest nonsense. Annual Reg.», 1891, стр. 244.

Въ Англіи это нѣсколько успокоило общественное мнѣніе, но католическое духовенство Ирландіи посмотрѣло на женитьбу Парнеля, какъ на «верхъ ужасовъ» *). Впрочемъ, и въ Англіи отзывались весьма многіе очень неодобрительно и въ такихъ выраженіяхъ, которыя рѣзко задѣвали честь жены Парнеля. Но онъ, не отвлекаясь ничѣмъ, продолжалъ борьбу; чрезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, 22 іюля состоялся въ Дублинѣ огромный митингъ парнеллитовъ; Парнеля встрѣтили такими горячими оваціями, которые живо напомнили недавнее и невозвратное прошлое. Онъ говорилъ о «вѣчной, необходимой войнѣ» съ англичанами изъ-за гомруля, о единодушіи, о скорой побѣдѣ. Но чрезъ короткое время послѣ этого торжества его постигъ очень чувствительный ударъ—измѣна «Журнала Фримана». Этотъ вліятельный и наиболѣе читаемый въ Ирландіи органъ сталъ на сторону его враговъ: собственникъ журнала счелъ неудобнымъ для себя защищать Парнеля, послѣ того какъ нападенія на него духовенства въ виду женитьбы удвоились. Въ Англіи торжество консерваторовъ и либераловъ-уніонистовъ было полное. Лордъ Салисбюри заявилъ въ публичной рѣчи, что его очень радуютъ послѣдствія процесса О'Ши, такъ какъ они доказываютъ непоколебимую крѣпость великобританской нравственности. Уніонисты, стоя на менѣе возвышенной точкѣ зрѣнія, радовались ослабленію оппозиціи и своей побѣдѣ и приглашали гладстоновцевъ окончательно отрѣшиться отъ «гомрулерскихъ фантазій» и примкнуть къ нимъ. Въ концѣ сентября Парнель говорилъ въ Боскомонѣ; онъ опять убѣждалъ слушателей до конца бороться за самоуправленіе Ирландіи, съ горечью отзывался о поведеніи Гладстона и обѣщалъ въ будущемъ разомъ повести аттаку для достиженія и гомруля, и аграрныхъ законовъ. Этотъ митингъ происходилъ 27 сентября 1891 года; всѣ разсматривали его, какъ начало осенней кампаніи; враги готовились къ нападеніямъ, парнеллиты агитировали въ пользу скорѣйшаго примиренія группъ, англійская пресса отряжала въ Ирландію на осень репортеровъ. Но все это оказалось излишнимъ.

Послѣ митинга въ Боскоммонѣ Парнель вдругъ почувствовалъ себя не хорошо и отправился сейчасъ же въ Брайтонъ, гдѣ жилъ на загородной дачѣ съ женою. Пріѣхавши домой, онъ немедленно слегъ въ постель. Страшныя ревматическія боли мучили его. Слѣдующіе дни онъ провелъ въ постели; послали за врачемъ. Тотъ не могъ сначала разобрать, какая это болѣзнь, и только потомъ рѣшилъ, что имѣетъ дѣло съ обостреннымъ ревматизмомъ. Парнель уже черезъ три дня послѣ начала болѣзни понялъ и высказывалъ, что его положеніе опасно. Жена не отходила отъ него ни на шагъ; терпѣніе его при этихъ мукахъ изумляло врача Джоуэрса и всѣхъ окружающихъ. Болѣзнь быстро прогрессировала; расшатанный трудами и волненіями орга-

*) «Climax of horrors».

низмъ оказывался замѣчательно пригодный для того почвой. Жена въ изступленіи отъ горя отказывалась вѣрить врачу, но самъ Парнель выражалъ твердое убѣжденіе, что умретъ. Спокойствіе не покидало его ни на минуту. На седьмой день болѣзни у него началъ отниматься языкъ. «Передайте мою любовь друзьямъ моимъ и Ирландіи»,—сказалъ онъ: «вотъ, если бы въ ея страданіяхъ за ней такъ ухаживали, какъ за мною!» Больше онъ уже ничего не говорилъ, а только глядѣлъ на свою жену и силился улыбнуться. Вечеромъ 7 октября надъ Брайтономъ разразилась страшная буря, и при шумѣ вѣтра и морскихъ волнъ, врывавшемся въ комнату, началась и окончилась агонія. Онъ скончался въ половинѣ двѣнадцатаго ночи.

Когда слухъ о его смерти разнесся по Ирландіи, были забыты всѣ дѣленія на партіи, всѣ ссоры и несогласія послѣдняго года. Маккартисты наперерывъ старались еще разъ оправдать свое поведеніе и засвидѣтельствовать свою печаль; духовенство говорило, что покойникъ былъ великій человѣкъ, котораго соблазнили темныя силы на горе его родины. Массы ирландскаго народа выказывали искреннее и глубокое отчаяніе; въ Дублинѣ и другихъ городахъ магазины и театры были закрыты въ день похоронъ (11-го октября). Двухсоттысячня толпа провожала гробъ; громкія рыданія не прекращались въ теченіе всей длинной дороги до дублинскаго кладбища. Правительство боялось, что вспыхнутъ безпорядки и усилило полицейскіе отряды. Редакція измѣнившаго Парнелю «Журнала Фримана» охранялась однимъ изъ такихъ отрядовъ, такъ какъ опасались насилій со стороны толпы. На стѣнахъ дублинскихъ улицъ, черезъ которыя шелъ траурный кортежъ, были расклеены афиши съ надписями: «замученъ англичанами».

Въ виду того, что на послѣднемъ митингѣ (въ Боскоммонѣ) Парнель казался совершенно здоровымъ, а смерть постигла его всего черезъ десять дней, распространилась молва, что онъ покончилъ съ собою. Равматизмомъ онъ началъ страдать незадолго до смерти, такъ что многіе не вѣрили разъясненіемъ врача. Жена его находилась въ такомъ состояніи, что видѣть ее и говорить съ нею нельзя было, и это также способствовало тому, что слухъ долго держался. Но даже тѣ, которые не приписывали смерть самоубійству, говорили и писали, что Парнеля загнала въ могилу общая и дружная травля послѣдняго времени. Многіе (въ томъ числѣ и Гладстонъ) полагали, что смерть Парнеля принесетъ извѣстную пользу Ирландіи въ томъ отвошеніи, что прекратитъ рознь среди ирландской партіи, усилитъ этимъ оппозицію противъ Салисбюри, кабинетъ будетъ низверженъ и либералы, получивши власть, скорѣе смогутъ провести гомруль. Но такъ въ болшинствѣ случаевъ говорили гомрулеры-англичане; ирландскій-же народъ ничѣмъ не утѣшалъ себя въ своемъ горѣ. «Все погибло»,—сказалъ одинъ ораторъ на народномъ митингѣ въ Дублинѣ: «коршуны, заклевавшіе Парнеля, заклюютъ и Ирландію».

Печаль, раскаяніе и безнадежное отношеніе къ будущему царили въ народѣ, только что пережившемъ одну изъ замѣчательныхъ эпохъ своей исторіи. «Такого не было и не будетъ уже у насъ» — писалъ Макъ-Карти *) о своемъ покойномъ соперникѣ. Французская, нѣмецкая и американская печать посвящала памяти Парнеля обширныя статьи и характеристики. Въ Англіи эта смерть возбудила почти такое же волненіе, какъ въ Ирландіи. Пятнадцать лѣтъ Парнель тасовалъ парламентскія партіи, отодвигалъ на задній планъ важнѣйшіе вопросы внѣшней и внутренней политики, заслонялъ все и всѣхъ собою и своими требованіями. Онъ засталъ ирландскую партію ничтожною, а сдѣлалъ ее первостепенной политической силой; либераловъ заставилъ измѣнить свою програму и раздвоить этимъ свою фракцію; пятнадцать лѣтъ Англія привыкла смотрѣть на государственныхъ дѣятелей и на политическія комбинаціи съ точки зрѣнія ихъ отношеній къ Парнелю,—и когда вдругъ, 8-го октября, страна узнала, что его уже нѣтъ, это поразило ее. Мѣсто, занимаемое въ англійской жизни Парнелемъ, было такъ велико и такъ важно, что страннымъ казалось видѣть его, внезапно пустымъ. Часть англійской прессы («Daily News», «Standard» etc). отдавала справедливость талантамъ мертваго врага и съ гордостью напоминала, что все таки онъ—англичанинъ, что Англія теперь, послѣ его смерти, можетъ причислить его къ *своему* Пантеону. Другіе органы, также признавая Парнеля замѣчательнымъ человѣкомъ, тѣмъ не менѣе сожалѣли, что его способности нашли «столь дурное примѣненіе» и были употреблены «не на пользу Англіи, а во вредъ ей». Редакція газеты «Times» даже передъ трупомъ Парнеля не могла осилить своего отвращенія къ безнравственности и испорченности покойнаго; впрочемъ, газета полагала, что эти пороки въ значительной мѣрѣ объясняются моральной несостоятельностью дѣла, которое онъ отстаивалъ. Редакція выражала увѣренность, что теперь въ Англіи и Ирландіи вся успокоится и придетъ въ обычный порядокъ. Семь лѣтъ, минувшія послѣ смерти Парнеля, не разбили этихъ надеждъ.

Евг. Тарле.

Парижъ, іюнь 1898 г.

---

*) Contemporary review, Novemb. 1891 ст. Mac.-Carthy («Parnell»).

ПИСАРЕВЪ, ЕГО СПОДВИЖНИКИ И ВРАГИ.

(«молодая россія» шестидесятыхъ годовъ).

(*Окончаніе* *).

XIV.

Зайцевъ занималъ въ *Русскомъ Словѣ*, приблизительно, то самое положеніе, въ какомъ состоялъ Антоновичъ, какъ *Посторонній сатирикъ* въ *Современникѣ*—авторъ литературныхъ мелочей, т. е. Зайцевъ велъ библіографическій листокъ и печаталъ полемическія статейки по случайнымъ предлогамъ. Изрѣдкя перу Зайцева принадлежали и болѣе обширныя разсужденія даже по философіи, напримѣръ, статья о Шопенгауерѣ. Но это не было его жанромъ. Онъ чувствовалъ себя слишкомъ тѣсно и неуютно въ предѣлахъ обширнаго связнаго трактата и ежеминутно порывался разбить его на «смѣлыя и блистательныя salto mortale». Такъ отзывался Писаревъ объ идеяхъ своего товарища, искренно имъ сочувствуя и считая ихъ логическимъ выводомъ изъ той же диссертаціи Чернышевскаго [46]). Мы могли убѣдиться, на сколько эта логика послѣдовательна, и самъ Писаревъ не могъ не признать, что на его «уважаемаго сотрудника» «съ непритворнымъ ужасомъ и съ комическимъ недоумѣніемъ» смотрятъ «всѣ солидные тихоходы нашей періодической литературы».

Мы знаемъ, ужасаться могли не одни солидные тихоходы, если только статьи Зайцева вообще производили солидное впечатлѣніе. Шелгуновъ много лѣтъ спустя далъ о Зайцевѣ очень сердечный отзывъ, и съ нимъ приходится считаться, такъ какъ врядъ ли найдется особенно много охотниковъ провѣрять слова столь близкаго и лично симпатичнаго судьи, по статьямъ Зайцева.

По словамъ Шелгунова, Зайцевъ имѣлъ хорошее спеціальное и широкое законченное общее образованіе. Поэтому, продолжаетъ Шелгуновъ, Зайцевъ—медикъ «во всѣхъ областяхъ—въ литературѣ,

---

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль.

[46]) *Пушкинъ и Бѣлинскій. Сочиненія.* V, 67.

русской и иностранной, въ исторіи, политикѣ, естествознаніи — чувствовалъ себя хозяиномъ и, какъ хозяинъ, распоряжался со своимъ матеріаломъ, сообщая ему ту или иную группировку» [47]).

Во всей этой характеристикѣ только одинъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію: Зайцевъ дѣйствительно *распоряжался какъ хозяинъ* во всѣхъ областяхъ знанія, но это хозяйничанье весьма рѣдко свидѣтельствовало о законченности общаго образованія Именно Зайцевъ давалъ благодарнѣйшія темы враждебной критикѣ--устраивать охоту за его невѣдѣніемъ и опрометчивостью. Въ области политики мы знаемъ исторію съ неграми: попасть въ подобный просакъ могъ только публицистъ или неудержимо горячаго темперамента, или совершенно младенческой неопытности. И это приключеніе не единственное. Его повторилъ Зайцевъ и въ области философіи. Крайне недовольный философіей Фихте, Зайцевъ изрекъ слѣдующую истину:

«Собственно слѣдовало бы ожидать, что философа прогонятъ съ пьедестала метлой, посадятъ въ водолѣчебницу или подвергнутъ исправительному наказанію; но къ стыду человѣчества и XIX в. это не только сходитъ имъ съ рукъ, но даже заслуживаетъ всяческое поощреніе».

Легко представить, какую злую иронію вызвала эта хозяйская рѣчь на страницахъ *Современника!*

Съ болѣе мелкими пташками, чѣмъ Фихте, Зайцевъ еще менѣе церемонился. Относительно Юркевича достаточно объявить: онъ «напоминаетъ нѣкоторыя физическія отправленія Діогена» и только: вопросъ рѣшенъ навсегда. Впрочемъ, Юркевичъ можетъ не обижаться: участь Гегеля еще горше. Его философія просто «ерунда, растянутая на нѣсколькихъ стахъ страницахъ» [48]).

Эти «скачки» не могли пройти безнаказанно и Антоновичъ долженъ былъ ждать статей Зайцева, какъ манны небесной. Никому нельзя было легче и проще устроить западню, никого нельзя было эффектнѣе ошельмовать и привести въ конфузъ, и притомъ съ самыми элементарными логическими и научными средствами и къ великой гражданской чести *Современника.*

О неграхъ и философахъ нечего и толковать. Здѣсь Зайцевъ выдалъ себя прямо головой. Но не лучше и положеніе съ Фихте. Если для реальнаго мыслителя зазорно порабощать цѣлую человѣческую расу и толковать объ исправительныхъ наказаніяхъ за философскія идеи, то почти столь же неразумно ополчаться на Фихте и восторгаться Шопенгауеромъ. О Фихте германская исторія навсегда сохранитъ память, какъ о великомъ патріотѣ,

---

[47]) *Воспоминанія. Изъ прошлаго и настоящаго. Сочиненія.* Спб. 1891, II, 752

[48]) *Русское Слово.* 1863, апрѣль, *Перлы и адаманты нашей журналистики*, 1. 1864, декабрь. *Послѣдній философъ-идеалистъ*, 195.

какъ о восторженномъ апостолѣ германской національной свободы, какъ о мужественномъ борцѣ за вѣковую политическую и культурную идею. А Шопенгауеръ былъ самымъ плохимъ гражданиномъ, какого только можно представить даже на сценѣ филистерской Германіи. Онъ всю жизнь дрожалъ за личную безопасность и спокойствіе, знать не хотѣлъ ни о какихъ политическихъ и національныхъ интересахъ времени и всякую минуту готовъ былъ удариться въ бѣгство, лишь только воображеніе начинало рисовать ему грозные призраки для его ежедневнаго комфорта.

Повидимому, достаточно этого простѣйшаго сопоставленія, чтобы понизить гнѣвъ противъ Фихте и не гнать его метлой съ какого угодно пьедестала. Но публицистъ самаго политическаго русскаго журнала не желаетъ понимать нагляднѣйшихъ фактовъ и поднимаетъ бурю, будто въ порывѣ безотчетной ярости и столько же слѣпого пристрастія. Какъ могло случиться подобное недоразумѣніе? Не могъ же авторъ философской статьи не имѣть никакихъ біографическихъ свѣдѣній о ненавистномъ философѣ. Конечно, имѣлъ, но пренебрегъ, какъ неограниченный хозяинъ, и совершилъ *salto mortalc*, способное внушить не ужасъ, а чувство гораздо менѣе лестное для смѣлаго прыгуна.

Столь же странны восторги, расточаемые въ честь Шопенгауера. Зайцевъ всѣми силами души демократъ и вдругъ сплошной диѳирамбъ философу, приходившему въ брезгливое содроганіе при одномъ имени толпа, народъ. Шопенгауеръ впадаетъ въ невмѣняемое неистовство всякій разъ, когда ему приходится говорить о демократическихъ явленіяхъ современной жизни, между прочимъ, о судѣ присяжныхъ. Зайцеву это извѣстно, но онъ, по необъяснимому капризу, желаетъ обратить всю эту политику философа въ шутку: ему это потѣшно и забавно! Ему и на умъ не приходитъ вопросъ, не имѣетъ ли тѣснѣйшей органической связи эта «забавная ненависть» Шопенгауера съ его общими философскими идеями? Гоненіе на демократію, нетерпимый, деспотическій аристократизмъ не слѣдствіе ли пессимистическаго вѣроученія Шопенгауера?

Для Зайцева эти соображенія не существуютъ: онъ удовлетворяется веселымъ настроеніемъ, менѣе всего умѣстнымъ въ приговорахъ надъ историческими явленіями и личностями.

Что касается области науки,—хозяйское поведеніе окончилось для Зайцева чрезвычайно печально: онъ долженъ былъ печатно сознаться въ грубѣйшей ошибкѣ, притомъ крайне элементарной, можно сказать, ученической.

Отважный публицистъ вздумалъ подвергнуть критикѣ статью Сѣченова *О рефлексахъ головного мозга*, пожелалъ даже исправить и дополнить ее. Именно Зайцевъ открылъ непримиримое противо-

рѣчіе въ двухъ заявленіяхъ ученаго: одно—«психическій актъ не можетъ явиться *безъ внѣшняго чувственнаго* возбужденія», другое—ощущенія, сопровождающія *внутренніе процессы организма*, представляютъ одинъ изъ самыхъ могучихъ двигателей въ дѣлѣ психическаго развитія. Зайцевъ соображалъ: страхъ, напримѣръ, можетъ произойти отъ сердцебіенія, а сердцебіеніе—процессъ *внутренній*, слѣдовательно, первое утвержденіе Сѣченова невѣрно... Несчастный критикъ!

Что за лекцію прочиталъ Антоновичъ — будто мальчику! Онъ объяснилъ ему самый оскорбительный фактъ: внутренніе процессы внутренни развѣ только въ томъ смыслѣ что они происходятъ во *внутренностяхъ*, относительно психическаго акта они *внѣшнія* такъ же какъ и всѣ другія чувственныя возбужденія. По представленію Зайцева выходитъ: если, напримѣръ, *высунутый* языкъ возбуждается кускомъ сахару, будетъ внѣшнее возбужденіе, а если тотъ же языкъ возбуждается сахаромъ въ полости рта, получается внутреннее...

Безжалостный Антоновичъ въ заключеніе сообщалъ, что онъ показалъ статью Зайцева Сѣченову и вызвалъ у ученаго хохотъ и предлагалъ злополучному критику публично извиниться предъ Сѣченовымъ и своими читателями [49]).

Зайцеву ничего другого не оставалось, какъ склониться предъ побѣдоноснымъ врагомъ, и онъ откровенно призналъ свою ошибку, сообщилъ, наконецъ, читателямъ *Русскаго Слова* великую истину: «относительно психическихъ актовъ наше тѣло со всѣми своими внутренностями есть внѣшній предметъ». Этого бы и достаточно, но Зайцевъ, очевидно, почувствовалъ себя очень обиженнымъ и униженнымъ и принялся взывать даже къ человѣческимъ чувствамъ Антоновича и Сѣченова. Зачѣмъ ученому понадобилось «хохотать» надъ критикомъ: «вѣдь и преступникъ имѣетъ право на человѣческое обращеніе». Зачѣмъ Антоновичъ добивается отъ своей жертвы какой-то эпитеміи? Жертва апеллируетъ къ самому побѣдителю и проситъ его сказать откровенно: «не преступилъ ли онъ въ своей статьѣ предѣловъ полемики, которая могла быть ведена противъ меня, и неужели ни въ статьѣ моей *Послѣдній философъ-идеалистъ*, ни въ прочей моей литературной дѣятельности нѣтъ ничего, что бы могло оградить меня отъ оскорбленій съ его стороны, подобныхъ тѣмъ, которыми онъ осыпаетъ меня?..» [50]).

Идеально благородно, но совершенно некстати! Нашелъ человѣкъ къ кому обращаться съ трогательной исповѣдью! Анто-

---

[49]) *Современникъ*. 1865. февраль. *Русская литература*, 272, 276, 287.

[50]) *Русское Слово*. 1865, февраль. *Нѣсколько словъ г. Антоновичу*.

новичу только и требовалось поймать врага въ западню и получить случай осыпать его оскорбленіями: до справедливости ли здѣсь!.. Вмѣсто какихъ бы то ни было соображеній о заслугахъ противника, онъ поспѣшилъ съ обычнымъ размахомъ своей кисти воспользоваться его расканіемъ. Въ двухъ книгахъ *Современника* онъ примется теперь трубить побѣду и кричать въ уши читателямъ «сентиментальный вопросъ» Зайцева и уже рѣшительно подпишетъ смертный приговоръ Зайцеву, какъ писателю и какъ вообще умному человѣку [51]).

Правда, Зайцевъ подъ ударами своего неумолимаго судьи могъ съ пользою припомнить свои собственные набѣги на тупоуміе «писателей извѣстнаго сорта», т. е. Аксакова и его сотрудниковъ, свои веселыя издѣвательства надъ учеными и поэтами, въ родѣ Грота и Державина, надъ «одеревенѣлыми нервами» читателей романовъ—этого «промывательнаго средства отъ окончательнаго засоренія мозговъ», свои неотразимыя доказательства, что поэтъ непремѣнно лгунъ и дитя [52]). Но въ особенности должна бы вспоминаться Зайцеву его особая критическая статья *Взбаломученный романистъ*. Здѣсь разговоръ велся съ Писемскимъ совершенно въ духѣ Посторонняго сатирика, «взбаломученный образъ мыслей» и обязанность «чернить все свѣжее, молодое и выступающее на дорогу жизни и дѣятельности» приписывалось зависимости автора отъ *Русскаго Вѣстника* и, наконецъ, тотъ же авторъ отождествлялся съ презрѣннѣйшимъ, на взглядъ критика, героемъ романа... [53]). Все это грѣхи, достойные покаянія и мучительныхъ воспоминаній.

И все-таки Зайцевъ, сравнительно съ его противникомъ,—писатель, достойный сочувствія и уваженія. Его искренность прямо трогательна, честность сказывается на каждомъ шагу, какое бы пристрастіе онъ ни обнаруживалъ къ salto mortale. Примѣровъ сколько угодно и они должны бы вызвать краску даже на побѣдоносномъ лицѣ критика *Современника*.

Зайцевъ, напримѣръ, воюетъ съ Достоевскимъ, какъ публицистомъ, цѣнитъ ни во что его журналы, но талантъ Достоевскаго-художника для него неприкосновененъ и онъ какъ нельзя болѣе кстати укоряетъ *Современникъ* въ необузданности полемики и безпринципности отрицанія—разъ дѣло идетъ о партійныхъ врагахъ. Смѣяться надъ *Мертвымъ домомъ*—преступленіе, и всѣ сотрудники *Современника*, за исключеніемъ автора *Что дѣлать?*

---

[51]) *Современникъ*. 1865, мартъ (*Литературныя мелочи*), апрѣль (*Русская литература*).

[52]) *Русское Слово*. 1864, октябрь, декабрь, іюнь, *Библіографическій Листокъ*; январь—*Бѣлинскій и Добролюбовъ*.

[53]) *Русское Слово*, 1863, октябрь.

не написали ничего, достойнаго сравненія съ нѣсколькими страницами книги Достоевскаго [54]).

Это истинно по рыцарски и Антоновичу и во снѣ не могло присниться подобное безпристрастіе. Зайцевъ проявлялъ его по требованію своей природы, безъ всякихъ насилій надъ своими страстями и идеями. Не признавая поэтовъ и художниковъ, онъ могъ написать нѣсколько искренне трогательныхъ строкъ о смерти Пушкина и сдѣлать удивительное для реалиста признаніе: «холодно на душѣ» при мысли о врагахъ «перваго русскаго поэта», о страшномъ разладѣ свѣтской среды съ «высокимъ поэтическимъ призваніемъ» Пушкина. Не менѣе сочувственныя рѣчи и о Тургеневѣ, даже какъ о творцѣ Базарова, есть у Зайцева доброе слово даже о Писемскомъ—и опять довольно неожиданное. По мнѣнію Зайцева, *художественный талантъ* Писемскаго помѣшалъ ему выполнить разсудочное намѣреніе: Баклановъ все-таки вышелъ глупцомъ, хотя авторъ и называетъ его человѣкомъ умнымъ и образованнымъ [55]). Это ужъ рѣзко противорѣчило излюбленной идеѣ критика о поэтахъ, какъ завѣдомыхъ, стихійныхъ извратителяхъ дѣйствительности. И именно противорѣчіе показываетъ, насколько сама натура писателя отличалась непосредственной правдивостью и искренностью, даже наперекоръ тенденціямъ. Этой черты не могли не замѣтить, просто не почувствовать читатели *Русскаго Слова*, и мы вполнѣ понимаемъ разсказъ Шелгунова о томъ, какъ онъ по смерти Зайцева получилъ отъ неизвѣстнаго провинціала прочувствованное почтительное письмо о покойномъ [56]).

Было у Зайцева еще одно достоинство, ставившее его выше даже Писарева. Разрушитель эстетики, весь поглощенный войной съ этимъ врагомъ, не принималъ участія въ едва ли не самой существенной публицистической струѣ *Русскаго Слова*—въ пропогандѣ соціально-экономическихъ идей. Редакція журнала ставила себѣ двѣ задачи: «строго реальный взглядъ на вещи» и «сближеніе экономическихъ вопросовъ съ общественными интересами» [57]).

Мы знаемъ, что̀ означалъ «строго-реальный взглядъ»: *Современникъ* могъ съ полной основательностью обзывать его лже-реальнымъ и считать отступничествомъ отъ завѣтовъ Добролюбова и Чернышевскаго. Писаревъ именно и подвизался на этомъ пути практическаго и принципіальнаго разрыва съ первоучителями-

[54]) *Русское Слово*. 1863. апрѣль. *Перлы и адаманты нашей журналистики*.

[55]) *Р. Слово*. 1863, апрѣль. *Библіографич. Листокъ*, 4; октябрь.

[56]) *О. с.* 741.

[57]) *Р. Слово*. 1864. январь. *Объ изданіи журнала на 1864 годъ*.

шестидесятниками. Слѣдовалъ за нимъ и Зайцевъ, уничтожая поэтовъ и художественную литературу. Въ результатѣ—дѣятельность получалась въ лучшемъ случаѣ безплодная, преизобильная яростной полемикой и крайне бѣдная положительными просвѣтительными идеями.

Другое значеніе слѣдуетъ признать за соціально-экономическимъ направленіемъ *Русскаго Слова*. Здѣсь журналъ, несомнѣнно, представлялъ передовое теченіе европейской мысли и оказывалъ неоспоримую пользу молодой русской публикѣ.

XV.

Ученыхъ статей экономическаго содержанія *Русское Слово* не печатало, да это было бы и не цѣлесообразно при настроеніи современной публики. Отвлеченная ученость слишкомъ рѣзко противорѣчила бы неограниченно царившей полемикѣ и до послѣдней степени простымъ и популярнымъ жанрамъ публицистики. Естественно, журналъ пользовался услугами экономиста, вполнѣ соотвѣтствовавшаго общему тону. Соколовъ умѣлъ писать не хуже Писарева и Зайцева, совершать salto mortale совершенно въ духѣ Посторонняго сатирика и обнаруживалъ такую же неутомимость и откровенность въ случайныхъ стычкахъ и продолжительныхъ междоусобицахъ. Находчивости и собственно личныхъ мыслей у Соколова, повидимому, былъ еще болѣе бѣдный запасъ, чѣмъ у его товарищей. Его обычный пріемъ—цитаты въ сопровожденіи ядовитыхъ замѣчаній и безчисленныхъ знаковъ удивленія и вопроса. Но смыслъ восклицаній вполнѣ опредѣленный: защита пролетаріата и ожесточенная ненависть противъ политическаго и экономическаго мѣщанства.

Современникъ, по вдохновенію Чернышевскаго, считалъ Милля чрезвычайно почтеннымъ авторитетомъ и крайне ретиво защищалъ его отъ всякихъ покушеній. Антоновичъ разразился въ высшей степени яростной статьей противъ *Отечественныхъ Записокъ*, заподозрившихъ Милля въ капиталистическихъ тенденціяхъ. Чернышевскій дѣйствительно призналъ теоретическія заслуги Милля, какъ представителя адамъ-смитовской школы, его научную добросовѣстность, но для Чернышевскаго на теоріяхъ Милля не кончалась вся экономическая наука; напротивъ, политическая экономія Милля, въ глазахъ Чернышевскаго, была только *ариеметикой* науки, и *Современнику* не было необходимости славословить англійскаго философа безъ малѣйшихъ ограниченій, даже какъ «истолкователя настоящаго экономическаго положенія». Въ особенности нѣкоторому сомнѣнію надлежало подвергнуть «свѣтлый умъ и гуманное чувство справедливости» у Милля тамъ, гдѣ онъ становится ученикомъ Мальтуса.

Именно на эту сторону экономическаго ученія Милля и обратило вниманіе *Русское Слово*. Соколовъ напечаталъ рядъ статей чрезвычайно рѣзкаго содержанія. Многочисленныя выдержки изъ сочиненія Милля ясно доказывали, какими твердыми нравственными узами былъ привязанъ Милль къ существующимъ англійскимъ экономическимъ условіямъ и какъ мало обнаруживалось въ немъ оригинальности и смѣлости мышленія, лишь только приходилось имѣть дѣло съ установившимся порядкомъ вещей.

Экономисту *Русскаго Слова* не потребовалось никакихъ глубокихъ изысканій; онъ удовлетворился чисто публицистической критикой, во имя здраваго смысла и простого чувства гуманности. Великую услугу могло оказать ему изреченіе апостола Павла: «Кто не работаетъ, тотъ не долженъ ѣсть», и эта мысль положена въ основу всѣхъ разсужденій критика. Онъ негодуетъ одинаково жестоко и противъ Милля, и противъ «пасквильнаго писаки» *Современника*, обходящаго молчаніемъ разсужденія «безстыднаго софиста о полезномъ размноженіи лихоимцевъ и о вредномъ нарожденіи рабочихъ».

Милль, какъ извѣстно, могущественнымъ средствомъ противъ экономическихъ бѣдствій считалъ мѣры, задерживающія размноженіе населенія. Онъ не побоялся призвать государство къ строгому наблюденію за рождаемостью дѣтей въ бѣдныхъ семьяхъ: государство должно наказывать людей, производящихъ потомство и не способныхъ содержать его...

Легко представить, какое неисчерпаемое вдохновеніе получалъ экономистъ *Русскаго Слова* отъ подобныхъ истинъ [58])! И вдохновеніе совершенно кстати. Рѣзкость тона, безусловно умѣстная въ то время, когда русскому обществу настояло также рѣшать вопросъ о богатыхъ и бѣдныхъ, о правѣ послѣднихъ на трудъ и жизнь. Соколовъ нашелъ могущественный авторитетъ противъ буржуазныхъ политикоэкономовъ въ лицѣ Прудона, и *Русское Слово* дѣятельно распространяло идеи французскаго публициста и восторженно рекомендовало его личность и дѣятельность своимъ читателямъ. Журналъ разъяснялъ русской публикѣ, какая пропасть лежитъ между французскими героями парламентской политики и французскимъ народомъ, какъ мало общаго между демократическими политиками и самой демократіей.

Эти разъясненія—прямое продолженіе политическихъ статей Чернышевскаго. Цѣль неизмѣнно одна и та же: показать, какая практическая и идейная разница существуетъ между чисто политическимъ либерализмомъ и соціальными и экономическими интересами массы населенія. Чернышевскій разбиралъ мѣщанскую

---

[58]) *Р. Слово*. 1865, октябрь. *О капиталѣ*.

психологію; *Русское Слово* еще энергичнѣе дѣлало то же самое, показывая безплодность даже всеобщей подачи голосовъ для всесторонняго и справедливаго прогресса страны.

Соколовъ широко пользовался критикой Прудона, направленной противъ «мѣщанской демократіи», противъ «господъ демократовъ» [59]). Журналъ не давалъ полной характеристики Прудона, какъ политическаго дѣятеля, не разбиралъ даже его борьбы съ политико-экономическими авторитетами; онъ удовлетворялся чрезвычайно сильными нападками Прудона на политическое шарлатанство и гражданское двоемысліе партійныхъ буржуазныхъ вожаковъ. Основной принципъ, вдохновлявшій Прудона,—безпощадное отрицаніе всякой предвзятой, бездоказательной мысли—вполнѣ совпадалъ съ реалистическимъ символомъ вѣры, и уже одна эта идея отводила Прудону почетнѣйшее мѣсто на страницахъ *Русскаго Слова*. И журналъ не переставалъ говорить о немъ во всѣхъ отдѣлахъ, съ великимъ воодушевленіемъ перечисляя его заслуги кратко, но для современной публики безусловно убѣдительно: «Прудонъ былъ грозой для тупоумныхъ послѣдователей Адама Смита, могущественнымъ обличителемъ буржуазнаго мошенничества и административныхъ фокусовъ» [60]).

Зайцевъ—энергичнѣйшій сотрудникъ въ этомъ направленіи. Все аристократическое, незаконно-привилегированное претило ему по природѣ, вызывало у него лихорадочную дрожь негодованія и презрѣнія. Онъ не желаетъ говорить о романѣ гр. Толстого: достаточно, если здѣсь появляются фигуры съ аристократическими кличками, весь романъ—погибшее произведеніе. Онъ превозноситъ Некрасова, какъ «мыслителя глубокаго и честнаго»: у поэта мести и печали герой—народъ, не такъ какъ у другихъ—Наполеонъ на скалѣ, Прометей съ коршуномъ, Фаустъ съ Мефистофелемъ или Демонъ съ Тамарой. Стихотворенія Некрасова, объявляетъ критикъ, «по предмету своему, по своему герою не имѣютъ равныхъ во всей русской литературѣ». И нѣтъ предѣловъ негодованію Зайцева на недруговъ Некрасова, какъ поэта. Онъ готовъ принести ему въ жертву величайшихъ европейскихъ геніевъ поэзіи и, конечно, Пушкина: у каждаго есть какой-нибудь изъянъ, Некрасовъ—недосягаемъ [61]).

И Зайцевъ искусно пользуется всякимъ случаемъ произнести слово во славу и въ защиту народа. Даже у Шопенгауера онъ ухитряется откопать полезный для себя отрывокъ о тождествѣ рабства и нищеты, объ одинаково позорномъ положеніи пролетарія и крѣпостного. Надо думать, именно эти «свѣтлыя мысли»

---

[59]) *Р. Слово*. 1865, іюнь.

[60]) *Р. Слово*. 1864, декабрь. *Политика*. 12.

[61]) *Р. Слово*. 1864, октябрь. *Библіогр. Листокъ*.

примирили неукротимаго критика съ «возмутительными вещами» въ произведеніяхъ нѣмецкаго философа, и Зайцевъ за удачное изображеніе участи пролетарія простилъ Шопенгауеру его ненависть къ суду присяжныхъ.

Зато у него нѣтъ пощады всякому, кто обнаружитъ малѣйшее равнодушіе къ жгучему вопросу, кто, по какимъ бы то ни было причинамъ, не пойметъ трагическаго смысла современныхъ экономическихъ отношеній. Напримѣръ, Блунчли—авторъ *Общаго государственнаго права*. Онъ и шпіонъ, и идіотъ, и шарлатанъ и въ доказательство—буржуазныя представленія Блунчли о пролетаріатѣ [62]).

Все это подчасъ выходитъ слишкомъ рѣзко и смѣло, но въ основѣ лежитъ неизмѣнно-честное стремленіе къ общему благу, къ истинно-народному матеріальному и нравственному благоденствію.

Мы не можемъ согласиться, будто Зайцевъ отличался всесторонними познаніями и по праву чувствовалъ себя хозяиномъ всюду—въ политикѣ, въ наукѣ, въ литературѣ: мы видѣли, какъ прискорбно кончалось довольно часто это хозяйничанье. Но неправъ Шелгуновъ и въ другомъ своемъ отзывѣ о Зайцевѣ.

Онъ сравниваетъ его съ Писаревымъ. «Писаревъ былъ пропагандистъ, Зайцевъ—боецъ; Писаревъ прокладывалъ широкую дорогу и рубилъ крупныя деревья, Зайцевъ занимался больше подробностями этой дороги; Писаревъ билъ болѣе сильнымъ и далекимъ ударомъ, Зайцевъ—ударами близкими, мелкими и частыми»...

Во всемъ этомъ много незаслуженнаго возвеличенія Писарева и несправедливаго умаленія Зайцева. Оба они не блистали прочностью и основательностью своихъ ударовъ, наносили ихъ безпрестанно въ пространство, воображая себя побѣдителями совершенно мнимыхъ или для нихъ безусловно непобѣдимыхъ враговъ. Но нельзя не признать ударовъ Зайцева, хотя бы и мелкихъ, болѣе цѣлесообразными и болѣе поучительными, чѣмъ крупнѣйшія порубки Писарева.

Разрушитель эстетики сосредоточилъ свои усилія на уничтоженіи искусства и самой психологіи художественнаго творчества. По самому свойству задачи—сильные удары Писарева выходили безплоднымъ маханьемъ рукъ исключительно на потѣху свойственную молодецкому сердцу, да еще нѣкоторой публикѣ, охочей до крикливыхъ театральныхъ зрѣлищъ, до раздиранія природы на части. Мы знаемъ, съ какими грозными и шумными приготовленіями Писаревъ приступилъ къ перерѣшенію вопроса о Пушкинѣ

[62]) *Р. Слово*. 1865. октябрь. *Библіогр. Листокъ*.

и знаемъ также успѣшность воинственнаго похода. Пушкинъ не только не пострадалъ отъ покушеній «реалиста», но спокойной силой и правдой своей поэзіи заставилъ «реальную критику» обнаружить всю свою немощь и все неразуміе своей заносчивости. И можно сказать, чѣмъ усерднѣе Писаревъ рубилъ крупныя деревья, тѣмъ они становились крупнѣе и тѣнистѣе, а усердіе героя—комичнѣе и жалче.

Такихъ результатовъ не могло быть послѣ *всѣхъ* зайцевскихъ подвиговъ. Тамъ, гдѣ Зайцевъ соревновалъ Писареву и отличался въ крѣпкой брани на поэтовъ и поэзію, онъ остался совершенно безразличнымъ для поступательнаго движенія русской публицистики. Но гдѣ онъ пламенно ратовалъ противъ всяческой эксплуатаціи сильными слабыхъ въ области политики и экономическихъ отношеній, тамъ его дѣло осталось положительнымъ и прочнымъ достояніемъ русской общественной мысли, и совершенно несправедливо слава Писарева у современниковъ и у ближайшаго потомства поглотила въ своихъ лучахъ имя его сотрудника, какъ нѣкую малую подчиненную планету.

Это прямой ущербъ исторической правдѣ. Не меньше вреда долженъ былъ причинить Писаревъ своему спутнику и при жизни. Зайцевъ, да и всякій другой съ болѣе или менѣе живымъ темпераментомъ, не могъ устоять предъ соблазномъ урвать на свою долю извѣстную толику лавровъ, столь обильно и легко сыпавшихся на голову Писарева. И Зайцевъ явно соревнуетъ своему блестящему и удачливому товарищу, соревнуетъ во всемъ—смѣлостью сужденій, откровенностью рѣчи, панибратскимъ обращеніемъ съ публикой. Онъ не желаетъ отставать отъ своего образца и энциклопедичностью свѣдѣній и у него также тайна поразительной разносторонности заключается не въ обширной учености, а какъ разъ наоборотъ, въ крайне смутномъ представленіи о томъ, что̀ значитъ знать и имѣть право судить и приговаривать.

Нельзя думать, будто это свойство было врождено Зайцеву. Его искреннее покаяніе по поводу неудачной критики на статью Сѣченова даетъ основаніе предположить, что въ другой литературной средѣ, подъ менѣе головокружительными вліяніями, Зайцевъ могъ бы и не быть любителемъ блистательныхъ salti mortali. Но именно эти головоломные скачки восхищали Писарева и онъ, очевидно, съ большимъ удовольствіемъ неоднократно вступался за своего подражателя, поддерживалъ его даже въ вопросѣ о рабствѣ негровъ и въ отождествленіи художественнаго чувства съ болѣзненной похотливостью. Это значило поощрять «уважаемаго сотрудника» на всѣ тяжкія, и немалая заслуга со стороны ученика—все-таки настолько сохранить хотя бы безсознательную

независимость, чтобы трогательно говорить о гибели Пушкина, какъ поэта, о честности Писемскаго, какъ художника.

Въ заключеніе мы должны признать Писарева центральнымъ свѣтиломъ нигилистическаго міра, не по оригинальности идей, не по силѣ и самобытности мышленія, а по неотразимо увлекательному, раньше небывалому литературному жанру. Писаревъ истинный родоначальникъ всѣхъ рыцарей неограниченно откровенной и безстрашной полемики совершенно независимо отъ большей или меньшей освѣдомленности полемиста въ данномъ вопросѣ. Писаревъ—законченный типъ резонера-критика, способнаго въ какомъ угодно положеніи дѣйствовать наипростѣйшимъ средствомъ — «реальнымъ взглядомъ на вещи» и считать себя навсегда свободнымъ отъ обязанности подробно и вдумчиво «изучать» тотъ или другой научный или общественный вопросъ, авторовъ-художниковъ и критиковъ или ихъ произведенія.

Мы видѣли, на журнальной сценѣ одновременно съ писателями *Русскаго Слова* подвизался герой, еще менѣе удовлетворительный, какъ «мыслящая личность», и намъ не совсѣмъ ясно, почему, по свѣдѣніямъ Шелгунова, читатели *Современника* смотрѣли на *Русское Слово* съ оттѣнкомъ высокомѣрія. Мы думаемъ напротивъ: читатели Писарева могли и должны были искренне презирать читателей Посторонняго сатирика не за его вражду къ Писареву, а за его пріемы и удручающую пустопорожность его произведеній. Но, снова повторяемъ, никто не думалъ, ни во время оно, ни позже, считать Антоновича вдохновляющей силой и призваннымъ выразителемъ чувствъ и идей своего поколѣнія. Самое большое—онъ сыгралъ роль случайнаго отрицательнаго момента для публицистовъ *Русскаго Слова.* Писаревъ совершенно затмевалъ его и во главѣ своей свиты превращалъ его въ столь же безнадежно слабаго сколь и неукротимо озлобленнаго личнаго ненавистника. И историку приходится всѣ идейныя и культурныя явленія эпохи группировать вокругъ личности и дѣятельности перваго критика *Русскаго Слова* и его считать такой же душой второго поколѣнія шестидесятниковъ, какою былъ Чернышевскій для перваго.

Эта историческая сила Писарева вырисовывается передъ нами во всемъ блескѣ, до послѣдней черты, когда мы сопоставимъ съ нигилистической публицистикой современную умѣренную критику. Она продолжала существовать среди бурнаго движенія новыхъ ученій, вела свои благонамѣренныя и благоразумныя бесѣды подъ громъ воинственнаго нигилистическаго краснорѣчія. По силѣ, таланту и эффекту ихъ нельзя и сравнивать съ радикальной публицистикой, но для насъ онѣ представляютъ большой историческій интересъ. Мы узнаемъ, какихъ бойцовъ выставила русская литература шестидесятыхъ годовъ противъ критиковъ-нигилистовъ и

во имя какихъ принциповъ разсчитывали эти бойцы спасти искусство и прочія священныя преданія?

XVI.

Вражда къ молодому поколѣнію обнаружилась въ печати очень рано, съ самаго появленія Чернышевскаго. Повторилась исторія, напоминавшая ранній періодъ дѣятельности Бѣлинскаго, и въ еще болѣе рѣзкой формѣ. Благонамѣренныя изданія будто заболѣли особымъ душевнымъ недугомъ, принялись приписывать новоявленному литератору чуть ли не всѣ литературныя и общественныя бѣдствія и *Современникъ* совѣтовалъ раздраженнымъ журналамъ завести даже особый отдѣлъ *Чернышевщина* [63]).

Такъ обстояло дѣло еще въ 1862 году. Что же предстояло перечувствовать «филистерамъ», когда на сцену выступили «реалисты», когда новая критика объявила слишкомъ осторожнымъ самого Чернышевскаго и слишкомъ эстетичнымъ Добролюбова? Не стало предѣловъ негодованію и враждѣ. «Молодое поколѣніе» превратилось въ насмѣшливое и презрительное наименованіе. Эти два слова покрывали собой всѣ умственные и нравственные недостатки, какіе только возможно человѣку обнаружить въ литературѣ. Во главѣ воюющихъ съ молодежью шла беллетристика. Она вооружилась желчной сатирой, не отступала предъ самыми мрачными преувеличеніями, совершенно утратила художественное спокойствіе и нерѣдко забывала даже литературное достоинство. Одинъ за другимъ появились романы *Марево, Некуда*, *Взбаломученное море*, и даже драма *Слово и дѣло* Ѳ. Устрялова. Всюду нигилисты подвергались безпощадной казни, представлялись героями крайняго нравственнаго извращенія и умственной ограниченности. Самымъ досаднымъ произведеніемъ для молодой партіи было, разумѣется, *Взбаломученное море*. Одинъ изъ первостепенныхъ художественныхъ талантовъ снисходилъ до уровня памфлетиста, откровенно сознавался въ своемъ глубокомъ возмущеніи противъ «слабоумныхъ юношей» и былое спокойствіе творческаго духа мѣнялъ на запальчивость фельетониста и каррикатуриста.

Эти произведенія и много другихъ печатались на страницахъ *Русскаго Вѣстника*, *Библіотеки для Чтенія*, *Эпохи*. Въ этотъ строй слѣдуетъ включить и *Отечественныя Записки*: онѣ осмѣлились привѣтствовать начало Клюшниковскаго романа и именно по поводу его укорить Некрасова, Островскаго, Салтыкова въ бѣдности содержанія ихъ произведеній и, наконецъ, Авдѣева поставить рядомъ съ Тургеневымъ [64]). Журналы брали на себя большую отвѣтственность.

---

[63]) *Современникъ*. 1862, апрѣль. *Внутр. обозрѣніе*, 296—7.

[64]) *Отеч. Записки*. 1864, февраль. *Литерат. лѣтопись*, 322—3.

Беллетристамъ было позволительно вдохновляться какими угодно жестокими настроеніями и безъ всякихъ общеубѣдительныхъ доказательствъ громоздить всевозможные ужасы на нигилистовъ. Даже Писемскій могъ пренаивно воображать, что онъ представитъ картину нравовъ одновременно и правдивую, и неполную, соберетъ *всю ложь Россіи* и все-таки останется художникомъ и бытописателемъ. И, конечно, иначе не могли думать о себѣ Стебницкій и Клюшниковъ. Ихъ можно было предоставить самимъ себѣ: какому же болѣе или менѣе вдумчивому и опытному читателю пришло бы въ голову по романамъ изучать современное общественное движеніе и изъ нихъ же черпать истины, способныя разсѣять нигилизмъ, какъ призракъ? Публицистикѣ и критикѣ предстояло оберечь оскорбляемыя святыни и выставить противъ отрицателей всю боевую умственную силу, какую только успѣли накопить здравомыслящіе и солидные люди.

И сила дѣйствительно была двинута. Она предъ нами во всей своей красѣ и стройности и мы легко можемъ сдѣлать сравнительную оцѣнку воюющихъ сторонъ. Она будетъ очень несложна: анти-нигилисты, большею частью, наши старые знакомые, а новыхъ бойцовъ можно оглядѣть до послѣдней черты однимъ взглядомъ.

Прежде всего критика *Отечественныхъ Записокъ*. По преданіямъ, журналъ долженъ занимать первое мѣсто среди либеральныхъ изданій: все-таки это—бывшее поприще Бѣлинскаго. Теперь онъ уже давно замѣненъ Дудышкинымъ—силой, хорошо намъ извѣстной. Рядомъ съ нимъ—Николай Соловьевъ. Онъ не портитъ общаго впечатлѣнія: человѣкъ грамотный, благонамѣренный, даже терпимый, но, прекрати онъ свою дѣятельность сегодня, завтра или десять лѣтъ спустя—врядъ ли кто особенно пожалѣетъ даже изъ постоянныхъ подписчиковъ журнала.

Онъ, напримѣръ, пишетъ обширную статью о диссертаціи Чернышевскаго. Онъ защищаетъ просвѣтительное и нравственно-совершенствующее значеніе искусства, художественной красоты, защищаетъ разумно, дѣльно, но совершенно въ томъ же тонѣ и съ такой же увлекательностью, какъ Стародумы старыхъ комедій доказывали достоинства добродѣтели и вредъ порока. Одновременно онъ сѣтуетъ на полемическій азартъ *Рускаго Слова* и *Современника*, и опять правильно, возражаетъ противъ теоріи исключительной пользы тоже основательно, доказываетъ еще разъ связь «нравственно-эстетическаго начала съ гуманнымъ» не безъ солидности, хотя и съ меньшей убѣдительностью: все, однимъ словомъ, благополучно. Заслуженные статскіе совѣтники, благорасположенные къ «здравымъ понятіямъ», могутъ съ истиннымъ удовольствіемъ прочитать размышленія умѣренно-либеральнаго

эстетика и публициста. Они, несомнѣнно, будутъ привѣтствовать и ядовитыя замѣчанія журнала насчетъ подозрительной энциклопедической учености Писарева и Зайцева. Все въ порядкѣ, но нѣтъ одного, самаго существеннаго для писателя шестидесятыхъ годовъ: нѣтъ личной силы, нѣтъ способности захватить читателя *своей* идеей, приковать его вниманіе къ *своей* истинѣ и *своей* вѣрѣ, нѣтъ властнаго слова и нѣтъ, слѣдовательно, средствъ проникнуть умными разсужденіями до сердца читающаго и сдѣлать для него *своей* кровно дорогой только что доказанную мысль.

Отечественныя Записки съ особеннымъ усердіемъ слѣдятъ за излишествами нигилистическихъ органовъ, собираютъ перлы и адаманты въ статьяхъ Антоновича, Писарева, Зайцева, и достигаютъ, конечно, цѣли: перебранка журналистовъ производитъ отталкивающее впечатлѣніе и по статьямъ Антоновича дѣйствительно можно сдѣлать заключеніе: «задорный, ругательный, оскорбительный тонъ составляетъ все насущное содержаніе настоящаго русскаго скептицизма». Можно даже напечатать *Покорнѣйшую просьбу* провинціала, представителя «самаго брезгливаго народа» съ выдержками изъ произведенія Посторонняго сатирика и убѣдить публику, что подобная сатира способна «весь аппетитъ отшибить» [65]). Все это неопровержимо, но что же могли представить взамѣнъ сами *Отечественныя Записки?*

Въ отвѣтъ Аполлонъ Григорьевъ могъ указать истинное бревно въ глазу строгаго журнала,—бревно, какимъ не страдало *Русское Слово* и ни одинъ изъ его бранчивыхъ писателей,—бревно, вполнѣ достойное Посторонняго сатирика. Дѣлая указаніе, Григорьевъ мимоходомъ даетъ и общую оцѣнку критики *Отечественныхъ Записокъ*, очень вѣрную и остроумную.

Журналъ Краевскаго напечаталъ статью о Некрасовѣ. Статью писалъ, по мнѣнію Григорьева, критикъ опытный. Она не набрасывается безразлично на хорошее и дурное: «Нѣтъ, какъ воронъ падали, ищетъ она желчныхъ пятенъ и тыкаетъ въ нихъ пальцемъ, по большей части справедливо». Но, спрашиваетъ Григорьевъ, «справедливъ ли весь духъ ея?..» [66]).

Для *Отечественныхъ Записокъ* самый ядовитый вопросъ. Отрицательный отвѣтъ не подлежитъ сомнѣнію. Умѣренный журналъ только пользовался благодарнымъ матеріаломъ для борьбы съ нигилистами, самъ не давалъ ничего поучительнаго и литературно-достойнаго. Совершенно напротивъ. Тотъ же Григорьевъ по поводу отношенія журнала къ Некрасову имѣлъ всѣ основанія

---

[65]) *Отеч. Зап.* 1863, мартъ. *Нашъ скептицизмъ*, 56; 1864, сентябрь, 608.
[66]) *Время.* 1862, іюль.

воскликнуть: «жалкій, больше позволю себѣ сказать—постыдный пріемъ!..»

Праведный гнѣвъ критика вызванъ злостными намеками *Отечественныхъ Записокъ* на корыстные разсчеты Некрасова, какъ обличительнаго поэта. И Григорьевъ—сотрудникъ *Времени*—вынужденъ защищать поэта отъ либеральныхъ инсинуацій! И какъ защищать! Со всѣмъ жаромъ и мужествомъ, какіе только таились въ груди искренняго и благороднаго писателя.

Могли ли послѣ этого *Отечественныя Записки* притязать на нравственное вліяніе, съ высоты недосягаемаго достоинства бросать камнями въ нигилизмъ?

Григорьевъ, несомнѣнно, имѣлъ это право, но мы знаемъ, какую безнадежную агонію переживалъ онъ въ эпоху развитія новаго направленія. Съ одной безупречностью намѣреній никакая борьба немыслима, да еще въ такое горячее воинственное время, а Григорьева переполняло отчаяніе, онъ ежеминутно или въ конецъ падалъ духомъ, или безсильно потрясалъ старымъ своимъ художественнымъ знаменемъ. Даже въ лагерѣ друзей на негосмотрѣли, какъ на поконченнаго искусственно подогрѣвающаго себя инвалида и не всегда рѣшались показывать его публикѣ. Зайцеву ничего не стоило побѣдоносно высмѣивать часто совершенно невразумительные, странные вопли отживавшаго романтика и даже бывшіе товарищи критика, въ родѣ Алмазова, не отказывали себѣ въ дешовомъ удовольствіи поиздѣваться надъ «мрачнымъ» и «дикимъ» любителемъ парадоксовъ.

На смѣну Григорьеву вступилъ его почитатель и ученикъ молодой, широко образованный философъ, критикъ и естествоиспытатель Страховъ. Національная партія, удержавшая коекакія преданія московскаго славянофильства, но не дерзнувшая отринуть вмѣстѣ съ тѣмъ европейскую культуру и геній Петра, могла привѣтствовать въ немъ свою самую блестящую надежду. Онъ, несомнѣнно, зналъ больше ученыхъ нигилистическаго направленія, обнаруживалъ неоспоримый вкусъ къ дѣйствительно литературной полемикѣ и, что̀ особенно замѣчательно, не страдалъ, повидимому, партійной нетерпимостью. Такъ было, по крайней мѣрѣ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Страховъ едва ли не единственный журналистъ пережилъ очень идиллическія чувства, наблюдая современную полемику. «Въ настоящую минуту наша литература,—писалъ онъ въ 1861 году,—почти исключительно руководствуется благороднѣйшими чувствами», и находилъ только форму полемики дурной и безплодной, а сущность считалъ хорошей [67]). Читатели могли не совсѣмъ

---

[67]) *Время*. 1861, августъ. *Нѣчто о полемикѣ*.

понимать, что значитъ *безплодная форма* и какъ эту безплодность примирить съ хорошей сущностью? Но примирительныя намѣренія автора несомнѣнны и онъ впослѣдствіи, повидимому, напрасно распространялся о своемъ «большомъ негодованіи» противъ нигилизма еще съ 1855 года [68]). Если таковое негодованіе и волновало автора, то онъ предпочиталъ его подавлять и выражать въ крайне мягкой рѣчи.

Даже больше. Страховъ, очевидно, заднимъ числомъ жестоко разсердился на нигилизмъ, а раньше онъ судилъ о нигилистахъ весьма снисходительно, почти съ уваженіемъ.

Въ томъ же журналѣ Достоевскаго онъ напечаталъ статью объ *Отцахъ и дѣтяхъ*, замѣчательную и по формѣ, и по сущности. Собственно оригинальныхъ идей въ статьѣ нѣтъ, но, при всеобщемъ переполохѣ по поводу романа, большой заслугой было уже трезвое и безпристрастное отношеніе къ его герою и автору. Страховъ очень искусно изобличаетъ всю безсмыслицу статьи Антоновича, бьетъ ослѣпшаго критика его же оружіемъ, доказываетъ, что удивительный философъ во всемъ своемъ разсужденіи излагаетъ именно принципы Базарова и его же стремится обвинить въ безпринципности. Это очень ловко, хотя, конечно, и не было особенной чести одолѣть подобнаго противника. Но достойно вниманія, что Страховъ первый поймалъ въ западню любителя устраивать западни для другихъ. Дальше слѣдовало лирическое изображеніе Базарова. Страховъ неопровержимо доказывалъ громадную силу героя, его величавость и даже привлекательность, больше—его способность и жгучее стремленіе любить людей. Естественно, критику открывался и глубокій смыслъ всей исторіи. Выражался этотъ смыслъ довольно неопредѣленно: надъ Базаровымъ торжествовала жизнь и она становилась выше его отвлеченныхъ формулъ. Критикъ могъ бы яснѣе выставить метафизическій и романтическій характеръ Базаровскаго отрицанія. и показать торжество органическихъ силъ дѣйствительности надъ силлогизмами и чистыми словами. Но достаточно и сказаннаго критикомъ: онъ понимаетъ героя и даже готовъ удивляться ему [69]).

Около года спустя Страховъ снова говорилъ о Тургеневѣ и въ такомъ же сердечномъ тонѣ. «Тургеневъ есть одинъ изъ людей, наиболѣе болѣющихъ своимъ вѣкомъ, онъ представитель одной изъ глубочайшихъ сторонъ нашей жизни» [70]). И авторъ видитъ въ писателѣ одновременно и любовь къ своимъ героямъ и

---

[68]) Предисловіе къ сборнику статей *Изъ исторіи литературнаго нигилизма*. Спб. 1890, IX.

[69]) *Время*. 1862, апрѣль.

[70]) *Время*. 1863, февраль.

неумолимый анализъ, неустанные и страстные поиски положительнаго могучаго идеала.

Такъ судилъ представитель національной идеи о Тургеневѣ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, и судилъ не только объ отдѣльныхъ фактахъ, а пытался нарисовать цѣльную, въ высшей степени увлекательную личность, всю проникнутую стремленіемъ къ истинѣ, жаждой найти дѣйствительно сильнаго человѣка въ своемъ отечествѣ. И вотъ этотъ самый писатель, мученикъ идеала, пишетъ романъ *Дымъ*, сочиняетъ Потугина и его западническую исповѣдь... Мгновенно все перевернулось и замутилось въ глазахъ нашего критика. Тургеневъ теперь совсѣмъ другой человѣкъ и писатель. Онъ врагъ народническихъ и національныхъ вѣрованій, онъ—слѣпой идолослужитель Европы, оно всю русскую жизнь считаетъ дымомъ, онъ—самъ оторвавшійся отъ почвы!

Статью Страхова печатаютъ *Отечественныя Записки*, лишній разъ доказывая полную случайность и безпринципность своего міросозерцанія [71]). Для Страхова это начало цѣлой войны не только съ Тургеневымъ, но и со всѣми западниками, первѣе всего, конечно, съ Бѣлинскимъ и Добролюбовымъ.

Критикъ указываетъ на озлобленіе русской печати противъ Тургенева: по дѣломъ ему! Онъ «старался всячески дразнить общественное мнѣніе, дерзко касаться его любимыхъ идей и вкусовъ, дотрогиваться до самыхъ больныхъ и чувствительныхъ мѣстъ».

Съ какой цѣлью говорится это? Въ защиту Тургенева? Тогда почему же самъ критикъ съ такимъ негодованіемъ возсталъ на Тургенева за *Дымъ*, за поруху народности и патріотизму? Въ одобреніе критикамъ Тургенева? Тогда, что означало раннее восхваленіе Тургенева, болѣющаго своимъ вѣкомъ? Приходится, повидимому, остановиться на перемѣнѣ чувствъ критика къ Тургеневу и вообще на переворотѣ во взглядахъ критика. Это ясно изъ его отзыва о Базаровѣ: нигилистъ, недавно почти воспѣтый, теперь оказывается зараженнымъ и гордостью, и самолюбіемъ, и цинизмомъ: все это должно было всѣхъ оттолкнуть отъ Базарова—и въ романѣ и потомъ въ критикѣ [72]).

Предъ нами будто два разныхъ человѣка съ одной и той же фамиліей—Страховъ или Косица. Такъ рѣшительна эволюція, точнѣе, революція мнѣній и впечатлѣній! И совершенно напрасно авторъ поспѣшилъ забѣжать впередъ и предупредить публику насчетъ своего самого больного мѣста: «живость моихъ впечатлѣній не должна внушать мысли о какой-либо шаткости въ моихъ убѣжденіяхъ».

[71]) 1867, май.

[72]) *Заря*. 1869. декабрь; 1871. февраль.

Увы! Впечатлѣнія критика на самомъ дѣлѣ не такъ живы, какъ шатки его убѣжденія. Возможна ли иначе такая безпощадность къ Тургеневу за то, что онъ открыто призналъ свое невольное сочувствіе Базарову и общность своихъ убѣжденій съ его убѣжденіями. кромѣ взглядовъ на искусство? Признаніе до глубины души возмутило критика. Почему? Вѣдь онъ раньше усматривалъ въ Базаровѣ даже высшую красоту человѣческой природы, т. е. неутолимую жажду любить другихъ, а теперь—горе Тургеневу: онъ *пестрый нигилистъ!*

Очевидно, вопросъ не въ живости впечатлѣній, а въ неустойчивости идей. Но критикъ не желаетъ вложить персты въ свою рану, онъ ищетъ вину въ другомъ, и, конечно, находитъ. Тургеневъ оказывается дважды преступенъ: во-первыхъ, западникъ, во-вторыхъ, не свободный художникъ, писатель, смутившійся предъ нападками журналовъ, «утратившій олимпійское спокойствіе, приличное художнику» онъ кончилъ тѣмъ, что воспѣлъ Соломина, и критику «невозможно было смотрѣть на это безъ горькаго чувства».

Вы спросите: почему же Тургеневу не воспѣть Соломина, если онъ искренне считалъ подобный типъ сильнымъ и прогрессивнымъ? Врядъ ли и самъ критикъ могъ бы отрицать силу за этимъ героемъ, разъ онъ призналъ ее за Базаровымъ. Неужели Тургеневу непремѣнно требовалось пойти въ кабалу къ нигилистамъ, чтобы Соломина предпочесть Сипягинымъ и Коломійцевымъ? Вѣдь тотъ же Тургеневъ не пощадилъ Нежданова тоже нигилиста и даже Маркелова, человѣка не безъ извѣстной воли и характера, а увѣнчалъ именно Соломина. И мы, признавая незаконченность и блѣдность этой фигуры, не можемъ отказать художнику въ правильности взгляда и вкуса. Выходитъ, критикъ не счелъ нужнымъ вдуматься въ простѣйшій вопросъ и поторопился произнести приговоръ съ такой же опрометчивостью, съ какой онъ напалъ на Тургенева за Потугина. Страховъ—патріотъ и врагъ нигилистовъ—пересталъ быть безпристрастнымъ и осмотрительнымъ судьей и осудилъ себя на безвыходную сѣть противорѣчій и самопроверженій.

Она сплеталась иногда чрезвычайно быстро, на пространствѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Напримѣръ, Страховъ разсуждаетъ о бѣдности нашей литературы и одно изъ доказательствъ этой бѣдности видитъ въ легкомысленномъ невниманіи *славянофиловъ* къ русской литературѣ, въ ихъ высокомѣрномъ отношеніи къ ней. Они безпрестанно дѣлаютъ вылазки противъ Бѣлинскаго, явно усиливаются заклеймить его презрѣніемъ, а между тѣмъ его популярность растетъ съ каждымъ годомъ, его сочиненія—настольная книга воспитателей русскаго юношества. Можно ли отдѣлываться отъ такой силы пренебрежительными изреченіями? Не прямой ли

долгъ хулителей взять на себя трудъ произнести надъ Бѣлинскимъ основательный и отчетливый судъ, опредѣлить его значеніе и уберечь другихъ отъ будто бы неосновательныхъ увлеченій его произведеніями?

Ничего подобнаго славянофилы не дѣлаютъ и ограничиваются крѣпкими словами въ то время, когда первый современный писатель Тургеневъ посвящаетъ *Отцовъ и дѣтей* памяти Бѣлинскаго [73]).

Все это очень дѣльно и убѣдительно, но въ томъ же самомъ году, какимъ помѣчена книга съ такими здравыми идеями, Бѣлинскій подвергается полному уничтоженію. За нимъ признается правильность только нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сужденій, а вообще «онъ не завѣщалъ намъ мысли, которую слѣдовало бы развивать». И вся бѣда, по соображеніямъ Страхова, въ «злополучной теоріи прогресса». Она именно вызвала позднѣйшій разгромъ всѣхъ русскихъ поэтическихъ талантовъ.

Вы изумлены. Въ какую же теорію вѣруетъ самъ критикъ, ратуя за принципы и идеи? Вѣдь они же не представляютъ и не могутъ представлять неподвижнаго преданія, въ родѣ какого-нибудь восточнаго вѣроученія. Критику дорогъ принципъ національности, но безъ идеи прогресса это принципъ китаизма, т. е политическаго и культурнаго окостенѣнія націи.

Дальше еще страннѣе. Добролюбовъ, оказывается, въ качествѣ западника *перетолковавалъ на свой ладъ* Островскаго и его статья *Темное царство*, слѣдовательно, извращеніе смысла пьесъ и характеровъ. Мы знаемъ, это идея Григорьева, и насколько она основательна—извѣстно всякому, читавшему Островскаго и Добролюбова.

Но Страховъ теперь вообще желаетъ быть продолжателемъ Григорьева, «нашего единственнаго критика». Приблизительно въ такомъ же смыслѣ и Григорьевъ полагалъ о Страховѣ: это почтенно съ точки зрѣнія дружеской вѣрности и горячности. Но, къ сожалѣнію, взаимныя чувства критиковъ совершенно безразличны и безплодны для успѣховъ русской критики. Принципъ національности въ художественномъ творчествѣ Бѣлинскій защищалъ не менѣе настойчиво, чѣмъ наши друзья; онъ только не дошелъ до мысли, чтобы русскій національный идеалъ могъ быть сполна воплощенъ въ типѣ смиреннаго и простого героя, въ родѣ Пушкинскаго Бѣлкина или Толстовскаго Каратаева. Отвергать безцѣльный блескъ и трескъ громкаго и хищнаго героизма не значитъ непремѣнно искать спасенія въ смиреніи и младенческомъ незлобіи духа. Напримѣръ, Страховъ раньше видѣлъ въ

---

[73]) *Бѣдность нашей литературы.* Критич. и историч. очеркъ. Спб. 1868, 5—11.

Базаровѣ постояннаго русскаго человѣка; что же общаго между нимъ и юродцами гр. Толстого? Должно быть, весьма мало и, вѣроятно, по этой причинѣ Страховъ съ такимъ усердіемъ принялся развѣнчивать Базарова, постигнувъ національныя достоинства Каратаева. Не противорѣчила этому усердію и вражда къ западническому ученію о прогрессѣ: съ Каратаевымъ, конечно, нечего опасаться никакихъ, не только прогрессивныхъ идей, а вообще культурной, умственной и практической дѣятельности. И Страховъ сосредоточилъ живость своихъ впечатлѣній на толстовскомъ культѣ простоты и смиренномудрія.

При такихъ убѣжденіяхъ не могло быть и рѣчи не только о критикѣ, а даже о болѣе или менѣе толковомъ пониманіи современныхъ, литературныхъ и общественныхъ явленій, и Страховъ самъ себя вычеркнулъ изъ русской жизнедѣятельной и умственно-просвѣтительной публицистики.

XVII.

Съ другими представителями умѣреннаго образа мыслей не происходило и такихъ колебаній, какія пережилъ другъ Аполлона Григорьева. Они простодушнѣйшимъ образомъ не постигали того, что̀ совершалось вокругъ, чѣмъ волновалась современная молодежь, къ чему стремилась и почему впадала въ заблужденія. Происходило что-то дикое, невразумительное, будто цѣлое поколѣніе впало въ острое умопомѣшательство, совершенно внезапно, и нѣтъ даже средства не только лѣчить больныхъ, а даже разговаривать съ ними на человѣческомъ языкѣ. И новые люди обладали, повидимому, способностью вызывать сильныя отрицательныя чувства даже въ сравнительно кроткихъ и терпимыхъ сердцахъ. Время преобразовывало снисходительность въ ожесточенную злобу, желаніе вглядѣться и понять, въ жажду устранить и уничтожить. Это доказывало прежде всего непрестанно выроставшую силу молодой критики и безсиліе «отцовъ» бороться съ ней предъ публикой ея же средствами, т. е. идеями и талантомъ.

Любопытный примѣръ—профессоръ и либеральный журналистъ Никитенко. Онъ было встрѣтилъ молодое направленіе литературы довольно благосклонно, напечаталъ о немъ статью самаго отечёскаго содержанія. Правда, онъ не одобрялъ малой образованности юныхъ критиковъ, указывалъ на туманы умозрѣній и доктринъ, но выражалъ твердую надежду на исправленіе и торжество здраваго русскаго смысла. Молодежь еще послужитъ родинѣ «со всѣмъ жаромъ своего благороднаго сердца и всею мыслью своего даровитаго ума» [74]).

---

[74]) *Сѣверная Почта.* 1864, № 20

Едва прошелъ годъ, настроенія благодушнаго отца рѣзко измѣнились. Онъ привѣтствуетъ предостереженіе *Современнику* за *косвенное* и прямое порицаніе началъ собственности. Никитенко напоминаетъ, что онъ врагъ современныхъ законовъ о печати, но не будетъ сочувствовать *Русскому Слову* и *Современнику* даже въ случаѣ ихъ гибели. Журналы эти печатаютъ вещи «непозволительныя», «если не допустить у насъ безусловной свободы печати», прибавляетъ либеральный цензоръ [75]).

Слѣдовательно, при свободѣ печати молодые журналы не были бы преступны и Никитенко готовъ одобрить стѣснительный порядокъ именно ради нихъ. Это уже не борьба поколѣній, какъ двухъ культурныхъ силъ, это вражда и военное положеніе, не различающее средствъ уничтоженія врага.

Чувство слѣпой вражды или безнадежное непониманіе самой сущности явленій ярко блещутъ на страницахъ лучшихъ современныхъ журналовъ, умѣреннаго образа мыслей *Русскаго Вѣстника* и *Библіотеки для Чтенія.* Публицистика Каткова и Никиты Безрылова разъ навсегда вполнѣ точно опредѣлила отношенія «отцовъ» либеральной журналистики къ радикальнымъ дѣтямъ. *Взбаломученное море*, при всей грубости и наивности полемическихъ пріемовъ, превосходно отражало духъ этихъ отношеній, и статьи Каткова ничѣмъ не отличались по существу отъ непосредственно полемическихъ выходокъ романиста въ самомъ романѣ противъ его же героевъ и героинь. Разница только въ одномъ. Никита Безрыловъ велъ жестокую войну противъ воскресныхъ школъ, женскаго вопроса, безсознательно давая оружіе завѣдомымъ врагамъ всякой свободной мысли и новаго общественнаго движенія, Катковъ вполнѣ разсчитанно, по всѣмъ правиламъ политики и стратегіи, шелъ къ той же цѣли. Въ соотвѣтствіи съ идеями издателей должны были дѣйствовать и критики. Мы знаемъ ихъ —Анненковъ и Дружининъ.

Ни одинъ изъ нихъ не могъ обнаружить страсти и гнѣва, оба люди мирные, кроткіе, въ сильной степени безличные. Про нихъ нигилисты очень метко выражались: они *паслись* на зеленыхъ лугахъ *Русскаго Вѣстника* или *Библіотеки для Чтенія.* Именно паслись, и по временамъ протестующе мычали и ворчали.

Анненковъ и съ наступленіемъ нигилистической эпохи не сталъ вразумительнѣе и удобочитаемѣе, Дружининъ — оригинальнѣе и глубже. Правда, Анненковъ — этотъ богоспасаемый эстетикъ и блаженный любитель чистаго художества, сталъ толковать объ общественныхъ вопросахъ по поводу *Дворянскаго гнѣзда*. заяв-

[75]) *Записки*, 12 ноября 1865, III, 59.

[76]) *Воспом. и критич. очерки*. III, 182. Статья о *Тысячѣ душъ* въ «Атенеѣ», 1859, № 2.

лять, что «задача романа — показать читателю, куда должны обращаться его симпатіи». Онъ дошелъ даже до энергичной критики на педагогическую мудрость гр. Толстого и высказалъ дѣльную истину: «на порядочной литературѣ лежитъ обязанность не только передавать явленія съ извѣстной теплотой и живостью, но еще отыскивать, какое мѣсто они занимаютъ въ ряду другихъ явленій и какъ относятся къ высшему представленію ихъ самихъ, къ своему нравственному и просвѣтительному типу» [77]).

Но какъ далеко отъ этихъ умныхъ соображеній до всесторонняго проникновенія въ смыслъ современной литературы! Анненковъ хвалитъ Тургенева за чуткое пониманіе «невидимыхъ струй и теченій общественной мысли», но самъ совершенно не понимаетъ самой видимой и мощной струи—Базарова. Для него нигилистъ тождественъ съ Обломовымъ: оба они обладаютъ душевнымъ спокойствіемъ, невозмутимой чистотой совѣсти, твердыми правилами и оба—*наслаждаются* жизнью. Мало этого: у обоихъ героевъ даже одинаковый скептицизмъ по отношенію къ жизни... И нигилизмъ ничто иное, какъ воскресшая обломовщина [78]).

Весьма оригинально, но любопытно знать, за что же такъ ненавидѣлъ нигилистовъ редакторъ Анненковъ и почему, напримѣръ, даже рыцарственный Григорьевъ питалъ сердечную нѣжность къ Обломову и бранился именами новыхъ людей? Только въ шутку или съ цѣлью сдѣлать блистательный salto mortale въ зайцевскомъ духѣ, можно было изобрѣтать подобныя сравненія: у Анненкова они серьезны, потому что серьезно его полное и неизмѣнное непониманіе предмета.

Еще менѣе былъ приспособленъ къ пониманію движенія шестидесятыхъ годовъ Дружининъ. Что общаго между беззаботной веселостью, двусмысленными приключеніями, шаловливыми анекдотами Чернокнижникова и задачами молодого поколѣнія? Пожалуй, даже Павелъ Петровичъ Кирсановъ скорѣе могъ бы освоиться съ обязанностью поглубже вдуматься въ нигилизмъ Базарова, чѣмъ талантливый фельетонистъ для дамъ.

Раньше онъ защищалъ дамскіе жизнерадостные запросы къ литературѣ, дамскую любовь къ симпатичнымъ героямъ и утѣшительнымъ повѣстямъ, теперь онъ прикидываетъ ту же дамскую мѣрку къ популярнѣйшимъ явленіямъ литературы. Толкуя о поэзіи Некрасова, онъ не забываетъ внушить читателю: «для женщинъ, съ ихъ весьма разумнымъ и совершенно понятнымъ стремленіямъ къ міру симпатическихъ явленій нашего міра, эта поэзія или непонятна, или даже возмутительна».

---

[77]) III, 293. *Русская беллетристика въ 1863 году.*

[78]) III, 220. *Русскій Вѣстникъ*. 1859. № 16; 248—9. Ст. о Помяловскомъ, 1863 года.

Неопровержимый поводъ и для самаго критика искать всюду забавнаго и симпатичнаго! Дружининъ желаетъ «хохотать чистѣйшимъ веселымъ смѣхомъ» надъ комедіями Островскаго и не видѣть въ нихъ «никакой печальной подкладки», приходить въ жестокое негодованіе отъ «зловонныхъ паровъ» обличительной литературы, воспроизводить восторги славянофильствовавшаго *Москвитянина* предъ добротой національнаго героя — Обломова. Естественно, Бѣлинскаго критикъ признаетъ до такого же періода, какой былъ намѣченъ Григорьевымъ, т. е. Бѣлинскаго-поэта, защитника Гёте, врага Менцеля и дидактической критики, однимъ словомъ, по толкованію этихъ поклонниковъ великаго критика, Бѣлинскаго-эстетика. Измѣну чистому искусству со стороны Бѣлинскаго Дружининъ приписываетъ какимъ-то внѣшнимъ вліяніямъ и внушеніямъ «чужихъ людей». Такъ, по представленію сотрудника *Отечественныхъ Записокъ* и редактора *Библіотеки для Чтенія*, безпомощенъ былъ Бѣлинскій: кто-нибудь непремѣнно долженъ его обучать или философіи Гегеля, или скрежету зубовному [79])!

Какой судъ могъ произносить подобный мыслитель надъ литературой шестидесятыхъ годовъ? Даже Анненковъ, сравнительно съ этимъ судьей, человѣкъ очень рѣшительный и передовой. Онъ, напримѣръ, не видѣлъ, чтобы талантъ Тургенева падалъ и унижался отъ интереса автора къ современной дѣйствительностью, не могъ допустить и мысли, чтобы сатира въ русской литературѣ было явленіе временное, второстепенное и уже болѣе ненужное, а что необходимы только эпикурейскія наслажденія яснымъ и чистымъ искусствомъ [80])! По истинѣ пажескій взглядъ на *вѣчное* въ литературѣ, и—когда и по какимъ поводамъ?..

Мы понимаемъ, почему *Библіотека для Чтенія* быстро захирѣла при такомъ редакторѣ, почему сотрудничество и товарищество Писемскаго не могло остановить разложенія журнала. Онъ былъ *безразличенъ*, какъ органъ печати. Въ немъ не видѣлось идейной личности, не жило никакой волнующей общественой страсти, онъ не могъ научить читателей ничему нужному и важному, не могъ или не хотѣлъ понять даже чужихъ ученій и упорно стремился занять положеніе брюзгливаго, никѣмъ не уважаемаго и лишь кое-кому досаднаго надзирателя за чужой нравственностью и чужимъ легкомысліемъ. И онъ не представлялъ ни малѣйшей опасности для нигилистовъ и разрушителей: они только могли быть благодарны ему за обильный матеріалъ для смѣха и, если молодежь желала, для гнѣва и сатиры.

---

[79]) *Сочиненія*. VII, 488, 566, 600. 514, 636—8.

[80]) *Ib.* 294, 477—8.

Не были опасны и другіе. Сильнѣйшій между ними—*Русскій Вѣстникъ*—до такой степени поражалъ читателей пестротой своихъ публицистическихъ упражненій или такъ беззастѣнчиво поворачивалъ вправо, что даже писатели, имъ вскорѣ признанные и увѣнчанные, изобличали его въ «измѣнчивости» и въ обскурантизмѣ. Страховъ пространно доказывалъ отсутствіе ясныхъ убѣжденій у московскаго «олимпійца», Аксаковскій *День* ловилъ его на фактахъ, а Страховъ, кромѣ того, произносилъ уничтожающій приговоръ даже публицистическому таланту Каткова.

Неограниченно притязательный хозяинъ *Русскаго Вѣстника* умѣлъ отличаться однимъ лишь искусствомъ: принимать догматическій тонъ, уклоняться отъ обсужденія вопросовъ по существу, не понимать своихъ противниковъ и клеймить ихъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ. Если пріемъ не удавался, вопросы просто замазывались и объявлялись не существующими. И у Страхова не было недостатка въ примѣрахъ изумительной невѣжественности публицистики катковскихъ органовъ, особенно по вопросу о классическомъ и естественномъ образованіи. Именно здѣсь Катковъ подвизался съ особенной отвагой и именно здѣсь наговорилъ множество чисто-школьническихъ нелѣпостей. Даже Страховъ могъ достигать истиннаго остроумія, критикуя «презабавныя страницы» московскихъ классиковъ объ естествознаніи. Классики обнаруживали младенческое непониманіе предмета — до такой степени радикальное, что благонамѣренный и вѣжливый критикъ рѣшилъ обозвать ихъ «отчаянными нигилистами». Они осмѣлились отвергнуть самую возможность преподаванія естественныхъ наукъ дѣтямъ, т. е. фактъ всѣмъ извѣстный изъ германской педагогической теоріи и практики. Они вообразили, будто для описательныхъ частей естественныхъ наукъ нужны физическія и химическія свѣдѣнія, т. е. обнаружили полное невѣдѣніе методовъ естествознанія... И они же защищаютъ классическую систему, потому что она существуетъ на Западѣ! [81]).

Какое траги-комическое положеніе! Катковъ, такой громкій патріотъ, и не додумался до простѣйшей мысли: Западная Европа гораздо ближе Россіи къ древнему міру, латинскій языкъ, напримѣръ, тамъ языкъ церкви, можно ли намъ, русскимъ, усвоивать невозбранно всю школьную систему Запада? Не очевидно ли, намъ необходима собственная точка опоры, собственная руководящая нить. А еще Катковъ такой англоманъ и не усвоилъ основной англійской культурной идеи: самобытность и свободу національнаго развитія.

---

[81]) *Библіотека для Чтенія.* 1863, іюль. *Нѣчто о Русскомъ Вѣстникѣ*, октябрь. *Споръ объ общемъ образованіи.* Статья за подписью Н. Нелишко.

Впрочемъ, развѣ можно требовать послѣдовательности отъ столь ученаго и убѣжденнаго политика? Онъ, напримѣръ, еще въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ поднялъ вопль противъ умственнаго пролетаріата, т. е. противъ наплыва бѣдныхъ людей въ университеты... Даже *Отечественныя Записки* припомнили Каткову, что вѣдь онъ былъ когда-то профессоромъ университета и передовымъ человѣкомъ... Наивное напоминаніе! Будто какое бы то ни было *былъ* къ чему-либо обязываетъ, и потомъ, всякіе бываютъ способы казаться передовымъ, и ихъ очень много зналъ московскій публицистъ, одновременно политикъ англійской складки и патріотъ московскаго духа.

Такъ обстояло дѣло еще въ 1862 году; очевидно, путь лежалъ прямой и ясный. И еще очевиднѣе было, что не на этомъ пути можно уничтожить нигилизмъ въ глазахъ общества и одержать дѣйствител_ ' идейную побѣду надъ легкомысленной и злокозненной молодежью. Догматизмъ Каткова черпалъ свой авторитетъ въ единственномъ источникѣ: въ усиленномъ запугиваніи публики. Испуганный человѣкъ, какъ извѣстно, не способенъ вникать въ свои и чужія мысли и крайне легко поддается какимъ угодно призракамъ разсудка и дѣйствительности. Катковъ отлично зналъ эту психологію, и собиралъ обильную жатву.

Но эти успѣхи отнюдь не лишали нигилистическую печать читателей и поклонниковъ уже потому, что гнѣвъ и страсть Каткова даже просто безпристрастнымъ людямъ не внушали довѣрія и почтенія, и чѣмъ дальше, тѣмъ меньше. Смертная бѣда на новыхъ людей пришла не извнѣ, а возникла и развилась въ ихъ собственной средѣ, даже не возникла, а существовала съ самаго начала *дѣтскаго* періода шестидесятыхъ годовъ, т. е. послѣ смерти Добролюбова и устраненія Чернышевскаго. Въ содержаніи самихъ идей этого періода заключался зародышъ разложенія и гибели, и онѣ уже достигли рокового предѣла раньше, чѣмъ разразилась внѣшняя гроза.

XVIII.

Лѣтомъ въ 1866 году *Современникъ* и *Русское Слово* были закрыты. Общество, по свидѣтельству лица несочувствующаго, встрѣтило распоряженіе правительства съ единодушнымъ недовольствомъ. Доказательство, что либеральная и всякая другая печать нисколько не подорвала популярности нигилистическихъ журналовъ и не достигла бы цѣли, вѣроятно, еще очень долго. Но въ нѣдрахъ самихъ редакцій уже совершался процессъ, въ высшей степени знаменательный.

Предъ нами будто отраженіе исторіи Базарова. Тургеневскаго

героя настигаетъ смерть при крайнемъ напряженіи его нравственныхъ силъ, при мучительномъ душевномъ разладѣ. Онъ успѣваетъ впасть въ пессимизмъ, разочарованіе, снизойти даже до резонерства и романтическихъ жестокихъ настроеній. Онъ говоритъ общими мѣстами, имъ овладѣваетъ чувство безпредметной злобы. Онъ будто перестаетъ знать, куда дѣвать себя, и не видитъ смысла въ дальнѣйшей жизненной комедіи.

Нѣчто подобное совершается въ нигилистическомъ мірѣ предъ гибелью его органовъ. Одинъ изъ первостепенныхъ его вдохновителей—Благосвѣтловъ—обнаружилъ эволюцію, явно противорѣчившую основнымъ символамъ направленія. По свидѣтельству Шелгунова, онъ постепенно превратился въ хозяина-буржуа, сталъ угнетать своимъ деспотизмомъ сотрудниковъ, рабочихъ по типографіи. *Двойственность* немедленно отразилась и на журналѣ. Благосвѣтловъ, стяжавшій богатство, началъ обижаться статьями объ эксплуатаціи, всякой защитой тружениковъ и мужиковъ. Статьи онъ печаталъ, но будто считалъ ихъ укоромъ себѣ и былъ бы очень доволенъ, если бы сотрудники не касались подобныхъ вопросовъ. Не къ лицу было ратовать за пролетарія нигилисту, жившему въ роскоши, имѣвшему дома, имѣніе, собственную карету и даже негра-лакея.

Естественно, столь неидейное превращеніе внесло разладъ въ среду сотрудниковъ журнала. Писаревъ отзывался о Благосвѣтловѣ съ явнымъ презрѣніемъ, не оставался въ долгу и Благосвѣтловъ. Наконецъ, зимой 1865 года Писаревъ и Зайцевъ рѣшили устроить coup d'état, смѣстить Благосвѣтлова и вмѣстѣ съ Шелгуновымъ взять въ свои руки журналъ. Шелгуновъ обращаетъ вниманіе, что въ это же время такой же разладъ происходилъ и въ *Современникѣ:* тамъ сотрудники также намѣревались устранить Некрасова... «Разладъ и разъединеніе,—заканчиваетъ разсказчикъ,—чувствовались вездѣ и во всемъ...»

Это—неизмѣримо важнѣе всякой внѣшней вражды. Благосвѣтловъ, занимая центръ смутныхъ происшествій, писалъ: «Плохо наше молодое поколѣніе»... Какъ возликовалъ бы Катковъ, услышавъ этотъ приговоръ!

Но ликованіе вышло бы опрометчивымъ. Благосвѣтлову было позволительно негодовать на «молодое поколѣніе»: лучшіе его представители переставали его уважать и слѣдовать за нимъ. На самомъ дѣлѣ поколѣніе считало въ своей средѣ людей рѣдкой энергіи и талантливости, и именно они создали благополучіе Благосвѣтлова. Безъ нихъ, т. е. безъ работы Писарева, Зайцева и другихъ, онъ не былъ бы издателемъ популярнѣйшаго журнала своего времени и не ѣздилъ бы въ каретахъ. Очевидно въ молодомъ поколѣніи была сила—именно сила *свободнаго и убѣж-*

деннаго слова. Она чарующе дѣйствовала на молодежь, она захватывала и подчиняла все, умѣвшее желать и стремиться, она, заключавшаяся только въ *словѣ*, самыми своими крайностями возбуждала нравственную энергію у людей, обдѣленныхъ положеніемъ, званіемъ и всякими другими привилегированными благами. И мы, осуждая «перлы и адаманты» журнальной полемики шестидесятыхъ годовъ, не должны забывать, какое впечатлѣніе должна была производить независимая страстная рѣчь человѣка съ однимъ литературнымъ именемъ на среду, еще вчера крѣпостническую и чиновническую. Да, здѣсь была сила, и весьма значительная.

Но была и слабость, было плохое, по своимъ отрицательнымъ качествамъ, не уступавшее достоинствамъ силы.

Не представляло непоправимаго несчастія превращеніе Благосвѣтлаго въ буржуа и капиталиста: блескъ *Русскаго Слова* не имъ создавался. Онъ весьма многое внушилъ своимъ сотрудникамъ, но всѣ внушенія уже были усвоены, Писаревъ и Зайцевъ закончили кругъ своего развитія и могли дѣйствовать безъ руководителя и наставника,—*Русское Слово* и безъ Благосвѣтлова осталось бы на прежнемъ уровнѣ талантливости и занимательности для своей публики.

Такъ слѣдовало бы предполагать, и такъ думали сами Писаревъ и Зайцевъ. На самомъ дѣлѣ эти думы свидѣтельствовали только о печальнѣйшемъ заблужденіи и самообольщеніи друзей.

Мы только-что сказали: «закончили кругъ своего развитія»; это жестокая, въ полномъ смыслѣ трагическая правда о молодыхъ талантахъ. Писаревъ и Зайцевъ успѣли истощить всѣ свои идеи, еще до разлада съ Благосвѣтловымъ. Недаромъ Зайцевъ утверждалъ, что уже въ тридцать лѣтъ человѣкъ «перестаетъ развиваться». Чисто-нигилистическая психологія! Она могла утѣшать двадцати-пяти-лѣтнихъ героевъ и снабжать ихъ даже «научнымъ» презрѣніемъ къ менѣе молодымъ ученымъ, но она въ то же время доказывала, какъ наивно, дѣтски-самонадѣянно представлялась юнымъ героямъ самая идея развитія и какъ просто, въ порывѣ горячаго воображенія, давался имъ какой угодно прогрессъ и какая угодно истина.

И истины имъ дѣйствительно давались легко,—легче, чѣмъ какому бы то ни было другому русскому поколѣнію. Въ философіи матеріализмъ освободилъ ихъ отъ труднѣйшихъ задачъ психологіи, нравственности и даже естествознанія, въ искусствѣ—отрицаніе художественнаго творчества, и чувства—избавило ихъ отъ необходимости «изучать» художниковъ, ихъ психологію, ихъ личности и ихъ произведенія. Такое развитіе, несомнѣнно, чрез-

вычайно просто и постигнуть его можно даже и до пятнадцатилѣтняго возраста.

Но, къ сожалѣнію, отрицать не всегда значитъ уничтожать: психологія и искусство не только продолжали существовать послѣ *Антропологическаго принципа* и *Разрушенія эстетики*, но создали лучшія страницы въ произведеніяхъ самихъ отрицателей. Не помогли никакія заклинанія: Тургеневъ художникъ становился драгоцѣннѣйшимъ учителемъ гонителей художества и даже вызывалъ среди нихъ непримиримыя междоусобицы.

Очевидно, путь былъ взятъ ложный и на столько кривой, что по немъ даже оказалось невозможнымъ идти при самомъ искреннемъ желаніи.

Это понимали шестидесятники-отцы. Они умѣли быть благодарными художественному творчеству и въ высшей степени искусно пользоваться имъ для своихъ просвѣтительныхъ цѣлей. Они и оставили незабвенные завѣты русской критикѣ. Они закончили ея теорію вполнѣ послѣдовательно и навсегда непоколебимо.

Къ этой теоріи стремилась русская литература съ своихъ первыхъ шаговъ, она всегда и при всякихъ условіяхъ желала быть нужной и важной, правдивой и поучительной. На сколько она вдохновлялась національнымъ духомъ, оставалась свободной отъ чуждыхъ ей теорій и руководствъ,—она достигала этой цѣли. Она искренне и честно воспроизводила жизнь и была незамѣнимо полезна жизни. Она сливала въ себѣ двѣ основныхъ стихіи вѣчнаго художественнаго творчества: реализмъ и идеализмъ. Она не извращала дѣйствительности въ угоду искусственно-развитому вкусу, и не забывала высшихъ нравственныхъ задачъ писательскаго слова. Она—въ лицѣ своихъ великихъ дѣятелей—была одновременно и наукой, и моралью, независимо отъ тенденцій и эстетическихъ школъ. Жгучая, до болѣзненности напряженная мечта Гоголя—*послужить своей родинѣ на поприщѣ писателя*—основная, истинно-національная задача всякаго русскаго художественнаго дарованія. И она должна была сообщить опредѣленный характеръ и русской критикѣ, вызвать къ жизни особый національный типъ русскаго эстетика.

Онъ съ самаго начала явился политикомъ, моралистомъ, философомъ и менѣе всего эстетикомъ въ западно-европейскомъ смыслѣ слова. Таковымъ онъ выступалъ на сцену только въ не-національные періоды русской литературы. Тогда и творческимъ, и умственнымъ силамъ приходилось бороться съ теоретическимъ насиліемъ, съ большими усиліями сбрасывать цѣпи и путы эстетической системы. Исходъ борьбы не подлежалъ ни малѣйшему сомнѣнію, если только въ нравственный міръ русскаго народа дѣйствительно входилъ свободный творческій геній. Кратковре

менная, но по истинѣ блестящая исторія литературы разрѣшила вопросъ положительно и заставила даже западные народы признать силу и оригинальность рѣшенія.

Наравнѣ съ геніальными художниками русская литература выработала также типъ національнаго критика. Работа въ этомъ направленіи шла гораздо медленнѣе—согласно психологическому закону: самопознаніе—высшій актъ духовной дѣятельности. Отдѣльныя черты типа стали обнаруживаться очень рано: публицистика съ самаго начала завладѣла критикой, но одного публицистическаго дарованія не достаточно для писателя, призваннаго судить и истолковывать произведенія искусства.

Русская литература въ области творчества высшій идеалъ явила въ лицѣ художника мыслителя, поэта-гражданина; этимъ самымъ она опредѣлила и совершенный типъ критика-мыслителя, одареннаго глубокимъ художественнымъ чувствомъ, музыкальной отзывчивостью на непосредственную, жизненную красоту искусства.

И первымъ такимъ критикомъ былъ Бѣлинскій, и онъ навсегда останется образцомъ національнаго русскаго критика. Это не значитъ, будто въ дѣятельности Бѣлинскаго нѣтъ ни единаго пробѣла и недостатка и будто онъ, какъ писатель, высшій идеалъ для своихъ наслѣдниковъ. Это было бы невѣроятно и исторически немыслимо. Дѣйствительность дореформенной Россіи не могла не оказать печальныхъ вліяній на судьбу какого угодно генія, и Бѣлинскій, можетъ быть, единственный по даровитости среди всѣхъ европейскихъ критиковъ, стоитъ позади многихъ по образованности, т. е. по количеству свѣдѣній. Исключительными усиліями доставались русскому писателю тѣ самыя сокровища науки и цивилизаціи, какія находились въ полномъ распоряженіи у всякаго культурнаго европейца. Отсюда продолжительныя мучительныя исканія истинъ, при другихъ общественныхъ условіяхъ доступныхъ безъ всякаго труда, въ силу общаго высокаго уровня образованности и просвѣщенія. Отсюда истинно подвижническій путь, требовавшій часто сверхчеловѣческой нравственной выносливости и преждевременно оборвавшій страстную вдохновенную дѣятельность. И дѣло Бѣлинскаго осталось незаконченнымъ, его великое дарованіе не имѣло должнаго простора и не получило сполна необходимаго оружія отъ современной науки, но какъ личность и какъ писатель онъ останется въ исторіи русской культуры идеальнымъ типомъ критика, мыслителя-художника, идеалиста-практика, и каждая новая прогрессивная эпоха русской національной общественной мысли будетъ вспоминать о немъ, какъ о своемъ предшественникѣ и учителѣ.

Это осуществилось въ первую же такую эпоху—въ шестиде

сятые годы. Она начала съ усвоенія завѣтовъ Бѣлинскаго, съ распространенія и развитія его идей, она, подобно ему, также стремилась учить и просвѣщать общество путемъ истолкованія произведеній искусства. И тамъ, гдѣ она шла путемъ Бѣлинскаго, тамъ ея дѣятельность положительное достояніе русскаго самосознанія, прочныя основы его дальнѣйшему движенію. Чернышевскій, какъ положительный мыслитель безъ матеріалистическихъ увлеченій, и Добролюбовъ, какъ реальный эстетикъ, какъ истолкователь общественнаго и нравственнаго содержанія и смысла художественнаго творчества, прямые историческіе наслѣдники Бѣлинскаго.

Но тоже стремленіе учить и самымъ прямымъ путемъ достигнуть возможнаго развитія и яснаго пониманія вещей увлекло младшихъ дѣятелей эпохи за предѣлы науки и разума. Мы говорили о логической правоспособности радикализма, мы не можемъ отрицать и исторической основы явленія. Всѣ крайнія, совершенно нереальныя и практически безцѣльныя теоріи Писарева и его единомышленниковъ исторически связаны съ исконнымъ основнымъ принципомъ русской писательской природы учить и развивать. Историческія судьбы русскаго народа этотъ принципъ возвели на степень идеальнаго гражданскаго призванія и неотъемлемаго нравственнаго долга. И новые люди загорѣлись страстью немедленно нѣсколькими идеями и статьями возместить для русскаго общества десятилѣтія умственной косности и гражданскаго рабства. Все должно служить задачамъ обученія и развитія: недаромъ первоучитель такъ восторженно воспѣвалъ въ своемъ романѣ именно развитіе и показывалъ новыхъ людей, ставшихъ новыми въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, послѣ умныхъ бесѣдъ и дѣльныхъ книгъ. Самъ Рахметовъ чрезвычайно просто изъ обыкновеннаго хорошаго гимназиста превратился въ «особеннаго человѣка». Сначала познакомился съ умной головой, съ Кирсановымъ, послушалъ его въ теченіе вечера, плакалъ, восклицалъ, по его совѣту накупилъ книгъ, читалъ безъ перерыва 82 часа, потомъ проспалъ на полу часовъ 15. «Черезъ недѣлю онъ пришелъ къ Кирсанову, потребовалъ указаній на новыя книги, объясненій, подружился съ нимъ, потомъ черезъ недѣлю подружился съ Лопуховымъ, черезъ полгода, хоть ему было только 17 лѣтъ, а имъ ужъ по 21 году, они уже не считали его молодымъ человѣкомъ сравнительно съ собою, и ужъ онъ былъ особеннымъ человѣкомъ».

Соблазнительнѣйшая и, главное, какая простая исторія! И ее, то именно задались цѣлью осуществить молодые читатели *Что дѣлать?* на своихъ читателяхъ. Было ли здѣсь время изучать и разбирать художественныя, да и всякія другія произведенія?

Успѣть бы только нажить фактовъ, «явленій жизни»! И, естественно, искусство во всей своей сложности и глубинѣ отошло совсѣмъ на задній планъ и уступило мѣсто конспектамъ, программамъ, обозрѣніямъ и неугомонной войнѣ за всѣ эти конспекты и программы. Во имя фактовъ былъ устраненъ величайшій фактъ, во имя развитія нанесенъ ударъ могучему орудію цивилизаціи и просвѣщенія, во имя реализма разрушена цѣльность естественной человѣческой психологіи.

И пути новыхъ людей для русскаго прогресса оказались блудными, слѣпыми путями. Путниковъ толкнули на нихъ благородныя цѣли, но въ борьбѣ за свѣтъ и свободу людямъ мало одного благородства; столь же необходимо еще строго обдуманная оцѣнка жизнеспособности и плодотворности благородной задачи, наравнѣ съ чистотой сердца необходимо вдумчивое самосознаніе. Рыцарь идеи долженъ быть мудрецомъ жизни и въ одинаковой степени обладать силой логическаго мышленія и историческаго смысла.

Новые люди, неумолимые и неотразимые идеологи, не могли въ полгода стать историками и не въ состояніи имъ были помочь даже двадцатилѣтнія, «особенно умныя головы». И ихъ стремительность, пережитый ими взаимный разладъ и личное идейное оскудѣніе съ новой силой подтвердили вѣчный законъ закономѣрнаго культурнаго прогресса и еще рѣзче опредѣлили исторически выработанные принципы русской критики.

Эти принципы, окончательно установленные дѣятельностью Добролюбова, подверглись суровому испытанію при его преемникахъ, безгранично рѣшительныхъ и увлекательно даровитыхъ. Зданіе доказало свою прочность и въ будущемъ ему врядъ ли грозитъ такой бурный, такой самоувѣренный натискъ. Шестидесятые годы закончили кругъ принципіальнаго развитія русской критики, представили блестящіе наглядные примѣры, какъ должны осуществляться принципы: будущее открыто и ясно. Нѣтъ ничего сильнѣе теоріи и жизненнѣе ученія, оправданныхъ историческимъ опытомъ, нѣтъ ничего реальнѣе идеи, выработанной тяжелымъ но свободнымъ историческимъ процессомъ: именно таковы основы русской критики, таковы ея преданія и надежды.

Ив. Ивановъ.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

1.

Пѣвецъ Германіи! Народу
Воспой германскую свободу,
Душою нашей овладѣй!
Какъ звукомъ марша боевого,
Сзывай для подвига благого—
Могучей пѣснею своей.

—

Не хнычь, какъ Вертеръ—цѣлью жизни
Шарлотту сдѣлавшій! Въ отчизнѣ
Все тò, чтò колоколъ вѣщалъ—
Провозгласи передъ толпою,
И рѣчь твоя пускай собою
Разитъ, сверкая, какъ кинжалъ!

—

Конецъ идилліи прекрасной!
Не будь цѣвницей сладкогласной,
Трубою будь въ родномъ краю.
Греми, какъ громъ, своею рѣчью;
Будь грозной пушкой, будь картечью,
Труби, рази, круши въ бою!

—

Круши, рази, какъ грозный мститель,
Пока послѣдній притѣснитель
Еще упорствуетъ въ борьбѣ.
Служи лишь въ этомъ направленьѣ, —
И откликъ вѣрный пѣснопѣнья
Во всѣхъ сердцахъ найдутъ себѣ.

2.

Подъ траурнымъ парусомъ челнъ мой
Уносится въ бурное море;

Ты знаешь, какъ я опечаленъ,
И все жъ причиняешь мнѣ горе.

—

Ты сердцемъ измѣнчивѣй вѣтра,
Шумящаго тамъ, на просторѣ.
Подъ траурнымъ парусомъ челнъ мой
Уносится въ бурное море.

3.

Надъ прибрежьемъ сумракъ ночи
Опустился въ тишинѣ;
Выплылъ мѣсяцъ изъ-за тучи,
Говоритъ волна волнѣ:

—

— Этотъ путникъ—онъ безумецъ,
Или, можетъ быть, влюбленъ?
Онъ и веселъ, и печаленъ,
И груститъ, и счастливъ онъ.—

—

Съ высоты смѣется мѣсяцъ,
Звонко молвитъ онъ въ отвѣтъ:
— Онъ—безумецъ и влюбленный,
Да и сверхъ того—поэтъ!

О. Чюминой.

ПЕРЕВОДНЫЕ РАЗСКАЗЫ.

I.

НОВОРОЖДЕННЫЙ.

Изъ разсказовъ переселенца *). **А. Агароняна.**

Переводъ съ армянскаго.

Была темная, мрачная ночь. Небо заволокло тучами. Мелкія капли дождя падали и падали, точно скорбныя слезы по умершемъ. Да и небо глядѣло грустно; быть можетъ, это были и въ самомъ дѣлѣ слезы, которыя проливало сострадательное небо.

Вся наша деревня выселялась, или, вѣрнѣе сказать, жители ея бѣжали, спасая свои головы. Грудныя дѣти засыпали, прижавшись къ груди своихъ матерей, болѣе взрослыя пристроились на плечахъ и спинахъ своихъ отцовъ, а тѣ, которыя могли идти сами, уцѣпились за руки родителей, и мы тронулись въ путь.

У всѣхъ лица были траурныя, точно это было похоронное шествіе. Когда же мы проходили мимо кладбища нашей деревни, всѣ плакали навзрыдъ. Легко ли сказать? Вѣдь тутъ лежали рядкомъ, одинъ возлѣ другого, наши дѣды, отцы и много дорогихъ существъ, и мы оставляли ихъ, быть можетъ, навсегда. Намъ казалось, что они всѣ живы и мы покидаемъ ихъ одинокихъ, беззащитныхъ, оставляя въ рукахъ негодяевъ!.. Однако, мы завидовали имъ; они были счастливѣе насъ— имъ не довелось пережить съ нами эти черные дни, очевидно, они были безгрѣшны—умерли и успокоились.

Всю ночь мы шли подъ дождемъ, измокшіе, усталые и голодные.

— Мамочка, холодно, я зябну!—слышались со всѣхъ сторонъ голоса дрожавшихъ отъ холода дѣтей.

---

*) Сюжетъ разсказа взятъ изъ жизни турецкихъ армянъ, бѣжавшихъ въ Россію во время послѣднихъ избіеній. *Прим. перев.*

— Негодный, замолчи, неровенъ часъ, «они» придутъ и унесутъ тебя,—отвѣчали имъ старшіе.

Слово «они» имѣло магическое дѣйствіе. Несчастныя дѣти испуганными глазами всматривались въ ночную мглу и, прижавшись ближе къ родителямъ, молча двигались впередъ. Многія изъ нихъ, однако, не могли идти дальше отъ усталости и холода и падали; тогда старшимъ приходилось брать ихъ на руки и снова продолжать путь.

Всѣ смолкли. Мы шли мимо деревни врага; это было гнѣздо звѣрей—логовище кровожадныхъ гіенъ! Надо было остерегаться, не дай Богъ, если они проснутся отъ нашего шума—тогда всѣ мы погибли.

Мы идемъ чуть слышно, еле дыша, и съ ужасомъ смотримъ на небо, стараясь отгадать, какой часъ ночи? Успѣемъ ли мы благополучно пройти эти страшныя мѣста?

Небо мрачно; не видно ни одной звѣздочки; темныя тучи висятъ надъ нами и дождь продолжаетъ идти по прежнему. Господи, какъ сильно намъ хотѣлось, чтобы ночь эта продлилась дольше! Никто, кажется, не любилъ никогда такъ сильно мракъ, какъ любили его мы въ эту минуту, ему была поручена вся наша будущность, все счастье и судьба дѣтей нашихъ. Мы страшились свѣта. Но путь еще длиненъ, мы подымаемся на горы, спускаемся въ лощины, пересѣкая рѣченки и горные ручьи и все время хранимъ гробовое молчаніе; опасность еще не миновала, мы только что прошли деревню злодѣевъ.

Вдругъ, въ общей тишинѣ раздается крикъ грудного ребенка; всѣхъ насъ охватываетъ ужасъ. Ребенокъ кричитъ, надо зажать ему ротъ, не то злодѣи проснутся и всѣхъ насъ перерѣжутъ.

— Зажми ему ротъ, зажми!—слышатся со всѣхъ сторонъ сдержанные голоса.—Ради Бога, пусть замолчитъ!

Но испуганная мать онѣмѣла, она прилагаетъ всѣ усилія, чтобы успокоить ребенка, но онъ все-таки кричитъ. Какъ ей зажать ему ротъ! Развѣ мать способна задушить свое родное дитя, свое сокровище? Она скорѣе согласится броситься съ вершины горы, разбиться, умереть, чѣмъ убивать свое родное дитя.

Ребенокъ кричитъ громче, усиливая общій страхъ.

Наконецъ, чувство самосохраненія, властвовавшее въ эту минуту надъ всѣми, заглушило все, кромѣ жажды спасенія. Мгновенно нѣсколько рукъ потянулось къ ребенку, еще минута и онъ замолкъ бы на вѣки.

Мать поняла это движеніе: какъ свирѣпая тигрица, стала защищать она свое дитя; но, видя свое безсиліе, она начала молить о пощадѣ; наконецъ, изъ груди несчастной вырвался вопль отчаянья и она, прижавши дитя къ своей груди, ринулась на землю, прикрывъ собою свое дорогое сокровище. Это спасло ребенка—онъ замолкъ и мы двинулись дальше.

Однако, крикъ ребенка и шумъ засуетившихся бѣглецовъ даромъ не прошли: изъ деревни врага поднялся зловѣщій лай собакъ.

Передъ нами высилась гора-великанъ съ бѣлоснѣжной вершиной.

— Ребята, ради всего святого, прибавьте шагу; только бы перейти намъ эту гору и мы спасены! Тамъ-то ужъ насъ не зарѣжутъ,—приговаривали шопотомъ старики.

Мы уже у горы; идемъ быстрѣе; подъемъ труденъ. Подымаясь мы безпрестанно оглядываемся назадъ, туда, гдѣ оставили звѣрей, спящихъ въ своихъ логовищахъ. Но тамъ началось движеніе, крикъ ребенка натворилъ бѣды, очевидно, деревня проснулась. Среди ночной тишины до насъ стали доноситься ругань и угрозы, точно вся деревня поднялась на ноги. Охваченные ужасомъ, мы смотримъ назадъ и въ ночной темнотѣ зоркій глазъ различаетъ какія-то движущіяся тѣни; голоса приближаются, слышится бряцанье оружія...

— Бѣда, спасайтесь!—кричатъ всѣ въ одинъ голосъ.

Но гора высока, нѣтъ конца подъему. Страхъ и усталость дѣлаютъ свое дѣло—усталыя дѣти и женщины падаютъ, потерявъ послѣднія силы.

Среди женщинъ обращаетъ на себя особое вниманіе, своей слабостью, одна изъ нихъ—бѣдняжка вскорѣ должна сдѣлаться матерью. Она старается не отставать отъ другихъ, но ей трудно идти, притомъ же у нея на рукахъ ребенокъ двухъ или трехъ лѣтъ.

На нее обратила вниманіе одна изъ старухъ.

— Братцы!—произнесла она,—помогите Зекрутъ *), вѣдь несчастная еле двигается!

Одинъ изъ молодцовъ поспѣшилъ къ ней на помощь и, взявъ у нея ребенка, продолжаетъ подыматься выше.

— Господи, чего имъ еще нужно отъ насъ?—восклицаетъ одинъ изъ стариковъ.—Неужели они завидуютъ и жизни нашей? Вѣдь у насъ ничего больше не осталось...

Непріятель подъ горой; мы бѣжимъ, сколько есть силъ. Гулко раздаются въ горахъ плачъ дѣтей, вопль и стонъ женщинъ. Паника усиливается.

Но вотъ больная присѣла, испустивъ страшный крикъ; голосъ ея повторился эхомъ далеко въ горахъ.

Несчастная не въ силахъ была идти дальше, наступилъ часъ страданій... Теперь несчастіе наше было полное: кто бы могъ подумать, что сама природа способна смѣяться надъ людьми, и безъ того гонимыми судьбою!..

Быть можетъ, страданія бѣдняжки начались давно и она мучилась отъ болей всю ночь, но со свойственной женщинѣ выносливостью превозмогла все, употребивъ для этого нечеловѣческія усилія. Она молча переносила жестокія страданія, но наконецъ не выдержала; да и какъ могла она противиться самой природѣ?..

---

*) Армянское женское имя.

Больная лежитъ безъ силъ, изнуренная... Однако, все же надо бѣжать—другого выхода нѣтъ, за нами погоня, негодяи могутъ настигнуть насъ. Мужъ больной, взявъ ее подъ руки, тащитъ вверхъ, на гору. До вершины недалеко. Тамъ спасенье, тамъ, на свободной землѣ безсиленъ непріятель; онъ не осмѣлится переступить границу, тамъ не убиваютъ, не рѣжутъ.

Всесильна надежда, но и ужасъ творитъ чудеса. Позади насъ опасность, тутъ же вблизи спасенье, мы забыли обо всемъ и спѣшимъ туда наверхъ.

Среди этой паники снова послышался ужасный крикъ и обезсиленная женщина, вырвавшись изъ рукъ мужа, упала на землю.

Минута была страшная, но и торжественная, свершалась одна изъ высокихъ священныхъ тайнъ человѣческой жизни. Случай вышелъ настолько неожиданный и въ тоже время трогательный, что многіе изъ насъ, не смотря на ужасъ охватившій всѣхъ, остановились, точно окаменѣлые, въ ожиданіи конца родовъ.

Было ли это чувство состраданія къ страждущей женщинѣ, или благоговѣніе къ великому дѣлу природы, не знаю, но мы не двигались съ мѣста.

Казалось, если въ этотъ величественный часъ мы оставимъ несчастную одну, съ новорожденнымъ среди необитаемыхъ горъ, то великанъ-скала разверзнется и поглотитъ насъ, или разразятся надъ нами громъ и молнія, ниспосланныя всемогущимъ небомъ, чтобы убить, уничтожить насъ.

Дивное зрѣлище представляла гора въ эту минуту: тамъ бѣглецы спѣшатъ на вершину, внизу, у подножія горы, суетится кровожадный непріятель, готовый растерзать насъ, а на склонѣ ея группа женщинъ окружила родильницу, поодаль стоятъ угрюмо и молча мужчины, а надъ всѣмъ этимъ царитъ мракъ.

Мы надѣемся, что скоро все кончится и мы тронемся въ путь. Насъ раздѣляетъ отъ непріятеля большое разстояніе, не добраться имъ скоро до насъ. По временамъ, эхо разноситъ крики и стонъ больной; это насъ сильно тревожитъ.

Положеніе наше невыносимо - выжидательное, отчаянное положеніе! Мы ждемъ не болѣе 2 — 3 минутъ, но намъ кажется, что если придется ждать еще минуту, то истомятся, разорвутся наши сердца...

— Уа, уа! — послышался вдругъ первый крикъ новорожденнаго и исчезъ въ невидимой дали горъ и скалъ. Появилось на свѣтъ Божій новое существо, чтобы жить и пользоваться жизнью.

Дождь давно пересталъ идти. На небѣ загорѣлись тысячи звѣздъ. Холодъ разсвѣта даетъ о себѣ знать. Рѣзкій вѣтеръ пронизываетъ голое тѣльце младенца, онъ дрожитъ и ежится. Надо спеленать его, надо пригрѣть чѣмъ-нибудь его озябшее тѣльце, но чѣмъ? Гдѣ взять?

Мы сами всѣ почти голы, всѣ покрыты какими-то лохмотьями и коченѣемъ отъ стужи.

Едва одна изъ женщинъ успѣла завернуть младенца въ какое-то отрепье, какъ вблизи послышались голоса непріятеля, еще нѣсколько минутъ и они насъ настигнутъ. Мы были въ ужасѣ, каждый заботился о своемъ спасеніи и намъ едва удалось унести на рукахъ больную.

Мы почти у вершины. «Уа, уа!» раздалось внизу, и тогда только мы замѣтили, что никто не взялъ ребенка. Среди общей паники онъ былъ забытъ. Каждый изъ насъ, вѣроятно, думалъ, что ребенка возьметъ другой, но никто не поднялъ несчастнаго.

Одинъ, беззащитный, покинутый всѣми остался онъ въ травѣ, на груди великана-горы, испуская жалобные крики. Казалось, блѣяла овечка, оставленная во власти волковъ; но этотъ призывъ о помощи никого изъ насъ не тронулъ.

Кто рѣшился бы снова спуститься внизъ?..

Мы продолжали свой путь, а ребенокъ не переставалъ жалобно кричать. Кто защититъ его, согрѣетъ..

Вотъ, наконецъ, мы на самой вершинѣ. Мы спасены. Пора отдохнуть. Родильницу положили на землю, она понемногу стала приходить въ себя.

«Уа, уа!» донесся снова снизу уже замирающій крикъ ребенка, и какъ ни была слаба мать, все же этотъ крикъ былъ ею услышанъ Бѣдняжка осмотрѣлась кругомъ и поняла свое несчастіе. Она сдѣлала, было, попытку подняться, но тутъ же безсильно упала.

— Вотъ какова судьба твоя, дитя мое,—прошептала мать, и двѣ крупныя слезинки покатились по ея исхудалымъ, блѣднымъ щекамъ.

Прошло нѣсколько часовъ. Востокъ загорѣлся багровымъ свѣтомъ. Первые лучи солнца, упавъ на дальнія горы, освѣтили ихъ туманныя вершины.

Деревня изверговъ, вся утопавшая въ дыму, виднѣлась издали. На горѣ и внизу не видно было никого, надо полагать, они вернулись къ себѣ, считая погоню безцѣльной. Давно уже замолкли и крики новорожденнаго. Проклятые! должно быть, унесли его.

Однако, двое изъ насъ спустились внизъ, къ мѣсту, гдѣ былъ оставленъ ребенокъ. Остальные съ нетерпѣніемъ ждали ихъ прихода. Вскорѣ, ушедшіе вернулись, неся съ собою окоченѣлый трупъ младенца. Холодный, ночной вѣтеръ умчалъ съ собою къ небесамъ послѣднее дыханіе несчастнаго...

Молча глядѣли мы на трупъ ребенка, положенный на зеленую травку. Какъ ни велико было наше общее несчастіе, какъ ни привычна была для насъ смерть дорогихъ намъ людей, все же изъ нашихъ высохшихъ глазъ упало нѣсколько капель слезъ и на этотъ маленькій трупъ.

Своими палками мы выкопали могилку для невиннаго существа, которое родилось на склонѣ горы для того лишь, чтобы быть погребеннымъ на вершинѣ ея.

Засыпавъ могилку и начертавъ на ней крестъ концомъ палки, мы прошептали: «Ты много счастливѣе насъ»...

Н. Кара-мурза.

II.

ЧЕРНЫЕ ХЛѢБЫ.

Разсказъ **Анатоля Франса**.

Переводъ съ французскаго.

Жилъ въ славной Флоренціи банкиръ Николай Нерли. Когда звонили къ утрени, онъ уже сидѣлъ за своимъ бюро; когда звонили къ вечернѣ, онъ сидѣлъ тамъ же, и цѣлый день онъ вносилъ суммы въ свои счетныя книги. Николай Нерли ссужалъ деньгами императора и папу. И если не давалъ взаймы чорту, то изъ страха, какъ бы не потерять своихъ денегъ, заводя дѣла съ тѣмъ, кого не даромъ зовутъ злымъ духомъ, кто такъ богатъ на всякія хитрости. Нерли былъ человѣкъ рѣшительный и недовѣрчивый. Онъ собралъ много богатствъ и обобралъ многихъ людей. Вотъ почему онъ былъ такъ уважаемъ во Флоренціи.

Жилъ онъ во дворцѣ; свѣтъ Божій туда проникалъ лишь черезъ узкія окна, и это было благоразумно; жилище богача должно быть какъ крѣпость; тѣ, кто обладаетъ большимъ состояніемъ, поступаютъ мудро, защищая силой то, что собрали хитростью. Поэтому, дворецъ Нерли былъ снабженъ рѣшетками и цѣпями. Стѣны во дворцѣ были разрисованы искусными мастерами; тутъ были представлены добродѣтели подъ видомъ женщинъ, патріархи, пророки и цари израильскіе. Ковры въ комнатахъ изображали анекдоты объ Александрѣ и Тристанѣ, какъ они разсказаны въ романахъ.

Благочестивыми сооруженіями Нерли далеко распространилъ славу о своихъ богатствахъ. За чертой города онъ поставилъ больницу; на ея стѣнахъ, въ краскахъ и барельефѣ, были представлены самыя славныя дѣла изъ его жизни. На окончаніе собора святой Маріи Новой онъ пожертвовалъ значительную сумму денегъ, въ благодарность за это его портретъ виситъ на хорахъ храма. Онъ былъ изображенъ

со сложенными на груди руками, колѣнопреклоненный у ногъ Пресвятой Дѣвы. Безъ труда узнавали на портретѣ его красную шерстяную шапочку, тунику, подбитую мѣхомъ, его желтое, заплывшее жиромъ лицо и маленькіе живые глазки. По другую сторону Дѣвы стояла въ молитвенно-покорной позѣ его добродушная жена Мона; ея честное, печальное лицо говорило, что отъ нея никто не уходилъ неутѣшеннымъ.

Николай Нерли былъ одинъ изъ первыхъ гражданъ въ городѣ. Онъ никогда не говорилъ противъ законовъ республики; онъ не заботился ни о бѣдныхъ, ни о тѣхъ, кого временная власть приговаривала къ ссылкѣ или штрафу; а потому въ глазахъ магистрата ничто не умаляло общаго уваженія, которое онъ снискалъ своимъ большимъ богатствомъ.

Однажды, въ зимній вечеръ, Николай Нерли возвращался въ свой дворецъ позже обыкновеннаго. На порогѣ у дверей его окружила толпа нищихъ; полуодѣтые, они протягивали къ нему руки. Съ грубой бранью прогналъ онъ ихъ отъ себя. Но отъ голода несчастные сдѣлались дерзкими, освирѣпѣли, какъ волки. Они образовали около него кругъ и жалобнымъ, охрипшимъ голосомъ просили хлѣба. Нерли уже нагнулся, чтобы поднять камень и бросить въ нихъ, какъ замѣтилъ своего слугу съ корзиной хлѣба на головѣ; хлѣбъ предназначался для служащихъ на кухнѣ, конюшнѣ и въ саду. Нерли сдѣлалъ знакъ хлѣбодару подойти и, набравъ изъ корзины полныя руки хлѣбовъ, онъ бросилъ ихъ несчастнымъ. Потомъ, войдя къ себѣ въ домъ, онъ легъ въ постель и заснулъ. Во время сна его поразилъ апоплексическій ударъ; онъ умеръ такъ внезапно, что еще считалъ себя въ постели, когда увидалъ передъ собою, въ мѣстѣ, лишенномъ свѣта, святаго Архангела Михаила, освѣщеннаго сіяніемъ, исходившимъ отъ его тѣла.

Архангелъ съ вѣсами въ рукахъ нагружалъ чашки вѣсовъ. Николай Нерли на болѣе тяжелой чашкѣ узналъ драгоцѣнности вдовъ, которыя хранились у него въ видѣ залога; множество монетныхъ свертковъ, собранныхъ имъ незаконно; между ними прекрасныя хорошо ему извѣстныя золотыя монеты, бывшія только у него одного; онъ ихъ пріобрѣлъ ростовщичествомъ или обманомъ. Нерли догадался, что это Архангелъ Михаилъ взвѣшивалъ его жизнь, которая теперь уже закончилась.

Онъ принялъ внимательный и озабоченный видъ.

— Мессеръ святой Михаилъ,—сказалъ онъ.—Если вы кладете на эту чашку всю прибыль, какую я собралъ за свою жизнь, то поставьте тогда на другую, прошу васъ, тѣ прекрасныя сооруженія, которыми я проявлялъ свое благочестіе. Не забудьте ни церкви святой Маріи Новой, гдѣ мой вкладъ составляетъ добрую треть, ни мою загородную больницу; ее я цѣликомъ выстроилъ на собственные динаріи.

— Не бойся, Николай Нерли,—отвѣтилъ Архангелъ,—я ничего не забуду,—и своими славными руками онъ положилъ на легчайшую чашку вѣсовъ соборъ святой Маріи и больницу съ ея лѣпными украшеніями

и фресками. Но чашка не опустилась. Банкиръ почувствовалъ сильное безпокойство.

— Мессеръ святой Михаилъ,—обратился онъ снова къ Архангелу,—поищите еще хорошенько. На этой чашкѣ вѣсовъ нѣтъ моей великолѣпной кропильницы, что виситъ въ храмѣ святого Іоанна, нѣтъ каѳедры изъ церкви св. Андрея, а на ней во весь ростъ изображено крещеніе нашего Господа Іисуса Христа; эта работа мнѣ обошлась очень дорого.

Архангелъ положилъ на вѣсы поверхъ больницы каѳедру и кропильницу, но чашка не опускалась. Николай Нерли почувствоволъ, что его лобъ покрывается холоднымъ потомъ.

— Мессеръ Архангелъ,—спросилъ онъ,—увѣрены ли вы, что ваши вѣсы правильны?

Святой Михаилъ, улыбаясь, отвѣтилъ, что вѣсы совершенно точны, такъ какъ они устроены не по образцу вѣсовъ, какіе употребляются въ парижскихъ ломбардахъ и у венеціанскихъ мѣнялъ.

— Какъ!—вздохнулъ Николай Нерли, весь блѣдный отъ страха,—значитъ, этотъ соборъ, эта каѳедра, чаша, больница со всѣми кроватями, все это вѣситъ не больше одной соломинки, одной пушинки?!

— Какъ видите, Николай! — сказалъ Архангелъ,—ваши несправедливыя дѣла несравненно тяжелѣе вашихъ незначительныхъ добрыхъ дѣлъ.

— Слѣдовательно, я пойду въ адъ,—сказалъ флорентіецъ. И его зубы защелкали отъ ужаса.

— Терпѣніе, Николай Нерли!—возразилъ небесный оцѣнщикъ,—терпѣніе! Мы не кончили. У насъ еще остается вотъ это.

И блаженный Михаилъ взялъ черные хлѣбы, которые наканунѣ богачъ бросилъ бѣднымъ. Онъ ихъ положилъ на чашу съ добрыми дѣлами, и та внезапно упала, между тѣмъ какъ другая поднялась и обѣ остановились на одномъ уровнѣ. Коромысло не наклонялось больше ни вправо, ни влѣво, и стрѣлка показывала полное равновѣсіе обѣихъ чашекъ.

Банкиръ не вѣрилъ своимъ глазамъ.

Славный Архангелъ сказалъ ему:

— Какъ видишь, Николай Нерли, ты не годишься ни въ адъ, ни въ рай. Ступай! Вернись во Флоренцію. Умножь у себя въ городѣ эти хлѣбы, которые ты далъ своей рукой, ночью, такъ что тебя никто не видѣлъ, и ты будешь спасенъ. Знай, для неба мало открыть двери кающемуся разбойнику и плачущей блудницѣ. Милосердіе Божіе безконечно: оно спасетъ даже богатаго. Спасайся! Умножай хлѣбы, вѣсъ которыхъ на моихъ вѣсахъ тебѣ извѣстенъ. Иди!

Николай Нерли проснулся на своей постели. Онъ рѣшилъ послѣдовать совѣту Архангела и умножать хлѣбъ бѣдныхъ, чтобы войти въ царствіе небесное.

Въ теченіе трехъ лѣтъ, которыя онъ провелъ на землѣ послѣ своей первой смерти, онъ былъ сострадателенъ къ несчастнымъ и завѣдывалъ раздачей милостыни.

А. Кохановскій.

III.

ВЕРНУЛСЯ.

Разсказъ **Анни Ольдворсъ**.

Переводъ съ англійскаго.

— Андрей Коршль сбѣжалъ съ Беллой,—заявилъ Давидъ Кирсти.

Кирсти была занята печеніемъ булочекъ для пастора. Услышавъ это потрясающее извѣстіе, она всплеснула руками, и мука посыпалась на ея голову, какъ снѣгъ.

— Сбѣжалъ съ Беллой?—воскликнула она.

— Ну да,—спокойно подтвердилъ Давидъ.

— Какъ, ты говоришь, что Андрей оставилъ свою законную жену, Лизбетъ, и сбѣжалъ съ этой дѣвчонкой, Беллой?

— Этого я не говорилъ,—отвѣчалъ Давидъ такъ же спокойно, какъ и раньше.—Но, во всякомъ случаѣ, онъ уѣхалъ куда-то съ Беллой.

Кирсти мгновенно опустилась на стулъ, закрыла лицо передникомъ и начала причитать:

— И онъ еще былъ членомъ прихода, Боже мой, Боже мой! Лизбетъ, навѣрное, будетъ теперь платить только за одно мѣсто въ церкви. Какой это будетъ ударъ для пастора! О Боже мой! Боже мой!..

Она не плакала, но, можетъ быть, ей хотѣлось, чтобы Давидъ подумалъ, что она плачетъ. Извѣстно, видъ женскихъ слезъ можетъ заставить мужчину надѣлать всякихъ глупостей, конечно, если плачущая женщина не жена ему. Но Давидъ не даромъ былъ женатъ 10 лѣтъ (не успѣлъ онъ похоронить свою бѣдную жену, какъ уже началъ ухаживать за Кирсти!) и въ совершенствѣ изучилъ всѣ женскія махинаціи. Поэтому онъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ея слезъ, и хранилъ молчаніе. Наконецъ онъ проговорилъ:

— А вѣдь булочки-то у тебя подгораютъ.

Не успѣлъ онъ выговорить эти слова, какъ фартукъ мгновенно слетѣлъ съ головы Кирсти, и она очутилась на колѣняхъ передъ печкой, вытаскивая булки и переставляя ихъ подальше отъ огня.

— Вотъ, ты всегда такая разиня,—съ негодованіемъ замѣтила она ему.—Сидишь, ничего не дѣлаешь, даже ничего не разсказываешь, и не можешь присмотрѣть за тѣмъ, чтобы булки не пригорѣли.

Давидъ обошелъ этотъ вопросъ молчаніемъ, и чтобъ направить ея мысли въ другую сторону, сказалъ:

— Пасторъ, должно быть, самъ скажетъ объ этомъ Лизбетъ.

— Да развѣ Лизбетъ еще ничего не знаетъ?—воскликнула Кирсти въ величайшемъ волненіи.

— Кажется, не знаетъ, а, можетъ быть, и знаетъ,—невозмутимо отвѣтилъ Давидъ.

Меньше чѣмъ черезъ часъ всѣ булки для пастора и его дочери были испечены, кухня прибрана и Кирсти, одѣтая въ воскресное платье, съ воскреснымъ носовымъ платкомъ въ рукѣ (она знала, что ей придется употреблять его), отправилась въ путь въ сосѣднюю рыбацкую деревню Истгавенъ, гдѣ жила Лизбетъ. Кирсти была преисполнена сознаніемъ важности своей миссіи.

Въ деревнѣ царствовало нѣсколько необычное оживленіе: женщины на улицахъ собирались кучками и въ разговорахъ ихъ постоянно слышались имена Андрея и Беллы. Кое-гдѣ на улицѣ попадались и рыбаки, молча проходившіе мимо, заложивъ руки въ карманы, но Кирсти казалось, что даже дымъ изъ ихъ трубокъ клеймитъ позоромъ Андрея и Беллу.

Она прислушивалась ко всему, что говорилось кругомъ нея, но неуклонно продолжала свой путь между двумя рядами домиковъ, какъ будто бы она ничего не видѣла. Она замѣтила, что чѣмъ ближе подходила къ дому Лизбетъ, тѣмъ меньше слышится кругомъ говору и въ концѣ концовъ нельзя даже было замѣтить, что въ деревушкѣ случилось какое-нибудь выходящее изъ ряду событіе. Когда же, наконецъ, показался домъ Андрея Коршля—онъ стоялъ послѣднимъ на склонѣ холма,—Кирсти вздрогнула отъ радости, увидѣвъ Лизбетъ, сидящую у порога и занятую надѣваніемъ червяковъ на удочки Андрея; это обстоятельство доказывало, что Лизбетъ еще не знала о невѣрности своего мужа.

— Лизбетъ, Лизбетъ, бѣдная вы моя!.. я приношу вамъ печальныя вѣсти,—начала Кирсти, приложивъ платокъ къ одному глазу, а другимъ посматривая на свою собесѣдницу.

Лизбетъ подняла голову и по лицу ея Кирсти увидѣла, что она все знаетъ. Было очень досадно, что не ей первой пришлось сообщить печальную новость, но Кирсти уже не думала объ этомъ, пораженная страшною перемѣною въ лицѣ Лизбетъ.

— Лизбетъ, Лизбетъ!—только и могла она выговорить дрожащимъ голосомъ, въ которомъ звучало искреннее состраданіе. Платокъ выпалъ у нея изъ рукъ.

— Здравствуйте, Кирсти!—проговорила Лизбетъ вѣжливо.

— Я пришла узнать, какъ вы себя чувствуете,—сказала Кирсти, нѣсколько озадаченная ея тономъ.

— Благодарю васъ, я чувствую себя очень хорошо,—отвѣчала Лизбетъ также вѣжливо.

— Сегодня страшная жара,—сказала Кирсти, чувствуя, что на лбу у нея выступаетъ потъ.

— Да, очень жарко,—отвѣчала Лизбетъ,—въ этомъ мѣсяцѣ всегда бываетъ жарко.

Кирсти начинала сердиться. Она не ожидала такого обращенія и находила его въ высшей степени неприличнымъ. Но отступать ей еще не хотѣлось.

— А какъ Андрей поживаетъ? Онъ не былъ въ церкви прошлую субботу,—сказала она.

— Андрей здоровъ, благодарю васъ. А что дѣлается у васъ въ деревнѣ, какъ поживаетъ пасторъ, и миссъ Изабелла и ея маленькая собачка?

Кирсти поняла, что всякіе дальнѣйшіе распросы были бы излишни. Она подняла свой платокъ и простилась съ Лизбетъ, сказавъ, что ей нужно еще навѣстить знакомыхъ и поэтому она не можетъ тратить времени на разговоры. Возвращаясь обратно въ Скирне, она все время думала о томъ, какъ она отплатитъ Давиду за то, что онъ заставилъ ее разыграть такую дуру.

Послѣ этого инцидента Кирсти часто и много говорила о томъ, что Лизбетъ не по христіански несетъ тяжелый крестъ, возложенный на нее премудрымъ Провидѣніемъ.

Когда Лизбетъ насадила червяковъ на всѣ удочки, она снесла ихъ внизъ съ холма и положила въ лодку Андрея, какъ дѣлала это каждый день въ теченіе 10 лѣтъ.

Петеръ Коршлъ, братъ Андрея, сидѣлъ въ лодкѣ и выкачивалъ изъ нея воду. Нѣкоторое время онъ молча смотрѣлъ на Лизбетъ, потомъ сказалъ (онъ былъ извѣстенъ своей глупостью):

— Развѣ ты не знаешь, Лизбетъ?

— Знаю,—сказала она коротко:—худыя новости скоро узнаются.

— Я думаю, она просто какъ-нибудь околдовала его.

— Я тоже такъ думаю. Но, можетъ быть, ты поудишь на его удочкахъ, пока онъ не вернется.

— Ну, ладно. Только онъ, навѣрное, не вернется.

— Онъ вернется,—сказала Лизбетъ.

Она повернулась и стала взбираться на холмъ такой же твердою поступью, какъ десять лѣтъ тому назадъ. Ноги ея не дрожали, хотя она видѣла, что мальчишки на берегу смотрятъ на нее, и слышала, какъ они говорятъ про Андрея. Замѣчала она также, что и жены рыбаковъ на холмѣ смотрятъ на нее и говорятъ о румяныхъ щекахъ ея соперницы Беллы.

Ея лицо было совсѣмъ блѣдно, но она высоко держала свою голову, проходя мимо нихъ по дорогѣ къ своему дому. Когда она открыла дверь въ свою хижину, у нея захватило дыханіе при видѣ одежды Андрея; но она выпрямилась, повѣсила его одежду къ огню и поставила трубку около его стула.

Сдѣлавъ всѣ эти приготовленія, она сѣла на полъ и посмотрѣла на пустой стулъ. Она не плакала, но въ глазахъ ея была смертельная тоска и безнадежность.

Болѣе года не было никакихъ извѣстій объ Андреѣ и Беллѣ. Лизбетъ совсѣмъ извелась за это время. Она была гордой, молчаливой женщиной и никто изъ рыбаковъ не осмѣливался произнести имя Андрея Коршля въ ея присутствіи. Даже пасторъ, навѣстившій ее, долженъ былъ отступить передъ ея сдержаннымъ, безмолвнымъ горемъ. Кирсти разсказывала, что когда онъ началъ утѣшать Лизбетъ и ссылаться на «волю Божію», она посмотрѣла ему прямо въ глаза и сказала: «думается мнѣ, что грѣшная плоть и діаволъ болѣе прикладывали руки къ этому дѣлу, чѣмъ Господь».

— Вы правы, м-съ Коршль, вы совершенно правы,—поспѣшилъ отвѣтить пасторъ.

Не легко далась Лизбетъ вся эта исторія: отъ прежней благообразной женщины осталась кожа да кости. Она держалась въ сторонѣ отъ деревни и, кончивъ свою дневную работу, выходила изъ дому и подолгу смотрѣла на море, какъ будто ждала, что Андрей вернется къ ней.

Въ деревнѣ много говорили о томъ, что стулъ Андрея по прежнему стоитъ у огня и что Лизбетъ каждое утро надѣваетъ червяковъ на его удочки и чинитъ его сѣти, какъ будто бы Андрей не бросилъ ее и не уѣхалъ съ другой женщиной.

Весною прошелъ слухъ, что Андрей съ Беллой вернулись и поселились въ уединенно-стоящемъ домикѣ на Кэджерсъ-Родъ.

Слухъ этотъ дошелъ и до Лизбетъ. Однажды утромъ, когда рыбаки и ихъ жены были на берегу, она одѣлась въ свое воскресное платье, вышла изъ деревни, никѣмъ не замѣченная, и отправилась въ Кэджерсъ-Родъ.

Былъ ясный весенній день и Лизбетъ бодро шла своей дорогой, мысленно повторяя тѣ слова, которыя она скажетъ Андрею и которыя, по ея мнѣнію, должны вернуть его къ ней. Но когда вдали показался домикъ, къ которому она шла, сердце ея такъ забилось, что она принуждена была остановиться и прислониться къ стволу одной изъ сосенъ. Она не могла сдвинуться съ мѣста и оторвать глаза отъ дома, гдѣ жилъ Давидъ. Потомъ она услышала пѣсенку и увидала въ дверяхъ Беллу съ ребенкомъ. Ребенокъ смѣялся и прыгалъ на рукахъ у матери.

Лизбетъ смотрѣла на нихъ и вспоминала горечь своего долгаго,

безплоднаго ожиданія, вспоминала мучительные часы, когда она молила Бога о ребенкѣ, въ которомъ судьба ей отказывала. Она чувствовала, что не въ силахъ будетъ сдѣлать то, ради чего пришла, и продолжала неподвижно стоять, прислонившись къ стволу сосны.

А въ это время и Андрей подошелъ къ дому. Увидя отца, ребенокъ протянулъ къ нему свои рученки, и Белла перестала пѣть и смѣялась вмѣстѣ съ ними. Лизбетъ не знала, сколько времени она простояла такъ, не сколько времени она просидѣла потомъ одна въ лѣсу, въ борьбѣ со своей любовью.

Но уже наступили сумерки, когда она возвратилась въ деревню, принося обратно слова, которыя не были ею сказаны Андрею. Свѣтъ угасъ въ ея лицѣ и она выглядѣла теперь совсѣмъ старухой. Всю дорогу ее неотступно преслѣдовала одна мысль: «Боже мой, если бы у меня былъ ребенокъ! Если бы у меня былъ ребенокъ»!

Всю ночь буря бушевала на морѣ и шумъ волнъ, разбивающихся о скалы, не давалъ заснуть многимъ изъ женъ рыбаковъ.

Лизбетъ встала съ постели, зажгла лампу и поставила ее на окно.

— Андрей увидитъ свѣтъ и причалитъ сюда на своей лодкѣ,—думала она.

Она легла, но завыванія бури не давали ей заснуть, встала опять и принялась разводить огонь въ очагѣ.

— Сегодня ночью онъ не сможетъ вернуться на Кэджерсъ-Родъ,—говорила она себѣ. — Можетъ быть, онъ замѣтитъ свѣтъ въ моемъ окнѣ и придетъ сюда.

Одежда его, по обыкновенію, была разложена тутъ же и ждала его. Она взяла его куртку и стала грѣть ее передъ огнемъ.

— А можетъ быть, онъ и не выѣхалъ сегодня въ море, — думала она.—Можетъ быть, онъ спокойно спитъ себѣ въ постели.

Когда наступило утро, тихое, сѣрое и безмолвное, Лизбетъ все еще сидѣла у потухающаго огня. У нея не было силы подняться съ мѣста. Она слышала, что народъ бѣжитъ внизъ съ холма къ морю, слышала, какъ рыбаки перекликаются и зовутъ другъ друга къ кому-то на помощь, наконецъ услышала людей, приближающихся къ ея дому.

Тогда она встала съ своего мѣста.

— Это Андрей возвращается ко мнѣ,—проговорила она и широко раскрыла двери своей хижины. На порогѣ стоялъ Петеръ.

— Это Андрей,—сказалъ онъ.—Принести его сюда, или отнести къ Беллѣ?

Лизбетъ словно не замѣчала Петера и черезъ плечо смотрѣла на утопленника, котораго несли на холмъ.

— Принесите его сюда,—сказала она.

— Лодка, должно быть, перевернулась, — сказалъ Петеръ.—Его принесло сюда съ приливомъ; вѣроятно, скоро найдется и лодка.

Лизбетъ ничего не отвѣтила. Рыбаки внесли въ домъ Андрея и положили его на постель. Набралось много народу, женщины били себя въ грудь, плакали и причитали. Одна Лизбетъ оставалась спокойной. Она попросила всѣхъ уйти, заперла дверь на засовъ и осталась одна съ мертвецомъ.

Сухая одежда, которая столько времени ожидала Андрея, теперь понадобилась ему. Она одѣла его, гордясь тѣмъ, что онъ все-таки вернулся къ ней и что *она* обряжаетъ его въ могилу. Сидя около него, она думала только о томъ, что Андрей все-таки вернулся и что онъ теперь дома. И не сразу пришло къ ней сознаніе, что теперь она уже больше никогда не увидитъ его. Приближалась ночь, огонь въ очагѣ потухъ, присутствіе смерти леденило комнату. Дождь билъ въ окна, какъ будто кто-то стучался въ нихъ, и въ завываньяхъ вѣтра ей вдругъ послышался дѣтскій плачъ. Она подошла къ двери, отворила засовъ и увидѣла передъ собою Беллу съ ребенкомъ.

— Впусти меня,—рыдая, проговорила Белла.

Лизбетъ впустила ее и зажгла свѣчу.

— Зачѣмъ ты пришла ко мнѣ?—спросила она, съ ненавистью смотря на молодую женщину.

— Петеръ сказалъ мнѣ... и я хотѣла быть съ Андреемъ... О Лизбетъ, неужели это онъ лежитъ... Я не могу смотрѣть на него...

— Ты должна смотрѣть на дѣло рукъ своихъ,—сказала Лизбетъ.

— Нѣтъ!—рыдала Белла.—Это не Андрей. Я не могу смотрѣть на него.

— Это Андрей, который смертью искупилъ грѣхъ свой, —продолжала Лизбетъ неумолимо.—Дай мнѣ ребенка. Не нужно ему смотрѣть на покойника.

Она взяла ребенка съ рукъ Беллы и хотѣла подвести ее къ постели, но Белла не шла и продолжала плакать:

— Нѣтъ, я не могу смотрѣть на него. Это не Андрей. А правда, какъ мальчишка похожъ на него, Лизбетъ?

Лизбетъ хотѣлось прогнать изъ своего дома эту «безстыдную дѣвчонку», но ребенокъ удерживалъ ее. Его ручонки обвились вокругъ ея шеи и прикосновеніе ихъ пробудило въ ней мать. Она отвернулась отъ Беллы, развела огонь и погрѣла немного молока для ребенка.

Пока она кормила его, Белла усѣлась на стулъ Андрея и протянула руки къ огню. Лизбетъ хотѣлось вскрикнуть, но она сдержалась, видя, что ребенокъ начинаетъ засыпать. Ей хотѣлось сказать Беллѣ, что она не смѣетъ сидѣть на этомъ стулѣ, на которомъ столько времени никто не сидѣлъ, но она молчала и чувствовала, что ея гордость и злоба таютъ, какъ снѣгъ, отъ прикосновенія маленькихъ теплыхъ ручонокъ ребенка. Она не рѣшалась выгнать отъ себя ребенка въ такую холодную, дождливую ночь.

Белла подложила себѣ подъ голову платокъ и дремала, какъ уста-

лый ребенокъ. Смотря на ея заплаканное молодое лицо, Лизбетъ мало-по-мало начала смягчаться. Она переводила глаза съ матери на ребенка и ей вспомнились слова Беллы: «Мальчишка похожъ на своего отца». Пристально разглядѣвъ мальчишку, она убѣдилась, что это была правда. Тогда она поднесла ребенка къ покойнику и сравнивала его личико съ лицомъ Андрея. Грустно было смотрѣть на смерть рядомъ со сномъ, и на личико спящаго ребенка, такъ похожее на мертвое лицо отца.

Лизбетъ долго, долго смотрѣла на лицо Андрея, до тѣхъ поръ, пока ей не стало казаться, что лицо это сдѣлалось такимъ же, какимъ оно было десять лѣтъ тому назадъ; она видѣла передъ собою молодое загорѣлое лицо съ голубыми глазами и улыбающимся ртомъ, которое такъ любила.

Утромъ Белла проснулась и стала прощаться съ нею.

— Дай мнѣ ребенка,—сказала она.—Я уйду, пока еще не собрался народъ.

Но Лизбетъ крѣпко прижимала къ себѣ ребенка и не отрывала глазъ отъ его смѣющагося лица. Это было то самое лицо, которое вставало передъ ней сегодня ночью — молодое лицо Андрея, съ голубыми глазами и улыбающимся ртомъ.

— Дай мнѣ ребенка и я уйду,—повторила Белла.

Лизбетъ нагнулась надъ ребенкомъ и слезы брызнули у нея изъ глазъ.

— Нѣтъ, я не отпущу его,—сказала она.—Это Андрей вернулся ко мнѣ.

До сихъ поръ Кирсти и другія деревенскія кумушки не могутъ наговориться о новомъ скандалѣ и о неуваженіи къ памяти Андрея, которое обнаружила Лизбетъ, пріютивъ у себя послѣ его смерти Беллу съ ребенкомъ.

Л. Давыдова.

СТУДЕНТКА.

Романъ Грэхэмъ Трэверса.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

(*Продолженіе* *).

XIV.

Реакція.

Къ концу первыхъ двухъ недѣль пребыванія своего въ Борроунессѣ Мона чувствовала себя совершенно истомленной и разбитой; это была чисто физическая реакція.

— Такъ и должно было быть послѣ слишкомъ бурнаго времяпрепровожденія въ Норвегіи,—говорила она себѣ, не желая сознаться, что постоянныя усилія приспособиться къ новымъ условіямъ жизни напрягали ея нервы больше, чѣмъ даже экзамены и занятія медициной.

Она мужественно боролась съ собою, но даже мало наблюдательная Рэчель не могла не замѣтить контраста между ея обыкновенно веселымъ обхожденіемъ и унылымъ, почти убитымъ выраженіемъ ея лица въ минуты покоя. Даже давно жданный приходъ разносчика съ полнымъ коробомъ разныхъ товаровъ и резиновой тесьмы, *inter alia*, не разогналъ ея апатіи. Еслибъ она могла проводить больше времени въ замкѣ Маклинъ, какъ она окрестила одинокую скалу на берегу, ей жилось бы легче; но погода стояла хорошая и Рэчель предприняла цѣлый рядъ скучныхъ послѣобѣденныхъ визитовъ.

День за днемъ онѣ одѣвались «во все лучшее» и выходили изъ дому, чтобы просидѣть часа два въ чьей-нибудь душной, пропитанной запахомъ розовыхъ лепестковъ гостиной, ухитряясь все время разговаривать буквально ни о чемъ. Въ другое время Мона и тутъ нашла бы себѣ забаву, но для угнетеннаго, подавленнаго состоянія духа такіе визиты плохое лѣкарство.

---

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль.

— По всей вѣроятности, будь у меня глаза, чтобы видѣть, всѣ эти люди оказались бы чрезвычайно интересными,—говорила себѣ Мона;—но теперь, прости Господи, они кажутся мнѣ скучными и безцвѣтными, какъ вода въ канавѣ.

Впечатлѣніе получилось, по всей вѣроятности, одинаковое съ обѣихъ сторонъ, такъ какъ обычная живость Моны на время совсѣмъ покинула ее. Она могла только заставить себя отвѣчать на вопросы и быть любезной, насколько этого требовало приличіе—не больше. Нѣкоторые изъ новыхъ знакомыхъ, смутно помня, что отецъ ея былъ важнымъ человѣкомъ, относились къ ней съ преувеличенной почтительностью, но для большинства она была просто кузиной Рэчели Симпсонъ, содержательницы моднаго магазина, не игравшей никакой выдающейся роли въ борроунесскомъ обществѣ.

— Теперь осталось только съѣздить къ тетѣ Белль,—объявила наконецъ Рэчель,—но для этого надо подождать, пока м-ръ Хоггсъ выберетъ время прокатить насъ на своей машинѣ. Онъ всегда радъ услужить мнѣ.

— Кто такая тетя Белль?

— Она приходится мнѣ такъ же, какъ я вамъ, да и вамъ она дальняя родственница. Она совсѣмъ простая, вѣчно возится со своими коровами и курами; впрочемъ, баба толковая—одна управляетъ цѣлой фермой.

— Нѣчто вродѣ м-съ Пойзеръ?

— Не знаю, кто она такая.

— Не знаете м-съ Пойзеръ? О вы должны позволить мнѣ прочесть вамъ о ней. Нынче вечеромъ мы кончимъ начатый разсказъ изъ «Воскресныхъ досуговъ», а завтра начнемъ м-съ Пойзеръ. Это замѣчательная вещь; мнѣ очень интересно будетъ узнать ваше мнѣніе.

Рэчель не слишкомъ-то вѣрила въ увлекательность книгъ, рекомендованныхъ Моной; но, разъ дѣло идетъ о фермершѣ, это должно быть по крайней мѣрѣ понятно, и по всей вѣроятности болѣе или менѣе интересно.

На слѣдующее утро Мона была одна въ магазинѣ. Ея искусные пальчики произвели волшебную перемѣну во всемъ окружающемъ, но въ эти минуты унынія ей казалось, что лучше было оставить все въ прежнемъ видѣ. «Еслибъ можно было произвести коренную реформу!—думала она съ горечью;—а то класть заплаты,—къ чему, *къ чему?*»

Зазвенѣлъ колокольчикъ, и вошелъ докторъ Дудлей. Мона обрадовалась ему. Такъ пріятно было увидать человѣка, не похожаго на тѣхъ, съ кѣмъ ее въ послѣднее время сводила судьба.

— Добраго утра! Какъ поживаете?

— Добраго утра.

Мона не обратила вниманія на протянутую ей руку, но сама удивилась, что не прибавила къ своему отвѣту обычнаго «сэръ».

— Какъ я поживаю? Скучаю и хандрю до невѣроятія.

Онъ сочувственно сдвинулъ брови.

— Вотъ что? Чѣмъ же вы лѣчитесь отъ хандры?

— Онъ, кажется, намѣренъ прописать мнѣ лавровишневыя капли,— подумала Мона.

— Ахъ, въ томъ-то и бѣда, что лѣкарства нѣтъ,—сказала она вслухъ.—Я недостаточно молода, чтобъ написать трагедію; остается издѣваться надъ собой и терпѣть.

— Вамъ бы прогуляться хорошенько, до усталости,—ласково посовѣтовалъ онъ;—это отлично разгоняетъ хандру.

— Сегодня не могу, но завтра отправляюсь пѣшкомъ по берегу за двадцать миль,—собирать растенія,—хотѣла было пояснить она, но удержалась.

— Смотрите не переутомите себя. Для непривычнаго человѣка двадцать миль слишкомъ много.

Глаза его съ восхищеніемъ остановились на ея фигурѣ, какъ двѣ недѣли тому назадъ глаза сагиба. Онъ думалъ о томъ, что, еслибъ лошадь его тетки была не такъ жирна, экипажъ не такъ тяжелъ и міръ вообще устроенъ иначе, онъ съ величайшимъ удовольствіемъ самъ усадилъ бы эту милую дѣвушку въ экипажъ и прокатилъ бы ее по окрестностямъ.

— Благодарю васъ, у меня была хорошая подготовка. Могу я вамъ предложить что-нибудь?

Мона хотѣла дать ему понять, что молодые люди не должны позволять себѣ заходить къ ней въ магазинъ только для того, чтобы поболтать.

Онъ вздохнулъ и чуть было не сказалъ, что ничего у нихъ нѣтъ такого, что могло бы ему пригодиться на будущее, но вмѣсто того, купилъ дюжину перьевъ—которыя были ему ужъ совсѣмъ не нужны— и не выказывалъ ни малѣйшаго желанія уходить.

— Душенька, подите-ка сюда, скорѣе!—встревоженнымъ голосомъ позвала ее Рэчель.—Салли порѣзала себѣ палецъ до кости.

— Позвольте,—сказалъ докторъ Дудлей, вынимая изъ кармана хорошенькій ящичекъ съ хирургическими инструментами.—Это, я думаю, больше по моей части, чѣмъ по вашей.

И онъ быстро прошелъ во внутренніе покои.

— Такъ ли?—вызывающе бросила ему вслѣдъ Мона, вынимая такой же ящичекъ изъ своего собственнаго кармана.—Такъ ли, докторъ? А ну-ка, помѣряемся!

Она уже хотѣла пойти за нимъ, чтобы «подержать щипцы», но въ эту минуту зазвенѣлъ колокольчикъ и въ магазинъ вошли двѣ рыжеволосыхъ дѣвицы, одѣтыхъ пестро и безвкусно.

— Голубую ленту покажите,—томно протянула одна изъ нихъ, усиливаясь копировать аристократку.

Мона поставила на прилавокъ ящикъ съ лентами; барышни быстро пересмотрѣли все, что въ немъ было.

— Нѣтъ, изъ этихъ ни одна не годится.

Мона поклонилась и поставила ящикъ обратно на полку.

— Неужели же это все, что у васъ есть? Ленты даже несвѣжія. Нѣкоторыя выцвѣли.

— Совершенно вѣрно,—спокойно выговорила Мона. — Въ другомъ мѣстѣ вы, вѣроятно, получите, что вамъ требуется.

— Я говорила тебѣ, Матильда, что не стоитъ и спрашивать. Развѣ здѣсь можетъ быть что-нибудь порядочное,—вмѣшалась старшая изъ барышенъ, обводя лавку презрительнымъ взглядомъ. — На-дняхъ па́ свезетъ насъ въ Сентъ-Рульсъ. Тамъ есть порядочные магазины.

— На-дняхъ! Да вѣдь лента-то мнѣ нужна сегодня къ вечеру. Покажите еще разъ.

Барышня выбрала наименѣе плохую изъ лентъ и принялась разсматривать ее критически.

— Неужели ты возьмешь это, Матильда? Этотъ цвѣтъ носятъ всѣ лавочницы.

Матильда подтолкнула сестру локтемъ и обѣ должны были употребить надъ собою усиліе, чтобы сохранить свое достоинство и не хихикнуть. Онѣ украдкой покосились на Мону: къ счастью, та какъ будто не слыхала ихъ маленькаго *a parte*. Младшая барышня оправилась первая

— Я возьму два аршина вотъ этой,—сказала она, стараясь наверстать потерянное усиленной оффиціальностью тона, и, не справляясь о цѣнѣ, бросила на прилавокъ полсоверена.

Мона только что отдала ей ленту и сдачу, какъ вошла Рэчель и засыпала барышень любезностями и разспросами объ ихъ «па» и «ма». Мона отошла на другой конецъ магазина и принялась подбирать шерсти къ узору.

— У васъ новая помощница, миссъ Симпсонъ?—покровительственно освѣдомилась Матильда.

— Да! я ужъ такъ рада; кстати, она мнѣ и родственница,—миссъ Маклинъ.

Для Рэчели это было равносильно формальному представленію, но Мона такъ углубилась въ свое занятіе, что даже не подняла глазъ.

— Ну-съ, могу вамъ доложить, что рана самая пустая,—сказалъ надъ ея ухомъ бархатный голосъ доктора Дудлея, который, вернувшись въ магазинъ, направился прямо къ Монѣ. — Надѣюсь, вы довольны? До свиданія.

Онъ снова сердечно протянулъ ей руку, и хотя это показалось Монѣ немножко забавнымъ послѣ давешняго щелчка, на этотъ разъ она не могла не дать ему своей: она оцѣнила побужденіе, руководившее имъ.

И рука была такая, которую пріятно взять,—теплая, «живая», съ братски-ласковымъ и не нахальнымъ пожатіемъ.

Но на прощальный привѣтъ его Мона отвѣтила громкимъ и внятнымъ:

— До свиданія, *сэръ*.

— Чортъ побери! — выругался онъ про себя — эта дѣвушка горда, какъ Люциферъ. Она могла бы оставить «сэръ» разъ навсегда.

Изъ этого читатель можетъ видѣть, что докторъ Дудлей слышалъ часть предшествовавшаго разговора, угадалъ остальное и рѣшилъ, изъ дружескаго расположенія къ Монѣ, разыграть роль *deus ex machina.*

Онъ вышелъ вмѣстѣ съ рыжеволосыми барышнями.

— Вы знаете, что эта молодая особа родственница миссъ Симпсонъ?—спросила одна изъ нихъ.

— Знаю.

— А важничаетъ, будто герцогиня какая,—вставила другая сестра.

Докторъ Дудлей промолчалъ. Ему очень хотѣлось сказать, что Мона и въ роли герцогини была бы на своемъ мѣстѣ, но это было бы преувеличеніемъ; при томъ же не слѣдуетъ сразу раскрывать свои карты.

— А все-таки тебѣ не надо было говорить при ней о лавочницахъ.

— Вотъ еще! Велика бѣда! Ее не мѣшаетъ немножко осадить.

Дудлей поспѣшилъ воспользоваться случаемъ.

— Ахъ, миссъ Куксонъ, опасная это штука—осаживать людей. Самъ я никогда на это не отваживаюсь. Такія вещи нужно дѣлать очень деликатно, умѣючи, а то какъ разъ попадешь въ просакъ и, вмѣсто того, чтобы осадить другого, самъ сядешь въ лужу. Честь имѣю кланяться.

Онъ приподнялъ шляпу и быстро зашагалъ въ противоположную сторону.

— Гдѣ у васъ были глаза?—возмущалась Рэчель послѣ ухода покупательницъ.—Миссъ Куксонъ хотѣла проститься съ вами за руку, а вы и не подошли. Это у насъ здѣсь первыя богачихи.

— Очень вамъ благодарна, душа моя,—спокойно возразила Мона,—но вѣдь всему есть границы. Если у вашихъ кліентокъ манеры хуже, чѣмъ у свиньи м-рсъ Сандерсонъ, я приложу всѣ старанія, чтобы угодить имъ, но должна отклонить отъ себя честь личнаго съ ними знакомства.

Это былъ камешекъ въ огородъ Рэчели. Изъ всего, что ей приходилось выносить въ Борроунессѣ, ничто такъ не раздражало Мону, какъ раболѣпная угодливость и заискиваніе кузины передъ людьми, которыхъ она считала выше себя; при этомъ Мона почти неизбѣжно должна была впадать въ другую крайность, изъ мучительнаго страха, какъ бы ее не заподозрили въ подобной же низости.

— И чего она лебезитъ передъ ними?—съ горечью думала про себя Мона.—Вѣдь я увѣрена, что эти барышни даже не поклонились бы ей при встрѣчѣ въ Сентъ-Рульсѣ. Почему она не можетъ смотрѣть на нихъ только какъ на кліентокъ?

XV.

Ботаники.

На другое утро, сейчасъ же послѣ завтрака, Мона, запасшись ножикомъ, сумкой и старой истрепанной ботаникой Гукера, вышла изъ дому и скорымъ шагомъ направилась къ дюнамъ. Вопреки ожиданіямъ, погода все еще стояла хорошая; щеки Моны зарумянились отъ ходьбы; мрачныя тучи, давившія ея душу, растаяли, какъ горные туманы на солнцѣ.

Собирать растенія оказалось не такъ-то легко: всѣ они уже обсѣменились; у многихъ не оставалось никакого слѣда цвѣторасположенія, ни малѣйшаго блѣднаго прицвѣтника, по которому можно было бы опредѣлить ихъ генеалогію. Но Мона была не новичекъ въ этомъ дѣлѣ, и сумка ея постепенно наполнялась. Къ тому же, она была въ прекраснѣйшемъ настроеніи духа и готова мириться со всѣмъ. Дойдя до восточной границы графства, она постояла минуту на берегу, у самой воды, испытывая то же чувство восторга и гордости собственницы, какое она испытывала на горной тропинкѣ въ Нэродалѣ.

Вдругъ ей бросились въ глаза какіе-то ярко пурпуровые цвѣты. *Eldorado yo he trovado!*—воскликнула она.—Ей-Богу, это кажется морская резеда!—Мона поспѣшила сорвать растеніе, присѣла отдохнуть на утесъ и развернула пакетъ съ бутербродами, все время напѣвая, какъ она всегда дѣлала, когда была одна и въ хорошемъ расположеніи духа, О выборѣ словъ и о томъ, чтобы они соотвѣтствовали мѣсту и настроенію, она не всегда заботилась и теперь, увлекшись, совсѣмъ громко повторила припѣвъ модной пѣсенки:

«Скоро пойдетъ онъ вѣнчаться съ Юмъ-Юмъ»,

какъ вдругъ какое-то неловкое ощущеніе заставило ее обернуться. О ужасъ! Невдалекѣ стояли двое мужчинъ и съ любопытствомъ глядѣли на нее, улыбаясь.

Одинъ изъ нихъ былъ пожилой, съ рыжими баками, самой обыкновенной наружности; другой—молодой, блѣдный, грустный и интересный. У обоихъ сумки были еще болѣе потертыя, чѣмъ у Моны, и замѣтно пострадавшія отъ непогоды.

Мона покраснѣла до корней волосъ, но въ то же время засмѣялась, чтобы скрыть свое смущеніе, и наклонилась надъ бутербродами.

Пожилой господинъ приподнялъ шляпу и дружески поклонился ей, говоря:

— Еслибъ не современный характеръ вашей пѣсенки, я принялъ бы васъ за нимфу здѣшнихъ береговъ.

— Въ такомъ просвѣщенномъ графствѣ даже нимфы береговъ должны идти наравнѣ съ вѣкомъ,—съ важностью возразила Мона.

— Совершенно вѣрно. Я забылъ, гдѣ я. Что же, нимфа здѣшнихъ береговъ нашла здѣсь что-нибудь интересное?

— Особенно рѣдкаго ничего, но много новаго для меня. Ахъ, кстати, я нашла рѣдкій видъ кресса на какомъ-то пустырѣ близъ Кильвинни. Что, онъ здѣсь часто встрѣчается?

— *Thlaspi arvense*?—недовѣрчиво освѣдомился пожилой господинъ, поглядѣвъ на своего блѣднаго спутника.

Тотъ покачалъ головой.

— Я нигдѣ не встрѣчалъ его по сосѣдству.

— А я убѣждена, что это онъ и есть,—съ живостью возразила Мона, роясь въ своей сумкѣ и доставая оттуда широкіе, плоскіе зеленые листики «копѣечнаго» кресса.

— Совершенно вѣрно!—съ торжествомъ воскликнулъ пожилой господинъ.—Вы видите?

— Д-да. Странно, что мнѣ онъ ни разу не попался,—и такъ близко отъ Кильвинни!

Всѣ трое принялись съ интересомъ и любопытствомъ сравнивать свои находки.

— Мы хотѣли пройти еще дальше,—сказалъ наконецъ пожилой господинъ.—Вы тоже собираете растенія; не пойдете ли и вы вмѣстѣ съ нами?

Мона охотно согласилась, и они прошли берегомъ еще нѣсколько миль, затѣмъ свернули къ Кильвинни.

— Вы, вѣроятно, не занимались микроскопическими изслѣдованіями растеній?—неожиданно спросилъ пожилой господинъ.

Съ точки зрѣнія Рэчели это значило вступить на опасную почву, но кривить душой Монѣ не хотѣлось; новые знакомцы не смотрѣли мѣстными обывателями; можетъ быть, она никогда больше и не встрѣтится съ ними.

— Нѣтъ, я училась немножко,—сказала она.—Я прошла курсъ ботаники.

— Вотъ какъ! Смѣю спросить: гдѣ?

— Въ Лондонѣ.—И такъ какъ онъ продолжалъ глядѣть на нее вопросительно, она пояснила:—Въ университетской коллегіи.

Когда они дошли до Кильвинни, старшій изъ двухъ мужчинъ остановился и протянулъ руку Монѣ.

— Мнѣ очень жаль, что я не могу проводить васъ домой, но меня ждутъ съ обѣдомъ въ гостинницѣ, а вечеромъ я уѣзжаю въ Лондонъ. Если вамъ случится опять пріѣхать туда, мы съ женой будемъ искренно рады видѣть васъ у себя.

И онъ подалъ ей свою карточку. О ея имени онъ не справлялся, по той простой причинѣ, что еще раньше прочелъ его на заглавномъ листкѣ ея *Флоры*.

Карточка сказала Монѣ, что она провела нѣсколько часовъ въ обществѣ знаменитаго ученаго, пользующагося европейской извѣстностью.

— Это рыжій, — подумала она; — но кто же черный и почему онъ не далъ мнѣ своей карточки?

Она шла скорымъ шагомъ и только когда вдали блеснули киркстоунскіе огни, замѣтила, что уже совсѣмъ стемнѣло. Проходя мимо почтовой конторы, она мелькомъ увидѣла группу мужчинъ у прилавка; — въ Киркстоунѣ почтовая контора помѣщалась въ бакалейномъ магазинѣ и въ то же время замѣняла клубъ. Кстати, за конторкой сидѣла злая сморщенная старушонка, дѣвственнаго слуха которой не могла оскорбить безцеремонная болтовня мужчинъ.

Мона не успѣла отойти на нѣсколько шаговъ, какъ ее нагналъ докторъ Дудлей.

— Какъ вы поздно?

— Да, но я такъ чудно провела время.

— Вы устали?

— Да, но это здоровая усталость.

— Хандра прошла?

— О да! Въ сущности она ужъ начала проходить вчера, когда я встрѣтилась съ вами, а то я не заговорила бы о ней.

— Бѣдняжечка! — подумалъ онъ про себя, дивясь, какъ это она ухитрялась не тосковать въ такой ужасной обстановкѣ.

— Вы вѣдь не обидѣлись вчера на этихъ вульгарныхъ дѣвицъ? — спросилъ онъ, помолчавъ, и тотчасъ же почувствовалъ, что сдѣлалъ неловкость.

Она не сразу поняла, о чемъ онъ говоритъ, а когда поняла, широко раскрыла глаза отъ удивленія.

— О нѣтъ! За что же мнѣ обижаться? У меня нѣтъ съ этими дѣвушками ничего общаго. Ни мнѣніе ихъ обо мнѣ, ни ихъ невоспитанность не могутъ оскорбить меня.

— Вы очень разумно смотрите на это.

— Не знаю даже, правиленъ ли такой взглядъ. Очень возможно, что ихъ вульгарность чисто поверхностная. Я думаю, тысячи такихъ дѣвушекъ ждутъ только женщины съ душой, которая взялась бы руководить ими и разбудила бы душу въ нихъ самихъ. Что же имъ дѣлать, если жизнь ихъ совершенно лишена идеаловъ?

Онъ мысленно перебралъ всѣхъ женщинъ въ окрестности и не нашелъ ни одной, способной выполнить подобную функцію.

— Какая жалость, что онѣ не могутъ видѣть *васъ*, какая вы есть, — молвилъ онъ, вглядываясь въ смутный очеркъ ея лица, выступавшій изъ темноты. — Женщинъ съ душой не такъ-то много на свѣтѣ.

— Можетъ быть, лучше было бы, еслибъ я могла видѣть себя такой, какой онѣ меня видятъ, — выговорила задумчиво Мона. — Въ сущности, мы изучаемъ свою жизнь, какъ скандируемъ свои собственные стихи: подчеркиваемъ хорошіе, а плохіе читаемъ скороговоркой. Вы вынуждаете меня сознаться, что, послѣ ухода этихъ барышень, я

отзывалась о нихъ очень дурно и не имѣю даже такого оправданія, какъ онѣ. Онѣ еще куколки—я уже нѣтъ, и, можетъ быть, изъ нихъ выйдутъ лучшія бабочки, чѣмъ изъ меня. Даже женщина не можетъ сказать, что́ выйдетъ изъ дѣвушки.

Онъ засмѣялся.

— У нихъ это въ крови... Мать ихъ для меня идеалъ вульгарности и претенціозности.

— Бѣдныя дѣти!

— И лучше всего то, что она начала свою карьеру скромной моди... Онъ запнулся на полусловѣ, и кровь бросилась ему въ лицо.

— Какъ вы сказали?—спокойно переспросила Мона.

— *Модисткой*, — докончилъ онъ, съ силой отшвырнувъ отъ себя камень, попавшійся ему подъ ногу. Онъ готовъ былъ приколотить себя за свою глупость.

— Неужели вы боялись оскорбить меня этимъ словомъ? Неужели такъ трудно допустить на вѣру, что у человѣка и душа человѣческая?..

На этотъ разъ онъ проводилъ ее до самыхъ дверей. Правда, было темно, но мы склонны думать, что онъ сдѣлалъ бы то же и среди бѣлаго дня; вернувшись домой, онъ ужъ больше не разспрашивалъ тетку о «племянницѣ миссъ Симпсонъ».

XVI.

Машина Джона Хоггса.

— Онъ удивительно *simpatico*, — говорила себѣ на другое утро Мона.—Я, кажется, не встрѣчала еще человѣка, который бы такъ легко понималъ съ полуслова, которому не надо ни разъяснять мои туманныя изреченія, ни разводить молокомъ мои блестящія метафоры. Съ такимъ человѣкомъ пріятно «витать въ вѣчныхъ сферахъ», но я все-таки люблю, чтобы въ мужчинѣ было больше «здороваго животнаго».

И въ памяти ея, словно солнечный лучъ, мелькнулъ образъ милаго, братски преданнаго ей сагиба.

— Кто такой можетъ быть мой другой спутникъ?—спрашивала она себя, взбивая подушки. — Ассистентъ профессора или, пожалуй, тоже профессоръ, но во всякомъ случаѣ ученый; это насквозь человѣкъ науки, отъ кончика молчаливаго языка до кончиковъ пальцевъ.

Не мало удивилась бы Мона, еслибъ увидала предметъ своихъ размышленій часа два спустя. Онъ сидѣлъ за конторкой лучшей мануфактурной лавки въ Кильвинни, склонивъ голову на руку, въ позѣ, выражавшей глубокое уныніе. Мона была права, говоря, что это «насквозь человѣкъ науки»; по натурѣ онъ былъ человѣкомъ науки, можетъ быть, даже болѣе, чѣмъ самъ знаменитый профессоръ, но рокъ судилъ ему жить въ маленькомъ, узкомъ мірkѣ, гдѣ на его научныя занятія смотрѣли

какъ на забаву, ставили ихъ на одну доску съ запусканіемъ змѣя и стрѣльбой въ цѣль; гдѣ ему приходилось платить за ученье въ Сентъ-Рульской коллегіи изъ собственныхъ карманныхъ денегъ, и производить опыты въ полуразвалившейся тепличкѣ на глухомъ концѣ сада; гдѣ, наконецъ, онъ, двадцати лѣтъ отъ роду, остался сиротой, съ четырьмя взрослыми сестрами на шеѣ, которыхъ онъ обязанъ былъ содержать.

Живи они лѣтъ тридцать спустя, или въ менѣе глухой сторонѣ, сестры, вѣроятно, какъ-нибудь устроились бы сами, предоставивъ брату полную свободу завоевать себѣ славное имя, или умереть съ голоду на чердакѣ надъ своими травами, смотря по тому, какъ рѣшитъ судьба; но въ данномъ случаѣ никому изъ пятерыхъ даже и въ голову не приходила подобная мысль, хотя всѣ сестры достаточно учились музыкѣ, рисованію и французскому языку, чтобы быть разборчивыми невѣстами.

Юноша былъ рожденъ для терпѣливаго, упорнаго и систематическаго научнаго труда; онъ и самъ сознавалъ это, но когда у человѣка четыре сестры на рукахъ, а денегъ въ банкѣ ровно столько, чтобы хватило на доктора и на похороны, научныя изысканія представляются прискорбно-смутнымъ и неопредѣленнымъ источникомъ дохода. Иное дѣло уже налаженная торговля краснымъ товаромъ: тутъ, по крайней мѣрѣ, есть отъ чего «поживиться».

Онъ спряталъ въ карманъ свои планы и взялся за аршинъ, безъ громкихъ фразъ, не жалуясь на свою участь даже самому себѣ.

Онъ настолько умѣлъ поставить себя съ сестрами, что его микроскопъ, *hortus siccus* и коллекціи занимали почетное мѣсто въ домѣ, а не валялись по угламъ; за пятнадцать лѣтъ онъ пріобрѣлъ громкую извѣстность среди посвященныхъ, какъ величайшій авторитетъ относительно фауны и флоры данной части графства: но въ послѣднее время онъ сталъ заниматься своимъ любимымъ дѣломъ рѣже и скорѣе по дилеттантски, чѣмъ какъ настоящій ученый. Порою, когда проѣзжій натуралистъ обращался къ нему съ разспросами относительно того или другого вида, или просилъ сопутствовать ему въ ботанической экскурсіи, почитая это за великую для себя честь и счастье;—во время самыхъ прогулокъ, когда разговоръ заходилъ о новыхъ теоріяхъ, волновавшихъ ученый міръ, онъ чувствовалъ подъемъ духа и снова загорался страстной преданностью наукѣ, но не надолго. Въ общемъ, къ великой радости его сестеръ, онъ постепенно превращался въ добраго, солиднаго бюргера, засѣдающаго въ городской думѣ и другихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, имѣющаго всѣ шансы получить въ будущемъ мѣсто городского головы и не находящаго времени на такія вздорныя занятія, какъ ловля бабочекъ и собираніе растеній.

На вопросы знакомыхъ онъ отвѣчалъ обыкновенно, что, въ сущности, онъ избралъ благую часть. О такихъ минутахъ, какъ эта, когда

самая мысль о почестяхъ и карьерѣ тяготила его, когда онъ рисовалъ себѣ яркими красками иную жизнь, которая могла бы быть его удѣломъ, онъ не разсказывалъ никому.

Въ данный моментъ онъ думалъ о старомъ профессорѣ, пріѣзду котораго онъ страшно обрадовался, и еще больше думалъ о Монѣ Маклинъ. Въ жизни все относительно. Десятки мужчинъ, встрѣтившись съ Моной одинъ разъ, въ другой разъ, пожалуй, и не взглянули бы на нее. Въ Лондонѣ, въ большомъ свѣтѣ, она, можетъ быть, прошла бы совсѣмъ незамѣченной; но въ скучной одинокой жизни м-ра Броуна она промелькнула блестящимъ метеоромъ. Онъ не могъ бы даже сказать, чѣмъ она такъ привлекла его, какими чарами. Тутъ было всего понемножку: ея миловидность — хотя онъ боялся хорошенькихъ женщинъ, ея веселая пѣсенка—хотя онъ презиралъ легкомысленныхъ женщинъ; ея знаніе ботаники—хотя онъ насмѣхался надъ учеными женщинами; наконецъ, ея разговорчивость и свободное обращеніе,—хотя онъ ненавидѣлъ въ женщинѣ излишнюю смѣлость. Мона ни капельки не походила на туманный образъ подруги жизни, который порою рисовался ему въ мечтахъ, а между тѣмъ—между тѣмъ, куда онъ ни посмотритъ, всюду чудится ему она, сидящая на камнѣ, съ отблескомъ морской зыби въ очахъ—настоящая нимфа берега, какъ сказалъ профессоръ. Онъ даже пытался было напѣвать фальшивымъ басомъ:

«Скоро пойдетъ онъ вѣнчаться съ Юмъ-Юмъ».

Но это было уже *reductio ad absurdum*; поймавъ себя на этомъ невинномъ занятіи, онъ нахмурился и поспѣшилъ углубиться въ провѣрку счетовъ.

Ему и въ голову не приходило сомнѣваться въ томъ, что она недоступна для него. Вѣдь она—настоящая леди,—не то, что его сестры; это видно съ перваго взгляда. Что извѣстный профессоръ далъ ей свою карточку — это вполнѣ понятно и умѣстно, но кто такой онъ,— суконщикъ изъ Кильвинни, чтобы разсчитывать на вторую встрѣчу?

А между тѣмъ вторая встрѣча была гораздо ближе, чѣмъ предполагали онъ или Мона.

— Ну-съ, сегодня послѣ обѣда мы поѣдемъ къ теткѣ Белль,— объявила на другой день Рэчель.—М-ръ Хоггсъ ѣдетъ въ Кильвинни по дѣламъ и обѣщалъ довести насъ до Бальбёрни, если мы согласимся подождать его полчасика въ городѣ. А мнѣ какъ разъ нужно бы купить пару половиковъ у м-ра Броуна; у него этотъ товаръ, навѣрное, лучшаго качества, чѣмъ здѣсь, или въ Кильвинни; вотъ мы и подождемъ въ лавкѣ, пока м-ръ Хоггсъ управится со своими дѣлами.

— Но найдется ли у него свободное время, чтобы свезти насъ?— озабоченно спросила Мона.

Она знала, что Рэчель отлично могла бы себѣ позволить нанять экипажъ, вмѣсто того, чтобы ѣздить на даровщинку.

— Онъ всегда радъ случаю поболтать съ тетей Белль и полакомиться бисквитами съ битыми сливками. Она мастерица печь бисквиты.

Это было очень великодушно со стороны Рэчели, такъ какъ у нея самой бисквиты выходили всегда жесткіе и съ закаломъ, и, хотя этого она, понятно, не знала, были своего рода испытаніемъ для Моны.

— Но, дорогая, между нами говоря, мы страшно забросили лавку.

— О, это ничего; Салли отлично справится и безъ насъ. Надо дать ей только время вымыть посуду. Она будетъ даже очень довольна, что найдется, съ кѣмъ посудачить. Да и не всегда же мы будемъ ходить по гостямъ. Теперь намъ начнутъ отдавать визиты, а потомъ будутъ приглашать насъ на чай.

Мона заставила себя ласково улыбнуться, хотя эта перспектива вовсе не прельщала ее.

Въ половинѣ третьяго м-ръ Хоггсъ заѣхалъ за ними на своей «машинѣ». Машина, какъ извѣстно, слово растяжимое и допускающее различныя толкованія, но въ данномъ случаѣ оно обозначало самую заурядную телѣжку, въ какихъ торговцы развозятъ товаръ. Безспорно, она была небольшая, чистенькая и крашеная, но все же, при взглядѣ на нее, никто не усумнился бы, что это именно тотъ родъ экипажа, который Люси назвала бы «обыкновенной или садовой» телѣжкой. Рэчель и Мона не безъ труда влѣзли въ нее и покатили по Киркстоунской дорогѣ. У выѣзда они повстрѣчали доктора Дудлея. Тотъ, по своей близорукости, и не узналъ бы ихъ, но Рэчель наклонилась впередъ и закивала ему головой; онъ приподнялъ шляпу и прошелъ мимо.

Они съ грохотомъ промчались по улицамъ Киркстоуна, мимо почты, кожевеннаго завода, церкви и другихъ общественныхъ зданій, и благополучно доѣхали до Кильвинни, гдѣ м-ръ Хоггсъ любезно высадилъ ихъ передъ лавкой м-ра Броуна.

И здѣсь Мона увидала своего «профессора» съ аршиномъ въ рукѣ, отмѣривающимъ двѣнадцать аршинъ лиловаго ситцу на платье для покупательницы-служанки; а суконщикъ узрѣлъ свою очаровательную принцессу, свою нимфу берега граціозно вылѣзающей изъ телѣжки Джона Хоггса.

М-ръ Броунъ зналъ Рэчель Симпсонъ. Она не въ первый разъ заѣзжала къ нему за покупками, по дорогѣ къ теткѣ Белль; сестры его часто подсмѣивались надъ ея вычурными костюмами, а разнощикъ потѣшалъ его комическими разсказами о томъ, какъ она торгуетъ въ лавкѣ.

Надо помнить, что лавка м-ра Броуна представляла собой нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ «магазинъ» Рэчели Симпсонъ. Она была въ изобиліи снабжена хорошимъ товаромъ и состояла подъ покровительствомъ всѣхъ истинно уважающихъ себя людей въ цѣлой округѣ. Здѣсь не торговались, не продавали «дешевки». Здѣсь держались коммерческихъ традицій добраго стараго времени, когда люди искали добротныхъ и

носких тканей, не боящихся ни стирки, ни чистки. Здѣсь не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы «запереть дверь,—и пусть всѣ видятъ, что мнѣ нѣтъ надобности держать магазинъ». Процвѣтаніе такой лавки человѣкъ могъ смѣло поставить главной задачей и цѣлью своего существованія.

Высаживаніе Рэчели заняло довольно много времени, но въ концѣ концовъ она благополучно вылѣзла изъ телѣжки, и м-ръ Хоггсъ отправился дальше, пообѣщавъ заѣхать за ними черезъ полчаса.

Бѣдная Рэчель была не мало польщена любезнымъ пріемомъ, который ей оказалъ самъ хозяинъ. Наскоро передавъ аршинъ и ситецъ «молодому человѣку», онъ пошелъ къ ней навстрѣчу, правда, путаясь и сбиваясь въ словахъ, но съ протянутой рукой и весь сіяя улыбкой. А вѣдь на будущій годъ его, чего добраго, выберутъ городскимъ головой!

— Это моя кузина, миссъ Маклинъ.

М-ръ Броунъ буквально остолбенѣлъ отъ изумленія.

— Мы, кажется, встрѣчались раньше,—сказала Мона, тоже не мало удивленная, пожимая протянутую ей руку.—Кузина, это одинъ изъ джентльменовъ, которые помогали мнѣ собирать растенія.

Рэчель даже сконфузилась.

Нужно было все ея уваженіе къ «хорошему тону», чтобъ удержаться и не высказать Монѣ напрямикъ своего мнѣнія обо всемъ этомъ мусорѣ, который она натащила домой послѣ цѣлаго дня скитаній, ужъ не говоря о томъ, что *мужчина*, способный заниматься подобнымъ вздоромъ, въ глазахъ Рэчели, былъ прямо жалокъ. Однако, это не мѣшаетъ ему быть хорошимъ купцомъ, а на будущій годъ его, пожалуй, выберутъ городскимъ головой!

Притомъ же онъ такъ сердечно, такъ дружески относится къ ней,—уже это одно можетъ искупить множество грѣховъ. Какъ только Рэчель выбрала половики, онъ сбѣгалъ наверхъ и вернулся съ совершенно неожиданнымъ приглашеніемъ отъ сестеръ. Не угодно ли миссъ Симпсонъ и ея кузинѣ подняться наверхъ и подождать въ гостиной? Впослѣдствіи, когда Мона ближе узнала семейство Броунъ, она не мало дивилась, какимъ образомъ ему удалось добиться этого приглашенія.

Онѣ пошли наверхъ и встрѣтили очень радушный пріемъ. М-ръ Броунъ былъ дико счастливъ и совершенно неспособенъ выказаться въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ. Онъ безцѣльно бродилъ по комнатѣ, показывая Монѣ то то, то другое, и напрасно стараясь выговорить хоть одну связную фразу.

— Нельзя ли чайку?—обратился онъ громкимъ шепотомъ къ одной изъ сестеръ.

— Благодарствуйте!—вмѣшалась Рэчель, причемъ все лицо ея расплылось въ широкую улыбку;—это очень мило съ вашей стороны, очень любезно, но мы собираемся къ м-съ Иссонъ и не хотимъ портить себѣ аппетита.

— Вы долго здѣсь пробудете?—спрашивалъ суконщикъ у Моны.

— По всей вѣроятности, нѣсколько мѣсяцевъ.

— И вы намѣрены продолжать свои ботаническія экскурсіи?

— О да,

— На берегу есть кое-что интересное, только подальше того мѣста, откуда мы повернули. Не хотите-ли какъ нибудь пойти вмѣстѣ съ моей сестрой и со мной?

— Отчего же! Съ большимъ удовольствіемъ!—искренно обрадовалась Мона.—Несравненно удобнѣе искать растеній съ человѣкомъ, который знаетъ мѣстность.

— Такъ мы это устроимъ какъ-нибудь; надо будетъ назначить день;—онъ вздохнулъ;—только въ долгій ящикъ откладывать не слѣдуетъ: теперь осень.

Въ это время къ крыльцу подкатила телѣжка м-ра Хоггса. Суконщикъ вышелъ на улицу вслѣдъ за своими гостьями и помогъ имъ усѣсться.

— Да онъ сдѣлался настоящимъ кавалеромъ,—засмѣялась Рэчель, когда онѣ отъѣхали настолько далеко, что м-ръ Броунъ не могъ ихъ слышать.—Интересно знать, что скажутъ его сестры, если онъ вдругъ возьметъ, да и женится!

XVII

Тетя Белль.

Косые лучи заходящаго солнца обливали мягкимъ свѣтомъ старую ферму съ просторнымъ гумномъ и аккуратно сложенными возлѣ него скирдами; тѣни смягчились и приняли темно коричневую окраску, когда, наконецъ, лошадка м-ра Хоггса остановилась у садовой калитки. Не успѣли онѣ сойти, какъ тетя Белль выбѣжала имъ навстрѣчу. Это была маленькая сгорбленная старушка нѣсколько страннаго вида; живые выразительные глазки ея зорко оглядывали посѣтительницъ сквозь золотые очки. Сила характера сказывалась въ каждой чертѣ ея лица и фигуры, даже въ некрасивомъ чепцѣ, сѣромъ камлотовомъ платьѣ и бѣлоснѣжномъ передникѣ.

— Э, да это Рэчель Симпсонъ! Милости просимъ. Дикъ подержитъ лошадку.

— Это моя кузина, миссъ Маклинъ.

— Мона Маклинъ,—поправила обладательница этого имени.

Тетя Белль взяла ее за руку и принялась разглядывать совершенно безцеремонно, точно лошадь или корову, причемъ складка между бровями на лицѣ самой старухи обозначилось глубже.

— Эге, да она похожа на отца. Смотрите-ка,—носъ, подбородокъ...

— Д-да,—коротко отозвалась Рэчель Она не любила говорить объ отцѣ Моны.

— Почему ты до сихъ поръ не замужемъ?—строго продолжала тетя Белль все не выпуская руки Моны.

— «Передовыя женщины въ наше время не выходятъ замужъ, сэръ, сказала она»,—мелькнули знакомыя слова въ головѣ Моны, но она перефразировала ихъ:—Теперь не выходятъ замужъ. Это вышло изъ моды.

Лицо тети Белль утратило суровое выраженіе.

— Смотри! Явится какой-нибудь добрый молодецъ и...

— И тогда вы будете танцовать на моей свадьбѣ?

— А ужъ буду!—И тетя Белль тутъ же на порогѣ исполнила какое-то необычайное *pas seul*, затѣмъ круто повернулась и снова сурово сдвинула брови.

— Надѣюсь, ты умна?

— Благодарствуйте... По нынѣшнимъ временамъ, пожалуй, не изъ послѣднихъ.

— То-то! отецъ то у тебя былъ разумный человѣкъ.

— Я не подумала о немъ,—съ внезапной серьезностью отвѣтила Мона.—До него мнѣ далеко.

— Гдѣ же тебѣ! Онъ вѣдь былъ умница на рѣдкость. И красавецъ писаный! Я такого другого и не видывала!

— Развѣ вы видѣли его? Я не знала, что онъ бывалъ въ этихъ краяхъ?

— Какъ же не бывалъ! Онъ пріѣзжалъ сюда, лѣтъ, можетъ, двадцать пять тому назадъ, а то и больше,—тебя тогда, вѣрно, и на свѣтѣ не было. Захотѣлось ему взглянуть на домъ, гдѣ родился его отецъ,—ну и пріѣхалъ. Потолковали мы съ нимъ о старинѣ... Рэчель Симпсонъ тогда жила въ Дунди, а я—ты повѣришь, что я была первая красавица въ Тоуэрсѣ? Ей-Богу! Однако, пойдемте-ка въ домъ, я васъ угощу чаемъ.

— У насъ вездѣ ужаснѣйшій безпорядокъ,—говорила она Рэчели, входя въ безукоризненно опрятную гостиную.—Некогда присмотрѣть; съ тѣхъ поръ, какъ началась жатва, я спины не разгибала,—объясняла она, поминутно бѣгая въ кухню и обратно и накрывая на столъ.

— Вы бы заставляли прислугу больше работать, а то вы все сами.

— Дѣвчонокъ-то? Боже избави! Я терпѣть не могу, когда онѣ у меня вертятся передъ носомъ. Мнѣ гораздо лучше, когда я ихъ не вижу.

— Вы очень давно не заглядывали ко мнѣ.

— Я-то! Да я вѣдь никуда не ѣзжу и никого не вижу. Я въ церкви не была Богъ знаетъ сколько времени. Да и гдѣ ужъ мнѣ! Народъ только потѣшать. Смѣются вѣдь надъ старухой — горбатая, вишь, стала. Какъ-то приходилъ ко мнѣ священникъ. Погода въ тотъ день была убійственная: дождь какъ изъ ведра, зонтикъ у него вѣтромъ

вывернуло; лицо все синее отъ холода—вы вѣдь знаете, какой онъ тощій да хилый. Идите, говорю, скорѣй, несчастный, погрѣйтесь у огонька. А онъ этакъ гордо выпрямился и говоритъ: «Почему это я несчастный?»—носъ это кверху: «Почему, говоритъ, я несчастный?» Уморилъ совсѣмъ!—Тетя Беллъ хлопнула себя ладонью по колѣну и расхохоталась.

Въ эту минуту мимо окна прошли м-ръ Хоггсъ и супругъ тети Беллъ, человѣкъ довольно невзрачной наружности.

— Пожалуйте, м-ръ Хоггсъ, чай васъ давно дожидается. Послушай, Дэвидъ, ты бы пошелъ переодѣлся. Развѣ въ такомъ видѣ можно разговаривать съ дамами?

Дэвидъ покорно удалился.

— Мы заходили къ Броунамъ,—сообщила Рэчель,—они просили насъ остаться пить чай.

— Вотъ какъ! Я ихъ ужъ давненько не видала.

— А какъ идутъ его дѣла, вы не знаете?—спросилъ м-ръ Хоггсъ.

Тетя Беллъ выразительно пристукнула рукой по столу.

— У него въ лавкѣ товаръ отличный; все первый сортъ. Да вотъ бѣда: въ городѣ все можно купить дешевле, чѣмъ у мистера Броуна, а въ наше время люди только объ этомъ и думаютъ. Я сама всегда у него все беру. Нельзя сказать, чтобъ у него было большое призваніе къ торговому дѣлу; ну да ничего, въ послѣднее время онъ поумнѣлъ, меньше возится съ своими бабочками.

Гости еще не отпили чай, какъ тетя Беллъ ужъ принялась укладывать имъ на дорогу жирную утку и десятокъ свѣже-снесенныхъ яицъ, несмотря на кроткія возраженія со стороны Рэчели. Всѣ визиты Рэчели неизмѣнно заканчивались чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ, но она каждый разъ считала долгомъ протестовать; «хорошій тонъ» не позволялъ взять подарка иначе, какъ послѣ долгихъ упрашиваній.

М-ръ Хоггсъ начиналъ уже волноваться и торопилъ «дамъ».

— Пойдемъ, я тебя усажу,—сказала тетя Беллъ Монѣ.—Рэчель сейчасъ придетъ, она только надѣнетъ шляпку.

Какъ только они вышли въ садъ, старуха ласково положила руку на плечо Моны и шепнула:

— Тебѣ ничего, не худо живется у Рэчели?

— О нѣтъ, совсѣмъ не худо!

Тетя Беллъ покачала головой.

— Не мѣсто у нея такимъ, какъ ты...

Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ миссъ Симпсонъ.

— Соберитесь къ намъ поскорѣе,—приглашала она.

— Ну, вы, пожалуй, скорѣе моего опять сюда соберетесь.

— *Я*, по крайней мѣрѣ, навѣрное!—вставила Мона.—Я какъ нибудь приду къ вамъ пѣшкомъ, тетя Беллъ.

— Господь съ тобой, дѣвочка! Вѣдь отсюда до Борроунесса очень далеко. Гдѣ же тебѣ дойти, ты пріѣзжай лучше на поѣздѣ...

— Вы думаете, не дойти? — засмѣялась Мона. — А вотъ посмотримъ!

И телѣжка покатилась.

— Зачѣмъ, зачѣмъ, *зачѣмъ*,—думала Мона по дорогѣ въ Кильвинни,—судьба не направила меня къ тетѣ Белль, вмѣсто Рэчели Симпсонъ!

XVIII.

Силуэтъ.

Нѣсколько дней подъ-рядъ свирѣпствовала страшная буря, которая повалила поперекъ дороги огромное дерево въ саду м-ра Гамильтона, и вмѣстѣ съ нимъ часть ограды, но небо, наконецъ, прояснилось, и солнышко вновь засіяло надъ картиной разрушенія.

— Я намѣрена прокатиться въ Кильвинни, — сказала за завтракомъ м-съ Гамильтонъ.—Я просто погибаю отъ недостатка свѣжаго воздуха. Надѣюсь, ты поѣдешь со мною, Ральфъ?

— Къ сожалѣнію, не могу,—былъ короткій отвѣтъ.

Надо сознаться, что у доктора Дудлея все зависѣло отъ настроенія.

— Глупости, Ральфъ! Ты и такъ корпишь цѣлые дни надъ этими ужасными книгами. И прошлый разъ ты отказался, когда я тебя просила поѣхать со мной; а это было сто лѣтъ назадъ, еще до грозы. Это же невозможно: только и слышишь—«нѣтъ» да «нѣтъ!»

— Очень жаль, что я раньше не умѣлъ говорить: «нѣтъ»,—выговорилъ онъ мрачно, но тотчасъ же, вспомнивъ, что у старушки только и радости, что онъ, всталъ и ласково положилъ ей руку на плечо.

«Я былъ лѣнивцемъ, а теперь скакать во весь опоръ
Я долженъ...»

продекламировалъ онъ, стараясь говорить веселымъ тономъ.

— Право, Ральфъ, слушая тебя, можно подумать, что ты истасканный старый *roué*. Да что жъ бы со мной было, еслибъ ты эти два года занимался практикой! Ты самъ отлично знаешь, что во всей Шотландіи не сыщешь человѣка, образованнѣе тебя—я имѣю въ виду общее образованіе. Профессоръ Андерсонъ еще недавно мнѣ говорилъ, что тебя ни на чемъ не поймаешь: зайдетъ ли рѣчь о какомъ-нибудь никому невѣдомомъ озерѣ въ Средней Африкѣ, или о философіи Гегеля, о гимнахъ коптовъ или о постройкахъ Переходнаго періода,—вездѣ ты дома, обо всемъ этомъ ты можешь разсуждать такъ же свободно, какъ о погодѣ. Я ему сказала, чтобъ онъ включилъ въ свой перечень и послѣднюю моду въ области дамскихъ шляпъ.

Ральфъ не могъ не разсмѣяться.

— Нѣтъ, тетя, это слишкомъ зло. Вы знаете, что это не по моей части. Тутъ я могу только удивляться, но ничего не понимаю.

— Но все-таки ты поѣдешь со мной?

— Ахъ вы, хитрая, льстивая старушка! Да пожалуй, придется поѣхать. Такъ и быть—ночью посижу лишній часокъ. Воображаю, какъ вы въ молодости вертѣли нашимъ братомъ, если вы и теперь знаете всѣ слабыя струнки мужчинъ и такъ хорошо умѣете льстить имъ!

— Въ молодости было совсѣмъ не то,—спокойно возразила старушка.—Чтобъ изучить людей, нужно много времени, цѣлая жизнь.

Онъ опять засмѣялся, поцѣловалъ ее въ лобъ и попросилъ кусочекъ торта. Сильно ошибались тѣ, кто жалѣлъ молодого доктора, находя, что онъ долженъ скучать въ обществѣ старой тетки.

Толстый старый кучеръ подалъ къ крыльцу жирную старую лошадь, и они покатили мелкой рысцой.

— Надо заѣхать въ Киркстоунъ, сказать Хётчисону, чтобы онъ поправилъ ограду. Экая жалость, что такое огромное дерево свалило грозой—точно теряешь стараго друга! Зато дровъ у насъ зимой будетъ вдоволь. Вотъ увидишь, какой костеръ мы разведемъ въ честь твоего возвращенія.

— Отличное дѣло! — особенно послѣ лондонской экономической топки; къ тому же, мы должны хорошенько отпраздновать Рождество. Если вы будете чувствовать себя молодцомъ, я не пріѣду до лѣта, пока не сдамъ всѣхъ экзаменовъ. Въ мои годы проваливаться не полагается. Ай-ай, взгляните ка на эту пшеницу!

Урожай обѣщалъ быть хорошимъ—до бури, но теперь всѣ скирды намокли отъ дождя, а еще не сжатые колосья прибило къ землѣ.

— Теперь придется не косить, а жать серпами,—вздохнула старушка.—Задала намъ работы эта буря!

Они проѣхали мимо Кильвинни, толкуя о близкомъ отъѣздѣ доктора Дудлея и высчитывая, когда онъ можетъ вернуться.

— Что за странный видъ у этого парохода!—сказала вдругъ м-рсъ Гамильтонъ. Поврежденъ онъ, что ли? Ты не видишь?

— Вы знаете, что я дальше, чѣмъ на два шага впередъ, ужъ ничего не вижу. А глаза свои я оставилъ дома.

Тетка подала ему полевой биноклъ, и онъ началъ пристально всматриваться.

— Ну, знаете, я не могу отличить вашего парохода отъ арки моста. Впрочемъ, это и не удивительно.

Прежде чѣмъ возвратить биноклъ, онъ разсѣянно обвелъ глазами берегъ и увидалъ вдали двѣ туманныхъ фигуры, мужскую и женскую, пригнувшіяся къ землѣ.

Онъ, пожалуй, и не обратилъ бы на это вниманія, но мужчина былъ безъ шляпы, и эти двѣ одинокія фигуры на песчаныхъ дюнахъ напомнили доктору Дудлею фигуры молящихся въ *Angelus*'ѣ, Милле. Онъ засмѣялся, навелъ биноклъ, какъ ему было удобнѣе, и сталъ разсматривать ихъ.

Какъ разъ въ это время женщина выпрямилась, и силуэтъ ея ясно вырисовался между землею и небомъ. Онъ тотчасъ узналъ эту стройную, молодую фигуру, но вотъ вопросъ, кто мужчина? Дудлей тщательно разглядывалъ ничего не подозрѣвавшаго незнакомца—но напрасно. Онъ никогда раньше не видалъ «этого субъекта».

М-рсъ Гамильтонъ, сама того не зная, пришла къ нему на помощь. Она взяла у него бинокль и снова навела его на пароходъ.

— Нѣтъ, не могу узнать. Должно быть, этотъ пароходъ зашелъ сюда для ремонта. А это вѣрно м-ръ Броунъ, суконщикъ изъ Кильвинни. Ты знаешь, онъ вѣдь замѣчательный ботаникъ—очень знающій человѣкъ, только талантъ свой держитъ подъ спудомъ. Должно быть, это съ нимъ одна изъ его сестеръ. Говорятъ, онъ никогда не показывается съ другими женщинами.

— Вѣдь этакое нахальство!—невольно вырвалось у Дудлея.

— Что съ тобой, Ральфъ? Что ты хочешь сказать? Ты вѣчно коришь меня дворянскими предразсудками, но даже я не имѣю ничего противъ того, чтобы ремесленникъ или торговецъ занимался въ свободное время наукой, если это не мѣшаетъ ему хорошо вести себя и знать свое дѣло. Очень жаль, что другіе молодые люди изъ этого сословія не слѣдуютъ его примѣру. Это удержало бы ихъ отъ многаго дурного.

— Да, да,—разсѣянно подтвердилъ д-ръ Дудлей.

Это была странная непослѣдовательность, но въ объясненія онъ не вдавался, а тетка его слишкомъ привыкла къ такимъ неожиданнымъ паузамъ въ разговорѣ съ племянникомъ, чтобы обратить на это особенное вниманіе.

Д-ръ Дудлей не былъ влюбленъ въ Мону. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что вообще не способенъ любить. Его привлекали всѣ женщины, сколько-нибудь и въ какомъ бы то ни было отношеніи приближавшіяся къ его идеалу: любящая жена и мать, артистка, хорошенькая танцовщица, строгая студентка—поборница женскихъ правъ, хорошая хозяйка и краснорѣчивая ораторша—въ каждой изъ нихъ онъ видѣлъ воплощеніе одной изъ чертъ, присущихъ вѣчному идеалу женщины, но желать, чтобы всѣ эти черты были соединены въ одной, ему даже не приходило въ голову. Онъ восхищался каждой въ отдѣльности, довольствовался тѣмъ, что находилъ, и не требовалъ большаго. Онъ очень любилъ бывать въ женскомъ обществѣ, но, покидая его, анализировалъ своихъ собесѣдницъ такъ же спокойно, какъ если бы онѣ были мужчинами. Впрочемъ, «анализъ» здѣсь едва ли подходящее слово, ибо д-ръ Дудлей не столько изучалъ характеръ, сколько угадывалъ ихъ по наитію, хотя человѣкъ, мало его знающій, не предположилъ бы въ немъ этой любопытной способности.

Мона очень удивилась бы, если бы знала, насколько его оцѣнка ея личности правильнѣе оцѣнки сагиба. Онъ почти съ перваго взгляда понялъ, что передъ нимъ существо сложное и вмѣстѣ простое, сдержан-

ное и въ то же время чуждое всякихъ условностей; онъ почти съ первой встрѣчи сообразилъ, что за будущее, конечно, ручаться нельзя, но въ настоящемъ идея пола для нея просто-на-просто не существуетъ. Не даромъ она назвала его *simpatico*. Чуткость его доходила почти до геніальности.

Правда, ни одна женщина и не нравилась ему такъ, какъ Мона. Онъ постоянно думалъ о ней и порой ловилъ себя на желаніи, чтобы она не была «племянницей миссъ Симпсонъ». А между тѣмъ, эта убогая обстановка придавали ей что-то пикантное и трогательное, какую-то особую прелесть, будившую въ душѣ Дудлея чувство почти отцовской нѣжности къ ней,—чувство, на которое онъ вовсе не считалъ себя способнымъ, такъ какъ докторъ Дудлей былъ прежде всего завзятымъ холостякомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—думалъ онъ, закуривая послѣобѣденную сигару въ уютной «курилкѣ»,—она не интересуется этимъ субъектомъ. Этого не можетъ быть. Она не такъ глупа. Живи она лѣтъ пятьдесятъ назадъ, это было бы все *en règle*. Она не задумалась бы выйти за него замужъ и считала бы, что сдѣлала прекрасную партію. Она сдѣлалась бы прекрасной хозяйкой, варила бы пиво и рожала дѣтей, а ея внучки учились бы теперь въ начальной школѣ въ Ньюнгэмѣ, или Джиртонѣ.

— Но вѣдь и для *нея* еще не поздно начать. Еслибъ только моя милая старушка не была такой завзятой консерваторшей, я упросилъ бы ее платить за образованіе миссъ Маклинъ. Клянусь Юпитеромъ! для нея это было бы дѣйствительно образованіе, а не просто ученье, какъ это бываетъ съ большинствомъ женщинъ;—но будь у тетушки лишнія деньги, она навѣрно предпочла бы надѣлить миссъ Маклинъ приданымъ и выдать ее замужъ за суконщика.

Ему и въ голову не приходило сомнѣваться, что Мона постоянная жительница Борроунесса. Тетка говорила о ней именно въ этомъ смыслѣ, въ тотъ единственный разъ, когда имя Моны было произнесено между ними. Старушка думала, что рѣчь идетъ о настоящей, родной племянницѣ миссъ Симпсонъ, не подозрѣвая, что та уѣхала въ Америку; Ральфъ же не зналъ никого другого, кто могъ бы дать ему желаемыя свѣдѣнія о помощницѣ миссъ Симпсонъ. Она, очевидно, училась гдѣ-нибудь—это замѣтно по произношенію; что же касается прочаго, онъ всегда утверждалъ, что дѣвушки въ низшихъ слояхъ буржуазіи нерѣдко получаютъ очень сносное воспитаніе, и если одна изъ тысячи съумѣла воспользоваться имъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго.

XIX.

На другой день, пока м-рсъ Гамильтонъ дремала въ креслѣ послѣ обѣда, д-ръ Дудлей, какъ всегда, засѣлъ за свои книги, но у него такъ болѣла голова, что вскорѣ онъ долженъ былъ оставить занятія.

*

— За каждый часъ работы сегодня мнѣ придется отдыхать два часа завтра,—сказалъ онъ себѣ и, взявъ съ полки томикъ стихотвореній, отправился на берегъ.

И другіе люди, кромѣ Моны, знали о существованіи «Замка Маклинъ», можетъ быть, даже подмѣтили ея пристрастіе къ этому мѣсту. Дудлей вдвое скорѣе ея дошелъ до ея излюбленной скалы и быстро вскарабкался по высокимъ неровнымъ ступенькамъ. Тамъ, комфортабельно расположившись на самой вершинѣ, сидѣла та, кѣмъ были заняты его мысли; на колѣняхъ ея лежалъ раскрытый альбомъ, а рядомъ старый, видавшій виды ящикъ съ красками. Дудлей былъ слишкомъ артистъ въ душѣ для того, чтобы самому портить краски и пачкать бумагу, но онъ понималъ разницу между однимъ ящикомъ съ красками и другимъ и сразу проникся должнымъ уваженіемъ къ художницѣ.

— Прошу извиненія. Такъ и вамъ извѣстно это мѣстечко?

— Это моя личная собственность, Замокъ Маклинъ,—выговорила она не торопливо, съ яснымъ достоинствомъ, ни мало не напоминавшимъ ея манеры держать себя съ покупателями; это была совсѣмъ не та живая, веселая, подвижная Мона, какую онъ привыкъ видѣть въ лавкѣ.

Онъ низко поклонился.

— Я не помѣшаю вамъ, если останусь?

— Ничуть.—Она наклонила голову на бокъ, критически разсматривая написанное ею небо.—Конечно, въ томъ случаѣ, если ваша шляпа не будетъ закрывать отъ меня пейзажа.

— Какъ перемѣнилась погода, не правда ли?

— Какая чудная буря!—вскричала она съ восторгомъ, откладывая въ сторону кисть.—Вотъ когда этотъ берегъ и скалы были въ своей стихіи! Какъ хороши эти огромные валы, разсыпающіеся огромными фонтанами пѣны! Дивное зрѣлище!—для одного этого стоитъ жить.

— Неужели вы приходили сюда во время бури!

— Каждую свободную минуту. Почему же нѣтъ? Въ такомъ первобытномъ мірѣ промокнуть не страшно.

Она посмотрѣла на книгу, которую онъ держалъ въ рукахъ, и снова принялась за рисованіе. Вѣдь оба пришли сюда не для разговоровъ, зачѣмъ же стѣсняться?

— Эта книга не для дамъ,—началъ онъ, хотя съ учащейся дѣвушкой онъ не счелъ бы этой оговорки необходимой,—но, я думаю, здѣсь найдутся двѣ-три вещицы, которыя понравятся вамъ.

Она улыбнулась, очень довольная. Она не забыла, какъ онъ читалъ ей въ первый разъ...

Мона скоро бросила рисовать и слушала, склонивъ голову на руку. Вдругъ онъ захлопнулъ книгу, говоря:

— А теперь я жду награды. Можно посмотрѣть ваши рисунки?

Она смутилась и покраснѣла. Какъ исполнить его просьбу? Эскизы набросанные въ Норвегіи, Италіи, Саксонской Швейцаріи еще можно бы какъ-нибудь объяснить; но что сказать о портретахъ «почтенныхъ синьоровъ», экзаменовавшихъ ее въ Бёрлингтонъ-гоузѣ?—о каррикатурѣ, надъ которой хохотала вся школа—изображавшей *Mademoiselle* Люси за перевязкой раны?—наконецъ о ея шедеврѣ, этюдѣ анатомическаго зала?

— Я обѣщала Рэчели свято сохранить ужасную тайну и намѣрена сдержать слово,—иронически говорила она самой себѣ. Однако ей стоило нѣкотораго усилія отказать. Нѣкоторые изъ рисунковъ были, безспорно недурны въ своемъ родѣ, и она съ удовольствіемъ показала бы ему ихъ; кромѣ того, ей были очень непріятно навлечь на себя подозрѣніе въ ложной скромности.

— Мнѣ жаль вамъ отказать, но я предпочла бы не показывать вамъ альбома.

Онъ удивился, но на такой рѣшительный отвѣтъ возражать было нечего.

— Если хотите,—застѣнчиво молвила она,—я попытаюсь отплатить вамъ тою же монетой, хотя и худшаго достоинства. Я вамъ почитаю, а вы закройте глаза и прислушивайтесь къ плеску волнъ. Это одинъ изъ моихъ идеаловъ счастья.

Мона взяла книгу и стала читать, но Дудлей не закрывалъ глазъ. Голосъ ея не былъ такъ красивъ и глубокъ, какъ у него, но все же былъ симпатиченъ и читала она выразительно. Его интересовалъ выборъ стихотворенія, онъ съ удовольствіемъ слушалъ ее, но еще съ большимъ удовольствіемъ наблюдалъ за этимъ измѣнчивымъ, подвижнымъ лицомъ. Она какъ будто не читала, а говорила стихи наизусть; глаза ея были устремлены вдаль, лицо, озаренное какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ, въ эту минуту было безусловно прекрасно. Въ первый разъ въ умѣ Дудлея мелькнула опредѣленная мысль, что онъ хотѣлъ бы, чтобъ у матери его дѣтей было такое лицо.

— Она способна облагородить человѣка помимо его воли,—подумалъ онъ, но вслухъ спросилъ только:

— Вы знаете это стихотвореніе?

— Да.

— А тѣ, которыя я читалъ.

— Не всѣ. Нѣкоторыя знаю.

Наступило минутное молчаніе.

— Имѣете вы хоть какое-нибудь понятіе о томъ, какъ напрасно вы тратите силы и жизнь?—спросилъ онъ вдругъ.

Мона покраснѣла и хотѣла что-то отвѣтить. Въ это мгновеніе налетѣвшій вѣтеръ вырвалъ листокъ изъ ея альбома и сбросилъ его внизъ.

Она засмѣялась, обрадовавшись предлогу перемѣнить разговоръ.

— Судьба очевидно рѣшила, что вы увидите *этотъ* эскизъ. — И она протянула ему листокъ.

Рисунокъ изображалъ полненькую, загорѣлую, краснощекую дѣвушку, примѣряющую передъ зеркаломъ простенькую шляпку. Вокругъ въ туманѣ виднѣлись перья, цвѣты, блестящія украшенія для шляпъ, а въ круглыхъ глазахъ дѣвушки выражался положительный ужасъ передъ скромной шляпкой, украшавшей ея собственную голову.

Внизу было подписано рукою Моны:

«Стоитъ ли послѣ этого жить?»

Дудлей засмѣялся.

— Съ этимъ рисункомъ, вѣроятно, связана какая-нибудь исторія?

— Да, нѣчто въ этомъ родѣ.

И она нѣсколько ироническимъ тономъ передала ему свой разговоръ съ молоденькой служанкой, ея первой заказчицей.

— Беру назадъ свои слова, — молвилъ онъ серьезно; — вы не напрасно тратите силы. Дай Богъ каждому достигнуть такихъ результатовъ!

— Не заставляйте меня чувствовать свою глупость еще сильнѣе, чѣмъ я ее чувствую.

— Глупость! Я желалъ бы, чтобъ въ этомъ мѣстечкѣ нашлись еще глупцы, чтобы оцѣнить васъ,—напримѣръ, Рёскинъ!

— Я и то пробовала утѣшать себя мыслью о Рёскинѣ,—засмѣялась она, но въ смѣхѣ ея слышались слезы. — Впрочемъ, это вѣдь только присказка, а сказка впереди. Съ тѣхъ поръ я получила нѣсколько заказовъ на такія же шляпы; къ сожалѣнію, надо сознаться, что онѣ больше нравились матерямъ моихъ заказчицъ, чѣмъ самимъ дѣвушкамъ. Съ одной изъ нихъ я и написала этотъ эскизъ. Вы видали когда-нибудь старую экономку полковника Лауренса? Она, говорятъ, большая чудачка.

— О да. «Полковникова Дженни» личность извѣстная.

— Дочь ея нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ поступила на мѣсто и какъ-то на дняхъ пришла въ гости къ матери, «притащивъ все свое жалованье на спинѣ», какъ выразилась старая Дженни. Та страшно разозлилась и послала ее ко мнѣ, чтобъ я сдѣлала ей шляпку, «какъ у Полли изъ Тоуэрса». Надо было видѣть, съ какимъ ужасомъ она надѣла на себя эту шляпку! Вотъ она здѣсь какъ разъ такая, какой была тогда—этакое жалкое маленькое созданьице, розовое, пухленькое и страшно пестро одѣтое. Мнѣ самой хотѣлось попросить ее снять эту шляпку. Уговаривать ее—это было все равно. что читать наставленія бабочкѣ.

— Да, какъ-то не считаешь себя вправѣ мѣшать бабочкамъ человѣческой породы оставаться бабочками, пока не увидишь, что онѣ кружатся возлѣ огня.

— Еслибъ хоть знать навѣрное, стоитъ ли пытаться спасти ихъ,— а то дѣйствуешь по вдохновенію. Впрочемъ, эта маленькая Магги еще не изъ худшихъ экземпляровъ. Она въ сущности славная дѣвочка. Я даже не удивлюсь, если у нея окажется гдѣ-нибудь что-нибудь вродѣ души.

— Ее тоже зовутъ Магги?—усмѣхнулся д-ръ Дудлей, вглядываясь въ полудѣтское личико, изображенное на эскизѣ.—Онѣ здѣсь всѣ Магги. Просто надоѣдаетъ слышать на каждомъ шагу это имя.

— Развѣ? А мнѣ такъ нѣтъ. Королева Маргарита моя любимая героиня и кромѣ того моя патронша.

— Васъ зовутъ Маргаритой? Къ вамъ идетъ это имя. Оно безспорно прекрасно; можетъ быть потому-то меня такъ и злитъ это безсмысленное «Магги».

Мона хотѣла сказать, что это ея второе имя и что такъ ее никто не называетъ, но его лицо сдѣлалось вдругъ такъ серьезно, что она не рѣшалась заговорить, чтобы не испортить его настроенія. Какъ часто какой-нибудь пустякъ, не во время сказанное или несказанное слово бросаетъ тѣнь, или свѣтъ на все наше будущее!

Нѣсколько минутъ оба молчали. Д-ръ Дудлей видимо хотѣлъ что-то сказать и не рѣшался, затѣмъ вдругъ, безъ всякихъ предисловій, поддаваясь какому-то непреодолимому побужденію, началъ разсказывать ей исторію своей жизни. Быть можетъ, ему хотѣлось знать, какъ отнесется, что скажетъ о ней доровитая женщина. Онъ несомнѣнно считалъ Мону совершенно исключительнымъ существомъ, съ которымъ можно было говорить, не стѣсняя себя никакими общепринятыми правилами.

— Я вышелъ изъ гимназіи шестнадцати лѣтъ, нагруженный книгами, медалями и т. п. На образованіе мое была ассигнована довольно крупная сумма, и я могъ расходовать её по желанію; это была не вина моя, а несчастье. Я иногда готовъ завидовать людимъ, родители которыхъ распоряжаются ими, не спрашивая ихъ мнѣнія.

«Я пробылъ три года въ Эдинбургскомъ университетѣ и вышелъ оттуда магистромъ философіи. Есть ученыя степени хуже этой. Правда, она не даетъ ни настоящаго образованія, ни университетскаго закала, ни житейскаго опыта, но зато даетъ солидный фондъ общихъ, полезныхъ знаній, которымъ не слѣдуетъ пренебрегать и который не настолько тяжеловѣсенъ, чтобы заглушить въ человѣкѣ дремлющую искру геніальности, буде таковая имѣется. Разумѣется, *a priori* нельзя сказать, какъ повліяетъ на человѣка образованіе.

«Уѣзжая изъ Эдинбурга, я заявилъ профессорамъ о своемъ желаніи поступить въ Кэмбриджъ. Профессоръ классической литературы совѣтовалъ мнѣ продолжать заниматься древними языками; профессоръ математики заклиналъ меня посвятить себя «вѣчной истинѣ»;—онъ находилъ, что математическія науки единственная форма проявленія этой истины, доступная вѣчно заблуждающемуся человѣчеству. Я же рѣшилъ

заняться естествознаніемъ. Въ то время обо этомъ такъ много говорили, придавали такъ много значенія даже минимальному уровню знаній въ этой области, что я вообразилъ себѣ, будто трехъ лѣтъ добросовѣстнаго труда достаточно, чтобы отдернуть завѣсу, скрывающую истину. Вначалѣ, пока надежда была во мнѣ сильна, я работалъ съ энтузіазмомъ, потомъ немного поостылъ, убѣдившись, что въ моей власти самое большее приподнять уголокъ завѣсы, а за нею останется еще цѣлая бездна неизвѣданнаго, и что человѣчеству развѣ, можетъ быть, черезъ триста лѣтъ удастся достигнуть того, чего я надѣялся достигнуть въ три года. Разумѣется, я могъ бы внести въ общую сокровищницу трудовъ и изысканій ничтожную долю своего личнаго труда, но для этого не могу сказать, чтобъ я особенно годился. Вообще самое главное затрудненіе для меня было опредѣлить, на что я собственно годенъ. Какъ бы такъ ни было, я сдалъ экзаменъ и получилъ ученую степень.

— Перваго разряда?—полюбопытствовала Мона.

— Третьяго,—презрительно отвѣтилъ онъ,—но вѣдь я учился не для диплома. И умственно я сильно выросъ за эти три года,—можетъ быть, благодаря самымъ условіямъ жизни въ Кэмбриджѣ. А, можетъ быть, я достигъ бы гораздо большаго на равнинахъ Тибета.

Онъ глубоко перевелъ духъ. Онъ почти забылъ, съ кѣмъ говоритъ; ему хотѣлось только излить свою душу. Да и не бѣда, если она не пойметъ того или другого въ отдѣльности; общій смыслъ разсказа она все-таки должна уловить.

— Ну-съ, затѣмъ я около двухъ лѣтъ путешествовалъ, слушалъ лекціи въ Гейдельбергѣ, Геттингенѣ, Іенѣ. По вечерамъ слушалъ хорошую музыку, въ свободное время осматривалъ соборы и картинныя галлереи. Затѣмъ вернулся домой, рѣшивъ избрать профессію. Выбралъ я медицину, главнымъ образомъ, по той же причинѣ, какую уже приводилъ вамъ, поселился въ Лондонѣ и началъ готовиться къ экзамену въ колледжѣ. Вы спросите: почему я не поступилъ въ университетъ? Да, оно было бы лучше! Но видите ли, я уже вышелъ изъ того возраста, когда мальчики «учатся» легко и блистательно держатъ экзамены. Къ тому же, за два года путешествій, занятій искусствомъ, музыкой и философіей, мои познанія по математикѣ, классикамъ и естественнымъ наукамъ порядкомъ-таки повывѣтрились изъ моей головы, хотя почему-то принято думать, что должно быть обратное.

«Черезъ полгода я уже ненавидѣлъ медицину. Употребляя излюбленное здѣсь выраженіе, я находилъ, что она—«ни рыба, ни мясо, ни птица, ни копченая селедка», не искусство, не наука, не литература, не философія, но отвратительное попурри изъ всѣхъ четырехъ, съ громадной, преобладающей примѣсью самаго безсовѣстнаго вранья. До тѣхъ поръ я работалъ добросовѣстно, но нравственной заслуги въ томъ не было, ибо я работалъ *con amore*. Когда же *amor* изсякъ, я почти перестал работать. Я выбралъ эту профессію потому, что она

требовала не виднаго и безмолвнаго труда, но именно въ эти годы и говорилъ больше, чѣмъ когда-либо; должно быть, это природа мстила за произведенное надъ нею насиліе. Я читалъ все, что угодно, только не медицинскія книжки, бывалъ въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ, но только не въ обществѣ врачей,—но тѣмъ не менѣе подвигался впередъ. На первомъ экзаменѣ я прошелъ фуксомъ, на второмъ тоже. Недостаткомъ апломба я не страдалъ; у меня всегда была на готовѣ блестящая теорія на подмогу къ мало убѣдительнымъ фактамъ, а на нѣкоторыхъ экзаменаторовъ это очень дѣйствуетъ. Когда пришлось готовиться къ выпускному экзамену, я возненавидѣлъ хирургію, потому что плохо зналъ анатомію. Медицину, вѣроятно, постигла бы та же участь, но я много занимался физіологіей въ Кембриджѣ, въ лабораторіи Гаскелля,—въ сущности, даже больше, чѣмъ это было необходимо, такъ какъ предполагаемая связь между физіологіей и медициной чисто фиктивная. Можетъ быть, это покажется невѣроятнымъ, но я прошелъ и на выпускномъ экзаменѣ, благодаря тому, что пробивался, такъ сказать, и костями, и зубами. Если мнѣ укажутъ человѣка, который выдержалъ всѣ три экзамена съ меньшимъ запасомъ знаній, чѣмъ вашъ покорный слуга, я сочту долгомъ пожать ему руку: его есть съ чѣмъ поздравить.

«Затѣмъ слѣдовало начать пріискивать практику, или *locum tenency*, но, прежде чѣмъ приняться за это, я поѣхалъ въ Кембриджъ повидаться съ друзьями. Тамъ я часто встрѣчался съ Діармидомъ, профессоромъ анатоміи. Не знаю, слыхали ли вы о немъ, но этотъ человѣкъ способенъ вдохнуть жизнь въ мертвыя кости. Это настоящій ученый, отъ головы до пятъ, съ огромнѣйшей эрудиціей, но ничуть не педантъ, съ умомъ, открытымъ для каждаго проблеска новаго свѣта».

Густая краска залила лицо Моны, но, къ счастью, д-ръ Дудлей не смотрѣлъ въ ея сторону. Она была сильно склонна думать, что сказанный профессоръ фигурировалъ въ числѣ другихъ «почтенныхъ синьоровъ» на страницахъ ея альбома.

— Странное дѣло! — продолжалъ Дудлей.—Всю мою жизнь, въ то время, какъ другіе люди блуждали во мракѣ, мнѣ казалось, что я вижу свѣтъ истины, а занявшись медициной, я вдругъ потерялъ его изъ виду... А, да не стоитъ распространяться объ этомъ. Однимъ словомъ, я написалъ свои «Страданія Вертера»;—будемъ надѣяться, что это послѣднія,—а затѣмъ поступилъ въ лондонскій университетъ и началъ всю работу съизнова.

Онъ остановился и вдругъ почувствовалъ себя неловко: точно ни съ того, ни съ сего взялъ, да и расхвастался.

— Не понимаю только, съ какой стати я вамъ разсказываю все это, —прибавилъ онъ нѣсколько суше.

— Я нахожу, что это прямо подвигъ—начать сначала, — выговорила Мона.—Всѣ эти годы не потеряны; изъ васъ выйдетъ чудеснѣй-

шій докторъ, а когда-нибудь, можетъ быть, вы и сами будете знаменитымъ профессоромъ. Вы теперь на какомъ курсѣ?

— Вступительный экзаменъ я выдержалъ тогда же, а черезъ полгода сдалъ предварительный научный по всѣмъ предметамъ. Въ іюлѣ я буду держать переходный на старшій курсъ, а черезъ два года выпускной. Только бы мнѣ сдать переходный,—тогда у меня камень свалится съ души. Все-таки надо имѣть немножко гражданскаго мужества, чтобы идти бокъ ò бокъ съ мальчишками—вѣдь студенты всѣ почти гораздо моложе меня.

— Зато это очень полезно для нихъ.

Мона была бы рада душой заплатить откровенностью за откровенность, разсказавъ ему свою собственную исторію. И къ чему она дала Рэчели это нелѣпое обѣщаніе?.. Но что̀ подумаетъ Рэчель, если она попроситъ ее разрѣшить сдѣлать исключеніе въ пользу д-ра Дудлея? Нѣтъ, это слишкомъ смѣшно! Она не узнавала себя: та ли это Мона Маклинъ, которая изучала медицину въ Лондонѣ?

— Однако, уже больше пяти, — сказалъ д-ръ Дудлей, взглянувъ на часы.

Мона вскочила на ноги и вдругъ съ облегченіемъ вспомнила, что Рэчель пошла въ гости и, слѣдовательно, ей не зачѣмъ торопиться.

— Все-таки мнѣ слѣдовало вернуться во̀-время, чтобы помѣшать ей надѣть красную шляпку,—подумала она, чувствуя маленькое угрызеніе совѣсти.

— А завтра вы придете сюда рисовать? — спрашивалъ докторъ Дудлей, идя рядомъ съ ней по дорогѣ.

— Завтра? Нѣтъ, кузина хочетъ свезти меня въ Сентъ-Рульсъ.

— Я думалъ, что миссъ Симпсонъ ваша тетка.

— Нѣтъ; она двоюродная сестра моего отца; у меня мало родныхъ.

Самъ не зная почему, Дудлей вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Мнѣ слѣдовало бы сообразить, что моей старушкѣ неоткуда знать всю подноготную о здѣшнихъ обывателяхъ.

— Вы никогда не бывали въ Сентъ-Рульсѣ?—спросилъ онъ громко.—Вамъ предстоитъ большое наслажденіе. Тамъ чуть не каждый камень имѣетъ свою исторію. Однако мнѣ пора, я обѣщалъ встрѣтиться съ теткой въ Киркстоунѣ. Ненавижу слово «прощайте», а вы?

— Я тоже.

Онъ какъ-то стремительно повернулся къ ней и протянулъ руку.

— И такъ, пока...

— *Sans adieu*!

Войдя въ мрачную маленькую гостиную, Мона вздохнула. Какъ старательно не провѣтривала она домъ въ отсутствіе Рэчели, стоило закрыть окна, и черезъ пять минутъ воздухъ во всѣхъ комнатахъ становился опять сырой и затхлый.

Осенніе вечера были холодны, но бѣлыхъ занавѣсей еще не сняли,—законы мидянъ и персовъ требовали строгаго соблюденія срока,—и, какъ ни любила Мона погрѣться у комелька, нужно было, чтобы термометръ упалъ очень низко для того, чтобы она рѣшилась искать убѣжища въ кухнѣ Салли, за исключеніемъ субботъ, когда во всемъ домѣ производилась по утрамъ генеральная чистка.

Чай былъ поданъ и ждалъ ее съ пяти часовъ.

Мона опять вздохнула, отодвинула отъ себя холодныя тартинки, налила въ чашку перестоявшагося чаю и вся съежилась отъ холода, взглянувъ на нетопленный каминъ. Но черезъ минуту всѣ ея горести были забыты. На каминѣ, прислонившись къ стеклянному колпаку, покрывающему часы, и дружески улыбаясь ей черезъ комнату, стоялъ большой, толстый, красивый конвертъ, надписанный рукою леди Мунро.

— *Gaudeamus igitur*!

Какъ хорошо, что письмо пришло въ отсутствіе Рэчели. Теперь она можетъ извлечь изъ него *maximum* наслажденія. Она тихонько, на цыпочкахъ подкралась къ письму, боясь, какъ бы оно не «растаяло въ воздухѣ» у нея на глазахъ, осторожно взяла его, разсмотрѣла штемпель, вдохнула въ себя тонкій ароматъ, живѣе всего прочаго напоминавшій ей прелестную граціозную женщину въ изящной гостиной на Глочестеръ-плэсѣ, и, наконецъ, перочиннымъ ножикомъ вскрыла конвертъ.

Тамъ было цѣлыхъ три письма, три сокровища, одно отъ сэра Дугласа, начинавшееся: «Дорогая моя дѣвочка...», другое отъ леди Мунро—«Моя милочка Мона...» и третье отъ Эвелины—«Мой дорогой, любимый другъ...»

Письма эти не блистали умомъ и остроуміемъ, но были всѣ три очень ласковыя и характерныя; Мона смѣялась и плакала надъ ними свернувшись клубочкомъ въ углу стариннаго дивана съ прямою жесткою спинкой. Сэръ Дугласъ писалъ грубовато, по отечески и, какъ всегда, напрямикъ; леди Мунро подчеркивала каждое слово, которое она подчеркнула бы въ разговорѣ. «Дугласъ *такъ* скучалъ и былъ такъ *такъ* грубъ послѣ твоего отъѣзда! Онъ и теперь постоянно говоритъ о тебѣ, *постоянно*». Эвелина подробно описывала все, что они дѣлали съ тѣхъ поръ, какъ разстались съ Моной, прерывая свой разсказъ увѣреніями въ дружбѣ. «Мы съ мамой почти сейчасъ же уѣхали въ Каннъ,—писала она.—Отца само собой невозможно было увезти изъ Шотландіи до тѣхъ поръ, пока на болотахъ оставалась хоть одна птица. Пиши мнѣ побольше и почаще. Твои письма всегда такія прелестныя». Всѣ трое неоднократно напоминали Монѣ о ея обѣщаніи провести вмѣстѣ съ ними будущее лѣто.

— Какъ они добры!—повторила Мона.—Какъ они добры!

Въ ранней юности Мона, какъ всѣ школьницы, страстно привязывалась къ подругамъ и жестоко убивалась, когда «вѣчная дружба»

измѣняла ей. «Съ этихъ поръ,—говорила она себѣ,—я не стану вѣрить ни въ дружбу, ни въ постоянство. Я буду помнить, что здѣсь у меня не можетъ быть пребывающаго града, даже въ сердцахъ тѣхъ, кого я люблю, и не буду цѣпляться ни за жизнь, ни за любовь».

И даже теперь, когда время исцѣлило ея сердце и сдѣлало ее человѣчнѣе, истинная дружба и постоянство неизмѣнно вызывали въ ней чувство радостнаго удивленія. На каждомъ шагу оказывалось, что люди относятся къ ней гораздо лучше, чѣмъ она осмѣливалась надѣяться.

Она все еще перечитывала письма, когда вернулась кузина.

— Ну, нечего сказать, хорошія вещи я узнала!..—еще на порогѣ воскликнула Рэчель.—Помните, какъ я мучилась на той недѣлѣ съ м-рсъ Робертсонъ, уча ее вышиванью? Ну-съ, оказывается, что вчера у нея были гости къ чаю, и она даже не сочла нужнымъ пригласить меня. Какъ вамъ это нравится? Она думаетъ, что меня можно приглашать только, когда ей что-нибудь отъ меня нужно!

— Должно быть, наука оказалась ей не по силамъ, и она боится въ этомъ сознаться,—утѣшила Мона.

— И то сказать, я еще не встрѣчала такой копуньи,—обидчиво замѣтила Рэчель, укладывая въ картонку знаменитую красную шляпу.—Ну, пусть же она себѣ ищетъ теперь другую помощницу, а съ меня довольно. Однако, если завтра ѣхать въ Сентъ-Рульсъ, такъ надо поскорѣе ужинать и ложиться спать.

Придя въ свою комнату, Мона еще разъ перечитала письма, но, къ удивленію своему, замѣтила, что думаетъ уже о другомъ.

— Мнѣ ужасно жаль, что я не могла показать ему альбома и выложить все на чистоту,—говорила она своему вѣрному другу—своему отраженію въ зеркалѣ.—Однако,—поза ея измѣнилась,—почему именно ему? Зачѣмъ непремѣнно выдѣлять его?

Лицо въ зеркалѣ смотрѣло на нее вызывающимъ взглядомъ и, повидимому, не знало, что̀ отвѣтить.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

РЁСКИНЪ И РЕЛИГІЯ КРАСОТЫ.

Роберта Сизеранна.

Переводъ съ французскаго.

(*Продолженіе* *).

Глава II.

Образы.

Рёскинъ не только умѣетъ разсуждать, онъ умѣетъ также и изображать; когда читатель, усталый и невнимательный, перестаетъ слѣдить за его разсужденіями, онъ овладѣваетъ его воображеніемъ. Раскрывъ мысль въ томъ, что на первый взглядъ говоритъ только чувству, онъ дѣлаетъ далѣе доступнымъ чувству то, что, повидимому, можетъ дать пищу только уму. Показавъ намъ идеи въ образахъ художниковъ, онъ облекаетъ въ образы идеи мыслителей. Разсуждая, онъ показываетъ, доказывая—рисуетъ. Если онъ ратуетъ во имя простоты историческихъ картинъ, онъ скажетъ вамъ: «нагроможденіе противорѣчивыхъ фактовъ уничтожаетъ впечатлѣніе и мѣщаетъ стройности», или: «художникъ, стремящійся соединить простоту и великолѣпіе и веселость противопоставить грусти, кончитъ непремѣнно безсмыслицей», и это потому, «что каждое впечатлѣніе имѣетъ свой собственный характеръ, и, вводя новое чувство, мы разбиваемъ тѣмъ силу перваго впечатлѣнія, смѣшеніе разныхъ ощущеній вызываетъ апатію, также какъ смѣшеніе всѣхъ цвѣтовъ даетъ несомнѣнно бѣлый цвѣтъ»,—это была бы любопытная точка зрѣнія, но нѣсколько отвлеченная по отношенію къ вопросу, и онъ не ограничится этимъ. Онъ попытается подтвердить свое эстетическое положеніе живымъ примѣромъ, въ ряду его доказательствъ встанетъ вдругъ прекрасное, мимолетное видѣніе, которое узнаетъ всякій, кому случалось передъ закатомъ идти по Via Appia **).

«Ничто въ мірѣ, быть можетъ, не производитъ такого сильнаго впечатлѣнія, какъ Римская Кампанья на закатѣ солнца. Вообра-

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль.

**) Аппіева дорога.

зите на минуту, что вы очутились въ полномъ одиночествѣ среди этой безплодной и пустынной равнины, вдали отъ людского шума и движенія. Земля крошится и разсыпается подъ вашими ногами, какъ бы легко вы ни ступали; она вся бѣлая, источенная и изъѣденная, точно остатки человѣческихъ костей. Длинная, узловатая трава слабо волнуется и колышется при дуновеніи вечерняго вѣтра, и ея колеблющіяся тѣни лихорадочно вздрагиваютъ на грудахъ развалинъ, освѣщенныхъ солнцемъ. Вокругъ васъ разсыпающаяся прахомъ земля вздымается пригорками, точно лежащіе подъ ней мертвецы шевелятся во снѣ. Разбросанныя тутъ и тамъ черныя глыбы—угловатые обломки величественныхъ зданій, отъ которыхъ не осталось камня на камнѣ, давятъ на этихъ мертвецовъ, мѣшая имъ встать. Лиловатый туманъ, насыщенный міазмами, стелется надъ этой равниной, заволакивая призрачныя груды развалинъ, между тѣмъ какъ на ихъ изломахъ отражаются красные лучи заката, какъ умирающее пламя на поруганныхъ алтаряхъ. Голубая цѣпь Албанскихъ горъ встаетъ въ торжественной тишинѣ спокойнаго, яснаго зеленаго неба. Надъ отрогами Апеннинъ неподвижно стоятъ темныя тучи, какъ сторожевыя башни. Изъ долины къ горамъ тянутся разрушенные акведуки, арка за аркой исчезая въ тѣни, какъ печальные ряды похоронныхъ плакальщицъ, покидающихъ гробницу націи».

«Теперь произведемъ въ этомъ пейзажѣ нѣкоторыя «идеалистическія» измѣненія въ духѣ Клода...», говоритъ Рёскинъ, и лекція прдолжается. Но передъ тѣмъ мысль автора и вниманіе читателя отдохнули на картинѣ, которая помогла имъ сосредоточиться. Разсматривая падающія складки греческой туники или тонкую ручную работу готическаго окна, мы не теряли изъ вида таинственныхъ законовъ природы и нравственныхъ основъ жизни, и теперь, изучая чистую эстетику, исторію или соціологію, мы хранимъ въ памяти живописный пейзажъ. Вступая въ область идей, мы не покинемъ области формъ и красокъ. Изучая человѣка, мы не будемъ забывать объ искусствѣ, — Рёскинъ раскрываетъ передъ нами не только жизнь картины, но и картину жизни.

Вотъ, напримѣръ, картина венеціанской жизни конца XV вѣка или, лучше сказать, видъ Венеціи, какою ее представляли себѣ Тернеръ или Ціемъ. Она неожиданно встаетъ передъ нами при сопоставленіи двухъ колористовъ Джорджане и Тернера. Рёскинъ хочетъ показать, какое вліяніе на глаза и душу художника имѣютъ первыя впечатлѣнія дѣтства, тотъ міръ красокъ, гдѣ онъ жилъ, и, чтобы доказать это, онъ воскрешаетъ этотъ міръ для тѣхъ, кто позабылъ его:

«Городъ мрамора, сказалъ я?, нѣтъ, скорѣе городъ золота, украшеннаго изумрудами. Такъ какъ по истинѣ всякая башня, всякая колокольня горѣла и сверкала золотомъ и блистала яшмой. Внизу мѣрно дышало безгрѣшное море, вздымая зеленыя волны. Глубокіе, величавые, ужасные, какъ море, мужи Венеціи двигались въ этомъ царствѣ

силы и меча; чистыя, какъ колонны изъ алебастра, красовались ихъ жены и дочери; благородны, съ головы до ногъ исполнены благородства были ихъ рыцари. Темная бронза ихъ оружія, заржавленнаго моремъ, грозно блистала подъ складками ихъ плащей цвѣта крови. Безстрастный, справедливый, твердый и неумолимый, засѣдалъ его сенатъ, каждое его слово — приговоръ судьбы. Убаюканные говоромъ волнъ, взбѣгавшихъ на священный песокъ ихъ острововъ, съ честью покоились ихъ мертвецы, и надъ каждымъ высился крестъ и начертано было имя. Это былъ замѣчательный уголокъ міра. Или, лучше сказать, это былъ цѣлый міръ. Онъ сливался съ поверхностью моря, и по вечерамъ капитанамъ кораблей, замѣчавшимъ его съ высоты мачтъ, онъ казался узкой полоской вечерней зари, никогда не гаснущей. Еслибъ они не ощущали могущества этого города, они могли бы вообразить, что несутся по небесному океану и видятъ передъ собой восточный край большой планеты, плывущей среди эѳира. Міръ, изъ котораго изгнаны были всѣ низкія мысли и мелочныя заботы, вмѣстѣ со всей неприглядной стороной жизни. Ни грязи, ни суеты на плещущихъ улицахъ, вздымавшихся и ниспадавшихъ при свѣтѣ луны, музыка мѣрнаго и величаваго заката волнъ,—или глубокое безмолвіе. На этихъ улицахъ не могла пріютиться жалкая хижина, крытый соломой сарай, плохо сколоченная стѣна, — вездѣ прочный гранитъ, украшенный изящными узорами драгоцѣнныхъ камней, а дальше, насколько глазъ хваталъ, тихо колебалась гладь незапятнанныхъ водъ, гордыхъ своей чистотой; на этой сверкающей равнинѣ не расцвѣталъ ни одинъ цвѣтокъ, но не могъ вырости и репейникъ. Недосягаемыя громады Альпъ постепенно таяли и грядой невысокихъ холмовъ исчезали за торчелійскимъ берегомъ. Голубые острова Падуанскихъ вершинъ отвѣчали имъ на золотистомъ западѣ. И надо всѣмъ этимъ носились по своей прихоти буйные вѣтры и огненныя облака, напоенныя благоуханіями юга и холоднымъ блескомъ сѣвера, — и сверкали вечернія и утреннія звѣзды въ безграничномъ просторѣ небесъ и моря. Вотъ гдѣ воспитался Джорджоне, вотъ гдѣ протекала жизнь Тиціана».

Онъ все видитъ въ художественной перспективѣ, въ рельефныхъ образахъ, озаренныхъ переливами свѣта и тѣней. Самыя отвлеченныя проблемы соціальной экономики облекаются у него въ пластическія и живописныя формы. Всякая экономическая схема развертывается въ его глазахъ въ сложную картину, всякое положеніе международной политики превращается въ живую сцену, разыгранную созданными имъ актерами въ театрѣ его фантазіи. Если онъ нападаетъ на безполезную и дорого стоющую систему вооруженнаго мира, господствующую среди великихъ европейскихъ державъ, онъ дѣлаетъ это въ слѣдующей живой и яркой формѣ:

«Друзья мои, я не знаю, какая сторона преобладаетъ въ этомъ вопросѣ—комичная или грустная. Безспорно, тутъ есть и та, и другая.

Предположите на минуту, что не вы пригласили меня (дать вамъ нѣсколько указаній для постройки вашей биржи), а частный человѣкъ, живущій въ этой мѣстности; предположите далѣе, что садъ его отдѣленъ только живою изгородью отъ воротъ его сосѣда, и что онъ желаетъ посовѣтоваться со мной относительно обстановки своей залы. Я осматриваюсь и нахожу, что стѣны немного голы: я нахожу, что не мѣшало бы оклеить ихъ тѣми или другими обоями, украсить потолокъ двумя, тремя фресками, повѣсить на окна шелковыя драпировки. «Да, конечно! — говоритъ хозяинъ, — шелковыя драпировки... Все это прекрасно, но, знаете ли, въ данную минуту я не могу позволить себѣ подобныхъ расходовъ!» — А между тѣмъ говорятъ, у васъ колоссальное богатство! — «Да, да, — говоритъ мой пріятель, — но знаете ли, мнѣ приходится тратить почти все на стальныя западни!» — На стальныя западни?! Да для чего же? — «Какъ, для чего? Изъ-за этого сосѣда, по ту сторону изгороди; мы съ нимъ пріятели, знаете ли, въ прекраснѣйшихъ отношеніяхъ, но мы принуждены ставить капканы по обѣимъ сторонамъ стѣны; безъ этихъ капкановъ и западней мы не могли бы сохранить наши дружескія отношенія. Хуже всего то, что мы оба люди довольно изобрѣтательные, и не проходитъ дня, чтобы мы не выдумали какой-нибудь новой ловушки или ружейнаго приспособленія. На всѣ эти орудія обороны мы тратимъ ежегодно около 15 милліоновъ каждый, и я положительно не вижу возможности тратить меньше». Не правда ли, эти два человѣка обставили свою жизнь въ высшей степени комично? Но когда дѣло идетъ не о двухъ частныхъ лицахъ, а о двухъ націяхъ, это уже представляется мнѣ не только комичнымъ. Бедламъ, быть можетъ, тоже возбуждалъ бы смѣхъ, если бы въ немъ содержался только одинъ сумасшедшій, и ваши рождественскія пантомимы смѣшны, когда ихъ разыгрываетъ одинъ клоунъ; но когда весь міръ превращается въ клоуна и разрисовываетъ себя собственной кровью вмѣсто киновари, тогда, мнѣ кажется, это перестаетъ быть смѣшнымъ».

Эти послѣднія слова сказаны, конечно, не литераторомъ, развивающимъ свою идею; можно бы подумать, что ихъ говоритъ сумасшедшій, если бы онъ былъ не художникъ. Постоянно поглощенный зрительными впечатлѣніями, Рёскинъ отъ красной киновари переходитъ непосредственно къ красной крови, такъ какъ цвѣта непосредственно сливаются. Образы чередуются, влекутъ за собой и измѣняютъ доказательства. «Мы, — можетъ онъ перефразировать извѣстныя слова, — мы смотримъ, вмѣсто того, чтобы думать!»

Что такое внутрення жизнь? Въ какомъ видѣ представляется намъ размышленіе о томъ, какъ мало человѣкъ пользуется опытомъ древнихъ руководителей народовъ, мыслями великихъ философовъ? Для каждаго изъ насъ это отвлеченная идея; для Рёскина это образъ, пейзажъ, оживленный человѣческими фигурами:

«Есть картина, изображающая кладбище Киркби Лонсдаль, ручей, протекающій тамъ, долину, холмы и надъ всѣмъ этимъ утреннее облачное небо. Но вотъ появляется толпа школьниковъ; они не обращаютъ вниманія ни на этотъ пейзажъ, ни на мертвецовъ, покинувшихъ его для другихъ долинъ и другихъ небесъ, они строютъ на могилахъ башни изъ своихъ книгъ и разрушаютъ ихъ камешками. Такъ и мы играемъ словами умершихъ, которые могли бы многому научить насъ; мы бросаемъ ихъ по прихоти своей безпечной и жестокой фантазіи, забывая, что эти слова, которыя треплетъ теперь вѣтеръ, стояли не только на могильныхъ плитахъ, но на затворахъ волшебнаго склепа... Что я говорю? на воротахъ города спящихъ королей. Они бы проснулись для насъ, еслибъ мы съумѣли только назвать ихъ по именамъ...»

И что представляетъ собой внѣшняя жизнь, честолюбіе, тщеславіе, шумъ похвалъ и жалкихъ почестей, которыя мы покупаемъ цѣной нашего покоя? Снова образъ, на этотъ разъ картина, набросанная рукою мастера, въ ней оживаютъ мрачныя тѣни Риберы, чувствуется иронія Гольбейна, вѣетъ ужасомъ Шёнгауера:

«Припоминаете ли вы, друзья мои, старинный обычай скиѳовъ, когда умиралъ глава семьи? На него надѣвали лучшія одежды, сажали въ повозку и возили по домамъ друзей. Каждый изъ нихъ сажалъ его на почетное мѣсто за столомъ и всѣ пировали въ его присутствіи. Представьте себѣ, что вамъ въ изысканныхъ выраженіяхъ, какъ принято въ затруднительныхъ случаяхъ жизни, предлагаютъ оказать постепенно всѣ эти почести, тогда какъ вы считаете себя еще живымъ. Предположите, что вамъ скажутъ: «Вы будете медленно умирать; ваша кровь будетъ съ каждымъ днемъ стынуть; сердце будетъ биться, какъ ржавый желѣзный клапанъ; жизнь будетъ уходить отъ васъ и погружаться внутрь земли, въ тѣ льды, гдѣ мучится Каинъ; но взамѣнъ того тѣло ваше будетъ съ каждымъ днемъ облекаться въ болѣе роскошныя одежды, ѣздить все въ болѣе и болѣе высокихъ колесницахъ и на груди его появится все больше знаковъ отличія; даже, если угодно, на головѣ окажется корона. Люди будутъ любоваться имъ, привѣтствовать его, кланяться, цѣлыя толпы будутъ слѣдовать за нимъ по улицамъ. Ему воздвигнутъ дворцы, будутъ задавать пиры, на которыхъ оно займетъ почетное мѣсто; и душа ваша будетъ ровно настолько присутствовать въ тѣлѣ, чтобы чувствовать все, что происходитъ, ощущать тяжесть золотой одежды на плечахъ и давленіе короны на черепъ, но не больше». Приняли ли бы вы такое предложеніе, сдѣланное ангеломъ смерти? Самый ничтожный изъ васъ принялъ ли бы его, скажите? А между тѣмъ въ дѣйствительности его принимаетъ всякій человѣкъ, который слѣдуетъ жизненнымъ путемъ, не зная, что такое жизнь, и понимая только одно, что ему надо получить какъ можно больше лошадей, лакеевъ, богатства, почестей, но никакъ не сохранить душу живую. Только тотъ идетъ впередъ въ жизни, чье сердце дѣлается все нѣж-

нѣе, кровь горячѣе, мозгъ дѣятельнѣе, чей духъ пріобщается къ вѣчному покою».

Перевернемъ нѣсколько страницъ: мрачное видѣніе исчезаетъ. Отъ психологіи честолюбца мы переходимъ къ психологіи женщины, какая была бы по сердцу Рёскину; это женщина умная и скромная, ей не чужда наука, но она «не превратила ее въ энциклопедическій словарь», она служитъ ей не «для того, чтобы знать, а чтобы чувствовать и понимать»,—и вотъ этотъ глубокій анализъ женскаго воспитанія заканчивается картиной, исполненной свѣта и тѣней, въ духѣ Діаца.

«Всюду, куда входитъ истинная супруга, она создаетъ домашній очагъ. Пусть надъ головой ея горятъ только звѣзды, а подъ ногами въ холодной ночной травѣ блестятъ осколки стекла. Гдѣ она—тамъ домашній очагъ, и если это благородная женщина, его тепло распространяется далеко вокругъ; онъ грѣетъ больше, чѣмъ если бы надъ нимъ былъ потолокъ изъ кедра, раскрашенный яркими красками; его тихій свѣтъ освѣщаетъ тѣхъ, кто иначе остался бы одинокимъ. Не правда ли, вотъ гдѣ истинное мѣсто, вотъ въ чемъ истинное назначеніе женщины. Но, знаете ли, чтобы исполнить его, она должна быть, насколько это можно сказать про человѣческое существо, неспособна къ заблужденіямъ. Тамъ, гдѣ царитъ женщина, все должно идти прямо, или ничто не двинется съ мѣста. Она должна быть доброй, неизмѣнно и неподкупно мудрой, инстинктивно и непогрѣшимо, мудрой не въ развитіи своей личности, а въ самоотверженіи, мудрой не съ тѣмъ, чтобы первенствовать надъ мужемъ, но чтобы не оступаться, идя съ нимъ рядомъ; мудрой безъ гордости, узкой, надменной и лишенной любви, но съ нѣжной заботливостью, съ скромной готовностью служить другимъ въ различныхъ, безконечно разнообразныхъ и всегда примѣнимыхъ формахъ,—въ этомъ и заключается истинная измѣнчивость женщины. Въ этомъ великомъ смыслѣ можно сказать *la donna è mobile* *),—не какъ «перышко, носимое вѣтромъ», не какъ «тѣнь стройной, трепещущей осины»,—она измѣнчива, какъ свѣтъ, прекрасный и чистый въ безконечномъ разнообразіи—свѣтъ, принимающій цвѣтъ всякаго предмета, на который онъ падаетъ, но съ тѣмъ, чтобы заставить его ярче блистать».

Взглядомъ художника онъ разсматриваетъ хартіи, изучаетъ догматы. Исторія для него—это площадь, нарисованная Каналето, по которой проходятъ фигуры, то въ роскошныхъ одеждахъ, то въ нищенскихъ лохмотьяхъ; они несутъ знамена, которыя онъ радостно описываетъ, составляютъ гербы, которые онъ тщательно анализируетъ, чеканятъ монеты, которыя онъ подбрасываетъ передъ вашими глазами быстрымъ и ловкимъ движеніемъ, какъ Пьетро Медичи въ Уффичи. Трилистникъ, изображенный у ногъ св. Іоанна на флорентійскомъ фло-

---

*) Женщина измѣнчива.

финѣ, сдѣланномъ въ долинѣ Серчіо, служитъ для него изображеніемъ побѣды флорентійцевъ надъ пизанцами и онъ слѣдитъ за успѣхами народной партіи во Флоренціи по измѣненію одного цвѣта въ городскомъ гербѣ, какъ мы слѣдимъ за теченіемъ времени по какой-нибудь тѣни, ползущей по стѣнѣ.

Если онъ говоритъ о лавѣ и кремнеземахъ, о пористыхъ и известковыхъ земляхъ, о слоистой почвѣ Кумберланда, о передвиженіи ледниковъ въ Швейцаріи, мы опять видимъ передъ собой художника, онъ смотритъ на науку, какъ на пейзажъ, линіи котораго мѣняются вмѣстѣ съ измѣненіемъ элементовъ—мѣсторожденій и вѣчныхъ возрожденій, законы котораго воплощаются въ формахъ облаковъ, въ формахъ цвѣтовъ. Религіи онъ разсматриваетъ, какъ фрески старинныхъ мастеровъ, богословскія добродѣтели измѣряются красивыми жестами и догматы оцѣниваются по чистотѣ красокъ. Весь циклъ идей и предметовъ онъ обозрѣваетъ съ кистью художника въ рукахъ. Писатель думаетъ образами, что не всегда можно сказать о величайшихъ художникахъ его страны; за это именно, больше чѣмъ за его рисунки и акварели, его можно назвать живописцемъ, наиболѣе живописнымъ во всемъ Соединенномъ королевствѣ. Слова, въ которыя онъ облекаетъ свои образы, всегда кажутся ему недостаточно яркими. Его не удовлетворяютъ смутныя, неопредѣленныя представленія, вылинявшія отъ долгаго употребленія, какое они вызываютъ въ умѣ. Какъ живописецъ выжимаетъ свои трубочки, чтобы извлечь изъ нихъ побольше кобальта или киновари, такъ и онъ перетряхаетъ слова, чтобы добыть изъ нихъ первоначальный образъ, породившій ихъ, чтобы дать взору больше пищи.

«Страна, которую орошаютъ По и Эчъ (*Pease che Adice e Po riga*, по выраженію Данте) есть Ломбардія, и ее достаточно опредѣляетъ главная рѣка, но у Данте были свои причины упоминать и Эчъ. По долинѣ Эча проникала всегда въ Италію власть германскихъ цезарей, и укрѣпленный мостъ, о которомъ, конечно, вспомнятъ многіе изъ васъ, былъ переброшенъ черезъ Эчъ въ Веронѣ, для того, чтобы германскіе рыцари могли во всякое время имѣть доступъ въ этотъ городъ. Городъ этотъ былъ ихъ первой крѣпостью въ Италіи, тамъ имъ помогалъ знаменитый родъ Монтеки, Монтакуты, Монтегю или Монтагъ, заимствовавшій свое имя отъ вершинъ горъ (montagnes), и вѣчно боровшіеся съ Капулетти, носившими красную шляпу. Такое происхожденіе ихъ именъ на ряду съ знакомой вамъ вѣчной борьбой между острыми горными вершинами и плоскими шапками тучъ до нѣкоторой степени иллюстрируетъ борьбу императора Фридриха II съ Иннокентіемъ IV; а ихъ борьба со всѣмъ, что въ ней было и дурного, и хорошаго, служитъ проявленіемъ происходившихъ во всѣ времена столкновеній прочной, раціоналистической свѣтской власти короля съ болѣе или менѣе призрачной, воображаемой, завернутой въ сутану и окутанной тучами властью папъ и церкви».

*

Напрасно пытается онъ оправдаться въ этой этимологической маніи, постоянно увлекающей его въ сторону, утверждая, что «филологія все равно, что философія»; его влечетъ не философская точность, а оригинальность и яркость языка.

Но до сихъ поръ это все были образы, дѣйствующіе на духовный взоръ человѣка, а Рёскинъ хочетъ поражать и физическое зрѣніе читателя. Для этого онъ помѣщаетъ въ своихъ книгахъ множество графическихъ изображеній. Гдѣ только возможно, онъ замѣняетъ литературные примѣры—пластическими. Никакое литературное разсужденіе не можетъ такъ ярко показать разницу въ отношеніи къ одному и тому же пейзажу Гирландайо и Клода Лорена, какъ сопоставленіе двухъ гравюръ съ ихъ картинъ, которыя даетъ Рёскинъ въ IV томѣ своихъ *Современныхъ живописцевъ*; никакое поэтическое описаніе, какъ бы оно ни было ярко, не объяснитъ, какая пропасть лежитъ между холоднымъ и условнымъ изображеніемъ быка индійскаго художника и полнымъ жизни быкомъ на греческой медали, а сопоставленіе двухъ гравюръ на 226 страницѣ *Пентеликосскаго плуга* сразу даетъ намъ это почувствовать. Наконецъ,—хотя это скорѣе шутка, чѣмъ серьезный аргументъ,. Рёскинъ на одной и той же страницѣ даетъ намъ прекрасное изображеніе человѣкоподобнаго бога древности—Аполлона Сиракузскаго и рядомъ портретъ цивилизованнаго человѣка, дѣлового лондонца, съ печной трубой на головѣ, съ очками на носу, съ подстриженными бакенбардами; отъ одного взгляда на нихъ у насъ получается болѣе яркое впечатлѣніе, чѣмъ если бы мы выслушали длинный докладъ какого-нибудь антрополога въ академіи.

Даже въ самомъ способѣ печатанія книгъ его не покидаетъ стремленіе къ живописности и образности, постоянно чувствуется намѣреніе автора поражать и восхищать взоръ. Параграфы расположены со вкусомъ, разстоянія между строкъ тщательно изучены; курсивы и заглавныя буквы разсыпаны щедрой рукой, греческія и старо-французскія слова пріятно нарушаютъ однообразіе англійскаго текста. Мало того, если онъ хочетъ показать, какъ плохо исполняетъ XIX вѣкъ свой соціальный долгъ, онъ перепечатываетъ цѣликомъ отрывокъ изъ *Daily Telegraph*, описывающій ужасную драму, разыгравшуюся въ Спитальфильдѣ на почвѣ крайней нищеты; самыя слова рисуютъ ее съ достаточной яркостью, но художникъ, живущій въ Рёскинѣ, не удовлетворяется этимъ,—для него все еще мало красокъ, и вотъ онъ печатаетъ весь отрывокъ красными буквами, подъ тѣмъ предлогомъ, что «именно этимъ цвѣтомъ будутъ написаны подобные факты въ той книгѣ, которую раньше или позже придется прочесть каждому изъ насъ, и грамотному, и неграмотному»,—а въ ожиданіи этой страшной книги, вы находите въ *Сезамѣ* три ослѣпительныя, кровавыя страницы, которыя невозможно забыть, разъ прочитавъ, особенно если пришлось читать ихъ вечеромъ, при свѣтѣ лампы.

Здѣсь наиболѣе ярко проявляется вниманіе Рёскина къ самымъ незначительнымъ мелочамъ. Рядомъ съ широкими общими построеніями эти мелочи производятъ пріятное впечатлѣніе. Этимологія служитъ отдыхомъ отъ мощнаго краснорѣчія и окраска слова радуетъ глазъ послѣ крупныхъ штриховъ и яркихъ тоновъ историческихъ фресокъ. Величина образовъ тоже постоянно мѣняется. Отъ широкой картины Римской Кампаньи мы переходимъ къ внимательному изученію какой-нибудь подробности, одного человѣка, одного момента, былинки травы, какого-нибудь слога. Но вотъ глаза ваши устали разбирать разную тарабарщину, изучать буквы какого-нибудь требника, тогда передъ ними вновь открываются залитыя солнцемъ широкія равнины,—*Просторъ* (L'Espace) Чинтрейля послѣ *Кустарника* Рюисдаля. Наконецъ, взоръ усталъ блуждать по безграничному простору, гдѣ не на чемъ остановиться, не къ чему внимательно присмотрѣться, тогда онъ возвращаетъ его назадъ, къ жуку, ползающему у вашихъ ногъ. Слингландтъ послѣ Тернера. Отъ микроскопа мы переходимъ къ панорамѣ, отъ панорамы къ микроскопу. Точно вамъ приходится путешествовать, то въ обществѣ энтомолога, то астронома. Но,—энтомологъ, астрономъ или поэтъ,—вашъ спутникъ всегда остается художникомъ. И какъ художникъ, онъ никогда не выдумываетъ картинъ и не составляетъ ихъ, подбирая по своему произволу различные отдѣльные элементы.

Если онъ описываетъ пейзажъ, то это не пейзажъ вообще, какой онъ можетъ быть, но именно тотъ, который онъ видѣлъ въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ опредѣленное время года, въ такомъ-то году, при такомъ-то освѣщеніи, какъ Клодъ Монэ въ своихъ *Стогахъ сѣна*, какъ Ашаръ въ своихъ пейзажахъ, онъ не прибавитъ ни одной былинки, которой онъ не видалъ своими глазами, не восхищался въ дѣйствительности. Онъ всегда точенъ. Это было «часъ спустя послѣ захода солнца среди безпорядочныхъ зарослей еловаго лѣса, окаймляющаго теченіе Эны, въ Юрѣ, надъ деревней».

«Это было весной, и цвѣты расли тѣсными группами, точно ихъ влекла любовь; мѣста было довольно для всѣхъ, но они жались другъ къ другу, мяли свои листочки, придавая имъ самыя причудливыя формы, для того только, чтобы быть ближе другъ къ другу. Тамъ сіяли звѣзды лѣсныхъ анемонъ, постоянно сливавшихся въ туманныя пятна, группами расли кислицы, точно процессіи дѣвушекъ въ мѣсяцъ Дѣвы Маріи *). Темныя расщелины известковыхъ скалъ были сплошь заполнены этими цвѣтами, точно густымъ слоемъ снѣга, окаймленнаго по краямъ плющемъ, легкимъ и нѣжнымъ, какъ виноградъ; то тутъ, то тамъ голубыя искры фіалокъ, на солнечныхъ полянкахъ колокольчики буквицъ, а на самыхъ открытыхъ мѣстахъ вика, нѣжные побѣги

*) Мѣсяцъ май.

и голубыя жилки poligala alpina (альпійскаго истода) и дикая земляника—одинъ, два цвѣтка, не больше, и все это тонуло въ золотистомъ бархатѣ густого, теплаго мха цвѣта янтаря. Я подошелъ къ краю лощины, снизу доносился торжественный рокотъ водъ вмѣстѣ съ пѣніемъ дроздовъ въ вѣтвяхъ елей; а на противоположномъ берегу долины, окруженной стѣной сѣрыхъ известковыхъ скалъ, медленно улеталъ соколъ, почти задѣвая крыльями края скалъ, и на перьяхъ его скользили тѣни елей, росшихъ на вершинахъ; а подъ нимъ была глубина саженъ во сто и быстрыя волны зеленой рѣки прихотливо плескались и блистали внизу, и гребни пѣны стремились въ ту же сторону, куда летѣла птица»...

Вы видите все это передъ собой, и вы не чувствуете кропотливыхъ усилій автора облечь это въ форму картины, для васъ ясно, что онъ воспринялъ это непосредственно въ образахъ. Вы не скажете, что это рисуетъ писатель—это пишетъ художникъ. Онъ напомнитъ вамъ не переписчика, мѣстами украшающаго свой часословъ картинками: это скорѣе иллюстраторъ; онъ долго водилъ своей кистью по пергаменту, но, наконецъ, схватываетъ перо, пытаясь описать свои впечатлѣнія еще словами, на кончикахъ его пальцевъ остались еще слѣды золота и лазури, которыми онъ такъ долго рисовалъ. И они ему нужны еще, задача его не легка, онъ пытается нарисовать *воздухъ*. Онъ призываетъ на помощь всѣ мысли, какія ему удалось извлечь изъ картинъ природы и картинъ художниковъ; идеи и образы порождаютъ и смѣняютъ другъ друга и сливаются такъ тѣсно, что мы наконецъ не знаемъ, какъ назвать это—акварель, страница изъ естественной исторіи или лирическое стихотвореніе.

«Воздушный океанъ, окружающій землю, входитъ въ живую связь съ землей на ея поверхности и съ ея водами, являясь причиной возникновенія на нихъ живыхъ существъ. Воздухъ согрѣваетъ и защищаетъ ихъ, сохраняя въ себѣ теплоту солнечныхъ лучей и ослабляя ихъ дѣйствіе своими облаками. Онъ грѣетъ и освѣжаетъ, прогоняетъ морозы зефиромъ, и бѣлыя гирлянды на поляхъ швейцарскаго крестьянина таютъ отъ дѣйствія лучей, отраженныхъ отъ Ливійскихъ скалъ.

«Онъ сообщаетъ морю свою силу; онъ создаетъ и наполняетъ всякую ячейку его пѣны, рисуетъ очертанія его волнъ, придаетъ имъ блескъ, когда онѣ вздымаются ночью, и зажигаетъ бѣловатымъ пламенемъ его равнину при восходѣ солнца, онъ приноситъ скаламъ голосъ моря, носитъ надъ нимъ брызги пѣны, точно стаю птицъ, оставляющихъ слѣды своихъ лапокъ на пескѣ этой равнины, на которую не вступала ничья нога.

«Онъ захватываетъ горсть этой влаги, окрашиваетъ ею холмы въ темно-голубой, а ледники въ блѣдно-розовый цвѣтъ; онъ украшаетъ сафирами храмъ облаковъ, образуетъ небесныя стада, дѣлитъ и считаетъ ихъ, ласкаетъ, носитъ ихъ на груди своей, отправляетъ ихъ въ

путь, убаюкиваетъ, питаетъ ими неизсякающіе источники и перемѣжающіяся росы.

«Онъ плететъ ихъ ткань и покрываетъ ее фантастическими узорами, рветъ ее на части и снова сплетаетъ, дышитъ, вспыхиваетъ въ ней и шуршитъ золотыми нитями и пробѣгаетъ по нимъ тайнымъ огнемъ, отъ котораго вся ткань содрагается, точно онъ вдохнулъ въ нее жизнь.

«Онъ проникаетъ въ поверхность земли, покоряетъ ее, превращаетъ въ плодоносный прахъ, изъ котораго, быть можетъ, создано тѣло; онъ сверкаетъ алмазомъ въ росѣ и зеленымъ листкомъ выростаетъ изъ сухой земли. Онъ входитъ во всѣ живыя существа, населяющія оплодотворенную имъ землю, повелѣваетъ приливами и отливами ихъ жизни, исполняетъ ихъ члены своей легкостью, своей властью сообщаетъ и отнимаетъ у нихъ жизнь, слетаетъ съ губъ ихъ словами, которыми одна душа сообщается съ другой, приноситъ звукъ ихъ слуху и создаетъ отвѣтное біеніе сердца и, покидая ихъ, оставляетъ въ вѣчномъ покоѣ, который не нарушитъ болѣе ни звукъ, ни движеніе...»

Но этимъ богатствомъ идей и образовъ не исчерпывается еще весь Рёскинъ; намъ не хватало бы еще чего-то, если бы, насытивъ нашъ умъ и утомивъ воображеніе, онъ покинулъ насъ или устраивалъ снова и снова этотъ праздникъ ума и пиръ воображенія. Другіе критики умѣли также переходить отъ образовъ къ отвлеченнымъ соображеніямъ и обратно. Другіе тоже украшали мысли картинами и осмысляли образы идеями; они питали поэзію тайнымъ смысломъ природы и украшали науку видимой прелестью ея красоты. Но наступаетъ моментъ, когда этотъ искусный дилеттантизмъ, позабавивъ насъ своимъ разнообразіемъ, начинаетъ утомлять своею сухостью. Мелькаютъ цвѣта, смѣняются идеи, точки зрѣнія, съ разныхъ вершинъ открывается все тотъ же видъ, сплетаются факты, проходятъ различныя націи, но все это зрѣлище не вызываетъ отвѣтнаго трепета въ нашей душѣ. Удовольствія ума, удовольствія воображенія не удовлетворяютъ того, въ комъ бьется жизнь. Инстинктивно мы ищемъ чего-нибудь, что бы связывало, скрѣпляло, одушевляло всѣ эти идеи и образы, что̀ дѣйствовало бы не только на наши философскія и артистическія наклонности, чего-нибудь, что шло бы дальше, завоевывало широкій кругъ людей, не артистовъ и не философовъ, что глубже затрогивало бы человѣческую душу и тѣснѣе привязывало ее къ религіи красоты.

Глава III.

Страсть.

Тогда является любовь.

Всѣ художественные критики описывали, многіе философствовали, немногіе любили. Часто они обсуждаютъ подлинность какой-нибудь кар-

тины, точно параграфъ ипотечнаго права, и сохраняютъ предъ лицомъ красоты хладнокровіе присяжнаго оцѣнщика. Читатель утомляется смотрѣть, не понимая, и понимать, не видя, но онъ утомляется также видѣть и понимать—не любя. Рёскинъ учитъ и видѣть, и понимать, и любить, т. е. относиться страстно къ эпохѣ, къ націи, къ таланту артиста и отзываться сердцемъ, замѣчая живыя, кровныя нити, связующія картины съ нашею жизнью, съ ея радостями и страданіями, съ нравственнымъ добромъ или зломъ. Дилеттантизмъ, равнодушная любознательность эстетиковъ чужды ему, и онъ ихъ презираетъ. Эта страстность и создаетъ его оригинальность. Вы найдете у Лессинга такія же, но лучше связанныя разсужденія, у Мишле такіе же образы, но болѣе послѣдовательные, у Стендаля—психологію, у Топфера—юморъ, у Фромантена—прекрасную технику, у Винкельмана—краснорѣчіе, у Теофиля Готье—яркость красокъ, у Рейнольда—педагогику, у Тэна—обобщенія, у Чарльза Бланка—классификацію; но только у Рёскина—любовь. Книги его отъ начала до конца проникнуты дыханьемъ энтузіазма или гнѣва; онѣ полны разсужденій, но разсужденія эти нужны ему для пропаганды; онѣ богаты образами, но образы для него—только средства убѣжденія. Если и тѣ, и другіе хаотичны, то это потому, что рука проповѣдника дрожитъ отъ волненія, когда онъ представляетъ ихъ на судъ читателей. Взятые отдѣльно, эти отрывки не многимъ отличаются отъ описаній другихъ авторовъ, но когда ихъ связываетъ и приводитъ въ движеніе страсть борца-энтузіаста, они увлекаютъ все за собой. Любовь— это кинематографъ, который возвращаетъ имъ жизнь.

Касаясь съ нѣжностью Виргилія самыхъ мелкихъ подробностей, онъ прогоняетъ морщины со лба ученаго и исправляетъ движенія артиста. Для чего написаны эти тридцать страницъ объ облакахъ, о ихъ равновѣсіи, объ отбрасываемыхъ ими тѣняхъ, о ихъ геометрическихъ формахъ, о ихъ хлопьяхъ? Для того, чтобы показать, что Тернеръ, надъ которымъ смѣются и иронизируютъ, «именно въ этомъ, болѣе чѣмъ во всемъ остальномъ, стоитъ исключительно на почвѣ точнаго воспроизведенія природы». Къ чему эти шестнадцать страницъ, посвященныхъ вѣтвямъ деревьевъ? Онѣ написаны противъ Клода Лореня, въ защиту несравненной красоты вѣтвей, которую изображенія классическаго живописца передаютъ не больше, чѣмъ вѣшалка передаетъ красоту человѣческихъ плечъ, и «если кто-нибудь станетъ утверждать, что подобное произведеніе можетъ, тѣмъ не менѣе, дать представленіе о деревѣ, мы отвѣтимъ, что оно никогда не дастъ представленія о деревѣ *тому, кто любитъ деревья!*» Понимаемое такимъ образомъ описаніе не имѣетъ въ себѣ ничего искусственнаго. Это уже не игра ума, это скорѣе крикъ сердца. Прочтите лучше предисловіе къ *Королевѣ воздуха*, написанное въ Веве передъ дымящими фабриками и пароходами: «Въ этотъ первый день мая 1869 года я снова пишу тамъ, гдѣ тридцать пять лѣтъ тому назадъ я началъ дѣло своей жизни передъ

лицомъ высокихъ Альпъ. Въ теченіе этой половины жизни, отпущенной человѣку, на моихъ глазахъ различныя бѣдствія обрушились на тѣ мѣста, которыя я такъ любилъ и училъ другихъ любить. Свѣтъ, согрѣвавшій нѣкогда эти бѣдныя вершины розовымъ сіяніемъ на зарѣ и пурпуромъ на закатѣ, теперь затуманился и поблекъ; воздухъ, наполнявшій нѣкогда лазурью расщелины золотистыхъ скалъ, загрязненъ тяжелыми кольцами дыма, который изрыгаетъ огонь болѣе опасный, чѣмъ огонь вулкановъ; даже ледники ихъ уменьшаются и снѣга начинаютъ таять, точно на нихъ дохнулъ самъ адъ; и хрустальныя воды, мирно дремавшія у ихъ подножія, осквернены и запятняны, по всей поверхности отъ одного берега до другого. Я говорю это не наобумъ, все это жестокая, ужасная истина! Я знаю, что̀ представляли собой прежде швейцарскія озера, ни одинъ альпійскій ключъ у своего источника не могъ поспорить съ ними въ прозрачной чистотѣ. Сегодня утромъ на Женевскомъ озерѣ за полмили отъ берега я едва могъ разсмотрѣть свое весло на трехаршинной глубинѣ.

«Свѣтъ, воздухъ, воды—все осквернено! А что сталось съ самой землей? Возьмите для примѣра отношеніе современнаго швейцарца къ своей родной землѣ. Раньше въ концѣ аллеи у Невшателя была небольшая скала—послѣдняя мраморная ступень Юры, спускающаяся къ голубому озеру и (въ это время года) покрытая великолѣпными кустами розовыхъ мылянокъ. Дня три тому назадъ я пошелъ на это мѣсто сорвать цвѣтокъ. Красивая естественная скала и цвѣты были покрыты пылью и городскими отбросами; но зато посреди аллеи возвышалась искусственная скала новѣйшей постройки съ фонтаномъ, бьющимъ тонкой струйкой, и съ надписью на одномъ изъ камней:

Ботаникамъ
Юрскій клубъ.

«О, жрецы современной науки, верните мнѣ мою Аѳину, выпустите ее изъ вашихъ ретортъ и спрячьте туда опять, если возможно, Асмодея! Вы разъединили элементы и снова соединили ихъ; на землѣ вы превратили ихъ въ своихъ слугъ, вы изучили ихъ на звѣздахъ. Научите насъ теперь одному, что долженъ знать человѣкъ, что воздухъ данъ ему для жизни, дождь для питья и для крещенья, огонь для тепла, солнце для свѣта, а земля для пищи и для послѣдняго успокоенія».

Пусть васъ не удивляетъ этотъ крикъ отчаянія по поводу ползущаго дыма и эти слезы надъ погибшимъ розовымъ кустомъ. Въ этой страстности вся сила Рёскина. Онъ описываетъ только потому, что любитъ. Его нѣжность обнимаетъ всѣ предметы, радующіе его взоръ: и кристаллы, у которыхъ онъ находилъ и добродѣтели, и капризы, и ссоры, и огорченія, и сны; горы, которыя онъ называетъ сухожиліями и мускулами земли, напряженными страшнымъ судорожнымъ усиліемъ; долины и отлогіе холмы, представляющіе спокойное состояніе или

движеніе безъ усилія этого тѣла, въ то время, когда мускулы отдыхаютъ или дремлютъ; снѣга и ледники, передвиженія которыхъ онъ воспѣвалъ, и драгоцѣнные камни, тайны жизни которыхъ онъ открывалъ, «лиліи земли», «живыя волны», «bruma artifex» и «ересь горъ». Она распространяется на всѣ растенія, и на тѣ, которыя селятся на землѣ, какъ лиліи, или на скалахъ и на стволахъ другихъ растеній, какъ мхи и лишаи, и живутъ годъ, нѣсколько лѣтъ или миріады лѣтъ, но, умирая, исчезаютъ безслѣдно, какъ исчезаетъ арабъ со своей палаткой,—«бѣдные кочевники растительнаго міра, не оставляющіе о себѣ никакихъ воспоминаній», а также тѣ растенія которыя возводятъ постройки на землѣ и далеко въ глубь погружаютъ свои корни, растенія-строители. Въ этихъ растеніяхъ нѣжность его простирается и на бутоны, и на стебель, на которомъ они растутъ и который съ каждымъ бутономъ становится все тоньше, напоминая Дижонскій шпицъ, Ульмскій фонтанъ или Веронскія колонны; и на листья, о которыхъ онъ говоритъ: «если вы можете нарисовать листъ, вы можете нарисовать міръ!», и на стволы, которые онъ называетъ «посланіемъ къ корнямъ», и на корни, «у которыхъ въ сердцѣ одинаковое съ стеблемъ стремленіе расти,—только у однихъ какъ можно выше, прямо къ свѣтлому небу, у другихъ—какъ можно глубже, въ темныя нѣдра земли»; онъ оплакиваетъ тѣ бутоны, которые не могли расцвѣсть и, подчинившись непреложнымъ законамъ, пожертвовали собой красотѣ цѣлаго. И эта нѣжность, звучащая въ голосѣ Виргилія, обвѣявъ своимъ дыханьемъ колеблемые вѣтромъ лѣса, возвращается къ неподвижной зелени маленькихъ отшельниковъ, прикасается къ нимъ мягкой кистью Коро, и, касаясь, вливаетъ въ нихъ жизнь, которую всякій любящій сообщаетъ тому, кого онъ любитъ.

«Мы находимъ красоту въ деревѣ, приносящемъ плодъ, и въ травѣ, приносящей сѣмя. Что же сказать о травѣ, лишенной сѣмянъ, объ этихъ лишаяхъ, растущихъ на скалахъ, лишенныхъ плодовъ, лишенныхъ цвѣтовъ? Что сказать о лишаяхъ и о мхахъ? Хотя они иногда также роскошны и густы, какъ трава, но они остаются самыми скромными изъ всѣхъ зеленыхъ существъ, живущихъ на землѣ. Скромныя созданья! первый даръ милосердія земли, прикрывающей ихъ безмолвнымъ мягкимъ покровомъ наготу своихъ однообразныхъ скалъ! Созданья, полныя жалости, смягчающія своимъ таинственнымъ и нѣжнымъ прикосновеніемъ угловатыя формы развалинъ, кладущія печать успокоенія на старые трясущіеся камни. Я не знаю, какими словами описать эти мхи. Я не нахожу достаточно нѣжныхъ, достаточно совершенныхъ, достаточно богатыхъ. Какъ описать эти зеленыя пушистыя округлости, сверкающія рубинами звѣзды такого тонкаго узора, точно Горный Духъ прядетъ ихъ изъ порфира такъ же искусно, какъ мы прядемъ стекла, серебряныя сѣтки, переплетающіяся тонкими кружевами, блестящія, похожія на дерево; просвѣчивающія темныя волокна, точно вышивки разноцвѣтными

шелками, причудливыя и прекрасныя, и въ то же время тихія и скромныя, созданныя для самыхъ простыхъ и кроткихъ дѣлъ милосердія. Изъ нихъ не плетутъ гирляндъ и любовь не приноситъ ихъ въ даръ, какъ цвѣты, но вольныя птицы вьютъ изъ нихъ себѣ гнѣзда, а усталый ребенокъ кладетъ на нихъ свою голову.

«Первый даръ милосердія земли—они остаются также и ея послѣднимъ даромъ. Когда услуги всѣхъ остальныхъ деревьевъ и растеній становятся для насъ безполезными, нѣжные мхи и сѣрый лишай охраняютъ нашъ надгробный камень. Лѣса, цвѣты, травы, приносящіе дары, исполнили свое временное назначеніе, а ихъ назначеніе—вѣчно. Деревья для построекъ строителей, цвѣты для комнаты новобрачной, зерна для амбаровъ и житницъ,—мохъ для могилъ».

Эта человѣческая черта, пробуждая среди радостей природы, цвѣтущей и забывающей,—воспоминаніе о человѣкѣ, страдающемъ и вспоминающемъ, покоряетъ тѣхъ изъ читателей, которыхъ нельзя привлечь сочувствіемъ къ красотѣ растеній. У Рёскина состраданіе къ живымъ существамъ всегда во время приходитъ на смѣну восхищенію неодушевленными предметами. Цвѣты въ его глазахъ не заслоняютъ человѣка, какъ розы Геліогабала. Произведенія, даже произведенія искусства не заслоняютъ творца ихъ—человѣка. Въ музеяхъ, передъ лицомъ прекрасныхъ и величественныхъ произведеній, сохранившихся для нашего удовольствія отъ прошлыхъ вѣковъ, онъ не забываетъ о нашемъ вѣкѣ, и когда торжествуетъ неправда и поднимается уровень нищеты, онъ отворачивается отъ картинъ и обращается къ дѣйствительности съ гнѣвнымъ крикомъ, который потрясаетъ тѣхъ, кого не трогаютъ восклицанія экстаза.

Однажды въ Оксфордѣ онъ развернулъ передъ своими учениками двѣ величайшія страницы исторіи искусства всего міра: *Страшный судъ* Микель Анджело въ глубинѣ Сикстинской капеллы съ грѣшниками, стремглавъ летящими внизъ, и *Рай* Тинторето, покрывшій фигурами блаженныхъ весь задній планъ большой залы во дворцѣ Дожей, и потолокъ, и карнизы, и двери; въ тотъ моментъ, когда онъ кончилъ кропотливое сравненіе этихъ двухъ великихъ произведеній и выражалъ сожалѣніе, что *Рай* осужденъ на гибель вслѣдствіе небрежнаго отношенія къ залѣ, онъ вдругъ останавливается, вспоминая о другого рода бѣдствіяхъ... Парижъ осажденъ, Парижъ отданъ на жертву голоду и пожарамъ, и онъ задается вопросомъ, можно ли требовать справедливости для произведеній искусства, если нѣтъ болѣе жалости къ людямъ... И спокойная лекція, состоявшая изъ разсужденій и хронологическихъ данныхъ, заканчивается при громѣ аплодисментовъ горячимъ протестомъ, потрясающимъ всю аудиторію, такъ какъ въ каждомъ сердцѣ онъ находитъ откликъ.

«Наступаетъ, кажется, время, когда намъ не надо будетъ изучать мечты художниковъ, чтобы получить представленіе о страшномъ судѣ

и раѣ. Я думаю, что скоро мы перестанемъ шутить для развлеченія гнѣвомъ небесъ, и самонадѣянно презирать небесную любовь. Вѣрьте мнѣ, все искусство, всѣ сокровища людей живы только до тѣхъ поръ, пока они избираютъ въ своемъ сердцѣ не Божій гнѣвъ, а его благословеніе. Теперь наша земля покрыта развалинами, наше небо омрачено смертью. Не лучше ли намъ начать судить самихъ себя, чѣмъ забавляться, изображая грядущій судъ»?

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя пушечная пальба въ Сатори снова прерываетъ его мечты и находитъ отголосокъ въ его писаніяхъ. Эти слова ему, конечно, внушаетъ сердце; и сердце же заставляетъ этого эстетика, при видѣ банальной картины въ иллюстрированномъ журналѣ, разразиться слѣдующими восклицаніями безпорядочными, хаотичными, странными, но такими человѣчными и такими необычными въ устахъ художественнаго критика или коллекціонера.

«Друзья мои, не попадался ли кому-нибудь изъ васъ въ руки 83-й нумеръ *Grafic'a* съ картинкой, изображающей концертъ у королевы? Всѣ эти прекрасныя дамы сидятъ такъ кокетливо, и такъ пріятно видѣть, какъ хорошо выполняютъ онѣ главное назначеніе женщины—граціозно носить изящные туалеты; прелестная пѣвица съ бѣлымъ горлышкомъ щебечетъ такъ мелодично и такъ нравственно: «Мой домъ, мой родной домъ!». Вотъ что должно быть идеаломъ добродѣтельной жизни, по мнѣнію *Grafic'a!* О, конечно, наша совѣсть можетъ быть спокойна—всѣ наши добродѣтели въ шелковыхъ туфляхъ и подъ кружевными вуалями на лицо, и наше царство небесное уже настало, наградивъ насъ коронами изъ сверкающихъ алмазовъ. Херувимы и серафимы въ парижскихъ туалетахъ (цвѣта небесно-голубого, оливковаго или цвѣта подстрѣленнаго голубя), танцуютъ подъ звуки оркестра Кука и Тунея, а для контраста тутъ же, въ видѣ поученія, фигурируетъ и адъ бѣдняковъ—зло слѣдуетъ своимъ путемъ къ своему презрѣнному концу. Рабочій и петролейщица, посаженные, наконецъ, въ тюрьму, идутъ на смерть, бросая кругомъ растерянные взгляды...

«Увы! которая изъ этихъ двухъ различныхъ человѣческихъ расъ, изъ которыхъ одна должна была руководить и поучать другую, болѣе преступна? Тѣ, которые не хотѣли руководить, или тѣ, которые не были руководимы? Кто болѣе виновенъ? Тѣ, которые теперь умираютъ, или тѣ, которые забываютъ о нихъ?

«Рабочій и петролейщица... они прошли своей дорогой къ смерти. Но надъ ихъ могилой Дѣва Франціи простретъ свою орифламу и покроетъ бѣлыми лиліями ихъ поруганный прахъ. Да, и для нихъ великій Карлъ разбудитъ своего Роланда и заставитъ его приложить къ губамъ свой легендарный рогъ и играть на немъ побѣдную пѣсню, и Орлеанская дѣва отзовется ему изъ лѣсовъ Домреми, да, и для нихъ Людовикъ, котораго они осмѣивали, сдѣлаетъ, какъ его Господь: онъ подыметъ свои святыя руки и будетъ взывать о Божьемъ мирѣ!»

Законченный подобнымъ образомъ, разборъ произведенія искусства не изсушитъ сердца; изученіе своихъ впечатлѣній, вниманіе къ своему собственному «я» дѣлаетъ его только болѣе отзывчивымъ къ человѣческимъ жалобамъ, также какъ уходъ за деревомъ заставляетъ его приносить больше плодовъ. Какъ изученіе природы и изученіе искусства, такъ и изученіе человѣческой души, согрѣвается у Рёскина лучемъ нѣжности. Эта нѣжность говоритъ въ немъ, когда онъ изучаетъ душу молодого солдата въ лекціи въ Вульвичѣ, какъ раньше она говорила въ немъ, когда онъ описывалъ лѣсные мхи или *Рай* Тинторето.

«Быть героинями въ минуту опасности, — восклицаетъ онъ, обращаясь къ женамъ англійскихъ офицеровъ,—этого мало: вѣдь вы англичанки! Быть героинями при поворотахъ и измѣнахъ счастія — этого мало: вѣдь вы любимы! Быть терпѣливыми, когда потеря возлюбленныхъ погружаетъ васъ въ пустоту и безмолвіе—этого мало: вѣдь вы можете любить и въ небѣ. Но быть героинями въ счастьи; стоять прямо и твердо подъ ослѣпительными лучами утренняго солнца; не забывать Бога и отдаваться ему, когда онъ осыпаетъ васъ своими дарами; не измѣнять тѣмъ, кто отдается вамъ, думая, что въ это время меньше всего въ васъ нуждается, — вотъ поистинѣ трудный подвигъ. Не во время печальной разлуки, не во время опасностей битвы, не во время страданій болѣзни должны быть всего жарче ваши молитвы и всего нѣжнѣе ваша заботливость. Молитесь, жены и матери, за вашихъ молодыхъ солдатъ, когда слава ихъ въ разцвѣтѣ; молитесь за нихъ когда имъ угрожаетъ единственная опасность отъ ихъ собственной злой воли; бодрствуйте и молитесь, когда имъ угрожаетъ не смерть, а искушеніе».

Любовь скрашиваетъ собой слишкомъ кропотливый анализъ учителя и смягчаетъ слишкомъ безпощадную иронію. Такъ какъ часто не любовь внушаетъ ему его мысли, а иронія. Порой онъ больше смущаетъ своей насмѣшкой, чѣмъ вдохновляетъ порывами своего лиризма. Онъ разрушаетъ и созидаетъ, оскорбляетъ и очаровываетъ. Онъ не дастъ заснуть, какъ поэты, убаюкивающіе ритмическими напѣвами, нѣжными и благородными; въ самый лирическій моментъ онъ вдругъ разбудитъ васъ какимъ-нибудь рѣзкимъ парадоксомъ, сказаннымъ простымъ, хотя все еще нѣсколько приподнятымъ тономъ, который онъ самъ называетъ «полнымъ противорѣчій».

«Одна сторона въ службѣ солдата представляется мнѣ безусловно и безпримѣрно героической, а именно та, что ему за его службу платятъ мало и правильно, между тѣмъ какъ вы, промышленники и биржевики, вы любите получать за ваши дѣла много и случайно. Я никакъ не могу понять, почему странствующій рыцарь не ожидаетъ вознагражденія за свои труды, а странствующій торговецъ всегда ожидаетъ; почему люди готовы даромъ получать удары, и не согласны продать дешево кусокъ ленты; почему они охотно отправляются въ крестовый походъ завоевывать гробъ погребеннаго Бога, и не хотятъ идти испол-

нять приказанія живого Бога; они идутъ босыми ногами проповѣдывать свою вѣру, но требуютъ хорошаго содержанія, чтобы исполнять ея требованія и готовы даромъ давать Евангеліе, но не хотятъ дать хлѣба и рыбы».

Довольно!—восклицаете вы. Но авторъ утомился еще раньше васъ. Его иронія не находитъ удовлетворенія въ самой себѣ, въ холодной и безплодной игрѣ ума. Ее порождаетъ не равнодушіе или презрѣніе къ людямъ, а негодованіе противъ зла и лицемѣрія, т.-е. любовь. Ее порождаетъ не сердце, переставшее биться, а сердце, бьющееся слишкомъ сильно.

Даже парадоксы вытекаютъ у него только изъ желанія разнообразить проявленія любви, являются лишь новой формой страсти. Они всегда приводятъ насъ къ любви. Девизомъ благородной жизни, утверждаетъ Рёскинъ, должны быть слова: «Будемъ ѣсть и пить, такъ какъ завтра мы умремъ!» Парадоксъ, скажете вы. Нѣтъ! Послушайте дальше: «...но будемъ ѣсть и пить *всѣ*, не избранные только, рекомендуя остальнымъ воздержаніе». «Вы должны шить себѣ платья, много платьевъ,—говоритъ онъ женщинамъ,—вы шьете мало, вы мало слѣдуете модѣ... для бѣдныхъ. Пусть они будутъ красивы, и тогда вы тоже покажетесь прекрасными, въ такомъ смыслѣ, въ какомъ вы и не предполагаете, прекраснѣе, чѣмъ когда-либо!» И онъ развиваетъ свою мысль съ такой напряженной ироніей, что ее трудно было бы вынести, если бы его сарказмы не разрѣшались въ гимнъ любви, какъ тѣ легендарные мечи, которые покрывались цвѣтами:

«Оставьте арки и колонны храмовъ, дѣвушки, Богъ любитъ, чтобы вы украшали себя, а не ихъ. Сохраните розы для вашихъ волосъ и вышивки для вашихъ платьевъ. Вы сами представляете собою храмъ, дѣти мои; думайте о томъ, чтобы украсить себя, какъ подобаетъ женщинамъ, исповѣдующимъ милосердіе, драгоцѣнными камнями добрыхъ дѣлъ—одѣвая вашихъ бѣдныхъ сестеръ, какъ самихъ себя. Украсьте розами и ихъ волосы, и драгоцѣнными камнями ихъ грудь, пусть онѣ будутъ украшены вашимъ пурпуромъ и вашимъ багрянцемъ и другими драгоцѣнностями, пусть онѣ научатся разбирать золотую небесную геральдику и на землѣ узнаютъ не одинъ только трудъ, но и радость. Пусть и имъ наслѣдственныя драгоцѣнности говорятъ о гордости отца и о красотѣ матери».

Достигнувъ такихъ вершинъ милосердія, любовь не можетъ подняться еще выше, не встрѣтивъ Христа. Какой путь приведетъ его къ нему? Богословскій трактатъ, религіозное жизнеописаніе? Нѣтъ, самая нерелигіозная вещь въ мірѣ: старинная пѣсенка, которой онъ закончитъ разсужденіе о воспитаніи женщинъ, озаглавленное: *Сады королевъ* въ *Сезамѣ и лиліяхъ*. Евангеліе, откуда поэты и разсказчики охотно заимствуютъ поэтическую прелесть своихъ произведеній, хотя и не желаютъ изучать его, внушило Рёскину его эстетическую страсть.

И въ тотъ моментъ, когда она, кажется, уже изсякла, когда онъ, повидимому, заставилъ фигуры на фрескахъ и листья деревьевъ высказать все, что они могутъ сказать человѣческаго, вдругъ неожиданнымъ и полнымъ граціи оборотомъ, припоминая граціозный романсъ, онъ заставляетъ ихъ разыграть небесную симфонію. И восторженныя, мистическія души, которыхъ величіе любви заставило уже признать эстетическую красоту нарядовъ, теперь открываютъ также красоту растеній и цвѣтовъ, воскресшихъ весной въ одно время съ Христомъ и убранныхъ въ роскошные цвѣта, благодаря его тонкой проницательности художника и божественной заботливости садовника:

«Выйди въ садъ, Модъ,
Ночь—эта летучая мышь, улетѣла
И жасминъ благоухаетъ,
И ароматомъ розъ напоенъ воздухъ.

«Не сойдете ли и вы къ нимъ? къ этимъ прелестнымъ, полнымъ жизни созданьямъ, которыя съ юношеской отвагой выбиваются изъ земли и, облекаясь яркими красками неба, наливаютъ радостный колосъ. Бутонъ за бутономъ раскрывается ихъ красота, омытая отъ пыли, и расцвѣтаетъ цвѣткомъ надежды, и поворачивая къ вамъ свою головку, фіалка нашептываетъ вамъ: я слышу, слышу, и лилія шепчетъ: я жду.

«Замѣтили ли вы, что я пропустилъ двѣ строчки, читая вамъ пер вую строфу? думаете ли вы, что я ихъ забылъ?

«Выйди въ садъ, Модъ,
Ночь—эта летучая мышь, улетѣла,
Выйди въ садъ, Модъ,
Я стою у воротъ одинъ.

«Какъ вы думаете, кто стоитъ одинъ у воротъ сада, еще болѣе прекраснаго, и ждетъ васъ? Слышали ли вы когда-нибудь не о Модъ, а о Магдалинѣ, вышедшей въ садъ на зарѣ и встрѣтившей тамъ кого-то, кого она приняла за садовника? Неправда ли, вы часто искали Его, искали напрасно цѣлую ночь, искали напрасно у воротъ того древняго сада, гдѣ пылаетъ огненный мечъ? Тамъ Его никогда нѣтъ, но у воротъ *этого* сада Онъ ждетъ всегда, Онъ ждетъ, чтобы протянуть вамъ руку и вести васъ въ долину любоваться плодами, смотрѣть расцвѣлъ ли виноградъ, пустили ли ростки гранаты. Тамъ вы увидите маленькіе усики винограда, которые Онъ расположилъ; вы увидите, какъ выростаютъ гранаты тамъ, куда Онъ бросилъ зернышко красное, какъ кровь, потомъ вы увидите отряды ангеловъ-хранителей, отгоняющихъ своими крыльями голодныхъ птицъ отъ полей, которыя Онъ засѣялъ. И вы услышите, какъ они кричатъ другъ другу съ разныхъ концовъ виноградника: «Будемъ ловить лисицъ, маленькихъ лисицъ, грабящихъ виноградники, такъ какъ нѣженъ виноградъ нашихъ виноградниковъ!»

«О, королевы, королевы! Среди холмовъ и тихихъ лѣсовъ этой

страны—вашей страны—будутъ ли лисицы копать себѣ норы и птицы вить гнѣзда? И не будутъ ли камни свидѣтельствовать противъ васъ, говоря, что въ вашихъ городахъ Сынъ Человѣческій не нашелъ, гдѣ преклонить Свою голову, и положилъ ее на камень?»

Этотъ приподнятый тонъ скоро утомилъ бы насъ. Но онъ тотчасъ же переходитъ въ разговорный языкъ; пророкъ, только что гремѣвшій на вершинѣ горы, уже сидитъ, скрестивъ ноги, въ креслѣ и просматриваетъ газету... Также какъ энтузіазмъ и иронія постоянно борятся за обладаніе его умомъ, такъ плавность и отрывочность постоянно смѣняютъ другъ друга въ его рѣчи; одна увлекаетъ читателя своей стройной послѣдовательностью, другая возбуждаетъ его своей капризной измѣнчивостью. Въ первую половину его дѣятельности отъ 1843 до 1860 года благодаря вліянію Гукера, Джоржа Герберта, Джоксона и Гиббона, преобладаетъ плавность. Длинныя фразы, гибкіе обороты, звучные періоды, содержащіе иногда до 619 словъ и до 80 знаковъ препинанія, медленно плывутъ, точно огромныя волны, которыхъ не боятся пловцы; вздымаясь и опускаясь, онѣ нагоняютъ другъ друга, пока послѣдняя не разольется, наконецъ, по берегу, оставляя на немъ отъ всей этой брызжущей пѣны и грохота маленькую горсточку горьковатой соли... А въ основѣ этого грохота лежатъ законы ритма и мелодіи, «не имѣющей,—если вѣрить Фредерику Гаррисону,—соперницъ въ англійской литературѣ». Послѣ 1860 года все измѣняется. Мы не чувствуемъ болѣе теоретической страсти юноши, передъ которымъ лежитъ цѣлая жизнь и который во время битвы старается принимать красивыя позы. Мы чувствуемъ напряженную энергію борца, желающаго во что бы то ни стало нанести ударъ. Нѣтъ болѣе крупныхъ валовъ, волны коротки, но сильны. Градъ мелкихъ, хорошо направленныхъ фразъ падаетъ на читателя. Несмотря на то, что онѣ такъ малы, въ нихъ отражается все лучшее на землѣ и на небѣ. Это борьба лучей. мы идемъ теперь не въ мрачномъ освѣщеніи *Семи лампъ архитектуры*, а въ ясномъ свѣтѣ солнца *Королевы воздуха*. Онъ также не смолитъ свои паруса. Онъ избѣгаетъ даже всѣхъ переходныхъ цвѣтовъ. Какъ художники его страны, не смѣшиваютъ противоположныхъ цвѣтовъ, такъ онъ не соединяетъ различныхъ стилей. Онъ не мѣситъ литературнаго тѣста. Цементъ отсутствуетъ. Есть только идеи. И, чтобы умѣстить какъ можно больше идей на маленькомъ пространствѣ, какъ тѣ цвѣты, которые мяли лепестки, чтобы тѣснѣе прижаться другъ къ другу,—онъ укорачиваетъ не только фразы, но даже слова. Конецъ введенія къ *Королевѣ воздуха* состоитъ почти исключительно изъ односложныхъ словъ. По мѣрѣ того, какъ онъ подымается все выше въ чистыя сферы философіи, всѣ литературныя украшенія начинаютъ стѣснять его. И какъ воздухоплаватель, жертвующій ненужной одеждой, чтобы подняться еще выше, онъ выбрасываетъ за бортъ «длинные шлейфы», «крахмальныя брыжжи», всѣ эти причуды Елизаветин-

скаго времени, «вводныя слова, длинныя пояснительныя примѣчанія», всѣ реторическія фигуры, весь этотъ баластъ *Семи лампъ* и *Современныхъ живописцевъ*, и съ тѣхъ поръ его языкъ, быстрый и точный, идетъ прямо къ цѣли.

Съ этихъ поръ передъ нами настоящій Рёскинъ. Теперь мы имѣемъ дѣло съ самыми зрѣлыми, если не съ самыми блестящими плодами его мыслей. Образы, развивающіеся въ идеи, идеи, облекающіяся въ образы, мечты, переходящія въ полемику, анализъ, приводящій къ дѣламъ милосердія, кое-гдѣ, для поясненія — контрасты, въ качествѣ баласта — немного науки; много поэзіи, подымающей надъ землей; много знаній, дающихъ твердую опору; немного юмору, наконецъ, чтобы не поддаться всецѣло сердцу, и много любви, чтобъ не увлечься однимъ умомъ.

Въ такомъ родѣ написано,—если у насъ хватитъ терпѣнія прочесть,— его *Письмо къ молоденькимъ дѣвушкамъ* о томъ, какъ онѣ должны дѣлать добрыя дѣла.

«Если вы имѣете возможность шить себѣ хорошія платья, заказывайте хорошей портнихѣ самыя лучшія и красивыя платья, только пусть эта портниха будетъ бѣдная женщина, а не богатая особа, живущая въ одномъ изъ роскошныхъ лондонскихъ домовъ.

«Посвящайте каждый день часть вашего времени работѣ иглой и шейте красивыя платья бѣднымъ дѣвушкамъ, у которыхъ не хватаетъ ни времени, ни вкуса, чтобы шить самимъ.

«Не ищите никогда развлеченій, но извлекайте изъ всего удовольствія. Самый ничтожный предметъ можетъ доставить радость, и всякое слово содержитъ пищу для ума, когда руки ваши заняты и сердце свободно. Но, если вы ставите цѣлью жизни развлеченіе, придетъ день, когда всѣ шутки рождественской пантомимы не вызовутъ у васъ искренняго смѣха.

«Носите тѣ платья, какія находятъ для васъ подходящими ваши родители, и носите ихъ съ радостью и гордостью изъ любви къ нимъ, но работайте, сколько можете, чтобы одѣть кого-нибудь, кто бѣднѣе васъ. А если вы не можете никого одѣть, старайтесь во всякомъ случаѣ быть полезными хоть въ чемъ нибудь. Вы можете сами стлать постель, мыть посуду, чистить свои вещи,—если вы не можете дѣлать ничего другого.

«Не печальтесь и не терзайтесь религіозными вопросами и, главное, не мучьте другихъ. Не носите бѣлыхъ крестовъ и черныхъ одеждъ. Никто не имѣетъ права наряжаться въ небесный мундиръ, какъ будто служить Богу его исключительное право или привилегія.

«Помогайте вашимъ подругамъ, но не говорите съ ними о религіи, служите бѣднымъ, но, Бога ради, маленькія обезьяны, не читайте имъ проповѣдей! Они, вѣроятно, даже навѣрно, въ пятьдесятъ разъ лучшіе христіане, чѣмъ вы, и, если надо, чтобы кто-нибудь читалъ проповѣди, пусть лучше читаютъ они. Вступайте въ дружбу съ ними, если

они подходятъ къ вамъ, какъ вы вступаете въ дружбу съ богатыми, когда они къ вамъ подходятъ. Дѣлите съ ними радость и горе, работайте съ ними, но какъ только замѣтите, что они не находятъ удовольствія въ вашемъ обществѣ, уйдите съ ихъ дороги. Что касается матеріальной помощи, предоставьте это людямъ постарше и поумнѣе, и будьте довольны,—какъ ѳинянки во время процессіи въ честь ихъ богини-покровительницы,—если вамъ выпадетъ честь нести корзины...»

Глава IV.

Современность.

Всѣ его слова цѣликомъ принадлежатъ нашему вѣку. У него они заимствовали свою страсть къ анализу, свои космополитическіе образы, свою гуманную нѣжность. Другая эпоха не могла бы ни внушить, ни понять ихъ. Если мы присмотримся внимательнѣе къ характеристическимъ особенностямъ нашей жизни, мы найдемъ, что она обладаетъ большимъ стремленіямъ къ знанію, т. е. болѣе задумывается о причинахъ своихъ впечатлѣній, болѣе космополитична, т. е. болѣе окрашена воспоминаніями другихъ странъ, и болѣе соціальна, т. е. болѣе озабочена взаимными отношеніями различныхъ классовъ и болѣе отзывчива къ ихъ страданіямъ и разногласіямъ. Если, съ другой стороны, мы резюмируемъ свои впечатлѣнія отъ критики Рёскина по сравненію съ обычной художественной критикой, мы замѣтимъ, что она погружается глубже въ детальный разборъ произведеній искусства, что она заимствуетъ свои примѣры изъ болѣе разнообразныхъ странъ и пейзажей и что она болѣе проникнута пониманіемъ соціальнаго значенія искусства и его таинственнаго родства съ жизнью народныхъ массъ. И съ точки зрѣнія этихъ трехъ главныхъ особенностей его работъ, Брантвудскій отшельникъ представляется намъ не человѣкомъ прошлаго, а человѣкомъ настоящаго и даже, пожалуй, будущаго. Каждый день, какъ каждый падающій листъ, шире открываетъ передъ нами его небо. Жизнь наша становится все болѣе и болѣе аналитичной, бродячей и тревожной, мы требуемъ все больше знаній, больше образовъ и больше состраданія, и мы все больше сочувствуемъ его наукѣ, его страсти къ путешествіямъ и его соціальнымъ мечтамъ. Нѣкоторые, ошибочно понимая его сантиментализмъ и стремленіе къ законности, называютъ его «отжившимъ», старомоднымъ, но они, очевидно, не вникли ни въ нашу жизнь, ни въ его произведенія.

Конечно, во всѣ времена были люди, занимавшіеся анализомъ природы и искусства, но у нихъ не было въ распоряженіи данныхъ науки и современной исторической критики. Во всѣ времена были художники, но не всегда они могли искать себѣ модели во всѣхъ музеяхъ Европы, изучать оттѣнки всѣхъ ледниковъ, погружать свои кисти въ воды

всѣхъ озеръ. Во всѣ времена были апостолы и души, отзывающіяся на страданія обдѣленныхъ судьбой, но не всегда высшіе классы общества чувствовали въ такой степени необходимость всеобщаго братства, и всякій день, прожитый человѣчествомъ, не былъ до такой степени полонъ лихорадочнаго ожиданія «великаго вечера». Рескинъ борется со своимъ вѣкомъ также, какъ младенецъ,—о которомъ говоритъ Лябрюеръ,—бьетъ свою кормилицу, чувствуя приливы силы, вошедшей съ ея молокомъ, всѣ его слова носятъ на себѣ печать того, что онъ проклинаетъ.

Мы слышали его слова, какъ аналитика, и вспоминали опредѣленіе Мадзини: «Рёскинъ въ настоящую минуту величайшій аналитическій умъ въ Европѣ». Онъ вноситъ научный анализъ въ самое сердце поэзіи; онъ разлагаетъ слова, чтобъ изучить ихъ составъ и понять причину ихъ образовъ и ихъ музыкальности; онъ приводитъ къ геометрическимъ фигурамъ прихотливыя очертанія тучъ, чтобы получить ясное представленіе о ихъ перспективѣ и о падающихъ отъ нихъ тѣняхъ, онъ изучаетъ геологію по горамъ Тернера, ботанику—по деревьямъ Клода Лореня, психологію ангеловъ Деля Робіа, патологію скульптурной головы Санта-Марія Формоза, динамику по барельефамъ Іоанна Пизанскаго. Онъ перерываетъ всѣ науки, чтобы найти въ нихъ опору для своихъ эстетическихъ настроеній, и въ зависимости отъ того, что находитъ, дѣлается восторженнымъ поклонникомъ или страстнымъ врагомъ положеній Сосюра, Дарвина, Тиндаля, Джемса Форбса, Альфонса Фабра, Гейма; свои теоріи онъ возводитъ такъ, какъ двигаются змѣи, или какъ наростаютъ ледники; глядя на греческія или флорентійскія статуи, онъ вспоминаетъ объ измѣнчивости видовъ; онъ вѣчно озабоченъ тѣмъ, чтобы придать своей системѣ характеръ экспериментальной основательности. Мы видѣли, что книги его наполнены примѣрами, построенными, какъ уравненія, доказательствами, опроверженіями, а иногда и діаграммами. Съ 1845 года онъ съ помощью дагерротипа изучаетъ въ Венеціи подробности архитектуры, до тѣхъ поръ ускользавшія отъ вниманія, а 1849 году онъ, первый, конечно, фотографируетъ Шервинъ. Перелистывая его книги, мы точно перевертываемъ страницы манускриптовъ Леонардо да Винчи, страницы спутанныя, богатыя, пересѣченныя молніями; замѣчанія по баллистикѣ слѣдуютъ за данными по міологіи: эскизы смѣняются математическими выкладками и механика впутывается въ пейзажи. Какъ и Леонардо, Рёскинъ вездѣ чувствовалъ красоту науки и всегда стремился создать науку красоты. Слушая его, не знаешь, гдѣ онъ провелъ большую часть жизни: въ музеяхъ или въ лабораторіяхъ; его легко представить себѣ въ томъ же видѣ, какъ Эдельфельдтъ изобразилъ Пастера: со взглядомъ и мыслью, прикованными къ пробиркѣ, которую онъ разсматриваетъ на свѣтъ въ своей клиникѣ. Сэра Джона Леббока спрашивали, можно ли сравнивать Рёскина съ Гёте; онъ отвѣтилъ,—и это не должно насъ

удивлять,—что для науки онъ сдѣлалъ несравненно больше, и что, не претендуя на глубокія знанія, онъ проявилъ необычайный даръ наблюдательности: его книги заключаютъ въ себѣ всѣ новѣйшія открытія науки, они переполняютъ ихъ, бьютъ черезъ край.

Интересъ къ соціальнымъ вопросамъ тоже никогда не покидаетъ его—достаточно самаго бѣглаго обзора его произведеній, чтобы убѣдиться въ этомъ. Кромѣ тѣхъ его произведеній, которыя непосредственно посвящены политической экономіи, какъ *Unto this Last*, *Munera Pulvers*, *Time and Tide*, *Оливковый вѣнокъ*, *Fors Clavigera*, *Вѣчная радость*; многія изъ остальныхъ затрагиваютъ косвенно тѣ же вопросы Очень рѣдко великому эстетику удавалось написать цѣлое разсужденіе объ искусствѣ, не вспомнивъ о человѣческихъ существахъ, «имѣющихъ серьезныя причины не слушать лекціи о заслугахъ Микель Анджело, когда имъ самимъ холодно и голодно». Во всѣхъ его произведеніяхъ мы встрѣчаемъ того же человѣка, который писалъ слѣдующія строки въ *Fors Clavirgera* изъ отеля Даніэли въ Венеціи:

«Вотъ маленькая сѣрая раковина-трубянка, которую я нашелъ въ пыли острова св. Елены, и вотъ другая пятнистая раковина улитки изъ сыпучаго песка Лидо, и мнѣ бы хотѣлось спокойно срисовать и описать ихъ. Да и всѣ мои друзья говорятъ, что такъ мнѣ и слѣдуетъ поступать. Почему я не могу думать объ этомъ и чувствовать себя счастливымъ? Но, увы! мои благоразумные друзья! немного такихъ вещей, о которыхъ я могу думать спокойно, такъ какъ зеленыя волны, плещущія у моего порога, несутъ на себѣ трупы и я долженъ оставить свой обѣдъ и идти хоронить ихъ, ибо я не могъ ихъ спасти, долженъ положить раковины на поля своей шляпы, взять свой посохъ и отправиться на поиски какого-нибудь другого берега, куда еще не прибиваетъ труповъ!»

Эти слова написаны двадцать одинъ годъ тому назадъ. Туристкамъ, путешествовавшимъ въ ту зиму по Италіи, они, вѣроятно, показались бы совершенно непонятными. Теперь мы ихъ понимаемъ, или, по крайней мѣрѣ, чувствуемъ ихъ глубокій и печальный смыслъ. Мы не удивляемся теперь, что путешественникъ обращаетъ вниманіе не только на камни и памятники тѣхъ странъ, которыя онъ посѣщаетъ, но и на живыхъ и страдающихъ обитателей ихъ. «Глупѣйшее лицемѣріе,— говоритъ онъ,—стараться украшать тѣни, если самые предметы, отбрасывающіе ихъ, безобразны и жалки, а мы не обращаемъ на это никакого вниманія». Во время лекціи объ искусствѣ онъ пользуется всякимъ поводомъ, чтобы говорить о стачкахъ, о заработной платѣ, о союзахъ, и мы чувствуемъ, что эти слова еще болѣе соотвѣтствуютъ нашей современной жизни.

Наконецъ, слова его говорятъ нашимъ бродяжническимъ инстинктамъ; онъ сопутствуетъ своимъ ученикамъ во время ихъ путешествій въ Амьенъ, во Флоренцію, въ Венецію, чтобы предохра-

нить ихъ отъ еретическихъ внушеній Мюреевъ, Бедекеровъ, Вочлеевъ. Онъ сопутствуетъ имъ въ видѣ маленькихъ книжечекъ въ двадцать страницъ, изящныхъ и удобныхъ; при выходѣ изъ отеля ихъ легко сунуть въ карманъ, онѣ не связываютъ рукъ, не мѣшаютъ купить охапку цвѣтовъ миндаля на Лунгарно, возвращаясь изъ Уффичи; или покормить голубей св. Марка, отправляясь въ палаццо Дожей. Книжечки эти: *Утро во Флоренціи*, *Реликвіи св. Марка*, *«Отцы наши говорили намъ...»*, *Амьенская Библія*. Придя въ часовню или въ музей, вы вынимаете изъ кармана книжечку, и эта маленькая волшебница въ красномъ платьѣ начинаетъ нашептывать вамъ разныя интересныя и неожиданныя тайны, она продѣлываетъ отверстія въ старыхъ стѣнахъ и въ старыхъ полотнахъ и сквозь эти отверстія открываются передъ вами горизонты мысли, долины грезъ и эпохи исторіи. Когда вы открываете одно изъ окошечекъ въ безконечномъ корридорѣ Ponte Vecchio *), соединяющемъ Уффичи съ дворцомъ Пити, и отрываетесь отъ безчисленныхъ запыленныхъ портретовъ великихъ герцоговъ, вы видите Арно, Флоренцію, и мраморныя горы, и сады, и снѣжныя вершины, и виллы Декамерона, и картезіанскіе монастыри, и ложи, и портики—всю природу живую, яркую, радостную, которая вдругъ блеснетъ среди всѣхъ этихъ мертвыхъ вещей и скажетъ путешественнику: «Не. печалься! Все, что ты видишь передъ собой, еще живетъ. На этихъ полотнахъ деревья пожелтѣли и цвѣты стали черными, но тамъ, на волѣ, лѣса зеленѣютъ и цвѣты благоухаютъ, рѣки бурлятъ, женщины улыбаются, рыцари идутъ въ сраженья, народы рукоплещутъ и осыпаютъ проклятіями, и дуновеніе вѣтра, сгибающаго вершины кипарисовъ въ Санъ-Миніато и наклоняющаго головки лилій въ Фіезоле, все также полно ласки и силы, какъ въ тѣ времена, когда оно вѣяло ароматомъ бѣлыхъ лилій Анжелло и разбрасывало золотыя лиліи на голубомъ полѣ знамени Карла VIII!»

Воскрешая жизнь въ покинутыхъ городахъ и въ поблекшихъ произведеніяхъ искусства, примѣшивая къ своей критикѣ очарованіе не умирающей природы и грусть, вѣчную спутницу мысли, Рёскинъ далъ новый смыслъ нашимъ путешествіямъ. Если бы не онъ, въ нашемъ распоряженіи было бы все: скорые поѣзда, дающіе возможность переноситься отъ одного памятника къ другому, непосредственно сравнивать Амьенскій порталъ съ бронзовыми дверями Гиберти; спальные вагоны, помогающіе намъ являться къ этимъ памятникамъ съ ясной головой и освѣженнымъ умомъ, готовыми вникать въ самый тонкій смыслъ ихъ. Въ нашемъ распоряженіи были бы гостинницы со всѣми волшебными приспособленіями современнаго комфорта, гдѣ прикосновеніе пальца къ одной пуговкѣ уничтожаетъ разстояніе, къ другой—производитъ свѣтъ, къ третьей—даетъ тепло, гдѣ слуги, вни-

*) Старый мостъ.

мательные, говорящіе на всѣхъ языкахъ избавляютъ насъ даже отъ труда отдавать приказанія, гдѣ все сговаривается давать полный отдыхъ уму въ промежуткахъ между посѣщеніями музеевъ и сохранять всю силу души въ промежуткахъ между чтеніемъ историковъ. Итакъ, у насъ была бы полная возможность объѣздить весь свѣтъ, намъ не хватало бы только одного условія, чтобы путешествовать и наслаждаться. И Рёскинъ далъ намъ его. Мы шли, онъ открылъ передъ нами горизонты. Мы смотрѣли, онъ научилъ насъ видѣть. Онъ открылъ намъ истинную причину нашихъ тревогъ и далъ благородный предлогъ для отдыха. Онъ объяснилъ намъ, куда мы направлялись и зачѣмъ. Главнымъ образомъ, онъ объяснилъ это своимъ соотечественникамъ; они повѣрили ему и стали въ сто разъ внимательнѣе къ красотѣ, когда они встрѣчаютъ ее; при видѣ ея на лицахъ у нихъ появляется восторженное выраженіе, которое мы напрасно стали бы искать у тѣхъ, кто не состоитъ членомъ *братства Рёскина*, какъ говорятъ въ Италіи.

Глубже ли они понимаютъ красоту? Я не поручился бы за это, но они знаютъ, что одинъ англичанинъ понялъ ее. Доставляетъ ли она имъ больше наслажденія? Они знаютъ по крайней мѣрѣ, что есть человѣкъ одной съ ними расы и религіи, наслаждавшійся ею и находившій для этого наслажденія научныя и нравственныя основанія, соглашаться съ которыми почетно для каждаго. Благодаря ему, благодаря его историческому вкусу и способности воскрешать прошлое, мы чувствуемъ, что передъ этими великими произведеніями проходили поколѣнія, радовались, любили, восхищались. И мы радуемся, любимъ и восхищаемся. И благодаря этой непрерывности восхищенія, мы какъ будто сливаемся въ единую міровую душу, которая трепетала и всегда будетъ трепетать передъ тѣми же горизонтами. Когда вы стоите на балконѣ дворца Дожей или когда съ самой вершины Миланскаго собора вы пытаетесь разсмотрѣть далекую голубую линію Альпъ, опустите глаза на тотъ камень, на который ступаетъ ваша нога, вы увидите, что онъ сплошь испещренъ надписями: именами и числами—именами обитателей всѣхъ европейскихъ деревушекъ и числами всѣхъ лѣтъ конца вѣка—хорошихъ и плохихъ. Всѣ эти скромные люди, нѣмцы и англичане, по большей части, тратятъ большую часть времени здѣсь, надписывая свои неизвѣстныя имена на этихъ знаменитыхъ камняхъ, пытаясь закрѣпить что-нибудь изъ своей быстротечной жизни на этихъ вѣчныхъ памятникахъ; въ этотъ моментъ они испытываютъ безсознательное желаніе слиться въ общемъ чувствѣ восторга съ остальнымъ человѣчествомъ. Имъ кажется, что они выростаютъ, прикасаясь къ этимъ камнямъ, — цѣли столькихъ паломничествъ, — облагораживаютъ себя, оскверняя ихъ своей безсовѣстной пачкотней. Это путешествіе является проблескомъ поэзіи въ ихъ существованіи. Потомъ они много разъ будутъ разсказывать о немъ въ семейномъ кругу послѣ тяжелой работы, въ пивной, среди дыма сигаръ. Безвѣстные

путешественники, быстрыя волны рѣки, на мгновеніе отражающія въ себѣ дворцы и храмы, и далекія горы, и лѣса и всѣ переливы цвѣтовъ на ея берегахъ, и тамъ, дальше сливающіяся въ океанѣ — въ толпѣ, въ будничной сутолокѣ сѣрой и однообразной жизни, не отражающей уже больше ничего... Но если въ тотъ моментъ, когда ихъ окрашиваетъ яркое отраженіе, спросить ихъ: «О чемъ вы думаете? Что вы чувствуете?» они не съумѣютъ отвѣтить. Тѣ, кто читалъ Рёскина, отвѣтятъ: то, чего они не увидѣли въ небѣ, они нашли въ его діаграммахъ, чего не почувствовали въ камняхъ, поняли въ его разсужденіяхъ, и что не съумѣли полюбить въ дѣйствительной жизни, полюбили въ образахъ великаго поэта, нарисованныхъ для нихъ любовью.

Не языкомъ ученаго, не языкомъ соціолога, а языкомъ путеводителя говоритъ по большей части Рёскинъ. Роль путеводителя выростаетъ у него въ апостольское служеніе, и гостинница, гдѣ совершается оно, превращается въ храмъ, не менѣе священный отъ того, что въ немъ есть подъемныя машины и электричество.. Въ какомъ-нибудь замкѣ насъ волнуетъ воспоминаніе о проѣздѣ короля, въ монастырѣ— мысль о посѣщеніи святого. Нѣкогда этотъ замокъ служилъ символомъ могущества, а монастырь—символомъ вѣры и самоотреченія. И тотъ, и другой возвышаются на вершинахъ горъ и среди равнинъ, какъ вѣхи для тѣхъ, кто хочетъ изучить міръ въ его величіи и въ его благости. Теперь, когда короли останавливаются въ отеляхъ и святые не носятъ особыхъ одеждъ въ путешествіи и не живутъ въ особыхъ священныхъ зданіяхъ, гостинница унаслѣдовала поэзію старинныхъ замковъ и монастырей. Часто даже она передѣлана изъ дворца, какъ въ Венеціи, или въ ней до сихъ поръ сохранилась часовня, какъ на берегу Средиземнаго моря. Апостолъ можетъ свободно проповѣдывать тамъ и его полныя величія движенія не представляются намъ неумѣстными. Рёскинъ—это апостолъ современныхъ каравансераевъ. Онъ является намъ въ образѣ архангела Cook's Tours'а или пророка Terminus'а *). Передъ нимъ, благодаря локомотиву, день и ночь двигается огненный столбъ. Прежде, во времена осѣдлой жизни и вросшихъ корнями существованій, люди не поняли бы роли этого эстетика — путеводителя народа. Но теперь кочующее человѣчество разбило свои пенаты, погасило огонь своихъ очаговъ и разбрелось по всѣмъ берегамъ, по горамъ, по мертвымъ городамъ, превращеннымъ въ музеи, чтобы лучше узнать землю, которую оно находитъ слишкомъ маленькой, и прошлое, которое оно находитъ слишкомъ короткимъ. Неувѣренные въ будущей жизни, мы стремимся раздвинуть рамки нашего существованія, пережить уже прожитые вѣка, слиться съ жизнью, изображенной въ музеяхъ, или прочувствовать что-нибудь

*) Названіе знаменитой гостинницы.

изъ разнохарактерной жизни странъ и народовъ, съ которыми мы знакомимся,—теперь этотъ эстетикъ-путеводитель становится пророкомъ, провидцемъ... Онъ пріобщаетъ насъ къ жизни прожитыхъ вѣковъ и невѣдомыхъ народовъ. Его слова вливаютъ въ насъ жизнь: ту жизнь, какою мы живемъ и какою хотѣли бы жить. Въ нихъ есть анализъ; какъ въ нашей научной жизни, въ нихъ есть внушенье, какъ въ нашей космополитической жизни, въ нихъ есть тревожность нашей соціальной жизни. Они многосторонни, какъ сама жизнь, они затрогиваютъ всѣ вопросы и толкаютъ насъ ко всѣмъ берегамъ. Они, какъ и жизнь, полны противорѣчій, такъ какъ отражаютъ въ себѣ всѣ впечатлѣнія и всѣ системы. Они обладаютъ гибкостью жизни, смѣшивая энтузіазмъ съ ироніей и юморъ съ любовью. И если иногда въ нихъ сохраняется оттѣнокъ таинственности, то вѣдь и жизнь съ ея сложностью и безконечнымъ разнообразіемъ, быть можетъ, не менѣе таинственна, чѣмъ смерть.

Т. Богдановичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ.

(Изъ путешествія вокругъ свѣта чрезъ Корею и Манджурію).

*(Продолженіе *).*

9-го августа. Село Покровское.

Мѣсяцъ, какъ выѣхали мы изъ Петербурга, а до Владивостока еще дней пятнадцать. Вотъ и короткій путь. Думали сдѣлать его меньше мѣсяца, но онъ вышелъ длиннѣе всякаго другого. А что онъ стоитъ, этотъ путь... При всѣхъ лишеніяхъ, съ отсутствіемъ горячей пищи включительно, обойдется до тысячи рублей на человѣка. Тогда какъ на пароходѣ 500 рублей со всѣми удобствами культурнаго пути. Сколько вещей уже разворовано, попорчено, во что превратились наши новенькіе чемоданы! Все подмочено, отсырѣло. А ощущеніе своего полнаго безсилія въ борьбѣ со всѣми случайностями и непредвидѣнностями этого пути, гдѣ въ лицѣ каждаго писаря, содержателя почтовой станціи, ямщика, пароходчика является какой-то неотразимый фатумъ, съ которымъ нельзя бороться, спорить... Изломанные, измученные, разбитые ужасной дорогой, нелѣпыми препятствіями, вы, наконецъ, погружаетесь въ какое-то кошмарное состояніе, съ одной надеждой, что кончится же когда-нибудь это.

Проснулся въ семь часовъ. Туманъ густой, сѣрый, сплошной виситъ кусками какими-то. Пронизывающая сырость. Всѣ спятъ еще. Не хочется спать: горечь безсилія грызетъ,—лучше вставать. Всталъ, одѣлся и вышелъ. Наши вещи уже вынесены на берегъ. Идетъ нагрузка муки на пароходъ. Рабочіе всѣ китайцы. Работаютъ сегодня по 4 копѣйки съ пуда.

— А казаки?

— Спятъ казаки.

Носятъ крупчатку. Вся крупчатка здѣсь до Читы изъ Америки. Въ Николаевскѣ она 2 р. 75 к. (за 55 фунтовъ), въ Стрѣтенскѣ— 4 р. 50 к. Крупчатка соотвѣтствуетъ нашему второму сорту.

---

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль.

Пью чай на палубѣ. Туманъ расходится. Усть-Стрѣлка верстахъ въ четырехъ выглядываетъ уютно на своей косѣ. Казаки просыпаются. Цѣлый рядъ на берегу маленькихъ лодокъ-душегубокъ. На нихъ ѣздятъ по рѣкѣ, на ту сторону. Ребятишки гурьбой соберутся и плаваютъ въ этой валкой и ненадежной лодочкѣ: вотъ-вотъ опрокинется она—звонкій ихъ смѣхъ несется по рѣкѣ.

Душегубка побольше пришла съ той стороны: въ ней трое. Казакъ постарше въ шапкѣ съ желтымъ околышкомъ, сѣрой курткѣ съ свѣтлыми пуговицами, съ желтыми нашивками, казакъ помоложе и третій какой-то рабочій: у нихъ въ лодкѣ таинственный боченокъ—водка китайская.

Привезли съ той стороны барана намъ. Баранъ худой и въ Россіи красная цѣна ему 4 р., здѣсь—9 р. и шкура хозяину. Пудъ мяса выйдетъ. Сейчасъ же на берегу зарѣзали его. Снимаютъ шкуру, вынимаютъ внутренности.

Ноги, голову и часть барана подарили командѣ, половину передка—капитану, внутренности забрали китайцы. Они бросили работу и, присѣвъ на корточки, моютъ эти внутренности въ рѣкѣ.

Докторъ выглянулъ. Прошелъ на берегъ, осмотрѣлъ барана:

— Дорого...

— Въ покупкѣ участвуете?

Докторъ экономенъ.

— Нѣтъ.

— Порціями будемъ отпускать. Сколько дадите за порцію?

— Тридцать копѣекъ.

Бекиръ, уже догнавшій насъ, смѣется. Бекиръ очень радъ барану, называетъ его не иначе, какъ барашекъ, и хвалитъ.

Но кухарка нашего парохода, старенькая, какъ запеченное яблоко, говоритъ:

— Дрянь баранъ: тощій, смотрѣть не на что.

Бекиръ не унываетъ:

— Ничего, хорошъ будетъ.

Н. Е. проснулся. Ему хочется сегодня поохотничать.

Надо распаковать оружіе: кстати увидимъ, что съ нимъ сдѣлалось въ дорогѣ. Н. Е. и докторъ занялись этимъ на берегу. Остальные пьютъ чай на палубѣ.

— Ну, все пропало,—кричитъ Н. Е.,—промокло, заржавѣло, все разсыпалось.

— Глупости, — кричитъ докторъ, — развѣ могутъ патроны промокнуть? Положите ихъ на три дня въ Амуръ и то не промокнутъ.

Мы идемъ всѣ смотрѣть. Промокнуть не промокло, но видъ некрасивый: плѣсень, ржавчина.

— Надо скорѣе чистить,—говоритъ докторъ.

Онъ чиститъ, разбираетъ. Кругомъ казаки. Въ ружьяхъ они пони-

маютъ и любятъ ихъ. Хвалятъ магазинку съ разрывными пулями на медвѣдей и тигровъ. Хвалятъ охотничьи ружья, но въ восторгъ приходятъ отъ карабинки-револьвера Маузера.

— Эхъ, и ружья же нынче дѣлать стали.

Прицѣливаютъ, разсматриваютъ.

— Не продаете?

— Нѣтъ.

— А то продайте: пользу дадимъ.

Китайская фелюга прошла. Широкая, черная лодка, сажени въ четыре, съ парусиновымъ навѣсомъ посреди... Четыре китайца на веслахъ, два на рулѣ, одинъ выглядываетъ изъ-подъ навѣса. Посреди мачта и къ ней прикрѣпленъ римскій парусъ.

— Что они везутъ?

— Водку свою казакамъ, а то опіумъ.

Подальше у берега стоитъ болѣе нарядная раскрашенная фелюга, тоже китайская. Посреди устроена деревянная будочка, раскрашенная, узорно сдѣланная.

По берегу гуляетъ китаецъ молодой, одѣтый болѣе нарядно. Въ костюмѣ смѣсь бѣлыхъ и черныхъ цвѣтовъ. Туфли подбиты толстымъ войлокомъ въ два ряда. Онъ ходитъ, кокетливо помативая головой, выдвигая манерно ноги.

— Кто это?

— Такъ, писарь какой-нибудь... говоритъ нашъ капитанъ.—А называетъ себя полковникомъ... Казаки спрашиваютъ: «а сабля твоя гдѣ?» Мотаетъ головой. Такъ думаетъ, что если скажетъ полковникъ—важнѣе будетъ. На пароходъ ихняго брата много придетъ. «Я полковникъ, мнѣ надо отдѣльную каюту...» Въ общую съ людьми его, конечно, не посадишь...

— Почему?

Нашъ старый капитанъ смотритъ нѣкоторое время недоумѣвающе на меня.

— Такъ, все-таки же онъ нечистый... Кому пріятно съ нимъ?

— Злые китайцы?

— Когда много ихъ и сила на ихъ сторонѣ: люты... А такъ, конечно, ниже травы, тише воды... умѣютъ терпѣть, гдѣ надо.

Въ часъ дня пароходикъ нашъ «Бурлакъ» ушелъ назадъ въ Срѣтенскъ, а мы переселились въ слободу.

Нашъ домикъ въ слободѣ изъ хорошаго сосноваго лѣса, саженъ шесть въ длину, съ балкончикомъ на улицу. Обширная комната вся въ цвѣтахъ (герань, розмаринъ), прохладная, вся увѣшанная лубочными картинками.

Послѣ жары улицы здѣсь свѣжо и прохладно, но на душѣ пусто и тоскливо и съ горя мы всѣ ложимся спать. А проснувшись, пьемъ чай. Послѣ чая докторъ съ Бекиромъ принялись за разборку своихъ

вещей, а мы, остальные, сидимъ на балконѣ и наблюдаемъ мѣстную жизнь.

Дѣло къ вечеру, на улицѣ скотъ, телята, собаки, дѣти, взрослые, ѣдутъ верхомъ, ѣдутъ телѣги.

Въ перспективѣ улицы, въ позолотѣ догорающаго дня получается яркая бытовая картинка. А на противоположной сторонѣ улицы огороды—въ нихъ подсолнухи, разноцвѣтный махровый макъ, громадный хмель, напоминающій виноградныя лозы.

Проходятъ казаки, казачки. Народъ сильный, крѣпко сложенный, но оставляющій очень многаго желать въ отношеніи красоты. Главный недостатокъ скуластаго, продолговатаго лица—маленькіе, куда то слишкомъ вверхъ загнанные глаза. Отъ этого лобъ кажется еще меньше, нижняя часть лица непропорціонально удлиненной. Это дѣлаетъ лицо жесткимъ, деревяннымъ, невыразительнымъ. Напоминаетъ слѣпня,—что-то равнодушное, апатичное.

— Просто заспанныя лица,—язвитъ Андрей Платоновичъ.

На балконѣ появляются докторъ и Н. Е. Молодое лицо Н. Е. все такое же блѣдное, слегка опушенное русой бородкой, добродушные большіе сѣрые глаза. Сегодня онъ проходилъ верстъ десять на охотѣ.

— Надо пристрѣляться къ ружью.

Улица стихла. Вечерѣетъ. Потянуло прохладой и ароматомъ лѣсовъ. Бекиръ приготовляетъ все для шашлыка изъ баранины.

— Ну вотъ выискалась долинка, вы живете здѣсь, а тамъ за этими горами что?—спрашиваю я хозяина, стараго казака. Я показываю на сѣверъ, гдѣ въ полуверстѣ уже встаютъ горы.

— Тамъ горы, да камни.

— И далеко?

— По край свѣта.

— Не сѣете тамъ?

— И не сѣемъ, и не косимъ. Медвѣдь тамъ только, да коза. Здѣсь на счетъ посѣва...

Казакъ машетъ рукой.

— Ну, вотъ вы говорите, что на каждаго рожденнаго мальчика надѣляется сейчасъ же 40 десятинъ,—вѣроятно, уже немного свободной земли?

— Гдѣ много. Еслибъ не умирали...

— Давно живете здѣсь?

— Сорокъ лѣтъ, какъ основались здѣсь.

— У васъ старинныхъ женскихъ одеждъ нѣтъ или всегда ходили такъ?

— Какъ такъ?

— Да вотъ въ талію?

— Прежде рубахи да сарафаны больше носили, а нынче вотъ мѣщанская мода пошла.

Мода очень некрасивая: громадное четвероугольное тѣло слегка стиснуто уродливо сшитой талійкой, а между юбкой и таліей торчитъ что то очень подозрительное по чистотѣ. Нѣтъ граціи, нѣтъ вкуса, что-то очень грубое и аляповатое. Нѣтъ и пѣсенъ. Прекрасный предпраздничный вечеръ, тепло—гдѣ-набудь въ Малороссіи воздухъ звенѣлъ бы отъ пѣсенъ, но здѣсь тихо и не слышно ни пѣсни, ни гармоніи.

Молчитъ и китайскій берегъ. Мгла уже закрываетъ его, потухло небо и рѣка совсѣмъ темнѣетъ и безмолвно пуста улица,— спитъ все. Иногда разносится только лай громадныхъ здѣшнихъ собакъ. Пора и намъ спать. И спится же здѣсь: сонъ безъ конца. Прозаичный, скучный сонъ безъ грезъ и сновидѣній. А зимой-то что́ здѣсь дѣлается?..

10-е августа.

Хотѣли вчера пораньше лечь спать, но увлеклись приготовленіемъ шашлыка и засидѣлись долго.

Учителемъ былъ Бекиръ, конечно. Жарили во дворѣ у костра. Шашлыкъ вышелъ на славу. Было ли дѣйствительно вкусно или нравилась своя работа, но онъ намъ казался и сочнымъ, и вкуснымъ, такимъ, словомъ, какого мы никогда не ѣли.

— Заливайте краснымъ виномъ, обязательно, краснымъ, — дирижировалъ докторъ, послѣднимъ отставшій отъ шашлыка.

Мы уже давно пили въ комнатѣ чай, когда со двора раздался его отчаянный вопль:

— Тащите меня отъ шашлыка, а то лопну.

Онъ и сегодня съ сожалѣніемъ вспоминаетъ:

— Много хорошихъ кусковъ пропало: жиръ все.

— Жиръ развѣ полезенъ для желудка?

— Для моего и гвозди полезны.

Конкуррентъ доктору въ ѣдѣ Н. Е. Мы имъ обоимъ предсказываемъ параличъ.

Ночью спалось плохо: много ужъ спимъ. Ночь мягкая, теплая съ грозой и дождемъ, Пахнетъ укропомъ и напоминаетъ Малороссію съ ея баштанами, свѣжепросоленными огурцами, арбузами и дынями.

Пробужденіе утромъ непріятное: сразу сознаніе безцѣльнаго торчанья въ какомъ-то казацкомъ селѣ.

Но такъ какъ ждать придется, можетъ быть, и нѣсколько дней, то рѣшилъ забрать себя въ руки.

Всталъ, умылся, напился чаю и отправился въ сосѣдній домъ заниматься: сперва англійскимъ языкомъ, затѣмъ чтеніемъ о Кореѣ и Китаѣ.

Сижу и занимаюсь подъ аккомпаниментъ визгливой ругани моихъ хозяевъ-казаковъ.

Какъ они ругаются! И мужскіе, и женскіе голоса...

Старухи голосъ:

— Я тебѣ не молодуха и не имѣешь надо мной больше закона.

Или:

— Ахъ ты, пьянчужка, вредный старикъ, поперечный...

Мужскую ругань, къ сожалѣнію, по совершенной нецензурности привести нельзя: грубая, плоская, съ громадной экспрессіей.

Ясно мнѣ во всякомъ случаѣ, куда дѣваютъ избытокъ своей энергіи казаки и съ кѣмъ они воюютъ въ мирное время.

А между тѣмъ разгаръ жнитва и съ вечера собирались уѣхать. Но такъ какъ-то не поѣхалось. Послали молодуху съ китайцами жать, а сами вотъ, и отецъ, и сынъ, и мать, и сестра, здѣсь не ругаются.

Заглянулъ и ко мнѣ старый всклокоченный нечесанный казакъ,— очевидно, до новаго праздника чесаться не будетъ. Ходитъ страшилищемъ. Бекиръ предложилъ было ему подъ машинку остричься у него, но казакъ только зрачками сверкнулъ на Бекира.

Отворилась дверь и вошелъ Н. А., а за нимъ тонкій, молодой, потертый походомъ морской офицеръ.

— Позвольте познакомить васъ, господа: лейтенантъ Р.

Лейтенантъ простой, симпатичный, въ бѣлой тужуркѣ, усѣлся и мы заговорили сразу обо всемъ; и о Портъ-Артурѣ, откуда онъ ѣдетъ, и о Кореѣ, о японцахъ и манджурской дорогѣ, о русско-китайскомъ банкѣ, о Гинцбургѣ, неоффиціальномъ поставщикѣ флота и арміи тамъ на востокѣ.

— Замѣчательный человѣкъ этотъ Гинцбургъ, — разсказываетъ намъ морякъ, то подбирая со стола крошки, то вертя что-нибудь въ рукахъ (признакъ дѣятельной натуры),—началъ свою карьеру простымъ разносчикомъ въ концѣ 60-хъ годовъ, бѣгая съ корабля на корабль. Теперь у него громадный кредитъ въ Китаѣ, Японіи, Америкѣ, у англичанъ. Бывшій дезертиръ нашъ,—теперь уже его простили,— Станислава имѣетъ, разрѣшенъ въѣздъ въ Россію. Весной, было, какъ прижали насъ съ углемъ! Нѣтъ угля—англичане весь скупили: 70 шиллинговъ за тонну. А Гинцбургъ по тридцати далъ и пароходы оказались зафрахтованными, все во время доставилъ. Въ убытокъ себѣ доставилъ.

— Что же его побуждаетъ?

— Надѣется, вѣроятно, контрактъ когда-нибудь на поставки заключить... Англичане давали ему 60 шиллинговъ, началась американо-испанская война, американцы предложило 70, а онъ намъ—по 30.

— Большое количество?

— Тогда мы взяли 120 тысячъ пудовъ.

— Только скажете названіе корабля,—«Александръ Ивановичъ командиръ». И онъ уже знаетъ, какъ этого Александра Ивановича уважить, какой провіантъ онъ требуетъ, что особенно любитъ. Безъ него плохо пришлось бы. Онъ и русско-китайскій банкъ—два всесильныхъ человѣка на востокѣ.

— Банкъ силенъ?

— Все въ его рукахъ.

— Какъ постройка манджурской дороги?

— Не знаю... Кажется, хорошо.

Входитъ докторъ. Рубаха красная, лицо разстроенно, съ энергичнымъ движеніемъ бросаетъ фуражку.

— Нѣтъ, это чортъ знаетъ что такое! На почтовомъ пароходѣ, который завтра придетъ изъ Стрѣтенска, ни одного свободнаго мѣста.

Зачѣмъ же мы, отказавшись отъ удобствъ пассажирскаго парохода, безъ ѣды, прорвались сюда? Чтобъ изъ первыхъ стать послѣдними? Вотъ гдѣ понимаешь русскую пословицу: «тише ѣдешь, дальше будешь».

Но такъ нельзя. Держимъ военный совѣтъ и въ результатѣ Н. А., морякъ и я идемъ на почтовый пароходъ, съ которымъ пріѣхалъ г. Р. и который ждетъ пассажировъ изъ Стрѣтенска, чтобы пересадить ихъ къ себѣ и ѣхать въ Благовѣщенскъ.

Очень любезный капитанъ разводитъ руками и показываетъ телеграмму агента о точномъ количествѣ пассажировъ. Послѣ энергичныхъ переговоровъ получаемъ наконецъ согласіе его на пять мѣстъ.

Только что сошли съ парохода подходитъ капитанъ другого, стоящаго здѣсь буксирнаго парохода и говоритъ:

— Получилъ телеграмму ѣхать назадъ въ Благовѣщенскъ. Черезъ два часа ѣду. Если хотите, могу васъ взять съ собой.

Хотимъ ли мы?!

Пусть опять буксирный и безъ буфета только бы ѣхать.

Спѣшимъ домой. Новая бѣда: Н. Е. неизвѣстно куда ушелъ на охоту.

Бѣда съ молодыми охотниками. Въ часъ дня какая охота?

Ищи его теперь. Назначили пять рублей тому, кто его найдетъ, а сами принялись укладываться и обѣдать.

Три часа, мы уже на пароходѣ «Михаилъ Корсаковъ» и ѣдемъ до Благовѣщенска безъ Н. Е.

Любезный лейтенантъ Р. взялся доставить ему записку и устроить его на пассажирскомъ пароходѣ.

Пароходъ нашъ въ 400 силъ, сидитъ 3 ф., на ходу 3½ ф., а при полной скорости, когда заливаетъ отъ хода палубу, опускаетсв до 4 футовъ. Мы идемъ со скоростью 27 верстъ въ часъ, но скоро начнутся перекаты и тогда пойдемъ тихо.

Собственно, пароходъ несравненно больше «Бурлака», но помѣщеніе наше хуже. Намъ уступили столовую—небольшую каюту. Она внизу, съ двумя небольшими круглыми окошками. Бросили жребій кому гдѣ спать. Мнѣ съ Н. А. пришлось на скамьѣ, доктору на столѣ, А. П. подъ столомъ. Впрочемъ, оба они устроились на полу. Кормить насъ взялись чѣмъ Богъ пошлетъ и съ условіемъ не быть въ претензіи. Послѣ двадцатидневнаго сухояденья о какихъ претензіяхъ можетъ быть рѣчь?

Большая часть команды—китайцы. Намъ прислуживаетъ подростокъ китайченокъ Байга. Онъ юркій, живой, полный жизни и веселости. Говоритъ, какъ птица.

У китайцевъ множество горловыхъ и носовыхъ звуковъ, чрезъ разныя наши «р» они прыгаютъ и поэтому въ ихъ произношеніи нашъ русскій языкъ, немногимъ отличается отъ ихъ китайскаго.

Передъ самымъ отходомъ появился на берегу чиновникъ-рабочій. Сегодня онъ трезвъ и задумчивъ. Лицо интеллигентное и испитое.

Я спросилъ его:

— Какъ ваши дѣла?

— Сегодня была работа.

— Много заработали?

— За полъ-дня 3 рубля.

— Хорошій заработокъ.

— А много ли его? И пароходы не каждый день приходятъ, а черезъ два мѣсяца и конецъ всему, а зимой и копѣйки негдѣ добыть здѣсь. Здѣсь казаки своимъ хлѣбомъ и не живутъ, да и на Аргунѣ въ этомъ году хлѣба нѣтъ.

— На Аргунѣ большіе посѣвы?

— Аргунь весь Амуръ кормитъ.

— А здѣшніе казаки чѣмъ кормятся?

— Да вотъ дрова для пароходовъ, а зимой извозъ—это два главные ихъ промысла.

— Охота?

— Нѣтъ, это ужъ на любителя.

Тонъ чиновника-работника мягкій, ласковый, смущенный. Мы постояли еще немного и разстались. Не легка жизнь здѣсь такого.

Мы плывемъ и опять зеленыя горы по обѣимъ сторонамъ. Старый лѣсъ весь срубленъ и сплавленъ, молодой зеленѣетъ.

Мы, русскіе, рубимъ и на своемъ, и на китайскомъ берегу, но и за свой и за китайскій лѣсъ наша казна беретъ ту-же таксу—80 копѣекъ съ сажени.

— Такъ вѣдь это китайскій лѣсъ?

— Китайскій.

— А китайцы берутъ что-нибудь за свой лѣсъ?

— Ничего не берутъ.

Оригинально во всякомъ случаѣ.

Мы уже верстъ 70 отъѣхали отъ Покровскаго, было около шести часовъ вечера, самое пріятное время, время, когда отъ горъ уже спускается на рѣку тѣнь, когда прохладно, но солнце еще на небѣ и золотитъ еще своими яркими лучами и небо прозрачное, нѣжно голубое и даль воды и зелень горъ.

Я и докторъ сидѣли на палубѣ и работали, когда торопливо спустился съ своей рубки капитанъ и слегка взволнованно обратился къ намъ:

— О Желтугѣ вы слыхали?

— Ну, конечно.

— Вотъ она.

— Гдѣ, гдѣ?

Мы жадно поднялись съ своихъ мѣстъ, всматриваясь въ китайскій берегъ. Между двухъ горъ, въ незамѣтномъ сразу ущельи показались какіе-то домики, обнесенные заборомъ. Это и есть устье Албазихи, въ которую впала Желтуга. На берегу китайскій городокъ. Верстахъ въ двадцати выше по этой рѣкѣ и былъ центръ знаменитой Желтугинской республики. Тамъ и добывали хищническимъ образомъ китайское золото жители всѣхъ странъ, но по преимуществу китайцы и русскіе.

Населеніе республиканской Желтуги достигало до 12 тысячъ жителей. Основатель—ея нашъ интеллигентъ изъ судебнаго міра. Каждые 20 человѣкъ имѣли своего выборнаго и этотъ выборный имѣлъ свое ближайшее начальство

Во главѣ стоялъ выбираемый общимъ собраніемъ старшина. Старшина этотъ получалъ 12 тысячъ. Жалованья у всѣхъ были крупныя: было изъ чего платить,—вырабатывали на человѣка до 20 золотниковъ, то, есть до 150 рублей въ день.

Нашъ капитанъ самъ былъ и работалъ въ Желтугѣ. За шесть мѣсяцевъ онъ вывезъ чистыхъ 8 тысячъ рублей. При этомъ за фунтъ сухарей приходилось платить золотникъ золота: другихъ денегъ тамъ не было.

— Вы сами работали?

— Но тамъ всѣ сами работали.

Составъ былъ самый разнообразный: бѣглый каторжникъ, студентъ университета, чиновникъ, онъ—нашъ капитанъ—жили и работали вмѣстѣ. Нарытое золото оставляли въ незапертой лачужкѣ и не было случая воровства. Порядокъ былъ образцовый Содержалась громадная полиція изъ конныхъ манджуръ. Законы Линча—короткіе и суровые. За смерть-смерть. За воровство—наказаніе плетьми и вѣчное изгнаніе изъ республики.

— Вотъ, вотъ на этомъ мѣстѣ на льду и происходили всѣ экзекуціи. Капитанъ показываетъ рукой.

Мы вплоть проходимъ около китайскаго городка. Онъ постройками не отличается отъ нашихъ селъ: оконъ только больше и окна больше, изъ мелкихъ рамъ съ массой маленькихъ стеколъ. Много рѣшетчатыхъ и рѣзныхъ украшеній, но рѣдкій домъ открытъ. Большинство же съ улицы скрыто за заборомъ изъ частокола. Стоятъ китайцы: рослые, крупные, увѣренные. Ни одной китаянки ни въ окнѣ, ни на улицѣ.

Русскихъ не видно, а въ нашихъ селахъ китайцевъ больше иногда чѣмъ русскихъ.

— Вся Желтуга въ золотѣ, отъ самаго устья.

Теперь китайцы тамъ машины поставили. Во главѣ предпріятія Ли-Хунъ-Чанъ.

Сколько такихъ пріисковъ, гдѣ русскіе разъищутъ золото, а китайцы потомъ работаютъ. Весь китайскій берегъ золотой, а на нашемъ ничего нѣтъ. Вотъ долинка перешла и на нашу сторону—прямое продолженіе, а золота нѣтъ.

Я говорю капитану:

— А теперь есть какая нибудь новая Желтуга?

— Нѣтъ, слѣдятъ. Вотъ проведемъ дорогу, будетъ Манджурія наша, бросаю опять капитанство и иду.

— Въ новую республику?

— Обязательно.

— Понравилось?

— Забыть нельзя.

— Намъ дайте телеграмму,—говоритъ докторъ,—тоже пріѣдемъ.

Капитанъ, красивый, лѣтъ 35, средняго роста человѣкъ: очевидно, житель Сибири, по американски готовый всегда взяться за то дѣло, которое выгоднѣе или больше по душѣ.

— А отчего вы ушли оттуда, капитанъ?

— Начинались преслѣдованія. Сперва мы дали, было, отпоръ китайскимъ войскамъ, а затѣмъ, когда и китайскія, и русскія войска пришли, рѣшено было сдаться. Я-то раньше ушелъ: кто досидѣлъ до конца, тотъ долженъ былъ оставить и имущество, и золото китайцамъ. Уходили только въ чемъ были. Золото китайцы взяли, а дома сожгли. Русскія войска паспортовъ не требовали и всѣхъ отпустили, а китайцы своимъ порубили головы (до 300 жертвъ). Нѣкоторые китайцы, чтобы спастись, отрѣзали косы себѣ, но, конечно, это не помогало. Гдѣ-то есть фотографіи расправы китайскихъ войскъ со своими подданными: цѣлыми рядами привязывали ихъ къ срубленнымъ деревьямъ и потомъ рубили головы. По одну сторону дерева головы, по другую—тѣла. Тамъ на счетъ этого просто.

— По повѣрью китайцевъ, онъ безъ косы и въ свой рай не попадетъ,—тащить его не за что будетъ?

— Хотя косы, собственно, не религіозный знакъ, а признакъ подданства послѣдней манджурской династіи. А это повѣріе относительно рая у китайскихъ массъ дѣйствительно существуетъ.

Мы плывемъ и плывемъ. Горы все меньше и меньше. Это уже не горы, а холмы. Все больше и больше низинъ, поросшихъ мелкимъ лѣсомъ. Вѣроятно, почва годится для культуры, но та же пустыня и у китайцевъ, и у насъ.

Насталъ вечеръ и мы остановились у сравнительно высокаго и скалистаго берега. Въ нѣжномъ просвѣтѣ послѣднихъ сумерекъ на фонѣ блѣдно-зеленоватаго неба видны въ окно на выступѣ берега отдѣльныя деревья, двѣ-три избы, сложенныя дрова.

Мы беремъ дрова, и трескъ и грохотъ падающихъ на желѣзную палубу дровъ гонитъ насъ изъ каюты.

На берегу горятъ костры, освѣщающіе путь носильщикамъ дровъ. Русскіе и китайцы носятъ. Русскіе несутъ много (до полусажени двое), китайцы половину несутъ. Изъ мрака вырисуется вдругъ, при свѣтѣ костра, такое лицо китайца желто-блѣдное, съ широко раскрытыми отъ напряженія глазами и вся фигура его, притиснутая непосильной тяжестью. Но, въ концѣ концовъ, китайцы кончили свой урокъ раньше русскихъ: они быстрѣе носили...

Докторъ, Н. А. и А. П. взобрались на верхъ утеса, развели тамъ огонь и сидятъ. Свѣтъ костра падаетъ на ихъ лица и лица эти рельефно и мертвенно вырисовываются во мракѣ ночи... Всталъ докторъ и запѣлъ «Проклятый міръ» и «...и будешь ты царицей міра» эффектно, сильно и красиво, но врядъ ли доступно уху аборигеновъ. Китайцы, впрочемъ, любятъ пѣніе, и глазенки нашего Байги каждый разъ разгораются, когда докторъ берется за свою гитару. Ужинать позвали. Съ выѣзда изъ Россіи первый разъ ѣмъ порядочно. Было два блюда всего,—супъ и котлеты,—но и то, и другое, по крайней мѣрѣ, можно было ѣсть: просто и вкусно. Готовила какая-то простая кухарка, среднихъ лѣтъ, съ красивыми, но уже поблекшими глазами. Въ этихъ глазахъ какая-то скорбь, что-то надорванное и недосказанное. Когда докторъ поетъ, она замираетъ гдѣ-нибудь за угломъ и вся превращается въ слухъ.

Байга счастливъ и носится. Угостилъ Н. А., вмѣсто воды, водкой и на его обычный отчаянный вопль, точно его рѣжутъ (вѣроятно, ребенкомъ онъ такъ закатывалъ на каждый доводъ своей няни), Байга только корчитъ ему свои уморительныя рожи.

Капитанъ сообщилъ непріятную новость: на ближайшемъ перекатѣ насъ пересадятъ на другой буксирный пароходъ «Адмиралъ Козакевичъ»—родной братъ, впрочемъ, по конструкціи съ нашимъ.

Непріятность въ томъ, что придется простоять по этому поводу до утра.

Такъ и случилось: пришли на перекатъ, гдѣ ждать намъ пароходъ, часовъ въ пять вечера и бросили посреди рѣки якорь.

Съ горя занялись стрѣльбой въ цѣль: бросали въ воду бутылки и стрѣляли въ нихъ. Карабинъ Маузера оказался внѣ конкурренціи. Получили, какъ и у казаковъ, такъ и здѣсь нѣсколько предложеній продать его. Оказывается, что во Владивостокѣ цѣна ему 70 р., тогда какъ я заплатилъ въ Петербургѣ 36 р. Если и во всемъ такая же разница, то, несмотря на порто-франко, вплоть до Иркутска отъ Владивостока расходъ на перевозку купленнаго, пожалуй, оправдается.

Странное это порто-франко на протяженіи 4 тысячъ верстъ вглубь страны: тутъ ли не быть дешевой жизни, а между тѣмъ нѣтъ въ мірѣ болѣе дорогого уголка.

— Дорого, какъ въ игорномъ домѣ, въ этой Сибири,—отозвался какъ-то о здѣшней забайкальской Сибири одинъ чиновникъ,—сторублевка—не деньги.

Чей-то товаръ выгружается, какого-то злополучнаго отсутствующаго хозяина. Не ждать же его.

— Эй, кто желаетъ за счетъ хозяина выгружать?

— Давай,—неторопливо встаетъ съ бревна казакъ, представитель артели, дожидавшейся давно настоящаго случая.

— Сколько слупите?—завистливо освѣдомляется у него команда.

— Небось, не ошибемся.

— Копѣекъ десять?

— Да, а кто меньше ему сдѣлаетъ?

Прогрессируетъ ли жизнь при такихъ условіяхъ?

Выдерживаетъ, конечно, только скупщикъ и сбытчикъ краденаго или хищническаго золота. Да китайцы.

Мы разговариваемъ съ капитаномъ о перекатахъ и меляхъ, препятствующихъ судоходству по Амуру.

Дѣятельность въ этомъ отношеніи министерства путей сообщенія только начинается. Въ прошломъ году пришли двѣ землечерпательныя машины (что̀ значатъ эти двѣ машины на тысячи верстъ?), но все лѣто простояли гдѣ-то на мели. Въ этомъ году онѣ приготовляютъ себѣ зимній затонъ.

Разставили было створы, намѣтили форватеръ, но прошлогоднее совершенно исключительное наводненіе весь фарватеръ измѣнило и теперь никто ужъ не руководствуется установленными сигналами.

— Теперь всѣ старые лоцмана на смарку,—вся наука ихъ теперь яйца выѣденнаго не стоитъ.

Цѣлый классъ людей на смарку! Хорошо, кто вновь успѣетъ пройти эту науку, а для многихъ это уже отставка и безъ пенсіи.

Въ этомъ году особое мелководье и пароходчики послѣ хорошихъ лѣтъ льютъ теперь горькія слезы.

Мелководье и полноводье чередуются здѣсь, по наблюденіямъ мѣстныхъ жителей, пятилѣтіемъ: пять лѣтъ полноводныхъ, за ними пять мелководныхъ.

Если хорошенько во все это вдуматься, то, пожалуй, что во всѣхъ отношеніяхъ, и политическомъ, и экономическомъ, и военномъ, желѣзная дорога необходима для этого края, протяженіемъ двѣ съ половиной тысячи верстъ отъ Срѣтенска съ Владивостокомъ въ концѣ, гдѣ теперь сосредоточивается столько интересовъ нашихъ.

И какъ бы ни противились сторонники центра, но, въ интересахъ того же центра, желѣзная дорога въ наши дни нужна такъ же окраинамъ, какъ и центру, какъ нужны солнце, воздухъ всѣмъ...

Вопросъ здѣсь только въ томъ, какъ на тѣ же деньги выстроить какъ можно больше дорогъ. И болѣе чѣмъ когда бы то ни было убѣжденный, я говорю, что вглубь Сибири надо строить узкоколейную дорогу—мы ничего не потеряемъ въ провозоспособности и силѣ тяги, а истратимъ денегъ много меньше. И, конечно, все это было бы болѣе

чѣмъ ясно, если бы у насъ существовалъ общій желѣзнодорожный планъ, а не сводилось бы всегда дѣло къ какой-то мелочной торговлѣ,—къ покупкѣ фунта сахара только на сегодня.

Ошибка простительная людямъ 40-хъ годовъ, когда была принята у насъ не болѣе узкая колея, подходящая болѣе къ карману, а болѣе широкая, подходящая болѣе къ крѣпостнической ширинѣ тѣхъ временъ, повторяется и въ наши дни, когда при желаніи рѣшить правильно вопросъ есть всѣ данныя изъ теоріи и фактовъ для раціональнаго его рѣшенія...

Довольно.

Синее небо—мягкое и темное—все въ звѣздахъ смотритъ сверху. Утесъ «саликъ» обрывомъ надвинулся въ рѣку, ушелъ вершиной вверхъ, тамъ вверху, сквозь вѣтви сосенъ, еще нѣжнѣе, еще мягче синева далекаго неба.

Все на палубѣ приникло и слушаетъ нашего пѣвца. На этотъ разъ репертуаръ подошелъ ближе и захватилъ слушателей.

Новыя и новыя пѣсни. Вотъ тоска ямщика, негдѣ размыкать горе, и несется подавленный, сжатый тоской отчаянья припѣвъ: «эй, вы ну ли, что заснули? шевелись живѣй,—вороные, золотые...»

Все слушаетъ больше молодой, сильный народъ, со всякимъ бывало, и пѣсня, какъ клещами, захватила и прижала ихъ: опустили головы и крѣпко, крѣпко слушаютъ.

Докторъ кончилъ, и изъ мрака вышелъ какой-то рабочій. Протягиваетъ какія-то ноты и говоритъ:

— Можетъ быть, пригодится: Шуберта...

— Благодарю васъ,—говоритъ докторъ и жметъ ему руку.

Отвѣтное пожатіе рабочаго и онъ ужъ скрылся въ толпѣ.

Кто онъ? Да въ Сибири внѣшній видъ мало что скажетъ, и привыкшій къ русской градаціи въ опредѣленіи по виду людей сильно ошибется здѣсь и какъ разъ милліонера-золотопромышленника приметъ за продавца тухлой рыбы, а подъ скромной личиной чернорабочаго пропуститъ европейски образованнаго человѣка.

12-го августа.

Все боялись, что рано потревожатъ для пересадки, но проснулись въ восемь часовъ и все тихо. Напились чаю, вышли на палубу.

— Когда пересадка?

— Да, вотъ...

Занимались, пообѣдали, кто уснулъ и выспался, когда наконецъ предложили переходить на другой пароходъ. Перешли и въ пять часовъ поѣхали дальше.

Прежній капитанъ, прощаясь съ нами, говорилъ:

— Послѣ завтра къ вечеру будете въ Благовѣщенскѣ.

Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Проѣхали 20 верстъ и сѣли на мель: на полномъ ходу съ размаху мы врѣзались въ эту мель. По гравелистому дну рѣки скользнуло желѣзное дно нашего парохода,—загрохотало, рявкнуло и пароходъ сразу сталъ.

Плохо, что при этомъ насъ какъ-то нехорошо—поперегъ теченія—повернуло: оплеухой, какъ говорится здѣсь.

Мы перегнулись и печально смотримъ въ воду. Колесо и часть середины на мели и дно мели едва покрыто водой. Но подъ кормой глубоко, какъ глубоко и съ другой стороны, и мы можемъ изломаться, опрокинуться, котелъ не выдержитъ и взорветъ...

День къ концу, новый мѣсяцъ въ небѣ, солнце мирно садится и, прощаясь, красными печальными лучами смотритъ оно на насъ, бѣдныхъ странниковъ Сибири.

13-го августа.

Утро. Туманъ. Мы стоимъ на мели. Вокругъ насъ блестящее общество: также какъ мы сидящій уже на мели пароходъ «Князь Хилковъ», ожидающій очереди «Графъ Игнатьевъ», еще какой-то генералъ, не забудьте, мы сами «Адмиралъ Козакевичъ», ждемъ наконецъ «Адмирала Посьета», словомъ, сухопутныхъ и морскихъ дѣятелей здѣшняго края достаточно. Теперь они изъ своихъ портретовъ грустно смотрятъ но насъ.

Капитаны пароходовъ ѣздятъ другъ къ другу съ визитами. Къ намъ не ѣздятъ. потому что у насъ нѣтъ буфета, да и провизіи нѣтъ. За день до нашего крушенія нашъ пароходъ уже просидѣлъ восемь дней на мели,—тамъ и съѣли всю провизію и насъ кормятъ теперь тухлой солониной и прогорклымъ и испорченнымъ масломъ. Мы по прежнему все бьемся,—освободимъ носъ, корма увязнетъ, освободимъ корму, носъ увязнетъ. Совершенно безъ всякаго толку, какъ-то поперекъ рѣки ползетъ какой-то новый пароходъ. Царапается онъ чуть не по суху: завезетъ якорь и тянется. Заднее колесо отчаянно вертится, разбрасывая желтую пѣну и камни.

— И куда онъ только лѣзеуъ, дуракъ махровый?—ругаются наши матросики,—вотъ попадетъ на эту струю и снесетъ на насъ: тогда на недѣлю засядемъ.

Въ это время какой-то пароходъ, не обращая вниманія на все здѣшнее общество, проходилъ нашъ перекатъ у другого берега полнымъ ходомъ и совершенно благополучно.

Афронтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ открытіе: фарватеръ, какъ оказывается, есть и къ тому-же согласуется и съ теоріей всѣхъ фарватеровъ.

Послѣ этого всѣ капитаны снимаются съ якорей и собираются разойтись въ разныя стороны, кому куда лежитъ путь.

А новый пароходъ между тѣмъ, перековылявъ черезъ мель, дѣйствительно ввалился въ ту струю, о которой говорили матросики, и

прежде, чѣмъ мы успѣли оглянуться, его снесло на нашъ стальной канатъ, соединявшій нашъ пароходъ съ берегомъ и служившій намъ подспорьемъ для снятія самихъ себя съ мели. Для себя навалившійся пароходъ счастливо отдѣлался, но наши носовыя крѣпи, за которыя канатъ былъ укрѣпленъ, не выдержали, и стальной канатъ, свободный теперь въ носовой части отъ крѣпы, сталъ рвать и ломать наши буксирныя арки, перила и наконецъ лѣвую колонну, поддерживающую верхнюю рубку. Въ этой рубкѣ помѣщались каюты служащихъ, кухня.

Все это сопровождалось трескомъ и пальбой, какъ изъ пушекъ, криками метнувшейся въ разныя стороны команды и дикимъ воплемъ женской прислуги и длилось одно и очень короткое мгновеніе. А затѣмъ повѣрка и осмотръ нашихъ разрушеній и веселое сознаніе, что всѣ цѣлы, живы и здоровы.

Всѣ въ духѣ, возбуждены и то, что новый пароходъ окончательно и безнадежно втиснулъ насъ въ самую сердцевину мели, то, что вокругъ, до середины парохода обнажилась сухая отмель гравія—никого больше не тревожиты.

Такъ какъ это уже аварія, то мы и даемъ теперь отчаянные свистки о помощи. Не успѣвшій уйти «Графъ Игнатьевъ» уныло отвѣчаетъ и остается насъ вытаскивать.

Къ вечеру навалившійся на насъ пароходъ наконецъ благополучно скрывается на горизонтѣ. Вмѣсто него появляется пассажирскій «Адмиралъ Посьетъ».

Онъ осторожно, въ верстѣ бросаетъ якорь и на лодкѣ ѣдетъ къ намъ въ гости (не къ намъ, собственно, а къ «Графу Игнатьеву»).

Нашъ капитанъ, неутомимый работникъ, пробѣгаетъ мимо и весело кричитъ:

— Если канатъ выдержитъ, сейчасъ снимемся.

Роковое если... Канатъ съ пушечнымъ выстрѣломъ рвется и вся работа дня опять на смарку, потому что насъ мгновенно опять относитъ на прежнее мѣсто, а можетъ быть и на худшее.

— Не везетъ,—разводитъ руками капитанъ.

— Слава Богу, что всѣ цѣлы.

Оказывается, впрочемъ, не совсѣмъ всѣ: у двухъ ноги перебило или помяло, у третьяго, китайца, ребра.

Нашъ докторъ возится уже съ ними.

Ко всему дождь, какъ изъ ведра, весь день, и мы всѣ промокли и сыро такъ, какъ будто бы мы уже сидимъ на днѣ рѣки. Вечеръ и ранній туманъ. Гдѣ-то далеко выдвинулась изъ мрака гора и, освѣщенная отблескомъ зари, она кажется, гдѣ-то въ небѣ, свѣтлое облако на этой горѣ—источникъ свѣта.

Мы въ каютѣ. Лѣнивый разговоръ о прошедшемъ днѣ: поломки больше, чѣмъ думали сначала,—не только на кормѣ, но и на носу сорвало все. Цѣпь на рулѣ лопнула, ослабѣли блоки рулевые, что то въ

машинѣ, и поломаны колеса, дрова на исходѣ и нѣтъ провизія. Ѣздили за ней на другой пароходъ, но нигдѣ ничего намъ не дали.

— На завтра хлѣба больше нѣтъ,—говоритъ кухарка, — завтра сухари.

— Докторъ,—говоритъ Н. А.—если вы мнѣ не дадите кали бромати, я кончу тѣмъ, что двумъ сразу въ морду дамъ...

— Не совѣтую,—методично отвѣчаетъ докторъ.

И, помолчавъ, говоритъ:

— Побьютъ.

Но Н. А. отчаянно машетъ рукой и говоритъ·

— Пусть бьютъ, а все-таки дамъ.

Разговоръ обрывается вдругъ появленіемъ Н. Е. Б. Общій радостный крикъ.

Онъ пріѣхалъ на пароходѣ «Посьетъ».

— Ну, какъ же вы?

Н. Е. сѣлъ, пригнулся, по обыкновенію, и смотритъ, точно соображаетъ, какъ же дѣйствительно онъ?

— Да, ничего.

— Много дичи настрѣляли?

— Да я вѣдь не дичь стрѣлялъ, а рыбу ловилъ. Я вѣдь двѣнадцать сомиковъ поймалъ. Прихожу: уѣхали, говоритъ хозяйка. Я такъ и сѣлъ. Вотъ тебѣ и разъ, думаю. Далъ съ горя себѣ слово никогда не удить рыбу.

— Ну?

— Ну, тутъ пришелъ Р.: объяснилъ. Я съ горя и курить началъ.

Н. Е. въ доказательство смущенно вынулъ и показалъ коробку папиросъ.

— Ну какъ же вы доѣхали?

— Доѣхалъ положимъ, хорошо. Р.—хорошій онъ человѣкъ—сейчасъ же повелъ меня на пароходъ, представилъ всѣмъ.

— Дамы были?

Н. Е. отвѣчаетъ не сразу, улыбается и нерѣшительно говоритъ:

— Были.

— Смотрите, смотрите,—говоритъ докторъ,—онъ весь сіяетъ.

Совсѣмъ юное еще лицо Н. Е. дѣйствительно сіяло. Голова его слегка ушла въ плечи, онъ сидитъ и словно боится пошевелиться, чтобы не разогнать пріятныхъ воспоминаній. Только глаза, красивые, лучистые смотрятъ, не мигая передъ собой.

— Ну, разсказывайте же, молодой тюлень,—кричитъ докторъ.

— Да что разсказывать,—медленно, не торопясь начинаетъ Н. Е.,— видите въ чемъ дѣло. Ѣхала на томъ пароходѣ одна дама.

— Гм... дама,—басомъ перебиваетъ докторъ и крутитъ усы.

— Да не дама... дочь у нея,—смущенно дополняетъ Н. Е.

— Дочь?.. Чортъ побери.

— Четырнадцати лѣтъ.

— Что? Ха-ха-ха. Вотъ такъ фунтъ..,

— Такая симпатичная, просто прелесть. Мы съ ней рыбу удили.

— Послѣ зарока-то?

Н. Е. совсѣмъ смущенъ. Мы всѣ хохочемъ.

— Да вотъ,—разводитъ онъ смущенно руками,—такъ ужъ вышло... Рыбы много... Только успѣваешь закидывать удочки.. И такъ еще: сомокъ сорвется, а какая-то рыбушка бокомъ на крючкѣ. Три раза такъ вытаскивали. Я нигдѣ никогда столько рыбы не видалъ...

— У насъ нынче Н. А. изъ револьвера застрѣлилъ рыбу.

— А вотъ скоро кита пойдетъ, — здѣшняя рыба, — съ моря; она прямо стѣной плыветъ, однимъ неводомъ ихъ до двухъ тысячъ пудовъ вытаскиваютъ въ разъ.

— Въ пятнашки съ ней играли,—говоритъ тихо Н. Е.

— Съ кѣмъ? Съ китой? Да онъ совсѣмъ влюбленъ, — оретъ докторъ,—нѣтъ, ему пѣсни надо пѣть.

Докторъ снимаетъ гитару и говоритъ:

— Ну, слушайте.

Онъ поетъ, а Н. Е. такъ и замеръ.

— Хорошо?

— Хорошо,—чистосердечно признается Н. и улыбается.

Бѣлые зубы его сверкаютъ, глаза видятъ другой свѣтъ.

— Да ну васъ къ чорту, уходите,—смотрѣть завидно...

— И то: ѣхать пора.

— Да какъ же вы поѣдете?

— Да вотъ: свезутъ на берегъ, а тамъ версты двѣ берегомъ.... трава высокая по поясъ, да мокрая...

— А какъ вы спите безъ подушки, одѣяла?

— Такъ и сплю,—теперь ящикъ какой то-подъ головою.

Какъ мы его ни удерживали, какъ ни пугали барсами и тиграми, Н. Е. ушелъ.

Дождь будетъ мочить его, будетъ одинъ онъ пробираться темной ночью въ мокрыхъ камышахъ. Что ему дождь, камыши, тигры? Весь охваченный пѣньемъ и памятью встрѣчи, онъ будетъ идти и кто знаетъ, эта прогулка не будетъ ли лучшей въ его жизни?..

— Экая прелесть, — говоритъ докторъ послѣ ухода, — сколько ему лѣтъ?

— Двадцать два.

— Завидно, ей-Богу...

— Да вамъ-то много ли?

— Двадцать пять,—грустно вздыхаетъ докторъ.

Опять заглянулъ Б.:

— А, можетъ быть, хотите на нашъ пароходъ ѣхать? Я скажу капитану. Только мѣстъ нѣтъ.

Пока выхода не было, казалось, хоть на лодкѣ, лишь бы ѣхать дальше. А теперь жаль: жаль суроваго здѣсь житья нашего, жаль въ бою побывавшаго нашего изломаннаго парохода, команды, молодого капитана энергичнаго, трудолюбиваго, на котораго шишки невзгодъ такъ и валятся отовсюду: въ это лѣто девятый разъ сидитъ на мели.

Но благоразуміе беретъ верхъ и мы рѣшаемъ на утро перебраться къ «Посьету». Мѣстъ, правда, нѣтъ,—будемъ на полу гдѣ-нибудь въ столовой спать.

— Такъ, значитъ, до скораго свиданія?

— Спокойной ночи.

14-го августа.

Нашъ молодой капитанъ неутомимъ. Всю ночь возился и теперь носится по палубѣ, своими длинными ногами дѣлая громадные шаги. Совсѣмъ было выправилъ насъ «Игнатьевъ», но опять оборвался канатъ и мы, какъ-то перевернувшись на 180°, врѣзались опять въ ту же мель. Ну и канатъ...

Плохо, «Посьетъ» прошелъ мимо на всѣхъ парахъ... А долженъ насъ взять: во-первыхъ, у насъ аварія, во-вторыхъ, оба парохода того же общества. Не взялъ... Чтожъ? Съ горя работать. Спустились въ каюту и засѣли кто за что.

И вдругъ, когда, казалось, всякая надежда исчезла, что-то произошло и неожиданно всунулась въ каюту нашу голова капитана.

— Снялись...

Это было такъ хорошо, что вопросъ, какъ снялись, былъ второстепеннымъ.

Мы бросились наверхъ. Прекрасный день, свѣтитъ солнце, покачиваясь уже на глубинѣ, стоитъ нашъ пароходъ, а подальше «Игнатьевъ».

— Поздравляемъ васъ, капитанъ.

— Это не меня—это капитана «Игнатьева» надо поздравить: такихъ товарищей, какъ онъ, рѣдко встрѣтишь.

«Игнатьевъ» скоро ушелъ. А часа черезъ три, починившись кое какъ пустились и мы въ путь.

Правый берегъ — манджурскій. Хотя побѣдителями всегда были манджуры и всегда китайцевъ били, но китайцы шли и шли и теперь культуру манджуръ безповоротно смѣнила китайская стойкая, все выносящая культура. Послѣднія вольности манджуровъ отбираются одна за другой и нѣкогда всесильная родина послѣдней династіи, теперь она только ничтожная провинція въ сравненіи съ остальнымъ громаднымъ Китаемъ.

Манджуры напоминаютъ нашихъ казаковъ сѣчи. Такіе же бритые, съ длинными усами, мужественные и мрачные. Но ихъ теперь уже такъ же мало, какъ и зубровъ Бѣловѣжской пущи. Все проходитъ..

Кучка матросовъ разговариваетъ.

Все это уже знакомые люди: вотъ стоитъ кузнецъ въ свѣтло-голубой грязной курткѣ, такихъ же изорванныхъ штанахъ, жокейской шапочкѣ, громадный, съ крупными чертами лица, съ умными большими глазами. Другой матросъ, тоже громадный, въ плисовыхъ штанахъ, рубахѣ на выпускъ, высокихъ сапогахъ, съ большой окладистой рыжеватой бородой. На матроса не похожъ: скорѣе на русскаго кучера, когда, отпрягши лошадей, свободный отъ занятій, онъ выходитъ погуторить на улицу.

Третій маленькій, тоже русый, въ пиджакѣ и высокихъ сапогахъ, съ лицомъ, испещреннымъ оспой и мелкими, какъ бисеръ, чертами.

— Это что за горы—гнилье, этотъ камень никуда не годится,— говоритъ кузнецъ,—такъ и разсыпается... Горы за Байкаломъ... Идешь по берегу и нельзя не нагнуться, чтобы поднять камешекъ, набьешь полные карманы, а впереди еще лучше. Высыпешь эти, новые начнешь набирать...

Это мирное занятіе не подходитъ какъ-то ко всей колоссальной и мрачной фигурѣ кузнеца.

Разговоръ обрывается.

Переселенцевъ вовсе мало ныньче: только и плывутъ на плотахъ. То и дѣло мимо насъ плывутъ такіе плоты большіе и маленькіе. Стоятъ на нихъ телѣги, живописныя группы мужчинъ, женщинъ, дѣтей, лошади, коровы. Огонекъ уютно горитъ посреди плота.

Нашъ пароходъ разводитъ громадныя волны для такихъ плотовъ и ихъ качаетъ и усиленно гребутъ на нихъ.

Эти плоты дойдутъ до Благовѣщенска, гдѣ и продадутъ ихъ переселенцы, выручая иногда за нихъ двойныя деньги.

— Что, второй пароходъ всего съ переселенцами. А назадъ ѣдущихъ довольно...

— Земель мало?—спрашиваю я.

— По Зеѣ есть... не устроено... кто попадетъ на счастье, а кто мимо проѣдетъ, никто ничего не знаетъ...

Это бросаетъ, какъ бьетъ молотомъ, кузнецъ.

— У васъ ввели мировыхъ?—спрашиваю я.

— Ввели.

— Довольны?

— Если не испортятся, ничего.

— Какъ испортятся?

— Какъ? Взятки станутъ брать... Русскому человѣку, бѣдному, дохнуть нельзя, а китайцамъ—житье. Закона нѣтъ жить имъ къ Благовѣщенскѣ, а половина города китайская... Грязь, какъ въ отхожемъ мѣстѣ, у нихъ: ничего...

— Нечистоплотны?

— Падаль ѣдятъ, конину, собакъ—грязь... тьфу... Водкой своей торгуютъ.

— Тайкомъ?

— А такъ... дешевая и вдвое пьянѣе нашей... Сейчасъ напейся,— сегодня пьянъ, а завтра выпей натощакъ полстакана простой воды и опять пьянъ на весь день... ну и тянется народъ за ней... Китаецъ всякому удобенъ... Положимъ, не торопи его только—онъ все дѣло сдѣлаетъ. А противъ русскаго втрое дешевле... Опять русскому долженъ—надо отдать... Если по шеѣ ему, и онъ сдачи умѣетъ дать; а китайцу далъ по шеѣ, да пригрозилъ полиціей,—уйдетъ безъ всякаго разсчета и не заикнется...

Молчаніе.

— И вотъ какое дѣло,—говоритъ кузнецъ,—совсѣмъ нѣтъ китайскихъ бабъ. Китайцевъ, ребятишекъ—все мальчишки, а бабъ нѣтъ: штукъ десять на весь Благовѣщенскъ... Не можетъ же десять ихъ такую уйму народить? И вотъ я въ ихней сторонѣ пробирался и чуть подъ пулю не попалъ,—у нихъ это просто, и въ фанзахъ ихнихъ мало бабъ...

— Прячутъ отъ насъ, боятся обиды,—глубокомысленно вставляетъ съ мелкими чертами лица матросъ.

— Положимъ,—говоритъ кузнецъ,—нельзя и нашего брата хвалить. Не то, что ужъ на своей сторонѣ, а на ихней безъ всякаго права заберется къ нимъ, то за косу дернетъ, то толкнетъ, то къ бабамъ полѣзетъ... А вѣдь китаецъ, когда силу свою чуетъ—его тоже не тронь...

Кузнецъ мотаетъ головой.

— Въ какую-нибудь ночь да выйдетъ же отъ китайцевъ рѣзня въ Благовѣщенскѣ: всѣ счеты свои сведутъ... И откуда они только берутся: батальонъ, два въ другой разъ вышлютъ на облаву, всѣхъ къ рѣкѣ ихъ, прочь на свою сторону, а на другой день еще больше ихъ...

— Ну, такъ какъ же? Чѣмъ бы полиція кормилась? Для этого и гонятъ, чтобъ потомъ опять пустить.

Все тѣ же щи изъ тухлой солонины на обѣдъ и та же жареная на горькомъ маслѣ солонина.

— Яицъ нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Молока?

— Ничего, кромѣ солонины и сухарей.

Вечеромъ пристали къ деревушкѣ. Нашли двѣ курицы, пять бутылокъ молока. Больше во всей деревнѣ ничего.

— Какъ же вы живете?

— Въ прошломъ годѣ наводненіемъ все смыло, ныньче посохло, да вотъ падежъ... Годъ безъ падежа рѣдко же пройдетъ... Гдѣ бы и посѣяли и увеличили бы пашню, что жъ подѣлаешь безъ скотины? То и дѣло на ново до чиста обзаводись...

15-го августа.

Сегодня пошли съ четырехъ съ половиной часовъ утра; тумана почти не было. Идемъ хорошо и хотимъ, кажется, на этотъ разъ безъ приключеній добраться до Благовѣщенска.

Докторъ лежитъ и философствуетъ.

Я смотрю на него и думаю: типъ ли это девятидесятыхъ годовъ, если не въ качественномъ, то въ количественномъ отношеніи. Онъ кончилъ въ прошломъ году. Практиченъ и реаленъ. Ни одной копѣйки не истратитъ даромъ. Ведетъ свой дневникъ, педантично записывая дѣйствительность. Ѣстъ за двоихъ, спитъ за троихъ. Рѣшителенъ въ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ. Знакомъ съ теоріей, симпатіи его на сторонѣ соціалъ-демократовъ, но самъ мало думаетъ о чемъ бы то ни было. Вообще все это его мало трогаетъ. То, что̀ называется «квіэтистъ».

— Да-съ, господинъ хорошій,—разсуждаетъ онъ на своей койкѣ,—какъ у швейцарцевъ? Восемь часовъ работы, восемь сна, восемь отдыха.. Ну-съ, такъ вотъ и мы нашу жизнь устроимъ: семь, ну, чортъ съ нимъ, девять мѣсяцевъ работы, а три мои... Пожалуйте, отецъ діаконъ, денежки на конъ,—въ Италію... Хорошія мѣста... въ Венеціи: часовенька на Піаццетѣ... Этакъ лежишь, а публика проходитъ... Пансіонерочка какая-нибудь пуститъ бумажку въ тебя и бѣжитъ... Изъ 40—30 красавицы. Пѣсни, воздухъ: хорошо...

— Ура... Благовѣщенскъ!—кричитъ сверху Н. А.

Мы бросаемся на палубу.

Оба берега Амура плоскіе и горы ушли далеко въ прозрачную даль.

Благовѣщенскъ, какъ на ладони,—ровный, съ громадными, широкими улицами, съ ароматомъ какой-то свѣжей энергіи: онъ весь строится. Впечатлѣніе такое, точно городъ незадолго до этого сгорѣлъ. И какъ строятся! Воздвигаются цѣлые дворцы. Люди, очевидно, вѣрятъ въ будущность своего города.

Положимъ, въ 40 лѣтъ городъ дошелъ до 40 тысячъ населенія, являясь центромъ всей золотой промышленности.

На сліяніи Амура и Зеи, противъ того мѣста Манджуріи, гдѣ наиболѣе густо населеніе ея.

Пока дѣла Манджуріи минуютъ Благовѣщенскъ, но говорятъ, что съ окончаніемъ постройки манджурской дороги вся торговля перейдетъ въ руки русскихъ купцовъ.

Всѣ во всей Сибири расчитываютъ на эту Манджурію отъ купца до послѣдняго рабочаго, и кузнецъ нашего парохода говоритъ:

— Вотъ Богъ дастъ... Эхъ, золотое дно...

21-го августа.

Мы выѣхали изъ Благовѣщенска 19-го.

Пароходъ наполненъ пассажирами, которыхъ раньше мы всѣхъ обогнали на лошадяхъ. Теперь они удовлетворенно посматриваютъ на насъ: «что, дескать, обогнали?»

Мы въ роли побѣжденныхъ покорно сносимъ и привѣтливо смотримъ на всѣхъ и вся.

Впрочемъ, рѣдко видимъ ихъ, занятый каждый своимъ дѣломъ.

Рѣдко видимъ, но знаемъ другъ о другѣ все уже. Кто объ этомъ говоритъ намъ? Воздухъ, вѣроятно, пустота Сибири, гдѣ далеко все и всѣхъ видно. Это общее свойство здѣшней Сибири: народу мало, интерасовъ еще меньше и всѣ все знаютъ другъ о другѣ.

Какъ бы то ни было, но я знаю, что рядомъ, напримѣръ, со мной въ такой же, какъ и моя, двухмѣстной каютѣ ѣдутъ двѣ барышни. Одна въ первый разъ выѣхавшая изъ Благовѣщенска въ Хабаровскъ. Она робко жмется къ своей подругѣ и краснѣетъ, если даже стулъ нечаянно задѣнетъ. Извѣстно, что при такомъ условіи всѣ стулья всегда оказываются какъ разъ на дорогѣ, и поэтому здоровая краска не сходитъ съ ея щекъ.

Это, впрочемъ, дѣлаетъ ее еще болѣе симпатичной.

Вторая бестужевка. Она ѣдетъ изъ Петербурга въ Хабаровскъ учительницей въ гимназію. Большіе сѣрые глаза смотрятъ твердо и увѣренно. Стройная сильная фигура. Спокойствіе и увѣренность въ себѣ и своей силѣ. Она одна проѣхала всю Сибирь: для женщины, а тѣмъ болѣе дѣвушки—это подвигъ.

— Гдѣ счастье?—спрашиваетъ ее кто-то на палубѣ.

— Счастье въ насъ,—отвѣчаетъ она.

Я слышу ея отвѣтъ и смотрю на нее. Она спокойно встрѣчаетъ мой взглядъ и опять смотритъ на рѣку, берегъ.

Широкая раньше и плоская долина Амура опять съуживается. Снова надвигаются зеленые холмы съ обѣихъ сторонъ. Это отроги Хинчана. Здѣсь уже водятся тигры и взглядъ проникаетъ въ таинственную глубь боковыхъ лощинъ. Но стараго лѣса нѣтъ и здѣсь: не защитили и тигры и всюду и вездѣ только веселые побѣги молодого лѣса.

Садится солнце и изумительными переливами краситъ небо и воду. Вотъ вода совершенно оранжевая, сильный пароходъ волнуетъ ее и прозрачныя яркія оранжевыя волны разбѣгаются къ берегамъ. Еще нѣсколько мгновеній и волшебная перемѣна: все небо уже въ яркомъ пурпурѣ и бѣгутъ такія же прозрачныя, но уже ярко-кровавыя блестящія волны рѣки. А на противуположной сторонѣ неба нѣжный отблескъ и пурпура, и оранжевыхъ красокъ, и всѣхъ цвѣтовъ радуги. И тихо кругомъ, неподвижно застыли берега, деревья—словно спятъ въ очарованіи, въ панорамѣ безмятежнаго заката.

За общимъ ужиномъ молодой помощникъ капитана разсказываетъ досужимъ слушателямъ о красотѣ и величинѣ мѣстныхъ тигровъ, барсовъ, медвѣдей.

Медвѣди здѣшнихъ мѣстъ, очевидно, большіе оригиналы: передъ носомъ парохода они переплываютъ рѣку; однажды во время стоянки одинъ изъ нихъ забрался даже въ колесо парохода.

— И что же?—съ ужасомъ спрашиваетъ одна изъ дамъ.

Докторъ грустно полуспрашиваетъ, полуотвѣчаетъ:

— Убили?

Смѣхъ, еще нѣсколько словъ и знакомство всѣхъ со всѣми завязано.

Потерянное время торопятся наверстать. Послѣ ужина докторъ поетъ, Н. А. играетъ, онъ же по рукамъ опредѣляетъ характеръ и судьбу каждаго. Онъ вѣритъ въ свою науку и относится къ дѣлу серьезно. Одну за другой онъ держитъ въ своихъ рукахъ хорошенькія ручки и внимательно разсматриваетъ ладони. Чѣмъ сосредоточеннѣе онъ, чѣмъ больше углубляется въ себя, тѣмъ сильнѣе краснѣютъ его уши. Они дѣлаются окончательно багровыми и прозрачными, когда одна изъ дамъ, у которой оказался голосъ и которой онъ взялся акомпанировать, совсѣмъ наклонилась къ нему, чтобъ удобнѣе слѣдить за его акомпаниментомъ.

Послѣ пѣнія онъ всталъ, какъ обваренный, поводитъ плечами и тихо говоритъ кому-то:

— Жарко...

Разъ уже зашла рѣчь объ обществѣ, долгъ автора представить его читателю.

Оно состоитъ изъ четырехъ дамъ, двухъ господъ и насъ.

О двухъ дамахъ я уже говорилъ. Прибавить остается, что учительница оказалась тоже свѣдущей въ трудной наукѣ хиромантіи и читаетъ по рукамъ судьбу человѣка. Но Н. А., очевидно, опытнѣе ея и съ своимъ обычнымъ дѣловымъ видомъ сообщаетъ барышнѣ разныя тонкія детали этой науки. Такой-то значекъ указываетъ на то, что человѣкъ утонетъ, а такой-то—ударъ въ голову. Барышня слушаетъ его внимательно, вѣжливо, съ какой-то едва уловимой улыбкой.

Двѣ другихъ дамы...

Я боюсь погрѣшить. Изъ своей каюты я слышалъ разговоръ какихъ-то дамъ: эти ли, другія—я не знаю.

Рѣчь шла о выкройкахъ, кружевахъ, вязаньи. Долго говорили... энергично, бойко, съ завидной энергіей жизни... Въ другой разъ я слышалъ ихъ: лѣниво одна изъ нихъ... какъ бы это выразиться поделикатнѣе... ну, разбирала, что ли, членовъ своего общества.

Мелко, все это мелко, какъ зернышки проса, которыя сытая курочка поклевываетъ. И опять повторяю, я слышалъ, но не видѣлъ и не знаю, кто были эти дамы. Можетъ быть, заходившія къ намъ иногда пассажирки 2 класса.

Тѣ же двѣ дамы нашего общества, съ которыми я познакомился, были несомнѣнно очень милыя дамы, именно «нашего общества».

Одна постарше и посановитѣе по мужу, уже десять лѣтъ проживающая въ Сибири, другая, совсѣмъ молоденькая, пріѣхавшая прямо съ юга—Крыма или Кавказа—попала сюда два, три мѣсяца всего назадъ, никогда не видала зимы и ждетъ ее. Ждетъ такъ же пассивно, какъ смотритъ на весь Божій міръ.

Двадцать два года, хорошенькая, но уже располнѣла и, вѣроятно, будетъ и дальше полнѣть.

Обѣ дамы очень дружны и ихъ звонкій смѣхъ то и дѣло несется то съ палубы, то изъ столовой... Каждый день эти дамы въ новыхъ костюмахъ, при чемъ отъ простыхъ искусно переходятъ къ болѣе и болѣе сложнымъ. Съ костюмами мѣняются и духи.

Здѣсь, въ Сибири, масштабъ большой и тяжелый запахъ духовъ пропиталъ столовую и гостиную парохода.

Младшей дамѣ кажется, что она еще никогда никого не любила, а между тѣмъ по рукѣ выходитъ, что ей трижды, съ большими треволненіями предстоитъ познать эту любовь. И лицо ея въ это мгновеніе, когда Н. А. усердно ей гадаетъ—типичное лицо Карменъ, когда по картамъ той выходитъ смерть и она мрачно смотритъ и разсѣянно повторяетъ: «смерть, смерть».

Старшая дама тоже интересуется своей судьбой. Она вѣритъ всякимъ гаданьямъ. Однажды тетя возила ее къ гадалкамъ. Въ первый разъ онѣ не застали гадалку дома, во второй застали и она все, все разсказала и все такъ вѣрно... У гадалки совсѣмъ не страшно: иконы, свѣча и никакой, рѣшительно никакой, какъ говорится, чертовщины.

Она протягиваетъ свою, все еще красивую ручку Н. А.

Н. А. сосредоточивается:

— Ваша жизнь раздвоена...

— То-есть, какъ?

— Въ смыслѣ чувства.

— Что? что? Ха-ха... Вотъ сообщу мужу...

Дама все-таки, кажется, обидѣлась и рано ушла спать. Сегодня она, впрочемъ, уже опять гуляетъ мимо оконъ моей каюты, улыбается и возбужденно что-то разсказываетъ учительницѣ.

Та вѣжливо слушаетъ эту даму.

Вчера, вечеромъ, мы съ учительницей немного поговорили. Она—она вѣритъ въ жизнь, въ свою энергію, вѣритъ въ возможность производительной работы, будетъ работать для другихъ, для себя, черезъ три года поѣдетъ заграницу.

Свободная вакансія оказалась только по нѣмецкому языку, который она и взялась преподавать. Будетъ преподавать языкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ литературу, исторію литературы и новѣйшую.

Все тѣ же зеленые безжизненные берега. Они то сходятся въ складки и отдѣльными зелеными холмами, какъ наросты, жмутся къ рѣкѣ, то вдругъ раздвинутся и ужъ гдѣ-то далеко въ сизой дали иззубриваютъ горизонты. Тогда сюда ближе, къ рѣкѣ подходитъ плоская равнина, низменная, мокрая, поросшая разной негодной зарослью.

Впала Уссури. Амуръ сталъ шире Волги у Самары и грозно плещется.

Китайцевъ все больше и больше. Здѣсь они старинные хозяева. Они уже однажды владѣли этимъ краемъ и бросили его. Возвратились вторично теперь, потому что въ немъ поселились тѣ, у которыхъ есть деньги. Эти «тѣ»—мы, русскіе. Откуда наши деньги? Изъ Россіи: за каждаго здѣшняго жителя центръ приплачиваетъ до 40 рублей. Китайцы гребутъ эти деньги, безъ семействъ приходя сюда и въ томъ же году отнеся эти деньги туда, въ Чифу, на свою родину, опять возвращаются въ Россію съ пустыми уже карманами, но съ непреоборимымъ рѣшеніемъ снова набить эти карманы и снова унести деньги домой.

Все идетъ, какъ идетъ.

Вчера за обѣдомъ мѣстный интеллигентъ говорилъ.

— Китаецъ, Китай... Это глубина такая же, какъ и глубина его Тихаго океана.... Китаецъ пережилъ все то, что еще предстоитъ переживать Европѣ... Политическая жизнь? Китаецъ пережилъ и умеръ навсегда для этой жизни. Это игрушка для него и пусть играетъ ею, кто хочетъ,—она ниже достоинства тысячелѣтней кожи архіозавра китайца: его почва—экономическая и личная выгода... Съ этой стороны нѣтъ въ мірѣ культуры выше китайской... То, что человѣчеству предстоитъ рѣшать еще,—какъ прожить густому населенію,—китаецъ рѣшилъ уже, и то, что даетъ клочекъ его земли, не даютъ цѣлыя поля въ Россіи... Что Россія? Китай послѣднее слово сельской культуры, трудолюбія и терпѣнія... Мы не понимаемъ другъ друга. Мы моемся холодной водой и смѣемся надъ китайцемъ, который моется горячей. А китаецъ говоритъ: «горячая вода отмываетъ грязь,—у насъ нѣтъ сыпи, нѣтъ накожныхъ болѣзней, а холодная вода разводитъ только грязь по лицу». Платье европейца его жметъ и китаецъ гордится своимъ широкимъ покроемъ. Китаецъ говоритъ: «европеецъ при встрѣчѣ протягиваетъ руку и заражаетъ другъ друга всякими болѣзнями,—мы предпочитаемъ показывать кулаки».

Извѣстно, что китайцы здороваются, прижимая кулаки къ своей груди.

Интеллигентъ продолжалъ:

— Китаецъ культурнѣе и воспитаннѣе, конечно, всякаго европейца, воспитанность котораго, вродѣ англичанина, сводится къ тому, что, если вы ему не представлены и если вы тонете, а ему стоитъ пошевельнуть пальцемъ, чтобъ спасти васъ—онъ не пошевельнетъ, потому что онъ не представленъ. И повѣрьте, у китайца свободы больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другой странѣ. Несноснаго администратора вы не имѣете средствъ удалить, а у китайцевъ чуть лишнее взялъ или какъ-нибудь иначе зарвался, быстро прикончатъ: выведутъ за ворота города, «иди въ Пекинъ»... И назадъ такихъ никогда не присылаютъ.

— А что вы скажете на счетъ рубки головъ тамъ? Кажется, довольно свободно продѣлывается это у нихъ?—спросилъ я.

— Только кажется: попробуй судья отрубить несправедливо голову...

— Правда, что, когда случаются возмущенія и европейцы требуютъ казней, то китайскія власти за 10—15 долларовъ нанимаютъ охотниковъ пожертвовать своими головами?

— Что жъ изъ этого: китаецъ не дорожитъ своею жизнью,—чума, холера, голодъ и даромъ съѣдятъ...

— Возможенъ фактъ, сообщаемый однимъ туристомъ, что на вопросъ: кого и за что казнятъ, ему отвѣчали, что казнятъ воиновъ, отбывшихъ свой срокъ и не желающихъ возвращаться въ свои семейства?

— Вполнѣ возможенъ: очевидно, мошенникъ-командиръ не уплатилъ имъ жалованье... Все это тѣмъ не менѣе въ общемъ ходѣ жизни только пустяки...

22-го августа.

Виденъ Хабаровскъ. Гдѣ-то далеко, далеко въ зелени нѣсколько большихъ розовыхъ зданій,—красиво и ново.

— Розовый городъ,—сказалъ кто-то.

— Деревня,—поправилъ другой,—только и есть тамъ, что казенныя зданія.

Подъѣзжаемъ ближе, значительная часть иллюзіи отлетаетъ: это дѣйствительно, большія кирпичныя зданія—казенныя зданія, а затѣмъ остальной сѣренькій Хабаровскъ тянется по овражкамъ рядами деревянныхъ, безъ всякой архитектуры, построекъ.

На пристани множество парныхъ телѣгъ, парныхъ крытыхъ дрожекъ въ пристяжку. Китайцевъ еще больше: здѣсь они всюду,—на пристани, у своихъ лавочекъ, которыя двойными рядами, сколоченныя изъ досокъ, тянутся вверхъ по крутому подъему. Въ этихъ лавочкахъ, на прилавкахъ грязно и невкусно лежатъ: капуста, морковь, арбузы, дыни, груши и яблоки, синіе баклажаны и помидоры. Названія тѣ же, что и на нашемъ югѣ, но блеска юга нѣтъ, нѣтъ и существа его—это отбросы скорѣе юга—всѣ эти блѣдные, чахлые, жалкіе и невкусные фрукты.

Въ городѣ музей и такъ какъ до отхода поѣзда оставалось нѣсколько часовъ, то мы успѣли побывать тамъ. Музей хорошъ, виденъ трудъ составителей, энергія. Прекрасный экземпляръ скелета морской коровы. Скелетъ больше нашей обыкновенной коровы, съ обрубленными точно ногами и задней частью, переходящей въ громадный хвостъ. Какъ извѣстно, это добродушное животное теперь уже совершенно исчезло съ земного шара. Еще въ прошломъ вѣкѣ ихъ здѣсь у береговъ океана было много и онѣ стадами выходили на берегъ и паслись тамъ. А люди ихъ били. Но коровы не боялись, не убѣгали, а напротивъ, шли къ людямъ и поплатились за свое довѣріе. Даже и теперь въ этомъ громадномъ, закругленномъ тяжеломъ скелетѣ чувствуется это добродушіе, не приспособленное къ обитателямъ земли.

Чучела тигровъ, медвѣдей, барсовъ и рысей, чучела рыбъ, земноводныхъ, допотопныхъ. Дальше костюмы и чучела всевозможныхъ народностей.

Смотришь на эти фигуры, на эти широкія скулы, втиснутые щелками глаза, дышишь этимъ тяжелымъ воздухомъ, пропитаннымъ нафталиномъ, и переживаешь ощущенія, схожія съ ощущеніями при взглядѣ на скелетъ морской коровы: многіе изъ нихъ собственно такое же уже достояніе только исторіи. Онъ и живой съ застывшимъ намекомъ на мысль въ глазахъ кажется только статуей изъ музея. Я вспоминаю самоѣда Архангельской губерніи, когда впервые въ дебряхъ сѣверной тундры я увидѣлъ его, вышедшаго вдругъ на опушку своей тундры. Неподвижный, какъ статуя, въ своемъ бѣломъ балахонѣ, такомъ же бѣломъ, какъ его лайка, его бѣлый медвѣдь, его бѣлое море и бѣлыя ночи, безжизненныя, молчаливыя, какъ вѣчное молчаніе могилы. Не жизнь и не смерть, не сонъ и не бодрствованіе, не конецъ и не начало—какая-то мертвая полоса и въ ней вымирающій самоѣдъ. Ихъ тысяча или двѣ и не родятся больше мальчики...

— Надо, надо мальчиковъ,—говоритъ тоскливо самоѣдъ.

Но мальчиковъ нѣтъ, а рождающіеся изрѣдка рѣдко выживаютъ: и мальчики, и дѣвочки всѣ умираютъ отъ той же черной оспы и напрасно въ опорожненную мѣховую торбу мать суетъ новое свое произведеніе—оно заражается.

Но кто выживаетъ, тотъ выносливъ и водку пьетъ съ годового возраста. Тяжело и уморительно видѣть, какъ, почуявъ запахъ этой водки, маленькій уродецъ высовываетъ голову изъ своего мѣшка. И, если ему вольютъ глотокъ въ ротъ, онъ мгновенно исчезаетъ и уже спитъ.

Въ передвиженіяхъ этотъ мѣшокъ съ его обитателемъ самоѣдъ привязываетъ къ своимъ санямъ и прыгаетъ мѣшокъ по снѣгу, догоняя сани.

Я вспоминаю другого вымирающаго инородца, остяка, и его Обь, страну за Томскомъ къ сѣверу, необъятную и плоскую глухую страну, обитатель свое жалкое право на существованіе оспариваетъ у грозной водной стихіи, у хозяина глухой тайги—медвѣдя, гдѣ-нибудь за сотни верстъ отъ жилья встрѣчаясь, они рѣшаютъ вопросъ, кого изъ нихъ двухъ сегодня будутъ ожидать дома.

— Если медвѣдь всталъ на дыбы,—говоритъ остякъ,—медвѣдь мой,—и бросается медвѣдю подъ ноги.

И пока этотъ медвѣдь начинаетъ своего врага драть съ ногъ, остякъ поретъ ему брюхо и торопится добраться до сердца. Ничего, что клочьями на ногахъ виситъ его мясо, медвѣдь уже мертвый лежитъ на землѣ.

Но пропалъ остякъ, если умный медвѣдь не встаетъ на дыбы, а бѣгаетъ проворно на всѣхъ своихъ четырехъ лапахъ, онъ сшибетъ тогда своего врага и задеретъ его. Не воротится остякъ домой и напрасно будутъ ждать его голые съ толстыми животами дѣти, истощенная жена, всѣ голодные, изможденные, всѣ въ сифилисѣ, всѣ развращенные негодной по качеству водкой.

*

Это люди культуры, взамѣнъ шкуръ и рыбы, принесли обитателю свои дары...

Хабаровцы, впрочемъ, пожалуй, могутъ и обидѣться, что по поводу ихъ города, лежащаго на 48 параллели, я вспомнилъ вдругъ о бѣлыхъ медвѣдяхъ и о всей неприглядной обстановкѣ тѣхъ странъ.

Что еще сказать о Хабаровскѣ? Онъ основанъ всего въ 1858 году, а названъ городомъ всего въ 1880 г. Жителей 15 тысячъ. Но, очевидно, это не предѣлъ и городъ, какъ и Благовѣщенскъ, продолжаетъ энергично строиться. Торговое значеніе Хабаровска передаточное,—это пунктъ, отъ котораго съ одной стороны идетъ водный путь, а съ другой—къ Владивостоку—желѣзнодорожный. Самостоятельное же значеніе Хабаровска только—какъ центра торговли пушниной, получаемой отъ разныхъ инородцевъ. Самый цѣнный товаръ—соболь, лучшій въ мірѣ.

Въ смыслѣ жизни, въ Хабаровскѣ все такъ же дорого, какъ и въ остальной Забайкальской Сибири...

Жизнь общественная, насколько удалось почувствовать ее, пріурочивается къ чиновничьимъ, военнымъ центрамъ. Памятникъ графу Муравьеву стоитъ на самомъ командующемъ мѣстѣ города, виденъ отовсюду и останавливаетъ на себѣ вниманіе своей сильно и энергично поставленной фигурой. Фигура эта съ протянутой рукой всматривается въ сизую даль той стороны, гдѣ граница Китая. И, не смотря на эту твердую рѣшимость, хорошо переданную художникомъ, чувствуется... чувствуется то, что должно чувствоваться въ такихъ случаяхъ, когда смотришь впередъ и хочешь увидѣть все до конца: чисто физическій предѣлъ, дальше котораго конструкція глаза не позволяетъ ничего больше видѣть.

Это не намекъ на что бы то ни было,—это ощущеніе художника. Какъ ни рѣшительна фигура, но необъятная даль захватываетъ сильнѣе и фигура пасуетъ передъ ней.

А если мы начнемъ говорить о понятной аллегоріи, оставимъ физику и перенесемся въ міръ духовный, міръ будущихъ перспективъ и послѣдствій содѣяннаго, то тамъ даль еще необъятнѣе.

Одинъ далъ это, другой то—всѣ вмѣстѣ снова растворили ржавыя ворота Чингисъ-Хана и теперь уже нѣтъ преграды этому желтому типу. И что̀ несетъ онъ съ собой? Низшіе ли это исполнители высшей воли той культуры, которая недоступна имъ, выродившимся для нея, желтымъ, вѣчнымъ рабамъ новой цивилизаціи—исполнители на вящую славу прогресса этой культуры, или и сами они способны воспріять эту культуру, или же наконецъ неспособные къ ней, но устойчивые въ своей, они растворятъ въ себѣ всѣхъ безъ остатка, какъ растворили манджуровъ, монголовъ, корейцевъ и др.?..

Въ лицѣ китайца, каковымъ мы видимъ его теперь, всѣми силами своей души, всѣми помыслами обращеннаго назадъ къ своему Конфуцію, мы, очевидно, не имѣемъ дѣла съ прогрессистомъ. Но способенъ ли китаецъ отрѣшиться отъ старины, повернуться и пойти

впередъ? Кто отвѣтитъ на этотъ вопросъ, въ виду имѣющагося въ лицѣ Японіи факта, доказывающаго эту способность? И способность выдающуюся, ошеломляющую, поправки къ которой только и можно вводить въ родѣ того, что у нихъ денегъ не хватитъ, или что японцы только способныя обезьяны, но безъ всякаго творчества... Поправки, требующія серьезныхъ доказательствъ во всякомъ случаѣ.

Въ вагонѣ большое общество: военные, разнаго рода служащіе, искатели счастья, изрѣдка, очень изрѣдка какой-нибудь мѣстный негоціантъ; отдѣльный вагонъ-буфетъ, въ немъ все общество и оживленные разговоры о китайцахъ и японцахъ, о судьбѣ Востока. Горячіе споры и каждый говоритъ свое совершенно особое мнѣніе, только его и считаетъ вѣрнымъ, съ презрѣніемъ выслушивая всякое другое.

Выводъ одинъ: вопросъ, очевидно, большой и жгучій, имѣющій множество сторонъ, и каждый, видящій свою, говоритъ объ единой открытой истинѣ. И ясно, что изученіе всѣхъ сторонъ и связанный съ ними общій выводъ еще дѣло большой работы будущаго. И если теперь все это — темная бездна, освѣщенная сальными огарками, десяткомъ, другимъ поверхностныхъ изслѣдователей, то во времена тѣхъ, кому строятъ здѣсь памятники, бездна эта и этихъ освѣщеній не имѣла.

Но если нѣтъ знаній—много апломба, легкомыслія, цинизма съ одной стороны, полнаго подобострастія и приниженности—съ другой.

— Китаецъ—трупъ, который и расклюютъ, кто поспѣетъ...

— Китаецъ? Одинъ русскій на тысячу китайцевъ и Китай нашъ: вотъ что̀ вашъ китаецъ...

— Я шесть мѣсяцевъ прожилъ въ Китаѣ... Китаецъ? Что ему нужно? Третировать его en canaille... При англичанинѣ китаецъ не смѣетъ сидѣть, не смѣетъ входить въ тотъ вагонъ, гдѣ сидитъ англичанинъ,— тогда Китай, дѣйствительно, будетъ нашъ... А то, помилуйте, безобразіе: во Владивостокѣ извозчикъ—русскій человѣкъ—сидитъ на козлахъ, а вонючая манза со своей косой развалился на его фаэтонѣ... Позоръ

Рядомъ съ такими взглядами говорятъ:

— Надо проникнуть и понять, что такое китаецъ... Его коса, халатъ, бамбуковая трость и другія комичныя внѣшности закрываютъ предъ вами сущность... Китаецъ глубокій философъ: онъ смотритъ со своей пятитысячелѣтней точки зрѣнія... И въ шестилѣтнемъ ребенкѣ вы уже чувствуете эту пятитысячелѣтнюю мысль... Культурную мысль..

— Въ чемъ культура?!

— Какъ въ чемъ? Рѣшенъ величайшій вопросъ прокормленія человѣка на такой пяди земли, на какой у насъ собака не прокормится...

— Что такое японецъ?—несется съ другого конца, — японецъ годенъ къ культурѣ только въ своихъ условіяхъ,—голый на берегу моря, гдѣ онъ наловитъ каждый день на обѣдъ себѣ рыбы, гдѣ на 60 кв. саж. родится самъ-600 рисъ... А русскій человѣкъ треть своей силы тратитъ на борьбу только съ холодами...

— Вы хотите знать, кто такой японецъ? Это французъ, англичанинъ и тотъ, выработанный этикетомъ Востока, воспитанный человѣкъ, который даже горло вамъ перерѣжетъ, улыбаясь, сюсюкая и потирая себѣ колѣни...

— Но вашего японца, обезьяну, презираетъ китаецъ и основательно говоритъ, что японецъ новому міру такъ же мало дастъ, какъ и мало онъ далъ китайской классикѣ... Что японецъ? Китаецъ—глубочайшій философъ, классикъ... «Пиши отъ классика»... Наши писаки у нихъ...

И такъ далѣе. Всего не передашь.

А въ контрастъ съ этимъ разнообразіемъ мнѣній нашей интеллигенціи здѣсь — простой народъ на протяженіи отъ Иркутска до Владивостока, точно сговорился, въ однообразномъ своемъ мнѣніи.

— Отъ китайца не стало житья: работаетъ, а что ѣстъ? Деньги наши всѣ перетаскаетъ на свою сторону,..

Разнорѣчіе въ отзывахъ понятно. Простой человѣкъ исходитъ изъ факта, интеллигентъ же, какъ выразился одинъ возвращающійся переселенецъ по поводу переселенческаго дѣла,—отъ своего большого ума.

23-го августа.

Изъ окна вагона я вижу все ту же долину Уссури, поросшую болотистой травой, вижу далекіе косогоры, покрытые лѣсомъ.

— Хорошій лѣсъ?

— Лѣсу здѣсь нѣтъ хорошаго и пахоты нѣтъ, растительный слой ничтоженъ, подпочва, видите... да и болотиста...

Резервы, изъ которыхъ взята земля для желѣзнодорожнаго полотна, знакомятъ хорошо съ строеніемъ почвы—вершка два черноземъ, дальше бѣлая глина.

— Годъ, два—колоссальный урожай дѣвственной почвы, а затѣмъ удобреніе...

Кругомъ все такъ же пустынно и дико,—нѣтъ жилья, нѣтъ слѣдовъ хозяйства.

— Да здѣсь нѣтъ ничего... Верстъ за триста, не доѣзжая Владивостока, начнутся поселенія, да и тамъ пока плохо...

Относительно сельскаго хозяйства здѣсь два діаметрально противуположныхъ мнѣнія.

Одни говорятъ:

— Здѣсь особенная природа: одинъ годъ въ сажень, полторы выростетъ пшеница и одно зерно въ колосъ, а на другой годъ баснословный урожай, весь сгнившій отъ дождей, или соберутъ, начнутъ ѣсть—судороги и всѣ признаки отравленія... Такъ и называются наши пшеницы — пьяныя... Вы видите, что здѣсь природа и сама не выработала еще себѣ масштабъ: о какомъ серьезномъ переселеніи можетъ быть рѣчь... Да надо сперва привезти сюда 500 тысячъ и всѣ ихъ оставить на этихъ сельскихъ опытахъ... Донскихъ казаковъ, несчастныхъ, переселили... Два года побились: пришли во Владивостокъ, по-

селились таборомъ — везите назадъ... Второй годъ живутъ: женщины проституціей занимаются... А тамъ, гдѣ какъ-нибудь устроились, еще хуже: захватили все къ рѣчкамъ, а полугоры и горы, отрѣзанныя отъ воды, обречены такимъ образомъ на вѣчную негодность: участки надо было надѣлять не вдоль рѣки, а отъ рѣки въ горы,—тогда другое и было бы...

— Да тамъ болота...

— Осушите.

— Развѣ это посильно переселенцу?

— Это работа не переселенца... И безъ этой работы ни о какомъ серьезномъ заселеніи края рѣчи быть не можетъ...

Рядомъ съ этимъ:

— Ерунда! Чудныя мѣста! Богатѣйшія мѣста! Свекла, сахарные заводы, винокуренные, пивные заводы, табаководство... Земли сколько угодно...

— На сколько человѣкъ?

— По крайней мѣрѣ на 60 тысячъ.

— Что вы? 600 тысячъ.

— Тысячъ сто двадцать,—рѣшаетъ авторитетно третій.

Во всякомъ случаѣ, для прироста 100-милліонной Россіи всѣ эти три цифры, если даже сложить ихъ вмѣстѣ, не составятъ особенной находки.

Что касается до того, дѣйствительно ли чудныя мѣста, лучшія для свеклы, табаку, то, судя по внѣшнему впечатлѣнію, сопоставляя рядомъ съ этимъ заявленіе о невыработанномъ-де еще и самой природой масштабѣ, казалось бы слѣдовало усумниться. Но увѣряютъ здѣсь такъ энергично...

Положимъ, здѣшніе обитатели всегда, что бы ни заявляли, заявляютъ энергично и категорично... Нѣкоторые злые языки говорятъ, что обитатель здѣшній попросту любитъ приврать. Безъ всякаго дурного умысла.

Одинъ въ порывѣ откровенности такъ аттестовалъ себя и другихъ:

— Времъ; такого вранья, какъ здѣсь, не встрѣтите нигдѣ... Это спеціальное, особенное вранье: родъ спорта... Мы охотно отдаемъ залежавшійся хламъ пріѣзжему или вымѣниваемъ на интересное для насъ... А, если такъ, настоящій разговоръ, такъ вѣдь ничего мы въ сущности не знаемъ, потому что ѣдимъ, пьемъ — хорошо и ѣдимъ и пьемъ, — разговариваемъ, но ничего, кромѣ полученій въ разныхъ видахъ денегъ отъ казны, не дѣлаемъ. Прежде хоть на манзъ (китайцевъ) охотились, когда они съ нашихъ пріисковъ хищнически возвращались къ себѣ на родину: теперь и это запрещено... Теперь оправдываемъ хунхузовъ и ждемъ, когда благодарный китаецъ самъ придетъ и скажетъ: «за то, что̀ ты оправдалъ меня на судѣ, я покажу тебѣ уголь»... А другому покажетъ золото, а третьяго надуетъ: деньги выманитъ и ничего не покажетъ.

Н. Гаринъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

РАВНОДУШНЫЕ.

РОМАНЪ.

Продолженіе *).

Глава шестая.

I.

Послѣ „вторника" у Козельскихъ, Никодимцевъ находился въ какомъ-то странномъ, непривычномъ для него и въ то же время пріятномъ настроеніи серьезнаго человѣка, неожиданно выбитаго изъ колеи, которая до сихъ поръ была для него единственнымъ и главнымъ смысломъ жизни и изъ которой, казалось ему, онъ никода не выйдетъ.

Колея эта—служебная карьера способнаго, умнаго и даровитаго чиновника, знающаго себѣ цѣну, достигшаго сравнительно блестящаго положенія безъ связей, безъ протекціи, по сколько возможно, избѣгавшаго компромиссовъ и съумѣвшаго сохранить независимость въ средѣ, гдѣ она не только не цѣнится, а, напротивъ, считается недостаткомъ.

И въ департаментѣ, гдѣ Никодимцевъ проводилъ большую часть дня, и дома, въ своей маленькой холостой квартирѣ, гдѣ онъ просиживалъ долгіе вечера за работой или за чтеніемъ, онъ часто думалъ объ Иннѣ Николаевнѣ. Эти думы, тревожныя и мечтательныя, какъ-то незамѣтно подкрадывались въ его голову нераздѣльно съ лицомъ и стройной, красивой фигурой молодой женщиной, и мѣшали Никодимцеву заниматься съ усидчивостью и съ упорствомъ неутомимаго работника, на котораго наваливали, разумѣется, много работы, зная, что Никодимцевъ съ ней справится и сдѣлаетъ ее превосходно.

И, что было еще удивительнѣе, и самая работа теряла въ его глазахъ важность, которую онъ ей придавалъ, и все то,

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль.

чѣмъ онъ жилъ до сихъ поръ, изъ-за чего волновался и мучился, казалось ему теперь такимъ сѣрымъ, блѣднымъ и незначительнымъ безъ личнаго счастья, жажду котораго въ немъ пробудила эта очаровательная женщина. Она ему казалась именно той, о которой онъ мечталъ въ молодости и вдругъ встрѣтилъ. И мечтая объ Иннѣ Николаевнѣ, Никодимцевъ впервые почувствовалъ свою сиротливость и тоску одиночества.

Онъ не разъ отрывался отъ работы и думалъ о прошлой жизни. Теперь она ему казалась неполной и скучной. Въ постоянной работѣ онъ точно проглядѣлъ молодость, не зная жизни сердца, не испытавъ ни разу любви къ женщинѣ. Когда-то, давно было что-то похожее на это, но онъ заглушилъ въ себѣ чувство практическими соображеніями о невозможности жениться и съ тѣхъ поръ довольствовался суррогатомъ любви, покупая ее.

„А теперь поздно... поздно!" — мысленно повторялъ Никодимцевъ, сознавая нелѣпость своихъ мечтаній о женщинѣ, которую онъ разъ видѣлъ, и все-таки мечталъ о ней, испытывая неодолимую потребность видѣть ее.

„Зачѣмъ?" спрашивалъ онъ себя, не смѣя и думать, что Инна Николаевна можетъ обратить вниманіе на такого некрасиваго и немолодого человѣка, какъ онъ.

И Никодимцевъ рѣшилъ не ѣхать къ ней съ визитомъ и въ первое же воскресенье, тщательно занявшись своимъ туалетомъ и побывавъ у парикмахера, поѣхалъ на Моховую.

Никодимцевъ еще изъ передней услышалъ шумные голоса и смѣхъ, и въ гостиной увидалъ нѣсколько молодыхъ людей и какую-то молодую даму, крикливо одѣтую, довольно вульгарнаго вида.

Инна Николаевна весело смѣялась чему-то, красивая и очаровательная въ своемъ темнозеленомъ, отлично сидѣвшемъ на ней платьѣ.

Никодимцевъ подошелъ къ ней, нѣсколько смущенный отъ сознанія, что появленіе его едва ли пріятно, и отъ неожиданности нѣсколько пестраго общества молодыхъ людей.

Чуть-чуть смутилась и Инна Николаевна при появленіи Никодимцева.

— Вотъ это мило, что не забыли обѣщанія, Григорій Александровичъ. Очень рада васъ видѣть!

И молодая женщина указала на кресло около себя, у котораго стоялъ одинъ изъ молодыхъ людей, и торопливо и нѣсколько сконфуженно назвала фамиліи своихъ гостей и фамилію Никодимцева.

Тотчасъ же смолкли шумные разговоры и смѣхъ. Всѣ съ особенной почтительностью пожимали руку извѣстнаго въ Петер-

бургѣ чиновника. Молодая дама вульгарнаго вида не безъ завистливаго чувства взглянула на хозяйку.

Никодимцевъ присѣлъ и, вообще застѣнчивый, въ первую минуту не находилъ словъ.

— Были на итальянской выставкѣ, Григорій Александровичъ?—спросила Инна Николаевна.

— Нѣтъ еще... Говорятъ, интересная...

— Собираетесь?

— Надо сходить. А вы были?

— Нѣтъ еще... Пойду завтра... Около часа вѣрно попаду...

— Позволю вамъ дать совѣтъ: идти пораньше, пока еще свѣтъ есть въ Петербургѣ.

— Вы что называете пораньше?

— Часовъ въ одиннадцать, въ двѣнадцать!

— Увы!.. Я въ эти часы только что встаю...

— Такъ поздно?..

— Жизнь такъ нелѣпо складывается.

— А развѣ она не зависитъ немножко отъ насъ самихъ, Инна Николаевна?

— Не всегда... Если бы все зависѣло отъ насъ, то...

Инна Николаевна остановилась.

— То что̀?

— То каждый устраивалъ бы себѣ жизнь по своему желанію. И всѣ были бы счастливы!

— Мнѣ кажется, есть люди, которые сами виноваты въ своемъ несчастіи...

— Вы не изъ такихъ, конечно? Вы, какъ я слышала, одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые выше разныхъ слабостей человѣческихъ... Вы весь въ работѣ и живете одной работой. Это правда, Григорій Александровичъ?

Никодимцевъ покраснѣлъ.

— Я много работаю это правда...

— И ничего другого вамъ не надо? Счастливецъ!

— Развѣ потому только, что о другомъ поздно думать...

— Не поздно, а просто часъ вашъ не пришелъ...

— А развѣ придетъ?—серьезно спросилъ Никодимцевъ.

— Придетъ!—смѣясь, проговорила молодая женщина.

„Пришелъ!“—подумалъ Никодимцевъ.

Въ эту минуту двое молодыхъ людей стали прощаться. Никодимцеву показалось, что Инна Николаевна была довольна, что они уходятъ.

Оба поцѣловали ея руку. Одинъ изъ нихъ, съ грубоватымъ, пошлымъ лицомъ, одѣтый съ крикливымъ щегольствомъ дурного

тона, съ крупнымъ брилліантомъ на мизинцѣ, довольно фамильярно проговорилъ:

— Такъ, значитъ, ѣдемъ сегодня на тройкѣ, Инна Николаевна?

Этотъ тонъ рѣзанулъ Никодимцева. Покраснѣла внезапно и молодая женщина.

— Нѣтъ, не ѣдемъ!—отвѣтила она.

— Но вѣдь только что было рѣшено. Вы хотѣли?

— А теперь не хочу!

— Инна Николаевна! Сжальтесь! Вы разстраиваете компанію.

— Не просите. Не поѣду!

— Инночка, поѣдемте! Безъ васъ и я не поѣду!—воскликнула молодая гостья.

— И никто не поѣдетъ!—сказалъ кто-то.

— Никто, никто!—повторили другіе.

— Мнѣ очень жаль, что я лишаю всѣхъ удовольствія покататься, но я все-таки не поѣду.

— Что это: капризъ?—насмѣшливо сказала молоденькая дама.

— Капризъ, если хотите!—отвѣтила Инна Николаевна.

Молодые люди ушли, видимо недовольные и изумленные.

Скоро поднялся и Никодимцевъ.

— Уже? Такъ скоро?—кинула любезно хозяйка.

— Пора... Мнѣ нужно еще сдѣлать одинъ визитъ!—солгалъ Никодимцевъ, краснѣя отъ этой лжи.

Никуда ему не нужно было. Ему просто тяжело было видѣть Инну Николаевну въ такой атмосферѣ и среди такихъ незначительныхъ и, казалось ему, пошлыхъ лицъ.

— И такой же короткій?

— Вѣроятно.

— И отложить его нельзя?

— Неудобно.

Инна Николаевна пытливо взглянула на Никодимцева и, протягивая ему руку, промолвила:

— И больше васъ уже не скоро дождешься. Не правда ли, Григорій Александровичъ?

Въ тонѣ ея шутливаго голоса Никодимцевъ уловилъ тоскливую нотку.

— Я очень занятъ, Инна Николаевна... Но...

— Безъ но,—перебила молодая женщина.—Если счастливый вѣтеръ занесетъ васъ ко мнѣ, я, право, очень буду рада.

И, поднявшись съ дивана, Инна Николаевна любезно проводила гостя до дверей гостиной.

— Мнѣ очень жаль, что сегодня не удалось поговорить съ вами, какъ во вторникъ... Вѣдь такая рѣдкость встрѣтить умныхъ людей... Я ими не избалована. Такъ увидимся... не прав-

да ли?.. И вамъ сегодня никакого визита не нужно дѣлать... Вы просто поторопились осудить меня!—неожиданно прибавила она.

Никодимцевъ смущенно глядѣлъ на молодую женщину.

— Развѣ не правда?—продолжала она.

— Я не осудилъ, а...

— Что же...

— Удивился!—тихо сказалъ Никодимцевъ и вышелъ.

Онъ шелъ по улицѣ влюбленный въ Инну Николаевну и въ то же время полный недоумѣнія и жалости. И ему хотѣлось быть ея другомъ, безкорыстнымъ и вѣрнымъ, передъ которымъ она открыла бы свою душу. Для него не было сомнѣнія, что она несчастна. И этотъ ничтожный мужъ, и эти ничтожные молодые люли, которыхъ онъ только что видѣлъ, и эта фамильярность, съ которою обращались съ ней, подтверждали его заключеніе. Онъ испытывалъ чувство ревниваго негодованія и передъ нимъ, совсѣмъ не знавшимъ женщинъ, Инна Николаевна являлась въ образѣ какой-то богини, попавшей въ среду пошлости и не знающей, какъ изъ нея выбраться. О, съ какимъ восторгомъ сдѣлался бы онъ ея рыцаремъ!

Такъ мечталъ Никодимцевъ, и когда у Донона встрѣтился съ однимъ своимъ коллегой, который конфиденціально повелъ рѣчь о томъ, что Григорія Александровича не дняхъ назначатъ товарищемъ министра, Никодимцевъ такъ-равнодушно отнесся къ этому сообщенію, что коллега удивленно на него взглянулъ и рѣшилъ, что Никодимцевъ необыкновенно лукавый и скрытный человѣкъ

А будущій товарищъ министра, вернувшись домой, вмѣсто того, чтобы приняться за дѣла, ходилъ взадъ и впередъ по кабинету, думалъ объ Иннѣ Николаевнѣ и о завтрашней встрѣчѣ съ ней и припоминалъ ея слова, взгляды, лицо, голосъ и ни о чемъ другомъ не могъ и не хотѣлъ думать.

Только поздно вечеромъ онъ сѣлъ за свой большой письменный столъ, заваленный книгами, брошюрами и дѣлами въ папкахъ, досталъ изъ туго набитаго портфеля кипу бумагъ и принялся за работу, прихлебывая по временамъ чай.

Въ числѣ бумагъ, которыя разсматривалъ сегодня Никодимцевъ, была и объемистая объяснительная записка объ учрежденіи акціонернаго общества для эксплоатаціи на особыхъ монопольныхъ условіяхъ казенныхъ лѣсовъ. Въ этомъ дѣлѣ негласное участіе принималъ Козельскій. Онъ написалъ записку и возлагалъ на это дѣло большія надежды, тѣмъ болѣе, что въ числѣ участниковъ были два лица, хотя и не денежныя, но очень вліятельныя, заручившіяся уже обѣщаніями и, казалось, весьма цѣнными, о томъ, что дѣло это пройдетъ.

Никодимцевъ прочелъ на запискѣ надпись, сдѣланную каран-

дашомъ: „прошу скорѣе разсмотрѣть и дать заключеніе“ и сталъ читать записку, дѣлая на поляхъ ея отмѣтки краснымъ карандашомъ; чѣмъ дальше онъ ее читалъ, тѣмъ красный карандашъ энергичнѣе и чаще гулялъ по полямъ; лицо Никодимцева дѣлалось серьезнѣе и строже и въ темныхъ острыхъ глазахъ появлялось по временамъ негодующее выраженіе. И когда наконецъ онъ окончилъ чтеніе и увидѣлъ между подписями нѣсколькихъ извѣстныхъ коммерческихъ тузовъ двѣ титулованныя фамиліи, его губы сложились въ насмѣшливо-презрительную улыбку.

— Хороши эти Рюриковичи!—произнесъ онъ.

И вслѣдъ затѣмъ написалъ на запискѣ своимъ твердымъ и четкимъ почеркомъ длинное заключеніе, въ которомъ на основаніи данныхъ и цифръ вполнѣ доказывалъ, что устройство акціонернаго общества на особыхъ условіяхъ вредно для казны, грозитъ полнымъ истребленіемъ лѣсовъ и имѣетъ цѣлью не государственные интересы, „какъ часто упоминается въ запискѣ“, а исключительно личные интересы господъ учредителей, „беззастѣнчивость которыхъ въ этомъ дѣлѣ воистину изумительна“.

И съ удовлетвореннымъ чувствомъ порядочнаго человѣка, сознающаго, что помѣшалъ дурному дѣлу, Никодимцевъ подписалъ свою фамилію, положилъ записку въ портфель и принялся за другія бумаги.

Старый слуга Егоръ Ивановичъ, жившій со своей женой, кухаркой, у Никодимцева десять лѣтъ, поставилъ на столъ ужъ четвертый стаканъ чая и спросилъ:

— Будете еще пить, Григорій Александровичъ?

— Не буду, Егоръ Иванычъ.

— Такъ я спать пошелъ.

— Идите.

— А вы не очень-то занимайтесь. Нездорово! — по обыкновенію сказалъ Егоръ Ивановичъ.—Дѣлъ-то всѣхъ не передѣлаешь!—прибавилъ онъ и остановился у дверей.

— Я лягу сегодня пораньше.

— Вы только обѣщаете, а смотришь, до утра сидите, а въ десять часовъ ужъ на службу. Такъ и не досыпаете. Это какая же жизнь?

— Жизнь не веселая, Егоръ Иванычъ.

— Сами такую себѣ устроили. И все одни да одни.

— Да... Одинъ!—уныло протянулъ Никодимцевъ и передъ нимъ мелькнулъ образъ Инны Николаевны.

— А вы бы женились. Вотъ и не одни были бы.

Никодимцевъ усмѣхнулся.

— Поздно, Егоръ Иванычъ.

— И вовсе не поздно... Вы очень скромно о себѣ понимаете...

Да за васъ лучшая невѣста пойдетъ. Слава Богу, мѣсто какое... и генералы.

— Такъ значитъ не за меня, а за генерала пойдетъ...

— Вотъ вы всегда что-нибудь такое скажете подозрительное... Покойной ночи, Григорій Александровичъ!

— Покойной ночи.

— Въ которомъ завтра будить?

— Въ девять.

— Слушаю-съ.

Слуга вышелъ, но тотчасъ вернулся.

— Виноватъ. Забылъ карточки подать, что оставили сегодня гости!—сказалъ Егоръ Ивановичъ. И, положивъ на столъ нѣсколько карточекъ, прибавилъ:

— А графъ Изнарскій все дознавались, когда васъ можно застать дома по дѣлу.

Никодимцевъ не зналъ графа Изнарскаго и понялъ, что это былъ одинъ изъ учредителей, подписавшій только что разсмотрѣнную записку.

— Что жъ вы ему сказали? —спросилъ онъ.

— Обыкновенно что. Генералъ, молъ, по дѣламъ дома у себя не принимаетъ. Пожалуйте въ департаментъ. Однако, графъ настаивали и десять рублей предлагали. Ну я вѣжливо отклонилъ и сказалъ, что мы этимъ не занимаемся.

— А онъ?

— Завтра хотѣли пріѣхать. Какъ прикажете?

— Конечно, не принимать!

Егоръ Иванычъ ушелъ.

Никодимцевъ просмотрѣлъ съ десятокъ карточекъ, въ числѣ которыхъ была и карточка Козельскаго, и погрузился въ бумаги.

II.

На другой день, въ часъ безъ четверти Никодимцевъ обходилъ залы выставки, но на картины не смотрѣлъ, а искалъ среди посѣтителей Инну Николаевну. Онъ поднялся на верхъ—нѣтъ ее и тамъ. Тогда Никодимцевъ спустился въ первую залу и присѣлъ на скамейкѣ около входныхъ дверей, взглядывая на приходящихъ посѣтителей.

Онъ взглянулъ на часы. Было четверть второго, а Инна Николаевна не появлялась.

„Вѣрно, не пріѣдетъ!“—подумалъ онъ.

И при этой мысли сердце его сжалось тоской и его, оживленное ожиданіемъ, лицо омрачилось. И свѣтлая зала показалась

ему вдругъ мрачною. И публика — тоскливою. И картины точно подернулись флеромъ.

А онъ-то, дуракъ, спѣшилъ! Даже изъ департамента уѣхалъ въ первомъ часу, не дослушавъ, къ изумленію вице-директора, его доклада и поручивъ ему предсѣдательствовать за себя въ одной изъ коммиссій, засѣданіе которой назначено въ два часа. И, замѣтивъ почтительно-изумленный взглядъ вице-директора, не безъ досады подумалъ:

„Изумляется... Точно я и не могу уѣхать... Точно у меня не можетъ быть своихъ дѣлъ! И какъ бы онъ ошалѣлъ, еслибъ узналъ, какія это дѣла!“

И, принимая серьезный видъ, торопливо проговорилъ:

— Быть можетъ, я попозже пріѣду... Тогда вы окончите докладъ. Надѣюсь, ничего экстреннаго?

— Ничего, ваше превосходительство.

— А если министръ потребуетъ меня — скажите, что въ пять часовъ буду. И если спроситъ о запискѣ, въ которой хотятъ истребить казенный лѣсъ, — подайте ее министру. Тамъ написано мое заключеніе... До свиданія.

И директоръ департамента, словно школьникъ, вырвавшійся на свободу, торопливо вышелъ изъ своего внушительнаго кабинета, почти бѣгомъ спустился съ лѣстницы, встрѣтилъ такой же изумленный взглядъ и въ глазахъ швейцара и, выйдя на подъѣздъ, кликнулъ извозчика и велѣлъ какъ можно скорѣе ѣхать домой. Тамъ онъ тоже поразилъ Егора Иваныча и своимъ появленіемъ, и приказомъ скорѣе подать черный сюртукъ, и торопливостью, съ которой онъ одѣвался, и заботливостью, съ которой онъ разчесывалъ свою черную бороду и приглаживалъ усы...

— Ужъ не предложенье ли дѣлать собрались, Григорій Александрычъ?—замѣтилъ, улыбаясь, Егоръ Ивановичъ.

Никодимцевъ весело разсмѣялся и, приказавъ подать шубу, почти бѣгомъ пустился съ лѣстницы и всю дорогу до выставки торопилъ извозчика и по пріѣздѣ далъ ему цѣлый рубль.

„Не пріѣдетъ! Не пріѣдетъ!“ — грустно повторилъ про себя Никодимцевъ и направился къ выходу на площадку, гдѣ разставлены были скульптурныя произведенія.

Нѣсколько минутъ онъ смотрѣлъ на лѣстницу. Инны Николаевны не было.

Никодимцевъ потерялъ всякую надежду и, грустный, сталъ разсматривать скульптурныя произведенія. „Спящій ребенокъ“ заинтересовалъ его, и онъ засмотрѣлся на изящную, художественную работу.

И какъ разъ въ ту минуту, когда Никодимцевъ не думалъ

объ Иннѣ Николаевнѣ, около него раздались тихіе шаги по мраморному полу и потянуло ароматомъ духовъ.

Никодимцевъ повернулъ голову и увидалъ ту, которую ждалъ.

Онъ вспыхнулъ отъ радостнаго волненія и низко поклонился. Она протянула ему руку, веселая, улыбающаяся и очаровательная въ своей изящной шляпкѣ.

— И вы соблазнились выставкой. Давно здѣсь?

— Около получаса.

— И все еще скульптуру смотрите? До картинъ еще не дошли?—съ едва уловимой насмѣшливой ноткой въ голосѣ спрашивала Инна Николаевна.

— Не дошелъ.

— Такъ, быть можетъ, посмотримъ картины вмѣстѣ? Вы, конечно, знатокъ въ живописи, а я мало въ ней понимаю.

Никодимцевъ снова покраснѣлъ, когда выразилъ свое согласіе. Но онъ скромно прибавилъ, что далеко не знатокъ, хотя и любитъ живопись, и предложилъ Иннѣ Николаевнѣ начать осмотръ съ мрамора.

— А вамъ развѣ не надоѣстъ еще разъ смотрѣть?

— Нисколько!

Его просвѣтлѣвшее радостное лицо и безъ словъ говорило Иннѣ Николаевнѣ о томъ, какъ радъ онъ быть вмѣстѣ съ нею. И эта новая побѣда доставляла ей не одно только тщеславное удовольствіе женщины, избалованной поклонниками. Она чувствовала, что Никодимцевъ серьезно ею увлеченъ, и это сознаніе было ей пріятно.

И Инна Николаевна сказала ему:

— А вѣдь я очень рада, что встрѣтила васъ здѣсь... такъ неожиданно!—съ лукавымъ кокетствомъ прибавила она.

— А какъ я радъ, еслибъ вы знали! — горячо воскликнулъ Никодимцевъ. — Вѣдь я пришелъ на выставку, чтобъ васъ увидать!—неожиданно прибавилъ онъ и смутился, самъ удивленный тому, что сказалъ.

— И васъ не остановилъ вчерашній визитъ?..

— Напротивъ...

— Ну, вотъ мы и обмѣнялись признаніями въ симпатіи другъ къ другу... Теперь показывайте мнѣ выставку, Григорій Александровичъ!

Они начали осмотръ. Никодимцевъ, счастливый и радостный, забывшій про свой департаментъ, обращалъ вниманіе своей спутницы на то, что казалось ему хорошимъ, и объяснялъ, почему это хорошо. У нѣкоторыхъ картинъ они стояли подолгу, и Никодимцевъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что у Инны Николаевны есть художественный вкусъ и пониманіе красоты.

Одна небольшая, хорошо написанная картина, представлявшая собой молодую, красивую женщину и молодого мужчину, сидящихъ на террасѣ, видимо чужихъ другъ другу и скучающихъ, обратила особенное вниманіе Инны Николаевны. Она спросила своего спутника, какъ называется эта картина.

— „Супруги!“ —отвѣчалъ Никодимцевъ, заглянувъ въ каталогъ.

— Я такъ и думала!.. Взгляните, какъ обоимъ имъ скучно, а они все-таки сидятъ вдвоемъ... Зачѣмъ?

И Никодимцевъ замѣтилъ, какъ омрачилось лицо молодой женщины и какое грустное выраженіе было въ ея глазахъ.

— Зачѣмъ?—повторила она.—Какъ вы думаете, Григорій Александровичъ? А, впрочемъ, что жъ я васъ спрашиваю? Вы, вѣроятно, не могли бы быть въ положеніи этого мужа... У васъ вѣдь взглядъ на бракъ другой... Я помню, что вы говорили...

— Но одинаково можно спросить: зачѣмъ и она сидитъ?— взволнованно сказалъ Никодимцевъ.

— Уйти? Ка́къ это легко говорится и пишется въ романахъ... А можетъ быть, ей нельзя уйти.

— Почему?

— А потому, что некуда уйти... Быть можетъ, отецъ и мать этой итальянки обвинили бы дочь, что она ушла изъ такой виллы... И они правы, съ своей буржуазной точки зрѣнія.

— Но развѣ...

— Знаю, что вы хотите сказать!—перебила Инна Николаевна. Вы хотите сказать, что лучше идти въ продавщицы, чѣмъ жить съ нелюбимымъ человѣкомъ... Не правда ли?

— Правда.

— А, можетъ быть, она ужъ такъ испорчена жизнью...

— Не можетъ этого быть!—въ свою очередь порывисто перебилъ Никодимцевъ.—Вы клевещете на эту женщину... Посмотрите: какіе у нея глаза...

Инна Николаевна горько усмѣхнулась. Между бровями появилась морщинка.

— А посмотрите, какой у нея безхарактерный ротъ... какая лѣнивая поза!.. Она навѣрное безвольная женщина, готовая отъ скуки не быть особенно разборчивой въ погонѣ за впечатлѣніями... А эта терраса съ вьющимся виноградомъ и моремъ подъ ногами такъ хороша! Быть можетъ, эта женщина ни на что не способна, извѣрилась въ себя и такъ привыкла къ удобствамъ и блеску жизни, что никуда не уйдетъ и все болѣе и болѣе будетъ вязнуть въ болотѣ... И, пожалуй, уйти ей—значитъ совсѣмъ погибнуть... Кто знаетъ? А, можетъ быть, у нея есть дѣти, которыя мѣшаютъ уйти, если мужъ не отдастъ дѣтей... И все это вмѣстѣ..

И мало ли что можетъ быть! Это канва, по которой можно вышивать какіе угодно узоры...

Никодимцевъ слушалъ, затаивъ дыханіе.

— И знаете ли какой я вопросъ себѣ задаю, глядя на эту картину?—продолжала она возбужденымъ прерывистымъ шепотомъ.

— Какой?

— Зачѣмъ эта женщина вышла замужъ за человѣка, съ которымъ, вѣроятно, стала скучать тотчасъ же послѣ замужества... Да вѣрно и невѣстой скучала...

— Вы думаете?—почему-то радостно спросилъ Никодимцевъ.

— Увѣрена... По крайней мѣрѣ, такъ должно быть, судя по лицамъ этихъ супруговъ... У нея все-таки неглупое и не пошлое лицо... Есть что-то въ немъ такое, напоминающее объ образѣ Божіемъ... Она, быть можетъ, и смутно, но задумывается иногда не объ однѣхъ только шляпкахъ... А онъ? Что за красивое и въ то же время пошло-самодовольное и грубое лицо... Я не выношу такихъ лицъ!

„И, однако, вчера только такія и были!“—невольно вспомнилось Никодимцеву.

— Такъ почему же, по вашему мнѣнію, она вышла за такого человѣка замужъ?

— А какъ выходятъ часто замужъ! Немножко иллюзіи, немножко жалости къ влюбленному человѣку, немножко желанія быть дамой и много... много легкомыслія. И вдобавокъ полное непониманіе изнанки брака... Однако... мы зафилософствовались... Если у каждой картины мы такъ долго будемъ болтать, то не скоро осмотримъ выставку...

Они пошли дальше...

— Вы не устала ли?—заботливо спросилъ Никодимцевъ послѣ того, какъ были осмотрѣны всѣ нижнія залы.

— Ужасно!

— Такъ что жъ вы не сказали? Присядемте скорѣе...

— Но я боюсь васъ задержать... И то я васъ задержала, а вамъ вѣрно нужно на службу... Вы, говорятъ, образцовый служака...

— Да, говорятъ... Но... Вотъ диванъ свободный... Садитесь, Инна Николаевна.

Они сѣли.

— Такъ какое „но“?—спросила Инна Николаевна.

— Мнѣ хоть и надо на службу, а я сегодня не поѣду.

— И не будете раскаяваться потомъ?

— Я раскаявался бы, еслибъ не былъ сегодня на выставкѣ...

— И вы мастеръ говорить любезности, Григорій Александровичъ?.. Это не хорошо. Я въ самомъ дѣлѣ возгоржусь и подумаю, что вамъ со мною не скучно болтать.

— Я очень рѣдко лгу, Инна Николаевна!—серьезно промолвилъ Никодимцевъ.

Нѣсколько минутъ оба молчали. Инна Николаевна съ любопытствомъ взглядывала на Никодимцева и не разъ перехватывала его восторженные взгляды.

— Я отдохнула. Идемте!—наконецъ, сказала она.

Они осматривали залы верхняго этажа и, останавливаясь у картинъ, обмѣнивались впечатлѣніями. Инна Николаевна не разъ удивляла Никодимцева своими тонкими замѣчаніями и онъ снова подумалъ: „какъ такая умная женщина могла принимать такихъ молодыхъ людей, какихъ онъ видѣлъ у нея“.

И онъ спросилъ:

— А вы вчера такъ и не поѣхали на тройкѣ?

— Нѣтъ!—слегка краснѣя, отвѣчала молодая женщина.—Надоѣли эти компаніи... И публика, которую вы вчера видѣли, не особенно интересна... Это все товарищи мужа.

— Но, знаете ли, нельзя быть очень разборчивой въ знакомствахъ... Иначе останешься совсѣмъ безъ людей!—словно бы оправдывалась молодая женщина.—А вы, говорятъ, совсѣмъ отшельникомъ живете?

— Почти.

— И не скучаете?

— Не скучалъ.

— А теперь?

— Иногда чувствую свое одиночество...

— Такъ, значитъ, я ошибаюсь, считая васъ счастливымъ человѣкомъ?

— Счастливыхъ людей вообще мало, Инна Николаевна!

— Быть можетъ, вы очень требовательны... Все или ничего?

— Пожалуй, что такъ. А вѣрнѣе, что я проглядѣлъ жизнь...

— Лучше проглядѣть, чѣмъ испортить и себѣ, и другимъ!—раздумчиво проговорила Инна Николаевна.

Было около пяти, когда они уходили съ выставки.

— Спасибо вамъ, Григорій Александровичъ!—горячо проговорила Инна Николаевна.

— За что?—смущенно спросилъ Никодимцевъ.

— А за то, что я видѣла выставку... Прежде я бывала на выставкахъ и не видала ихъ. Вы научили меня смотрѣть картины.

Сіяющій отъ радости, Никодимцевъ проговорилъ, подавая Иннѣ Николаевнѣ ротонду:

— Благодарить долженъ я, а не вы, Инна Николаевна... Я обрѣлъ понимающаго товарища.

Они вышли на подъѣздъ. Никодимцевъ кликнулъ извозчика.

— Надѣюсь до свиданія и до скораго?—сказала молодая женщина, протягивая ему руку.

*

— Если позволите...

— Охотно позволю!—просто и безъ всякаго кокетства говорила Инна Николаевна... И когда соскучитесь въ своемъ одиночествѣ и захотите поболтать—пріѣзжайте. Около восьми вечера вы застанете меня всегда дома... Быть можетъ, и завтра увидимся... На „вторникѣ“ у папы?

Никодимцевъ сказалъ, что непремѣнно будетъ. Онъ усадилъ Инну Николаевну въ сани и еще разъ низко поклонился.

Ѣхалъ онъ въ департаментъ, чувствуя себя счастливымъ при мысли, что Инна Николаевна отнеслась къ нему дружелюбно и что онъ завтра ее увидитъ.

И солидный департаментскій курьеръ, и солидный вице-директоръ были нѣсколько удивлены, когда увидали обыкновенно сдержаннаго и серьезнаго директора оживленнымъ, веселымъ и словно бы помолодѣвшимъ, и рѣшили, что его превосходительство получилъ новое блестящее назначеніе.

— А министръ требовалъ лѣсную записку, Григорій Александровичъ!—доложилъ вице-директоръ.

— Требовалъ? И что же. Согласился съ моимъ заключеніемъ?

— Просилъ васъ завтра быть у него и записку оставилъ у себя.

— Вѣрно дополнительныя свѣдѣнія нужны!—съ едва замѣтной улыбкой замѣтилъ Никодимцевъ и сталъ слушать неоконченный докладъ вице-директора нѣсколько разсѣянно.

III.

На слѣдующій вечеръ Никодимцевъ былъ на „фиксѣ“ у Козельскихъ и снова Инна Николаевна играла въ винтъ и за ужиномъ Никодимцевъ сидѣлъ около нея и оживленно бесѣдовалъ. А черезъ нѣсколько дней поѣхалъ къ ней вечеромъ, просидѣлъ съ ней вдвоемъ до перваго часа и вернулся совсѣмъ очарованный ею и еще болѣе убѣжденный, что она глубоко несчастный человѣкъ. Хотя она ни единымъ словомъ не обмолвилась объ этомъ, но это чувствовалось, и аллегорическій разговоръ на выставкѣ многое уяснялъ.

Съ этого вечера Никодимцевъ влюблялся все больше и больше. Это была его первая любовь, и онъ отдался весь ея власти, хорошо сознавая, что любовь его безнадежна и даже въ мечтахъ не осмѣливался надѣяться на взаимность. Онъ любилъ, любилъ со всей силой поздней страсти и, разумѣется, идеализировалъ любимое существо, представляя себѣ его далеко не тѣмъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности.

И Никодимцевъ, доселѣ жившій схимникомъ, сталъ выѣзжать, ища встрѣчи съ Инной Николаевной. Разъ въ недѣлю онъ бы-

валъ у нея и посѣщалъ театры и концерты, если только надѣялся ее встрѣтить.

Онъ держалъ себя съ рыцарскою корректностью, тщательно скрывая подъ видомъ исключительно дружескаго расположенія свою любовь, но для Инны Николаевны она разумѣется не была секретомъ. Она чувствовала эту любовь, почтительно-сдержанную, благоговѣйную, и ее грѣло это чувство, грѣло и словно бы возвышало ее въ собственныхъ глазахъ, которые привыкли видѣть раньше совсѣмъ иную любовь. Въ то же время молодая женщина сознавала себя словно бы виноватой, понимая, что онъ любитъ ее не такую, какая она есть и которую онъ не знаетъ, а другую, выдуманную и взлелѣянную его чувствомъ. Она перехватывала порой жгучіе взгляды Никодимцева, видѣла, какъ онъ блѣднѣлъ отъ ревности и удивлялась упорству его молчаливой, застѣнчивой привязанности.

Мужа Никодимцевъ почти никогда не видалъ. Тотъ обыкновенно исчезалъ куда-то при появленіи Никодимцева, ревнуя его и въ то же время имѣя разсчеты воспользоваться имъ при случаѣ. „А жена все-таки будетъ имѣть друзей—такъ ужъ лучше Никодимцевъ, чѣмъ кто-нибудь другой“.

И мужъ самъ вездѣ разсказывалъ, что Никодимцевъ часто у нихъ бываетъ, очень друженъ съ нимъ и ухаживаетъ за женой.

Не прошло и мѣсяца послѣ знакомства Никодимцева, какъ ужъ многіе считали его любовникомъ Инны Николаевны. Мужъ не разъ объ этомъ намекалъ женѣ и выходилъ изъ себя на то, что она не понимала этихъ намековъ и относилась къ нему съ нескрываемымъ презрѣніемъ.

Не сомнѣвался въ близости Никодимцева съ дочерью и отецъ и тоже надѣялся „учесть“ эти отношенія на какомъ-нибудь новомъ дѣлѣ послѣ того, какъ „лѣсное“ провалилось, и кредиторы стали осаждать Козельскаго.

Глава седьмая.

I.

Ордынцева вернулась домой послѣ интимнаго свиданія съ Козельскимъ около пяти часовъ.

Анна Павловна была не по дамски аккуратна и дѣловита и никогда не опаздывала. Ровно въ три часа нарядно одѣтая, подъѣхала она къ небольшому дому на Выборгской сторонѣ и подъ густой вуалью поднялась въ третій этажъ и открыла своимъ ключемъ двери роскошно отдѣланной маленькой квартирки, состоящей изъ спальной, уборной и кухни. Въ послѣдней жила старая нѣмка,

на имя которой была нанята квартира. На ея обязанности была уборка комнатъ и исчезновеніе въ тѣ дни, когда ее извѣщали о пріѣздѣ.

Связь Анны Павловны съ Козельскимъ продолжалась уже два года и сохранялась въ тайнѣ. Видѣлись они аккуратно два раза въ недѣлю и не надоѣдали другъ другу ни сценами ревности, ни разговорами о чувствахъ. Они не обманывали себя и за эти два года привыкли одинъ къ другому. Ордынцева видѣла въ своемъ любовникѣ главнымъ образомъ подспорье, благодаря которому можно было хорошо одѣваться и бывать въ театрахъ и, чужая мужу, охотно отдавались ласкамъ все еще красиваго и бодраго Николая Ивановича, всегда внимательнаго, милаго, любезнаго и изящнаго, владѣющаго какимъ-то особеннымъ даромъ нравиться женщинамъ.

И Ордынцева была ему вѣрна, какъ прежде была вѣрна и мужу, слишкомъ благоразумная, чтобъ рисковать подспорьемъ, и слишкомъ дорожившая семьей, чтобъ увлечься по настоящему или чтобы роскошью афишировать свои авантюры. Поэтому она не искала богатыхъ любовниковъ, боясь скандала и огласки. А этого она боялась больше всего, такъ какъ очень дорожила своей репутаціей безупречной жены, отличной матери и въ нѣкоторомъ родѣ страдалицы, съ достоинствомъ несущей крестъ свой.

И до связи съ Козельскимъ, начавшейся послѣ далеко не долгихъ ухаживаній, у Анны Павловны была еще такая же „дѣловитая“ авантюра, вызванная скорѣе вліяніемъ темперамента и практическими соображеніями, чѣмъ потребностями сердца и духовнаго общенія. И тогда Ордынцева съумѣла сохранить свою дружбу съ однимъ изъ сослуживцевъ мужа втайнѣ и объяснить изящество своихъ туалетовъ умѣньемъ дешево одѣваться у какой-то особенной портнихи и вообще жить экономно.

Въ свою очередь, и такой женолюбъ, какъ Козельскій, очень дорожилъ дружбою съ Анной Павловной.

Она была красива, роскошно сложена довольно свѣжа для своихъ сорока лѣтъ. И—главное—она не играла въ любовь, хорошо понимая сущность ихъ отношеній, не дѣлала трагическихъ сценъ ревности, не требовала клятвъ и увѣреній, а пріѣзжала два раза въ недѣлю на Выборгскую сторону, поила своего пріятеля чаемъ, разсказывала сплетни и черезъ два часа торопилась домой къ обѣду. Вдобавокъ она стоила Козельскому относительно не дорого и съ деликатною рѣдкостью предупреждала о томъ, что ей нужно „поговорить“, то-есть попросить экстренно денегъ. Всегда ровная, всегда умѣлая очаровательница, никогда не показывавшая на людяхъ своей дружбы съ Козельскимъ и даже умѣвшая быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ его женой,—Анна Павловна была не въ духѣ и даже начи-

нала придираться къ своему другу только въ тѣхъ случаяхъ, когда Николай Ивановичъ забывалъ двадцатаго числа привозить и пакетъ съ двумя стами пятьюдесятью рублями. И, зная эту привычку Анны Павловны къ аккуратности, Козельскій, не смотря на все свое легкомысліе, очень рѣдко запаздывалъ.

Ордынцева вернулась домой послѣ свиданія нѣсколько тревожная, не смотря на то, что Козельскій не только любезно предложилъ ей сто рублей, о которыхъ она хотѣла поговорить, но, кромѣ того, еще далъ двадцать пять рублей на уроки пѣнія, обѣщая давать эти деньги ежемѣсячно, чтобы культивировать талантъ Ольги. Встревожило Анну Павловну сообщеніе Козельскаго о томъ, что Ольга догадывается объ ихъ отношеніяхъ.

Ордынцева тотчасъ же переодѣлась и, нѣсколько утомленная, прилегла на отоманкѣ въ спальной.

Но Ольга словно нарочно влетѣла къ матери и, пытливо всматриваясь въ ея блестящіе глаза, повела рѣчь объ урокахъ пѣнія и о томъ, что ей нужно новое платье, нужны новыя ботинки и необходимо починить шубку.

— Ты попроси папу, чтобъ онъ далъ денегъ! — настойчиво говорила Ольга. — Попросишь?

— Попрошу!

— И платье мнѣ сдѣлаешь?

— Сдѣлаю.

— И ботинки купишь?

— Куплю...

Анна Павловна чувствовала, что краснѣетъ.

— Ну вотъ за это спасибо, мамочка!

Ольга поцѣловала мать и воскликнула:

— И какъ же ты надушена, мама,.. И лицо, и шея... И какіе чудные духи! Ты, вѣрно, съ визитами была?

— Да, съ визитами,—отвѣтила Ордынцева.

И заискивающимъ тономъ прибавила:

— И въ оперу на-дняхъ поѣдемъ, Оля.

— Кто дастъ ложу?.. Николай Ивановичъ?

— Съ какой стати ему давать!.. Съ чего это тебѣ пришло въ голову?—съ раздраженіемъ воскликнула Анна Павловна...

— Да ты что сердишься, мамочка?.. Николай Ивановичь такъ расположенъ къ нашей семьѣ... Отчего ему и не дать ложи!— съ невиннымъ видомъ проговорила Ольга.

И, помолчавъ, сказала:

— Перчатки надо мнѣ, мамочка... Ты купи...

— Хорошо...

— А ложа въ какомъ ярусѣ будетъ?

— Мы въ кресла пойдемъ...

Ольга выпорхнула изъ спальной веселая и довольная, что будетъ учиться пѣть, что у нея будетъ новое платье и увѣренная въ томъ, что мать только-что видѣлась съ Козельскимъ.

Анна Павловна, въ свою очередь, не сомнѣвалась больше, что Ольга обо всемъ догадывается, и думала, что хорошо было бы ей скорѣе выдти замужъ. Чего, она, въ самомъ дѣлѣ, не женитъ на себѣ Уздечкина. Не на Гобзина же ей разсчитывать!

Пробило пять часовъ. Горничная вошла и спросила: „можно ли подавать обѣдать?“

— Подождите барина!

Черезъ пять минутъ раздался звонокъ, но вмѣсто барина явился посыльный и передалъ карточку Ордынцева, на которой было написано: „обѣдать не буду“.

Анна Павловна велѣла подавать и, выйдя въ столовую, гдѣ уже собрались всѣ дѣти, объявила о запискѣ отца и сѣла на свое мѣсто, принимая серьезный и нѣсколько обиженный видъ...

Всѣ отнеслись равнодушно къ тому, что отца нѣтъ. Только Шурочка грустно и словно бы недоумѣвая посмотрѣла на мать.

Ордынцевъ и не ночевалъ дома.

„Вѣрно, гдѣ-нибудь пьянствовалъ съ литераторами!“ —рѣшила Анна Павловна, презрительно скашивая губы, когда на другой день утромъ горничная, на вопросъ барыни: „ушелъ ли баринъ?“ — отвѣтила, что баринъ не возвращался.

Ордынцева сидѣла въ столовой свѣжая, холеная, благоухающая и красивая въ своемъ синемъ фланелевомъ капотѣ и аппетитно отхлебывала изъ хорошенькой чашки кофе, заѣдая его поджареннымъ въ маслѣ ломтемъ бѣлаго хлѣба. Въ столовой никого не было. Старшій сынъ ушелъ въ университетъ. Младшія дѣти—въ гимназію. Ольга, по обыкновенію, еще спала.

Ордынцева не безъ злораднаго удовольствія подумала о томъ „виноватомъ“ видѣ, какой будетъ у мужа за обѣдомъ, когда она при дѣтяхъ выразитъ удивленіе, что онъ не ночевалъ дома.

„Нечего сказать, хорошій примѣръ дѣтямъ!“ Она не забыла вчерашней сцены, и сердце ея было полно злобнаго чувства къ мужу, который смѣлъ такъ оскорблять ее, вмѣсто того, чтобы чувствовать свою вину передъ ней и загладить ее хоть приличнымъ обращеніемъ. „Онъ ужъ давно не скрываетъ своего равнодушія и пренебрежительно относится къ ней!“—думала со злостью Ордынцева и уже заранѣе пріискивала язвительныя слова, которыя она скажетъ ему за обѣдомъ, довольная, что есть такой благодарной предлогъ...

И съ такимъ эгоистомъ прошла ея молодость. И такому неблагодарному человѣку она отдала свою красоту!

И она злобно жалѣла, что не жила такъ, какъ могла бы жить,

еслибъ раньше оставила мужа и вышла бы замужъ за болѣе порядочнаго человѣка, который умѣлъ бы добывать средства для такой красавицы, какъ она. Если и теперь, когда красота увядаетъ, она еще очень нравится мужчинамъ, то что было бы раньше?

И Анна Павловна не безъ горделиваго чувства вспомнила, какъ восхищались ею мужчины и какъ еще и теперь Козельскій приходитъ отъ нея въ восторгъ.

Эти воспоминанія о своихъ чарахъ нѣсколько отвлекли Ордынцеву отъ злобныхъ мыслей о мужѣ, и она выпила вторую чашку кофе въ болѣе пріятномъ настроеніи и затѣмъ, сдѣлавъ хозяйственныя распоряженія, въ двѣнадцатомъ часу пошла будить Ольгу, чтобы обрадовать ея предложеніемъ — ѣхать въ гостиный дворъ.

И мать при этомъ съ осторожной предусмотрительностью объясняла дочери, что деньги на покупку платья, ботинокъ и перчатокъ она возьметъ изъ „хозяйственныхъ", а когда отецъ дастъ, она пополнитъ.

— Мнѣ хочется поскорѣе сдѣлать тебѣ платье!—прибавила она, желая задобрить дочь, и, придумавъ эту комбинацію о деньгахъ для того, чтобъ Ольга не могла и подумать, что мать даритъ свою любовь не совсѣмъ безкорыстно.

Но Ольга, которой было рѣшительно все равно, какими деньгами будетъ удовлетворено ея желаніе, благодаря этимъ объясненіямъ, именно и подумала о томъ, чего такъ боялась мать, и не нашла въ этомъ ничего предосудительнаго.

„Отчего не взять отъ того, кто любитъ!"—пробѣжало въ ея легкомысленной головкѣ.

Послѣ завтрака онѣ уѣхали, и когда въ пятомъ часу вернулись, въ передней ихъ встрѣтила Шурочка въ слезахъ и гимназистъ Сережа, растерянный и недоумѣвающій.

— Что еще случилось?—спросила Анна Павловна у горничной.

— Баринъ...

— Что баринъ?..

— Папа... папа!—хотѣла, было, разсказать дѣвочка и... зарыдала...

— Вотъ... глупая... Да что же, наконецъ, случилось... Говорите!..

Голосъ ея звучалъ тревогой.

— Баринъ были во второмъ часу и увезли всѣ свои вещи изъ кабинета!—доложила горничная.

— Что-о-о?

— Вотъ такъ новость! Папа бросилъ тебя и насъ, мама!—воскликнула Ольга.—Какъ же мы будемъ жить!?

Анна Павловна, казалось, не вѣрила своимъ ушамъ.

Наконецъ, она бросилась въ кабинетъ.

Тамъ было пусто.

Ольга почувствовала себя несчастной и заплакала. Шурочка убѣжала, рыдая. Гимназистъ глядѣлъ на мать злыми и любопытными глазами.

Поблѣднѣвшая, съ выраженіемъ тупого испуга въ глазахъ, глядѣла она на пустыя стѣны и въ головѣ ея пробѣгала мысль, что мужъ узналъ объ ея связи съ Козельскимъ и воспользовался этимъ предлогомъ, чтобы бросить ее.

„Скандалъ!“—мысленно повторяла она страшное ей слово и вздрагивала точно ей было холодно.

— Баринъ записку оставили! — доложила горничная. — Въ спальной.

Гимназистъ полетѣлъ стремглавъ за запиской.

Ордынцева нетерпѣливо вырвала изъ рукъ сына письмо и прошла въ спальную.

— Оставьте меня одну! — трагическимъ тономъ произнесла она.—Оля, Сережа уйдите!

Сережа вышелъ, а Ольга, сгоравшая любопытствомъ, проговорила, сквозь слезы:

— Но, мамочка... Я не чужая... Я хочу знать, отчего папа васъ бросилъ...

И она подозрительно взглянула на мать.

— Уйди вонъ! — внезапно разразилась мать. — Уйди, злая дѣвчонка!

Анна Павловна заперла двери на ключъ.

Записка Ордынцева была слѣдующаго содержанія:

„И вамъ, и мнѣ удобнѣе жить врозь, чтобы не могли повторяться постыдныя сцены, подобныя вчерашней. Мы слишкомъ ожесточены другъ противъ друга и, разумѣется, я виноватъ, что раньше не сдѣлалъ того, что дѣлаю теперь. Виноватъ и въ томъ, что бывалъ не сдержанъ и рѣзокъ. Но къ чему объясняться, почему мы оба были не особенно счастливы! Поздно! Нечего и говорить, что я охотно соглашусь на разводъ и, разумѣется, вину приму на себя. На содержаніе ваше и семьи вы будете получать то же, что и получали, то-есть, 300 рублей въ мѣсяцъ. Кромѣ того, я буду давать Алексѣю и Ольгѣ по 25 рублей въ мѣсяцъ на ихъ личные расходы. Деньги будете получать двадцатаго числа. На дачу я буду давать 250 рублей. Въ случаѣ прибавки жалованья увеличится и сумма на содержаніе семьи. Надѣюсь, что вы не будете препятствовать Шурѣ и другимъ моимъ дѣтямъ навѣщать меня, если они захотятъ. Безсрочный видъ на жительство доставлю на-дняхъ. Объ адресѣ своемъ сообщу, какъ найму комнату, а пока я живу у Верховцева“.

У Анны Павловны отлегло отъ сердца. Страхъ исчезъ съ ея лица. Оно теперь дышало ненавистью.

Такъ поступить съ ней, такъ отплатить ей, которая всѣмъ для него пожертвовала, бросить ее и семью, устроить скандалъ... Какъ осмѣлился онъ это сдѣлать!?

— О подлецъ!—воскликнула она.

И полная чувства униженія, оскорбленнаго самолюбія и злобы, заплакала.

Черезъ нѣсколько минутъ она вышла въ столовую съ видомъ невинно оскорбленной страдалицы.

Алексѣй, только-что вернувшійся домой, и Ольга вопросительно взглянули на мать.

— Бѣдные! Васъ бросилъ отецъ! — трагически произнесла Анна Павловна.

И, передавая первенцу письмо, проговорила;

— Прочти!

Алексѣй внимательно прочелъ записку. Потомъ прочла и Ольга, и лицо ея просвѣтлѣло.

Анна Павловна ждала, что скажетъ ея любимецъ. Но онъ молчалъ, повидимому, вполнѣ равнодушный. Это ея обидѣло и она проговорила:

— Ты что же, Леша... одобряешь поступокъ отца? Вѣдь это ужасно... не правда ли?

Молодой студентъ снисходительно улыбнулся и медленно проговорилъ:

— Что же, собственно говоря, тутъ ужаснаго, мама?... Теперь, по крайней мѣрѣ, за обѣдомъ не будетъ сценъ... Ты позволишь подавать обѣдать? Ужасно ѣсть хочется...

Анна Павловна заплакала.

— И больше ты ничего не скажешь?.. Ничего не посовѣтуешь? Отецъ бросилъ семью, предлагаетъ разводъ... По твоему мнѣнію, согласиться и на это.

— Объ этомъ мы, мама, поговоримъ послѣ обѣда... И ты напрасно волнуешься!

— И папа поступилъ благородно,—замѣтила Ольга.—Онъ тебѣ будетъ давать столько же, сколько и давалъ... И, конечно, ты исполнишь свое обѣщаніе на счетъ уроковъ пѣнія... Изъ этихъ денегъ можно отдѣлить рублей двадцать пять... Правда, мама?..

Пришли Сережа и Шура, и разговоръ прекратился.

Обѣдъ прошелъ въ молчаніи.

Послѣ обѣда Алексѣй и Ольга пошли вслѣдъ за матерью въ спальню на семейное совѣщаніе. И когда всѣ усѣлись, Алексѣй сказалъ:

— Папа поступилъ вполнѣ корректно.

— Корректно... бросить семью?—негодующимъ тономъ спросила Ордынцева.

— Позволь мнѣ договорить, мама, и не волнуйся... Я не хочу обвинять ни тебя, ни отца, но вѣдь не можешь же ты не согласиться, что жизнь твоя съ отцомъ далеко не походила на семейное счастіе. . Вы при встрѣчахъ только упрекали другъ друга, полные взаимнаго раздраженія. Не особенно теплыя отношенія къ отцу были и съ нашей стороны. Онъ не видѣлъ въ насъ того, что хотѣлъ видѣть,—повторенія себя, забывая, что каждому времени соотвѣтствуютъ свои задачи и свои люди и что я не могу ни думать, какъ онъ, ни вѣрить въ то, во что вѣритъ онъ. Ты вѣдь знаешь, мы съ отцомъ не сходились во взглядахъ. И я знаю, что онъ за это не хорошо относится ко мнѣ и вмѣсто того, чтобы убѣждать меня, только бранился. Согласись, что такія отношенія не могли способствовать взаимной пріязни. Ольга тоже не была ласкова съ отцомъ отчасти благодаря твоему вліянію и твоимъ вѣчнымъ спорамъ съ нимъ и, разумѣется, и она не оправдала его ожиданій. Ольга ищетъ въ жизни наслажденій и ничего другого ни по складу своего ума, ни по темпераменту искать не можетъ и не будетъ. Отецъ въ качествѣ идеалиста считаетъ это безнравственнымъ, не принимая въ разсчетъ условій, при которыхъ образуется тотъ или другой типъ и забывая, что невозможно требовать, чтобы люди добровольно отрѣшались отъ тѣхъ благъ жизни, которыя доставляютъ имъ наибольшую сумму удовольствій... Сережа совсѣмъ не знаетъ отца... Одна только Шура любитъ его... Такъ отчего же, послѣ этого, папѣ не оставить насъ и жить, по крайней мѣрѣ, спокойнѣе, не имѣя передъ глазами лицъ, которыя ему кажутся несимпатичными?.. И всѣмъ намъ, исключая Шуры, будетъ удобнѣе жить безъ отца.:. И ничего тутъ нѣтъ обиднаго ни для кого и я не могу не уважать его... Онъ поступилъ и разумно, и корректно!—заключилъ Алексѣй, взглядывая на своихъ слушательницъ съ нѣкоторымъ высокомѣрнымъ сомнѣніемъ въ способности ихъ хорошо понять то, что онъ имъ объяснялъ и притомъ такъ красиво.

Дѣйствительно, Анна Павловна обидѣлась. Ей хотѣлось, чтобы сынъ вмѣстѣ съ нею призналъ, что отецъ поступилъ подло, а любимецъ ея говоритъ о разумности и корректности.

— И ты, Леша противъ матери?.. И ты обвиняешь меня?—упрекнула она.

— И не думалъ, мама... Я никого никогда не обвиняю. Замѣть это разъ навсегда.

— Но ты находишь, что такъ подло поступить, какъ поступилъ отецъ... бросить семью... разумно и корректно?.. Не ожидала я этого отъ тебя...

И Анна Павловна вмѣсто дальнѣйшихъ доводовъ поступила такъ, какъ обыкновенно поступаютъ женщины, то-есть, заплакала.

Сынъ снисходительно пожалъ плечами, словно бы говоря: „такъ я и зналъ!“

Обидѣлась и Ольга и объявила, что она не безнравственная и не ищетъ только наслажденій. Она поступитъ на сцену и будетъ пѣвицей... Она не боится работать.

— Вотъ ты такъ безнравственный... Влюбилъ въ себя Женю Борскую. Проповѣдывалъ ей разныя свои теоріи, представлялся влюбленнымъ, и когда она влюбилась въ тебя... отвернулся... Вотъ это безнравственно.

— Ты, Ольга, настолько несообразительна, что не понимаешь то, о чемъ берешься судить.

— Ты воображаешь, что очень уменъ... Развѣ я неправду говорю о Женѣ? Какъ ты съ ней поступилъ!

— Я не прикидывался влюбленнымъ и вообще не умѣю влюбляться... Пусть влюбляются разные идіоты и идіотки, которымъ нечего дѣлать... И твоя дура Женя должна была бы понять, что если я имѣлъ глупость говорить съ ней о серьезныхъ предметахъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что я, какъ ты говоришь, влюблялъ ее въ себя... И что за выраженіе: „влюбилъ въ себя“?

Молодой человѣкъ презрительно перекосилъ губы и, не удостоивая больше Ольгу своимъ разговоромъ, обратился къ матери и произнесъ:

— Теперь, мама, поговоримъ о практическихъ послѣдствіяхъ свершившагося факта... Ты, конечно, развода не дашь? Замужъ выдти еще разъ не собираешься?

— Ты глупости спрашиваешь, Леша! — отвѣтила, краснѣя, Анна Павловна.

— Отчего глупости?.. Ты хорошо сохранилась и еще нравишься,—продолжалъ Алексѣй дѣловитымъ тономъ. Такъ если не собираешься, то нѣтъ никакого резона разводиться, чтобы и отецъ не сдѣлалъ глупости ради какихъ-нибудь альтруистическихъ побужденій и, такимъ образомъ, не имѣлъ бы возможности исполнить свои обязательства относительно тебя и семьи.

Анна Павловна уже не плакала и съ жаднымъ вниманіемъ слушала сына.

— Конечно, конечно... Никогда я не дамъ ему развода... А то въ самомъ дѣлѣ какая-нибудь смазливая женщина женитъ его на себѣ...

— Но папа и такъ, безъ брака можетъ сойтись съ кѣмъ-нибудь и тогда выйдетъ то самое, о чемъ говоритъ Леша! — замѣтила Ольга.

Братъ не безъ удивленія взглянулъ на сестру и на этотъ разъ съ видимымъ одобреніемъ къ ея сообразительности.

— Вотъ на счетъ этого я и хотѣлъ дать тебѣ, мама, совѣтъ, если ты хочешь его выслушать?—съ обычной своей корректностью спросилъ сынъ.

— Говори... говори, голубчикъ... Съ кѣмъ же мнѣ и посовѣтоваться, какъ не съ тобой.

Ольга едва замѣтно усмѣхнулась и вспомнила о Козельскомъ.

И Алексѣй продолжалъ:

— Конечно, это одни только предположенія и, по правдѣ сказать, мало обоснованныя. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что отецъ исполнитъ все, о чемъ сообщаетъ въ своей запискѣ. (Ты, во всякомъ случаѣ, какъ-нибудь не потеряй ее, мама!—вставилъ Алексѣй). Онъ слишкомъ порядочный человѣкъ, чтобъ не сдержать своего слова... Но случается, что и самый порядочный человѣкъ дѣлается невольнымъ рабомъ обстоятельствъ, если нѣтъ предохраняющихъ элементовъ...

Анна Павловна насторожила уши... „Предохраняющіе элементы“ встревожила ее.

— Вотъ почему ты хорошо сдѣлала бы, мама, еслибъ попросила у отца болѣе оформленный документъ, чѣмъ это письмо... Онъ, разумѣется, не откажется выдать его, и ты будешь гораздо покойнѣе за себя и за семью... И отцу будетъ лучше. Онъ не станетъ рисковать мѣстомъ и, слѣдовательно, ему не придется испытывать мукъ отъ несдержаннаго слова... И ни съ кѣмъ не сойдется, зная, что у тебя есть обязательство.

Выходило какъ будто очень даже хорошо для самого же отца, оберечь котораго „предохраняющимъ элементомъ“ предложилъ сынъ. И ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на красивомъ лицѣ Алексѣя, когда онъ совѣтовалъ матери эту комбинацію.

— Какой же документъ надо взять Алеша?

— На счетъ этого я посовѣтуюсь съ адвокатомъ... Онъ пусть и переговоритъ съ отцомъ...

— Лучше я сама напишу.

— Нѣтъ, мама, не дѣлай этого... Ты напишешь что-нибудь рѣзкое и только раздражишь отца, и онъ можетъ не согласиться... И ты не волнуйся, мама... Съ тѣмъ, что будетъ давать отецъ, можно жить...

— А скандалъ?.. А развѣ мнѣ не больно, не обидно?.. Такъ отблагодарить!..

И Анна Павловна достала носовой платокъ.

Алексѣй поцѣловалъ руку матери и ушелъ къ себѣ заниматься. Ольга убѣжала къ Козельскимъ разсказать новость Тинѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ узнать, намѣрена ли она влюбить въ себя Гобзина.

Къ вечеру Ордынцева нѣсколько успокоилась и уже составила

себѣ въ умѣ конспектъ будущихъ рѣчей о семейномъ скандалѣ. Разумѣется, мужъ будетъ изображенъ въ надлежащемъ видѣ и, разумѣется, она просила его оставить его въ виду неприличія его поведенія и чуть ли не открытой связи Богъ знаетъ съ кѣмъ. Анна Павловна не сомнѣвалась, что знакомые повѣрятъ всему, что она ни наговори объ этомъ „подломъ" человѣкѣ, тѣмъ болѣе, что онъ держалъ себя далеко отъ знакомыхъ ея и дочери и иногда даже не выходилъ къ нимъ и сидѣлъ въ кабинетѣ или исчезалъ изъ дома.

Послѣ чая, передъ тѣмъ какъ ложиться спать, Шура осторожно вошла въ спальную, чтобъ проститься съ матерью.

Дѣвочка поцѣловала бѣлую, душистую руку матери безъ обычной ласковости и еле прикоснулась губами къ ея губамъ. Анна Павловна, напротивъ, сегодня съ особенной порывистой нѣжностью нѣсколько разъ поцѣловала Шуру и съ торжественно грустнымъ видомъ перекрестила ее.

Шура подняла свои большіе, красные отъ слезъ глаза на мать и спросила:

— Папа больше не будетъ жить съ нами?

— Нѣтъ, Шура.

— И приходить къ намъ не будетъ?

— Не будетъ.

Шура мгновеніе помолчала и, удерживаясь отъ слезъ, задала вопросъ:

— А я буду ходить къ нему?

— Если захочешь...

— Конечно, захочу! —взволнованно проговорила дѣвочка, перебивая мать.

— По праздникамъ можешь навѣщать.

— А въ будни?

— Въ будни нельзя. Утромъ—гимназія, а потомъ тебѣ надо готовить уроки.

Шура примолкла, но не уходила.

— А если бы... если бы...

Она не рѣшилась докончить.

— Что ты хочешь сказать? Говори, Шурочка.

— Если бы жить съ папой...

Анну Павновну словно кольнуло въ сердце отъ этихъ словъ.

И Алексѣй, ея любимецъ, отнесся къ ней не особенно сочувственно, про Ольгу и говорить нечего—эта дѣвченка положительно стала дерзка въ послѣдное время—и вотъ эта маленькая дѣвочка хочетъ жить съ отцомъ.

А она ли не отдала всю жизнь дѣтямъ!?

— Такъ ты хочешь оставить свою маму, Шура? Тебѣ не жалко меня?—вырвался грустный крикъ изъ ея груди

Шура заплакала.

— Мнѣ васъ обоихъ жаль!—наконецъ, сказала она... Но папа одинъ...

— Онъ самъ захотѣлъ быть одинъ, Шура... Онъ и съ тобой не хочетъ жить.

— Не хочетъ? Онъ писалъ объ этомъ въ письмѣ?—недовѣрчиво спросила Шура, не спуская глазъ съ матери.

— Онъ ничего не писалъ...

— Такъ почему же ты говоришь, что папа не хочетъ.

— Еслибъ хотѣлъ, то написалъ... Ну, иди, дѣточка, спать, иди...

И, снова поцѣловавъ Шуру, Ордынцева прибавила:

— Папа всѣхъ насъ бросилъ, Шура... Папа никого изъ насъ не любитъ...

— О нѣтъ, нѣтъ... Это неправда... Онъ меня любитъ и я его ужасно люблю!—почти крикнула Шура.

И, рыдая, выбѣжала изъ комнаты.

Долго еще не могла успокоиться нервная и болѣзненная дѣвочка и тихо-тихо плакала, чувствуя себя обиженной и несчастной.

Она такъ любитъ папу, а онъ не написалъ, что хочетъ съ ней жить.

Не хорошо спалось въ эту ночь и Ордынцевой. Она почувствовала, что дѣти безучастны къ ней, и не могла понять: „отчего?“

Глава восьмая.

На слѣдующій день, когда Шура, послѣ классовъ грустная спускалась въ шумной компаніи гимназистокъ въ швейцарскую, она съ лѣстницы увидала отца.

— Папочка! Милый!

Счастливая, она горячо цѣловала его.

— Одѣвайся, Шурочка... На улицѣ поговоримъ! — радостно говорилъ Ордынцевъ.

И когда она вышла изъ подъѣзда, онъ сказалъ:

— И какъ же я соскучился по тебѣ, Шурочка! И вчера не простился... И сегодня утромъ не видалъ... Ну и уѣхалъ со службы, чтобы взглянуть на свою дѣвочку.

Шура крѣпко сжимала отцовскую руку и повторила:

— Милый... голубчикъ... родной мой... А я думала...

— Что ты думала?

— Что ты... не хочешь взять меня къ себѣ... Мама вчера говорила, что ты объ этомъ не писалъ ей... А вѣдь ты возьмешь меня... Не правда ли?

— Я не писалъ потому, что прежде хотѣлъ спросить тебя... хочешь ли ты жить со мной. Не будетъ ли тебѣ скучно?

— Хочу, хочу, хочу... И мнѣ не будетъ скучно. И какъ хорошо мы съ тобой будемъ жить, папочка! Я за тобой ходить буду... столъ твой убирать... чай разливать!—радостно говоряла Шура.

Эти слова наполнили Ордынцева счастьемъ. Онъ будетъ не одинъ, а съ любимой дѣвочкой, которая одна изъ всей семьи была съ нимъ ласкова. И онъ избавитъ ее отъ дурного вліянія матери, и вообще, отъ всей этой скверной атмосферы. Ордынцевъ объ этомъ думалъ, когда рѣшилъ оставить семью, но разсчитывалъ взять дочь попозже, когда получитъ обѣщанную старикомъ Гобзинымъ прибавку жалованья къ новому году, такъ какъ безъ этой прибавки у него оставалось всего пятьдесятъ рублей. Остальное содержаніе онъ обѣщалъ отдавать семьѣ.

Но теперь онъ дожидаться не будетъ. Онъ займетъ денегъ, чтобъ нанять маленькую квартирку, купить мебель и завести хозяйство.

— Я сегодня же напишу, чтобъ тебя отдали мнѣ, моя радость. Безъ тебя мнѣ было бы тоскливо жить, мое солнышко.

— И мнѣ безъ тебя, папочка, было бы скучно.

— И какъ только я найму квартиру, ты пріѣдешь ко мнѣ. Вѣдь ты хочешь ко мнѣ, дѣвочка?—снова радостно спрашивалъ Ордынцевъ, желая услыхать еще разъ, что она хочетъ.

— О, папа! И какъ тебѣ не стыдно спрашивать!.. Только знаешь ли что?..

— Что, милая?

— Согласится ли мама меня отпустить?

— Согласится!—отвѣчалъ отецъ.

Но тонъ его былъ неувѣренный.

— А если нѣтъ?..

— Я заставлю согласиться... Ты, во всякомъ случаѣ будешь, у меня!—воскликнулъ отецъ.

— Но вѣдь и мамѣ будетъ тяжело!—раздумчиво проговорила Шура.

И тотчасъ же прибавила:

— Но мама не одна, а ты—одинъ. Тебѣ тяжелѣе. Ты можешь заболѣть, и кто будетъ за тобой ходить.

— О моя ласковая умница!—умиленно проговорилъ Ордынцевъ.

— А я буду маму навѣщать. Правда, папочка.

— Конечно... Когда захочешь, тогда и пойдешь...

— И Сережа будетъ заходить ко мнѣ?

— И Сережа...

Они уже были у дома, изъ котораго бѣжалъ Ордынцевъ. Обоимъ имъ не хотѣлось разставаться. День выдался славный, солнечный, при небольшомъ морозѣ.

— Погуляемъ еще, Шура, Хочешь?

— Конечно, хочу. Еще когда я тебя увижу.

— Скоро...

— А какъ скоро?

— Я опять пріѣду въ гимназію... послѣ завтра.

— А гадкій Гобзинъ не разсердится на тебя?

— Нѣтъ, голубка... И я его не боюсь!—весело говорилъ Ордынцевъ.—А ты не голодна ли?

— Нѣтъ, папочка.

— А eclair съѣла бы?—смѣясь, спросилъ Ордынцевъ, знавшій, какъ любитъ Шура это пирожное, и часто имъ угощавшій свою любимицу.

— Съѣла бы.

Они были недалеко отъ кондитерской Иванова и зашли туда.

Шура съѣла два eclair'а, и отецъ съ дочерью пошли на Офицерскую.

— До свиданія, Шура!..

— До свиданія, папочка!

— Скоро вмѣстѣ будемъ... Вмѣстѣ! — радостно проговорилъ Ордынцевъ, цѣлуя дочь.

Она вошла въ подъѣздъ и смотрѣла черезъ стекло двери, какъ отецъ сѣлъ на извозчика и послалъ ей поцѣлуй.

Дома она никому не сказала, что видѣла отца. Всѣ были дома, но никто не обращалъ на нее вниманія, занятые совѣщаніемъ о томъ, кому отдать кабинетъ. Мать великодушно отказалась отъ будуара и отдала кабинетъ Ольгѣ, пообѣщавъ купить маленькій диванъ и два кресла.

Шурѣ показалось, что мать совсѣмъ успокоилась, и это больно кольнуло дѣвочку.

Вечеромъ явился посыльный съ новымъ письмомъ отъ Ордынцева.

— Чего еще ему надо!—внезапно раздражаясь, проговорила Анна Павловна, вскрывая конвертъ.

Письмо, въ которомъ Ордынцевъ просилъ отдать ему Шуру, вызвало въ Аннѣ Павловнѣ негодованіе и злость.

Ни за что она не отдастъ ему дочь. Ни за что! Онъ бросилъ всѣхъ, такъ пусть и остается одинъ. Въ мотивахъ этого рѣшенія было не мало желанія отплатить мужу за свое униженіе и вообще причинить ему зло. Она знала, какъ любитъ отецъ Шуру, и въ значительной степени именно потому и думать не хотѣла о томъ, чтобы исполнить просьбу мужа.

И Ордынцева собиралась отвѣчать рѣшительнымъ отказомъ. Но прежде она позвала къ себѣ сына.

— Прочти, что еще онъ выдумалъ!—взволнованно сказала она.

Алексѣй прочелъ и, возвращая матери письмо, спросилъ:

— Ты что намѣрена отвѣтить?

— И ты еще спрашиваешь?—воскликнула Ордынцева.—Конечно, я напишу, что не отдамъ ему Шуры!

— Напрасно.

— Что!? Ты хочешь, чтобъ я лишилась дочери, чтобъ я отдала Шуру человѣку, который такъ поступилъ съ семьей... Ты хочешь, чтобъ она жила по меблированнымъ комнатамъ, безъ надзора, безъ уюта?..

На красивомъ лицѣ Алексѣя появилось скучающее выраженіе человѣка, принужденнаго выслушивать глупыя рѣчи и доказывать ихъ глупость.

„А вѣдь, кажется, мать не глупая женщина!"—подумалъ онъ.

— Я, мама, хочу избавить тебя и всѣхъ насъ отъ непріятностей... вотъ чего я хочу... Отказомъ ты раздражишь отца, и онъ не только не выдастъ тебѣ обязательства, но можетъ уменьшить обѣщанное содержаніе...

— Какъ онъ смѣетъ? Я могу жаловаться въ судъ.

— Судъ не заставитъ его отдавать семьѣ все содержаніе. А вѣдь отецъ отдаетъ намъ почти все... оставляя себѣ только пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. И, наконецъ, онъ можетъ и судомъ получить Шуру или подавъ жалобу въ коммиссію прошеній...

— Но вѣдь это жестоко... Отнять у матери дочь... И ты хочешь, чтобъ я добровольно отказалась отъ нея?..

— Я представляю тебѣ доводы, мама. Твое дѣло принять, или не принять ихъ...

Этотъ спокойный, увѣренный, слегка докторальный тонъ сына невольно импонировалъ на Ордынцеву, и мысль, что мужъ можетъ выдавать на содержаніе семьи меньше того, что обѣщалъ, значительно поколебали ея рѣшимость. Алексѣй отлично это видѣлъ, и продолжалъ:

— Я, конечно, понимаю, что тебѣ тяжело разстаться съ Шурой, но она будетъ навѣщать тебя. Отецъ объ этомъ пишетъ. И присутствіе Шуры при отцѣ болѣе гарантируетъ его отъ возможности альтруистическаго увлеченія, котораго ты боишься... И если ты согласишься отдать Шуру, то и выдача формальнаго обязательства обезпечена. Ты можешь поставить исполненіе желанія отца въ зависимость отъ этого обязательства.

— Но каковъ отецъ... Пользоваться нашей безпомощностью, чтобы отнять дочь! Это... это!..

И Ордынцева заплакала.

Но Алексѣй отлично зналъ физіологическое происхожденіе слезъ и зналъ, что мать немножко рисуется своей печалью разстаться съ Шурой. Вотъ почему онъ не обратилъ на слезы матери большого вниманія и только изъ любезности проговорилъ:

— Ты не волнуйся, мама... И посыльный ждетъ отвѣта.

— Что жъ отвѣчать? — покорно спросила Анна Павловна, вздохнувъ съ видомъ несчастной страдалицы, обреченной нести тяжкій крестъ.

— Напиши, что обо всемъ переговоритъ адвокатъ, который будетъ у отца на-дняхъ. И больше ни одного слова, мама!..

Алексѣй подождалъ, пока мать писала письмо, прочелъ его, одобрилъ и, когда письмо было вложено въ конвертъ, проговорилъ, цѣлуя у матери руку:

— Ты очень умно поступила, мама. Очень умно! — повторилъ онъ и вышелъ отдать письмо посыльному.

У посыльнаго Алексѣй справился: „уплачены ли ему за отвѣтъ деньги?"

Анна Павловна рѣшила посовѣтоваться еще съ Козельскимъ. Быть можетъ, онъ придумаетъ такую комбинацію, при которой можно было бы получить отъ мужа обязательство и оставить у себя Шуру. Вмѣстѣ съ тѣмъ у Ордынцевой была и задняя мысль воспользоваться, если представится возможность, новымъ своимъ положеніемъ брошенной жены.

И она тотчасъ же написала Козельскому письмо, въ которомъ звала „Нику" по весьма важному семейному дѣлу на свиданіе въ „Анютино" (какъ они звали пріютъ на Выборгской) на завтра, въ два часа. По обыкновенію она адресовала письмо не на квартиру Козельскаго, который предусмотрительно просилъ своего друга никогда этого не дѣлать, наученный прежнимъ опытомъ, какіе непріятные инциденты могутъ отъ этого произойти—и, по обыкновенію, вышла сама на улицу, чтобы опустить письмо въ почтовый ящикъ, объявивъ Ольгѣ, что хочетъ пройтись и кстати взять къ чаю кексъ.

— Ты вѣдь любишь кексы, Ольга.

Ольга, тронутая обѣщаніемъ новой мебели и радостно мечтавшая о гнѣздышкѣ, которое она устроитъ изъ кабинета, горячо обняла мать и съ искреннимъ чувствомъ проговорила:

— А ты не сердись на меня, мамочка, за то, что я была рѣзка съ тобой. Прости. Не сердишься? Скажи?

— Развѣ я на васъ могу сердиться?.. Только люби меня побольше, Оля... Теперь мнѣ одно утѣшеніе въ любви дѣтей. И будемъ дружны. Вѣдь мы... брошенныя! — прибавила Анна Павловна и ласково потрепала Ольгу по ея хорошенькой щекѣ.

II.

Не до свиданія было Козельскому.

Наканунѣ онъ цѣлый день рыскалъ по городу, чтобы найти денегъ. На-дняхъ былъ срокъ банковскому векселю въ 3.000 рублей

и надо было, во что бы ни стало заплатить, чтобы, благодаря протесту, не лишиться кредита. Вчера онъ не досталъ, и приходилось искать денегъ сегодня. Долговъ у него было по горло и доставать деньги все было труднѣе и труднѣе. Онъ уже узналъ отъ одного чиновника въ министерствѣ, сообщавшаго ему свѣдѣнія, что лѣсное дѣло провалилось, благодаря Никодимцеву, и, не смотря на свое ликованіе, серьезно призадумался, когда подвелъ цифру долговъ. Сумма была внушительная.

И вдобавокъ изъ-за этой записки Анны Павловны чуть было не вышло непріятности дома. Дуракъ курьеръ поторопился ее доставить и, какъ нарочно, горничная подала на подносѣ письмо въ то время, когда Николай Ивановичъ пилъ кофе въ столовой вблизи отъ Антонины Сергѣевны. Она съ обычной подозрительностью взглянула на маленькій конвертикъ, конечно, увидала женскій почеркъ и тотчасъ же измѣнилась въ лицѣ.

Его превосходительство съ большимъ мастерствомъ разыгралъ роль удивленнаго человѣка и даже пожалъ плечами, взглянувъ на конвертъ. Онъ не спѣша вскрылъ конвертъ, предусмотрительно отложилъ его подальше отъ глазъ жены и, отлично зная, что ея взглядъ изучаетъ малѣйшія движенія его лица съ упорнымъ вниманіемъ слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ,—еще равнодушнѣе прочитывалъ о томъ, что „Нику“ зовутъ въ два часа на свиданіе по важному семейному дѣлу.

И его превосходительство былъ до нѣкоторой степени искрененъ, когда, прочитавъ записку и написавъ на ней нѣсколько словъ карандашомъ, не безъ досады воскликнулъ, обращаясь къ женѣ:

— Вѣдь этакая дура! Третій разъ проситъ...

— Кто?.. О чемъ?

— Да эта... княгиня Туманская... Сынъ у нея у меня служитъ... Балбесъ балбесомъ! Такъ не угодно ли мнѣ дать ему повышеніе. Его бы выгнать надо, а не то, что повышеніе...

И съ этими словами Козельскій сунулъ и конвертъ, и записку въ боковой карманъ, мысленно похваливъ себя за то, что такъ блистательно обманулъ святую женщину и такъ вдохновенно оклеветалъ неизвѣстныхъ ему княгиню Туманскую и ее сына.

Жена и вѣрила, и не вѣрила.

Ея обожаемый Коля такъ часто безсовѣстно лгалъ, что подвергалъ ея вѣру большимъ испытаніямъ.

Но почеркъ на конвертѣ, и форматъ, и бумага показались ей похожими на почеркъ и конверты Ордынцевой, отъ которой прежде Антонина Сергѣевна нерѣдко получала дружескія записочки.

И Антонина Сергѣевна, добросовѣстно желая сдѣлать по-

слѣднюю попытку къ раскрытію истины, совершенно неожиданно проговорила:

— А мнѣ показался почеркъ знакомымъ, Коля...

— А что жъ... возможно... Почерки часто бываютъ отень похожіе...

И, желая показать, что нисколько не интересуется этимъ, его превосходительство разсказалъ забавный анекдотъ по поводу сходства почерковъ.

— На почеркъ Ордынцевой похожъ... И конвертъ такой же!— проговорила Антонина Сергѣевна, внимательно выслушавъ анекдотъ и взглянувъ въ глаза мужа.

Но онъ ихъ не опустилъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, кажется, похожъ... Но, слава Богу, Ордынцева не имѣетъ дѣлъ въ министерствѣ, а сынъ ея далеко не балбесъ, а напротивъ... очень основательный человѣкъ... Ну, до свиданія, Тоня... Пора и въ хомутъ!

И онъ поцѣловалъ руку жены и ушелъ въ кабинетъ и струсилъ уже тамъ, оставшись одинъ.

— Этакій идіотъ этотъ швейцаръ въ министерствѣ!—проговорилъ онъ.

Его превосходительство до часу просидѣлъ въ своемъ министерствѣ. Оттуда въ вицъ-мундирѣ и со звѣздой поѣхалъ къ Кюба, наскоро позавтракалъ и въ половинѣ второго ѣхалъ на Выборгскую, разсчитывая, что свиданіе не продлится болѣе получаса, и онъ къ тремъ часамъ поспѣетъ на засѣданіе коммиссіи, въ которую онъ былъ назначенъ отъ своего министерства какъ человѣкъ, основательно знакомый съ финансовыми вопросами.

Ровно въ два часа онъ отворилъ своимъ ключомъ двери „пріюта". Анна Павловна была уже тамъ, торжественно-печальная, хотя и одѣтая съ тѣмъ особеннымъ щегольствомъ и съ тою, разсчитанною на любительскій вкусъ Козельскаго, привлекательностью, которыя она считала, при посѣщеніи „Анютина", такой же необходимой принадлежностью свиданій, какою офицеръ считаетъ полную парадную форму при представленіи по начальству. Въ этомъ отношеніи Анна Павловна съ щепетильной добросовѣстностью исполняла свой „долгъ" очаровательницы „Никса", и хотя знала, что сегодня не ихъ опредѣленные два дня въ недѣлю свиданій,— все-таки, на всякій случай, явилась во всемъ своемъ великолѣпіи: благоухающая, съ подведенными бровями, и въ кольцахъ.

— Прости Ника, что потревожила тебя...

И Анна Павловна подставила свои губы и такъ прильнула къ губамъ его превосходительства, что тотъ сперва осовѣлъ и затѣмъ почему-то взглянулъ на часы.

— Что такое случилось, Нита?.. Разсказывай... У меня только

полчаса въ распоряженіи, и я объ этомъ очень жалѣю!—подчеркнулъ Козельскій, значительно взглядывая на свою пріятельницу.— Ты видишь... я въ парадѣ. Въ три часа я долженъ быть въ коммиссіи.

— Этотъ подлецъ бросилъ насъ!

И Анна Павловна, усѣвшись на тахту, передала въ болѣе или менѣе извращенномъ видѣ о „подлости" мужа, при чемъ уменьшила цифру содержанія, обѣщаннаго въ письмѣ мужа, на пятьдесятъ рублей.

— Но главное... Онъ требуетъ дочь... Грозитъ скандаломъ... Я не хочу отдавать дочь... Посовѣтуй, что мнѣ дѣлать, какъ удержать Шуру... Какъ заставить его выдать какую-нибудь бумагу...

Эта новость, признаться, не очень понравилась его превосходительству, особенно въ виду его далеко не блестящихъ финансовъ. И, разумѣется, онъ тѣмъ искреннѣе далъ совѣтъ не раздражать мужа и постараться войти съ нимъ въ соглашеніе относительно прибавки содержанія.

— Твой мужъ все-таки настолько порядочный человѣкъ, что не заставитъ семью нуждаться.

— А дочь?...

— Лучше отдай ему... Не заводи исторіи, Нита...

— И Леша тоже говоритъ... И никто за меня не заступится...

Анна Павловна заплакала, и его превосходительство въ качествѣ человѣка стараго воспитанія, конечно, счелъ своимъ долгомъ подсѣсть къ ней и постараться успокоить ее горячими поцѣлуями, прерывая однако ихъ, чтобы взглянуть на часы.

Едва ли къ счастью для Козельскаго времени оказалось еще достаточно, чтобы слезы Анны Павловны успѣли тронуть мягкое сердце его превосходительства и заставили его хоть нѣсколько успокоить ее легкомысленнымъ обѣщаніемъ добавлять пятьдесятъ рублей, если мужъ откажется ихъ давать.

Спохватился Козельскій, что сдѣлалъ глупость, обязуясь давать своей любовницѣ, хотя она объ этомъ его и не просила, кромѣ прежнихъ 275 рублей, еще пятьдесятъ, только тогда, когда ѣхалъ въ свою коммиссію.

Но тамъ зато онъ произнесъ такую блестящую рѣчь о значеніи и благотворности для страны возможно дешеваго кредита, что самъ предсѣдатель, считавшійся финансовымъ свѣтиломъ, послѣ засѣданія наговорилъ Козельскому комплиментовъ и просилъ побывать на-дняхъ.

Черезъ недѣлю молодой присяжный повѣренный привезъ Аннѣ Павловнѣ форменное обязательство.

— Вашъ супругъ безъ всякихъ разговоровъ подписалъ. Про-

силъ только, чтобы къ завтрашнему дню малолѣтняя дочь была доставлена къ нему!—объявилъ онъ.

Изъ деликатности адвокатъ не сказалъ, что Ордынцевъ, прочитавъ документъ, съ брезгливой усмѣшкой спросилъ:

— Это, вѣрно, идея сынка... это предусмотрительное обязательство?

К. Станюковичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИЗЪ КАРДУЧЧИ.

Ликъ блѣдный, крепъ черный мнѣ сердце гнетутъ,
И думы о смерти встаютъ предо мной,
Но скорбныя думы меня не влекутъ
На кладбище, слѣдомъ за людной толпой.

* * *

Мнѣ кладбище—міръ весь: смѣется-ль весна,
Сіяетъ ли солнце съ лазурныхъ высотъ,
Дробится-ль о скалы морская волна
И звѣздами блещетъ ночной небосводъ.

* * *

Мнѣ кладбище—міръ весь: при шепотѣ розъ
Родится ли утро, знойнымъ ли днемъ
Смѣются мнѣ гроздья янтарныя лозъ,
И счастье и радость разлиты кругомъ...

* * *

Мнѣ кладбище—міръ весь. Вездѣ предо мной
Подъ флёромъ сребристымъ, въ гробу и въ цвѣтахъ,
Встаетъ блѣдный обликъ, недвижный, нѣмой...
И меркнетъ блескъ дня въ моихъ скорбныхъ очахъ!

М. Ватсонъ.

Петербургскія воскресныя собранія для работницъ.

Было около часу пополудни. На Слоновой улицѣ, около одного дома казенной наружности замѣчается довольно большой наплывъ лицъ женскаго пола, преимущественно молодежи. Здѣсь встрѣчались дѣвушки, довольно прилично одѣтыя, но не мало было такихъ, платье которыхъ изобличало бѣдность и принадлежность къ низшему слою населенія.

Дѣвушки отворяли парадную дверь и входили въ домъ. Затѣмъ шли по корридору, повертывали влѣво и входили въ узкую длинную комнату со множествомъ вѣшалокъ, гдѣ ихъ встрѣчали служителя привѣтствіемъ:

— Пожалуйте ваше платье сюда, барышня.

Вошедшія раздѣвались и оставляли здѣсь верхнее платье, уплативъ за храненіе двѣ копѣйки, затѣмъ весело шли наверхъ, болтая о чемъ пришлось.

— Ты была здѣсь прошлое воскресенье, Катя? — спрашивала высокая и довольно красивая брюнетка, лѣтъ семнадцати, свою подругу.

Послѣдняя была приблизительно такихъ же лѣтъ, но, въ противоположность первой, довольно невысокаго роста. Ея большіе сѣрые глаза смотрѣли умно и смѣло, свѣтлые волосы, подвитые спереди, были причесаны по модному. Одежда обѣихъ подругъ состояла изъ темныхъ шерстяныхъ юбокъ и свѣтлыхъ ситцевыхъ кофточекъ моднаго фасона и хорошо сшитыхъ.

— Нѣтъ, Лиза, прошлое воскресенье я сюда не приходила, — отвѣчала Катя.—Въ нашей мастерской была спѣшная работа. Шили цѣлый день до девяти часовъ вечера. Нельзя было идти.

— Ты сегодня опять будешь грамотѣ учиться?—полюбопытствовала первая.

— Да. Вѣдь ты знаешь, читать я кое-какъ умѣю, а писать совсѣмъ не знаю. Потому сюда и хожу. Хотѣла бы и ариѳметикѣ научиться.

— А я опять буду шить. Тебѣ хорошо. Сама портниха, всегда можешь сшить себѣ какое-угодно платье. А я совсѣмъ не умѣла кроить. Теперь здѣсь немножко научилась. Прошлый разъ нашей Манькѣ платьице кончила. Учительница похвалила.

— Ты мнѣ завидуешь, что я шить умѣю, а я тебѣ завидую, что ты грамотѣ знаешь,—говорила Катя.—Я ввѣкъ не научилась бы писать, если бы сюда не ходила. Когда? Въ будни цѣлый день въ мастерской. Шьешь съ утра до ночи —замучаешься. Домой придешь совсѣмъ одурѣлая. А тутъ отецъ пьяный, мать больная, не до ученья! Только здѣсь и можно учиться. Я воскресенья жду точно Богъ знаетъ какого праздника. Мать позволяетъ мнѣ оставаться здѣсь, сколько хочу. Я всегда бываю здѣсь почти до самаго конца.

Вслѣдъ за этими дѣвушками шли два подростка, лѣтъ тринадцати-четырнадцати. Одна была одѣта въ новенькое свѣтло-голубое шерстяное платье, другая—въ старое темное и плохо сшитое.

— А знаешь ли, Стеша,—говорила одна другой,—прошлый разъ ты рано ушла, а у насъ хоровое пѣніе было. И я пѣла. Учительница сказала, что у меня голосъ хорошій. Я и сегодня буду пѣть. Ты останься послушать.

Переговариваясь такимъ образомъ, дѣвушки проворно поднимались по лѣстницѣ. Во второмъ этажѣ на площадкѣ стоялъ небольшой столикъ. Около него сидѣла дежурная дама. Дѣвушки подходили къ ней и, подавая небольшую карточку изъ папки, говорили:

— Вотъ мой билетъ.

Дама искала соотвѣтственный номеръ въ книгѣ и отмѣчала его тамъ, оставляя билетъ у себя. Вмѣстѣ съ другими къ ней подошла молоденькая блондинка въ шерстяномъ, хорошо сшитомъ платьѣ, цвѣта бордо, и съ гладко причесанными свѣтлыми волосами. Ея свѣжее и круглое лицо дышало деревенскимъ здоровьемъ.

— Позвольте мнѣ билетъ,—сказала она.

— Вы сюда въ первый разъ пришли?—спросила дежурная.

— Въ первый.

— Какъ васъ зовутъ?

— Александра Петрова.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Шестнадцать.

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— Я горничной у присяжнаго повѣреннаго.

Дежурная выставила новый номеръ на картонкѣ.

— Вашъ номеръ будетъ 263,—сказала она.—Онъ останется пока у меня. Когда будете уходить, тогда вамъ его отдадутъ. Его надо приносить каждый разъ, какъ сюда приходите. Вы отъ кого узнали, что здѣсь по воскресеньямъ дѣвушки собираются?

— Я недавно въ Петербургѣ и никого здѣсь не знаю. Барыня изъ газетъ вычитала про васъ и говоритъ мнѣ: «Ходи туда, Саша. Я тебя буду пускать черезъ воскресенье. Чему-нибудь тамъ научишься. Лучше туда ходи, чѣмъ по улицамъ шататься»,—объясняла Саша.

— Идите теперь въ залъ, познакомьтесь съ другими,—сказала дежурная, къ которой безпрерывно подходили новыя посѣтительницы.

Саша приблизилась къ дверямъ комнаты, на которую ей указала дежурная, и остановилась въ нерѣшимости.

Среди большой свѣтлой комнаты стояли длинные столы, сколоченные изъ простыхъ некрашенныхъ досокъ. На нихъ былъ разложенъ самый разнообразный матеріалъ для шитья. Множество дѣвушекъ столпилось около черной классной доски, поставленной въ одномъ углу залы, и внимательно слушали учительницу кройки, которая, рисуя, объясняла имъ.

— Поняли?—спросила она, кончивъ объясненіе.

— Поняли,—отвѣтили нѣкоторыя и направились къ столамъ.

Но часть осталась.

— Я не совсѣмъ поняла, какъ надо спинку кроить,—нерѣшительно замѣтила одна дѣвушка, худенькая и блѣдная.

— Подите сюда. Я вамъ сейчасъ объясню,—сказала учительница и начала опять показывать, какъ надо кроить спинку.

Затѣмъ къ ней обратились за разъясненіями еще нѣсколько человѣкъ.

Покончивъ съ ними, учительница начала обходить столы, наблюдая за работой своихъ ученицъ.

— Ахъ, Данилова! Что же вы это дѣлаете? Вы такъ все платье испортите. Вотъ какъ надо,—говорила она одной дѣвушкѣ, кроившей дѣтское ситцевое платьице, показывая, что надо дѣлать.

— У васъ такъ оба рукава выйдутъ на одну сторону,—замѣтила она другой, кроившей красную шерстяную матерію.

Переходя такимъ образомъ отъ одного стола къ другому, учительница исправляла ошибки ученицъ. Съ обѣихъ сторонъ замѣтно было большое усердіе.

Учительница охотно дѣлала необходимыя указанія, хотя ея трудъ не оплачивался. Ученицы старались изо-всѣхъ силъ ее понять и чему-нибудь научиться. Вѣдь эти часы они урвали у своего праздничнаго отдыха, желая умѣть скроить и сшить себѣ платье, чтобы такимъ образомъ сберечь нѣсколько рублей на болѣе насущныя потребности. Кройкѣ и шитью учились главнымъ образомъ фабричныя дѣвушки, которыя рѣдко знаютъ это искусство. А между тѣмъ въ жизни порядочно сшитое платье оказывалось необходимымъ.

Саша довольно долго стояла въ дверяхъ, наблюдая эту новую для нея обстановку и не рѣшаясь вмѣшаться въ эту чуждую для нея толпу. Одна изъ дежурныхъ дамъ замѣтила ея одиночество.

— Вы здѣсь вѣрно въ первый разъ?—спросила она.

— Да,—отвѣтила Саша.

— Развѣ у васъ никого здѣсь нѣтъ знакомыхъ?

— Нѣтъ.

— Вы, можетъ быть, тоже хотите учиться кройкѣ?

— Нѣтъ, барышня, я прежде хочу посмотрѣть.

— А! Ну, пойдемте со мной въ другую комнату. Тамъ вы посмотрите, какъ у насъ учатся грамотѣ.

Дежурная повела Сашу въ другую комнату, меньшихъ размѣровъ, нежели залъ. Она вся была заставлена ученическими скамейками, предназначенными для дѣтей десяти-двѣнадцатилѣтняго возраста. Но теперь на нихъ сидѣли взрослыя дѣвушки и подростки. Здѣсь былъ урокъ грамоты. Тѣ изъ посѣтительницъ, которыя изъявляли желаніе, учились здѣсь читать, писать и ариѳметикѣ. На одной дѣтской скамеечкѣ сидитъ Катя и усердно выводитъ перомъ буквы. Она пишетъ еще крупно и по двумъ линейкамъ, но довольно чисто и красиво. Это, видимо, ее радуетъ. Она вся вспыхиваетъ отъ удовольствія, когда учительница, взглянувъ на ея тетрадку, мимоходомъ замѣчаетъ:

— А вы, Степанова, начинаете хорошо писать.

Завѣтная мечта Кати научиться писать безъ линеекъ мелкими буквами и знать четыре правила ариѳметики.

По сосѣдству съ ней сидитъ довольно полная дѣвушка, лѣтъ двадцати, предметъ постоянной зависти для Кати. Она пишетъ безъ линеекъ и мелкими буквами. Сегодня она переписываетъ въ свою тетрадку лермонтовскаго «Ангела». Двѣ-три ошибки, которыя она сдѣлала и на которыя ей указала учительница, замѣтно огорчили ее. Она съ опечаленнымъ лицомъ смотритъ на поправки, которыми испорчена ея чистенькая тетрадка. Недалеко отъ нея помѣщается ея знакомая, Поля, которая пришла сюда сегодня въ первый разъ. Поля изъявила желаніе учиться грамотѣ и теперь старательно выводитъ на бумагѣ палочки, которыя ей показала учительница. Она надѣлала кляксъ и перепачкала чернилами всѣ пальцы, что ее не мало конфузитъ.

Въ той же комнатѣ нѣкоторыя дѣвушки учатся изящнымъ рукодѣліямъ: вязанью кружевъ, вышиванію и проч. Многія читаютъ про себя, взявъ у дежурной дамы книжку. Здѣсь же, на одномъ концѣ комнаты стоитъ маленькій простенькій шкафъ. Это библіотека Рождественскаго Воскреснаго Собранія. Въ ней находятся книги, разрѣшенныя для народныхъ читаленъ. Ими пользуются посѣтительницы.

— Пожалуйста, дайте мнѣ «Утопленницу» Гоголя,—говорила одна довольно шустрая худенькая дѣвушка, подходя къ дежурной дамѣ, занимавшейся выдачей книгъ.

— Вѣдь вы ее, кажется, уже читали,—замѣтила послѣдняя.

— Читала разъ. Еще хочу. Очень нравится,—отвѣчала дѣвочка.

Дежурная нашла книгу и, давая ей, спросила:

— Вашъ номеръ?

— Сто двадцать восьмой,—сказала дѣвочка и отошла.

Дежурная отмѣтила въ книгѣ выдачу.

— Пожалуйста, дайте мнѣ «Ниву», картинки посмотрѣть,—подошла къ ней другая.

Дежурная удовлетворила ея желаніе.

— А мнѣ «Фабіолу»,—просила третья.

«Фабіолы» не оказалось. Ее уже взяли. Дежурная предложила просившей выбрать другую книгу.

— Я не знаю, какую взять. Дайте сами что-нибудь,—говорила дѣвушка, замѣтно огорченная, что нѣтъ желанной книжки.

Дежурная дала ей «Записки охотника» Тургенева.

— Пожалуйста, дайте мнѣ стихи почитать,—просила взрослая дѣвушка съ серьезнымъ и задумчивымъ лицомъ.

Дежурная удовлетворила ея желаніе, давъ Лермонтова.

— А мнѣ какой-нибудь длинный романъ,—говорила другая взрослая дѣвушка съ живыми черными глазами.—Я очень люблю читать длинные романы.

Но на этотъ разъ длиннаго романа въ библіотекѣ не оказалась и просившая должна была довольствоваться повѣстью Григоровича.

Саша, присмотрѣвшись къ новой обстановкѣ, подсѣла къ одной взрослой дѣвушкѣ, разсматривавшей картинки иллюстрированнаго журнала. Ея сосѣдка оказалась довольно сообщительной и знакомство завязалось.

На площадкѣ, гдѣ выдавались и отбирались билеты у посѣтительницъ воскресныхъ собраній, возлѣ стола дежурной сидѣла дама съ очень интеллигентнымъ лицомъ, одѣтая въ простое черное платье. Она заинтересовалась дѣятельностью «Общества попеченія о молодыхъ дѣвицахъ въ С.-Петербургѣ» и пришла посмотрѣть на воскресныя собранія, устраиваемыя его членами для работницъ.

— Какую цѣль преслѣдуетъ ваше общество?—спрашивала гостья у дежурной.

— Вотъ посмотрите, что написано въ нашемъ уставѣ,—отвѣчала послѣдняя, взявъ крошечную брошюрку въ простой сѣрой обложкѣ, лежавшую возлѣ нея на столѣ.—Его первый параграфъ говоритъ: «Общество имѣетъ цѣлью: 1) предохранять молодыхъ дѣвушекъ, преимущественно рабочаго класса, какъ-то: ремесленницъ, фабричныхъ и служанокъ, отъ дѣйствія окружающихъ ихъ вредныхъ, въ нравственномъ отношеніи, условій жизни, и 2) содѣйствовать ихъ нравственному развитію». Наши воскресныя собранія преслѣдуютъ эту цѣль.

— Вы думаете, они дѣйствительно повышаютъ нравственный уровень работницъ?

— Несомнѣнно. Здѣсь онѣ пріучаются цѣнить главнымъ образомъ духовныя блага. Идя сюда, работница знаетъ, что здѣсь она никакихъ матеріальныхъ выгодъ не получитъ. Здѣсь она встрѣтитъ полную готовность дать ей книгу, которая ей нравится, если она есть въ нашей библіотекѣ. Здѣсь научатъ ее грамотѣ, кройкѣ или какому-нибудь рукодѣлью. Здѣсь устраиваются чтенія со свѣтовыми картинами, которыя доставляютъ посѣтительницамъ большое удовольствіе. Читаются вещи научнаго содержанія и беллетристика. Врачъ сообщаетъ имъ свѣдѣнія по гигіенѣ. Вообще, мы стараемся научить ихъ чему-нибудь, но не даемъ никакихъ денежныхъ подачекъ.

— Значитъ, на вашихъ воскресныхъ собраніяхъ занимаются преимущественно серьезными предметами?

— О, нѣтъ!—съ живостью возразила дежурная.—Мы стараемся доставить имъ также различныя невинныя развлеченія. Нѣкоторые члены нашего общества и постороннія лица являются сюда съ цѣлью доставить удовольствіе нашимъ посѣтительницамъ своимъ пѣніемъ. Одна консерваторка составила изъ здѣшней молодежи прекрасный хоръ, который можетъ доставить удовольствіе не однѣмъ

только простымъ работницамъ, но и болѣе избалованнымъ людямъ. Здѣсь устраиваются также различныя игры и бываютъ танцы.

— Безъ кавалеровъ?

— Конечно. Вѣдь нашъ уставъ не разрѣшаетъ допускать мужчинъ въ воскресныя собранія. Но это нисколько не мѣшаетъ дѣвушкамъ отдаваться танцамъ всей душой. Нѣкоторыя до страсти ихъ любятъ и готовы танцовать до упада. Очевидно, для нихъ привлекательны сами танцы, а не кавалеры. Многія изъ нихъ танцуютъ очень мило.

— Танцы также содѣйствуютъ ихъ нравственному развитію?—нѣсколько иронически спросила гостья.

— Если не содѣйствуютъ, то во всякомъ случаѣ и не понижаютъ ихъ нравственнаго уровня,—серьезно отвѣчала дежурная.—Танцы здѣсь служатъ въ качествѣ развлеченія, а отчасти и физическимъ упражненіемъ. Здѣсь дѣвушки проводятъ время съ часу дня до девяти часовъ вечера. Согласитесь сами, невозможно требовать, чтобы все это время онѣ занимались одними серьезными предметами. На это и мы съ вами окажемся неспособными, не то что онѣ. Кромѣ того, взрослыя дѣвушки вообще стѣсняются заниматься какими-либо играми, въ которыхъ приходится бѣгать и быстро двигаться, а танцуютъ охотно. Слѣдовательно. онѣ здѣсь не остаются все время безъ движенія, которое для нихъ необходимо, такъ какъ почти всѣ онѣ проводятъ цѣлые дни въ неподвижномъ положеніи гдѣ-нибудь на фабрикѣ или въ мастерской. Мѣшая серьезные предметы съ развлеченіями. мы стремимся привлечь ихъ по возможности въ большемъ количествѣ и удерживать здѣсь какъ можно дольше. Во всякомъ случаѣ у насъ онѣ ничему дурному не научатся.

— Какія работницы здѣсь бываютъ и какъ онѣ себя ведутъ?

— Ведутъ онѣ себя вполнѣ прилично. Ссоръ и шума не заводятъ. Можетъ быть, это отчасти зависитъ отъ того, что огромное большинство нашихъ посѣтительницъ окончило начальную городскую школу. Тамъ дѣвочки пріучаются держать себя вообще прилично. Что касается того, какого сорта работницы насъ посѣщаютъ, то надо замѣтить, что здѣсь бываетъ очень разнообразный элементъ. На первомъ мѣстѣ стоятъ фабричныя работницы. Приходятъ сюда съ папиросныхъ фабрикъ, съ бумагопрядильныхъ. Бываетъ также и много портнихъ. Попадается личная прислуга, горничныя, кухарки. Но, къ сожалѣнію, послѣднихъ очень мало. Я говорю къ сожалѣнію, потому что, какъ извѣстно, большинство падшихъ дѣвушекъ вербуется изъ нашей личной прислуги. И это совершенно понятно. Пріѣдетъ молодая деревенская дѣвушка въ Петербургъ. Что она знаетъ? Ну и попадетъ въ просакъ. А тамъ смотришь, ребенокъ и нужда погнали ее на развратъ. Если бы хозяйки побольше вникали въ положеніе своей молодой деревенской прислуги, это случалось бы гораздо рѣже. Было бы очень желательно, чтобы наши воскресныя собранія сдѣлались болѣе извѣстными и хозяйки приняли за правило присылать къ намъ по воскресеньямъ своихъ юныхъ горничныхъ и кухарокъ. Это могло бы предохранить ихъ отъ многихъ соблазновъ и предупредить массу нежелательныхъ случайностей. Вообще, наши воскресныя собранія заслуживаютъ полнаго сочувствія со стороны интеллигентной части общества, которая желаетъ повышенія умственнаго уровня массъ. У насъ здѣсь, въ рождественскомъ отдѣлѣ, бываетъ каждое воскресенье болѣе ста человѣкъ, да на Васильевскомъ Островѣ столько же. Такимъ образомъ, болѣе двухсотъ, а не рѣдко и до трехсотъ молоденькихъ работницъ проводятъ время полезно и не скучно. Многія изъ нихъ здѣсь только и отдыхаютъ отъ своей домашней обстановки, подъ часъ очень неприглядной. Вотъ одна молодая папиросница каждое воскресенье сюда ходитъ. Она аккуратно является къ часу и уходитъ только тогда, когда все бываетъ окончено. Мнѣ какъ-то пришлось съ ней разговориться. Отца у нея нѣтъ Живетъ она съ матерью, которая была прачкой, но нажила же-

стокій ревматизмъ и потеряла способность къ труду. Теперь имъ приходится существовать исключительно на заработокъ этой молоденькой дѣвушки. Она получаетъ на папиросной фабрикѣ 60 к. въ день. Въ мѣсяцъ она заработаетъ рублей пятнадцать. Живутъ онѣ, какъ она сама выразилась, «и не то, что въ подвалѣ, а низенько», занимаютъ уголъ, за который платятъ три съ полтиной. Ихъ квартира и сыровата, и темновата. Надо знать, что такое жизнь въ петербургскихъ углахъ, чтобы вполнѣ понять, какое огромное значеніе имѣютъ наши воскресныя собранія для этой работницы. Вѣдь въ угловыхъ квартирахъ часто ютится всякій сбродъ. Тамъ мы встрѣтимъ и холостого, и женатаго, но живущаго одиноко, встрѣтимъ мужа съ женой вдвоемъ, встрѣтимъ ихъ и съ дѣтьми, встрѣтимъ и незаконное сожительство. При той тѣснотѣ, которая господствуетъ въ петербургскихъ углахъ, неизбѣжная грязь. Сожительство большого числа лицъ, грубыхъ и не развитыхъ, неминуемо влечетъ разныя ссоры и дрязги. Вы здѣсь встрѣтите и пьянство, и развратъ, и буйство. Дѣвушка разсказывала мнѣ, что одинъ разъ въ ихъ квартирѣ подростокъ-сынъ, напившись пьянымъ, принялся колотить свою мать. Насилу его остановили. Послѣ такой житейской обстановки, какимъ раемъ должны казаться порядочной молодой дѣвушкѣ наши воскресныя собранія, гдѣ она не встрѣтитъ ничего подобнаго. Хотя бы и съ танцами и съ играми, но пребываніе здѣсь впродолженіи нѣсколькихъ часовъ каждое воскресенье несомнѣнно должно благотворно отражаться на ея нравственномъ здоровьѣ и поддерживать ея силы для тяжелой жизненной борьбы.

— Ваше общество занимается только устройствомъ воскресныхъ собраній для работницъ? — спросила гостья, на которую слова говорившей произвели довольно глубокое впечатлѣніе.

— Нѣтъ,—отвѣчала дежурная,—оно содержитъ также квартиру, гдѣ устроено общежитіе для работницъ. Къ сожалѣнію, квартирка очень маленькая. Въ ней живетъ всего девятнадцать одинокихъ дѣвушекъ. Тамъ только пять небольшихъ комнатъ, въ каждой помѣщается отъ двухъ до шести кроватей. Плата за нихъ назначена отъ трехъ до пяти рублей въ мѣсяцъ. Тѣсновато тамъ, но и въ такомъ случаѣ помѣщеніе само себя не оплачиваетъ, приходится нести убытокъ. Лѣтомъ нѣсколько кроватей пустовало, но теперь постоянно всѣ заняты. Много находится желающихъ попасть въ наше общежитіе, но, къ сожалѣнію, оно слишкомъ мало и не можетъ удовлетворить большой потребности въ такого рода помѣщеніяхъ. Но квартиры такъ дороги, а средства нашего общества такъ малы, что пока нечего и мечтать о широкомъ развитіи нашей дѣятельности въ этомъ отношеніи. Какимъ ничтожнымъ кажется наше общежитіе въ сравненіи съ тѣмъ, что мы находимъ заграницей! Въ Лондонѣ, напр., подобнаго рода учрежденія существуютъ во многихъ частяхъ города и въ нихъ находитъ пріютъ не одна сотня молодыхъ работницъ. А намъ приходится довольствоваться девятнадцатью, хотя петербургскія квартирныя условія бѣднаго люда гораздо хуже лондонскихъ. Ахъ! если бы у насъ былъ свой собственный домъ! Сколько молодежи можно было бы спасти отъ гибельнаго вліянія петербургскихъ угловъ!

— У васъ въ общежитіи также живутъ фабричныя?

— Нѣтъ. Тамъ главный контингентъ жильцовъ состоитъ изъ портнихъ. Есть и личная прислуга безъ мѣста. Повидимому, для фабричныхъ наше общежитіе оказывается неподходящимъ. Почему? Трудно сказать. Можетъ быть, для нихъ высока плата въ 3—5 рублей, такъ какъ ихъ заработокъ часто не превышаетъ 12—15 рублей въ мѣсяцъ. Хотя нѣкоторые члены нашего общества утверждаютъ, что фабричныя работницы слишкомъ избалованы и распущены, чтобы жить подъ нѣкоторымъ контролемъ и подчиняться извѣстнымъ требованіямъ. У насъ, напримѣръ, запрещено принимать мужчинъ и возвращаться домой поздно ночью. По всей вѣроятности, все это играетъ извѣстную роль.

Устройство общежитія для фабричныхъ работницъ остается пока вопросомъ будущаго. Можетъ быть, со временемъ намъ удастся это сдѣлать.

— Какъ у васъ ведется это дѣло? Кто завѣдуетъ общежитіемъ и наблюдаетъ за поведеніемъ тамъ живущихъ дѣвушекъ? Вѣроятно, вы не оставляете его на произволъ вашихъ квартирантокъ.

— Тамъ живетъ простая женщина въ качествѣ прислуги. Она поддерживаетъ чистоту въ помѣщеніи, мететъ и моетъ полы, стираетъ пыль и наблюдаетъ за порядкомъ. Она же обязана ставить утромъ и вечеромъ самоваръ для жилицъ. Кто хочетъ, тотъ можетъ готовить себѣ обѣдъ въ то время, когда топится плита. Нѣкоторыя жилицы этимъ пользуются. Главное завѣдываніе общежитіемъ находится въ рукахъ одного члена нашего общества, который согласился взять на себя этотъ трудъ. Завѣдующая бываетъ тамъ каждый день и наблюдаетъ, какъ идетъ дѣло. Отъ нея зависитъ выборъ жилицъ. Она получаетъ съ нихъ плату за кровать, ведетъ всѣ расходы и отчетность—вообще, она тамъ главная хозяйка и распорядительница.

— Мы теперь хлопочемъ о разрѣшеніи открыть библіотеку съ выдачей книгъ на домъ,—продолжала дежурная, видя, что гостья слушаетъ ее съ большимъ интересомъ.—До сихъ поръ нашей библіотекой имѣли право пользоваться только тѣ дѣвушки, которыя посѣщаютъ наши воскресныя собранія. Наши книги могутъ читаться только здѣсь. Мы не имѣемъ права давать ихъ на домъ. А между тѣмъ наши посѣтительницы постоянно насъ просятъ объ этомъ. Многія изъ нихъ очень интересуются чтеніемъ. Конечно, пока еще въ самомъ большомъ ходу беллетристика. Но вѣдь всего вдругъ нельзя передѣлать. Постепенно у нихъ разовьется вкусъ. Тогда онѣ будутъ читать и серьезныя книги. Нѣкоторыя приходятъ сюда исключительно для книгъ и проводятъ здѣсь все время, поглощая одну книгу за другой. Въ виду ограниченности нашихъ матеріальныхъ средствъ и каталога, намъ становится трудно удовлетворить подобнаго рода дѣвушекъ. Почти про всякую книгу, предлагаемую нами, онѣ говорятъ: «Я это уже читала. Дайте другую». За послѣднее время нашъ комитетъ нашелъ возможнымъ ассигновать сто рублей на покупку новыхъ книгъ. Но что значатъ эти деньги въ сравненіи съ потребностью въ чтеніи? Если-бы комитетъ могъ удѣлить въ десять разъ больше, то и этихъ денегъ было бы мало. Теперь, пока чтеніе совершается только въ нашихъ воскресныхъ собраніяхъ, мы съ грѣхомъ пополамъ кое-какъ удовлетворяемъ своихъ посѣтительницъ. Да и то часто приходится отказывать за неимѣніемъ второго экземпляра. А что будетъ, когда мы откроемъ библіотеку съ выдачей книгъ на домъ?! Тогда мы окажемся рѣшительно не въ состояніи удовлетворить всѣхъ, если наши средства не увеличатся. Между тѣмъ, народное образованіе составляетъ такую насущную потребность Россіи. И, безъ всякаго сомнѣнія, распространеніе образованія среди женщинъ—его существенная часть. Грамотная мать никогда не оставитъ своего ребенка безграмотнымъ, тогда какъ грамотный отецъ дѣлаетъ это сплошь и рядомъ. Въ этомъ отношеніи наше общество можетъ сослужить хорошую службу народному образованію.

— Ваше общество основано исключительно на филантропіи?—спросила гостья, внимательно слушавшая дежурную.

— Какъ вамъ сказать,—отвѣчала послѣдняя.—Конечно, безъ филантропіи здѣсь не обойдешься. Каждое воскресное собраніе чего-нибудь да стоитъ. Положимъ, помѣщеніе у насъ даровое. Его даетъ намъ инспекторъ народныхъ училищъ. Мы за него ничего не платимъ. Но кромѣ помѣщенія есть еще другіе расходы. Нужно освѣщеніе, прислуга. Все это обходится, приблизительно, рублей пять каждый разъ. Посѣтительницы получаютъ здѣсь чай и кусокъ булки. Но за это онѣ должны платить. Кружка чаю съ сахаромъ стоитъ одну копѣйку. За кусокъ ситнаго берется столько же. При помощи такой маленькой платы

расходы по чаю, приблизительно, окупаются, не считая труда. Завѣдуетъ этимъ одинъ изъ нашихъ членовъ и ведетъ дѣло очень хорошо. Книги здѣсь нужны. Ихъ, конечно, приходится покупать или прибѣгать къ другимъ средствамъ для ихъ пріобрѣтенія. Выдачей ихъ занимаются безплатно. Наше общежитіе требуетъ также ежемѣсячныхъ приплатъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе дороговизны квартиры. Если-бы мы вздумали туда пустить столько жильцовъ, чтобы всѣ расходы окупались, то у насъ было бы черезчуръ тѣсно, въ родѣ того, какъ это бываетъ въ обыкновенныхъ петербургскихъ угловыхъ квартирахъ. Тамъ вѣдь жильцы помѣщаются въ передней, въ кухнѣ, въ корридорѣ. Квартирохозяева стараются заполнить всѣ углы, чтобы не оставаться въ убыткѣ. У насъ же передняя и корридоръ совершенно свободны отъ жильцовъ, а въ кухнѣ помѣщается только прислуга. Значитъ, все-таки есть нѣкоторый просторъ, хотя и не мѣшало бы имѣть его побольше. По настоящему. слѣдовало бы повысить цѣну на кровати и уменьшить ихъ число. Но нѣкоторые члены нашего общества противъ этого. Онѣ утверждаютъ, что платить пять рублей многія дѣвушки, особенно фабричныя, рѣшительно не въ состояніи. «Если бы у насъ были только пятирублевыя кровати,—говорятъ они,—то наше общежитіе было бы недоступно для молодежи, получающей 12—15 рублей въ мѣсяцъ». Но, съ другой стороны, расширеніе нашего общежитія затрудняется тѣмъ, что мы благотворимъ, до извѣстной степени, конечно, а не руководствуемся коммерческими соображеніями. Если бы наше общежитіе, я не говорю уже, доставляло нѣкоторый доходъ, но окупало бы само себя, тогда мы могли бы смѣлѣе расширять нашу дѣятельность и, нанявъ нѣсколько квартиръ, устроить въ нихъ также общежитія. Но разъ приходится приплачивать, то дѣло очень тормозится Кто знаетъ, можетъ быть, если бы мы повысили плату за кровать до такой величины, чтобы общежитіе окупало бы само себя, и увеличили число нашихъ помѣщеній, то это принесло бы гораздо больше пользы, нежели какую приноситъ теперь наше крошечное учрежденіе съ болѣе низкой платой. Тогда мы дали бы пріютъ гораздо большему числу молодыхъ дѣвушекъ. Конечно, это были бы работницы, получающія порядочное вознагражденіе, но вѣдь и онѣ въ большинствѣ случаевъ живутъ въ очень дурныхъ квартирныхъ условіяхъ. Мнѣ кажется, намъ слѣдуетъ сдѣлать попытку такого рода. Оставивъ общежитіе въ томъ видѣ, какъ теперь, съ сравнительно низкой платой за кровати, намъ надо было бы попробовать завести другое и поставить его болѣе выгодно въ матеріальномъ отношеніи. Количество кроватей тамъ должно вполнѣ соотвѣтствовать требованіямъ гигіены по отношенію къ кубическому содержанію воздуха, а плата за кровать—покрывать всѣ расходы. Тогда было бы видно, имѣло бы успѣхъ такого рода предпріятіе и какой контингентъ работницъ въ немъ находилъ бы пріютъ. Если бы такого рода попытка имѣла успѣхъ, то наше дѣло могло бы получить болѣе широкое развитіе, нежели теперь, съ приплатой за общежитіе. Конечно, и въ томъ случаѣ существуетъ нѣкоторый рискъ. Можетъ случиться, что мы не найдемъ достаточнаго числа жилицъ, которыя пожелали бы платить намъ довольно дорого за кровать, положимъ, рублей по пяти, и наше помѣщеніе будетъ наполовину пустовать. Тогда намъ опять пришлось бы приплачивать. Но зато, въ случаѣ успѣха, мы смѣло могли бы развивать наше дѣло и принести гораздо большую пользу. Впрочемъ, и при настоящихъ, сравнительно неблагопріятныхъ, обстоятельствахъ, мы хотимъ нѣсколько расширять нашу дѣятельность и устроить еще маленькое общежитіе на Васильевскомъ Островѣ. Тамъ теперь подыскивается квартира.

— Кромѣ устройства общежитій, воскресныхъ собраній и библіотеки, въ чемъ еще выражается ваша дѣятельность?—спросила гостья.

— Пока еще ни въ чемъ,—отвѣчала дежурная.—Но во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, намъ необходимо ее расширить, если мы желаемъ оказать дѣй-

ствительную помощь работницамъ. Очень часто онѣ впадаютъ въ крайнюю нужду вслѣдствіе потери своего заработка. Вотъ въ нашемъ общежитіи иногда попадаются дѣвушки безъ опредѣленныхъ занятій или безъ всякаго заработка. Конечно, въ концѣ концовъ онѣ находятъ себѣ работу и лица, близко стоящія къ нашему общежитію, по мѣрѣ силъ и возможности, стараются имъ помочь въ этомъ, но это совершается въ очень скромныхъ размѣрахъ. Бываютъ случаи, что работница должна оставаться безъ опредѣленныхъ занятій или совсѣмъ безъ всякаго заработка впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ нашемъ общежитіи былъ такой случай. Довольно искусная портниха вслѣдствіе несчастной случайности потеряла постоянное мѣсто и осталась совершенно безъ всякихъ занятій. Всѣ ея усилія найти постоянный заработокъ оставались тщетными. Ей пришлось проживать свои прежнія маленькія сбереженія, закладывать платье. Иногда члены нашего общества доставляли ей случайный заработокъ. Но это мало облегчало ея тяжелое положеніе. Такъ она перебивалась въ продолженіи почти трехъ мѣсяцевъ. Всѣ ея средства истощились и она находилась почти въ безвыходномъ положеніи, когда, наконецъ, получила постоянное мѣсто. Вотъ въ подобныхъ случаяхъ наше общество могло бы оказать большую пользу, если бы устроило контору для пріисканія занятій. Въ такомъ справочномъ бюро могли бы постоянно встрѣчаться спросъ и предложеніе. Теперь же они часто расходятся другъ съ другомъ. Существуетъ не мало случаевъ, что одинъ ищетъ себѣ прислугу или портниху, а другая—такого же рода занятіе, и они никакъ не могутъ встрѣтиться. Наша контора могла бы устранить подобнаго рода явленія и, кромѣ того, помогла бы намъ познакомиться поближе съ дѣйствительной нуждой и изыскать иные способы, какъ для ея устраненія, такъ и для поднятія нравственнаго уровня простыхъ работницъ. Затѣмъ случаи, подобные вышеупомянутымъ, невольно наталкиваютъ на мысль, что устройство кассы взаимной помощи для работницъ представляется въ высшей степени полезнымъ. Возьмемъ хотя бы эту портниху, о которой я только что говорила. Если бы она участвовала въ предполагаемой кассѣ взаимной помощи, то ей легче было бы пережить безработицу. Тогда у нея были бы нѣкоторые рессурсы, которыми она могла бы пользоваться въ тяжелый періодъ безработицы. Затѣмъ болѣзнь. Въ настоящее время трудъ простыхъ работницъ обставленъ такимъ образомъ, что если она захвораетъ, то лишается заработка и средствъ къ существованію въ самое тяжелое время. Конечно, подобныхъ безпомощныхъ больныхъ обыкновенно помѣщаютъ въ больницу. Но вѣдь по выходѣ оттуда работница далеко не всегда можетъ получить свое прежнее мѣсто или скоро найти себѣ какое-либо занятіе. Кромѣ того, обыкновенно она выходитъ изъ больницы съ далеко не окрѣпшими силами, такъ какъ тамъ мѣста всегда нужны для новыхъ паціентовъ. Вотъ въ подобныхъ случаяхъ касса взаимной помощи могла бы сослужить огромную службу одинокимъ работницамъ. Она спасла бы ихъ отъ очень тяжелаго положенія. Если бы нашему обществу удалось устроить справочную контору для пріисканія занятій и кассу взаимной помощи для работницъ, то тогда мы могли бы оказывать болѣе раціональную помощь одинокимъ молодымъ работницамъ. При помощи такихъ учрежденій можно сдѣлать для нихъ гораздо больше, нежели при посредствѣ разныхъ благотворительныхъ подачекъ. Такимъ образомъ мы ихъ пріучали бы стоять на своихъ ногахъ и разсчитывать исключительно на самихъ себя и свой собственный трудъ. И это самая разумная помощь. Если контора доставитъ мѣсто работницѣ, то послѣдняя избѣгнетъ того угнетающаго и часто унижающаго положенія, въ которое становится человѣкъ нуждающійся и зависящій отъ милости другихъ. Мѣсто даетъ возможность работницѣ жить своимъ трудомъ, что всегда повышаетъ въ человѣкѣ самоуваженіе къ самому себѣ и создаетъ изъ него полезнаго члена общества. Если работница принимаетъ участіе въ кассѣ взаимной помощи, то она привыкаетъ къ бережливости

и учиться заботиться о себѣ не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Это качество имѣетъ огромное значенія для прогресса каждаго народа. Несомнѣнно, безвыходная нужда, заставляющая человѣка падать очень низко въ нравственномъ отношеніи, нерѣдко зависитъ просто отъ непривычки заботиться о себѣ въ будущемъ. Молодая дѣвушка, имѣя порядочный заработокъ, вовсе не думаетъ о томъ, чтобы сберечь часть его про черный день, и беззаботно проживаетъ его весь. Но вотъ пришла безработица. Вслѣдствіе несчастной случайности она потеряла свое мѣсто и очутилась въ очень критическомъ положеніи. Ей приходится такъ тяжело, что она падаетъ духомъ и бросается въ объятія порока. Касса взаимной помощи, гдѣ у нея нашлись бы кое-какія сбереженія, спасла бы ее отъ паденія. Слѣдовательно, подобное учрежденіе служитъ однимъ изъ способовъ предохранять молодыхъ дѣвушекъ отъ вредныхъ условій жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ повышаетъ ихъ нравственный уровень. Вообще, если бы нашему обществу удалось осуществить все то, о чемъ я только что говорила, то его роль въ повышеніи нравственнаго уровня массъ могла бы быть громадна и оно многимъ отличалось бы отъ обыкновеннаго типа благотворительныхъ обществъ, которыя стремятся, по возможности, облегчить стоящую передъ глазами нужду, не заботясь о томъ, чтобы предупредить ее. Конечно, облегчить вопіющую нужду, которая рѣжетъ наши глаза въ настоящую минуту, также необходимо, но лицо, оказывающее подобнаго рода помощь, часто становится въ невозможное положеніе. Бываютъ случаи, что благотворитель не въ состояніи разобрать, обращается къ нему дѣйствительная нужда или обманъ, и оказываетъ помощь второму. Болѣе разумная помощь, идея о которой развивалась выше, исключаетъ подобнаго рода случаи.

Дежурная замолчала. Въ большой комнатѣ, гдѣ занимались кройкой, послышалось передвиженіе столовъ и шумъ.

— Три часа, — замѣтила дежурная, взглянувъ на часы, висѣвшіе передъ ней на стѣнѣ,—урокъ рукодѣлья кончился. Хотите пойти туда посмотрѣть?

Гостья изъявила согласіе. Дежурная, попросивъ сидѣвшую возлѣ нея молодую дѣвушку замѣнить ее на нѣсколько минутъ, подошла съ гостьей къ дверямъ зала. Тамъ служителя поспѣшно убирали большіе столы, на которыхъ совершалась кройка, отодвигали скамейки ближе къ стѣнамъ и подметали соръ. Затѣмъ они поставили каѳедру въ уголъ, гдѣ висѣли иконы.

— У насъ здѣсь каждое воскресенье бываетъ священникъ и говоритъ имъ маленькое поученіе. Онъ обыкновенно бываетъ въ это время. Вотъ онъ уже и пришелъ,—сказала дежурная дама, идя на встрѣчу священнику.

Послѣдній поздоровался съ ней и взошелъ на каѳедру. Возлѣ него столпились посѣтительницы съ явнымъ намѣреніемъ слушать его съ надлежащимъ почтеніемъ и вниманіемъ.

— Пойдемте, я вамъ покажу, гдѣ помѣщается наша библіотека,—шепнула дежурная гостьѣ черезъ нѣсколько минутъ.

Онѣ пришли въ сосѣднюю комнату. Тамъ на скамейкахъ сидѣло нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ и читали книги.

— Развѣ не всѣ ходятъ слушать священника?—спросила гостья, нѣсколько удивленная

— У насъ нѣтъ обязательныхъ занятій,—отвѣчала дежурная.—Кто хочетъ—слушаетъ, кто не хочетъ, того мы не принуждаемъ. Вотъ Лидія Васильевна познакомитъ васъ съ нашей библіотекой, а мнѣ надо идти на свое мѣсто.

Дежурная ушла, а гостья вступила въ разговоръ съ молодой дѣвушкой, которая занималась выдачей книгъ изъ библіотеки. Когда она опять вышла на площадку, тамъ была цѣлая толпа женской молодежи. Священникъ ушелъ и начиналось чаепитіе.

На площадкѣ помѣщался длинный столъ, на которомъ стоялъ сахаръ и

куски ситнаго въ корзинкѣ. Одна изъ дежурныхъ дамъ и прислуга раздавали чай желающимъ. Въ сосѣдней крошечной комнатѣ стоялъ на столѣ огромный кипящій самоваръ. Здѣсь чай наливался въ простыя кружки и затѣмъ на подносѣ выносился на площадку. Тамъ его разбирали посѣтительницы.

— Пожалуйста, мнѣ дайте ситнаго. Вотъ копѣйка,—говорила небольшого роста довольно худенькая дѣвочка въ скромномъ ситцевомъ свѣтломъ платьѣ.

Она уже получила кружку чая и теперь старалась добраться до хлѣба, на который находилось не мало охотницъ. Множество рукъ протягивалось къ дамѣ, занимавшейся раздачей чая.

— Мнѣ булки. Вотъ три копѣйки—надо сдачи,—говорила одна.

— Мнѣ сахару,—просила другая.

— Пожалуйста, не всѣ вмѣстѣ. Я не могу дать всѣмъ сразу, — замѣтила дама, которая терпѣливо удовлетворяла всѣ требованія и давала сдачу.

Большинство рукъ опустилось и дѣвушки начали подходить въ большемъ порядкѣ.

Получивъ кусокъ ситнаго и кружку чая, онѣ отходили отъ стола. Кто шелъ въ большой залъ, кто въ классную комнату. Разсѣвшись тамъ на скамейкахъ по сосѣдству съ своими знакомыми или друзьями, дѣвушки занялись чаепитіемъ, болтая о чемъ пришлось.

— Ты знаешь, почему Лена Николаева перестала сюда ходить? — спрашивала востроносая брюнетка съ живыми, точно угольки, глазами свою подругу.

— Нѣтъ,—отвѣчала та.

— Ей показалось, что здѣсь бываютъ только дѣвочки, которыя любятъ играть. Ей стало стыдно, что она точно маленькая занимается играми. Она и перестала сюда ходить. Такъ она мнѣ сказала. Только я думаю, не по этому. Говорятъ, ее женихъ сватаетъ. Вѣроятно, боится, — не понравится ему, если узнаетъ, что она сюда ходитъ. Мужчины тоже разные бываютъ. Одинъ любитъ, чтобы дѣвушки веселились, а другой на это хмурится. Говорятъ, онъ на металлическомъ заводѣ работаетъ и получаетъ два рубля въ день. Для нея это хорошо.

— Полно тебѣ читать, Соня,—говорила румяная бѣлокурая дѣвушка своей подругѣ, которая, забывъ про свою кружку съ чаемъ, стоявшую возлѣ нея, съ жадностью поглощала страницу за страницей гоголевскихъ «Мертвыхъ душъ».—Ты все еще не начиталась за все это время.

— Мнѣ хочется кончить эту книгу сегодня, — отвѣчала Соня, неохотно отрываясь отъ чтенія.

Перекинувшись нѣсколькими словами съ своей подругой, она опять принялась за книгу.

Напившись чаю, многіе подростки собрались въ большую комнату и начали игру въ кошку и мышку. Кошку изображала маленькая юркая дѣвочка, которая ловко скользила между рукъ, защищавшихъ мышку, и скоро поймала послѣднюю. Ее замѣнила не такая ловкая, которой пришлось довольно долго гоняться за мышкой. Поднялся крикъ, шумъ, раздавался громкій смѣхъ и поощрительные или насмѣшливые возгласы. Многимъ, наконецъ, надоѣла игра и онѣ начали выходить изъ круга. Игра прекратилась. Нѣсколько дѣвушекъ побѣжало внизъ.

Въ первомъ этажѣ, въ классной комнатѣ всѣ окна были закрыты плотными, не пропускающими свѣта занавѣсами. На учительскомъ пюпитрѣ стояла одна свѣча, тускло освѣщавшая комнату средной величины. Двѣ дамы при помощи служителя устававливали волшебный фонарь. Послѣдній былъ пріобрѣтенъ только недавно, на деньги, полученныя съ одного вечера. До сихъ поръ приходилось пользоваться чужимъ. Одна дама разсматривала свѣтовыя картины.

— Вы ихъ гдѣ достали?—спросила она у дамы, занимавшейся установкой фонаря.

— Въ Соляномъ Городкѣ,—отвѣчала послѣдняя.—Много бываетъ возни съ

добываніемъ картинъ. Слѣдовало бы завести свои. Въ Соляной Городокъ обязательно надо идти въ опредѣленные часы, да и не всегда тамъ найдешь картины для чтенія, которое назначено. Приходится добывать ихъ въ другомъ мѣстѣ или назначать иное чтеніе. Безъ своихъ плохо.

Было около пяти часовъ и въ классъ начала собираться публика. Дѣвушки разсаживались на ученическихъ скамейкахъ. Многимъ пришлось стоять. Болтовня молодежи не прекращалась. Нѣкоторыя пришли съ кружкой чая, намѣреваяся выпить его во время чтенія.

— Зачѣмъ вы пришли сюда съ чаемъ? — говорила одна изъ дамъ. — Здѣсь нельзя его пить. Прольете, себя обварите и другихъ.

Дѣвушки дѣлали недовольную мину, но послушно уносили свой чай наверхъ, чтобы тамъ его выпить, а потомъ уже возвратиться назадъ.

Слушать чтеніе съ свѣтовыми картинами собирались почти всѣ посѣтительницы. Нѣкоторыя, не интересуясь имъ, ушли домой. Вообще чтенія съ свѣтовыми картинами пользовались большой популярностью среди молодежи, и охотно ею посѣщались. Этотъ разъ читалось «Голландія и голландцы». Запруды видимо заинтересовали слушательницъ и онѣ съ недоумѣніемъ спрашивали чтицу:

— Въ самомъ дѣлѣ вода тамъ выше, нежели поля и огороды?

Описаніе подвига маленькаго мальчика, предупредившаго наводненіе, вызвало большую сенсацію. Слушательницы съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за нимъ. Когда онъ упалъ безъ чувствъ и все-таки не вынулъ своего пальчика изъ отверстія, черезъ которое сочилась вода, раздались сочувственныя восклицанія. На лицѣ одной совсѣмъ малоденькой дѣвушки, сидѣвшей довольно близко отъ лекторши, былъ написанъ неподдѣльный восторгъ. Ея большіе сѣрые глаза сверкали. Казалось, въ эту минуту она сама хотѣла бы быть на мѣстѣ этого мальчика.

По окончаніи чтенія многія слушательницы окружили лекторшу, забрасывая ее вопросами по поводу прочитаннаго. Она терпѣливо объясняла имъ и отвѣчала, обращаясь то къ одной, то къ другой или ко всѣмъ вмѣстѣ, если затрогивался вопросъ, могущій возбудить общій интересъ.

Значительная часть дѣвушекъ и подростковъ побѣжала опять наверхъ. Это были главнымъ образомъ страстныя любительницы танцевъ. Онѣ знали, что послѣ чтенія обыкновенно бываютъ танцы и убѣжали наверхъ, боясь пропустить хотя одну минуту. Но онѣ напрасно поторопились. Въ залѣ еще никого не было и пьянино, стоявшее около одной стѣны, оказалось запертымъ. Нѣкоторыя не могли утерпѣть и начали кружиться безъ музыки. Двѣ дѣвушки, лѣтъ девятнадцати—двадцати, въ скромныхъ черныхъ шерстяныхъ платьяхъ, сшитыхъ по модѣ, и съ модными прическами, довольно граціозно танцовали венгерку. Два подростка, одна прилично одѣтая, а другая очень плохо, учили другъ друга танцовать польку. Большинство сидѣло на скамейкахъ или стояло около стѣнъ, ожидая, когда начнется музыка. Наконецъ, пьянино было открыто и раздались звуки польки. Тогда одна пара за другой завертѣлись по залу. Большинство посѣтительницъ принимало участіе въ танцахъ, часть осталась стоять около стѣнъ и въ дверяхъ, часть сидѣла на скамейкахъ. Это были дѣвушки, не умѣющія танцовать или не находящія себѣ пары. Полька смѣнилась кадрилью, кадриль—вальсомъ, вальсъ—венгеркой и т. д. Все это шло безъ перерыва одно за другимъ и молодежь все время неутомимо прыгала. Танцовали умѣлыя, танцовали и неумѣлыя. Двѣ дѣвочки, лѣтъ четырнадцати, отплясывали польку подъ звуки вальса и нисколько не смущались, когда имъ замѣчали: «Не такъ танцуете». Въ залѣ становилось душно. Пыль стояла въ воздухѣ. Лица танцующихъ раскраснѣлись, глаза блестѣли удовольствіемъ. Здѣсь царствовало неподдѣльное веселье, не смотря на отсутствіе кавалеровъ. Дѣвушки попеременно исполняли роль кавалеровъ и дамъ и это нисколько не

омрачало ихъ веселаго настроенія. Онѣ танцовали отъ души, до упаду, до тѣхъ поръ пока музыка не замолкла, и готовы были танцовать еще.

Танцы кончились. Раскраснѣвшіяся и разгоряченныя дѣвушки размѣстились отдыхать, гдѣ пришлось. Нѣкоторыя побѣжали на площадку напиться воды. Къ пьянино подошла молодая дѣвушка въ простомъ черномъ платьѣ. Это была консерваторка, обѣщавшая спѣть что-нибудь для работницъ. Когда раздался ея симпатичный голосъ, въ залѣ водворилась полная тишина. Многія дѣвушки начали подходить поближе къ пьянину. Консерваторка пѣла: «Ночевала тучка золотая». Ея голосъ хорошо звучалъ въ большой комнатѣ и среди господствовавшей тишины. Она кончила, а работницы все еще слушали. Рѣдко имъ приходилось слышать такое хорошее пѣніе. Только когда раздались аплодисменты дежурной, онѣ встрепенулись и присоединились къ нимъ, не жалѣя своихъ рукъ. Раздались голоса: «Бисъ! бисъ!» Консерваторка запѣла снова. Она пропѣла нѣсколько номеровъ, все время пользуясь большимъ вниманіемъ и сочувствіемъ. Когда она кончила, на нее посыпалась благодарность со всѣхъ сторонъ. Она на время унесла всѣхъ этихъ бѣдныхъ, а нерѣдко и несчастныхъ работницъ, прочь отъ обычной сѣренькой обстановки и какъ будто показала имъ другой, болѣе счастливый и свѣтлый міръ. У многихъ во время ея пѣнія шевельнулись хорошія чувства и неясное желаніе чего-то лучшаго и болѣе совершеннаго. Вотъ около стѣны стоитъ молодая дѣвушка въ скромномъ платьѣ, съ интеллигентнымъ лицомъ. Она слушала пѣніе, притаивъ дыханіе. Она страстно любитъ музыку и пѣніе. Но до сихъ поръ ей приходилось слышать только грубыя фабричныя пѣсни и гармонику или уличную шарманку. Только начавъ посѣщать воскресныя собранія для работницъ, она поняла, что такое хорошая музыка и пѣніе. Она начала регулярно бывать здѣсь главнымъ образомъ изъ желанія наслаждаться звуками, которые вызывали въ ней самыя разнородныя чувства. Въ танцахъ она совсѣмъ не принимаетъ участія. Чтеніемъ интересуется. Охотно беретъ книги изъ библіотеки и посѣщаетъ чтенія съ свѣтовыми картинами. Но все-таки главная ея страсть—музыка и пѣніе. Хотя они нерѣдко напоминаютъ ей ея неприглядную жизнь: работу на фабрикѣ съ утра до вечера, въ душномъ помѣщеніи, среди грубыхъ товарищей; ея темный и сырой уголъ, гдѣ нерѣдко раздается пьяная брань и происходитъ драка; напоминаютъ про цѣлые годы нужды и труда. Но что за бѣда? Зато по временамъ звуки увлекаютъ ее въ міръ забвенія, гдѣ ей становится свѣтло и радостно. Вотъ эти-то минуты и тянутъ ее сюда. Онѣ оживляютъ ее и здѣсь она черпаетъ новый запасъ энергіи для жизненной борьбы. Жизнь ея такъ не красна, что безъ поддержки трудно устоять противъ всякихъ соблазновъ.

Когда пѣніе кончилось, было уже около семи часовъ вечера. Теперь предстояло чтеніе по ролямъ. Нѣкоторые члены общества взяли на себя трудъ разучить нѣсколько комедій и потомъ прочитать ихъ работницамъ. Такъ какъ за это дѣло взялись умѣлыя лица, то чтеніе всегда отличалось большой живостью и интересовало работницъ. Послѣ пѣнія и танцевъ часть дѣвушекъ разошлась, но очень многія остались, чтобы слышать комедію. Въ это воскресенье была назначена «Женитьба» Гоголя. Многія посѣтительницы успѣли уже познакомиться съ этой комедіей изъ книгъ, но все-таки остались. Обстановка зала нѣсколько измѣнилась. На одномъ концѣ его поставили длинный столъ и стулья для чтицъ, а противъ нихъ—скамейки для слушательницъ. Но такъ какъ мѣстъ не хватало, то многимъ дѣвушкамъ пришлось помѣститься на подоконникахъ или стоять около стѣнъ. Чтеніе шло оживленно. Роли были разучены хорошо и появленіе жениховъ, представляемыхъ дамами, вызвало громкій смѣхъ нетребовательной публики. Комедія слушалась до конца съ неослабѣвающимъ интересомъ. Веселость дѣвушекъ достигла апогея, когда женихъ

выпрыгнулъ изъ окна, спасаясь отъ невѣсты. Чтицы были награждены громкими и дружными аплодисментами.

Этимъ закончилось воскресное собраніе для работницъ. Было около девяти часовъ вечера. Всѣ посѣтительницы начали расходиться. Подойдя къ дежурной дамѣ, сидѣвшей на площадкѣ, онѣ говорили ей свой номеръ и получали билетъ, который онѣ были обязаны приносить сюда каждый разъ, когда приходили. Тихо и угрюмо стало въ пустомъ залѣ, который цѣлыхъ полдня оживлялся присутствіемъ веселой молодежи. Сторожа тушили лампы. Утомленныя дежурныя собирали и запирали различныя вещи. Онѣ ушли и въ помѣщеніи водворилась полная тишина и мракъ.

Женщина-врачъ **М. И. Покровская.**

Выставка картинъ В. М. Васнецова.

(Замѣтка).

В. М. Васнецовъ—художникъ настолько могучій и своеобразный, что каждое новое его произведеніе является происшествіемъ для той части русскаго общества, которая интересуется искусствомъ. Недавно всѣ говорили объ образàхъ В. М. Васнецова въ кіевскомъ соборѣ св. Владиміра *); въ настоящее время общее вниманіе сосредоточено на послѣдней большой его картинѣ «Богатыри: Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ». Онъ трудился надъ нею съ перерывами около пятнадцати лѣтъ. Эта картина была пріобрѣтена еще прошлою осенью въ галлерею Третьякова, но петербургская публика могла увидѣть ее только теперь, на выставкѣ, открывшейся въ зданіи высшаго художественнаго училища въ первыхъ числахъ февраля. Къ «Богатырямъ» Васнецовъ присоединилъ рядъ сказочныхъ композицій (напоминающихъ по замыслу прежнія его картины въ древне-русскомъ вкусѣ—«Коверъ Самолетъ», «Иванъ Царевичъ» и т. д.), пять портретовъ, пейзажъ «Затишье», иллюстраціи карандашемъ къ лермонтовской «Пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ», а также акварельные рисунки длядекорацій и костюмовъ весенней сказки Островскаго «Снѣгурочка» и т. д.

Такимъ образомъ, эта выставка напоминаетъ мастерскую, гдѣ на ряду съ оконченными полотнами находятся бѣглые наброски, давнишніе эскизы, а на ряду съ хорошими вещами — плохія... Во всякомъ случаѣ, мы можемъ только поблагодарить художника за откровенность и не относиться черезчуръ строго къ неудачнымъ образчикамъ его кисти, тѣмъ болѣе, что талантъ иногда легче *разгадывается* именно въ произведеніяхъ менѣе совершенныхъ. Въ нихъ личныя особенности художника, составныя части его творчества становятся доступнѣе для насъ, подобно тому, какъ отдѣльные звуки слышны рѣзче въ диссонансѣ, чѣмъ въ стройномъ аккордѣ. Я имѣю главнымъ образомъ въ виду *портреты* Васнецова. Хотя и въ нихъ есть что то не заурядно-странное, что-то невольно приковывающее вниманіе, но всѣ они, почти безъ исключенія, очень плохи и по письму, и по краскамъ, и, главное, по рисунку. Они написаны однообразно, сухо, по ученически, и въ то же время съ разсчетомъ на картинность, что̀ ясно доказываетъ портретъ (Е. А. П.), изображающій дѣвушку въ короткомъ бѣломъ платьѣ около рояля и какого-то высокаго семисвѣчника, на фонѣ мавританскаго узорнаго ковра... Нѣтъ, Васнецовъ не портретистъ! Тамъ, гдѣ нужно покорно присматриваться къ природѣ, улавливая внѣшнее сходство, тамъ, гдѣ волей-неволей приходится подчинять, ограничивать свое воображеніе,

---

*) См. «Міръ Божій», 1898 г. Мартъ.

художникъ чувствуетъ себя не по себѣ; его рисунокъ дѣлается неувѣреннымъ, почти боязливымъ, и краски теряютъ свою силу. Зато, когда онъ не стѣсненъ рамками дѣйствительности, и передъ нимъ, какъ таинственное сновидѣніе, открывается волшебный міръ, міръ былинной старины или народной вѣры, сколько находчивости и смѣлой красоты въ его ὀбразахъ, какою вѣщею правдой вѣетъ отъ нихъ!

Лучшая, по моему, картина на выставкѣ — «Витязь на распутьи» (написанная въ 1867 году, а потому многимъ уже извѣстная). Илья Муромецъ, верхомъ на бѣломъ конѣ, задумчиво остановился посреди поля и глядитъ, опустивъ поводья, на «горючъ камень», на которомъ видна загадочная надпись:

«Какъ пряму ѣхати—живу не бывати,
Нѣту пути ни проѣжему, ни прохожему, ни пролетному»...

Онъ закованъ въ желѣзные доспѣхи; за спиною — колчанъ, длинное копье въ правой рукѣ и тяжелая палица. А у ногъ его на землѣ лежатъ человѣческій и лошадиный черепа — только вороны кружатъ надъ ними. Знать недавно здѣсь бился нà смерть богатырь! Кругомъ степной просторъ, волнистая даль, покрытая густымъ лиловымъ туманомъ, да небо, залитое блѣдно-желтымъ сіяніемъ заката... Тутъ все (не говоря уже объ одинокой фигурѣ Ильи Муромца, который точно сросся со своимъ конемъ въ ожиданіи) — эти сѣрые камни, разбросаные въ высокой травѣ, эти мертвыя кости, эти узкія, ползучія облака надъ горизонтомъ съ вырѣзами по краямъ и прощальные отсвѣты солнца, скользящіе по поверхности далекихъ озерковъ — все проникнуто одною думой, однимъ настроеніемъ, тихимъ, вѣщимъ... Картина даетъ полное впечатлѣніе дѣйствительности, и вмѣстѣ съ тѣмъ отдаляетъ ее въ какое-то чудесное прошлое...

Нельзя сказать того-же о «Трехъ Богатыряхъ». Меньше цѣльности въ нихъ и простоты, меньше сказочности и правды, однимъ словомъ—меньше поэзіи. Мы поражаемся размѣрами холста, смѣлостью замысла, психологической разработкой типовъ; каждая фигура въ отдѣльности очень интересна и выразительна, а степной пейзажъ съ облачнымъ, вѣтреннымъ небомъ и холмами засѣянными ковылемъ — безукоризненъ... но *общее* картины не содержитъ того художественнаго обаянія, которое покоряетъ зрителя и безотчетно волнуетъ его душу. Глядя на картину, невольно думаешь: какой могучій, дѣйствительно былинный конь у Ильи Муромца! до чего властна и самоувѣренно покойна его посадка! Въ широкой груди его и немного сутулыхъ плечахъ такъ и чуется черноземная, несокрушимая сила. А у Алеши Поповича, какой хитрый блескъ въ глазахъ и какъ удачно подобрана къ нему эта буланая лошадка съ осторожно опущенной головою — и т. д. Можно занять нѣсколько страницъ замѣчаніями, касающимися наблюдательной вдумчивости художника и тонкой отдѣлки деталей; можно долго говорить о мастерствѣ его письма, о поразительномъ разнообразіи тоновъ, о выдержкѣ и разсчетливости въ выборѣ красокъ, но нельзя отрицать того, что, несмотря на свои безспорныя достоинства, картина не вызываетъ въ насъ цѣльнаго настроенія. Въ сущности мы не знаемъ, или, вѣрнѣе, не сознаемъ, съ какою цѣлью съѣхались на поле эти три молодца, выстроенные въ рядъ; мы не чувствуемъ связи между ними: нашъ взглядъ переходитъ съ одного богатыря на другого, и не улавливаетъ общаго аккорда картины. Если Васнецовъ хотѣлъ представить «богатырскій выѣздъ на бой», то это ему не вполнѣ удалось. Въ «Богатыряхъ» слабо выражено ожиданіе боя; каждый изъ нихъ точно выѣхалъ на показъ и занятъ своими мыслями. Такъ, напр., глядя на Добрыню Никитича, трудно рѣшить, обнажаетъ-ли онъ свой мечъ, собираясь встрѣтить врага, или, наоборотъ, спокойно вкладываетъ его въ ножны, и хотя у снѣжно-бѣлаго коня его развѣвается хвостъ и раздуты ноздри, какъ это обыкновенно бываетъ при ржаніи, все-таки зритель не предчувствуетъ грозящей опасности, близкой тревоги... Относительно Добрыни Никитича въ частности лишь ка-

жется, что, не будь его вовсе или находись онъ на второмъ планѣ картины, послѣдняя значительно-бы выиграла. Сама по себѣ его фигура, безспорно, такъ же хороша, какъ остальныя, но я убѣжденъ, что художникъ отчасти сознавалъ его ненужность и долго соображалъ и примѣривалъ, какимъ образомъ лучше его помѣстить.

Чѣмъ же объясняются эти недочеты? Быть можетъ, тѣмъ, что Васнецовъ не столько желалъ изобразить *эпизодъ* изъ сказочнаго древне-русскаго быта, сколько—создать три *эпическихъ портрета*, причемъ, направляя все вниманіе на нравственный обликъ своихъ героевъ, онъ выдержалъ до малѣйшихъ подробностей ихъ типы и придалъ имъ торжественную неподвижность эпоса. Быть можетъ, онъ правъ... Но, съ другой стороны, элементъ сказочный выраженъ въ «Богатыряхъ» съ гораздо меньшимъ вдохновеніемъ, чѣмъ въ упомянутомъ «Витязѣ на распутьи» или въ двухъ другихъ картинахъ выставки «Сиринъ и Алконостъ—птицы пѣсни радости и печали» и «Гамаюнъ—птица вѣщая». Особенно хороша птица печали по мощи производимаго впечатлѣнія, по символичности образа. У нея женская темнокудрая голова, покрытая кокошникомъ, на птичьемъ туловищѣ; вмѣсто рукъ—черныя косматыя крылья съ зеленоватымъ отливомъ, и лапы съ когтями. Ея мертвенно-блѣдное, заплаканное лицо и манитъ насъ, и отталкиваетъ своею болѣзненною красотою, и какимъ чудеснымъ дополненіемъ къ нему кажутся эти мрачныя крылья и когтистыя лапы! Да, передъ нами «пѣсня печали», неутѣшная, страстная, жестокая пѣсня! Миѳическій образъ «Птицы радости» менѣе удаченъ. Выраженіе ея лица—не естественное и въ сущности далеко не веселое. Въ ея улыбкѣ тоже что-то напряженное, больное. Не сдѣлалъ ли такъ художникъ намѣренно? Вѣдь и въ самыхъ веселыхъ звукахъ нашей народной пѣсни всегда таится грусть.

Остановимся еще на томъ, съ какою заботливостью выбираетъ Васнецовъ *краски* для передачи различныхъ настроеній. У него краски сами по себѣ становятся иногда символичными, такъ же, какъ у нѣкоторыхъ поэтовъ — отдѣльные звуки словъ, что весьма характерно для современнаго искусства. Теперь художники, тяготѣя къ мистицизму, начинаютъ все одухотворять, даже цвѣтъ. Я укажу хотя бы на свѣтло-пунцовый фонъ позади «Алконоста», грустный, какъ небо въ часъ заката, и переходящій за птицей-Сириномъ въ радостный, золотистый блескъ утренняго солнца. (Подобный же символизмъ красокъ содержали и фрески Васнецова во владимірскомъ соборѣ). Что касается «Гамаюна», или птицы вѣщей, то она составляетъ очень неожиданное и странное впечатлѣніе. Это уже образъ чисто индивидуальный съ ногъ до головы, образъ, не поддающійся анализу, загадка...

Упомянемъ еще вкратцѣ о другихъ произведеніяхъ выставки. Пейзажъ «Затишье»—прекрасенъ. Густая, лѣтняя зелень, сонныя деревья надъ прудомъ, лебеди, отраженные въ водѣ, низкій берегъ съ одинокой женской фигурой, голубая дымка воздуха—все это дышитъ лѣнивымъ покоемъ русской усадьбы и напоминаетъ намъ описанія Тургенева... Акварели Васнецова для «Снѣгурочки» представляютъ громадный археологическій и бытовой интересъ. До него никто и не воображалъ себѣ такихъ костюмовъ и архитектурныхъ вымысловъ (напр. «Палата царя Берендея», «Мизгирь—торговый гость», «Скоморохи и Бобылиха»). Отдѣльные типы дѣйствующихъ лицъ задуманы въ высшей степени живописно и притомъ съ большимъ юморомъ.

Вообще, можно сказать, что русская сказка, нашедшая давнымъ-давно своихъ поэтовъ, нашла наконецъ въ лицѣ Васнецова своего художника.

С. Маковскій.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Голодъ среди переселенцевъ. «Сибирская жизнь» описываетъ тяжелое положеніе западной степной части Каинскаго округа, гдѣ наиболѣе пострадали отъ голода 25 переселенческихъ поселковъ.

Мѣстность эта представляетъ «степную, лишенную проточныхъ водъ, равнину, значительная часть которой занята солонцами. До проведенія желѣзной дороги, лѣтъ 7—8 назадъ, чинамъ переселенческаго отряда не приходила въ голову мысль о возможности образованія въ этой мѣстности переселенческихъ участковъ, но желѣзная дорога и увеличившееся движеніе переселенцевъ создали потребность въ заселеніи этой еще такъ недавно пустынной мѣстности. Общее экономическое положеніе образовавшихся въ этой мѣстности 15 поселковъ, населеніе которыхъ составляетъ 2.529 семей изъ 15.765 чел. об. п., еще весьма не прочно, тѣмъ болѣе, что 409 семействъ изъ нихъ, т. е. около $^1/_6$ части, водворились лишь въ минувшемъ 1898 году. Такъ, изъ числа всѣхъ 2.529 сем. 60 не имѣютъ никакого скота, 161 семья не имѣетъ лошадей, 98 сем. не сѣяли никакого хлѣба, 1.686 семей не сѣяли ржи, 83 семьи не сѣяли пшеницы и 773 семьи не сѣяли овса. Непрочность хозяйственнаго домоустройства дала возможность приготовить для посѣва и засѣять лишь незначительное пространство полей. Недостатокъ живаго и мертваго инвентаря (лошадей, земледѣльческихъ орудій и проч.) и хорошихъ сѣмянъ у переселенцевъ несомнѣнно былъ причиной худшаго урожая хлѣбовъ въ указанныхъ 25 поселкахъ, чѣмъ въ окружающихъ старожильческихъ селеніяхъ, помимо засухи. Изъ такого урожая жители этихъ поселковъ не могли и думать заготовить сѣмянъ для посѣва будущей весной, такъ какъ собраннаго количества хлѣба врядъ ли достанетъ для продовольствія, а при плохомъ качествѣ зерна оно и не могло быть пригоднымъ для посѣва. Къ счастью, на это обращено было вниманіе, на пріобрѣтеніе сѣмянъ отпущена необходимая сумма и закупка уже производится. На удовлетвореніе продовольственныхъ нуждъ частью уже выдано, а частью обѣщано выдать денежное пособіе. Такимъ образомъ, можно надѣяться, что жители означенныхъ 25 поселковъ острой нужды не испытываютъ, а весною будутъ имѣть возможность засѣять свои поля».

Положеніе ремесленныхъ учениковъ въ Москвѣ. Одно изъ московскихъ городскихъ попечительствъ, Пречистенское, предприняло въ прошломъ году изслѣдованіе ремесленныхъ мастерскихъ въ своемъ участкѣ, съ цѣлью выяснить условія быта и труда, такъ называемыхъ «учениковъ» этихъ заведеній.

Въ районѣ Пречистенскаго попечительства находится всего 241 ремесленныхъ заведеній, но, по справедливому замѣчанію московской газеты «Курьеръ», откуда мы и заимствуемъ наши свѣдѣнія, «полученныя ими данныя могутъ считаться типическими для всѣхъ районовъ Москвы». Изслѣдованіе произведено

по особо выработаннымъ, совмѣстно съ статистическимъ отдѣленіемъ городской управы, переписнымъ бланкамъ двоякой формы: особые бланки для описанія заведеній и личныя карты для каждаго ученика въ отдѣльности.

Результаты изслѣдованія оказались очень любопытными, и мы, въ краткихъ чертахъ, познакомимъ съ ними нашихъ читателей. Прежде всего бросается въ глаза значительный процентъ дѣтей и подростковъ, занятыхъ въ ремесленныхъ мастерскихъ: «изъ числа 1.662 человѣкъ, занятыхъ въ приведенномъ числѣ мастерскихъ, на долю мастеровъ и подмастерій приходится 970 чел., а на долю учениковъ—697 чел. Огромный процентъ послѣднихъ (91,6%) оказывается живущими у хозяевъ и только 8,4%—приходящими. Этотъ фактъ чрезвычайно важенъ, если принять во вниманіе тѣсноту занимаемыхъ мастерскими помѣщеній (340 комнатъ на 241 мастерскую и 91,4 куб. метра объема въ среднемъ на каждую). Согласно требованіямъ гигіены, каждому человѣку необходимо располагать 25 куб. метрами воздуха при идеальной вентиляціи, т.-е. при обмѣнѣ воздуха 3 раза въ часъ. Качество воздуха мастерскихъ станетъ яснымъ, если мы скажемъ, что въ этихъ заведеніяхъ приходится на каждаго рабочаго въ среднемъ только 20,2 куб. метра, падающихъ до 10,7 у сапожниковъ и до 10,3 у переплетчиковъ. При такомъ-то количествѣ воздуха на каждую мастерскую приходится въ среднемъ менѣе одной форточки, а въ частности 37 заведеній вовсе не имѣютъ таковыхъ, и притомъ такія мастерскія, какъ сапожныя (16 изъ 44). Лишены мастерскія и свѣта, особенно въ подвальныхъ этажахъ (24,6% мастерскихъ помѣщаются въ подвальныхъ и полуподвальныхъ квартирахъ—особенно часто сапожныя (16), малярныя (6 изъ 9) и паяльныя, слесарныя и водопроводныя), гдѣ попадаются даже случаи искусственнаго освѣщенія днемъ. Отопленіе въ 47,2% мастерскихъ производится голландскими, въ 41,2%—русскими печами, въ 7,4%—желѣзными, но встрѣчаются примѣры согрѣванія помѣщенія каминомъ, плитой для варки клея и даже маленькимъ горномъ (4 слесарни)».

«Курьеръ» приводитъ описаніе нѣкоторыхъ мастерскихъ, которыя краснорѣчивѣе всякихъ цифръ. Вотъ для образца описаніе слесарнаго заведенія, характеризующее санитарное состояніе мастерской: «Мастерская помѣщается въ полуподвальномъ этажѣ, не отапливается, существуетъ только небольшой горнъ, отъ котораго постоянно распространяется угаръ; поэтому приходится отворять окна, вслѣдствіе чего температура въ мастерской, и безъ того не высокая, сильно понижается, такъ что въ зимнее время разница между температурой на улицѣ и въ мастерской не велика; черезъ имѣющіяся два небольшія окна свѣту входитъ недостаточно, поэтому необходимо искусственное освѣщеніе; полъ земляной, посыпанъ пескомъ, сырость неизбѣжна». И въ такихъ-то помѣщеніяхъ (замѣчаетъ отчетъ) приходится не только работать, но и ѣсть и даже спать. Ѣдятъ ученики въ 46% описанныхъ мастерскихъ, а спятъ въ 56,2% всѣхъ мастерскихъ; особенно часто встрѣчается это у мужскихъ портныхъ, у сапожниковъ и у столяровъ. Спятъ ученики на тѣхъ же верстакахъ и столахъ, на которыхъ днемъ работаютъ. Въ другихъ случаяхъ спятъ въ комнатахъ хозяина, въ кухнѣ, корридорѣ, подъ лѣстницей и т. п. Не лучше положеніе тѣхъ учениковъ, которые спятъ въ отдѣльныхъ спальняхъ; таковыя имѣются только въ 72 заведеніяхъ. Здѣсь среднее количество воздуха составляетъ 13,3 куб. метра, опускающееся по отдѣльнымъ родамъ заведеній до 7 куб. метровъ, у полотеровъ до 3,4 к. м., а у прачекъ даже до 2,6 куб. метра на человѣка, причемъ 21 спальня вовсе не имѣетъ форточекъ, 18% спаленъ не имѣетъ даже оконъ. «Спальни» описываются такимъ образомъ: «Спальня учениковъ отдѣлена отъ мастерской перегородкой только до половины, ученики спятъ на нарахъ и на скамейкахъ, постель страшно грязная и на первый взглядъ представляетъ кучки лохмотьевъ; воздухъ пропитанъ промозглой сыростью» (въ мастерской вмѣсто

печи горнъ). «Спальня, гдѣ ночуютъ 2 мальчика, представляетъ небольшую темную, страшно сырую каморку. Со стѣны струится вода. Спятъ на нарахъ, отстоящихъ на 1 аршинъ отъ земли. Подстилки незамѣтно. Валяется тамъ какое-то отрепье». «Помѣщеніе—сырое, напоминающее погребъ, съ удушливой, несмотря на часто отворяемую дверь, атмосферой, отъ производящихся тутъ работъ (заведеніо лудильное). На полу лужи. Ученики спятъ тутъ же на нарахъ, съ соломенными грязными матрацами, прикрываясь собственнымъ своимъ верхнимъ платьемъ, очевидно, не раздѣваясь».

Относительно продолжительности рабочаго дня сообщается, что въ среднемъ «число рабочихъ часовъ въ сутки для мастерскихъ всѣхъ спеціальностей равняется 13½, а за вычетомъ всѣхъ перерывовъ—11,7 часовъ чистой работы. Въ частности, у полотеровъ эта средняя понижается до 8,6 чистой работы, а въ заведеніяхъ бондарныхъ, рамочныхъ и токарныхъ повышается до 12,9 ч. чистой работы. По отдѣльнымъ заведеніямъ (напр., въ одной булочной) ученики работаютъ, не считая перерывовъ, по семнадцати часовъ въ сутки, причемъ въ булочныхъ вообще допускается для малолѣтнихъ ночная работа; у прачекъ и сапожниковъ весьма нерѣдко встрѣтить чистую работу въ 14—14½ часовъ въ сутки».

Что касается до степени образованія, то «грамотность учениковъ значительно выше грамотности хозяевъ: грамотныхъ учениковъ—80,7%, а хозяевъ только 25,8%. Однако, описанныя условія жизни учениковъ не могутъ содѣйствовать поддержанію грамотности: въ 11 случаяхъ среди нихъ обнаруженъ рецидивъ безграмотности».

Принимая во вниманіе всѣ эти данныя, рисующія поистинѣ ужасное положеніе малолѣтнихъ ремесленныхъ учениковъ, нельзя удивляться тому, что они постоянно пополняютъ собою ряды «малолѣтнихъ преступниковъ» и всѣ исправительные пріюты переполнены ими.

На астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ. Московскій журналъ «Знамя», обращаетъ вниманіе читающей публики на положеніе рабочихъ на астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ. «Давно уже указывалось на необходимость законодательнаго упорядоченія положенія дѣлъ на астраханскихъ промыслахъ», говоритъ астраханскій корреспондентъ этого журнала. «Принципъ государственнаго вмѣшательства, такъ или иначе осуществленный въ сферѣ обрабатывающей промышленности, совсѣмъ еще не проникъ въ темное царство астраханской рыбопромышленности, а между тѣмъ нигдѣ такъ не сказывается необходимость государственнаго воздѣйствія. Разсчитывать на свободную инициативу, во всякомъ случаѣ, не приходится. Съ одной стороны мы видимъ группу хозяевъ и хозяйчиковъ, которые, что естественно и понятно, заняты преслѣдованіемъ только своихъ интересовъ; съ другой стороны, передъ вами темная и безсознательная масса, постигающая значеніе принимаемыхъ ею на себя обязательствъ (иногда прямо чудовищныхъ) только въ камерѣ судьи. Этотъ сумбуръ отношеній, ясное дѣло, невозможенъ.

«Трудящаяся масса должна быть поставлена въ болѣе правильное отношеніе къ производству. Этого требуютъ какъ интересы лицъ, трудящихся на рыбныхъ промыслахъ, такъ и интересы самого промысла, такъ какъ очевидно, что пока будутъ возможны такіе фантастическіе рабочіе контракты, какъ нижеприводимый, не можетъ быть и рѣчи объ упорядоченіи производства и устраненія хищничества, составляющаго бичъ нашей рыбопромышленности».

Вотъ что сообщаетъ астраханскій корреспондентъ «Знамени»:

«3 сентября 1897 г., временный купецъ уѣзднаго городка К., Астраханской губ., г. Ш., подалъ к—ому исправнику жалобу на своихъ работницъ, которыя внезапно прекратили работы, удалились съ промысла и временно оста-

новились въ К., намѣреваясь вскорѣ отправиться на родину, въ сосѣдній уѣздъ. При этомъ г. Ш. просилъ напомнить рабочимъ тѣ пункты ихъ договора согласно которымъ они обязаны возвратить взятыя ими въ задатокъ деньги и лишаются, въ видѣ штрафа, всего заработаннаго ими. Спрошенныя работницы заявили, что никакого договора онѣ не заключали, и содержатся ли въ немъ условія, на которыя имъ указываютъ, онѣ не знаютъ. Такъ какъ возникало обвиненіе въ подлогѣ контракта, пришлось потребовать его. Вотъ точная копія:

«1897 г. іюля 10 дня. Мы нижеподписавшіяся крестьянки Астраханской губ., Е—скаго у., Н—ой волости и села и к—ій временный купецъ А. Н. Ш. заключили настоящее условіе въ томъ, что мы, крестьянки, числомъ 35 чел., нижепоименованныя въ спискѣ, нанялись къ нему, Ш., на его собственный рыболовный промыселъ, подъ названіемъ «К—ъ» для производства промысловыхъ работъ въ теченіе всей осенней путины сего 1897 года на слѣдующихъ условіяхъ:

«1. Срокъ нашей работы на вышесказанномъ промыслѣ долженъ быть съ 1 августа и по 1 января с. г.; цѣною мы договорились получать отъ него, Ш., на каждую женщину по 7 руб. 50 к., т. е. по 22 р. 50 к. за весь вышесказанный срокъ.

«2. Всѣ мы должны повиноваться и производить работу по приказанію его, Ш., или его служащихъ безпрекословно; въ случаѣ, если кто-либо изъ насъ пожелаетъ уйти съ промысла раньше 1 ноября, безъ дозволенія, то это лицо лишается всего заслуженнаго имъ жалованья, но если же Ш. найдетъ нужнымъ разсчитать кого-либо изъ насъ и уволить съ промысла, то онъ, Ш., имѣетъ на это полное право.

«3. Рѣзать обязана каждая изъ насъ ежедневно 1.200 рыбъ; если же сверхъ этого будетъ нарѣзано рыбы, то онъ, Ш. платитъ намъ за каждую, сверхъ вырѣзанную тысячу рыбъ по 40 коп.

«4. Работать мы обязаны *съ ранняго утра до двѣнадцати часовъ ночи;* если кто-либо изъ насъ во время работы не послушается приказа хозяина или его служащихъ, то въ первый разъ подвергается штрафу въ размѣрѣ 50 коп., а во 2-й разъ—до одного рубля; за каждый прохворный день—въ размѣрѣ слѣдуемой платы.

«5. Въ случаѣ, не дай Богъ, могущаго произойти несчастія съ кѣмъ-либо изъ насъ на промыслѣ, *то онъ, Ш., отвѣчать за это не долженъ.*

«6. Положеніе полагается каждой изъ насъ слѣдующее: по 2 ф. чернаго хлѣба, по 1 ф. калача каждый день, по 1/2 ф. чаю русскаго и по 2 ф. сахару въ мѣсяцъ, рыбы для варки на свое продовольствіе мы должны брать мелкой и съ дозволенія на то плотового приказчика.

«7. Въ задатокъ при заключеніи сего условія каждая изъ насъ получаетъ по 3 руб., въ случаѣ, если кто-либо изъ насъ, получивъ задатокъ, не явится въ назначенное время на работу, то, кромѣ немедленнаго возврата задатка, платитъ еще штрафъ, въ размѣрѣ 5 рублей. Печать волостного правленія, подписи старшины и писаря».

Вслѣдствіе обвиненія Ш. въ подлогѣ договора, допрошены были рабочія. Подтвердивъ прежнее заявленіе, онѣ такъ объяснили причину своего бѣгства съ промысла: «хлѣба давали мало, всего по 2 фунта. Ушли всѣ онѣ съ работы потому, что Ш. съ ранняго утра до 12 час. ночи заставляетъ работать, не давая отдыха. Возвращаться на работы къ Ш. не желаютъ».

Затѣмъ оказалось, что договоръ отъ имени г. Ш. заключенъ его приказчикомъ, который показалъ, между прочимъ, что при чтеніи условія въ волостномъ правленіи, условія, заключеннаго якобы 36 женщинами, налицо находилось послѣднихъ лишь 12 человѣкъ. Допрошены были всѣ женщины, отъ имени которыхъ былъ подписанъ контрактъ; при этомъ многія изъ нихъ заявили, что

онѣ дали свое согласіе на заключеніе договора въ то время, когда получали у себя на квартирѣ задатокъ отъ подрядчицы; иныя заявили, что онѣ слышали чтеніе договора и согласились на его условія вполнѣ сознательно. Одна мать говорила, что она «отпустила дочь свою на работу, не зная условія, полагаясь на подрядчицу, что обыкновенно и практикуется при наймахъ на ватаги».

Нѣкая Ѳедосья Р. показала, «что задатка она не получала и въ волостномъ правленіи при заключеніи условія не была», такъ какъ находилась въ то время на покосѣ. «Задатокъ за нее и сестру ея Олимпіаду получила ихъ мать. Прочитали ли въ волости матери условіе, этого она не знаетъ и расписываться за себя въ этомъ условіи никого не просила». Мать этихъ злополучныхъ дѣвушекъ Татьяна Р. признавалась, что она получила задатокъ за себя и дочерей, слышала чтеніе договора и просила расписаться за себя и дочерей.

«Такъ какъ возникла мысль о преступленіи по должности со стороны волостныхъ старшины и писаря, то дѣло поступило на разсмотрѣніе подлежащаго земскаго начальника, который, *констатировавъ, какъ несомнѣнный*, тотъ фактъ, что 13 изъ женщинъ, за которыхъ былъ заключенъ договоръ, *не участвовали въ его составленіи* и не заявляли согласія на тѣ условія, которыя оказались обозначенными въ контрактѣ, не нашелъ, однако, возможнымъ возбуждать уголовное преслѣдованіе, признавъ достаточнымъ оправданіемъ ихъ дѣйствій спѣшность, съ какой заключался договоръ».

Въ сибирской тайгѣ. Въ pendant къ только что приведенному «контракту», заключенному астраханскимъ рыбопромышленникомъ со своими работницами, приведемъ образцы контрактовъ, заключаемыхъ въ южной сибирской тайгѣ на золотыхъ пріискахъ, пользуясь письмомъ инженера Н. Г. въ «Сибирской жизни», перепечатанномъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ».

Контрактъ, о которомъ идетъ рѣчь, не писанный, а печатный, что указываетъ на то, что это — общая форма контрактовъ, по крайней мѣрѣ для всѣхъ пріисковъ южной тайги.

Статья третья контракта гласитъ: «Работы по назначенію управленія или служащихъ, мы, нанявшіеся, обязуемся производить ежедневно, не смотря ни на какую погоду и время года, съ 4-хъ утра и до 8 час. вечера, полагая на завтракъ, обѣдъ и на ужинъ столько времени, чтобы дѣйствительное число рабочихъ часовъ въ день при односмѣнной работѣ было не менѣе 11½ часовъ, причемъ время на завтракъ, обѣдъ и на ужинъ назначается управленіемъ». Законъ 2-го Іюня 1897 года установляетъ maximum продолжительности рабочаго дня въ 11½ часовъ, въ приведенной же статьѣ разсматриваемаго контракта этотъ maximum какими-то неисповѣдимыми путями сдѣланъ minimum'омъ. «*Не менѣе* 11½ часовъ» должна продолжаться работа, гласитъ этотъ любопытный документъ. «Да не опечатка-ли это», невольно приходитъ на умъ. Но нѣтъ, при болѣе внимательномъ анализѣ этого пункта, эта обмолвка становится болѣе понятной. Рабочіе «*обязуются производить работы ежедневно, несмотря ни на какую погоду и время года, съ 4-хъ часовъ утра и до 8 час. вечера*». Всякій, мало-мальски знакомый съ работами на пріискахъ, знаетъ, что на «завтракъ, обѣдъ и на ужинъ» полагается около 2 часовъ; такимъ образомъ, продолжительность работъ, за вычетомъ 2 часовъ на обѣдъ и проч., по контракту—14 часовъ! Это по контракту, а если не стѣсняются печатать такія цифры, то можно себѣ представить, что дѣлается на самихъ пріискахъ, лишенныхъ всякаго безпристрастнаго надзора. И, дѣйствительно, сплошь и рядомъ рабочихъ будятъ въ три часа утра и заставляютъ работать часовъ до 9—10 вечера: это достигается непомѣрно большими «уроками», несмотря на то, что практикующаяся вездѣ поурочная система работъ явно

противорѣчитъ основному смыслу закона 2 іюня 1897 года, требующаго безъ всякихъ оговорокъ $11^{1}/_{2}$ часовъ работы въ день.

Воскресеній у рабочихъ-пріискателей нѣтъ; въ четвертомъ пунктѣ читаемъ, между прочимъ: «съ 1 апрѣля и по 1 октября каждый изъ насъ имѣетъ право пользоваться отдыхомъ два дня каждый мѣсяцъ по очереди и въ назначенные управленіемъ дни, кромѣ находящихся при постоянныхъ должностяхъ, какъ-то: при уходѣ за лошадьми и скотомъ, караульные и т. д.». Такимъ образомъ рабочіе «имѣютъ право» пользоваться отдыхомъ два дня каждый мѣсяцъ, но даже и это маленькое «право» сильно редуцируется однимъ, чрезвычайно характернымъ для золотопромышленниковъ, примѣчаніемъ въ восьмомъ пунктѣ контракта. Этотъ пунктъ устанавливаетъ заработную плату рабочихъ и кончается заявленіемъ рабочихъ, что «мы», молъ, получаемъ столько-то рублей въ мѣсяцъ, «считая полное число дней каждаго мѣсяца. За всѣ льготные дни мы платы не получаемъ». Имѣть, слѣдовательно, послѣ 2-хъ-недѣльной упорной работы день отдыха считается «льготой», и рабочій, рѣшившійся воспользоваться своимъ проблематическимъ «правомъ», теряетъ плату за два дня въ мѣсяцъ. Неужели это гдѣ-либо видано, чтобы у рабочаго вычитывали изъ жалованья за дни отдыха, на которые онъ имѣетъ безусловно право по закону? Законъ 2 іюня обезпечилъ празднованіе воскресеній, къ сожалѣнію, только рабочимъ фабрикъ и механическихъ заводовъ, а между тѣмъ, рабочіе золотыхъ промысловъ тоже чрезвычайно нуждаются въ уменьшеніи интерваловъ постоянной работы: вѣдь работа пріискателя одна изъ самыхъ изнурительныхъ и тяжелыхъ!

Двѣнадцатый пунктъ такой: «во все время нахожденія на промыслахъ мы, нанявшіеся, должны вести себя честно, и не пьянствовать, въ карты и другія азартныя игры не играть, ссоръ и дракъ не затѣвать, отъ работъ назначенныхъ не уклонятся, задаваемые уроки вырабатывать, съ промысловъ NN даже и въ свободное отъ работъ время самовольно не отлучаться и постороннихъ къ себѣ безъ разрѣшенія управленія не принимать, быть въ полномъ повиновеніи управленію и служащимъ его не грубить, въ противномъ же случаѣ управленіе имѣетъ право штрафовать насъ по тому же табелю съ запискою въ разсчетныя наши книжки для отработки, какъ и за каждый самовольный прогульный день. Отнюдь не заниматься никакою торговлею, а тѣмъ болѣе спиртными напитками подъ страхомъ законной отвѣтственности». Рабочіе, слѣдовательно, обязываются «вырабатывать задаваемые уроки даже и въ свободное отъ работъ время», т. е., и послѣ 8 час. вечера, очевидно.

Нечего и говорить, что компанія выговариваетъ себѣ право увольнять рабочихъ, «которые терпимы быть не могутъ на промыслахъ, по разнымъ причинамъ», ранѣе срока, указаннаго въ контрактѣ; рабочіе же ранѣе этого срока «требовать увольненія отъ работъ или оставить таковыя» не могутъ.

Чтобы обезпечить себѣ торговую монополію на промыслахъ, компанія устанавляетъ такой пунктъ: «требовать выдачи намъ денегъ въ срединѣ операціи отъ управленія мы не имѣемъ права и всю слѣдующую намъ додачу получаемъ единовременно на другой день срока сему контракту въ день общаго разсчета» (пунктъ 18).

Не лишенъ интереса и пятый пунктъ контракта: «если бы управленію промыслами для пользы дѣйствій промысловъ, встрѣтилась надобность вести работы днемъ и ночью—мы, нанявшіеся, отказываться не имѣемъ права, придерживаясь узаконеннаго продолженія времени ночныхъ рабочихъ часовъ въ сутки. Въ случаѣ надобности управленію NN, оно можетъ переводить насъ во всякое время съ одного пріиска на другой, разрабатываемый въ томъ же горномъ округѣ». Здѣсь многозначительно умалчивается о томъ, что законъ 2 іюня установилъ продолжительность ночныхъ работъ въ 10 часовъ; переводъ

же рабочихъ «во всякое время съ одного пріиска на другой» явно противорѣчитъ правиламъ о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы, утвержденнымъ 20 февраля 1895 г.

Цѣны на рабочія руки контрактомъ назначаются слѣдующія: со дня поступленія по 1 мая: забойщикамъ по восемнадцати рублей, а возчикамъ и другимъ рабочимъ по пятнадцати рублей въ мѣсяцъ и съ 1 мая по 1 ноября: забойщикамъ по двадцати восьми рублей, возчикамъ и другимъ рабочимъ по двадцать два рубля въ мѣсяцъ, конечно, рабочіе должны сами содержать себя, т.-е., покупать провизію въ пріисковыхъ лавкахъ, держать своего кашевара, хлѣбопечку и проч. Есть и оговорка: «Если же мы, нанявшіеся, будемъ находиться на готовомъ содержаніи отъ управленія пріисками, то получаемъ плату по 1 мая: забойщикамъ по десяти рублей, возчикамъ и при другихъ работахъ по восьми рублей въ мѣсяцъ, а съ 1 мая по 1 ноября: забойщикамъ по двадцати рублей, возчикамъ и при другихъ работахъ по восемнадцати рублей; галечникамъ, ефельщикамъ и отвальнымъ по пятнадцати рублей въ мѣсяцъ, считая полное число дней каждаго мѣсяца. За всѣ льготные дни мы платы не получаемъ».

Земляныя работы «для обоюднаго удобства», оказывается, «должны производиться урочно». Объ этомъ повѣствуется въ 14 пунктѣ слѣдующее: «для обоюднаго удобства въ земляныхъ работахъ, онѣ должны производиться урочно, уроки задаваемой работы должны мы вырабатывать ежедневно и не вправѣ самовольно прекратить и уйти съ нихъ, пока таковые не будутъ приняты смотрителемъ работъ. За невыработку уроковъ управленіе имѣетъ право дѣлать вычетъ изъ нашего заработка, какъ указано въ правилахъ, согласно 52 ст. о наймѣ рабочихъ».

Въ заключеніе г. Н. Г. высказываетъ тоже пожеланіе, какое было высказано корреспондентомъ «Знамени» относительно рыбныхъ промысловъ, а именно, чтобы «исполнительныя и законодательныя власти обратили должное вниманіе на всѣ эти нарушенія законовъ золотопромышленниками, вошедшія у нихъ уже въ обыкновеніе, благодаря отсутствію на промыслахъ фабричныхъ инспекторовъ».

Духоборы въ Канадѣ. Въ виду особаго интереса, представляемаго переселеніемъ 10.000 русскихъ сектантовъ въ Канаду, перепечатываемъ корреспонденцію «Сына Отечества» о прибытіи ихъ въ Америку.

«На-дняхъ,—говоритъ корреспондентъ «Сына Отеч.»,—мнѣ пришлось встрѣтиться въ Лондонѣ съ однимъ изъ членовъ квакерскаго комитета, организованнаго для помощи духоборамъ, переселяющимся въ Канаду. Онъ сообщилъ мнѣ о прибытіи въ Канаду первой партіи духоборовъ и снабдилъ меня нѣкоторыми любопытными свѣдѣніями и вырѣзками изъ канадскихъ газетъ, описывающихъ прибытіе духоборовъ въ Канаду. Такъ какъ переселеніе почти 10.000 человѣкъ въ Америку представляетъ, кажется, первый случай въ исторіи Россіи, я думаю, читателямъ будетъ не безъинтересно узнать о томъ впечатлѣніи, какое произвели наши крестьяне-сектанты на заатлантическихъ нашихъ друзей.

«Вотъ что пишетъ по этому поводу корреспондентъ канадскаго «Herald»:

«Лица, получившія разрѣшеніе отправиться на шлюпкѣ въ карантинъ для встрѣчи парохода «Lake Huron», привезшаго духоборцевъ, были свидѣтелями сцены, которую трудно позабыть. Духоборы, столпившіеся на верхней палубѣ парохода, съ напряженнымъ любопытствомъ глядѣли на приближавшуюся шлюпку. Едва ли кому-либо изъ нихъ приходилось раньше встрѣчаться съ иностранцами, и потому понятно, что они должны были съ извѣстнымъ любопытствомъ присматриваться къ новому для нихъ народу, съ которымъ они рѣшили соединить свою судьбу. Когда шлюпка приблизилась къ пароходу, надъ волнами Атлантики пронеслись мощные звуки пѣсни: духоборы пѣли благодарственный псаломъ,

производившій впечатлѣніе могущественнаго хора, поющаго «Тебѣ Бога хвалимъ», но разобрать слова псалма могли, конечно, лишь лица, знакомыя съ русскимъ языкомъ. Одинъ изъ переводчиковъ сообщилъ намъ, что псаломъ начинается словами: «Богъ съ нами и Онъ сохранитъ насъ»; нельзя не признать, что слова псалма вполнѣ соотвѣтствовали счастливому окончанію долгаго путешествія, въ особенности если принять во вниманіе, что пароходамъ гораздо лучшей конструкціи, чѣмъ «Lake Huron», пришлось не мало вытерпѣть отъ бурь, бушевавшихъ въ это время на Атлантикѣ.

«Зрѣлище, дѣйствительно, было очень живописное. Вода, блиставшая подъ яркими лучами солнца, была гладка, какъ зеркало, и двѣ тысячи духоборовъ, столпившихся на палубѣ, производили впечатлѣніе компаніи людей, выѣхавшихъ на прогулку. Переселенцы были хорошо и тепло одѣты. Мужчины и мальчики были одѣты въ полушубки и шапки изъ козьяго мѣха, а женщины—въ юбки ярко-краснаго или голубого цвѣта, тяжелые жакеты и цвѣтные головные платки. Когда буксирная шлюпка съ правительственными, желѣзнодорожными и пароходными чиновниками, представителями прессы и пр. приблизилась къ пароходной лѣсенкѣ, духоборы съ любопытствомъ слѣдили за всѣмъ происходившимъ. Пѣніе все время не смолкало.

«Не доходя до парохода, м-ръ Вольфъ (мѣстный пароходный агентъ) окликнулъ капитана «Lake Huron»: «Все ли благополучно?»

«— Все въ порядкѣ!—донесся до насъ отвѣтъ съ капитанскаго мостика, и вскорѣ затѣмъ санитарный чиновникъ далъ разрѣшеніе взойти на пароходъ. Всѣ наперерывъ бросились къ сходнямъ. Санитарный чиновникъ заявилъ, что могутъ взойти лишь м-ръ Смартъ (помощникъ канадскаго министра внутреннихъ дѣлъ) съ его штабомъ и русскій переводчикъ, но вскорѣ на пароходъ разными путями проникли сначала представители прессы, а вслѣдъ за ними и другіе посѣтители.

«Духоборы служили предметомъ общаго любопытства и возбудили общее восхищеніе. Они выглядятъ очень хорошо; особенно бросаются въ глаза ихъ честныя лица и могучее тѣлосложеніе. Даже дѣти, которыхъ масса, самыхъ разнообразныхъ возрастовъ, начиная съ грудныхъ младенцевъ, представляютъ настоящее олицетвореніе здоровья. Вообще, молодежь преобладаетъ. Общее вниманіе обратилъ на себя одинъ старикъ, съ длинной, сѣдой бородой. Онъ былъ дѣятеленъ, какъ юноша, и счастливъ, какъ женихъ, несмотря на свои 85 лѣтъ. Другимъ лицомъ, привлекавшимъ вниманіе, была молодая женщина, сильно рознившаяся по типу и наружному виду отъ другихъ женщинъ. Изъ разспросовъ выяснилось, что она была женщина-врачъ, добровольно сопровождавшая духоборовъ, изъ желанія быть имъ полезной во время ихъ тяжелаго путешествія.

«Представитель американскихъ квакеровъ, м-ръ Элькертонъ, вскорѣ былъ окруженъ духоборами. Онъ предложилъ имъ вознесть благодарственную молитву и призвалъ благословеніе Божіе на грядущую судьбу переселенцевъ.

«Вслѣдъ затѣмъ къ духоборамъ обратился съ привѣтственной рѣчью м-ръ Бульмеръ, представитель канадскихъ рабочихъ обществъ, сказавшій, между прочимъ: «Я провелъ на пароходѣ лишь нѣсколько минутъ, но я видѣлъ достаточно, чтобы убѣдиться, что наше правительство не сдѣлало ошибки, пригласивъ васъ поселиться въ Канадѣ. Вы принадлежите къ одной изъ тѣхъ великихъ сѣверыхъ расъ, въ которыхъ такъ нуждается наша страна; между этими расами русскіе отличаются своими способностями къ промышленной самоорганизаціи и артельной жизни, и могутъ, въ этомъ отношеніи, дать урокъ даже такой передовой странѣ, какъ Канада». Въ заключеніе своей рѣчи, переведенной духоборамъ однимъ изъ русскихъ переводчиковъ, м-ръ Бульмеръ пожелалъ переселенцамъ, отъ имени канадскихъ рабочихъ, счастья и процвѣтанія въ ихъ новомъ Отечествѣ.

«Капитанъ Ивэнсъ сошелъ со своего мостика и охотно отвѣчалъ на массу посыпавшихся на него вопросовъ, относительно условій путешествія. Онъ разсказалъ, что погода благопріятствовала путешествію, начиная отъ Батума вплоть до Гибралтара, но что во время перехода черезъ Атлантическій океанъ пришлось выдержать бурные дни. Въ эти дни тяжелыя волны нерѣдко перекатывались черезъ борта парохода и однажды даже вышибли дверь одного изъ нижнихъ пароходныхъ помѣщеній. Этимъ, впрочемъ, и ограничились всѣ поврежденія, нанесенныя пароходу бурями.

«Завѣдывающій пароходнымъ хозяйствомъ, м-ръ Джонстонъ, отозвался съ большой похвалой о духоборахъ, какъ объ очень хорошо ведущихъ себя пассажирахъ, что представляетъ почти небывалое явленіе на эмигрантскихъ пароходахъ. Во время пути было десять смертныхъ случаевъ: умерло трое стариковъ и семеро дѣтей; причиной смерти, во всѣхъ случаяхъ, было истощеніе. Погребеніе умершихъ, нашедшихъ послѣднее упокоеніе въ безграничныхъ глубинахъ Атлантическаго океана, было, по словамъ м-ра Джонстона, печальнымъ и потрясающимъ зрѣлищемъ.

«Но переселенцамъ пришлось быть на пароходѣ свидѣтелями не только такихъ печальныхъ событій. Въ одинъ изъ особенно мрачныхъ дней, когда на морѣ свирѣпствовала буря, вздымавшая вокругъ парохода цѣлыя водяныя горы и безпрестанно окачивавшая его волнами, когда вѣтеръ пѣлъ похоронную пѣсню надъ одной изъ безвременно скончавшихся малютокъ, въ это самое время на свѣтъ появилась первая духоборка, родившаяся подъ сѣнью британскаго флага. Счастливые родители родившейся дѣвочки дали ей имя *Канады*. Во время пути, кромѣ того, было заключено шесть браковъ.

«За все время путешествія не было замѣчено заразительныхъ болѣзней, за исключеніемъ одного легкаго случая кори, которой заболѣлъ ребенокъ. Онъ немедленно, вмѣстѣ со своими родителями, былъ отдѣленъ отъ прочихъ, и имъ придется отбыть карантинъ въ Галифаксѣ.

«Пароходъ «Lake Huron» пробылъ въ пути 28 дней: 13 дней отъ Батума до Гибралтара и 16—отъ Гибралтара до Галифакса».

Воспоминанія А. В. Щепкиной. Въ «Руск. Вѣдом.» помѣщены воспоминанія г-жи Щепкиной объ Огаревѣ и Тургеневѣ. Объ Огаревѣ она пишетъ слѣдующее:

«Наружность Огарева была пріятна; онъ былъ средняго роста, съ крупной красивой головой, съ которой спускались каштановые волосы. На овальномъ лицѣ его особенно выдавался большой лобъ, нависшій надъ сѣрыми глазами. Взглядъ его былъ тогда спокойный и разсѣянный, на лицѣ виденъ былъ отпечатокъ усталости и апатіи. Въ то время жизнь, казалось, вновь расцвѣтала для него, но онъ многое пережилъ въ прошломъ. Глядя на него, невольно вспоминалось его стихотвореніе «Ночной сторожъ» и эти строфы:

Грустно, радость измѣнила,
Грустно одному,
Пѣснь его звучитъ уныло
Сквозь метель и тьму...

«Огаревъ никогда не былъ хорошимъ хозяиномъ въ своихъ большихъ имѣніяхъ, но и никогда не тѣснилъ своихъ крестьянъ. Въ имѣніяхъ его крестьяне жили очень зажиточно. Посѣтивъ однажды избу одного богатаго крестьянина, который занимался торговыми дѣлами, Огаревъ нашелъ въ домѣ его книги и фортепіано. Друзья Огарева разсказывали намъ, что Огаревъ освободилъ отъ крѣпостной зависимости одно большое имѣніе безъ выгоды для себя. Уѣхавъ за границу, Огаревъ раздѣлялъ занятія Герцена по его изданіямъ. Организмъ его былъ надломленъ, и онъ страдалъ припадками эпилепсіи, которая окончательно

надорвала его силы, какъ говорили всѣ видѣвшіе его въ послѣдніе годы его жизни.

«По отъѣздѣ изъ Россіи Огарева и Герцена, о нихъ въ кружкѣ друзей часто получали вѣсти черезъ посѣщавшихъ или встрѣчавшихъ ихъ заграницею путешественниковъ».

«Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ былъ счастливо поставленъ судьбою въ томъ отношеніи, что встрѣтилъ цѣнителей своего таланта. Подъ вліяніемъ Бѣлинскаго талантъ его быстро достигъ своего развитія. Въ юности Тургеневъ провелъ, какъ извѣстно, нѣсколько лѣтъ заграницею, слушалъ лекціи въ германскихъ университетахъ, много читалъ. Его знанія рѣдко проглядывали въ его разговорахъ, какъ будто онъ берегъ себя, берегъ свои лучшія мысли и чувства для своихъ произведеній, берегъ и свою плавную рѣчь. Въ близкихъ кружкахъ онъ не былъ многорѣчивъ; говорилъ очень просто; впадая въ шутливый тонъ, онъ самъ смѣялся своимъ шуткамъ.

«Тургеневъ владѣлъ большимъ имѣніемъ въ Орловской губерніи, но въ сороковыхъ годахъ это имѣніе принадлежало еще его матери, а И. С. жилъ въ Петербургѣ и часто оставался безъ денегъ, особенно когда съ матерью вышла у нихъ размолвка. Тургеневъ былъ высокаго роста, довольно полонъ; при его сильной фигурѣ удивлялъ его голосъ, негромкій и очень мягкій; такой голосъ не соотвѣтствовалъ его громадности. При первой встрѣчѣ Тургеневъ казался сдержанъ, мягокъ въ движеніяхъ, ходилъ медленно и казался серьезенъ или задумчивъ.

«Въ Москвѣ онъ бывалъ часто, проѣзжая въ деревню изъ Петербурга. Онъ былъ близокъ съ Кетчеромъ, который легко со всѣми входилъ въ интимныя отношенія. Еще въ Германіи Тургеневъ знакомъ былъ съ Грановскимъ, бывалъ у него и въ Москвѣ, хотя особой короткости между ними не замѣчалось. Всегда бывалъ Тургеневъ у М. С. Щепкина, котораго любилъ и уважалъ, бывалъ онъ и у насъ, т. е., у Н. М. Щепкина. Онъ появлялся иногда неожиданно поутру или вечеромъ или когда слышалъ отъ кого-нибудь, что у насъ назначалось чтеніе новой пьесы Островскаго или Писемскаго и читали ихъ сами авторы, по приглашенію М. С. Щепкина. Случалось, что Тургеневъ заѣзжалъ къ намъ съ общими знакомыми кружка на обѣдъ. Такъ, онъ обѣдалъ у насъ по поводу пріѣзда въ Москву Тютчевыхъ, очень любимыхъ въ средѣ москвичей. Тютчевъ, Николай Николаевичъ, служилъ въ Петербургѣ, и Тургеневъ былъ давно и долго знакомъ съ нимъ и его семействомъ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Тургеневъ производилъ иногда непріятное впечатлѣніе на тѣхъ, кто не зналъ его близко, и проявлялъ нѣкоторыя странности въ обществѣ. Кетчеръ объяснялъ это ранней избалованностью Тургенева въ домѣ его матушки и вообще въ провинціи. Такъ, если Тургеневъ не расположенъ былъ говорить, онъ способенъ былъ провести у кого-нибудь нѣсколько часовъ молча, что очень затрудняло хозяйку дома, онъ смотрѣлъ тогда апатично, не поддерживалъ разговора и отвѣчалъ односложными словами. Анненковъ объяснялъ это тѣмъ, что и въ обществѣ Тургеневъ обдумывалъ свои повѣсти и располагалъ въ нихъ сцены. На объясненіе Анненкова, повидимому, можно положиться. Но странности появлялись у Тергенева и при веселомъ настроеніи и тогда уже походили на шалость. Такъ, однажды вечеромъ у насъ въ домѣ онъ долго сидѣлъ молча. Низко нагнувшись, свѣсивъ голову, онъ долго разбиралъ руками свои густые волосы и вдругъ, приподнявъ голову, спросилъ: «Случалось вамъ лѣтомъ видѣть въ кадкѣ съ водою на солнцѣ какихъ-то паучковъ? Странныхъ такихъ?..» Онъ долго описывалъ форму этихъ паучковъ и потомъ замолкъ. Отвѣта онъ не ждалъ, его и не послѣдовало. Всѣ потомъ часто вспоминали эту забавную выходку. Я припоминаю всѣ эти мелочи, чтобы выяснить, почему многіе находили Тургенева страннымъ. Въ своемъ имѣніи, въ

селѣ Спасскомъ, гдѣ онъ проводилъ лѣто, пріѣзжая туда изъ Парижа, Тургеневъ являлся очень радушнымъ хозяиномъ. Онъ былъ всегда способенъ и на доброе дѣло. Ал. Мих. Щепкинъ разсказывалъ въ примѣръ того, какое впечатлѣніе Тургеневъ производилъ и въ поздніе его годы, что одна сосѣдка его, красавица, хотя и лѣтъ тридцати, сама предложила Тургеневу свою руку. Но Тургеневъ отнесся къ ея предложенію очень сдержанно и отклонилъ его. Хотя раньше Иванъ Сергѣевичъ и мечталъ о побѣдахъ надъ женщинами и пробовалъ завязывать легкія романическія отношенія, но онъ былъ способенъ и къ продолжительной привязанности, оставаясь вѣрнымъ ей всю жизнь, казалось даже, что это было его point d'honneur».

Изъ прошлаго. Въ ярославской газетѣ «Сѣверной край» помѣщены интересныя воспоминанія Е. И. Якушкина о декабристѣ Батеньковѣ. Г. С. Батеньковъ родился въ Тобольскѣ, въ 1793 году. По окончаніи образованія во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, онъ поступилъ прапорщикомъ въ одну изъ батарей дѣйствующей арміи и участвовалъ въ походахъ 1812—1815 годовъ. По возвращеніи арміи въ Россію, Батеньковъ выдержалъ экзаменъ на званіе инженера и уѣхалъ на службу въ Томскъ. Здѣсь въ 1819 г. Сперанскій, ревизовавшій сибирскія учрежденія, его замѣтилъ и оцѣнилъ его способности. Онъ пригласилъ его къ себѣ на службу въ Иркутскъ, гдѣ Батеньковъ и состоялъ при генералъ-губернаторѣ Сперанскомъ до самаго отъѣзда послѣдняго въ Петербургъ, въ 1821 г. Во время своей службы въ Иркутскѣ онъ выполнялъ самыя разнообразныя порученія. Онъ укрѣплялъ берега Ангары, изслѣдовалъ путь вокругъ Байкала, собиралъ статистическія свѣдѣнія о Сибири, составилъ и напечаталъ въ Иркутскѣ учебникъ геометріи для ланкастерскихъ школъ, написалъ проектъ устава о ссыльныхъ и принималъ самое близкое участіе въ работахъ Сперанскаго по преобразованію сибирскихъ учрежденій. Блестящія способности Батенькова, неутомимость его въ работѣ, основательность его трудовъ и, можетъ быть, всего болѣе одинаковость нравственныхъ понятій сблизили съ нимъ Сперанскаго. Между молодымъ инженеромъ и сибирскимъ генералъ-губернаторомъ установилась такая тѣсная связь, что Батеньковъ, по возвращеніи его въ Петербургъ въ 1821 г., поселился у Сперанскаго и при помощи послѣдняго былъ назначенъ производителемъ дѣлъ въ сибирскомъ комитетѣ и членомъ совѣта военныхъ поселеній. Вниманіе, оказываемое Батенькову всесильнымъ въ то время гр. Аракчеевымъ, обѣщало ему блестящую служебную карьеру.

Въ концѣ 1825 года онъ принужденъ былъ однако оставить службу въ совѣтѣ военныхъ поселеній, а въ послѣднихъ числахъ декабря этого года былъ арестованъ, обвиненъ въ заговорѣ противъ правительства и приговоренъ къ 20-тилѣтней каторжной работѣ. Изъ «Донесенія слѣдственной коммиссіи» видно, что хотя онъ и не былъ членомъ тайнаго общества, но сблизился со многими изъ заговорщиковъ, высказывалъ полное сочувствіе ихъ планамъ и ободрялъ ихъ къ дѣйствію. Батеньковъ не былъ сосланъ въ Сибирь въ каторжную работу. Онъ былъ отвезенъ въ фортъ Свартгольмъ, находившійся на Аландскихъ островахъ, затѣмъ обратно привезенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и пробылъ 20 лѣтъ въ одиночномъ заключеніи. Пребываніе Батенькова въ крѣпости г. Якушкинъ описываетъ въ такихъ чертахъ.

«Камера Алексѣевскаго равелина, въ которой содержался Батеньковъ, была 10 аршинъ въ длину и 6 аршинъ въ ширину, при 4-хъ-аршинной высотѣ. Стражѣ было запрещено говорить съ заключеннымъ. Ежедневно, утромъ и вечеромъ, въ опредѣленные часы, въ камеру входилъ офицеръ навѣдаться о здоровьѣ арестанта и спросить, не надо ли ему чего; но офицеръ этотъ не вступалъ ни въ какіе разговоры и не отвѣчалъ ни на какіе вопросы. Первое время Батеньковъ находился безвыходно въ запертой камерѣ. Въ этой же ка-

мерѣ его лѣчили, когда онъ былъ боленъ; въ нее же Великимъ постомъ приходилъ священникъ исповѣдывать и пріобщать Св. Тайнъ заключеннаго. Такой порядокъ содержанія въ крѣпости, какъ узаконенный, соблюдался строго, по во всемъ остальномъ къ заключенному относились крайне внимательно. Батеньковъ мнѣ разсказывалъ, что когда онъ убѣдился, что его не скоро освободятъ, то, желая сохранить здоровье, страдавшее уже отъ недостатка движенія, онъ отказался отъ мясной пищи. Ему стали тогда подавать очень хорошій обѣдъ безъ мясныхъ блюдъ, нерѣдко приносили ему любимые имъ фрукты, а иногда и конфекты; по его просьбѣ, давали ему также легкое французское вино или рейнвейнъ. Во время болѣзни уходъ за нимъ былъ очень внимательный. Лѣтомъ въ хорошую погоду заключеннаго выводили подъ карауломъ на нѣкоторое время въ садикъ Алексѣевскаго равелина. Здѣсь Батеньковъ посадилъ однажды зерно изъ съѣденнаго имъ яблока и къ концу заключенія могъ уже отдыхать подъ тѣнью яблони, выросшей изъ этого зерна. По прошествіи первыхъ трехъ лѣтъ заключенія въ крѣпости Батенькову было дозволено прохаживаться по корридору, прилегающему къ дверямъ его камеры и постоянно охраняемому часовыми. Ему давали и книги, но исключительно набожнаго содержанія. По его просьбѣ, ему принесли Библію на нѣсколькихъ языкахъ; изученіе ея не только историческое, но и филологическое было его постояннымъ занятіемъ въ крѣпости. Языковъ еврейскаго, греческаго и латинскаго онъ ранѣе совершенно не зналъ, но черезъ сличеніе текстовъ полиглоттной библіи онъ наконецъ дошелъ до того, что свободно читалъ ее на этихъ языкахъ. Есть указаніе, что онъ занимался въ крѣпости математикой, но занятіе это могло состоять только въ умственномъ рѣшеніи математическихъ задачъ, такъ какъ у него не было ни бумаги, ни чернилъ. Въ продолженіе долгаго заключенія были минуты, когда умственныя занятія не въ состояніи уже были успокоить расшатавшіеся нервы. По словамъ Батенькова, иногда черезъ два, иногда черезъ три года онъ требовалъ бумаги и чернилъ, чтобы написать письмо Государю. Онъ мнѣ подробно разсказывалъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ писемъ. Они состояли изъ общихъ разсужденій о правительствѣ. Вслѣдъ за отдачей каждаго письма содержаніе Батенькова въ крѣпости дѣлалось болѣе строгимъ и затѣмъ мало-по-малу опять смягчалось. Въ февралѣ 1846 года Батеньковъ былъ по Высочайшему повелѣнію отправленъ изъ крѣпости на поселеніе въ г. Томскъ. Въ первый день по прибытіи въ этотъ городъ Батеньковъ былъ очень озабоченъ пріисканіемъ квартиры, такъ какъ домовладѣльцы опасались имѣть у себя такого ссыльнаго постояльца, но на другой же день Н. И. Лучшевъ самъ предложилъ ему переѣхать къ нему въ домъ. Въ семьѣ Лучшевыхъ Батеньковъ прожилъ въ полномъ спокойствіи 10 лѣтъ, до самаго выѣзда его изъ Сибири; семья эта сдѣлалась какъ бы его родной семьей».

Столь продолжительное заключеніе въ тюрьмѣ не могло, конечно, пройти безслѣдно для Батенькова. Спустя 7 лѣтъ послѣ освобожденія, онъ, по разсказамъ автора воспоминаній, не могъ хладнокровно видѣть затворенныхъ въ комнатѣ дверей и, когда по возвращеніи изъ ссылки останавливался въ Москвѣ, то никогда не затворялъ на ночь дверей своей спальни.

Далѣе г. Якушкинъ разсказываетъ:

«Вслѣдствіе долговременной отвычки отъ разговора, употребляемыя Батеньковымъ выраженія иногда были недостаточно ясны, хотя общій смыслъ ихъ былъ всегда понятенъ. Онъ часто задумывался, и его лицо сохраняло почти суровое выраженіе, хотя въ сущности онъ былъ человѣкъ очень добрый. На умственныя способности Батенькова крѣпость не имѣла никакого вліянія: онъ былъ человѣкъ замѣчательно умный, и въ его интересныхъ разсказахъ характеры знакомыхъ ему лицъ обрисовывались имъ необыкновенно тонко. Въ обществѣ онъ избѣгалъ обсужденія политическихъ вопросовъ, но когда мы оставались вдвоемъ, онъ свободно высказывалъ мнѣ свои убѣжденія, ничѣмъ не стѣс-

няясь. Разговоръ мой съ нимъ нерѣдко касался его отношеній къ Сперанскому. Онъ всегда говорилъ о немъ съ глубокимъ чувствомъ любви».

Умеръ Батеньковъ въ Калугѣ въ 1863 году.

Къ замѣткѣ «Ртутное дѣло въ Бахмутѣ». (См. январь 1899 г., «На родинѣ»). По поводу перепечатанной нами изъ «Нов. Времени» замѣтки о санитарномъ состояніи ртутнаго дѣла въ Бахмутѣ, мы получили заявленіе отъ г. директора правленія общества «Ртутное дѣло А. Ауэрбахъ и К°», въ которомъ, указывая на помѣщенное въ №№ 8.186 и 8.188 «Нов. Времени» опроверженіе свое на корреспонденцію г. Карпова, г. директоръ отмѣчаетъ, съ одной стороны, односторонность и подборъ фактовъ, послужившихъ основою для обвиненія дирекціи въ антисанитарномъ состояніи завода и работъ въ шахтахъ, и, съ другой, отнюдь не *оффиціальный*, а *частный* характеръ корреспонденціи г. Карпова, что въ значительной степени, по мнѣнію г. директора, должно вліять на довѣріе къ содержанію этой корреспонденціи. Въ то же время, не отрицая извѣстныхъ печальныхъ сторонъ въ работѣ съ такимъ опаснымъ для здоровья матеріаломъ, какъ ртуть, г. директоръ указываетъ на общее заключеніе правительственной коммиссіи, дѣлавшей изслѣдованіе ртутнаго дѣла въ Бахмутѣ, которая результаты произведеннаго ею осмотра рабочихъ нашла «весьма утѣшительными», какъ она выражается на стр. 8 своего протокола.

Письмо въ редакцію.

Милостивый государь, господинъ редакторъ!

Въ декабрьской книжкѣ за прошлый 1898 годъ редактируемаго вами журнала, въ статьѣ: «1891 годъ» г. Красноперова, между прочимъ сказано: «Никакихъ другихъ оффиціальныхъ или частныхъ комитетовъ, (кромѣ епархіальнаго), для помощи крестьянамъ (въ Самарѣ въ 1891 году) не существовало» (стр. 50-я). Это утвержденіе не совсѣмъ вѣрно. Въ голодный 1891 годъ въ Самарѣ былъ организованъ комитетъ частнаго кружка для прокормленія малолѣтнихъ дѣтей голодающихъ крестьянъ Самарской губерніи,—хотя, правда, печаталъ онъ тогда свои отчеты, по независящимъ отъ него причинамъ, отъ одного лица—врача П. П. Крылова. Изъ напечатаннаго тогда, при семъ прилагаемаго, отчета этого кружка, между прочимъ, видно, что ему удалось, благодаря довѣрію и сочувствію обширнаго круга частныхъ лицъ, а также учрежденныхъ тогда Особаго Комитета Наслѣдника Цесаревича и Комитета Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны, организовать помощь дѣтямъ въ 24 селеніяхъ и прокормить болѣе 3-хъ тысячъ дѣтей, выдать свыше 400 тысячъ дѣтскихъ обѣдовъ, не считая пособія матерямъ, кормящимъ грудью. Возобновивъ свою дѣятельность и нынѣ, Комитетъ кружка въ воззваніяхъ къ обществу о пожертвованіяхъ, между прочимъ, упоминалъ и о своей дѣятельности 1891 года. Такимъ образомъ, вышеприведенное утвержденіе г. Красноперова объ отсутствіи въ г. Самарѣ въ томъ году какого-либо частнаго комитета, можетъ вызвать по меньшей мѣрѣ, недоразумѣніе, для устраненія котораго я и рѣшился покорнѣйше просить васъ помѣстить въ редактируемомъ вами уважаемомъ журналѣ настоящее письмо.

Къ этому считаю долгомъ добавить, что въ настоящее время для оказанія помощи крестьянскимъ дѣтямъ, принужденнымъ раздѣлять горькую участь своихъ родителей—питаться однимъ хлѣбомъ и притомъ часто хлѣбомъ изъ лебеды или желудей съ ничтожною примѣсью ржаной муки, комитетъ Самарскаго частнаго кружка, благодаря довѣрію и горячему сочувствію общества

имѣетъ въ своемъ расворяженіи уже болѣе 60 тысячъ рублей и открылъ на эти средства дѣтскія столовыя въ 40 селеніяхъ Бугульминскаго, Ставропольскаго и Самарскаго уѣздовъ на 8 тысячъ дѣтей, обезпечивъ ихъ продовольствіемъ до новаго урожая.

Но, къ сожалѣнію, эта помощь едва ли удовлетворяетъ и одну пятую часть дѣтей крестьянъ въ наиболѣе пострадавшихъ мѣстностяхъ Самарской губерніи. А съ теченіемъ зимы у крестьянъ и послѣдніе запасы даже разныхъ суррогатовъ хлѣба истощаются и тяжелыя страданія обездоленныхъ дѣтей растутъ... Страшно не только наблюдать самому жизнь крестьянъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ полнаго неурожая хлѣбовъ и травъ, въ особенности жизнь татаръ и башкиръ, но даже слышать разсказы очевидцевъ о ихъ положеніи. Проѣзжая голодныя селенія въ особенности въ безконечно длинные зимніе вечера, испытываешь какое-то тяжелое, щемящее чувство: въ жалкихъ сырыхъ и холодныхъ лачугахъ и землянкахъ, гдѣ жмутся другъ къ другу въ темныхъ углахъ голодные, нигдѣ не видно свѣта, такъ какъ, при отсутствіи даже хлѣба, о керосинѣ нечего и думать, вездѣ царитъ мертвая гнетущая тишина, не нарушаемая даже лаемъ собакъ, которыя уже давно отъ голода всѣ околѣли,... вездѣ мракъ, холодъ и страшный призракъ голодной смерти...

Помощь добрыхъ людей, широкая помощь крайне необходима!

Пожертвованія для прокормленія дѣтей голодающихъ крестьянъ Самарской губерніи можно направлять въ Самару казначею кружка, управляющему отдѣленіемъ торгово-промышленнаго банка Александру Семеновичу *Медвѣдеву*.

Членъ комитетъ кружка инженеръ *Н. Чумаковъ*.

Самара, 25 января 1899 г.

За границей.

Интеллигентный пролетаріатъ въ Индіи и національное движеніе. Одинъ изъ французскихъ журналистовъ, посѣтившій недавно Индію, разсказываетъ, что на пароходѣ изъ Суэца въ Бомбей онъ присутствовалъ при горячемъ спорѣ: молодой человѣкъ изъ племени сикковъ, изъ Лагора, обращенный въ христіанство и сдѣлавшійся пресвитеріанскимъ миссіонеромъ, доказывалъ нѣсколькимъ англійскимъ чиновникамъ, что британскій режимъ несправедливъ по отношенію къ туземцамъ. Сикка поддерживалъ мадрасскій уроженецъ, сдѣлавшійся баптистскимъ миссіонеромъ, и браминъ, возвращавшійся изъ Европы, гдѣ онъ получилъ ученую степень доктора правъ. Чиновники оспаривали слова индусовъ, но не опровергали приводимыхъ ими доказательствъ, а только смягчали ихъ значеніе. Такимъ образомъ, и тутъ, на палубѣ парохода, столкнулись два міра, антагонизмъ которыхъ рѣзко выражается во всѣхъ центрахъ Индіи: вверху англійскій чиновный гражданскій и военный міръ, обладающій всѣми привилегіями и вполнѣ обезпеченный хорошимъ содержаніемъ и пенсіей, внизу—туземная интеллигенція, часто обремененная многочисленной семьей, нуждающаяся, требующая равныхъ правъ съ европейцами на основаніи равнаго образованія и равнаго труда; этотъ вѣчный антагонизмъ, существующій между двумя образованными классами Индіи, туземнымъ и пришлымъ, представляетъ одну изъ наиболѣе выдающихся чертъ современной жизни Индостана.

Туземцы Индіи, къ какой бы сектѣ они ни принадлежали и каково бы ни было ихъ соціальное положеніе, съ одинаковымъ рвеніемъ стремятся къ высшему образованію. Чтобы достигнуть его, они часто готовы терпѣть всевозможныя лишенія и работать до полнаго изнеможенія силъ. Въ Бомбеѣ можно видѣть молодыхъ индусовъ, читающихъ при свѣтѣ фонарей на набережной, потому что

дома у нихъ нѣтъ лампы. За недѣлю до Рождества, когда происходятъ экзамены на степень баккалавра и лиценціата, у дверей экзаменаціонной залы всегда можно наблюдать толпу индусовъ, бѣдныхъ и богатыхъ, мусульманъ съ бритою головой, парсовъ и др. дожидающихся своей очереди. Во всѣхъ коллегіяхъ, находящихся при пяти индійскихъ университетахъ, въ Бомбеѣ, Пенджабѣ, Аллагабадѣ, Калькуттѣ и Мадрасѣ студенты туземцы составляютъ огромное большинство. Эти университеты устроены по образцу англійскихъ, преподаваніе въ нихъ ведется на англійскомъ языкѣ и по программѣ европейскихъ университетовъ и они не имѣютъ ничего общаго съ санкристкими коллегіями, въ которыхъ подготовляютъ молодыхъ браминовъ, и съ юридическими школами, устроенными при нѣкоторыхъ большихъ мечетяхъ. Замѣчательно, что во всѣхъ этихъ университетахъ, носящихъ вполнѣ европейскій характеръ, ничего не говорится объ исторіи, религіи, искусствахъ и цивилизаціи Индіи до англійскаго завоеванія. Пріобщившись къ европейской наукѣ и вступивъ въ ряды индусской интеллигенціи, туземцы, конечно, питаютъ въ большинствѣ случаевъ иллюзію, что теперь они могутъ считать себя равными европейцамъ и вотъ тутъ-то и начинаются ихъ разочарованія. Англійская аристократія въ Индіи представляетъ очень замкнутую касту, господствующую надъ всѣми кастами туземнаго общества, но хуже всего то, что она относится съ нескрываемымъ пренебреженіемъ и нетерпимостью къ туземцамъ, что оскорбляетъ самолюбіе интеллигентныхъ индусовъ. Какъ бы они ни старались выйти изъ своего низменнаго положенія, вездѣ и всюду они наталкиваются на неодолимыя препятствія въ лицѣ высокомѣрнаго презрѣнія англичанъ, не допускающихъ и мысли, чтобы туземцы могли занять мѣсто рядомъ съ ними. Даже туземные университеты, несмотря на одинаковый курсъ и европейскія программы, имѣютъ низшія права сравнительно съ англійскими и не могутъ надѣлять такими же учеными степенями, какъ эти послѣдніе. Напримѣръ, по окончаніи курса въ бомбейской медицинской коллегіи нельзя получить степень доктора медицины, и только кончившіе этотъ самый курсъ въ Англіи получаютъ право ставить возлѣ своего имени двѣ буквы M. D. (Medicinal doctor). То же самое и относительно другихъ ученыхъ степеней.

Но индусы больше всего негодуютъ на то, что для нихъ закрытъ доступъ къ высшимъ административнымъ должностямъ. Только низшіе ряды администраціи пополняются туземцами и, не смотря на ученую степень, интеллигентный индусъ не смѣетъ мечтать о высшей служебной карьерѣ. Между тѣмъ честолюбіе огромнаго большинства образованныхъ туземцевъ направлено именно въ эту сторону. Въ принципѣ туземцы имѣютъ право занимать всѣ высшія должности въ Индіи, такъ какъ британское правительство въ 1858 году торжественно обѣщало, что доступъ ко всѣмъ административнымъ должностямъ въ Индіи будетъ открытъ всѣмъ подданнымъ Англіи, безъ различія происхожденія. Но чтобы сдѣлать административную карьеру, туземцы должны выдержать очень строгій конкуррентный экзаменъ въ Индіи, а это сопряжено съ непреодолимыми затрудненіями для многихъ индусовъ, тѣмъ болѣе, что, даже преодолѣвъ эти затрудненія, туземецъ не можетъ надѣяться на достиженіе высшихъ должностей и на быстрое повышеніе по службѣ, всегда онъ будетъ находиться подъ начальствомъ англичанина и, даже занимая одинаковую должность съ англичаниномъ, будетъ получать въ семь разъ меньше, нежели онъ. Путешествіе же въ Англію и жизнь тамъ обходятся очень дорого и далеко не всякій интеллигентный туземецъ можетъ рѣшиться на это, даже если его и не связываютъ кастовые предразсудки, такъ какъ по правиламъ индусъ лишается своей касты, если онъ покинетъ твердую землю. Поэтому-то, когда сипаевъ отправляли въ Египетъ, палуба судовъ была посыпана землей ради спокойствія совѣсти индусовъ. Неудовольствіе образованной части туземнаго населенія Индіи породило такъ-называемое національное движеніе. Созданное и

управляемое людьми, хорошо знакомыми съ англійскою политическою жизнью, оно носитъ чисто парламентскій характеръ и организовано по образцу британскихъ партій. Основою его служатъ клубы или мѣстныя ассоціаціи; во главѣ же находится конгрессъ делегатовъ, созываемый обыкновенно передъ Рождествомъ въ которомъ-нибудь изъ главныхъ городовъ Индіи. Въ прошломъ году въ Мадрасѣ состоялся четырнадцатый конгрессъ, на которомъ были снова формулированы всѣ жалобы и требованія индусовъ. Одинъ изъ делегатовъ конгресса, очень богатый и уважаемый парсъ изъ Бомбея, окончившій образованіе въ Европѣ и состоящій членомъ бомбейскаго муниципалитета, изложилъ взгляды своей партіи. «Мы вовсе не противъ англійскаго господства въ Индіи,—сказалъ онъ.—Даже больше—мы считаемъ уничтоженіе этого господства большимъ несчастіемъ для Индіи. Англичане заставили насъ позабыть наши этническіе, религіозные и другіе предразсудки и вызвали между нами единеніе. На конгресѣ мы говоримъ по-англійски; наши протоколы и резолюціи тоже печатаются на англійскомъ языкѣ. И мы теперь добиваемся только того, чтобы сравняться еще больше съ англичанами, чтобы имѣть право говорить: «Civis britannicus sum!» Мы хотимъ имѣть такую же свободу печати *), какъ въ Англіи. Мы не можемъ довольствоваться тѣмъ, что въ совѣтъ вице-короля допускаются лишь нѣсколько членовъ изъ туземцевъ и что часть городскихъ муниципалитетовъ состоитъ изъ туземцевъ. Мы хотимъ имѣть такія же учрежденія, состоящія изъ нашихъ представителей, какія существуютъ во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ, и надѣемся, что нашъ конгрессъ составитъ первый шагъ къ учрежденію настоящаго индійскаго парламента».

Требованія и притязанія индусскихъ націоналистовъ встрѣчаютъ сочувствіе въ либеральной англійской партіи. Но консервативная партія рѣшительно противится національному движенію въ Индіи, опасаясь, что если индусы получатъ одинаковыя права, то молодые брамины оттѣснятъ британскихъ кандидатовъ своею численностью и, пожалуй, качествами, и печать и общественное мнѣніе окажутся въ рукахъ туземцевъ.

Американская женская ассоціація печати. Собранія женской ассоціаціи печати, происходящія въ Нью-Іоркѣ, всегда привлекаютъ многочисленную публику и, по отзывамъ всѣхъ, посѣщающихъ эти собранія, отличаются большимъ интересомъ и оживленіемъ. На послѣднемъ собраніи этого сезона вдова одного итальянскаго издателя, г-жа Даріо Папа, членъ ломбардскаго клуба печати, прочла интересный докладъ о положеніи печати въ Италіи и о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя сопряжены съ изданіемъ газетъ. По ея словамъ, правительство сильно тѣснитъ печать и прекращаетъ изданіе по малѣйшему поводу. Если въ газетѣ появится какая-нибудь статья, которая не понравится властямъ, то немедленно конфискуется все изданіе. Мужъ ея былъ стариннымъ другомъ и сотрудникомъ Маццини и газета его много разъ подвергалась преслѣдованію. Въ первый разъ она была конфискована за то, что онъ напечаталъ извлеченіе изъ конституціи Соединенныхъ Штатовъ, въ другой разъ—за напечатаніе такого же извлеченія изъ итальянской конституціи и въ третій разъ—за извлеченіе изъ «Хижины дяди Тома»! Каждый офицеръ, усмотрѣвшій оскорбленіе для арміи въ какой-нибудь статьѣ, можетъ привлечь къ отвѣтственности издателя или послать ему вызовъ, и издатель не имѣетъ права отказываться отъ

*) Туземная печать въ Индіи была въ началѣ совершенно свободна, но въ послѣднее время, въ виду враждебнаго направленія нѣкоторыхъ туземныхъ газетъ, правительство подчинило туземную періодическую печать цензурѣ. Газеты, выходящія на англійскомъ языкѣ, и всѣ книги, даже печатающіяся на туземныхъ языкахъ, цензурѣ не подлежатъ.

вызова, такъ что большинство честныхъ издателей обыкновенно кончаетъ свою жизнь на дуэли. Кавалотти, недавно погибшій подобнымъ образомъ, считался самымъ искуснымъ дуэлистомъ въ Италіи и благополучно дрался 39 разъ на дуэли, ни разу не ранивъ серьезно своего соперника. Онъ погибъ лишь потому, что не хотѣлъ нанести опасный ударъ своему сопернику, и, стараясь избѣжать этого, получилъ самъ смертельный ударъ.

Во время послѣднихъ «хлѣбныхъ» безпорядковъ въ Миланѣ всѣ женскіе клубы были закрыты и одна изъ главныхъ руководительницъ женскаго движенія посажена въ тюрьму, точно обыкновенная преступница. Та же участь постигла и многихъ изъ итальянскихъ журналистовъ, которые навлекли на себя преслѣдованіе за напечатаніе статей, непріятныхъ властямъ. Многіе изъ нихъ были приговорены къ тюремному заключенію на одинъ годъ и до 15 лѣтъ! Сотни совершенно невинныхъ людей такимъ образомъ пострадали, и все это только потому, что они возмущались противъ чрезмѣрныхъ налоговъ, подъ бременемъ которыхъ народъ изнемогаетъ и которые нужны правительству, чтобы содержать армію и флотъ, удовлетворяющіе современнымъ требованіямъ милитаризма, и имѣть честь считать своимъ союзникомъ Германію. Во всѣхъ странахъ голодъ имѣетъ всегда случайный характеръ и является послѣдствіемъ неурожаевъ или разныхъ другихъ неблагопріятныхъ условій, и только въ Италіи голодъ составляетъ постоянное, какъ бы хроническое явленіе. Тамъ даже существуетъ особая психическая болѣзнь, «помѣшательство отъ голода» («hunger modness») и ежегодно тысячи людей въ Италіи подвергаются этой болѣзни. Такое положеніе дѣлъ становится невыносимымъ и поэтому лучшія литературныя силы Италіи, а также общественные дѣятели стремятся къ тому, чтобы убѣдить правительство въ необходимости реформъ и сокращенія военнаго бюджета.

Г-жа Даріо Папа подкрѣпила свой интересный докладъ массою цифровыхъ и статистическихъ данныхъ, сравнительными цѣнами на жизненные припасы въ Италіи и другихъ странахъ, указаніями на отношенія, существующія между налогами и дороговизною хлѣба, и постепенный ростъ военнаго бюджета одновременно съ пониженіемъ производительности страны. Въ заключеніе своего доклада г-жа Даріо Папа сообщила, что въ Англіи и Америкѣ уже образовались комитеты со спеціальною цѣлью оказывать нравственную поддержку итальянцамъ, добивающимся преобразованій въ своей странѣ.

Другой докладъ, также представившій большой интересъ, касался женскаго движенія въ Японіи. Мистриссъ Алиса Ивсъ Бридъ, въ бытность свою въ Японіи весной прошлаго года, посѣтила въ Токіо женскій клубъ, называемый «Обществомъ спрашивающихъ» (Interrogation Society), и присутствовала на засѣданіи 21 члена этого общества. На этомъ засѣданіи разсуждали о домашнихъ обязанностяхъ и трудностяхъ веденія домашняго хозяйства. Одинъ изъ членовъ обыкновенно ставилъ вопросъ, а затѣмъ каждый старался отвѣтить на него, и возникали пренія. Одна изъ японскихъ дамъ, принадлежащая къ радикальной партіи, возбудила вопросъ о правильномъ отношеніи къ «свекрови» и обращеніе съ нею. Дѣло въ томъ, что японская женщина—настоящая раба въ семьѣ, до тѣхъ поръ, пока она сама не сдѣлается свекровью. Тогда она, въ свою очередь, становится автократомъ въ семьѣ и обращаетъ въ рабу свою невѣстку, жену своего сына. Вопросъ объ обращеніи со свекровью вызвалъ очень горячія пренія и всѣ присутствующія молодыя японки высказывали одна за другою свои мнѣнія о томъ, какъ положить предѣлъ деспотизму свекрови въ японской семьѣ, но въ концѣ-концовъ все-таки пришли къ рѣшенію, что онѣ должны обращаться почтительно со свекровью, какъ это предписываетъ обычай, такъ какъ ихъ свекрови слишкомъ стары и уже не способны проникнуться современнымъ духомъ и понять современныя требованія. Но зато онѣ тутъ же даютъ торжественное обѣщаніе, что когда сами сдѣлаются

свекровями, то будутъ совершенно иначе обращаться со своими невѣстками и произведутъ реформы въ домашней жизни японцевъ.

Мистриссъ Бридъ разсказываетъ, между прочимъ, что ѣзда на велосипедѣ считается въ Японіи очень предосудительной для женщинъ, и если какая-нибудь японка проѣдется на велосипедѣ, то къ ней тотчасъ же начинаютъ относиться съ предубѣжденіемъ. Мистриссъ Бридъ приводитъ слѣдующій примѣръ: одна молодая японка, окончившая свое образованіе въ американской коллегіи и получившая ученую степень, вернулась на родину. Она очень понравилась одному японскому джентльмену, занимавшему довольно видное соціальное положеніе, и онъ подумывалъ о томъ, чтобы просить ея руки, но предварительно, согласно японскому обычаю, навелъ о ней справки, о ея состояніи, характерѣ и здоровьи, такъ какъ въ Японіи нѣкоторыя наслѣдственныя болѣзни, какъ, напримѣръ, чахотка, служатъ законнымъ поводомъ къ разводу. Онъ получилъ самыя утѣшительныя свѣдѣнія на счетъ всѣхъ трехъ пунктовъ, но ему передали слухъ, что молодая дѣвушка ѣздитъ на велосипедѣ, и этого было достаточно, чтобы онъ отказался отъ мысли вступить съ нею въ бракъ.

Мистриссъ Бридъ отзывается съ большою похвалой о японскихъ женщинахъ, о ихъ стремленіи къ самообразованію и высказываетъ убѣжденія, что эмансипація женщины совершится въ Японіи быстрѣе, чѣмъ она совершилась въ европейскихъ странахъ.

Въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ находятся двѣ образованныя японки, посланныя туда на счетъ правительства для изученія воспитательныхъ и филантропическихъ учрежденій въ великой заатлантической республикѣ.

Народныя чтенія во Франціи. Университетское движеніе, распространившись изъ Англіи въ другія европейскія страны, вызвало тамъ организацію всевозможныхъ народныхъ чтеній и курсовъ, имѣющихъ цѣлью сдѣлать высшее образованіе доступнымъ и для народныхъ класовъ. Впрочемъ, такой характеръ университетское движеніе имѣетъ только въ Англіи, гдѣ уже выработана извѣстная система и программа общедоступныхъ университетскихъ курсовъ. Въ другихъ странахъ, кромѣ Бельгіи, гдѣ уже существуетъ настоящій народный университетъ, университетское движеніе ограничивается пока организаціей народныхъ чтеній по разнымъ отраслямъ науки, но безъ всякой опредѣленной системы и безъ всякихъ курсовъ. Во Франціи чтенія эти часто носятъ случайный характеръ, но теперь уже поднятъ вопросъ о томъ, чтобы совершать ихъ по извѣстной программѣ и установить болѣе тѣсную связь между ними и французскими университетами. Объ успѣхахъ этихъ чтеній можно судить по даннымъ прошлаго года. Въ истекшемъ году было устроено во Франціи 117.752 народныхъ чтеній и на нихъ присутствовало около трехъ милліоновъ четырехсотъ тысячъ слушателей. Согласно оффиціальной статистикѣ съ 1894 по 1898 годъ число народныхъ чтеній удвоилось, но главнымъ доказательствомъ успѣха служитъ образованіе небольшихъ школьныхъ ассоціацій, спеціально занимающихся пробужденіемъ въ народныхъ массахъ интереса къ знанію, такъ сказать, интеллектуальною пропогандой. Къ концу прошлаго года такихъ ассоціацій насчитывалось уже 2.779 и больше 600 существовали въ проектѣ. Прошлымъ лѣтомъ въ Сентъ-Этьеннѣ состоялся конгрессъ этихъ ассоціацій, который былъ названъ «Congrès des petites A», обнародовавшій весьма утѣшительные результаты дѣятельности этихъ ассоціацій, которыя уже подготовили почву для университетскаго движенія и сгруппировали около себя людей, сознающихъ необходимость просвѣщенія народной массы.

Рядомъ съ этими ассоціаціями, которыя группируются вокругъ школъ, возникли въ разныхъ мѣстахъ Франціи рабочія ассоціаціи, имѣющія цѣлью

распространеніе знаній среди французскихъ рабочихъ. Четыре года тому назадъ, союзъ рабочихъ синдикатовъ «Union des syndicats ouvriers» вошелъ въ непосредственныя сношенія съ группою профессоровъ словеснаго факультета, которые охотно согласились участвовать въ организаціи публичныхъ лекцій для рабочихъ въ Клермонѣ. Лекціи были устроены въ залѣ синдикатовъ и всегда посѣщались очень многолюдною публикой, но весьма однородной, исключительно состоящей изъ рабочихъ, принадлежащихъ къ синдикату, ихъ семействъ и постороннихъ лицъ, приглашенныхъ рабочими. Иногда на лекціяхъ присутствовало болѣе 200 человѣкъ, но вообще большинство посѣщало лекціи очень аккуратно. «Revue internationale de l'enseignement» печатаетъ слѣдующій списокъ лекцій, читанныхъ въ прошломъ году въ залѣ синдиката: «Монетная система и народные банки»; «Вывозная торговля Франціи»; «Жизнь въ Берлинѣ»; «Испанія»; «Поэты-рабочіе»; «Борьба за существованіе»; «Гигіена»; «Алкоголизмъ». Нѣкоторыя изъ этихъ лекцій сопровождались туманными картинами.

Конечно, въ этой программѣ трудно доискаться какой-нибудь заранѣе опредѣленной системы, но несомнѣнно, что даже въ такомъ случайномъ видѣ лекціи эти имѣютъ громадное значеніе, такъ какъ пробуждаютъ умственную дѣятельность аудиторіи и заинтересовываютъ ее различными вопросами, которые раньше не останавливали на себѣ вниманія слушателей. Во всякомъ случаѣ толчокъ данъ, и несомнѣнно, что разъ начавшееся движеніе будетъ разростаться. Очень любопытна также въ этомъ отношеніи дѣятельность «Union democratique pour l'éducation sociale», въ началѣ вызвавшая почему-то многочисленныя насмѣшки и нападки. Этотъ союзъ задумалъ развлекать больныхъ и выздоравливающихъ въ различныхъ парижскихъ госпиталяхъ и клиникахъ и третій годъ устраиваетъ тамъ чтенія съ туманными картинами. Эти «conférences dans les hôpitaux» пріобрѣтаютъ все большую и большую популярность и устраиваются по самой разнообразной программѣ. Лекторы прежде всего заботятся о томъ, чтобы не утомлять своихъ слушателей, а заинтересовать и развлечь ихъ. Большею частью на этихъ лекціяхъ излагается содержаніе какой-нибудь интересной книги, новой или старой, изъ которой прочитываются избранныя мѣста или же разсказывается содержаніе выдающагося драматическаго произведенія и читаются отдѣльныя сцены. На послѣднемъ чтеніи, которое происходило въ Бисетрѣ, присутствовало болѣе 300 больныхъ. Лекторъ изложилъ исторію этой больницы и тюрьмы, тѣсно связанную съ исторіей Франціи. До 1837 года при этой больницѣ была тюрьма для приговоренныхъ къ смертной казни и осужденныхъ къ галерамъ преступниковъ. Теперь же Бисетръ представляетъ исключительно домъ призрѣнія для бѣдныхъ, больныхъ и престарѣлыхъ. Кромѣ того, въ этой больницѣ огромное отдѣленіе отведено для помѣшанныхъ.

Жизнь въ Даусонъ Сити. Съ тѣхъ поръ, какъ богатѣйшія въ мірѣ золотыя розсыпи были открыты вблизи полярнаго круга, въ Аляскѣ, которая продана Россіей Соединеннымъ Штатамъ за 36 милліоновъ франковъ въ 1867 году, слава Калифорніи, Трансвааля и Австраліи совершенно померкла и всѣ жаждущіе золота и приключеній устремились въ Аляску, гдѣ уже въ настоящее время на берегу рѣки Юкона, одной изъ величайшихъ рѣкъ въ свѣтѣ, имѣющей въ длину 3.500 километровъ, выстроенъ городъ Даусонъ Сити, столица этой страны, и въ данный моментъ въ немъ насчитывается 18.000 болѣе или менѣе постоянныхъ жителей. Этотъ городъ принадлежитъ къ типу такъ называемыхъ «городовъ грибовъ», которые существуютъ только въ Америкѣ, гдѣ они необыкновенно быстро возникаютъ въ дотолѣ пустынной мѣстности и также быстро развиваются. Въ каждомъ такомъ городѣ прежде всего выстраивается ратуша и школа и тотчасъ же возникаетъ газета, мѣстный органъ, хотя бы

читателей у нея насчитывалось не болѣе десятка въ началѣ. Даусонъ Сити также не могъ обойтись безъ газеты и въ настоящее время тамъ издаются двѣ еженедѣльныя газеты: «Klondyke nugget» и «Yukon Midnight Sun», только не въ примѣръ прочимъ американскимъ газетамъ, основывающимся въ новыхъ городахъ и продающимся по дешевой цѣнѣ, номера клондайкскихъ газетъ продаются, ни болѣе, ни менѣе, какъ по рублю на наши деньги и годовой абонементъ стоитъ около 50 рублей. Конечно, въ этихъ газетахъ главное мѣсто отводится мѣстнымъ интересамъ и въ виду невозможности получать свѣжія новости съ разныхъ концовъ свѣта политическій отдѣлъ очень хромаетъ, но зато хроника занимаетъ огромное мѣсто. Все, что случается въ Даусонъ Сити или окрестностяхъ, всякое мелкое событіе немедленно попадаетъ на столбцы этихъ газетъ. Разумѣется, реклама, играющая такую видную роль въ американской жизни, тутъ также занимаетъ выдающееся мѣсто. Большая часть газеты уходитъ подъ объявленія всякаго рода, адреса разныхъ дѣльцовъ, адвокатовъ, врачей, банковъ и коммерческихъ обществъ и программы увеселительныхъ заведеній. Но даже не смотря на такой скудный матеріалъ для чтенія, газеты въ Клондайкѣ пользуются большимъ успѣхомъ и золотоискатели въ складчину покупаютъ одинъ номеръ, прочитывая его потомъ сообща отъ доски до доски въ какомъ-нибудь кабачкѣ, который служитъ имъ пристанищемъ послѣ работы. Мѣстные слухи и извѣстія о какомъ-нибудь происшествіи вызываютъ, конечно, толки и разговоры и порою возникаетъ горячій споръ по поводу какой-нибудь газетной статьи. Надо удивляться только изобрѣтательности клондайкскихъ журналистовъ, всегда ухитряющихся найти матеріалъ для статьи и хроники.

Даусонъ Сити выстроенъ по совершенно опредѣленному плану; въ городѣ семь параллельныхъ проспектовъ или авеню, перерѣзываемыхъ пятью улицами отъ запада на востокъ. Жизнь кипитъ въ этомъ городкѣ, гдѣ зимою температура порою спускается до —55° Ц. и въ декабрѣ и январѣ солнце совершенно исчезаетъ. Но бѣлая пелена снѣга, покрывающая землю, до такой степени сильно отражаетъ свѣтъ звѣздъ, что жители Даусонъ Сити свободно обходятся безъ фонарей при своихъ передвиженіяхъ. Но за то въ іюнѣ солнце почти не исчезаетъ и точно старается вознаградить обитателей за долгую полярную ночь. Температура лѣтомъ бываетъ иногда такая же, какъ въ Лондонѣ или Парижѣ. Въ городѣ уже выстроены три церкви, одна католическая и двѣ протестантскихъ, и госпиталь при католической церкви, гдѣ больные за 25 франковъ въ сутки получаютъ полное содержаніе и уходъ, но должны платить отдѣльно по 25 франковъ за каждый визитъ доктора; отели въ Даусонъ Сити уже обладаютъ достаточнымъ комфортомъ, но платить надо 50 франковъ въ день за полный пансіонъ, затѣмъ существуетъ нѣсколько кафе-ресторановъ и въ каждомъ изъ нихъ непремѣнно есть свой небольшой оркестръ музыки и устраиваются концерты. Кромѣ этихъ кафе-ресторановъ, есть и настоящіе театры, гдѣ даются драматическія представленія, и большая зала для устройства празднествъ и танцовальныхъ вечеровъ. Вообще искатели золота, а вмѣстѣ съ тѣмъ и счастья находятъ теперь въ Даусонъ Сити болѣе или менѣе такія же удобства, какъ и въ другихъ небольшихъ городкахъ Соединенныхъ Штатовъ, но жизнь въ Даусонъ Сити необыкновенно дорога. Напримѣръ, порція самаго обыкновеннаго бифштекса съ жаренымъ картофелемъ стоитъ 25 франковъ, бутылка пива въ такой же цѣнѣ. Пара курицъ стоитъ 125 франковъ, апельсины по 5 франковъ за штуку. Картофель стоитъ съумасшедшія деньги и за пару картофелинъ уплачивается столько же, сколько за одинъ апельсинъ. Дешево только соленое сало, бобы и сушеные фрукты, и это единственное, чѣмъ питаются всѣ бѣдняки, бросившіеся въ Клондайкъ искать счастья. При такихъ цѣнахъ торговцы и разные другіе предприниматели, конечно, гораздо скорѣе могутъ составить свое состояніе въ Клондайкѣ, нежели золотоискатели.

Турецкій переводчикъ Шиллера и его судьба. Турецкая переводная литература вообще не отличается богатствомъ и до сихъ поръ только нѣкоторыя изъ французскихъ романовъ были переведены на турецкій языкъ. Турецкая читающая публика зачитывалась романомъ «Монте-Кристо» Дюма-отца и романами Евгенія Сю. Затѣмъ наступила очередь «Misérables» Виктора Гюго и еще нѣкоторыхъ другихъ, болѣе современныхъ писателей, Мопассана, Марселя Прево и т. д. Все это появлялось въ болѣе или менѣе скверномъ переводѣ и этимъ ограничивалось все знакомство турецкой публики съ европейскою беллетристическою литературой. Но эти романы послужили образцами для цѣлаго ряда турецкихъ беллетристовъ, которые затѣмъ стали писать свои собственныя произведенія по этому шаблону. Представителемъ этого рода беллетристовъ можетъ служить необыкновенно плодовитый турецкій писатель Ахметъ Мидхадъ эфенди, бывшій вице-предсѣдателемъ въ международной санитарной коммиссіи въ Константинополѣ.

Пристрастіе турецкихъ переводчиковъ къ французской беллетристикѣ отчасти объясняется недостаточнымъ знаніемъ другихъ европейскихъ языковъ. Французскій языкъ довольно распространенъ среди турецкаго образованнаго общества, о другихъ же языкахъ этого сказать нельзя. Лишь весьма немногіе хорошо владѣютъ англійскимъ языкомъ, а нѣмецкій языкъ только въ послѣднее время, когда усилилась вліяніе нѣмцевъ при дворѣ султана, начинаетъ распространяться въ турецкомъ обществѣ. Среди турецкихъ писателей знаніе нѣсколькихъ европейскихъ языковъ составляетъ, впрочемъ, далеко не частое явленіе, и только недавно одному изъ молодыхъ турецкихъ писателей, военному врачу Абдуллу Джевдеду, европейски образованному человѣку, пришла въ голову смѣлая идея познакомить турецкихъ читателей съ Шиллеромъ. Это смѣлое предпріятіе, съ точки зрѣнія господствующихъ условій въ Турціи, имѣло для молодого военнаго врача весьма непріятныя послѣдствія. Прекрасно владѣя языкомъ, Абдулла Джевдедъ хорошо справился со своею задачей и, конечно, обогатилъ бы турецкую переводную литературу весьма цѣннымъ вкладомъ, еслибъ не условія турецкой цензуры. Абдулла Джевдедъ и самъ отлично сознавалъ, что издать въ Турціи «Вильгельма Телля», «Разбойниковъ» и нѣкоторыя другія шиллеровскія произведенія совершенно невозможно, поэтому онъ перебрался въ Египетъ, гдѣ цензурныя условія не столь тяжелы, и тамъ началъ на свой счетъ печатаніе своего перевода. Къ несчастью, турецкія власти пронюхали какимъ-то образомъ о его намѣреніи и изъ турецкаго военнаго министерства въ Константинополѣ былъ отданъ приказъ арестовать военнаго врача Абдуллу Джевдеда за предосудительное поведеніе и препроводить его въ слѣдственную тюрьму, гдѣ бѣдный Абдулла просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ и затѣмъ отправленъ былъ въ ссылку въ Триполи.

Но этимъ злоключенія его не кончились. Турецкія власти опасались, что Абдулла Джевдедъ найдетъ возможность и въ Триполи привести въ исполненіе свое преступное намѣреніе издать турецкій переводъ Шиллера, идеи котораго турецкая цензура признавала опасными, и поэтому Абдулла былъ снова арестованъ въ Триполи и начато новое слѣдствіе, но, къ счастью для дерзкаго писателя, въ военномъ судѣ, который долженъ былъ разсматривать его дѣло, нашлись люди, проникнутые чувствомъ справедливости, и они заступились за молодого врача. Однако, процедура разсмотрѣнія дѣла, которая на этотъ разъ происходила въ Триполи, продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ и все это время бѣдный Абдулла провелъ въ заключеніи. Наконецъ, послѣ долгихъ преній, судъ постановилъ, за отсутствіемъ прямыхъ уликъ и доказательствъ вины молодого врача отпустить его на свободу и объ этомъ дано было знать въ Константинополь.

Наконецъ, Абдулла вздохнулъ свободно. Слѣдствіе противъ него было прекращено и его выпустили изъ подъ ареста. Но Абдулла зналъ по опыту, что

довѣрять турецкимъ властямъ не слѣдуетъ и что онѣ не замедлятъ придраться къ чему-нибудь, чтобы имѣть право возобновить свои преслѣдованія. Поэтому онъ счелъ за лучшее бѣжать изъ турецкихъ владѣній и въ одинъ прекрасный день исчезъ изъ Триполи. Вскорѣ его друзья въ Триполи получили отъ него извѣстіе, что онъ благополучно добрался до Туниса, гдѣ французскія власти оказали ему гостепріимство и взяли его подъ свое покровительство, такъ что онъ можетъ считать себя теперь внѣ всякихъ турецкихъ преслѣдованій. Спустя нѣкоторое время Абдулла Джевдедъ отправился въ Парижъ, а оттуда въ Женеву. Онъ примкнулъ къ партіи «молодой Турціи» и въ настоящее время состоитъ редакторомъ «Османли», органа этой передовой турецкой партіи, издающагося заграницей.

Австралійскій піонеръ. Недавно въ Сиднеѣ схоронили одного изъ британскихъ піонеровъ, который началъ свою карьеру простымъ работникомъ на фермѣ и умеръ въ преклонномъ возрастѣ милліонеромъ. Джемсъ Тизонъ—такъ звали этого милліонера, оставилъ по себѣ очень хорошую память въ колоніи, для которой онъ много поработалъ. Это былъ типъ британскаго піонера старыхъ временъ, которые создали колоніальное могущество Англіи. Не гнушавшійся никакимъ трудомъ, свободолюбивый и независимый, Джемсъ Тизонъ отличался необыкновенною застѣнчивостью и какою-то робостью въ своихъ сношеніяхъ съ людьми, которыхъ онъ всегда старался избѣгать. Поэтому-то онъ самъ лично не принималъ участія ни въ какихъ общественныхъ дѣлахъ, но когда разбогатѣлъ, то охотно поощрялъ всякія общественныя предпріятія, строилъ больницы, школы, церкви, но самъ ни разу въ своей жизни не переступалъ порога ни одной церкви, ни разу не былъ ни въ одномъ трактирѣ и никогда не надѣвалъ бѣлой крахмальной рубашки. Кромѣ того, никогда въ жизни онъ не употреблялъ мыла и вмѣсто него употреблялъ песокъ, говоря, что онъ чиститъ кожу лучше всякаго мыла.

Въ Сиднеѣ, гдѣ онъ прожилъ послѣдніе годы своей жизни, жители привыкли видѣть въ извѣстные часы дня его высокую, слегка сгорбленную фигуру, когда онъ отправлялся на свою обыденную прогулку, опираясь на тяжелую палку съ большимъ набалдашникомъ. Народъ снималъ шапку при его проходѣ, потому что онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и большою популярностью во всей колоніи. Всякій зналъ, что можетъ придти къ нему за помощью и не уйдетъ съ пустыми руками, если только дѣйствительно нуждается. Тизонъ избѣгалъ общества, рѣдко вступалъ въ разговоръ съ кѣмъ-либо, но дверь его была открыта для всѣхъ. Можно было прямо придти къ нему, изложить въ чемъ дѣло и если, по его мнѣнію, дѣло было правое, то онъ немедленно удовлетворялъ просителя. Удивительная опытность и проницательность помогали ему съ перваго взгляда распознавать истинно нуждающихся и не было случая, чтобы онъ ошибся въ своемъ мысленномъ приговорѣ. Если ему казалось, что проситель явился исключительно съ цѣлью эксплуатировать его, то онъ нахмуривалъ брови и говорилъ: «Я подумаю», и просителю болѣе ничего не оставалось, какъ уйти, такъ какъ Тизонъ болѣе не размыкалъ уста и онъ могъ говорить ему что угодно, но не получалъ никакого отвѣта.

Въ колоніи чрезвычайно дорожили его мнѣніемъ и никогда не предпринимали ничего, не посовѣтовавшись съ нимъ предварительно. Въ особенности онъ поощрялъ всякое предпріятіе, имѣвшее въ виду общественную пользу, проведеніе дорогъ въ пустынѣ, водоснабженія и орошенія. Цѣль всей его жизни была—превратить австралійскую пустыню въ плодородную мѣстность и для этого онъ не жалѣлъ ни денегъ, ни трудовъ

«Деньги—что!—говорилъ онъ.—Все равно, вѣдь я ихъ долженъ оставить здѣсь, когда покину здѣшній міръ, и развѣ тогда мнѣ не будетъ, безразлично,

на что уйдутъ мои деньги. Лучше ужъ при жизни я истрачу ихъ на то, чтò по моему полезно. Я всю свою жизнь боролся съ пустыней и побѣдилъ ее во многихъ мѣстахъ. Я провелъ воду тамъ, гдѣ ея не было и люди погибали отъ жажды; я проложилъ дороги тамъ, гдѣ не было никакихъ дорогъ, и такимъ образомъ подвозъ мяса и съѣстныхъ припасовъ сдѣлался возможнымъ тамъ, гдѣ объ этомъ и думать было нечего прежде. Теперь люди могутъ жить въ такихъ мѣстахъ, гдѣ прежде была мертвая пустыня, и того, что я сдѣлалъ въ этомъ отношеніи, никто уже не въ состояніи уничтожить и милліоны людей будутъ пользоваться этимъ послѣ того, какъ я буду уже давно позабытъ»!

Въ этихъ словахъ выражается все міровоззрѣніе Тизона. Въ жизни у него было только одно правило: «Поступай всегда справедливо и никого и ничего не бойся»! Тизонъ дѣйствительно ничего и никого не боялся. Миссіонеры разныхъ вѣрованій пробовали было обращать его и являлись къ нему съ проповѣдью; но онъ выслушивалъ ихъ и только отвѣчалъ: «Религія—это дѣло совѣсти». Такъ какъ онъ никогда не исполнялъ никакихъ церковныхъ обрядовъ и не посѣщалъ никакой церкви, то никто и не зналъ, къ какой религіи его причислить. Однако, въ концѣ концовъ, миссіонеры оставили его въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что они убѣдились, что онъ всегда готовъ придти на помощь всякой миссіи и выстроить церковь, но ему рѣшительно было все равно, къ какой религіи будетъ принадлежать эта церковь. Оригинальные взгляды Тизона выразились однажды довольно курьезнымъ образомъ. Онъ далъ миссіонерамъ очень крупную сумму на постройку церкви. Церковь была выстроена, но затѣмъ миссіонеры снова обратились къ нему, такъ какъ они израсходовали всю сумму и у нихъ не хватило денегъ на громоотводъ. Къ ихъ величайшему изумленію, Тизонъ отказался дать имъ ничтожную сумму, которую они у него просили, и сказалъ, что Господь Богъ, если захочетъ, то самъ защититъ свою церковь и людямъ объ этомъ нечего заботиться. Миссіонеры такъ и ушли ни съ чѣмъ и изъ собственныхъ средствъ поставили громоотводъ.

Тизонъ жилъ и умеръ одинокимъ. Нелюдимость его характера и застѣнчивость мѣшали ему сходиться съ людьми. Но онъ не чувствовалъ своего одиночества и не страдалъ отъ него, такъ какъ находилъ полное нравственное удовлетвореніе въ своей дѣятельности. Только, однажды, въ молодыхъ годахъ, когда онъ велъ тяжелую борьбу за существованіе, онъ встрѣтилъ молодую дѣвушку, которая побѣдила его сердце. Эта дѣвушка напоила и накормила его, когда онъ погибалъ отъ голода. Онъ долгіе дни странствовалъ въ пустынѣ и, наконецъ, набрелъ на уединенную ферму, но не рѣшился войти туда и попросить хлѣба и воды. Его замѣтила дочь хозяина, молодая черноокая дѣвушка, которая подошла къ нему и чуть не насильно втащила его на веранду и поставила передъ нимъ завтракъ. Тизонъ пробылъ не болѣе 15 минутъ въ ея домѣ и больше никогда не встрѣчался съ нею, но двадцать лѣтъ подъ рядъ онъ ежегодно совершалъ паломничество къ уединенной фермѣ и бродилъ около нея въ надеждѣ увидѣть молодую дѣвушку. Увидѣвъ ее издали и удостовѣрившись, что она жива и здорова, онъ уходилъ успокоенный. Когда она вышла замужъ, то онъ прислалъ ей подарокъ отъ неизвѣстнаго. До самой смерти онъ вспоминалъ съ глубокимъ чувствомъ объ этой дѣвушкѣ и говорилъ, что это единственная женщина, на которой онъ готовъ былъ бы жениться. Но онъ думалъ, что женитьба свяжетъ его; заведя свою семью, онъ больше будетъ заботиться о ней и ему нельзя будетъ такъ свободно располагать собой, своимъ имуществомъ и постоянно перемѣнять мѣстожительство. Эти соображенія заставляли Тизона подавлять въ себѣ всякія стремленія завести свой домъ, свою семью, и онъ всю жизнь готовился быть странникомъ. Онъ постоянно мечталъ о поѣздкѣ въ Европу, объ отдаленномъ путешествіи, но такъ до самой смерти и не собрался и не покидалъ во всю свою жизнь австралійскаго континента.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Geographical Journal».—«Revue des Revues».—«Forum».

Колонизація тропическихъ странъ составляетъ одну изъ очень важныхъ проблемъ, съ которыми приходится имѣть дѣло современнымъ европейскимъ государствамъ, такъ какъ для многихъ изъ нихъ существованіе колоній представляетъ абсолютную необходимость и колоніи служатъ мѣстомъ, куда отправляется избытокъ населенія. Но въ виду того, что въ умѣренномъ поясѣ не остается уже больше свободныхъ территорій для колонизаціи, а Сѣверная Америка и Австралія ставятъ преграды свободной иммиграціи, европейскія государства волей-неволей должны направить свой эмиграціонный потокъ въ тропическія страны, и естественно, что вопросъ объ акклиматизаціи европейцевъ въ этихъ странахъ все болѣе и болѣе выдвигается на первый планъ. Въ лондонскомъ географическомъ обществѣ былъ прочитанъ докладъ объ этомъ вопросѣ, напечатанный потомъ въ «Geographical Journal». Авторъ этого въ высшей степени интереснаго доклада говоритъ, что пессимистическій взглядъ на европейскую колонизацію возникъ тогда, когда наука была еще въ младенчествѣ и теоріи о зародышевомъ происхожденіи болѣзней не существовало. Дѣйствительно, процентъ смертности европейцевъ въ тропическомъ климатѣ былъ такъ великъ, что, казалось, было внѣ всякихъ сомнѣній, что въ тропикахъ европеецъ всегда будетъ побѣжденъ въ борьбѣ за существованіе. За послѣдніе десятки лѣтъ во взглядѣ этомъ произошла радикальная перемѣна подъ вліяніемъ развитія санитарной науки, и перемѣна эта во многихъ отношеніяхъ была такъ разительна, что нѣкоторыя мѣстности въ тропикахъ, считавшіяся прежде самыми нездоровыми и убійственными для европейцевъ, теперь даже рекомендуются имъ, какъ курортъ.

Подъ вліяніемъ новыхъ фактовъ и научныхъ открытій прежнія теоріи о смертоносномъ дѣйствіи тропическаго климата на людей бѣлой расы должны бы, казалось, разсыпаться въ прахъ, но, къ сожалѣнію, онѣ до сихъ поръ преобладаютъ во мнѣніи публики. Авторъ объясняетъ себѣ это обстоятельство тѣмъ, что весьма сложный вопросъ объ акклиматизаціи европейцевъ въ тропическихъ странахъ обсуждался преимущественно государственными людьми, географами, метеорологами и журналистами и съ медицинской точки зрѣнія этотъ вопросъ почти не разсматривался, тогда какъ именно эта точка зрѣнія должна имѣть рѣшающее значеніе въ данномъ случаѣ.

Общее мнѣніе, говоритъ авторъ, таково, что климатъ тропическихъ странъ вреденъ для европейца вслѣдствіе невыносимой жары и эта жара вызываетъ появленіе различныхъ болѣзней, главнымъ образомъ служа непосредственной причиной солнечнаго удара, анеміи и воспаленія печени. Анемія, въ особенности, всегда считалась болѣзнью, вызываемою дѣйствіемъ высокой температуры. Прежніе авторы считали ее даже вполнѣ нормальной въ тропическомъ климатѣ и приписывали ей предохранительное дѣйствіе, такъ что совѣтовали дѣлать кровопусканіе, чтобы произвести искусственную анемію у европейцевъ, поселяющихся въ тропикахъ. Докторъ Фелкинъ называлъ это «физіологической анеміей». Но теперь взгляды на этотъ счетъ измѣнились, такъ какъ новѣйшія изслѣдованія ученыхъ установили внѣ сомнѣнія тотъ фактъ, что высокая температура не вызываетъ никакой перемѣны въ количествѣ красныхъ кровяныхъ тѣлецъ или гэмоглобина въ крови, и анемія, какъ въ тропикахъ, такъ и въ умѣренномъ климатѣ, также имѣетъ паразитное происхожденіе. То же самое надо считать доказаннымъ и относительно воспаленія печени, которое приписывалось исключительно дѣйствію солнечной жары. Что же касается солнечнаго удара, то авторъ также твердо увѣренъ въ его инфекціонномъ происхожденіи и высказалъ уже это мнѣніе въ своей статьѣ въ «British Medical Journal» въ прошломъ году.

Авторъ полагаетъ, что эта болѣзнь такъ долго остается «въ области астрологіи» только потому, что съ нею смѣшиваютъ самыя разнообразныя страданія, вызываемыя различными причинами, какъ-то: воспаленіе оболочекъ головного и спинного мозга, злокачественную лихорадку, кровоизліяніе въ мозгу, алкоголическое коматозное состояніе и обморокъ, и, кромѣ того, самое названіе болѣзни «солнечный ударъ» заранѣе предопредѣляетъ причину ея появленія и мѣшаетъ правильному взгляду на ея происхожденіе. Авторъ, наблюдавшій эту болѣзнь въ Индіи, твердо увѣренъ въ томъ, что это такая же инфекціонная болѣзнь, какъ и всѣ прочія, которыя приписываются исключительно дѣйствію жаркаго климата, и также принимаетъ иногда эпидемическій характеръ. Перемежающаяся лихорадка—малярія и бугорчатка составляютъ также главныя причины гибели европейцевъ въ тропическомъ климатѣ. Но бугорчатка не составляетъ тропической болѣзни и занесена въ колоніи европейцами. Въ Вестъ-Индіи она уже настолько распространилась, что цифра смертности отъ этой болѣзни преобладаетъ надъ смертностью отъ другихъ болѣзней. Малярія также не составляетъ исключительно тропической болѣзни, какъ и масса другихъ.

По мнѣнію автора, которое онъ доказываетъ и въ «British Medical Journal», вовсе не тропическіе жары служатъ главнымъ препятствіемъ европейской колонизаціи тропиковъ, а та постоянная и жестокая подчасъ борьба за существованіе, которую приходится вести европейцамъ со всѣми живыми существами въ тропикахъ, начиная отъ человѣка, дикихъ звѣрей, ядовитыхъ змѣй и вплоть до микроскопическихъ организмовъ, являющихся самымъ страшнымъ врагомъ человѣка въ этихъ странахъ. Въ Индіи ежегодно 23.000 человѣкъ и 60.000 скота погибаютъ отъ дикихъ звѣрей и змѣй, и климатъ тутъ не причемъ. Зачѣмъ ставить на счетъ климату смертность отъ болѣзней, когда уже доказано въ огромномъ большинствѣ случаевъ ихъ паразитное происхожденіе?

Авторъ вовсе не отрицаетъ, что жара и сырость могутъ имѣть вредное вліяніе на здоровье человѣка и предрасположить его организмъ къ различнымъ заболѣваніямъ, но съ этимъ вліяніемъ не такъ трудно бороться; акклиматизація совершается, сравнительно, легко и, кромѣ того, успѣхи цивилизаціи даютъ человѣку полную возможность бороться съ силами природы,—бороться и побѣдить!

Однимъ изъ главныхъ условій успѣха колонизаціи тропическихъ странъ должно быть знаніе распредѣленія тропическихъ болѣзней, такъ какъ эти болѣзни далеко неодинаково распространены въ различныхъ мѣстностяхъ и часто имѣютъ только эндемическій характеръ. Это изученіе распредѣленія болѣзней должно составить отдѣльную отрасль науки — «географическую патологію». Знаніе болѣзней, свойственныхъ именно данной мѣстности, поможетъ отыскать какъ непосредственную причину этой болѣзни, такъ и средства для борьбы съ ней. Авторъ возстаетъ также противъ общераспространеннаго предразсудка, что дѣти европейцевъ съ трудомъ выживаютъ въ тропическомъ климатѣ. Смертность дѣтей въ младенческомъ возрастѣ авторъ исключительно приписываетъ дурному уходу и господствующему предразсудку, вслѣдствіе котораго дѣтей, изъ опасенія солнечнаго удара, постоянно держатъ въ темныхъ помѣщеніяхъ, часто очень тѣсныхъ и плохо провѣтриваемыхъ. «Тотъ, кто говоритъ о плохомъ состояніи европейскихъ дѣтей въ Индіи,—восклицаетъ авторъ,—вѣроятно никогда не посѣщалъ бѣднѣйшіе кварталы Лондона и Глазгова и не видалъ несчастныхъ болѣзненныхъ уродцевъ съ кривыми ногами, которые наполняютъ улицы этихъ кварталовъ!».

Въ заключеніе авторъ указываетъ, что смертность среди европейцевъ въ тропическихъ колоніяхъ очень упала въ послѣднее время и это уменьшеніе смертности, конечно, служитъ наилучшимъ доказательствомъ того, что многія изъ такъ называемыхъ тропическихъ болѣзней подлежатъ контролю санитарной науки и отъ успѣховъ ея зависитъ въ значительной степени успѣхъ

европейской колонизаціи. Къ сожалѣнію, еще много существуетъ болѣзней въ тропикахъ, о которыхъ мы знаемъ только одно — что онѣ убиваютъ. Для успѣшной борьбы съ тропическими болѣзнями надо основательное знаніе ихъ распредѣленія и условій данной мѣстности, надо изучить характеръ этихъ болѣзней и ихъ происхожденіе и только тогда вопросъ о колонизаціи тропическихъ странъ станетъ на твердую почву; противъ же невозможности такой колонизаціи говоритъ уже то, что болѣе десяти мильоновъ бѣлыхъ людей давно уже переселились въ тропики и положили тамъ основаніе новымъ, быть можетъ, еще болѣе великимъ цивилизаціямъ.

Успѣхи женскаго движенія, появленіе такъ называемой «новой женщины» (New Woman) въ Англіи, эмансипація германскихъ женщинъ отказавшихся отъ прежняго идеала «Hausfrau», и снявшихъ кухонный передникъ — все это выдвинуло на сцену вопросъ: чѣмъ будетъ женщина въ XX вѣкѣ? Во Франціи въ особенности заинтересованы этимъ вопросомъ и встревожены эвалюціей женщины. Что станется съ женственностью, женскимъ изяществомъ и красотой? Французскіе поэты, писатели, художники и цѣлый сонмъ французовъ, никогда бы не согласившихся поставить женщину рядомъ съ собой и относиться къ ней, какъ къ равной, но кричащихъ о своемъ преклоненіи передъ женщиной, т. е. ея физической красотой, обезпокоены мыслью, что красота эта исчезнетъ, когда женщина перестанетъ довольствоваться «преклоненіемъ», а потребуетъ «уравненія», и это безпокойство, эта тревога выражаются во множествѣ статей, появляющихся въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и принадлежащихъ перу различныхъ, болѣе или менѣе знаменитыхъ писателей, которые на всѣ лады выражаютъ свою боязнь и предостерегаютъ женщину отъ увлеченія современными теоріями. Извѣстный французскій поэтъ Сюлли Прюдомъ точно также преисполненъ грустныхъ предчувствій и высказываетъ ихъ въ «Revue des Revues». Его пугаетъ призракъ женщины XX столѣтія. Промышленный прогрессъ, по мнѣнію поэта, долженъ вызвать паденіе эстетическаго чувства, уменьшеніе чувства красоты, такъ какъ человѣкъ все больше и больше будетъ стремиться къ удовлетворенію своихъ потребностей комфорта и жизненныхъ удобствъ. Современный человѣкъ восхищается успѣхами промышленности и мало-по-малу это восхищеніе вытѣсняетъ чувство преклоненія и восхищенія прекраснымъ. Вмѣсто красоты, на первый планъ выдвигаются практическія проблемы и стремленіе къ ихъ разрѣшенію. Красота осуждена на гибель, потому что она не занимаетъ болѣе того мѣста, которое занимала раньше и все болѣе и болѣе отодвигается на задній планъ. Соотвѣтственно съ этимъ измѣняется и отношеніе къ женской красотѣ, и соціальная роль женщины. Благодаря промышленному прогрессу обостряется борьба за существованіе, конкурренція становится болѣе жестокой и современный человѣкъ до такой степени поглощенъ этой борьбой, — вѣчнымъ страхомъ конкурренціи и заботой о деньгахъ, что ему некогда предаваться ни созерцанію красоты, ни культу. Въ любви современный человѣкъ уже не имѣетъ ни времени, ни потребности восхищаться красотой и брошенный имъ взоръ знаменуетъ атаку, но не преклоненіе. Очень естественно, что умаленіе эстетическаго чувства должно отразиться роковымъ образомъ на женской красотѣ, женщина все болѣе и болѣе будетъ приближаться къ мужскому типу и соотвѣтственно съ измѣненіемъ ея внѣшности измѣнятся и ея душевныя качества. Вслѣдствіе этого она перестанетъ культивировать тѣ спеціально женскія качества, которыя прежде составляли ея украшеніе и посвятитъ себя изученію точныхъ, экспериментальныхъ, соціальныхъ и политическихъ наукъ, будетъ конкуррировать со студентами на скамьяхъ высшихъ учебныхъ заведеній, будетъ добиваться ученыхъ ступеней и будетъ занимать такія же общественныя должности, какія занимаетъ теперь мужчина. Многія

и теперь уже доказали, говоритъ Сюлли Прюдомъ, что интеллектуальныя способности женщины вполнѣ пригодны къ воспріятію высшей культуры и научныхъ знаній; чѣмъ дальше, тѣмъ больше женщины будутъ стремиться къ уничтоженію тѣхъ интеллектуальныхъ и нравственныхъ различій, которыя существовали между мужчинами и женщинами, и, конечно, отъ этого пострадаетъ эстетическая природа женщины. Женщина не будетъ придавать значеніе красотѣ, потому что она не будетъ нуждаться въ ней, чтобъ побѣдить мужчину. Станетъ ли жизнь лучше и легче отъ этого? Сюлли Прюдомъ думаетъ, что нѣтъ. Пониженіе эстетическаго чувства уничтожаетъ въ человѣкѣ «сладостное стремленіе къ мечтѣ, которая остается недостижимой». Его замѣнитъ стремленіе къ промышленнымъ успѣхамъ, благодаря которымъ жизненныя удобства и благосостояніе возрастутъ, но сумма человѣческаго счастья нисколько не увеличится и человѣчество потеряетъ способность наслаждаться пріобрѣтеннымъ комфортомъ, отсутствіе котораго заставило бы его страдать, такъ какъ чувствительность къ нему постепенно притупится.

Такъ вотъ чѣмъ угрожаетъ намъ XX вѣкъ съ его промышленнымъ прогрессомъ и уравненіемъ правъ женщины, — печально заключаетъ французскій любитель женщины! Но мы можемъ спокойно взирать на будущее. Женщина-человѣкъ уже доказала, что красота ея только увеличивается по мѣрѣ роста ея духовной стороны, какъ показали наши русскія женщины и въ особенности англо-саксонки.

Профессоръ Ломброзо печатаетъ въ журналѣ «Forum» статью о соціологическихъ и этническихъ источникахъ величія венеціанской республики, въ которой, послѣ длинныхъ, чисто академическихъ разсужденій, представляющихъ интересъ лишь съ точки зрѣнія исторіи и не имѣющихъ никакого отношенія къ современнымъ злобамъ дня, авторъ внезапно обращается въ сторону Соединенныхъ Штатовъ и проводитъ аналогію между Америкой и Венеціей. Этотъ внезапный переходъ приводитъ сначала читателя въ недоумѣніе, но затѣмъ становится ясно, что Ломброзо воспользовался исторіей Венеціи лишь для того, чтобы высказать предостереженіе Соединеннымъ Штатамъ не слишкомъ увлекаться политикою имперіализма. Паденіе Венеціи, въ которой Ламброзо видитъ прототипъ Соединенныхъ Штатовъ, должно, по его мнѣнію, служить для нихъ урокомъ. Ломброзо сравниваетъ Венецію съ Нью-Іоркомъ, который такъ же, какъ нѣкогда Венеція, является центромъ, сосредоточивающимъ въ себѣ торговлю, богатство и научный прогрессъ Соединенныхъ Штатовъ. Величіе венеціанскаго государства должно быть приписано прежде всего, говоритъ Ломброзо, свободѣ, которая въ немъ существовала, а упадокъ этой свободы вызванъ былъ главнымъ образомъ побѣдами въ дальнихъ странахъ. Заявленіе новыхъ и отдаленныхъ земель порождали громадныя издержки, которыя, въ свою очередь, вызвали увеличеніе налоговъ, усиленіе вооруженій и передачу верховной власти въ руки нѣсколькихъ человѣкъ, которые въ концѣ концовъ тираннизировали республику и отмѣнили всѣ ея вольности. Потеря свободы совершилась почти незамѣтно для народныхъ массъ, такъ какъ чувствительность ихъ была притуплена жаждою военной славы и побѣдъ. Вообще мечты о побѣдѣ дѣйствуютъ на народы опьяняющимъ образомъ и блескъ военной славы обыкновенно ослѣпляетъ ихъ. Побѣды обыкновенно имѣютъ своимъ результатомъ временное накопленіе богатствъ, но эти богатства въ концѣ концовъ приводятъ къ нищетѣ, которая бываетъ въ данномъ случаѣ послѣдствіемъ привычки къ праздности и лѣни. Громъ побѣды веселитъ, словно возбуждающій напитокъ, но онъ же и отравляетъ народную душу, порождаетъ въ ней тщеславіе, чрезмѣрную обидчивость и такой народъ каждую минуту готовъ бываетъ схватиться за оружіе и

въ концѣ концовъ совершаетъ роковой шагъ и начинаетъ войну, которая приводитъ его къ погибели.

Граждане Соединенныхъ Штатовъ пьютъ теперь изъ «кубка побѣды» возбуждающую и сладкую отраву, говоритъ Ломброзо, но пусть они помнятъ, что величіе ихъ страны зависитъ главнымъ образомъ отъ ея полной независимости отъ остальной части міра. Вступая на новый путь, Соединенные Штаты вынуждены будутъ заключать союзы и это породитъ имъ массу противниковъ, и свяжетъ ихъ свободу. Америка до сихъ поръ была ограждена отъ страшной разъѣдающей язвы современнаго милитаризма и теперь главная опасность для нея заключается именно въ томъ, что ей грозитъ насажденіе и развитіе этого милитаризма, источника всякихъ золъ и разоренія, которое грозитъ всѣмъ европейскимъ латинскимъ расамъ.

Женщина и политическая экономія.

Профессора цюрихскаго университета д-ра **Геркнера**.

Перев. съ нѣм. **А. Шарый**.

I.

Всякій, кто сколько-нибудь интересуется развитіемъ экономической литературы, долженъ былъ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что женщины за послѣднее время усердно и иногда съ необычайнымъ успѣхомъ занимаются изученіемъ политической экономіи. Ихъ работы можно встрѣтить не только въ повседневной прессѣ,—но даже и редакціи самыхъ выдающихся спеціальныхъ изданій, напримѣръ, «Jahrbücher» Шмоллера и Конрада, «Archives» Брауна въ Германіи, считаютъ женщинъ въ числѣ своихъ сотрудниковъ.

Такъ какъ сейчасъ даже отъ людей, относящихся съ большой симпатіей къ научнымъ занятіямъ женщины, часто приходится слышать, что государственныя и общественныя науки дѣло не подходящее для женщины, то, пожалуй, не будетъ неумѣстнымъ въ университетѣ, который пролагалъ дорогу женскому образованію, взять темой для вступительной лекціи вопросъ объ отношеніи между научной политической экономіей и женщиной.

Понятно, здѣсь не можетъ быть рѣчи о какомъ-нибудь исчерпывающемъ разсмотрѣніи этой темы: только на три вопроса мнѣ хотѣлось бы отвѣтить, но и эти три вопроса будутъ разсмотрѣны лишь съ тѣхъ сторонъ, которыя, по моему мнѣнію, до настоящаго времени не были достаточно изслѣдованы.

Эти вопросы слѣдующіе: 1) Что̀ дали до сихъ поръ женщины въ области политической экономіи? 2) Что̀ можетъ дать женщинѣ изученіе политической экономіи? 3) Какое вліяніе можетъ имѣть все растущее занятіе женщинъ политико-экономическими вопросами на общественное развитіе?

II.

Новѣйшая политическая экономія родилась въ Англіи; неудивительно поэтому, что намъ прежде всего придется говорить о работахъ англійскихъ женщинъ.

Многіе припомнятъ имя Harriet Martineau (Гарріетъ Мартино). По выраженію лорда Бругэма (Brougham), эта глухая дѣвушка изъ Норвича сдѣлала, быть можетъ, больше добра, чѣмъ кто-либо въ Англіи *). Для научной поли-

*) Наиболѣе извѣстны: «Illustrations of political economy» въ 9 томикахъ. Онѣ были переведены на французскій, датскій и испанскій языки.

тической экономіи ея работы не имѣютъ никакого значенія. Она ограничивалась популяризаціей въ беллетристической формѣ ученій Смита, Рикардо и Мальтуса. Тѣмъ не менѣе, позднѣе она, кажется, пришла къ заключенію, что эта классическая политическая экономія не можетъ считаться послѣднимъ словомъ науки. Она замѣчаетъ въ своей автобіографіи, что политическая экономія должна будетъ подвергнуться столь основательной переработкѣ, что еще является вопросомъ, обязаны ли ей будутъ грядущія поколѣнія чѣмъ-нибудь, кромѣ великаго открытія закономѣрности общественной жизни.

Въ этой переработкѣ, которая была не по силамъ Harriet Martineau, приняла очень большое участіе другая англійская женщина,—жена Джона Ст. Милля.

Во всякомъ случаѣ, самъ Милль приписываетъ наиболѣе цѣнныя и оригинальныя свои работы вліянію своей жены. Ея вліянію нужно приписать соціальный духъ его трудовъ, глубокое участіе къ положенію рабочаго класса, неутомимое исканіе путей и средствъ для улучшенія его общественнаго положенія, старательное изученіе соціалистическихъ мыслителей, не затѣмъ, чтобы какъ Рейбо, опровергнуть или высмѣять ихъ, а чтобы извлечь что-нибудь, чѣмъ бы можно было воспользоваться для блага науки *)

Извѣстная глава «Политической экономіи»: «Вѣроятное будущее рабочаго класса» съ мастерской критикой произведенныхъ властною рукою соціальныхъ реформъ—ея духовное дитя и, по увѣренію Милля, часто выражаетъ ея мысли ея же собственными словами.

Особеннаго интереса заслуживаетъ еще, кажется мнѣ, то обстоятельство, что Милль, хотя и былъ обращенъ своей женой въ соціальнаго реформатора, ею же былъ удержанъ отъ коммунизма. Точно также ея геній внушилъ ему индивидуалистически настроенный опытъ: «о свободѣ».

Роль, которую Милль приписываетъ участію своей жены въ его духовномъ творчествѣ, оспаривается многими. На самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что любящій и скромный Милль могъ зайти гораздо дальше въ оцѣнкѣ своей жены, чѣмъ это казалось возможнымъ для безпристрастныхъ наблюдателей. Тѣмъ не менѣе, я все же думаю, что когда Милль съ такой точностью указываетъ, что той или иной мыслью онъ обязанъ своей женѣ, въ той или другой главѣ говоритъ многое ея же собственными словами, я думаю, нельзя не считаться съ свидѣтельствомъ такого добросовѣстнаго мыслителя, какимъ былъ Милль.

И, наконецъ, почему должно казаться такимъ страннымъ, что женщина сдѣлала что-нибудь замѣтное для успѣховъ политической экономіи? Я не хочу напоминать о значительномъ прогрессѣ, который сдѣлали великія государства подъ скипетромъ женщинъ; не хочу ни останавливаться на законѣ о бѣдныхъ королевы Елисаветы или на крестьянскомъ законодательствѣ Маріи-Терезы, ни заниматься изслѣдованіемъ того, какое участіе принимала, быть можетъ, королева Викторія въ улучшеніи положенія рабочаго класса въ Англіи, и сколько сдѣлала американская женщина для уничтоженія рабства, гораздо раньше автора «Хижины дяди Тома».

Одно хотѣлъ бы я особенно подчеркнуть, тотъ именно фактъ, что въ высшей

---

*) «Все, что въ нихъ отвлеченнаго и чисто научнаго, принадлежитъ мнѣ, а человѣчный элементъ приданъ ею; во всемъ, что касалось примѣненія науки къ требованіямъ человѣческаго общества и прогресса, я былъ ея ученикомъ какъ въ смѣлости умозрѣній, такъ и въ осторожности практическихъ выводовъ... Тѣ части моихъ сочиненій и особенно «Политической экономіи», въ которыхъ выражена возможность въ будущемъ такихъ соціальныхъ перемѣнъ, которыя встрѣчали самый горячій протестъ экономистовъ, никогда не были бы написаны безъ ея содѣйствія или были бы изложены въ болѣе скромной и умѣренной формѣ» («Автобіографія», пер. подъ ред. Благосвѣтлова).

степени содержательными и блестящими произведеніями новѣйшей соціально-политической литературы Англіи мы обязаны опять-таки женщинѣ.

Я имѣю въ виду, понятно, Беатрису Веббъ, жену Сиднея Вебба. Ея выдающіеся научные труды даютъ мнѣ право посвятить нѣсколько словъ ея личности и ея развитію.

Беатриса Веббъ (род. 1858 г.)—младшая дочь Ричарда Поттера, одного изъ англійскихъ желѣзнодорожныхъ королей. Гербертъ Спенсеръ далъ ея развитію индивидуалистическое направленіе Исполняя въ нѣкоторомъ родѣ обязанности секретаря своего отца, она рано пріобрѣла глубокое пониманіе современной хозяйственной жизни. Толчкомъ же къ научнымъ занятіямъ экономическими и соціальными вопросами послужило ея знакомство съ одними далекими родственниками, бѣдными фабричными рабочими. Ея бабушка со стороны матери была сама работницей на фабрикѣ. Впечатлѣнія, вынесенныя ею изъ этого знакомства, дали первый толчекъ сомнѣнію въ правильности ея до тѣхъ поръ прочнаго индивидуалистическаго міросозерцанія. Въ союзѣ со своимъ кузеномъ Чарльсомъ Бусомъ (Booth) она задумала основательно изучить фактическое положеніе рабочаго населенія,—для начала въ лондонскомъ Остэндѣ. Оба они были еще того мнѣнія, что чѣмъ основательнѣе будетъ сдѣлано такое изслѣдованіе, тѣмъ вѣрнѣе покажетъ оно, что всѣ разсказы о нуждѣ рабочихъ сильно преувеличены. Г-жа Веббъ, тогда еще миссъ Поттеръ, взяла на себя изслѣдованіе положенія женщинъ въ конфекціонной промышленности—этомъ царствѣ такъ называемой sweating-system (потогонная система).

Съ этою цѣлью она прошла у одного портного курсъ шитья и кройки и потомъ, въ оборванномъ платьѣ и съ растрепанными волосами, отправилась въ бѣдные рабочіе кварталы искать работы. Такъ какъ, не смотря на пройденный курсъ, она значительно отставала отъ профессіональныхъ работницъ въ скорости работы, то ее обыкновенно очень скоро разсчитывали, что и дало ей возможность собственными глазами видѣть условія жизни значительной части мастерскихъ *).

Это изученіе принесло богатые плоды. Miss Поттеръ дала для замѣчательнаго сочиненія Буса (Booth): «Life and Labor of the People», работу объ иммиграціи польскихъ и русскихъ евреевъ, съ которой стоитъ въ самой тѣсной связи положеніе труда въ тѣхъ отросляхъ промышленности, гдѣ царитъ sweating-system. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1888 году, она была допрошена въ качествѣ эксперта парламентской коммиссіей, занимавшейся вопросомъ о распространеніи рабочаго законодательства и на вышеупомянутыя отрасли труда. Ея показанія одинаково блестяще доказывали обширность ея свѣдѣній и безпристрастіе ея сужденій. Ея предложеніе клонилось къ тому, чтобы сдѣлать отвѣтственными за происходящія тутъ безобразія и хозяевъ, и посредниковъ,—мысль, которая въ дѣйствительности нашла себѣ выраженіе, но къ сожалѣнію, въ очень ограниченной формѣ, въ законодательствѣ 1891 и 1895 годовъ.

Къ тому же, это изученіе дѣйствительности, рядомъ съ которымъ шло и усиленное изученіе экономической науки, произвело основательный переворотъ въ политическихъ и соціальныхъ взглядахъ миссъ Поттеръ. Консервативная аристократка-индивидуалистка становится теперь въ первыхъ рядахъ тѣхъ, кто борется за серьезныя, широкія реформы на демократическихъ началахъ и не для того, чтобъ изъ филантропическихъ мотивовъ облегчить нужду пролетаріата, а чтобъ положить начало перерожденію общества въ цѣломъ.

Съ безпримѣрнымъ рвеніемъ и успѣхомъ занималась съ тѣхъ поръ миссъ Поттеръ вопросами, касающимися разныхъ товариществъ, профессіональныхъ

---

*) См. «Diary of an investigator», первоначально появившееся въ «Nineteenth Century», Sept. 1888; вторично отпечатанное въ Mr. and Mrs. Webb. «Problems of modern industry».

союзовъ, рабочаго законодательства *). Всѣ эти работы были очень скоро переведены на иностранные языки и вызвали удивленіе спеціалистовъ Густавъ Шмоллеръ, мнѣнія котораго часто расходятся съ мнѣніями г-жи Веббъ, считаетъ ея труды въ числѣ лучшихъ и самыхъ поучительныхъ, какіе ему приходилось видѣть. И безъ сомнѣнія, онѣ выдаются красотой и блескомъ изложенія, мѣткостью наблюденія, удочностью подбора и анализа фактовъ, широтой взгляда и глубиной мысли. Это столько же произведенія искусства, сколько и науки.

Въ 1892 году миссъ Поттеръ вышла замужъ за извѣстнаго политико-экономиста и основателя Фабіанскаго общества—Сиднея Вебба.

Съ точки зрѣнія той спеціальной задачи, которую я преслѣдую,—показать, чѣмъ наша наука обязана женщинѣ, я долженъ откровенно пожалѣть объ этомъ, въ остальномъ, впрочемъ, очень счастливомъ, союзѣ. Г-жа Веббъ съ этихъ поръ пишетъ большинство своихъ работъ совмѣстно со своимъ мужемъ. Капитальный трудъ о трэд-юніонахъ вышелъ въ свѣтъ уже какъ сочиненіе Mr'а и Mrs Webb. Что же тутъ принадлежитъ его перу, что ей?

Къ счастью, уже до своей женитьбы Веббъ выпустилъ нѣсколько работъ въ общественно-политической области. Я думаю, что работы холостого Вебба сильно тускнѣютъ отъ сравненія съ работами супруговъ Веббъ, тогда какъ «Кооперативное движеніе» миссъ Поттеръ смѣло стоитъ рядомъ съ написанной супругами Веббъ книгой о трэд-юніонахъ.

Г-жа Веббъ слѣдующимъ образомъ говоритъ объ ихъ совмѣстной работѣ: «Онъ дѣлаетъ работу, а я его вдохновляю. Это я считаю прямо правиломъ: во всемъ женщина даетъ толчекъ, мужчина—исполненіе. У женщины больше духовныхъ средствъ, интуиціи и смѣлости, чѣмъ у мужчины, но у мужчины больше способности къ упорному труду. При нашей совмѣстной работѣ я даю моему мужу матеріалъ, онъ обрабатываетъ его. Когда онъ пишетъ, я сижу рядомъ съ моими замѣтками. Онъ критикуетъ мой планъ, я критикую его исполненіе; и когда мы ужъ не оставимъ другъ на другѣ живого мѣста, мы идемъ дальше».

Въ настоящую минуту супруги Веббъ работаютъ надъ книгой объ англійскихъ общинныхъ порядкахъ.

О вопросахъ чисто политическихъ, стоящихъ на почвѣ классовой борьбы, г-жа Веббъ ничего знать не хочетъ **). Что касается политической роли женщины, она является представительницей оригинальной идеи: замѣнить верхнюю палату представительствомъ женщинъ... Въ остальномъ — г-жа Веббъ никакъ не производитъ впечатлѣніе синяго чулка, наоборотъ, — въ высшей степени привлекательнаго существа, «спокойной, милой, женственной женщины», какъ выразился одинъ изъ ея англійскихъ біографовъ.

Проще говоря, работы г-жи Веббъ превосходятъ, быть можетъ, все, что до сихъ поръ вообще создано женщиной въ области науки. Я недостаточно математикъ, чтобы судить о работахъ Софіи Ковалевской, съ которой скорѣе всего ее можно сравнивать. Однако, если вѣрно то, что работы стокгольмской профессорши не выходятъ изъ рамокъ идей ея учителя Вейерштрасса, г-жѣ Веббъ достанется пальма первенства въ смыслѣ большей самостоятельности въ ея спеціальности. Какъ писательницы, одинаково высоко стоятъ онѣ обѣ; какъ

---

*) B. Potter, «The Cooperative movement in Great Britain». Lond. 1891; Mrs B. Webb. «The failure of the Labour Commission». «Nineteenth Century», Juli, 1894; S. & B. Webb. «The History of Trade-Unionisme», 1894; S. & B. Webb. «Industrial Democracy», 1897; S. & B. Webb, «Problems of modern industry» 1898. Кромѣ того г-жа Веббъ написала: «Women & the factory acts», S. 82; «The relationship between Cooperation and Trade Unionism».

** (Ея уравновѣшенной натурѣ противно все, что носитъ характеръ догматическаго, насильственнаго, декламаторскаго или агитаторства.

человѣкъ, г-жа Веббъ, мнѣ кажется, безусловно болѣе устойчивой и зрѣлой личностью.

Послѣ г-жи Веббъ изъ англійскихъ женщинъ, которымъ мы обязаны политико-экономическими изслѣдованіями, я могъ бы назвать прежде всего миссъ Клару Коллетъ (Clara Collet). Начавъ свою научную дѣятельность въ качествѣ сотрудницы въ упомянутомъ уже трудѣ Чарльса Буса, она продолжала работать, какъ Lady Assistant Commisioner въ гигантскомъ изслѣдованіи условій труда, предпринятомъ въ 1891 году англійскимъ правительствомъ. Здѣсь она заявила себя такимъ трудолюбивымъ и дѣльнымъ статистикомъ, что по окончаніи анкеты ей было предложено мѣсто въ отдѣлѣ статистики труда при министерствѣ торговли. Ей обязаны мы весьма почтеннымъ статистическимъ изслѣдованіемъ о трудѣ женщинъ и дѣвушекъ въ Англіи.

Рядомъ съ миссъ Коллетъ съ успѣхомъ работало въ коммиссіи 1891 года значительное число академически образованныхъ женщинъ, о которыхъ съ большой похвалой отзывается въ своемъ отчетѣ секретарь коммиссіи. Имъ поручено было освѣтить профессіональную сторону жизни работницъ, и ихъ доклады вмѣстѣ съ докладомъ о положеніи земледѣльческихъ рабочихъ принадлежатъ къ самымъ удачнымъ въ анкетѣ.

Дѣльной работницей въ политической экономіи является дальше г-жа Маршаллъ (Marschall), жена экономиста Альфреда Маршалла въ Кэмбриджѣ. Она не только читаетъ лекціи по политической экономіи въ женскомъ университетѣ Newnham College въ Кэмбриджѣ, но извѣстна какъ усердная и цѣнная сотрудница своего мужа въ его, по общему признанію очень почтенныхъ, трудахъ.

Женщины, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, и къ которымъ надо причислить еще г-жу Бернаръ Бозанкэ (Bernard Bosanquet) и миссъ Туиннингъ (Twinning), заявили себя самостоятельными научными трудами. Но кромѣ нихъ, есть еще много женщинъ, которыя, обладая значительными познаніями въ области политико-экономической, главнымъ образомъ работаютъ на почвѣ практической политики, какъ, напр., лэди Дилкъ (Dilke), Элеонора Марксъ и др., или же въ области журналистики. Ихъ дѣятельность, мнѣ кажется, заслуживаетъ не меньше благодарности, чѣмъ работа изслѣдователя въ собственномъ смыслѣ слова. Какую пользу, въ самомъ дѣлѣ, особенно въ нашей спеціальности, принесутъ всѣ эти сокровища, если изъ нихъ ничего не достанется широкой публикѣ, народу?

Какъ серьезно и усердно отдаются англійскія женщины вообще изученію общественныхъ отношеній, показываютъ, наконецъ, такъ называемыя «женскія поселенія» (Women Settlements) и Women Industrial Councils въ Лондонѣ и Глэсго. Первыя являются чѣмъ-то въ родѣ наблюдательныхъ постовъ въ рабочихъ кварталахъ большихъ городовъ; это колоніи женщинъ образованныхъ классовъ, которыя своими собственными глазами хотятъ изучить жизнь рабочаго класса. Съ 1877 по 1895 годъ такихъ «поселеній» основано въ Лондонѣ девять.

Women's Industrial Councils заняты изслѣдованіемъ условій труда женщинъ и дѣтей, организаціей женщинъ въ профессіональные союзы, ихъ развитіемъ путемъ лекцій и курсовъ, выработкой на основаніи собственнаго опыта проектовъ законовъ и пр. Лондонская организація опубликовала нѣсколько времени тому назадъ замѣчательное изслѣдованіе о паденіи заработной платы женщинъ въ домашней промышленности.

Раньше, чѣмъ перейти къ женщинамъ-политико-экономамъ другихъ странъ, я долженъ напомнить еще объ одной женщинѣ, которая, къ сожалѣнію, не стоитъ въ прямомъ отношеніи къ нашей спеціальности, а занимается исторической наукой. Я говорю о Mrs. Гринъ, вдовѣ извѣстнаго автора «Исторіи англійскаго народа». По смерти своего мужа она посвятила себя широкому

изученію, по источникамъ, исторіи развитія средневѣковыхъ городовъ и послѣ десятилѣтней работы дала въ своей «Городской жизни въ Англіи пятнадцатаго вѣка» произведеніе, которое должно быть причислено къ самымъ зрѣлымъ плодамъ англійской исторіи народнаго хозяйства, не менѣе важнымъ для политико-эконома, чѣмъ для историка и политика.

Послѣ Англіи слѣдуетъ поставить родственную ей и ближе всего стоящую по развитію женскаго движенія Сѣверную Америку. Хотя тамъ политической экономіи отведено больше мѣста въ образованіи женщины, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ, американки не догнали еще своихъ англійскихъ сестеръ въ научной работѣ. Наиболѣе извѣстны статьи Флоренсъ Кэлли (Florence Kelley) по вопросамъ рабочаго законодательства. Она училась въ Цюрихѣ, съ 1893 по 1897 годъ была фабричнымъ инспекторомъ въ Иллинойсѣ, но была уволена отъ должности за то, что рѣшилась настаивать на исполненіи законодательныхъ постановленій о дѣтскомъ трудѣ на одной фабрикѣ, пользовавшейся особеннымъ покровительствомъ тогдашняго правительства.

Въ Германіи тоже ни одной женщинѣ не удалось еще подняться на ту высоту, на которой стоитъ Б. Веббъ. Но то усердіе, съ которымъ многія богатоодаренныя женщины принялись за изученіе общественныхъ наукъ, даетъ право ожидать многаго. Елиза Гнаукъ-Кюне (Elisabeth Gnauck-Kühne) изслѣдовала положеніе женщинъ на берлинскихъ бумажныхъ фабрикахъ; Гертруда Диренфуртъ (Gertrud Dyhrenfurth) посвятила свое вниманіе женскимъ профессіональнымъ союзамъ въ Англіи и положенію работницъ берлинской Konfectionsindustrie, работающихъ на дому; родственную тему разрабатывали д-ръ Минна Ветштейнъ-Аделтъ и Ода Ольбергъ (D-r Minna Wettstein-Adelt и Oda Olberg); Елена Симонъ (Helene Simon) писала въ то же время объ англійскомъ фабричномъ законодательствѣ и дѣятельности англійскихъ фабричныхъ и санитарныхъ инспекторовъ-женщинъ. Лили Браунъ (Lily Braun) (по первому мужу—Giżycki) и Клара Цеткинъ (Klara Zetkin) разрабатываютъ женскій вопросъ и вопросъ о положеніи работницъ, главнымъ образомъ съ точки зрѣнія экономической; Адель Гергардъ (Adele Gerhard) написала брошюру объ отношеніи соціалъ-демократіи къ потребительнымъ товариществамъ. Wettstein-Adelt и Гнаукъ-Кюнэ (Gnauck-Kühne), подобно Б. Веббъ переодѣвшись работницами, работали въ описанныхъ ими отрасляхъ труда.

Понятно, и въ Германіи журнальная дѣятельность экономически-образованныхъ женщинъ еще шире, чѣмъ въ чисто научной области изслѣдованія.

Изъ польскихъ женщинъ выдаются Софія Дашинска (Zofia Daszinska) и Роза Люксембургъ (Rosa Luxemburg), русской, г-жѣ Горбуновой, мы обязаны интересной статьей о русскомъ кружевномъ промыслѣ. Зато во Франціи знаю я только Клэмансъ Ройе (Clémence Royer), какъ автора «Теоріи налоговъ», и въ Италіи—графиню Пассолини (Passolini) и Джину Ломброзо (Gina Lombroso).

Если бы мнѣ пришлось теперь, на основаніи названныхъ трудовъ, подвести итогъ дѣятельности женщинъ въ нашей наукѣ, я сказалъ бы: мы обязаны уже женщинамъ цѣлымъ рядомъ работъ, которыхъ нельзя было бы выкинуть, не пожертвовавъ важными звеньями въ цѣпи политико-экономическихъ изслѣдованій, не нанеся чувствительнаго удара нашей наукѣ. Подобно тому, какъ фабричная инспекція не будетъ полна безъ женскаго персонала, если благодѣянія фабричнаго законодательства будутъ распространены и на домашнюю промышленность, такъ точно и общественно-научныя изслѣдованія должны быть возложены на ученыхъ женщинъ, если только рѣчь идетъ объ основательномъ и всестороннемъ изслѣдованіи растущей съ каждымъ днемъ области женскаго промышленнаго труда; здѣсь женщины могутъ открыть намъ такіе факты, которые, безъ сомнѣнія, остались бы сокрытыми для изслѣдователя—мужчины.

Впрочемъ, не только въ этихъ спеціальныхъ случаяхъ мы должны привѣтствовать работы женщинъ. Супруги Веббы заявляютъ, что, по ихъ личному опыту, женщины вообще гораздо легче вызываютъ довѣріе и находятъ доступъ туда, гдѣ и въ томъ и другомъ отказываютъ мужчинѣ, какъ возможному конкурренту въ промышленности или противнику въ политикѣ.

Затѣмъ дальше: почему общественные порядки, съ которыми имѣютъ дѣло одинаково и мужчина, и женщина, должны разсматриваться всегда съ точки зрѣнія того, какъ они отражаютси въ душѣ мужчины? Увѣрены ли мы въ томъ, что онъ можетъ передать вещи въ такомъ видѣ, какъ онѣ есть въ дѣйствительности? Даже если это и такъ, дѣло не только въ одномъ наблюденіи фактовъ, но и въ ихъ переработкѣ, въ судѣ надъ ними. И въ этомъ смыслѣ я считаю въ высшей степени желательнымъ, чтобы женскій взглядъ на вещи, который, какъ правило, старательно подчеркиваетъ индивидуальный, личный моментъ, получилъ положительное вліяніе.

Политико-экономъ мужчина, особенно принадлежащій къ дедуктивно-абстрактному направленію, легко поддается искушенію видѣть только отдѣльныя соціальныя группы и категоріи и считаться съ индивидами только какъ съ членами высшихъ единицъ. Такимъ образомъ возникаютъ голыя схоластическія понятія: «капиталиста», «рабочаго», «землевладѣльца» и т. п. Надъ этими схемами оперируютъ, какъ надъ алгебраическими величинами; и все еще есть люди, которые думаютъ, что можно втиснуть хозяйственныя и общественныя проблеммы въ математическія формулы. Такимъ образомъ общество является не организмомъ, которымъ движутъ всѣ человѣческія страсти, а сухимъ скелетомъ, на политическую же экономію ложится печать чего-то школьнаго или канцелярскаго, шаблоннаго, холоднаго и невѣрнаго. Поэтому часто какъ разъ люди съ развитымъ чувствомъ живой дѣйствительности, съ горячимъ сердцемъ или живой фантазіей, получаютъ отвращеніе къ политической экономіи. Вспомните Бисмарка, Карлейля, Рёскина, Толстого.

Противъ этихъ заблужденій въ высшей степени полезнымъ противоядіемъ должна быть противоположная тенденція женщины — выставлять на первый планъ частное, индивидуальное, схватывать вещи скорѣе чувствомъ, чѣмъ умомъ. Я совершенно согласенъ съ Л. фонъ-Штейномъ, когда онъ говоритъ, что то, что мы называемъ чувствомъ, есть въ концѣ концовъ безсознательное схватываніе всѣхъ великихъ истинъ, и что когда мужчина ищетъ основаній, доказательствъ, то это для того, чтобъ вѣрно понять хоть и необоснованную «истину» женщины.

Эмерсонъ выразился разъ замѣчательнымъ образомъ: «мы никогда не поймемъ политической экономіи, если ее не разскажетъ намъ въ своихъ пѣсняхъ Бернсъ или Беранже или какой-нибудь другой поэтъ. Я хочу этимъ сказать, что чисто ученыхъ изслѣдованій недостаточно для пониманія политико-экономическихъ вопросовъ въ широкихъ кругахъ, что только въ художественной переработкѣ они могутъ служить для блага націи» *).

Я думаю, начало такого художественнаго, скорѣе интуитивнаго, чѣмъ аналитическаго и рефлектирующаго пониманія вещей можно замѣтить, въ дѣйствительности, въ трудахъ этихъ Б. Веббъ, Gnauck Kühne, Gertrud Dyhrenfurth и нѣкоторыхъ другихъ женщинъ.

III.

Если все до сихъ поръ сказанное не оставляетъ мѣста сомнѣнію въ томъ, что женщины могутъ содѣйствовать успѣху политической экономіи и уже дѣйстви-

*) Я сомнѣваюсь, дали-ли для пониманія ужаснаго положенія силезской домашней промышленности всѣ вмѣстѣ взятыя научныя изображенія столько, сколько дала одна единственная драма Гауптмана; «Ткачи».

тельно ему содѣйствовали, мы можемъ подойти къ нашему предмету съ другой стороны. Я хотѣлъ-бы попытаться взглянуть на политическую экономію съ точки зрѣнія интересовъ женщины и отвѣтить на вопросъ, чего можетъ ждать, въ свою очередь, женщина отъ политической экономіи.

Отвѣтъ долженъ получиться различный въ зависимости отъ того, будемъ ли мы говорить о спеціальныхъ научныхъ занятіяхъ политической экономіей, или о введеніи политико-экономическихъ знаній въ кругъ общаго женскаго образованія.

Въ первомъ случаѣ изученіе политической экономіи, какъ и можно ожидать, открываетъ женщинѣ доступъ къ цѣлому ряду профессій.

Нужны ли будутъ женщины для фабричной инспекціи или для попеченія о бѣдныхъ, нужно-ли будетъ произвести статистическое изслѣдованіе объ условіяхъ жизни работницъ, всегда обратятся скорѣе всего къ такимъ женщинамъ, которыя уже доказали свои научныя способности и пониманіе общественныхъ вопросовъ своими успѣшными трудами. Кромѣ того, съ каждымъ днемъ растетъ число женскихъ организацій съ экономическими или общественными задачами. И онѣ предпочтутъ видѣть во главѣ себя экономически-образованныхъ женщинъ. Въ самомъ дѣлѣ, это не одна только чистая случайность, что мы находимъ самые зрѣлые и свѣтлые взгляды на женскій вопросъ у женщинъ, сильныхъ въ своей спеціальности—политической экономіи. Здѣсь послѣ Б. Веббъ прежде всего надо напомнить вамъ о мастерскомъ, покрытомъ рукоплесканіями, докладѣ Гнаукъ-Кюне (Gnauck Kühne), который она сдѣлала на евангелическо-соціальномъ конгрессѣ въ Эрфуртѣ въ 1895 году.

Многія женщины обладаютъ блестящимъ талантомъ журналиста. Въ настоящее время совсѣмъ не рѣдкость, что женщины избираютъ карьеру журналиста, выступаютъ въ качествѣ писательницъ или издательницъ. Въ Англіи считалось въ 1891 году болѣе 800 женщинъ-журналистокъ. Если раньше ихъ дѣятельность ограничивалась больше областью изящной литературы и фельетона, то въ послѣднее время, по мѣрѣ того, какъ женщины усердно занялись изученіемъ политико-экономическихъ вопросовъ, имъ ввѣрено веденіе отчетовъ о политической и экономической жизни. Миссъ Show поручено было въ «Times» веденіе политическихъ корреспонденцій изъ колоній. Въ Парижѣ выходитъ уже въ теченіе года ежедневная газета «La Fronde», составляемая исключительно женщинами и быстро завоевавшая себѣ почетное мѣсто въ парижской прессѣ.

Политико-экономическое образованіе, безъ сомнѣнія, подниметъ шансы женщинъ на этомъ поприщѣ.

Затѣмъ женщины-политико-экономы должны найти себѣ мѣсто въ качествѣ преподавательницъ этого предмета, если, какъ это уже имѣетъ мѣсто въ Америкѣ, политическая экономія будетъ введена въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ для дѣвушекъ.

Эта сторона занятій политической экономіей для женщинъ, которыя принуждены сами заработывать свой кусокъ хлѣба, представляетъ для нихъ значительный интересъ. Но все-таки безконечно большее значеніе имѣетъ то, что даетъ политическая экономія, какъ одинъ изъ элементовъ женскаго образованія.

Точно также и для рабочихъ, предпринимателей, купцовъ и т. д. важно, съ точки зрѣнія интересовъ промышленности или классовыхъ интересовъ, вооружиться познаніями въ политической экономіи. И такъ какъ въ настоящее время безчисленное количество женщинъ, подобно мужчинамъ, выброшены на поле битвы, работаютъ и стремятся впередъ, конкуррируютъ и рискуютъ, то и для нихъ становится просто вопросомъ самосохраненія въ борьбѣ за существованіе опереться на тѣ же средства, какъ и мужчина. Эта сторона вопроса мнѣ кажется слишкомъ элементарной, чтобъ останавливаться на ней дольше.

Скорѣе можетъ показаться кому-нибудь сомнительной та польза, которую

могла бы принести политическая экономія скромной хозяйкѣ, работающей исключительно въ своемъ домашнемъ кругу.

Представимъ себѣ, что хозяйка дома вѣдаетъ расходы по хозяйству, что она сталкивается съ рабочимъ вопросомъ въ лицѣ своей прислуги; что съ развитіемъ современныхъ способовъ производства каждое отдѣльное домашнее хозяйство все сильнѣе захватывается общимъ развитіемъ національнаго и мірового хозяйства; тогда подготовка женщины къ пониманію этой экономической связи явленій, съ которыми каждый день приходится считаться во всякомъ порядочномъ хозяйствѣ, не можетъ такъ легко быть признана излишней. Я не намѣренъ утверждать, чтобы всякая знакомая съ политической экономіей женщина стала вести свое домашнее хозяйство безусловно лучше другихъ, но вотъ что мнѣ кажется несомнѣннымъ: женщина въ настоящую минуту, благодаря недостаточности политико-экономическихъ знаній, недостаточно ясно представляетъ себѣ то громадное вліяніе, которое она оказываетъ на все производство и распредѣленіе, удовлетворяя потребности своего домашняго хозяйства. Она—потребитель, а потребитель, если онъ организованъ—верховная власть. Отъ него прежде всего зависитъ, что будетъ производиться, каковы будутъ условія труда въ производствѣ, какимъ путемъ будутъ доставлены продукты отъ производителя къ потребителю.

Анархія и страшная растрата народнаго богатства, которую представляетъ современная дробность мелочной торговли *); неотвратимые кризисы, которые влекутъ за собой капризы моды; жалкое положеніе сезонныхъ рабочихъ, занятыхъ изготовленіемъ платья,—всѣмъ этимъ печальнымъ явленіямъ уже и теперь могла бы положить конецъ женщина, если бы она рѣшила покупать нужное въ потребительныхъ товариществахъ; покупать, если есть только возможность, оптомъ; не повиноваться слѣпо глупымъ требованіямъ моды и роскоши и прежде всего—не откладывать на послѣднюю минуту. Такая политика внесетъ улучшеніе въ организацію нашего хозяйства, которое дастъ и каждому частному хозяйству большія сбереженіе.

Такимъ образомъ знанія въ области политической экономіи, какъ всякое знаніе, есть сила для женщины,—сила, обладаніе которой будетъ ей полезно не только для улучшенія ея правового положенія, но и для разумнаго пользованія уже пріобрѣтенными правами.

Затѣмъ всякое знаніе является само по себѣ уже богатымъ источникомъ удовлетворенія. Политическая экономія позволитъ женщинѣ глубоко заглянуть въ запутанную, все болѣе и болѣе усложняющуюся и все менѣе проницаемую для систематически неразвитого глаза область современной хозяйственной и общественной жизни. Она дастъ ей прежде всего возможность самостоятельно разобраться въ громадной, все наше столѣтіе перевернувшей борьбѣ, исходомъ которой въ очень сильной степени опредѣлится и будущее положеніе женщины. Занять позицію въ этой напряженной борьбѣ съ полнымъ сознаніемъ, по собственному убѣжденію, свободно отъ случайныхъ вліяній среды, прессы и классовыхъ предразсудковъ,—должно быть, по моему мнѣнію, цѣннымъ и соблазнительнымъ пріобрѣтеніемъ для всякаго живого человѣка, будь онъ мужчина или женщина. Я имѣю въ виду здѣсь спеціально женщинъ изъ высшаго класса общества, отъ которыхъ домашнее хозяйство или семья еще или совсѣмъ не требуютъ и не требовали ни времени, ни труда, или, въ крайнемъ случаѣ,—требовали очень немного. Съ тѣхъ поръ, какъ современное хозяйственное развитіе стремится перенести всю продуктивную дѣятельность изъ круга домашняго хозяйства въ спеціальныя производства, такія женщины должны чув-

*) По вычисленію Жида, мелочная торговля обходится Франціи въ 7½ миллiардовъ при потребленіи, приблизительно, въ 25 миллiардовъ.

ствовать извѣстную пустоту, недостатокъ серьезнаго, удовлетворяющаго нравственныя потребности и возвышающаго содержанія жизни. И именно самыя высокія и благородныя натуры чувствуютъ наиболѣе болѣзненно этотъ недостатокъ. Въ наше время, если не говорить о свѣтскихъ развлеченіяхъ и спортѣ, открываются главнымъ образомъ два пути для того, чтобъ заполнить это пустое мѣсто: искусство или благотворительность.

Занятіе искусствомъ, будь то литература, музыка или живопись, предполагаетъ,—если только оно не вырождается въ пустое времяпрепровожденіе, что уже исключаетъ внутреннее удовлетвореніе въ высокомъ смыслѣ этого слова,—извѣстныя способности или талантъ. Ну, а что, если эти способности отсутствуютъ совершенно или имѣются въ слабой степени? Тогда пассивные характеры, при отсутствіи внутренней потребности, подчиняются давленію господствующихъ въ «обществѣ» взглядовъ и ведутъ себя, по меньшей мѣрѣ, такъ, будто игра на фортепіано и пѣніе, рисованіе и живопись, посѣщеніе музеевъ, театра и оперы, чтеніе романовъ имѣютъ для нихъ особенную прелесть. При господствующихъ нынѣ воззрѣніяхь нужна уже значительная энергія, чтобъ женщинѣ высшихъ классовъ рѣшиться открыто выкинуть за бортъ всю эту показную сторону жизни и отвести себѣ кругъ дѣятельности въ области общеполезнаго. Во всякомъ случаѣ, внѣшнія затрудненія не будутъ особенно велики до тѣхъ поръ, пока она будетъ довольствоваться тѣмъ, на что указываетъ ей традиція: присмотромъ за дѣтьми, матери которыхъ работаютъ на фабрикѣ, уходомъ за больными, призрѣніемъ бѣдныхъ. Но стоитъ ей задать себѣ вопросъ объ истинныхъ причинахъ общественныхъ язвъ,—а умная женщина никогда не успокоится на банальной фразѣ: «нужда испоконъ вѣку существуетъ»—и она очутится передъ закрытой желѣзной дверью.

Развѣ нельзя сохранить мать ея семьѣ? Почему заработокъ мужа не позволяетъ этого? Почему отецъ семейства разбитъ болѣзнью уже въ молодые годы? Почему разоряется семья? Почему такъ много работницъ въ данной профессіи идутъ по пути порока? Почему въ другой столько рабочихъ предаются пьянству? Почему, говоря словами поэта, такъ дорогъ хлѣбъ и такъ дешевы кровь и потъ, особенно—женщинъ? Почему законодательство, ограничивающее то или другое зло, такъ медленно двигается впередъ?

Въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя дала дѣвушкѣ существующая школа, ей не на чемъ будетъ остановиться, чтобъ дать себѣ удовлетворительный отвѣтъ на эти вопросы *). Столь же мало можетъ она, съ такимъ образованіемъ, дать себѣ отчетъ въ томъ, какого типа общество поддерживаетъ она своей дѣятельностью. А именно этотъ вопросъ, по совершенно основательному мнѣнію Спенсера, долженъ выяснить себѣ всякій, кто принимаетъ какое бы то ни было участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Поэтому, совершенно основательно можно

*) Я уже упоминалъ раньше, что даже такая образованная женщина, какъ миссъ Поттеръ, не имѣла никакого понятія о соціальныхъ вопросахъ. Точно то же разсказываетъ Gnauck-Kühne: «Во всю свою жизнь я слышала о рабочемъ классѣ или очень мало, или только скверное; да, я должна сознаться, что эта часть народа была мнѣ совершенно неизвѣстна. Мои представленія о работѣ пролетаріата равнялись нулю; мнѣ ясно было только, что есть разница въ образѣ жизни владѣющихъ классовъ и пролетаріата, но я думала, что и всегда такъ было, что люди не знали ничего другого, что они свыклись со своей тяжелой судьбой, что людямъ не хватаетъ только того, о чемъ они уже знаютъ. Все, слава Богу, идетъ хорошо! И этой блаженной пустоты въ головѣ не уничтожили ни школа, ни домашнее воспитаніе. Учительская семинарія не приблизила меня къ мысли о народѣ. Воспитаніе... придавало большое значеніе благотворительности, но о борьбѣ рабочаго пролетаріата я никогда не слышала ни слова»... «Въ дѣйствительности,—говоритъ она дальше,—у меня было болѣе ясное представленіе объ эскимосскихъ хижинахъ изъ снѣга или о вигвамахъ индѣйцевъ, чѣмъ о помѣщеніяхъ, гдѣ жили и работали мои собственные соотечественники—пролетаріи».

сомнѣваться, съ точки зрѣнія общественнаго прогресса, въ полезности столь многихъ видовъ дѣятельности женщины на помощь ближнему, которыя предпринимаются съ самыми лучшими намѣреніями, но въ то же время и съ самымъ наивнымъ дилеттантизмомъ.

Если теперь выдающіяся женщины изъ всѣхъ силъ стремятся къ углубленію и расширенію женскаго образованія, если онѣ заявляютъ рѣшительный протестъ противъ того мнѣнія, будто общественные, экономическіе и соціальные вопросы совсѣмъ дѣло не подходящее для женщины,—совершенно ясно, что мы имѣемъ дѣло не съ какой-нибудь модной болѣзнью или модной глупостью. Здѣсь добиваются большихъ правъ для того, чтобъ взять на себя большія обязанности. Это—движеніе, которое съ такою же необходимостью развивается изъ современнаго хозяйственнаго и техническаго переворота, какъ и рабочее движеніе. Наконецъ, движеніе среди женщинъ-работницъ, участіе многихъ изъ нихъ въ общественной жизни, котораго требуютъ отъ нея ея коренные классовые интересы, не позволяютъ уже женщинѣ изъ зажиточныхъ и образованныхъ классовъ проходить равнодушно мимо этихъ вопросовъ. Ей грозитъ иначе опасность не только не поднять свое положеніе въ обществѣ, но пойти назадъ по сравненію съ прошлымъ и, именно въ пониманіи этой потрясающей міръ классовой борьбы, оказаться ниже любой простой женщины изъ пролетаріата.

Итакъ, получивъ общественно-экономическое образованіе, женщина, по моему мнѣнію, лучше защититъ свои профессіональные и чисто женскіе интересы, лучше выполнитъ — въ общественномъ смыслѣ — свои функціи хозяйки дома, жены и воспитательницы своихъ дѣтей. Это же образованіе дастъ всегда жизни женщины, экономически независимой, время которой очень мало или совсѣмъ не заполняется семейными заботами, богатое содержаніе и удовлетвореніе нравственныхъ потребностей, открывъ ей область полезной общественной дѣятельности.

Показавъ, что сдѣлала уже женщина въ области науки политической экономіи и чего можетъ она ждать для себя отъ ея изученія, позвольте сказать нѣсколько словъ о томъ вліяніи, которое оказываетъ и окажетъ на развитіе общества въ цѣломъ изученіе женщиной политико-экономическихъ вопросовъ.

Изъ сказаннаго уже самъ собой слѣдуетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Если введеніе въ кругъ женскаго образованія результатовъ общественно-научныхъ работъ обѣщаетъ ей подъемъ ея положенія въ обществѣ, обѣщаетъ спасеніе отъ грозящей опасности выродиться въ рабочихъ пчелъ и трутней,—обязательнымъ результатомъ долженъ явиться подъемъ семьи, такъ какъ отъ женщины прежде всего зависитъ характеръ семейной жизни, и дальше—подъемъ всего общества. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ до сихъ поръ не пріобрѣла женщина такого большого вліянія на общественную жизнь, какъ въ Англіи, Сѣверной Америкѣ и Австраліи, и нигдѣ общественная жизнь не складывается такъ благопріятно, нигдѣ не кажется она такой здоровой, какъ въ этихъ англосаксонскихъ обществахъ. По мѣрѣ того, какъ женщина будетъ пріобрѣтать представленіе о задачахъ общественной жизни, освободится громадное количество до сихъ поръ скрытой энергіи на пользу общественнаго прогресса, всѣ стремленія къ общественнымъ реформамъ получатъ новый, богатый источникъ силъ.

Если уже изъ мужчины научное изслѣдованіе общественной жизни дѣлаетъ обыкновенно соціалъ-политика, то, при безусловномъ господствѣ чувства въ жизни женщины, можно съ математическою точностью предсказать, что всякая нормальная женщина, которая смѣло подойдетъ къ соціальному вопросу, сдѣлается убѣжденной сторонницей общественныхъ реформъ. Какъ раньше было показано, почти всѣ научныя работы нашихъ женщинъ-политико-экономовъ разрабатываютъ общественно политическіе вопросы. Да, наконецъ, всѣ выдающіяся писательницы работали въ духѣ соціальнаго прогресса, начиная съ

Жоржъ-Зандъ и Джорджъ Элліотъ до нашей Ebner-Eschenbach и Ады Негри въ Италіи. Чѣмъ глубже проникнетъ общественная наука, тѣмъ чутче и нѣжнѣе станетъ общественная совѣсть женщины. Геніальное предчувствіе Конта: союзъ между наукой, рабочимъ классомъ и женщиной, какъ жрицей человѣчества, начинаетъ осуществляться.

Воспріимчивость женщины къ дѣлу общественнаго прогресса едва ли можетъ быть оспариваема. Въ этой воспріимчивости многіе находятъ основаніе держать женщину возможно дальше отъ общественной жизни. Одинъ нѣмецкій историкъ (Каро) выразился даже слѣдующимъ образомъ: «пустить женщину въ эту область значитъ сдѣлать революцію хронической».

Къ такому заключенію можно придти, по моему мнѣнію, только въ томъ случаѣ, если относиться къ вещамъ очень поверхностно и смѣшивать средства съ задачами и цѣлями. Средства могутъ быть радикальны, но цѣли женщины, въ дѣйствительности, консервативны въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Радикализмъ истинной женщины кончается тамъ, гдѣ начинается семейная жизнь и сфера заботъ, необходимыхъ для ея процвѣтанія. Сознательно или безсознательно материнское чувство женщины имѣетъ всегда въ виду семью и, на дѣлѣ, до сихъ поръ вся общественная дѣятельность женщины больше всего была полезна семьѣ. Этого положенія вещей не могутъ замаскировать неприличныя выходки нѣсколькихъ выродившихся существъ, которыя разсматриваютъ вещи съ точки зрѣнія личнаго наслажденія. Враждебность женщины къ существующему положенію вещей растетъ какъ разъ въ прямой пропорціи съ ихъ опасностью для семейной жизни. Алкоголизмъ, проституція и въ связи съ ними всѣ общественныя отношенія, дающія богатую почву для развитія этой заразы: квартирный вопросъ, эксплуатація дѣтей и униженіе женщины до степени вьючнаго животнаго — вотъ прежде всего тѣ враги, за которыхъ взялись съ такимъ жаромъ такія женщины, какъ *Фрэнсисъ Виллярдъ*, *Октавія Гилле*, *м-съ Бутсъ*, *Б. Веббъ*, *леди Дилкъ*, *леди Соммерсетъ* и ихъ сторонницы.

Поэтому, чѣмъ больше проникнутъ кто-нибудь той истиной, что здоровое общество можетъ держаться на здоровой семьѣ; чѣмъ больше склоненъ кто-нибудь видѣть въ семьѣ естественную и лучшую колыбель тѣхъ нравственныхъ началъ, на которыхъ покоится будущее націи, тѣмъ съ большимъ интересомъ будетъ онъ присматриваться къ растущему интересу женщинъ къ нашимъ общественнымъ вопросамъ.

Я знаю, что противъ этого взгляда поднимется много неодобрительныхъ возраженій. Не подъемъ, а печальное разложеніе семьи видится многимъ впереди, когда живое участіе женщины въ общественной жизни внесетъ и въ святая святыхъ семьи вражду партій.

На такія опасенія я снова долженъ отвѣтить вопросомъ: возможно ли вообще въ наше время не позволить выйти наружу и въ семьѣ противуположнымъ взглядамъ на общественные вопросы? Можно, но только отдѣливъ женщину стѣнами гарема отъ общественной жизни націи, только урѣзавъ или умертвивъ ея душевныя способности и силы, гнусно заперевъ ее въ хорошо извѣстный Puppenheim («Кукольный домикъ») съ его жалкой мишурой. Столь распространенное нынѣ направленіе ея умственныхъ интересовъ въ русло эстетики будетъ довольно скоро оставлено, при томъ натискѣ, съ которымъ сейчасъ ломится въ дверь литературы и искусства соціальный вопросъ.

Но никто не станетъ оспаривать того, что женщина, которая бросится въ водоворотъ соціальной борьбы безъ руля основательнаго образованія, подъ однимъ лишь вліяніемъ необыкновенной чуткости своей психики, безконечно опаснѣе можетъ быть для мира семьи, государства и общества, чѣмъ та, которая, благодаря усиленной научной работѣ, поднялась до высоты tout comprendre («все понять») и потому tout pardonner («все простить»). Чѣмъ глубже пониманіе,

тѣмъ легче становится примиреніе противуположныхъ точекъ зрѣнія, тѣмъ скорѣе противное мнѣніе будетъ принято не какъ выраженіе глупости или низости, а законныхъ интересовъ, классовыхъ инстинктовъ, цѣлаго міросозерцанія.

Если мужчинѣ придется считаться съ самостоятельнымъ положеніемъ жены въ борьбѣ партій, онъ не оставитъ безъ вниманія, быть можетъ, ея соціальнаго міровоззрѣнія, когда будетъ выбирать себѣ жену. Точно также и дѣвушка захочетъ узнать точку зрѣнія мужчины, раньше чѣмъ отдать ему руку. Если къ гармоніи сердецъ прибавится еще гармонія въ общественныхъ стремленіяхъ, общность жизни и товарищескія отношенія, которыя и должны составлять условія брака, получать счастливое развитіе.

Пусть даже раздоръ войдетъ въ семью, — все же можно себѣ представить, что споры на общественныя темы, которые будутъ происходить въ семейномъ кругу, повліяютъ смягчающимъ, успокаивающимъ и облагораживающимъ образомъ на борьбу партій.

Не безъ хорошаго умысла отведено женщинѣ то высокое мѣсто въ шумной борьбѣ враждующихъ классовъ, которое занимаетъ у Гёте Ифигенія между Тоасомъ и Орестомъ, между тауріями и греками.

Кто знаетъ, что направленіе, съ которымъ онъ борется, пользуется симпатіями самыхъ близкихъ, самыхъ дорогихъ ему членовъ семьи или друзей, уже по одному этому не можетъ вести борьбу въ грубой, оскорбительной формѣ, отравленнымъ оружіемъ. Такое смягченіе борьбы,—это единственно то, чего мы можемъ достигнуть въ настоящее время. Вѣчный миръ столько же, какъ и вѣчная истина—не нашъ удѣлъ.

Потому я и смотрю, вмѣстѣ со многими моими товарищами по профессіи, безъ мрачныхъ опасеній и тревожныхъ мыслей на то, какъ женщина поднимается къ свѣтлому храму общественной науки. Я смѣло привѣтствую это стремленіе и жду отъ него того роста всѣхъ великихъ идей истинной нравственности и широкой гуманности, которыя составляютъ справедливую гордость и историческую славу Швейцаріи.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Новыя изслѣдованія о роли бактерій въ пищеварительномъ процессѣ.—Карлъ-Марксъ Соріа—изобрѣтатель химической спички.—Юные преступники.

Новыя изслѣдованія о роли бактерій въ пищеварительномъ процессѣ. Съ самаго момента открытія бактерій и до нашего времени все больше и больше выясняется та огромная роль, какую играютъ эти микроскопическіе организмы въ общей экономіи природы и въ частности въ жизни высшихъ животныхъ и особенно человѣка. Дѣйствительно, факты, подтверждавшіе исключительную важность участія бактерій во многихъ процессахъ, имѣющихъ первостепенное значеніе въ общей біологіи, умножались въ послѣднее время, можно сказать, съ каждымъ днемъ, а потому неудивительно, что многіе ученые пытались опытнымъ путемъ придти къ рѣшенію интереснаго вопроса: возможна ли *асептическая* жизнь вообще? Другими словами, могутъ ли животныя жить безъ участія микробовъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которые заключаются въ кишечномъ каналѣ ихъ?

Нѣкоторые изслѣдователи, однако, поддерживали тотъ взглядъ, что пищевареніе можетъ и дѣйствительно происходитъ безъ участія микробовъ и въ подтвержденіе такого воззрѣнія приводили опыты, которые доказывали, что возможно поддерживать существованіе и разводить молодыхъ животныхъ въ такихъ условіяхъ, чтобы въ ихъ кишечный каналъ въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ ихъ рожденія не проникали никакіе микробы; и однако, это не мѣшало животнымъ питаться и увеличиваться въ вѣсѣ. Это свидѣтельствовало, повидимому, что присутствіе микробовъ въ пищеварительномъ каналѣ не необходимо.

И, тѣмъ не менѣе, эти опыты вовсе не доказали, что присутствіе бактерій въ кишечномъ каналѣ безполезно, что послѣднія въ этомъ случаѣ не играютъ никакой роли, и сами авторы этихъ опытовъ нигдѣ не высказали такого мнѣнія. Наоборотъ, нѣкоторые факты позволяли скорѣе придти къ обратному заключенію, такъ какъ животныя, въ кишечный каналъ которыхъ не допускали микробовъ, развивались медленнѣе, чѣмъ въ нормальныхъ условіяхъ. На шестой и десятый день своего существованія они увеличились только на 11 и 16 процентовъ своего первоначальнаго вѣса въ моментъ рожденія, тогда какъ соотвѣтствующія цифры у животныхъ, развивавшихся въ нормальныхъ условіяхъ, были: 20 и 61 проц.!

Эти факты побудили Макса Шоттеліуса, профессора гигіены фрибургскаго университета, вновь заняться опытнымъ изслѣдованіемъ этого интереснаго вопроса, которому и посвящена его статья, напечатанная въ «Archiv. f. Hygiene» XXXIV; 1899.

Опыты Шоттеліуса были поставлены по новому способу и очень любопытны. Вмѣсто того, чтобы, подобно своимъ предшественникамъ, оперировать надъ молодыми млекопитающими, извлеченными посредствомъ чревосѣченія, онъ обратился къ методу, рекомендованному еще Пастёромъ. Онъ пользовался молодыми цыплятами, выведенными искусственно въ обеззараженной средѣ и изъ обеззараженныхъ яицъ, причемъ цыплята были взращиваемы въ условіяхъ, которыя обезпечиваютъ полное отсутствіе зародышей микробовъ въ содержимомъ ихъ кишечнаго канала.

Такая, повидимому, простая въ теоріи программа оказалась, однако, сопряженной съ большими затрудненіями при практическомъ своемъ осуществленіи. Чтобы получить цыпленка дѣйствительно и вполнѣ свободнаго отъ мельчайшихъ зародышей, Шоттеліусъ долженъ былъ прибѣгнуть къ множеству предосторожностей, на которыхъ мы не можемъ останавливаться съ большою подробностью. Желающіе найдутъ ихъ въ оригиналѣ. Вотъ вкратцѣ нѣкоторыя изъ нихъ.

За два дня до вылупливанія цыплятъ яйца вымывались въ 5% растворѣ сулемы, нагрѣтомъ до 40°, затѣмъ въ физіологическомъ растворѣ морской соли. Ихъ вытираютъ далѣе обеззараженной ватой и помѣщаютъ на два часа въ обеззараженную среду. Затѣмъ, по прошествіи двухъ часовъ операція мытья повторяется еще одинъ разъ и яйца заворачиваются въ теплую вату, и только тогда они готовы для опытовъ.

Опыты производятся въ большой застекленной комнатѣ въ восемь кубическихъ метровъ емкостью. Въ ней имѣется столъ для манипуляцій и аппаратъ для высиживанія, гдѣ помѣщаются стерилизованныя яйца, и позднѣе также вылупившіеся цыплята. Клѣтка согрѣвается снаружи циркуляціей нагрѣтой жидкости и заключаетъ въ себѣ подстилку изъ асбеста, на которой помѣщаются яйца, и чашечку съ водой, въ которой она поддерживается все время на опредѣленномъ уровнѣ. Все содержимое клѣтки заранѣе обеззараживается и полъ въ ней усыпается мелкими камешками, тоже тщательно вымытыми и стерилизованными; въ ней помѣщается также стерилизованная пища, въ количествѣ, достаточномъ для всего времени производства опыта. Чѣмъ меньше будетъ вмѣшательство человѣка во все время производства опыта, тѣмъ лучше.

Вылупившійся цыпленокъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ нерѣшимости, направляется къ водѣ и пищѣ. Теперь вся задача заключается въ томъ, чтобы защитить его отъ бактерій. Воздухъ, который проникаетъ въ клѣтку, фильтруется черезъ вату, такъ что цыпленокъ всегда находится въ антисептической атмосферѣ. Воздухъ, попадающій въ клѣтку, приходитъ изъ большой комнаты, которая вся предварительно вымывается антисептическими растворами и воздухъ въ ней стерилизуется парами формола. Если необходимо войти въ комнату, то это происходитъ не иначе, какъ въ особомъ обеззараженномъ костюмѣ, причемъ въ комнату можно войти лишь черезъ особую переднюю, полъ которой представляетъ ванночку съ растворомъ сулемы, такъ что даже на обуви нельзя занести зародышей бактерій. Воздухъ комнаты также фильтруется посредствомъ ваты и сообщается съ лабораторіей, которая бываетъ пуста во все время производства опытовъ. Воздухъ комнаты поддерживается, по возможности, сухимъ.

И однако, несмотря на всѣ эти предосторожности — не всѣ опыты оказались удавшимися. Тѣмъ не менѣе, многіе изъ нихъ были организованы Шоттеліусомъ такъ удачно, что не только экскременты, но даже весь молодой цыпленокъ цѣликомъ могъ быть введенъ въ питательный желатинъ и бактеріи не развивались въ немъ. Сопоставляя опыты, въ которыхъ отсутствіе бактерій въ кишечномъ каналѣ цыплятъ можетъ считаться абсолютнымъ и, располагая отдѣльные случаи по возрасту, который цыпленокъ имѣлъ въ тотъ моментъ, когда его убивали для изслѣдованія, можно составить таблицу роста цыплятъ, выведенныхъ въ такихъ условіяхъ.

Вотъ результаты произведенныхъ опытовъ. Оказывается, что въ десяти случаяхъ молодой цыпленокъ едва прибавлялся въ вѣсѣ. Максимумъ увеличенія, около 25% первоначальнаго вѣса, наступалъ обыкновенно въ концѣ двѣнадцати сутокъ, послѣ чего наступало скорѣе уменьшеніе. Въ то же время, развивавшіеся въ обыкновенныхъ условіяхъ и нормально цыплята дали на двѣнадцатыя сутки увеличеніе въ вѣсѣ на 140% и на семнадцатыя—250% первоначальнаго вѣса.

Отсюда можно заключить, что по меньшей мѣрѣ для даннаго случая, т. е. при опытахъ съ цыплятами, бактеріи очень полезны для пищеварительнаго про-

цесса. Повидимому, изъ опытовъ слѣдуетъ далѣе, что выдѣленіе пищеварительныхъ соковъ очень медленно въ первые дни жизни, и въ это время пищеварительные соки могутъ быть съ выгодой замѣнены выдѣленіями бактерій, которыя всегда находятся налицо и даютъ обильныя выдѣленія. Въ подтвержденіе такого воззрѣнія можно привести то наблюденіе, что у нормально-развивающихся цыплятъ, служащихъ для контроля во время опытовъ, бактерій не находятъ раньше, чѣмъ черезъ 36, 48 часовъ. Какъ разъ въ теченіе этого періода не замѣчается и увеличенія ихъ вѣса: процессъ нормальнаго питанія еще, повидимому, не начался. Далѣе, какъ только появятся бациллы, кокки и бактеріи, попадающіеся въ пищеварительномъ каналѣ старыхъ куръ, правильное пищевареніе вступаетъ въ свои права.

Такимъ образомъ, если цыпленка въ первые дни его жизни лишить содѣйствія бактерій при пищевареніи, это можетъ не только вредно, но даже гибельно отозваться на его здоровьѣ, очень непрочномъ въ этотъ моментъ. Присутствіе микробовъ въ его пищеварительномъ каналѣ не только полезно, но и необходимо.

Если обобщить эти заключенія, они чрезвычайно важны и богаты послѣдствіями. Въ самомъ дѣлѣ, всякая наша жизнь является теперь ничѣмъ инымъ, какъ симбіозомъ съ низшими существами, микробами, находящимися постоянно въ нашемъ пищеварительномъ каналѣ. Задачею гигіены, далѣе, является не уничтоженіе ихъ вліянія въ дѣлѣ пищеваренія, но лишь регулированіе этой роли, сообразно съ разными случаями, для того, чтобы заставить ихъ содѣйствовать нормальному, здоровому отправленію функцій организма. (R. scientifique.).

Карлъ-Маркъ Соріа — изобрѣтатель химической спички. Недавно въ маленькой коммунѣ Saint-Lothaire, въ Юрѣ, происходило торжество открытія скромнаго памятника. Человѣкъ, память котораго чествовали, жилъ и умеръ въ бѣдности и почти полной неизвѣстности, какъ и многіе другіе истинные друзья и благодѣтели человѣчества

Карлъ-Маркъ Соріа *), открытіе котораго даетъ французскому правительству доходъ въ 300 милліоновъ франковъ въ годъ, былъ простой, сельскій врачъ, скромно жившій трудомъ своей тяжелой профессіи, который онъ выполнялъ, какъ преданный жрецъ, не требуя другой награды, кромѣ сознанія исполненнаго долга. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ характеризуютъ жизнь К.-М. Соріа тѣ, которые ближе знали его. «Чувствительный и добрый, трудолюбивый и заботящійся объ общественномъ благѣ, онъ не искалъ ни богатства, ни великихъ почестей, которыя не были недоступны ему, благодаря крупнымъ связямъ; его удовлетворяло немногое: быть полезнымъ и быть любимымъ».

Карлъ Соріа, первый изобрѣтатель химической спички, т. е. спички, загорающейся отъ тренія, которая пріобрѣла столь широкое распространеніе въ наше время, родился въ Poligny, во французской Юрѣ, 25 апрѣля 1812 года. Онъ былъ сынъ генерала Соріа, одного изъ тѣхъ дѣятелей великаго революціоннаго движенія, которые предпочли сломать свою шпагу, чѣмъ подчиниться игу наполеоновскаго режима. Генералъ Соріа предназначалъ и своего сына къ военной карьерѣ, но несчастный случай, отъ котораго 11-лѣтній мальчикъ лишился свободнаго движенія ногъ, направилъ его жизненную дѣятельность въ другую сторону. Его привлекали естественныя науки. Уже на скамьѣ коллежа въ Poligny онъ съ особеннымъ удовольствіемъ занимался приготовленіемъ фейерверковъ и взрывчатыхъ веществъ. Разсказываютъ, что во время его путешествія въ Ліонъ въ 1827 году на него произвело очень сильное впечатлѣніе выставленное въ витринѣ у одного оптика водородное огниво, только что изобрѣтенное Гей-Люссакомъ. Но аппаратъ этотъ былъ дорогъ, а потому и не

*) «Charles-Marc Sauria. Le véritable inventeur de l'allumette chimique. «Revue scientifique» 4 Série. T. XI. № 1.

могъ получить широкаго распространенія въ жизненной практикѣ. Съ этого момента въ головѣ пятнадцатилѣтняго Соріа прочно засѣла идея найти болѣе удобный и каждому доступный способъ добычи огня. Поступивъ въ коллежъ городка Dôle, Соріа всецѣло предался занятіямъ химіей. Открытіе, прославившее имя Соріа, было еще въ зародышѣ въ его головѣ; какъ часто бываетъ, случайное обстоятельство помогло дѣлу.

Это было въ 1830 году. Учитель химіи воспроизводилъ передъ учениками опытъ, который всегда привлекалъ ихъ вниманіе. На днѣ ступки помѣщался тонкій слой бертолетовой соли и сѣры; учитель ударялъ по смѣси пестикомъ и происходилъ взрывъ. Повтореніе опыта давало каждый разъ взрывъ, не сопровождавшійся свѣтовыми явленіями. Соріа былъ очень взволнованъ видѣннымъ опытомъ. Забравшись въ свою комнату (у него за особую плату была отдѣльная комната въ коллежѣ), онъ долго думалъ надъ тѣмъ, что, если бы удалось ввести во взрывчатую смѣсь какое-нибудь воспламеняющееся вещество, напр., фосфоръ, можно было бы добыть огонь. Но какъ получить необходимыя для такихъ опытовъ вещества? Въ его распоряженіи находились бывшіе тогда въ употребленіи спички изъ сосноваго дерева съ кусочками сѣры на концѣ; далѣе, немножко сѣры и бертолетовой соли, добытыхъ украдкою изъ лабораторіи учителя. Главная трудность заключалось въ томъ, чтобы добыть фосфору. Весь проникнутый своей идеей, Соріа употребилъ дни, когда разрѣшался отпускъ изъ коллежа, чтобы войти въ дружескія сношенія съ мѣстнымъ аптекаремъ, въ помощи котораго онъ такъ нуждался. Нужно думать, что въ то время строгость въ отпускѣ опасныхъ продуктовъ не была такъ велика, какъ теперь, потому что аптекарь безъ особенныхъ препятствій и безъ всякаго рецепта, предоставилъ въ распоряженіе юноши нѣсколько кусочковъ фосфора.

Доселѣ тихая комнатка гимназиста съ этого момента превратилась въ шумную лабораторію. Разбивались трубки, взрывы слѣдовали за взрывами, потрясая стѣны комнатки, гдѣ подготовлялось крупное открытіе, самъ авторъ котораго не подозрѣвалъ всей его важности. Опыты были далеко не безопасны. Неоднократно молодой, неопытный химикъ, получалъ болѣзненные ожоги, не разъ причинялъ себѣ серьезныя пораненія. Но увѣренный въ конечномъ успѣхѣ, онъ становился упрямѣе по мѣрѣ того, какъ росли затрудненія.

Наконецъ настaлъ день, когда усилія Соріа увѣнчались успѣхомъ. Вотъ, что разсказываетъ объ этомъ L. Chapoy, посвятившій цѣлый обстоятельный трудъ исторіи изобрѣтенія спичекъ *).

«Въ углу комнаты на ограниченномъ пространствѣ штукатурка стѣны обнаруживала явные слѣды многочисленныхъ и постоянно повторявшихся треній. Эти слѣды, пропитанные обыкновеннымъ фосфоромъ, сдѣлались со временемъ свѣтящимися въ темнотѣ. Это и есть то мѣсто, гдѣ безплодныя попытки зажечь спичку много разъ приводили въ смущеніе и отчаяніе душу молодого химика. Въ одинъ прекрасный день, когда, быть можетъ, онъ считалъ себя дальше, чѣмъ обыкновенно, отъ желаемаго результата, ему пришла идея погрузить кончикъ сѣрной спички въ слегка подогрѣтую бертолетовую соль. Нѣсколько частичекъ соли пристало къ сѣрѣ. Едва спичка была готова, Соріа тернулъ ею по обычному мѣсту стѣны, пропитанному фосфоромъ... Но на этотъ разъ спичка вспыхнула и пламя освѣтило озарившееся чело изобрѣтателя, который нѣкоторое время молчаливый отъ изумленія и радости созерцалъ дѣло рукъ своихъ. Едва оправившись отъ своего изумленія, онъ принялся приготовлять новыя, точно такія же спички. Съ сильно бьющимся отъ волненія сердцемъ, онъ покинулъ свой рабочій столъ, окончивъ новыя спички, чтобы вновь начать свои опыты, когда неожиданно въ его комнату вошелъ одинъ изъ товарищей.

*) Léon Chapoy. «L'invention des allumettes chimiques et son origine franc-comtoise». 1893.

«Смотри», сказалъ онъ безъ гордости, но съ чувствомъ внутренняго удовлетворенія, «эта спичка загорится, если ее потереть объ стѣну». И передъ первымъ свидѣтелемъ Соріа добываетъ огонь треніемъ спички объ стѣну. Пораженный посѣтитель, вмѣсто отвѣта, выбѣгаетъ на корридоръ и кричитъ всѣмъ встрѣчнымъ: «идите сюда, смотрите... Соріа сдѣлалъ спички, которыя воспламеняются сами собою!».

Услышавъ восторженные отзывы объ открытіи Соріа, учитель химіи позвалъ своего ученика и началъ обстоятельно разспрашивать его объ обстоятельствахъ новаго открытія. Гордый этимъ выраженіемъ уваженія, Соріа все и во всѣхъ подробностяхъ объяснилъ своему учителю. Періодъ сомнѣній уже въ это время прошелъ: Соріа искалъ способовъ усовершенствовать свое открытіе. Такъ, онъ разсказалъ своему учителю, что онъ пользуется гумми-арабикомъ, чтобы прикрѣпить къ деревянной спичкѣ смѣсь изъ сѣры, бертолетовой соли и фосфора. Онъ и не думалъ скрывать секрета приготовленія спичекъ. Многіе жители Dôle начали приготовлять спички по рецепту Соріа для личнаго употребленія. Соріа и не подумалъ взять патентъ на свое изобрѣтеніе, да на это у него и не хватило бы необходимыхъ средствъ (около 1.500 фр.).

Вскорѣ послѣ того учитель химіи Соріа, Nicolet предпринялъ научное путешествіе по Германіи. Онъ посѣщалъ фабрики этой страны, изучая усовершенствованныя орудія и способы производства. Естественно, что онъ при случаѣ говорилъ о новомъ открытіи своего ученика. И вотъ уже въ 1833 году самъ изобрѣтатель химической спички Соріа покупалъ спички своего изобрѣтенія подъ названіемъ: «нѣмецкихъ спичекъ». Нѣмцы приписываютъ изобрѣтеніе химической спички химику Фредерику Каммереру и относятъ его къ 1832 году. Нужно замѣтить, что первенство этого открытія оспариваютъ, кромѣ нѣмцевъ, еще австрійцы, русскіе и англичане. Французы относятъ это открытіе къ январю 1831 года.

По выходѣ изъ коллежа Соріа занялся изученіемъ медицины; одно время онъ прервалъ было свои медицинскія занятія, думая сдѣлаться профессоромъ земледѣлія, которое онъ изучалъ въ различныхъ школахъ Франціи и Швейцаріи. Революція 1848 года помѣшала выполненію его намѣреній и онъ обратно вернулся къ медицинѣ, получивъ степень доктора въ Безансонѣ. Съ тѣхъ поръ въ теченіе 60 лѣтъ онъ занимался медицинской практикой, поселившись въ наслѣдственномъ домикѣ въ маленькой деревушкѣ, расположенной на холмѣ между Полиньи и Вуатеромъ. Тамъ и протекла его мирная, трудовая жизнь. Свободное отъ медицинской практики время онъ посвящалъ научно-философскимъ и литературнымъ трудамъ. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ мѣстнаго журнала сельско-хозяйственнаго общества и предсѣдателемъ послѣдняго до самаго конца своей жизни. Вотъ все, чѣмъ жилъ этотъ скромный благодѣтель человѣчества, умершій 22 августа 1895 года.

Юные преступники. «Naturwissenschaftliche Wochenschrift» даетъ въ № 2 и № 7 двѣ очень интересныя статьи, принадлежащія англійскому криминалисту В. Д. Моррисону, автору трудовъ: «Преступленіе и его причины», «Юные преступники» и пр. Темою для упомянутыхъ статей служитъ, съ одной стороны, вопросъ о различныхъ физическихъ вліяніяхъ, играющихъ роль въ преступленіяхъ, совершаемыхъ несовершеннолѣтними, а также о вліяніи родителей на юныхъ преступниковъ. Прежде всего авторъ очень подробно останавливается на вопросахъ о вліяніи пола, возраста и физическаго развитія организма. Заимствуемъ изъ вышеупомянутыхъ статей наиболѣе интересныя статистическія данныя, факты и объясненія, которыя для послѣднихъ даетъ Моррисонъ.

Если для отвѣта на вопросъ, какъ распредѣляются преступленія несовершеннолѣтнихъ между двумя полами, мы обратимся къ полицейскимъ отчетамъ,

то мы найдемъ слѣдующее: изъ несовершеннолѣтнихъ привычныхъ преступниковъ ниже шестнадцатилѣтняго возраста, въ Англіи 85% въ круглыхъ цифрахъ приходится на долю мальчиковъ и лишь едва 15% на долю дѣвочекъ. Если эти цифры даже приблизительно вѣрны, а далѣе мы увидимъ, что онѣ подтверждаются другими, болѣе надежными свѣдѣніями, то мы должны признать, что дѣйствительно вліяніе пола на преступныя дѣянія очень значительно: вѣроятность, что на путь преступленія вступитъ мальчикъ въ 5 или 6 разъ болѣе, чѣмъ для дѣвочки. Уже это обстоятельство доказываетъ, что человѣческія дѣйствія, по крайней мѣрѣ, отчасти находятся подъ вліяніемъ причинъ, которыя *не находятся* во власти индивидуума. Такимъ условіемъ безспорно является полъ. Если мы обратимся къ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ объ осужденныхъ преступникахъ моложе 21 года въ Англіи, то мы найдемъ отношеніе между мужчинами и женщинами: 87 къ 13 въ группѣ «reformatory schools» и даже 88 къ 12 въ исправительныхъ заведеніяхъ. Въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ существуетъ лишь одинъ видъ исправительныхъ заведеній (reformatory schools), по опубликованнымъ въ 1890 году свѣдѣніямъ, отношеніе заключенныхъ мальчиковъ къ дѣвочкамъ было 78 : 22. Относительная высота цифры 22 объясняется тѣмъ, что судьи штатовъ не склонны посылать въ тюрьму женщинъ раньше 21 года, такъ что большій % послѣднихъ попадаетъ въ исправительныя заведенія; если мы сравнимъ въ этомъ отношеніи Англію и Соединенные Штаты, то въ Англіи среди отбывающихъ наказаніе въ тюрьмѣ мы найдемъ 16% женщинъ моложе 21 года, тогда какъ въ Соединенныхъ Штатахъ всего лишь 7%. Слѣдовательно, многія женщины, которыя въ Англіи попали бы въ тюрьму, въ Сѣверной Америкѣ попадаютъ въ исправительное заведеніе. Тоже самое мы найдемъ не только въ двухъ вышеприведенныхъ государствахъ, но и во всѣхъ культурныхъ странахъ: вездѣ полъ оказываетъ громадное вліяніе на склонность къ преступному дѣянію, вездѣ женщины находятся въ меньшинствѣ. Слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло не со случайными, временно дѣйствующими факторами, а съ общимъ закономъ.

Каковы же причины этой громадной разницы въ количествѣ преступленій, совершаемыхъ мужчинами и женщинами? Часто можно встрѣтить утвержденіе, что эта разница лишь видимая, а не дѣйствительная, такъ какъ къ женщинамъ-преступницамъ относятся снисходительнѣе, чѣмъ къ мужчинамъ. Англійскіе суды оправдываютъ лишь одного изъ 6 обвиняемыхъ мальчиковъ и одну изъ 4 обвиняемыхъ дѣвочекъ. Если допустить, что сила доказательствъ, что преступленіе дѣйствительно было совершено въ обоихъ случаяхъ одинакова (а для этого имѣются всѣ основанія), то изъ этихъ цифръ слѣдуетъ, что суды болѣе мягко относятся къ женскому полу. Если допустить далѣе, что это же справедливо и относительно полиціи и другихъ властей, то криминальная статистика не можетъ, слѣдовательно, дать полной картины преступности женщинъ. Но если бы все это было вполнѣ вѣрно, если бы даже увеличить сообразно съ этими цифрами число женщинъ-преступницъ даже на цѣлую треть, все-таки налицо остается фактъ, что женщина менѣе склонна къ нарушенію закона, чѣмъ мужчина. Снисходительность къ женщинамъ-преступницамъ, если и объясняетъ низкія относительныя цифры этой категоріи преступниковъ, то лишь отчасти, но никакъ не вполнѣ.

Другое объясненіе этихъ цифръ состоитъ въ томъ, что разницу приписываютъ дѣйствію соціальныхъ вліяній. Соціальныя отношенія женскаго круга, говорятъ, ставятъ женщину въ болѣе благопріятныя условія, давая менѣе повода къ нарушенію законовъ и оберегая отъ многихъ тяжестей борьбы за существованіе. Говорятъ, что женская дѣятельность обыкновенно сосредоточивается на домашнемъ хозяйствѣ и что здѣсь рѣже представляется случай къ преступленію, чѣмъ въ широкомъ соціальномъ и индустріальномъ жизненномъ кругу мужчины. Дѣйствительно, жизненная практика показываетъ, что тамъ, гдѣ большая часть женщинъ вступаетъ въ этотъ послѣдній кругъ, процентное отношеніе преступ-

леній, совершаемыхъ женщинами, всегда растетъ. Такъ, напримѣръ, въ Лондонѣ одна четверть, въ Манчестерѣ даже одна треть наказуемыхъ дѣйствій совершается женщинами, тогда какъ въ деревенскихъ округахъ Манчестера то же отношеніе выразится въ одной седьмой, въ округахъ Лондона даже одной десятой. Поэтому необходимо признать, что кругъ жизненныхъ отношеній женскаго пола оказываетъ существенное вліяніе на преступность женщинъ; но и этого недостаточно для полнаго объясненія огромной разницы, о которой мы говорили выше.

Достаточнаго объясненія вліянія пола на преступность мы должны искать въ *біологическихъ* причинахъ. Меньшая степень преступности женщинъ заключается въ духовной и физической природѣ женщины и въ отличіи ея отъ мужской природы. Дѣйствія этой природной разницы особенно ясно выступаютъ тамъ, гдѣ общественныя и экономическія отношенія обоихъ половъ приблизительно одинаковы. Мальчики и дѣвочки попадающіе въ группу исправительныхъ заведеній «industrial schools», выростаютъ до четырнадцатилѣтняго возраста въ одинаковыхъ соціальныхъ и экономическихъ условіяхъ: они воспитываются въ одинаковыхъ воспитательныхъ домахъ, посѣщаютъ одинаковую для всѣхъ школу, пользуются одинаковой свободой, словомъ, живутъ до поступленія въ исправительное заведеніе въ одинаковой средѣ. И при всемъ томъ въ вышеупомянутыя исправительныя заведенія попадаетъ въ среднемъ на пять мальчиковъ лишь одна дѣвочка. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что большая разница въ преступности мужчинъ и женщинъ недостаточно объяснима соціальными и экономическими отношеніями, а что основная причина ея лежитъ глубже, чѣмъ въ окружающей средѣ—именно въ *организмѣ*. Конституція женскаго организма дѣлаетъ женщину менѣе склонною вообще къ большому физическому и духовному напряженію. Духовная природа женщины вообще имѣетъ менѣе активное и аггрессивное направленіе и не приходитъ такъ легко въ противорѣчіе съ господствующимъ строемъ, а потому и труднѣе приходитъ къ нарушенію закона. Такъ какъ разница въ природѣ физической и духовной мужчины и женщины будетъ существовать всегда, пока существуетъ человѣчество, тогда какъ воспитаніе, соціальныя и общественныя отношенія съ ходомъ цивилизаціи могутъ испытать не только измѣненія, но и полные перевороты, то естественно, что вліяніе перваго фактора будетъ, можно сказать, вѣчно.

Вліяніе пола на характеръ преступленія сказывается очень рѣзко. Всѣ нарушенія закона, связанныя съ большою смѣлостью и требующія физической силы, приходятся на долю мужчинъ, тогда какъ въ совершеніи преступленій, не требующихъ спеціально мужскихъ качествъ, въ значительной степени принимаютъ участіе женщины. Изъ всѣхъ дѣвочекъ, попавшихъ въ Англіи въ исправительныя заведенія въ 1894 году, лишь 3 совершили преступленія, связанныя съ насиліемъ, тогда какъ у мальчиковъ % такого рода преступленій былъ гораздо болѣе высокъ. То, что мы находимъ въ Англіи, справедливо также относительно Сѣверной Америки и другихъ европейскихъ государствъ.

Было бы ошибочно допустить, что характеръ дѣвочекъ попадающихъ въ исправительныя заведенія, лучше, чѣмъ характеръ мальчиковъ; то обстоятельство, что преступленія, совершаемыя дѣвочками, болѣе легкаго характера, часто вызываетъ впечатлѣніе, что наклонность къ преступленію у женщины слабѣе выражена. Однако такое впечатлѣніе невѣрно. Какъ разъ то обстоятельство, что преступленія дѣвочекъ легче преступленій мальчиковъ, приводитъ зачастую къ безнаказанности первыхъ. Если такое отношеніе не ведетъ къ исправленію, то слѣдствіемъ его является то, что дѣвочки становятся болѣе закоренѣлыми въ совершеніи преступныхъ дѣйствій, чѣмъ мальчики. Оставаясь относительно долѣе безнаказанными, дѣвочки имѣютъ больше времени для усвоенія привычки къ преступленію и, слѣдовательно, являются болѣе закоренѣлыми въ исправительныя заведенія.

Что привычка къ преступленію у осужденныхъ дѣвочекъ коренится глубже

чѣмъ у мальчиковъ и что характеръ дѣвочекъ, не смотря на болѣе легкій родъ самого преступленія, въ этомъ смыслѣ хуже характера мальчиковъ, видно изъ статистики рецидивистовъ по выпускѣ изъ исправительныхъ заведеній. Въ теченіе трехъ лѣтъ, 1888—1890, выпущено изъ «reformatory schools» 4.285 несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Исправившимися оказалось 79% мальчиковъ и только 76% дѣвочекъ. Въ то же самое время изъ «industrial schools» выпущено 11.396 молодыхъ особъ. Хорошимъ поведеніемъ отличались затѣмъ 86% мальчиковъ и лишь 83% дѣвочекъ. Такъ какъ нельзя допустить, чтобы дѣвочки, независимо отъ всѣхъ прочихъ условій, были труднѣе исправимы, чѣмъ мальчики, и такъ какъ соціальная среда, въ которую попадаютъ дѣвочки по выходѣ изъ исправительныхъ заведеній, быть можетъ, болѣе благопріятна, чѣмъ среда мальчиковъ, единственное заключеніе, къ которому мы вправѣ придти—это то, что дѣвочки являютея въ большинствѣ случаевъ болѣе привычными къ совершенію преступленій и что, сообразно съ этимъ, онѣ труднѣе исправимы. Неблагопріятное вліяніе слишкомъ продолжительной безнаказанности сказывается не только въ большемъ % рецидивовъ у женщинъ, но также въ относительно высокомъ % неисправимыхъ уже во время пребыванія въ исправительномъ заведеніи дѣвочекъ. Послѣднія составляютъ отъ 8 до 10% заключенныхъ дѣвочекъ, тогда какъ % неисправимыхъ мальчиковъ нигдѣ не достигаетъ такой высокой цифры.

Итакъ, резюмируя сказанное, мы находимъ: дѣвочки не такъ легко подпадаютъ карѣ закона, какъ мальчики. Это справедливо относительно всѣхъ культурныхъ странъ. Причина этой разницы заключается, главнымъ образомъ, въ біологическомъ различіи духовной и физической организаціи обоихъ половъ. То же біологическое различіе опредѣляетъ отчасти родъ преступленій, совершаемыхъ по преимуществу тѣмъ или другимъ поломъ. Однако полъ, склонный къ совершенію болѣе легкихъ проступковъ, обнаруживаетъ не меньшую тенденцію къ преступному дѣянію, чѣмъ полъ, совершающій болѣе тяжелыя преступленія; напротивъ, дѣвочки легче мальчиковъ становятся привычными преступниками, и причина такого явленія лежитъ въ болѣе продолжительной безнаказанности, такъ что обыкновенныя мѣры къ исправленію дѣвочекъ примѣняются позже.

Криминальная статистика всѣхъ культурныхъ странъ свидѣтельствуетъ о чрезвычайно большомъ вліяніи возраста на количество и характеръ преступленій. Каждый возрастъ имѣетъ свои духовныя и физическія особенности, и послѣднія сказываются какъ въ соціальныхъ такъ, и въ антисоціальныхъ формахъ. Въ ранней молодости недостатокъ средствъ приспособленія сказывается въ наклонности къ бродяжничеству. Чѣмъ больше предъявляемыя къ ребенку требованія въ этомъ смыслѣ, въ наше время, напр., выражающіяся въ обязательномъ посѣщеніи школы, тѣмъ отчетливѣе выступаетъ эта склонность. Очень часто первымъ шагомъ развивающихся противообщественныхъ инстинктовъ является привычка бродяжничать и такимъ образомъ избѣгнуть родительскаго или школьнаго надзора. Эта склонность развивается часто въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, и. если вскорѣ не слѣдуетъ крутого ограниченія развивающагося стремленія къ праздному шатанію, то, по мѣрѣ развитія и роста дитяти, къ этой склонности присоединяется легко еще другая, именно склонность къ присвоенію чужого имущества. Празднoшатающійся ребенокъ легко становится юнымъ воромъ. Критическій возрастъ между мальчикомъ и юношей даетъ большое количество преступниковъ противъ личности. Въ этомъ возрастѣ склонность къ преступленію находится не только въ зависимости отъ біологическихъ, индивидуальныхъ измѣненій, но увеличивается вслѣдствіе новыхъ соціальныхъ отношеній, такъ какъ кругъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ растетъ очень сильно. Юноша вступаетъ въ новый міръ тяжелой борьбы, и ему становится все труднѣе и труднѣе приспособиться къ внѣшнимъ обстоятельствамъ. Мы находимъ такимъ образомъ,

что развитіе преступныхъ наклонностей слѣдуетъ, главнымъ образомъ, за развитіемъ организма: за склонностью къ бродяжничеству слѣдуетъ склонность къ воровству и наконецъ къ насилію.

Время роста и развитія, наконецъ, проходитъ и индивидуумъ вступаетъ въ періодъ зрѣлости: физическія и духовныя силы его достигли высшаго пункта. Наклонности превратились въ привычки, личныя и соціальныя отношенія оказываютъ болѣе могущественное вліяніе, жизнь становится сложнѣе, индивидуумъ имѣетъ гораздо болѣе точекъ соприкосновенія съ обществомъ.

Слѣдствіемъ далеко идущаго соединенія личныхъ и соціальныхъ факторовъ является склонность къ совершенію преступленій именно ко времени наступленія первой зрѣлости. Такъ какъ возрастъ, когда достигается зрѣлость, у различныхъ расъ значительно разнится, то интернаціональная криминальная статистика не даетъ намъ того результата, что каждому возрасту вездѣ соотвѣтствуетъ одинаковое количество преступленій. Въ странахъ, гдѣ населеніе достигаетъ зрѣлости сравнительно рано, количество преступленій совершается въ молодомъ возрастѣ, большее чѣмъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ зрѣлость наступаетъ позже. Не столько количество прожитыхъ годовъ, сколько время наступленія зрѣлости опредѣляетъ количество и природу преступленій.

Если мы возьмемъ всѣ роды преступленій вмѣстѣ, то мы найдемъ, что возрастъ между 20 и 30 годами даетъ наибольшее количество преступленій. Это справедливо относительно Европы, Сѣверной Америки и Австраліи. Если судить по содержащимся въ тюрьмахъ заключеннымъ, то въ Соединенныхъ Штатахъ возрастъ между 20 и 24 годами является въ наиболѣе неблагопріятныхъ условіяхъ. Если мы возьмемъ данныя переписи 1890 года, то между заключенными были: моложе 14 лѣтъ—711 человѣкъ, между 15—19 годами—8.984 человѣка, между 20—24 года—19.705 человѣкъ, между 24—29 годами—16.348, далѣе идетъ уменьшеніе.

Не только количество, но и природа преступленій, совершаемыхъ несовершеннолѣтними, въ высокой степени зависитъ отъ возраста. Въ Англіи контингентъ исправительныхъ заведеній «industrial schools» (рабочія школы) составляютъ дѣти до 14-лѣтняго возраста. Ни одинъ ребенокъ, перешедшій этотъ возрастъ, не можетъ попасть въ эту школу и не можетъ оставаться въ ней послѣ 16-ти-лѣтняго возраста. Если мы обратимъ вниманіе на характеръ преступленій, за которыя дѣти туда попадаютъ, то увидимъ, что въ большей половинѣ случаевъ дѣло касается удовлетворенія стремленія къ бродяжничеству: упорное непосѣщеніе школы, выпрашиваніе милостыни, сношенія съ ворами и пр. Напротивъ, въ другую группу исправительныхъ заведеній «reformatory schools» попадаютъ юноши отъ 16-ти-лѣтняго возраста и остаются въ нихъ до 19-ти-лѣтняго возраста. Въ общемъ и цѣломъ, своей преступностью они, сообразно съ болѣе зрѣлымъ возрастомъ, превосходятъ заключенныхъ въ рабочія школы. Приблизительно половина изъ нихъ совершила настоящія преступленія, главнымъ образомъ противъ собственности, и лишь одна десятая—легкія преступленія, соотвѣтствующія бродяжничеству въ первомъ случаѣ.

Обратимся къ свѣдѣніямъ о тяжести совершенныхъ преступленій. Въ 1894 г. въ Англіи было осуждено за уголовныя преступленія: изъ 100.000 дѣтей моложе 12 лѣтъ—26 чел.; изъ 100.000 дѣтей отъ 12 до 16 лѣтъ—261 чел.; изъ 100.000 юношей отъ 16 до 21 г.—330 чел. Итакъ, мы видимъ, что, по мѣрѣ приближенія къ зрѣлому возрасту, количество преступленій, совершенныхъ несовершеннолѣтними, растетъ. Но увеличивается также и тяжесть преступленія. Насиліе надъ личностью совершается дѣтьми моложе 16 лѣтъ на половину меньше, чѣмъ въ возрастѣ отъ 16 до 21 года. Преступленія противъ нравственности втрое или вчетверо чаще въ послѣднемъ возрастѣ, чѣмъ въ возрастѣ до 16 лѣтъ.

При изслѣдованіи отношенія между возрастомъ и преступностью не малый интересъ долженъ возбуждать вопросъ, въ какой мѣрѣ преступленіе въ несовершеннолѣтнемъ возрастѣ становится дѣломъ привычки. Единичное, остающееся безъ повторенія преступленіе юноши съ точки зрѣнія общественной безопасности далеко не такъ серьезно, какъ такое же преступленіе, но представляющее изъ себя членъ цѣлаго ряда преступленій, совершенныхъ однимъ и тѣмъ же лицомъ. Единичное преступленіе бываетъ зачастую лишь послѣдствіемъ сцѣпленія особыхъ и необычныхъ обстоятельствъ личнаго и соціальнаго характера. Это сцѣпленіе обстоятельствъ легко можетъ и не повториться въ жизни индивидуума. Преступленіе могло быть слѣдствіемъ момента, когда индивидуумъ, подъ вліяніемъ суммы неблагопріятныхъ условій, былъ выведенъ изъ состоянія нравственнаго равновѣсія, а не послѣдствіемъ существенныхъ свойствъ индивидуума. Если же кто-нибудь совершаетъ цѣлый рядъ нарушеній закона, то это указываетъ уже скорѣе на ненормальность его характера, быть можетъ, его жизненныхъ отношеній, а легко можетъ случиться обоихъ факторовъ вмѣстѣ взятыхъ. Личности, которыя, вслѣдствіе ненормальныхъ условій своего существованія, сдѣлались привычными преступниками и при каждомъ удобномъ случаѣ даютъ просторъ своимъ склонностямъ къ совершенію противозаконнаго дѣйствія, становятся серьезною опасностью для общества.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ никакого средства для опредѣленія количества привычныхъ преступниковъ среди несовершеннолѣтнихъ. Въ Англіи единственнымъ источникомъ для изученія этого интереснаго вопроса служатъ указанія о совершенныхъ раньше преступленіяхъ тѣми дѣтьми, которыя поступаютъ въ «reformatory schools». Изъ свѣдѣній за 1894 годъ слѣдуетъ, что не менѣе 64 изъ ста этихъ дѣтей, т. е. почти двѣ трети, осуждены болѣе чѣмъ одинъ разъ и даже: 462—два раза. 222—три раза, 96—четыре раза и 46—отъ пяти до десяти разъ. И при всемъ томъ, свѣдѣнія эти далеко не отличаются полнотою.

Итакъ, резюмируя сказанное о вліяніи возраста на преступность, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: форма преступленія несовершеннолѣтнихъ въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ степени зрѣлости преступника. Слишкомъ юные преступники, вслѣдствіе несовершенства ихъ физическаго развитія, могутъ сдѣлаться обыкновенно только бродягами и мелкими ворами. По мѣрѣ роста сюда прибавляются болѣе тяжелыя преступленія противъ собственности и личности. Чѣмъ болѣе юные преступники приближаются къ зрѣлому возрасту, тѣмъ болѣе преступленія ихъ носятъ характеръ тѣхъ, которыя свойственны взрослымъ преступникамъ. Несовершеннолѣтній преступникъ быстро и легко превращается въ привычнаго преступника—крайне вреднаго для общества, такъ какъ опытный преступникъ по ремеслу совершаетъ въ одинъ годъ болѣе преступленій, чѣмъ 20 случайныхъ преступниковъ, не говоря уже о томъ, что въ большинствѣ случаевъ онъ ускользаетъ отъ наказанія. Почти каждый преступникъ по ремеслу начинаетъ свою дѣятельность въ самомъ нѣжномъ возрастѣ.

Вотъ въ крайне общихъ чертахъ и далеко неисчерпанные выводы, цифры и положенія, къ которымъ приходитъ Моррисонъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о юныхъ преступникахъ, соціальной средѣ ихъ производящей и общихъ условіяхъ ихъ исправленія. Общіе выводы автора таковы: «Въ интересахъ общества, какъ и самихъ дѣтей,—говоритъ онъ,—является настоятельною необходимостью организовать своевременную помощь въ видѣ самыхъ тщательныхъ опытовъ къ исправленію. Главное, чтобы она явилась своевременно, т. е. прежде, чѣмъ склонность къ преступленію перешла или переродилась въ привычку къ нему. Цѣлесообразно поставленная помощь рѣдко останется безъ успѣха».

Н. М.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Мартъ. 1899 г.

Содержаніе: *Русскія и переводныя книги*: Беллетристика.—Исторія литературы.—Исторія всеобщая.—Математика, физика, химія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—*Иностранная литература*.—Изъ западной культуры. «Европейская политика въ борьбѣ за справедливость и гуманность». Ив. Иванова.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Л. Мельшинъ «Въ мірѣ отверженныхъ».—*Ев. Чириковъ.* «Очерки и разсказы.— «Собраніе сочиненій Мольера».

Л. Мельшинъ. Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Т. второй. Изд. редакціи журнала «Русское Богатство». 1899 г. Спб. Ц. 1 р. 50 к. Второй томъ очерковъ г. Мельшина «Въ мірѣ отверженныхъ» не менѣе интересенъ и содержателенъ, чѣмъ первый, о которомъ мы уже говорили два года тому назадъ. Если первый томъ привлекалъ и поражалъ необычайностью жизни этого своеобразнаго міра, откуда такъ мало и рѣдко доносятся извѣстія, то второй усиливаетъ этотъ интересъ введеніемъ новаго элемента въ «мірѣ отверженныхъ», именно образованныхъ и благородныхъ въ высокомъ значеніи этого слова людей, которые вносятъ въ это царство глубокаго мрака и темнаго отчаянія новыя начала—гуманность, самоотверженіе, кротость и надежду. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь, возникаетъ борьба, тѣмъ болѣе мрачная и ужасная, что она ведется людьми, которымъ, казалось бы, единственное утѣшеніе въ ихъ жестокой участи могла бы доставить взаимная любовь и дружба. Но и въ этомъ мірѣ оказывается своя аристократія и свой плебсъ; первая властвуетъ и выжимаетъ изъ второго, что можетъ. Великолѣпный типъ такого представителя отверженной аристократіи обрисованъ въ лицѣ артельнаго старосты, каторжника Юхорева, являющагося центромъ борьбы, возникающей на почвѣ грубо-матеріальныхъ интересовъ, связанныхъ съ привилегированнымъ положеніемъ, которое занимаетъ Юхоревъ и группирующаяся около него клика «глотовъ». На другой сторонѣ толпится жалкая, безпорядочная «шпанка», безпомощная и беззащитная, неспособная къ отстаиванію своихъ интересовъ, больше чувствующая свое подчиненное и забитое существованіе, чѣмъ сознающая его. Юхоревъ—личность несомнѣнно выдающаяся, одинъ изъ тѣхъ людей, которые импонируютъ въ любомъ положеніи, въ какое ихъ поставитъ судьба.

«Человѣкъ этотъ,—говоритъ авторъ,—дѣйствительно могъ производить впечатлѣніе. Онъ весь, казалось, состоялъ изъ однихъ мускуловъ, могучихъ и крѣпкихъ, какъ сталь; большіе, сѣрые глаза глядѣли отважно и рѣшительно, и трудно было вынести ихъ прямой, пронзительный взглядъ; длинные усы окаймляли энергично очерченныя губы.. Лобъ былъ замѣчательно низкій, и въ середину его правильнымъ треугольникомъ вдавались жесткіе черные волосы. Это придавало смуглому длинному лицу суровый, почти свирѣпый видъ, хотя ни мало не уменьшало впечатлѣнія большого, неоспоримаго ума, виднѣвшагося въ каждой чертѣ и въ каждомъ жестѣ этого сильнаго человѣка. Будучи совершенно неграмотнымъ, Юхоревъ говорилъ всегда такъ умно, плавно и даже кра-

сиво, пересыпалъ свою рѣчь такой массой оригинальныхъ эпитетовъ и поговорокъ, что если послѣднія не были черезчуръ откровенны, то вы могли бесѣдовать съ нимъ битый часъ и даже не догадаться, что имѣете дѣло съ простымъ, необразованнымъ мужикомъ, а не съ какимъ-нибудь бариномъ средней руки, земцемъ, помѣщикомъ. Непреклонная воля чуялась во всей этой желѣзной, богатырски скроенной фигурѣ, въ ея порывистыхъ и вмѣстѣ сдержанныхъ движеніяхъ, въ быстрой, всегда торопливой, но граціозной походкѣ... Арестанты поголовно уважали и боялись Юхорева, но вовсе, казалось, не потому только, что онъ былъ старостой, и я не видалъ случая, чтобы кто нибудь серьезно сцѣпился съ нимъ, вступилъ по какому-либо поводу въ грубую перебранку. Впрочемъ, Юхоревъ и не терпѣлъ противорѣчій себѣ. Съ мелкой шпаной, которой случалось чѣмъ нибудь прогнѣвить его, онъ расправлялся по своему... Съ «серьезными» арестантами Юхоревъ держался зато въ высшей степени тактично и степенно».

Этотъ-то всѣми признанный авторитетъ, властно и увѣренно распоряжавшійся толпой, сталкивается съ новой силой,—силой убѣжденной любви и готовности жертвовать личными интересами ради общаго блага. Вначалѣ онъ идетъ ей на встрѣчу, приводитъ просто въ восторгъ младшаго, наиболѣе неопытнаго и увлекающагося товарища г. Мельшина, очаровываетъ его своимъ характеромъ, полнымъ достоинства поведеніемъ и умѣньемъ обращаться съ массой. Этотъ товарищъ автора—типичный народникъ прежняго времени, восторженный идеалистъ, готовый преклониться предъ каждымъ типомъ изъ народной среды только потому, что это *народная* среда. Юная народническая душа усмотрѣла въ Юхоревѣ, этомъ героѣ этаповъ, одного изъ возможныхъ «вождей» народнаго движенія. «При другихъ условіяхъ, въ другой странѣ, развѣ онъ не могъ бы быть вожакомъ какой-нибудь гарибальдійской банды, борющейся за возвышенный принципъ. У него и внѣшность-то скорѣе общественнаго протестанта, чѣмъ уголовнаго преступника!» Дипломатъ и мошенникъ Юхоревъ прекрасно понялъ идеалистическія наклонности новыхъ товарищей и думалъ сыграть на этой стрункѣ, постепенно пытаясь подчинить себѣ новыхъ товарищей и тѣмъ еще увеличить свой авторитетъ въ глазахъ толпы, простодушно признавшей значеніе новой силы, но нимало ея не понявшей. Но какъ всякій деспотъ, Юхоревъ сдѣлалъ грубую ошибку, не принявъ въ разсчетъ именно идейности, убѣжденій своихъ товарищей, и терпитъ пораженіе именно на этой почвѣ. Деспотизмъ всегда и вездѣ дѣлалъ эту ошибку, понимая лишь грубый матеріализмъ, личную выгоду, какъ единую двигающую силу. И когда подкупъ не удается, деспотъ пускаетъ другую, единственно доступную его пониманію силу—кулакъ. Потерпѣвъ крушеніе въ своихъ наивно-практическихъ попыткахъ, Юхоревъ возбуждаетъ сначала тайную, а потомъ явную вражду противъ новыхъ товарищей по судьбѣ. Дѣло доходитъ до того, что возникаетъ подозрѣніе въ попыткѣ отравить главнаго противника, подозрѣніе, которое оправдывается вполнѣ при разслѣдованіи. «Вожакъ гарибальдійской банды» вполнѣ развертывается и выступаетъ въ своемъ настоящемъ видѣ—заправскаго разбойника и великаго плута.

Всѣ перипетіи этой борьбы, съ массой вводныхъ эпизодовъ и лицъ изъ этого мірка погибшихъ душъ, нарисованныхъ съ обычнымъ мастерствомъ г. Мельшина,—занимаютъ центральное мѣсто въ книгѣ, составляя ея главный интересъ. Въ заключительныхъ главахъ описывается конецъ образцовой каторжной тюрьмы и приведены характерные подлинные разсказы нѣсколькихъ болѣе выдающихся героевъ «міра отверженныхъ». Книга заканчивается тремя отдѣльными очерками—«Кобылка въ пути», «Среди сопокъ» и «Эпилогъ», объединенными общей темой съ очерками «Въ мірѣ отверженныхъ», хотя и не имѣющими съ послѣдними непосредственной связи. Особенно хорошъ по жестокому трагизму разсказъ «Среди сопокъ», въ которомъ просто изложенъ одинъ изъ безчисленныхъ ужасовъ, совершающихся въ этомъ мірѣ, забытомъ людьми.

Вторая часть произведенія г. Мельшина, уступая первой въ художественномъ отношеніи, имѣетъ не меньшее общественное значеніе. Она рядомъ убѣдительныхъ и сильно написанныхъ картинъ, дышащихъ глубокой правдивостью. разбиваетъ ту идеализацію русскаго преступника, которая создалась на почвѣ народническихъ воззрѣній на народную душу вообще. Этой своеобразной сторонѣ народническаго романтизма нанесенъ окончательный ударъ, исчезла еще одна народническая иллюзія, которую замѣнила суровая и далеко непригладная жизненная правда, тѣмъ не менѣе, болѣе для нась привлекательная. Думаемъ, что время героевъ во вкусѣ Жана Вальжана миновало и для русской литературы, какъ миновало оно для западной. И если еще встрѣчаются любители подобной романтики, какъ, наприм., критикъ «Руской Мысли», накинувшійся именно на эту сторону очерковъ г. Мельшина и попрекнувшій его даже въ измѣнѣ кому-то или чему-то, то троглодиты подобнаго типа продставляютъ лишь любопытный пережитокъ добраго стараго времени, когда люди еще нуждались въ иллюзіяхъ, чтобы бороться съ реальнымъ зломъ. Мы же смѣемъ думать, что есть великая правда въ словахъ знаменитаго нѣмецкаго экономиста: «отказъ отъ иллюзій есть первый шагъ къ выходу изъ положенія, нуждающагося вообще въ иллюзіяхъ». Несомнѣнно, геніальное произведеніе Достоевскаго «Записки изъ Мертваго дома» останется вѣчнымъ памятникомъ въ русской литературѣ, какъ «Отверженнные» Гюго—во французской, потому что въ каждомъ великомъ произведеніи есть нетлѣнное зерно истины, дающее вѣчно живые побѣги живыхъ и благотворныхъ чувствъ любви и ненависти въ сердцахъ людей. И ужъ, конечно, не эти произведенія мѣшаютъ правдѣ проникнуть въ сознаніе обществъ. Но грубая идеализація преступника, который въ народнической схемѣ рисовался какимъ-то прирожденнымъ протестантомъ, только неправильно понимавшимъ цѣли и средства протеста,—являлась не малымъ камнемъ на пути истины, затемняла правильный взглядъ на народную среду и вела ко многимъ самообманамъ. «Въ мірѣ отверженныхъ» разсѣяли эту иллюзію, и въ этомъ мы видимъ большое общественное значеніе произведенія г. Мельшина.

Евгеній Чириковъ. Очерки и разсказы. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1899. Ц. 80 к. Недавно знаменитый критикъ одного почтеннаго журнала сдѣлалъ справедливый упрекъ молодымъ начинающимъ беллетристамъ, что они, давъ двѣ-три небольшія вещицы, сейчасъ же тискаютъ ихъ отдѣльнымъ изданіемъ, какъ бы спѣша засвидѣтельствовать міру свою зрѣлость. Упрекъ этотъ не можетъ относиться къ г. Чирикову, разсказы и очерки котораго появляются въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ уже около пятнадцати лѣтъ, и только теперь авторъ нашелъ возможнымъ издать небольшую часть ихъ, сдѣлавъ довольно строгій выборъ. Такъ, сюда не вошли многіе изъ его очерковъ, помѣщенные въ провинціальныхъ изданіяхъ. Что же касается вошедшихъ, то всѣ они печатались въ журналахъ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ. Два лучшихъ изъ нихъ были помѣщены въ «Рус. Богатствѣ»—«На стоянкѣ» и «Въ лѣсу», три—«Калигула», «Прогрессъ» и «Ранніе всходы» появились въ нашемъ журналѣ, остальные въ «Рус. Мысли, «Сѣв. Вѣстникѣ» и, если не ошибаемся, въ «Нов. Словѣ». Мы дѣлаемъ этотъ перечень съ тою цѣлью, чтобы показать, что авторъ, пройдя уже извѣстную редакціонную критику, имѣлъ несомнѣнное право сдѣлать отдѣльное изданіе своихъ произведеній, разбросанныхъ на такомъ большомъ пространствѣ времени и осужденныхъ въ противномъ случаѣ, на полное забвеніе. Кромѣ того, мы вполнѣ понимаемъ законное желаніе каждаго автора—дать читателямъ болѣе полное представленіе о своей авторской физіономіи, чѣмъ то, которое можетъ составиться подъ бѣглымъ впечатлѣніемъ случайнаго разсказа, затерявшагося въ общемъ содержаніи объемистой книги ежемѣсячника.

А г. Чириковъ обладаетъ болѣе многихъ авторовъ этимъ правомъ, такъ

какъ его талантъ, при сравнительно не обширномъ размѣрѣ, отличается несомнѣнной оригинальностью и яркостью. Главная черта его—легкій юморъ, проникающій всѣ его житейскія картинки и сцены и оживляющій его персонажи. Вообще, юморъ этотъ не глубокъ и нѣсколько грубоватъ, онъ скользитъ по поверхности жизни, какъ весенній лучъ свѣта, вырѣзываясь яркими бликами на общемъ темномъ фонѣ печальной дѣйствительности, составляющей почти исключительное содержаніе очерковъ и разсказовъ г. Чирикова. Умѣніе автора подмѣтить скрытый комизмъ даже въ самыхъ грустныхъ явленіяхъ жизни и въ то же время сдержанное къ нему отношеніе, никогда не переходящее въ шаржъ, придаетъ очеркамъ жизненность и яркость. Въ лучшихъ его вещахъ, какъ «Калигула» или «Въ лѣсу», сюжетъ разсказа безъисходно мраченъ и надрываетъ сердце читателя, но присущая автору юмористическая жилка вноситъ бодрящее чувство въ общую печальную картину, и, не смотря на то, что, благодаря контрасту, темныя стороны этой картины становятся еще угрюмѣе,—настроеніе разсказа теряетъ характеръ унынія, пессимизма и безполезнаго нытья.

«Калигула»—это забитый жизнью маленькій-маленькій чиновникъ, какихъ тысячи ютятся по самымъ затхлымъ угламъ безконечныхъ канцелярій русской жизни. Такое благозвучное прозвище онъ получилъ за неудачный экзаменъ на первый чинъ, долженствовавшій улучшить его бѣдственное положеніе. Столько мечтаній было связано съ этимъ чиномъ, и все это разбивается о какого-то римскаго императора Калигулу! «Что такое, напримѣръ, Калигула и прочее? На кой мнѣ чортъ? А между тѣмъ вся карьера разбита окончательно!»—философствуетъ злополучный чиновникъ, и глубокая жалость къ его ничтожной судьбѣ, зависящей отъ какого-нибудь Калигулы, сжимаетъ сердце читателя. Но въ этомъ чувствѣ нѣтъ ни малѣйшаго пессимизма, нѣтъ ничего унылаго; напротивъ, получается живое ощущеніе дѣйственной любви, не мирящейся съ вздорностью жизни и жаждущей борьбы.

«Въ лѣсу» изображенъ одинъ изъ мрачныхъ эпизодовъ голоднаго года. Разсказчикъ попадаетъ случайно на лѣсной дворъ, гдѣ вьюга собрала кучу крестьянъ изъ голодающихъ мѣстностей. Бѣдственность переживаемаго момента, преступно-равнодушное отношеніе къ нему русской канцелярщины, сводящей на ничто даже хорошія предначертанія высшей власти, безстыдная алчность мѣстнаго кулачества—изображены въ рѣзкихъ и яркихъ чертахъ, оттѣненныхъ спокойнымъ юморомъ разсказа, когда, напр., случайные спутники автора, подбитые ямщикомъ, предлагаютъ купить на пробу свой «голодный» хлѣбъ и каждый пресерьезно увѣряетъ мнимаго покупщика, что «энтотъ еще пакостнѣе». Чувство безудержнаго гнѣва, охватывающее читателя, смягчается подъ вліяніемъ юмора автора и переходитъ въ холодное размышленіе, несравненно болѣе плодотворное и болѣе обильное для жизни послѣдствіями. Конецъ разсказа прекрасно подчеркиваетъ это настроеніе гнетущей и скорбной мысли, разбуженной вопіющей нелѣпостью совершающагося зла и несправедливости.

Не менѣе характерной чертой таланта г. Чирикова является яркость изображенія. Его очерки и разсказы не велики по захвату. По большей части это отдѣльныя, выхваченныя изъ жизни сценки, эпизоды или типичныя фигуры. Но въ данныхъ предѣлахъ каждая вещь выписана колоритно, правда безъ особыхъ оттѣнковъ, но живо и сильно. Лучше другихъ въ этомъ отношеніи небольшая волжская картинка «На стоянкѣ», по художественной законченности лучшее произведеніе въ этой книгѣ. Волжскій пейзажъ и на фонѣ его несложная жизнь баржи, стоящей на якорѣ у берега, написаны съ мастерствомъ, обнаруживающимъ въ авторѣ несомнѣнную поэтическую чуткость къ природѣ. Вотъ, для образчика, картина Волги лунной ночью.

«Волга, облитая голубоватымъ блескомъ луннаго свѣта, словно задремала, околдованная чарами неясныхъ весеннихъ грезъ, и тихо, ласково и любовно

гладила своими струями и крутой берегъ, и высокіе борта стоявшей на якорѣ баржи. Луна блистала ярко въ вышинѣ надъ лѣсомъ Жигулевскихъ горъ, серебрила листву молодой зелени на вершинахъ, но словно боялась заглянуть внизъ подъ кручу громоздившихся горъ, туда, гдѣ висѣли густыя сумерки, гдѣ длинныя, несуразныя тѣни легли на воду и спрятали прижавшуюся къ берегамъ баржу... Тамъ, дальше, серебрилась переброшенная луною чрезъ рѣку искристая дорожка, а здѣсь было темно-темно, и лишь яркія звѣзды, меланхолически смотрѣвшія съ голубыхъ небесъ на землю, еще ярче отражались въ затѣненной горами рѣчной поверхности и дрожали вокругъ баржи синими огнями, гасли и вспыхивали, какъ электрическія искры, ослѣпительно яркія, большія, синія... Изрѣдка, когда, Богъ вѣсть откуда, прилеталъ на своихъ крыльяхъ безпечный весенній вѣтерокъ,—лѣсъ вздрагивалъ серебрившейся на лунѣ листвою, и легкіе невнятные вздохи весны перебѣгали съ утеса на утесъ, скатывались въ темную бездну и здѣсь не то прятались въ прибрежныхъ кустахъ орѣшника, не то тонули въ слегка зарябившейся водѣ рѣчной заводи, не то убѣгали дальше на противоположный берегъ, вмѣстѣ съ серебристою дорожкою луннаго свѣта... Съ напоенной ароматомъ цвѣта черемухи и пахучей березы прохладою вѣтерокъ приносилъ откуда-то отрывки несмѣлой соловьиной пѣсни, журчаніе сбѣгавшаго съ горъ по овражку ручья и еще какіе-то странные, таинственные шумы и шорохи»...

Также хороши описанія зимняго лѣса въ разсказѣ «Въ лѣсу» или болота и сумерекъ въ очеркѣ «Съ ночевой».

Хуже другихъ удаются г. Чирикову разсказы, въ которыхъ онъ задается болѣе широкой темой, требующей глубокаго анализа сложныхъ душевныхъ настроеній и умѣнья совмѣстить на одной картинѣ великое разнообразіе жизни. Два такихъ разсказа «Gaudeamus igitur» и «Студенты пріѣхали», хорошо задуманные въ общемъ, плохо выполнены сравнительно съ предъидущими. Оба слишкомъ однотонны, въ нихъ нѣтъ живыхъ людей, а скорѣе, схемы, въ которыя читателю предлагается самому вкладывать живое содержаніе. Живыми нитками пришитая тенденція торчитъ здѣсь какъ шестъ, оголенная отъ плоти и крови, лишенная правдивости и вѣрнаго пониманія жизни. Вообще, какъ тенденціозный писатель, г. Чириковъ слабѣе всего, что должно ясно указать ему истинный путь — быть художникомъ-наблюдатолемъ, какимъ онъ является въ своихъ лучшихъ вещахъ.

Собраніе сочиненій Мольера. 19 пьесъ съ иллюстраціями. Подъ редакціею С. С. Трубачева. Спб. 1899. Иллюстрированное безплатное приложеніе къ «Вѣстнику иностранной литературы». Распространяющійся съ нѣкоторыхъ поръ обычай издавать въ видѣ приложеній къ популярнымъ журналамъ сочиненія классическихъ авторовъ заслуживаетъ полнаго сочувствія. Этимъ способомъ въ значительной степени усиливается циркуляція правильныхъ представленій о крупнѣйшихъ художественныхъ явленіяхъ, о которыхъ широкіе круги нашихъ читателей въ большинствѣ случаевъ имѣютъ лишь самыя смутныя понятія.

Въ частности Мольеръ знакомъ у насъ слишкомъ мало, сравнительно съ тѣмъ высокимъ значеніемъ, которое онъ имѣетъ во всемірной литературѣ, и съ тѣмъ рѣшительнымъ и плодотворнымъ вліяніемъ, которое онъ такъ долго оказывалъ на русскую комедію: Петръ I пытался его переводить, Екатерина II и сатирики-драматурги ея вѣка, не переставая, черпали у него какъ идеи, такъ и форму, Грибоѣдовъ и Гоголь многимъ ему обязаны. Между тѣмъ наша сцена непростительно равнодушна къ Мольеру. Кромѣ традиціонныхъ отрывковъ его комедій на ученическихъ и экзаменаціонныхъ спектакляхъ различныхъ драматическихъ курсовъ и училищъ, посѣтители нашихъ театровъ, «образцовыхъ» и не образцовыхъ, почти лишены возможности видѣть произведенія

этого великаго предка. По мнѣнію антрепренеровъ и артистовъ, Сарду, Пальеронъ и Лабишъ несравненно интереснѣе. Нѣсколько лучше представленъ Мольеръ въ печати. Кромѣ переводовъ отдѣльныхъ пьесъ, нѣкоторыхъ въ дешевомъ изданіи А. Суворина, мы имѣемъ и трехтомное собраніе сочиненій Мольера въ изданіи О. И. Бакста, заключающее 20 (изъ 32-хъ) наиболѣе извѣстныхъ или исторически важныхъ пьесъ, съ солиднымъ и интереснымъ біографическимъ введеніемъ пр. А. Н. Веселовскаго и библіографическимъ указателемъ литературы о Мольерѣ.

Новое изданіе (однотомное) почти во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ шагъ назадъ сравнительно съ предъидущимъ. Начать съ того, что изданіе «Вѣстника иностранной литературы» не только не пополняетъ выбора предъидущаго, но выбрасываетъ такія характерныя вещи, какъ *Критику на «Школу женъ»* и *Версальскій экспромтъ*, прибавивъ только одну менѣе зрѣлую комедію *Сганарель, или мнимый рогоносецъ*. Правда, всѣ непереведенныя пьесы приводятся въ краткомъ пересказѣ, но пересказъ этотъ не даетъ читателю ничего и только безполезно увеличиваетъ объемъ изданія. Далѣе, приложенный къ изданію біографическій очеркъ на нѣсколькихъ страничкахъ, также какъ и вступительныя замѣчанія къ каждой пьесѣ составлены весьма поверхностно и нелитературно. Біографическіе факты и анекдоты мало объясняютъ творчество писателя, если лишить ихъ исторической перспективы, если не дать понятія о той средѣ, въ которой писатель развился и дѣйствовалъ, если не намѣтить, что онъ унаслѣдовалъ отъ предшествовавшаго ему хода литературы, что онъ внесъ въ него новаго и личнаго, и, наконецъ, что изъ его творчества было воспринято позднѣйшими поколѣніями. Все это имѣетъ еще большее значеніе для изданія, которое желаетъ быть популярнымъ, такъ какъ ни въ какомъ случаѣ нельзя разсчитывать, чтобы въ нашей читающей публикѣ было распространено ясное пониманіе такого отдаленнаго времени, какъ вѣкъ Людовика XIV. Къ сожалѣнію, редакція настоящаго изданія совершенно игнорируетъ указанныя, довольно скромныя требованія и ограничивается тѣмъ, что сдабриваетъ жидкую біографію банальнѣйшими общими фразами и сомнительнаго достоинства моральными сентенціями. Что, напр., можно заключить о процессѣ творчества Мольера изъ такой фразы: «онъ бралъ чужую мѣдь, чтобы магически, въ горнилѣ своего вдохновенія, превратить ее въ золото»? Говоря о томъ, что Мольеръ изъ любви къ женѣ старался и въ недостаткахъ ея находить достоинства, біографъ излагаетъ свои соображенія по этому поводу: «Къ сожалѣнію, это часто случается, и въ біографіяхъ многихъ великихъ людей (про маленькихъ людей біографъ забываетъ) приходится встрѣчаться съ подобными фактами. Вспомнимъ хотя женитьбу и семейную жизнь Пушкина, завершившуюся трагическою катастрофою». Неожиданное и вполнѣ неумѣстное примѣненіе сравнительнаго метода! Исторія салона Рамбулье, въ предисловіи къ переводу *Жеманницъ*, излагается такимъ образомъ кратко и неясно: «Къ сожалѣнію (опять запоздалое сожалѣніе), такъ называемые beaux ésprits пріобрѣли въ этомъ салонѣ слишкомъ преобладающее значеніе и установили диктатуру педантизма. Женщины, всегда скоро поддающіяся модѣ, соперничали съ мужчинами и, не замѣчая, насколько онѣ смѣшны, вздумали реформировать утонченнымъ образомъ всѣ человѣческія чувства и языкъ». Въ предисловіи къ *Ученымъ женщинамъ* обсуждается дальнѣйшая «эволюція женскаго вопроса» (?). «Въ то время многія женщины начали съ жеманничанія, а потомъ усаживались за книжки и пріобрѣтали массу свѣдѣній, съ которыми дѣйствительно недоумѣвали, что дѣлать; но это время препровожденіе отбивало ихъ отъ семьи и хозяйства, которыя, будучи брошены ими на произволъ судьбы, шли вкривь и вкось. Такимъ образомъ, если жеманницы первой стадіи развитія были только смѣшны и противны, то «энциклопедистки» второй стадіи стали уже

прямо опасны (!)». Нечего и говорить, что подобное смѣшеніе историческихъ явленій съ мѣщанскими сентенціями, изложенными при этомъ такимъ нелитературнымъ языкомъ, нисколько не способствуетъ пониманію взглядовъ самого Мольера. Если послѣдній заставляетъ говорить Кризаля своей ученой сестрѣ: «Вѣдь въ книгахъ проку нѣтъ,—ты лучше ихъ сожги», или: «жизнь нашихъ бабушекъ безъ книгъ спокойно шла, ихъ воспитаніемъ одно хозяйство было, а библіотекой—наперстокъ да игла» и т. д., то авторъ здѣсь вовсе не совпадаетъ съ дѣйствующимъ лицомъ, которое является такимъ же типомъ ограниченнаго мѣщанина, какъ Белиза и Филаминта типами смѣшныхъ ученыхъ женщинъ. Поднимая на смѣхъ ихъ претенціозность при отсутствіи серьезнаго образованія и ставя съ ними совершенно на одну доску такихъ же педантовъ-недоучекъ мужчинъ, Мольеръ устами своихъ резонеровъ постоянно и настойчиво оговаривается, что онъ уважаетъ «истинное» образованіе въ женщинахъ. Въ *Школѣ женщинъ* резонеръ Кризальдъ утверждаетъ, что «дура не можетъ даже понять, что значить быть честной, не говоря уже о томъ, какъ скучно мужу цѣлую жизнь имѣть возлѣ себя глупую жену», а въ тѣхъ же *Ученыхъ женщинахъ* резонирующій любовникъ Клитандръ очень ясно устанавливаетъ разницу между тщеславнымъ умничаніемъ и дѣйствительнымъ знаніемъ:

Не спорю,—хорошо, чтобъ женщина все знала,
Но возмутительно, когда онѣ спѣшатъ
Поверхностными знаньями кичиться.
По моему, милѣй та женщина въ сто-кратъ,
Которая по скромности боится
Ученостъ выставлять предъ всѣми на показъ.
Я уважаю въ женщинахъ познанья
Безъ хвастовства, безъ заученныхъ фразъ
И безъ цитатъ изъ моднаго изданья.

И въ другихъ случаяхъ авторъ комментаріевъ проявляетъ такую же ограниченность точки зрѣнія и отсутствіе историческаго пониманія вездѣ, гдѣ онъ не излагаетъ пр. Веселовскаго, Ташеро и двухъ-трехъ другихъ мольеристовъ. Защищая, напр., *Мизантропа* отъ извѣстныхъ нападокъ Руссо, доказывавшаго на этомъ примѣрѣ гибельное вліяніе театра на нравы, нашъ комментаторъ въ полемическомъ задорѣ старается унизить Руссо, забывъ, что тотъ уже давно хорошо защищенъ отъ его уколовъ. «По правдѣ сказать,—читаемъ мы,—*Новая Элоиза* Руссо едва ли не больше, если ужъ стать на точку зрѣнія самого же Руссо, способствовала порчѣ нравовъ, чѣмъ весь театръ Мольера въ совокупности». Самая мысль, впрочемъ взята у Женена, что и указано на стр. 495.

Обратимся къ переводамъ самихъ комедій Мольера. Многіе изъ этихъ переводовъ, и между ними всѣ стихотворные, уже извѣстны въ печати ранѣе. Въ общемъ надо признать, что всѣ переводы въ прозѣ исполнены добросовѣстно, языкъ ихъ легкій, литературный и по скольку возможно точно передаетъ подлинникъ. Изъ стихотворныхъ переводовъ лучшіе принадлежатъ Д. Д. Минаеву, хотя и они не лишены крупныхъ недостатковъ: вездѣ, гдѣ Мольеръ прибѣгаетъ къ народному лексикону, переводчикъ черезчуръ руссифицируетъ стиль, вставляя, иногда совершенно не къ мѣсту, простонародныя выраженія. Такъ, напр., въ *ученыхъ женщинахъ* служанка Мартина говорить:

По моему, кто говоритъ понятно,
Тотъ значитъ, и *вольготно* говоритъ.

Мало того, что здѣсь совсѣмъ не передана мысль подлинника (Mon Dieu, je n'avons pas étudié comme vous, et je parlons tout droit comme on parle cheux nous), но и въ русской фразѣ слово «вольготно» не можетъ быть употреблено въ данномъ случаѣ. Далѣе Кризаль говоритъ:

Тебѣ, конечно, нечего скучать
И поднимать *бузу*...

Мы сомнѣваемся, существуетъ ли послѣднее слово даже въ какомъ-нибудь народномъ говорѣ. Нѣкоторыя изъ пьесъ, написанныя въ подлинникѣ стихами, переведены прозой. Это еще небольшая потеря для такой второстепенной комедіи, какъ *L'étourdi (Взбалмошный)*, но совершенно непростительно по отношенію къ *Мизантропу* (въ изданіи Бакста переводъ В. Курочкина). Эта самая серьезная по мысли пьеса Мольера вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежитъ къ самымъ удачнымъ по своему языку. Многія мысли въ ней вылились въ такую удачную форму, что лишить ихъ этой формы, сообщающей имъ особенную акцентуацію, значитъ ослабить ихъ дѣйствіе: то, что въ стихахъ невольно западаетъ въ память слушателю, въ прозѣ можетъ не вызвать вовсе его вниманія. Другая капитальнѣйшая комедія *Тартюфъ* также значительно пострадала въ стихотворномъ переводѣ г. Лихачова (въ изданіи Бакста переводъ Минаева). Правда, стихъ его легкій, языкъ свободный и простой, и переводъ менѣе значительной комедіи *Школа женъ* удался ему очень недурно, но *Тартюфъ*, гдѣ, можно сказать, каждое лыко должно идти въ строку, требуетъ отъ переводчика особенной осмотрительности. Въ языкѣ Мольера нѣтъ такъ называемыхъ chevilles, выраженій, вставленныхъ для риѳмы или для заполненія стиха, которыя свободно можно выбросить при переводѣ, и дѣлать изъ пяти стиховъ три или даже два можно не иначе, какъ въ ущербъ смыслу. Между тѣмъ г. Лихачовъ такъ именно и поступаетъ, какъ будто онъ «обрабатываетъ для сцены» какую-нибудь посредственность вродѣ Леметра, Сарду или Ростана. Особенно безпощадныя купюры учиняются тамъ, гдѣ, по мнѣнію переводчика, можетъ пострадать нравственное чувство читателя. Въ вѣкъ Мольера на этотъ счетъ были гораздо менѣе щепетильны, и только лицемѣріе Тартюфа считало необходимымъ набрасывать платочекъ на декольтированныя мѣста; представительница же здраваго смысла, Дорина, очень резонно утверждаетъ, что «она могла бы видѣть его голымъ сверху до низу, и это не привело бы ее въ соблазнъ» (мѣсто, совершенно выброшенное въ русскомъ текстѣ). Переводчику Мольера лучше было бы усвоить себѣ взглядъ Дорины, нежели Тартюфа, тѣмъ болѣе, что Мольеръ никогда не становится на почву скабрезности ради заигрыванья съ зрителемъ, а только не считаетъ нужнымъ отказываться отъ чертъ, характеризующихъ дѣйствующихъ лицъ. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить одинъ общій недостатокъ всѣхъ стихотворныхъ переводовъ Мольера: это ихъ черезчуръ вольный стихъ. Чередованіе въ перемежку самыхъ разнообразныхъ ямбовъ, количествомъ отъ одной до шести стопъ, съ произвольнымъ сплетеніемъ риѳмъ, какъ въ *Горѣ отъ ума*, совершенно не передаетъ характера традиціоннаго александрійскаго стиха. Однообразіе и сухость послѣдняго почти исчезаетъ въ живомъ діалогѣ Мольера, а иногда самая неподвижность его двустишій сообщаетъ отдѣльнымъ мыслямъ законченность поговорокъ, которыя и въ самомъ дѣлѣ давно вошли во французскую рѣчь. Къ достоинствамъ разбираемаго изданія Мольера надо отнести довольно отчетливое воспроизведеніе хорошихъ французскихъ гравюръ, изъ которыхъ особенно мастерски нарисованы офорты Лелуа.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. Г. Смирнова. «Маха-Бхарата. Индійская Иліада».—*Е. Каро.* «Жоржъ-Зандъ».—*М. Ватсонъ.* «Ада Негри».—*Н. С. Тихонравовъ.* «Сочиненія. Томъ III, ч. II».

А. Г. Смирнова. Маха-Бхарата. Индійская Иліада. Спб. 1899 г. Ц. 50 к. Небольшая брошюра г-жи Смирновой является очень цѣннымъ вкладомъ въ популярно-научную литературу, такъ какъ съ увѣренностью можно сказать, что

свѣдѣнія о богатѣйшемъ индійскомъ эпосѣ крайне мало распространены среди обширной публики, стремящейся путемъ самообразованія расширить свои знанія. Главной причиной такого малаго знакомства была недоступность этого эпоса, чрезвычайно оригинальнаго по формѣ и содержанію. Какъ видно изъ подробнаго обзора существующихъ въ русской литературѣ свѣдѣній о «Маха-Бхаратѣ», дѣлаемаго почтеннымъ авторомъ во введеніи,—не только нѣтъ полнаго перевода этой обширнѣйшей поэмы, заключающей болѣе 220.000 *) стиховъ, но и болѣе подробнаго и полнаго изложенія ея. Лишь нѣкоторые эпизоды ея, какъ, напр., «Наль и Дамаянти», извѣстны читающей публикѣ. Между тѣмъ, хотя бы по этому одному эпизоду можно судить, какія сокровища истинной поэзіи, проникнутой глубокой мыслью и расцвѣченной всѣми красками восточной фантазіи, скрываетъ въ себѣ «Маха-Бхарата». Но и кромѣ того, уже одно то, что «Маха-Бхарата» есть священная книга для болѣе чѣмъ двухсотъ милліоновъ индусовъ, древнѣйшаго народа, съ оригинальнѣйшимъ міросозерцаніемъ, должно привлекать къ ней вниманіе и любознательность каждаго просвѣщеннаго человѣка. «Тотъ мудрецъ,—говоритъ пѣвецъ Маха-Бхараты,—который кому бы то ни было разскажетъ ея содержаніе, и тотъ, кто будетъ ее слушать,—оба удостоятся войти въ обитель Брамы, гдѣ будутъ уподобляться богамъ. Эта поэма одинаково священна, какъ и гимны Ригъ-Веды. Она возвышенна и избавляетъ отъ грѣховъ. Въ ней разумъ достигъ высшихъ предѣловъ совершенства. Эта святая книга поучаетъ милосердію и любви. Если даже преступникъ будетъ слушать «Маха-Бхарату», то его преступленія простятся ему». Есть, стало быть, въ этой поэмѣ нѣчто такое, что заставило многомилліонный народъ, при всѣхъ безчисленныхъ превратностяхъ судьбы, спасти ее и пронести сквозь тьму тысячелѣтій, сохраняя въ памяти, какъ драгоцѣннѣйшій завѣтъ предковъ и обѣтованіе для новыхъ поколѣній. Арнольдъ, знаменитый авторъ поэмы «Свѣтъ Азіи», говоритъ, что, по увѣренію набожныхъ индѣйцевъ—«Маха-Бхарата» даруетъ счастье на землѣ и на небѣ: неимущій обрѣтаетъ богатство, больной здоровье, невѣжда знаніе. «Маха-Бхарата», говоритъ онъ, есть цѣлая бытовая повѣсть, подробное изложеніе духовной, политической и общественной жизни древнихъ индійцевъ. Это неисчерпаемый источникъ самыхъ разнообразныхъ разсказовъ, положившихъ начало ихъ философіи и литературѣ».

Послѣ краткаго введенія, въ которомъ г-жа Смирнова дѣлаетъ тщательный обзоръ литературы о «Маха-Бхаратѣ», слѣдуетъ сжатое, превосходно составленное изложеніе поэмы. Съ рѣдкимъ искусствомъ, обличающимъ въ авторѣ глубокое и полное знаніе предмета, г-жа Смирнова съумѣла на пространствѣ четырехъ печатныхъ листовъ такъ изложить эту громадную поэму, что для читателя выясняется не только общій остовъ этого грандіознѣйшаго произведенія, но, главное,—и духъ его.

Самое названіе «Маха-Бхарата» означаетъ «великую борьбу Баратовъ». Главный сюжетъ поэмы—борьба двухъ княжескихъ родовъ, Пандавовъ и Кауровъ, изъ-за власти. Этотъ сюжетъ развивается на фонѣ роскошной индійской природы, величественной и грозной, переплетаясь со всѣми сторонами бытовой и общественной жизни древней Индіи. Тонъ поэмы все время торжественный, какъ приличествуетъ самому предмету. Разсказъ ведется отъ лица мудреца Віазы, который знакомитъ юнаго раджу Яймея съ судьбами его предковъ Баратовъ и его прапрадѣда Арьюны, одного изъ главныхъ героевъ поэмы. Спокойно-торжественное настроеніе разсказчика постепенно повышается, переходя въ двухъ послѣднихъ пѣсняхъ—«Священное шествіе героевъ въ рай» и «Вступленіе въ рай»—въ трогательно-молитвенное умиленіе предъ величіемъ и до-

*) Для сравненія замѣтимъ, что Иліада и Одиссея вмѣстѣ имѣютъ около 22—24.000.

блестью вѣрнаго и справедливаго царя Юдхиштиры. Принятый богами въ рай, блаженный Юдхиштира отказывается оставаться въ раю, куда не допущены его любимые и дорогіе спутники жизни вмѣстѣ съ его вѣрной собакой, «безпомощной и беззащитной», которая жалобно воетъ у воротъ рая. На приглашеніе боговъ возсѣсть вмѣстѣ съ ними въ сонмѣ небожителей, «справедливый и милосердный» Юдхиштира отвѣчаетъ: «О Сакра *)! Есть четыре смертныхъ грѣха: первый—безполезное отчаяніе, второй—убійство матери грудного младенца, третій—умышленное разрушеніе твореній Брамы, четвертый—оскорбленіе стараго друга. Но всѣ эти грѣхи мнѣ кажутся ничтожными въ сравненіи съ пятымъ грѣхомъ, что когда кто либо, испытавъ всѣ скорби жизни, вдругъ обрѣтаетъ счастье и въ счастьѣ своемъ покидаетъ своего несчастнаго товарища». И Юдхиштира добровольно возвращается въ адъ, гдѣ остались его братья, его жена и вѣрная собака. Тронутые такимъ постоянствомъ и вѣрностью, боги выводятъ изъ ада всѣхъ его милыхъ сердцу спутниковъ жизни, и Юдхиштира, погрузившись въ священныя волны Ганга, возносится въ обитель блаженнаго рая, «гдѣ его ожидали его братья, князья рода Пандавовъ, и прелестная жена ихъ Драупади съ чудными очами, блестящими, какъ цвѣтъ лотоса». Такъ вступилъ царь Юдхиштира «въ область небесную, гдѣ обрѣлъ, наконецъ, то, чего не могъ найти на землѣ—миръ и счастье». Заключительныя слова поэмы подчеркиваютъ проникающее ее настроеніе возвышеннаго пессимизма. Нѣтъ счастья на землѣ, гдѣ все скоротечно, есть лишь *долгъ*, и тотъ истинный герой, кто, сознавая тщету земныхъ стремленій и страстей, пребудетъ вѣренъ до конца, будетъ справедливъ и снисходителенъ къ другимъ, строгъ къ себѣ, спокоенъ въ счастьѣ и горѣ и чистъ душою и тѣломъ. И пусть не ждетъ онъ никакой награды, кромѣ одной, которая заключается въ сознаніи выполненнаго долга.

Е. Каро. Жоржъ-Зандъ. Переводъ О. Н. Масловой. Москва. 1899. Современное намъ поколѣніе съ трудомъ можетъ постигнуть ту страстную энергію порицанія и сочувствія, которую вызывали романы Жоржъ-Зандъ въ теченіе почти 30 лѣтъ. Художественное достоинство ея произведеній,—замѣчательное преимущественно въ мелкихъ, безъискуственныхъ разсказахъ,—въ сужденіяхъ о ней отступало далеко на задній планъ предъ общественнымъ значеніемъ ея идей и настроеній. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ настоящее время лишь историческій интересъ можетъ заставить перечесть безъ значительныхъ пропусковъ большинство тѣхъ романовъ, на которыхъ зиждется ея слава. Необыкновенные люди, гигантскія страсти, многорѣчивыя разсужденія, слишкомъ ровный и гладкій стиль знаменитой писательницы уже не удовлетворяютъ нашему вкусу и вызываютъ скуку, какъ чтеніе цѣнныхъ, но слишкомъ однообразныхъ и длинныхъ документовъ, а идейная сторона ея произведеній потеряла для насъ остроту новизны. Нечего и говорить о томъ, насколько архаичнымъ являются теперь наивные соціалистическія утопіи, которыми снабжали Жоржъ-Зандъ ея друзья — мечтатели 40-хъ годовъ. Но и взгляды ея на семью, на отношенія мужчины и женщины, на свободу чувства, именно на тѣ вопросы, которые были ей ближе всего и въ которыхъ она являлась смѣлой учительницей современниковъ,—мы вправѣ назвать ein überwundener Standpunkt. Кто нынче не признаетъ, хотя бы въ теоріи, «свободы любви», которую называли столь революціонной и безнравственной въ романахъ Жоржъ-Зандъ или въ статьяхъ Бѣлинскаго? Женскій вопросъ, который пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ почти исчерпывался требованіемъ — имѣть право слѣдовать влеченію своего сердца, въ настоящее время принялъ такіе грандіозные размѣры, что его уже нельзя выдѣлить изъ общаго соціальнаго вопроса. Все это значительно ослабляетъ для насъ непосредственный интересъ къ произведеніямъ Жоржъ-Зандъ.

---

*) Одно изъ названій бога Индры («священный»).

Но зато необыкновенная личность писательницы, поскольку она выразилась въ ея литературной дѣятельности, никогда не потеряетъ своего значенія. Съ дѣтства мечтательная и экзальтированная, угнетаемая разладомъ между аристократическою бабушкой и модисткой матерью, лишенная сколько-нибудь правильнаго образованія, выстрадавшая тяжелую мѣщанскую драму въ своихъ отношеніяхъ съ мужемъ, человѣкомъ самаго низменнаго пошиба, молодая баронесса Дюдеванъ, будущая знаменитая Жоржъ-Зандъ, имѣла всѣ данныя, чтобы погрузиться въ свои несчастья и считать свою жизнь разбитой въ конецъ. Между тѣмъ она сохранила не только способность работать, учиться, любить, отдаваться общественнымъ интересамъ, но и замѣчательную цѣльность натуры, жизнерадостность и душевное равновѣсіе. Условія ея жизни, какъ извѣстно, и послѣ разрыва съ мужемъ далеко не были безмятежно спокойными. Такъ ярко выразившіеся въ ея романахъ взгляды на безграничную свободу чувства не были теоріей, и безчисленные эпизоды ея личныхъ романовъ ставили ее въ боевое положеніе, какъ по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и по отношенію ко всему обществу. Но никакіе личные кризисы, никакіе конфликты съ общепризнанною моралью не могли разрушить въ ней вѣры въ свою правоту и отбить у нея охоту пользоваться своею свободой, которую она считала священной. Благоговѣйное служеніе богу любви нисколько не обусловливало въ ней эгоизма и черствости,—напротивъ: она была прекрасной и разумной матерью, а въ старости чудной бабушкой, она славилась своею добротою и готовностью придти на помощь всякому, кто въ ней нуждался, стремленіе ея отдаться общественному дѣлу было безгранично, хотя и не основывалось на твердой, продуманной программѣ. Изученіе этой удивительной и могучей души никогда не потеряетъ своего интереса, и съ этой точки зрѣнія многія страницы романовъ Жоржъ-Зандъ также поучительны, какъ ея письма и автобіографическія сочиненія.

Книга о Ж.-Зандъ, предлагаемая нынѣ русскому читателю въ переводѣ г-жи Масловой, принадлежитъ извѣстному французскому академику Каро, который съ 1861 г. былъ лично знакомъ съ знаменитой писательницей († 1876). Работа престарѣлаго автора не отличается планомѣрностью и не освѣщена какой-нибудь опредѣленной идеей. Съ обычной у французовъ манерой скользить по поверхности разсматриваемыхъ явленій, авторъ останавливается на отдѣльныхъ біографическихъ фактахъ, а о другихъ не менѣе важныхъ не упоминаетъ вовсе, мѣстами критикуетъ произведенія, мѣстами старается характеризовать личность Жоржъ-Зандъ, но и то, и другое не сведено къ чему-нибудь цѣлому. Относясь довольно строго ко многимъ ея произведеніямъ, особенно къ тѣмъ, въ которыя она вплетала свои соціальныя теоріи, Каро съ большимъ сочувствіемъ останавливается на литературныхъ взглядахъ Ж.-Зандъ, противополагая ихъ съ укоризной натуралистической доктринѣ (книга Каро появилась еще въ то время, когда эта доктрина была въ полной силѣ во Франціи). Въ настоящее время мы уже вправѣ считать, что теоріи Зола́ въ чистомъ своемъ видѣ отжили свой вѣкъ и стали фактомъ исторіи, но едва ли большее право на долговѣчность имѣетъ идеалистическая поэтика позднихъ романтиковъ, къ которымъ принадлежитъ Ж.-Зандъ. «Согласно выработанной теоріи,—такъ говоритъ она сама,—надо идеализировать эту любовь (которая даетъ содержаніе роману), а слѣдовательно, и этотъ типъ (героя романа), и тутъ нечего опасаться, надѣляя его всѣми духовными силами, которыми только обладаетъ душа самого автора, или всѣми терзаніями муки, которыя ему когда-либо приходилось наблюдать въ другихъ или испытывать на себѣ самомъ. Но при этомъ, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ унижать этотъ типъ подъ вліяніемъ случайностей судьбы—пускай онъ или погибнетъ, или же восторжествуетъ; можно безъ опасенія приписывать ему исключительное значеніе, выдающіяся силы, чарующія свой-

ства или такія страданія, которыя превышаютъ мѣру обычныхъ людскихъ страданій, можно даже переступить мѣру правдоподобія, допускаемаго большинствомъ людей», и т. д. Каро сожалѣетъ, что Ж.-Зандъ сама не всегда оставалась вѣрна этой теоріи, которую онъ называетъ «простой и возвышенной» (стр. 29—30). Въ другомъ мѣстѣ онъ уже отъ своего имени излагаетъ задачи романа, который долженъ «*возвышать* человѣка надъ горестями и нуждами, дрязгами и непріятностями повседневной жизни, чтобы хоть на нѣсколько часовъ отвлечь его вниманіе къ болѣе возвышенной, хотя бы и вымышленной сторонѣ иного міра» (стр. 137). Если, такимъ образомъ, читатель ни въ какомъ случаѣ не можетъ полагаться на сужденія автора, то все же въ виду характера самаго сюжета нѣкоторые этюды, подробнѣе изложенные, читаются съ интересомъ, какъ, напр., сношенія Ж.-Зандъ съ Флоберомъ, котораго она очень правильно цѣнила и критиковала, ея жизнь подъ старость лѣтъ въ кругу семьи, и нѣкоторые другіе. Напомнимъ, что Ж.-Зандъ въ свое время принадлежала къ числу любимѣйшихъ у насъ иностранныхъ писателей, и романы ея много переводились вплоть до 1870-хъ годовъ. Существуетъ и довольно значительная критическая литература о Ж.-Зандъ на русскомъ языкѣ; въ числѣ другихъ о ней писали гг. Скабичевскій, Цебрикова («Сѣверный Вѣстникъ», 1883 г. 11, 12), Каренинъ («Русское Богатство», 1895 г. 1, 2).

М. Ватсонъ. Ада Негри. Критико-біографическій очеркъ. Съ портретомъ А. Негри. Спб. 1899. Имя даровитой итальянской поэтессы уже не разъ упоминалось и въ русской печати. Нѣсколько краткихъ сочувственныхъ отзывовъ, два-три болѣе или менѣе удачныхъ перевода были помѣщены въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, но сколько-нибудь цѣльнаго представленія о столь выдающемся литературномъ явленіи русская публика еще не могла себѣ составить. Брошюра г-жи М. Ватсонъ имѣетъ цѣлью заполнить этотъ пробѣлъ. Безъ всякихъ претензій на какой-либо опредѣленный критическій методъ, авторъ сообщаетъ болѣе или менѣе все, что извѣстно о несложной, но полной борьбы и страданій біографіи молодой писательницы, и затѣмъ отмѣчаетъ главнѣйшіе мотивы ея творчества, приводя въ видѣ иллюстраціи довольно много переводовъ ея стихотвореній, отчасти въ стихахъ, отчасти въ прозѣ. Стихотворные переводы уступаютъ прозаическимъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что стихъ Ады Негри представляетъ невѣроятныя трудности для перевода, но стихотворенія ея, помимо своей художественной формы, такъ полны поэтическаго содержанія, что даже въ прозаической передачѣ не совсѣмъ теряютъ свою прелесть. Недурны нѣкоторые переводы, сдѣланные размѣренною прозою, какъ, напр., слѣдующій отрывокъ изъ стихотворенія *I grandi:* «Люблю́ тѣхъ мятéжныхъ душóй я, котóрые, вѣчно терзáясь возвы́шенной мýкой, тревóгой, прикóваны ди́вною цѣ́пью любви́ ко всѣмъ тѣ́мъ, кто трепéщетъ и плáчетъ, и къ прóклятымъ тѣ́мъ, что Христóсъ искупи́лъ, а ихъ прéдали брáтья» и т. д. Въ выборѣ образцовъ поэзіи Ады Негри г-жа Ватсонъ совершенно правильно старалась не быть односторонней. Какъ ни мало у насъ до сихъ поръ говорилось про Аду Негри, но уже успѣло сложиться ходячее мнѣніе, будто ея поэзія представляетъ исключительно ламентаціи о несчастной долѣ униженныхъ и оскорбленныхъ, и нѣкоторые даже нашли въ этомъ поводъ упрекать ее за узость мотивовъ ея вдохновенія. Но тѣ, кто дѣйствительно знакомы съ ея произведеніями, знаютъ, насколько фальшивы подобныя обвиненія. Совершенно справедливо, что состраданіе ко всѣмъ незаслуженно гонимымъ, возмущеніе окружающею ее ужасною соціальною несправедливостью и готовность бороться за свои альтруистическіе идеалы даютъ ей много матеріала для творчества, но при этомъ живая, сильная, страстная индивидуальность самой писательницы ярко выступаетъ наружу. Это-то и придаетъ ея общественной лирикѣ харак-

теръ не принципіальной преднамѣренности, а живого отраженія живой человѣческой души. Она сама дочь рабочаго и работницы, ей самой съ дѣтства знакомы голодъ и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, она сама знаетъ, что значитъ хлѣбъ, добытый въ потѣ лица, поэтому-то ея сочувствіе всѣмъ этимъ уличнымъ дѣтямъ, несчастнымъ матерямъ, изнуреннымъ рабочимъ—не отвлеченная филантропія, а органическая потребность. Но, страдая за другихъ, она не подавляетъ и своихъ личныхъ порывовъ. Ее постоянно обуреваетъ la feroce nostalgia del sole, она всѣми силами души старается завоевать себѣ самой радость, любовь, право на уваженіе людей, однимъ словомъ, все то, что составляетъ личное счастье. И ея лирика отражаетъ всѣ моменты этой страстной борьбы: надежду, разочарованіе, усталость, и снова подъемъ духа, и снова отчаянье. Въ книжкѣ г-жи Ватсонъ и эта сторона творчества Ады Негри освѣщена нѣсколькими примѣрами, такъ что читателю представляется во всякомъ случаѣ довольно цѣльный портретъ молодой поэтессы. Поэзія европейскихъ народовъ давно уже не являла такого соединенія художественнаго дарованія съ благородствомъ настроенія и силою индивидуальныхъ чертъ, какъ у Ады Негри, поэтому намѣреніе ознакомить съ нею русскихъ читателей заслуживаетъ полнаго признанія. Отмѣтимъ еще, что эта книга является началомъ цѣлой серіи этюдовъ по итальянской литературѣ, того же автора.

Сочиненія Н. С. Тихонравова. Томъ третій, часть вторая. Русская литература XVIII и XIX вв —Приложенія. И. 1898 г. стр. 423. Во второй части III-го тома сочиненій Н. С. Тихонравова собраны его мелкія статьи, библіографическія замѣтки, критическіе отзывы, студенческія работы и т. п., все по вопросамъ новой русской литературы. Статьи эти часто содержатъ необходимыя дополненія къ изслѣдованіямъ болѣе крупнымъ по объему и задачѣ. Онѣ рѣдко являлись у Тихонравова мелочно-спеціальными, какими кажутся на первый взглядъ. Всякая деталь подъ рукою такого мастера получала существенный смыслъ и свою опредѣленную цѣнность. Въ мелкихъ замѣткахъ Тихонравова читатель то и дѣло встрѣчаетъ характерные отзывы общаго значенія, плодотворныя комбинаціи наблюденій, постановку новыхъ вопросовъ. Таковы замѣтки о Кантемирѣ, о Смирдинскихъ изданіяхъ сочиненій Ломоносова и Фонвизина, о о книгѣ Сушкова: «Московскій университетскій благородный пансіонъ», о Новиковѣ, и другія, болѣе мелкія. Впервые появляются въ печати статьи о Гнѣдичѣ (обстоятельный очеркъ его литературной дѣятельности), о Жуковскомъ (характеристика очень цѣнная—учебныхъ лѣтъ поэта и отрывокъ о жизни и настроеніяхъ его въ 1812—1814 г.г.), объ отношеніяхъ Пушкина и Гоголя. Послѣдняя статья развиваетъ мысль, что строгое историческое изученіе тѣхъ шести лѣтъ (1830—1836), когда Гоголь находился въ тѣсномъ общеніи съ Пушкинымъ, разъяснитъ вполнѣ вліяніе Пушкина на Гоголя, котораго онъ самъ считалъ продолжателемъ своего дѣла, и прольетъ новый свѣтъ на внутренній переворотъ въ Гоголѣ, выразившійся въ «Перепискѣ съ друзьями». Пушкинъ былъ своего рода менторомъ Гоголя, заставилъ его серьезно взглянуть на свое дѣло, повѣрялъ ему свои литературные и политическіе идеалы, разбудилъ его мысль и толкнулъ его на тотъ путь, который привелъ Гоголя къ глубокому внутреннему кризису. Для пониманія и Гоголя, и Пушкина (послѣднихъ лѣтъ) статья Тихонравова указываетъ новыя данныя, еще не изученныя съ должною полнотой...

Изъ другихъ статей отмѣтимъ некрологи Шевырева и слависта Григоровича, двѣ статьи о Н. И. Пироговѣ и студенческія работы Тихонравова о Катуллѣ, о переводахъ Гомера на русскій языкъ и кандидатское сочиненіе—«О заимствованіяхъ русскихъ писателей». Студенческія работы знаменитаго ученаго уже намѣчали тѣ изслѣдованія объ усвоеніи на Руси литературныхъ со-

зданій чужой культуры, которыя потомъ играли такую роль въ его дѣятельности, какъ ученаго и профессора.

Заканчивается томъ рѣчью о Шекспирѣ, которую Тихонравовъ читалъ на университетскомъ актѣ 1864 г., и замѣтками о Данте. Въ рѣчи Тихонравовъ даетъ цѣлый психологическій образъ Шекспира, сопоставляя его съ Бэкономъ во взглядахъ на искусство и мастерски, хоть и по необходимости бѣгло намѣчая связь его съ эпохой. Три-четыре странички отрывковъ о Данте заставляютъ пожалѣть, что авторъ не оставилъ намъ больше слѣдовъ своихъ занятій корифеями западной поэзіи Отрывки содержатъ общую характеристику Данте и его «Божественной комедіи».

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ.

П. Г. Виноградовъ. «Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ». — *Лависсъ и Рамбо.* «Всеобщая исторія. Т. V.» — *Е. Церетели.* «Елена Іоанновна». — *А. М. Петрункевичъ.* «Маргарита Ангулемская».

Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей, подъ редакціею профессора П. Г. Виноградова. Выпускъ третій. М. 1899 г. стр. 587. Ц. 2 р. Третій выпускъ «Книги для чтенія» (о первыхъ двухъ см. «Міръ Божій» 1898 г., іюнь) содержитъ статьи по исторіи образованія государствъ Западной Европы. Съ происхожденіемъ своеобразнаго соціально-политическаго строя Англіи знакомятъ читателя три статьи: В. Маклакова—«Завоеваніе Англіи норманнами», Н. Романова—«Происхожденіе парламента въ Англіи» и Д. Петрушевскаго—«Возстаніе Уота Тейлора». Первая—кромѣ разсказа о борьбѣ Вильгельма съ Гаральдомъ даетъ содержательное изображеніе порядковъ, установившихся послѣ завоеванія. Какъ на этой почвѣ разыгралась внутренняя борьба, приведшая къ великой хартіи вольностей, новой борьбѣ и утвержденію силы парламента при Эдуардахъ—разъясняетъ г. Романовъ. Его статья очень хорошо составлена и сохраняетъ значеніе популярно-научнаго пособія рядомъ съ превосходнымъ очеркомъ Стебса (Фриманъ и Стебсъ: «Опыты по исторіи англійской конституціи». М. 1880 г.). Статья Д. Петрушевскаго, составленная отчасти по неизданнымъ документамъ (это краткое resumé диссертаціи автора о Уотѣ Тейлорѣ) рисуетъ картину острыхъ волненій, вызванныхъ подавленностью народной массы въ Англіи XIV вѣка.

Для исторіи образованія французскаго королевства читателю придется связать статьи второго выпуска «Книги для чтенія» со статьями III-го выпуска о Филиппѣ II Августѣ, о генеральныхъ штатахъ XIV вѣка, о Жаннѣ д'Аркъ и Людовикѣ XI. По поводу Жанны д'Аркъ невольно вспомнишь этюдъ о ней М. Н. Петрова въ «Очеркахъ изъ всемірной исторіи»: безпритязательный пересказъ г. Анцыферова хорошо бы оживить психологическимъ (къ сожалѣнію, быть можетъ, слишкомъ сдающимся къ психіатріи) анализомъ Петрова.

Возникновеніе новыхъ государственныхъ отношеній сопровождалось и новыми теченіями въ духовной культурѣ. Новая общественная сила, ихъ создавшая, поднялась въ городскомъ классѣ. Статьи М. Покровскаго о господствѣ Медичи во Флоренціи, Н. Аммона о городѣ Кёльнѣ въ средніе вѣка и В. Михайловскаго о Ганзѣ—знакомятъ съ разными формами проявленія этой новой силы. Остальныя статьи (кромѣ статьи Аммона объ испанскихъ арабахъ)—посвящены славянамъ. Издатели нашли нужнымъ пояснить, что обратили значительное вниманіе на исторію славянскихъ народностей, «согласно условію, поставленному соискателямъ преміи Петра Великаго», которая присуждена «Книгѣ для чтенія». Дѣйствительно, благодаря этому условію, составъ книги вышелъ

нѣсколько пестрымъ. Не лучше-ли было бы удѣлить славянамъ особый выпускъ и тѣснѣе связать въ расположеніи статей картину новыхъ соціально-политическихъ отношеній съ характеристикой паденія средневѣковаго міросозерцанія и зарожденія новыхъ теченій (чему, вѣроятно, посвященъ будетъ IV-й выпускъ)? Статьи о славянахъ даютъ все существенное въ исторіи западнаго и южнаго славянства. Германизація славянъ изображается въ статьяхъ г. Розанова. Чешскіе ученые К. Гибль и В. Новотный дали этюды о своихъ лучшихъ короляхъ: Пржемыслѣ-Отокарѣ II и Карлѣ IV. Краткія свѣдѣнія о судьбахъ австрійскихъ славянъ сообщаетъ статья Н. Янчука. Наибольшій интересъ представляютъ статьи М. Любавскаго по исторіи Польши. Онъ далъ очеркъ происхожденія польскаго шляхетнаго строя на основаніи новѣйшихъ трудовъ Пѣкосиньскаго, Бобжинскаго и Смольки. Догматически излагая вопросъ, вызвавшій горячую полемику среди польскихъ ученыхъ, г. Любавскій съумѣлъ въ популярной статьѣ, написанной съ педагогической цѣлью, дать интересное освѣщеніе вопросу о внутреннихъ отношеніяхъ въ старой Польшѣ. Другія статьи—не менѣе интересныя—того же автора касаются исторіи и значенія нѣмецкой колонизаціи въ Польшѣ и такого яркаго момента, какъ царствованіе Казимира Великаго. Сербамъ посвящены этюды М. И. Соколова о Стефанѣ Душанѣ и Лаврова о Косовской битвѣ. Заканчиваетъ эту серію статей очеркъ исторіи турокъ въ Европѣ и паденія Византіи, М. Покровскаго.

Разнообразное и цѣнное—не для однихъ учащихся—содержаніе III-го выпуска «Книги для чтенія» заставляетъ встрѣтить его такимъ же пожеланіемъ успѣха, какимъ «Міръ Божій» привѣтствовалъ первые два.

Лависсъ и Рамбо. Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Т. V. Религіозныя войны. 1559—1648 г. Переводъ В. Невѣдомскаго. М. 1899 г. Стр. XX+880. Ц. 3 р. Новый томъ обширной «Всеобщей исторіи» Лависса и Рамбо открывается главой о Тридентскомъ соборѣ и католической «контръ-реформаціи». Подробный разсказъ о великомъ соборѣ и анализъ Tridentinum'а—этого основного закона ультрамонтанской реакціи—весьма интересны, но необходимо отмѣтить, что авторъ (Chénon) самъ стоитъ на ультрамонтанской точкѣ зрѣнія. Его краткій обзоръ «церковнаго возрожденія» (такъ онъ называетъ католическую реакцію), дѣятельности инквизиціи, цензуры и монашескихъ орденовъ—полонъ сочувствія къ успѣхамъ Рима. Гораздо осторожнѣе сужденіе Марьежоля въ очеркѣ царствованія Филиппа II: авторъ колеблется между признаніемъ Филиппа «великимъ государемъ» и утвержденіемъ, что «онъ не былъ великъ въ томъ отношеніи, что не понималъ ни своего времени, ни своего народа». Шаткость мысли оставляетъ за очеркомъ достоинство фактической полноты, но кому нуженъ образъ Филиппа, тотъ, конечно, обратится не къ Марьежолю, а къ незамѣнимому этюду М. Н. Петрова въ его «Очеркахъ изъ всемірной исторіи».

Другая сила, боровшаяся противъ Рима и Габсбурговъ—протестантскій міръ—не получилъ въ трудѣ французскихъ историковъ подобающаго ему мѣста. Главы объ Англіи и Германіи, фактически обстоятельныя, не содержатъ достаточныхъ данныхъ о внутреннемъ складѣ: небольшая глава о «перемѣнѣ въ идеяхъ и нравахъ» Англіи въ вѣкъ Елизаветы несущественна. Подробный разсказъ о религіозной борьбѣ во Франціи, Нидерландахъ, Англіи, Германіи прерывается хорошимъ обзоромъ внутренней дѣятельности Генриха IV и, особенно, его экономической политики (Левассеръ). Глава о Людовикѣ XIII и Ришелье не нуждается въ рекомендаціи: она принадлежитъ перу d'Авенеля.

Впервые дается русскому читателю, кромѣ труда Вебера, удобное пособіе для ознакомленія съ исторіей Испаніи послѣ Филиппа II, Италіи въ смутное время конца XVI, начала XVII вѣковъ, Балканскаго полуострова въ эпоху обра-

зованія румынскаго королевства, Венгріи etc. Рамбо подробно разбираетъ причины упадка, постигшаго оттоманскую имперію въ эту эпоху. Крайній Востокъ и Америка (XVI—XVII вв.) заключаютъ томъ. Особенно заслуживаетъ вниманія очеркъ испанской, португальской, англійской, французской и голландской колонизаціи Америки въ началѣ эпохи колоніальной политики европейскихъ государствъ.

Е. Церетели. Елена Іоанновна, великая княгиня литовская, русская, королева польская. Біографическій очеркъ. Стр 2+356. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к. Этюдъ Е. Ф. Церетели относится къ эпохѣ, когда Русь сѣверо-восточная слагалась въ Московское государство, а Русь западная, тѣсно связанная съ Литвой, все крѣпче втягивалась въ еще не вполнѣ сформировавшуюся организацію государства польско-литовскаго. Эпоха сложная и, какъ всѣ переходныя эпохи, богатая психологическимъ интересомъ. Заглянуть поглубже въ тогдашній складъ мысли, настроеній и отношеній—задача и привлекательная, и трудная. Е. Ф. Церетели избрала своей героиней дочь Ивана III, Елену, выданную замужъ за Александра Казимировича, великаго князя литовскаго, а потомъ короля польскаго. Семейное положеніе ставило Елену Ивановну въ центрѣ сложныхъ политическихъ, національныхъ и религіозныхъ отношеній трехъ народностей. Понятенъ историческій интересъ темы. И выполненіе должно быть признано удачнымъ, несмотря на большую субъективность автора въ оцѣнкѣ лицъ и событій. Е. Ф. Церетели даетъ не столько историческое изслѣдованіе, сколько *разсказъ*, основанный на опредѣленной группѣ источниковъ и пособій. Разсказъ живой, согрѣтый интересомъ автора къ перипетіямъ отношеній, за которыми слѣдитъ читатель книги; изложеніе, далеко не лишенное литературныхъ достоинствъ. Касаясь той иной или личности, авторъ старается уловить переживаемыя ею впечатлѣнія, стремленія; тутъ широкое поле для личной чуткости, и г-жа Церетели даетъ ей большой просторъ. Иной разъ осторожно высказанное предположеніе обращается черезъ пару строкъ въ выводъ, на которомъ авторъ строитъ дальнѣйшее разсужденіе; личное впечатлѣніе превращается въ элементъ построенія. При такой манерѣ—правильность или ошибочность общаго вывода зависитъ не столько отъ твердости метода и достаточной освѣдомленности, сколько отъ такта и глазомѣра. И тѣмъ любопытнѣе, что авторъ, съ своей, сильно окрашенной *московскимъ патріотизмомъ* точки зрѣнія, пришелъ къ тому же взгляду на Елену Ивановну, какой высказывали не русскіе, а польскіе историки. Характеристика Елены Ивановны и ея роли, какъ опоры русской партіи въ тяжелую годину, какъ предшественницы Острожскихъ и Курбскихъ—самая интересная и главная сторона книги; авторъ выставляетъ ее организаторомъ русской партіи. Быть можетъ, тутъ есть доля преувеличенія; быть можетъ, Елена Ивановна была только, по своему положенію, удобной опорой для бойцовъ за русское дѣло. Но ея тактъ и твердость въ борьбѣ позволили ей съиграть существенную роль, которая заслуживаетъ болѣе безпристрастнаго и серьезнаго изученія. Книга г-жи Церетели представляетъ, въ лучшемъ случаѣ—лишь пособіе для первоначальнаго ознакомленія съ избранной авторомъ эпохой.

А. М. Петрункевичъ. Маргарита Ангулемская и ея время. Историческій очеркъ изъ эпохи возрожденія во Франціи. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. Въ русской исторической литературѣ, посвященной эпохѣ возрожденія, есть одинъ крупный пробѣлъ. Вообще, эта литература сравнительно богата и оригинальными, и переводными произведеніями, такими, напр., какъ труды проф. Корелина и Виппера или Газера. Но эпоха возрожденія во Франціи затронута въ нихъ лишь попутно или же совсѣмъ остается въ сторонѣ. Въ учебной литературѣ жизнь Франціи этого времени почти не упоминается, если не считать бѣглыхъ замѣчаній о Рабле. Можно сказать, что въ глазахъ историковъ ги-

гантскія фигуры Лютера и Кальвина съ одной стороны, а съ другой—блескъ итальянскаго возрожденія заслоняютъ и затемняютъ освободительное движеніе во Франціи, какъ будто послѣдней и не коснулось общее стремленіе къ свѣту и свободѣ духа, овладѣвшее всѣмъ цивилизованнымъ міромъ и затронувшее даже дальній Востокъ, отдавшись въ Россіи въ видѣ сектантскихъ попытокъ борьбы съ надвигавшимся мракомъ византизма. Еще хуже обстоитъ дѣло въ общедоступной литературѣ, гдѣ нѣтъ почти никакихъ работъ по исторіи возрожденія въ Франціи. Мы можемъ указать лишь на превосходную статью проф. Стороженка «Вольнодумецъ эпохи возрожденія», *) въ которой читатели найдутъ блестящую характеристику французскаго гуманиста Этьена Доле.

Книга г-жи Пентрункевичъ является, поэтому, очень кстати, заполняя до извѣстной степени этотъ пробѣлъ. Въ живомъ и талантливомъ изложеніи авторъ знакомитъ насъ съ одной изъ интереснѣйшихъ личностей эпохи французскаго возрожденія, касаясь попутно и исторіи самого движенія, въ которомъ Маргарита Ангулемская играла виднѣйшую роль, какъ гуманистка по духу, писательница, обладавшая недюжиннымъ талантомъ, и могущественная покровительница новаго направленія. Бабка знаменитаго Генриха IV, сестра блестящаго Франциска I, жена короля наварскаго, Маргарита служила естественнымъ центромъ, къ которому стремились французскіе гуманисты, сохранившіе о ней въ своихъ произведеніяхъ восторженныя воспоминанія для потомства. Свѣтлая личность Маргариты, никогда не устававшей живо и благотворно откликаться на лучшіе запросы времени, вполнѣ оправдываетъ это обожаніе. Она является самой чистой гуманисткой, до конца жизни не измѣнившей свободѣ духа, какъ это случилось, напр., съ Кальвиномъ, не запятнавшей себя ни однимъ изъ тѣхъ «благочестивыхъ» преступленій, которыя несмываемымъ позоромъ лежатъ на памяти всѣхъ «вѣрующихъ» того времени, которые, по словамъ одного изъ друзей Маргариты, Деперрье, «опирались въ концѣ концовъ одной рукой на алтарь, а другой—на плаху». Воздавая алтарю должное, какъ женщина вѣрующая, хотя и не по катехизису, Маргарита всѣми силами своего вліянія боролась съ палачами св. церкви, какую бы личину послѣдняя ни носила. Дворъ ея въ Неракѣ служилъ священнымъ мѣстомъ, гдѣ свобода находила вѣрное прибѣжище и защиту противъ ужасовъ, творившихся за предѣлами маленькой Наварры. Насколько эта помощь была необходима, показываетъ, напр., слѣдующій «маленькій» эпизодъ изъ дѣятельности св. католической церкви. На югѣ Франціи сохранилась небольшая община вальденцевъ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшихъ отъ разгрома въ началѣ XIV в. По настоянію всесвятѣйшей церкви и по распоряженію всехристіаннѣйшаго короля Франциска, въ 1540 г. «президентъ энскаго парламента, баронъ Оппеда, началъ настоящую десятидневную войну противъ беззащитныхъ жителей. Три города и двадцать двѣ деревни были разрушены до тла, три тысячи человѣкъ убиты, 255 казнены, 700 сосланы на галеры и масса дѣтей продана въ рабство». Время было тогда «серьезное», и тѣмъ чище и величавѣе выступаютъ личности, въ родѣ Маргариты, которая съ отчаяніемъ въ сердцѣ и съ мужественной вѣрой въ будущее отстаивала свободу вѣры и духа противъ поповъ и Кальвина одновременно. Память о такихъ борцахъ не должна исчезнуть въ потомствѣ. Мы слишкомъ хорошо запоминаемъ притѣснителей и слишкомъ склонны забывать тѣхъ, кто съ ними боролся и обезпечилъ человѣчеству драгоцѣннѣйшее достояніе—свободу.

Характеристика Маргариты вполнѣ удалась г-жѣ Петрункевичъ, также какъ Франциска и главнѣйшихъ дѣятелей французскаго возрожденія. Литературные труды Маргариты изложены болѣе или менѣе подробно, хотя о главномъ ея

*) См. «М. Б.», 1897 г., августъ. библіогр. отд., стр. 68.

*

произведеніи, обезсмертившемъ ея имя,—«Гептамеронѣ» слѣдовало бы дать болѣе полное представленіе. «Гептамеронъ» является оригинальнымъ трудомъ, хотя и написаннымъ въ подражаніе «Декамерону» Боккачіо. Написанъ онъ чрезвычайно просто, безъискусственно, но художественно и ярко, какъ можно судить по новеллѣ, приведенной для образца. Въ сравненіи съ нимъ стихотворныя произведенія ниже. Возвышенная, полная любви къ людямъ душа Маргариты ярче и полнѣе проявляется въ «Гептамеронѣ», чѣмъ въ ея дидактическихъ поэмахъ. «Никогда человѣкъ не будетъ любить совершенно Бога, если на землѣ онъ не *любилъ* какое-нибудь созданіе Бога», высказываетъ она въ XIX новеллѣ «Гептамерона» еретическую мысль, которая и до сихъ поръ въ ортодоксальныхъ душахъ вызываетъ ужасъ и гнѣвъ. По своимъ взглядамъ на Бога и людей Маргарита на много опередила свое время и стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ Лютеровъ и Кальвиновъ. Ея нѣжный и изящный образъ, трогательный своей женственной прелестью, съ особой яркостью выдѣляется на фонѣ Возрожденія рядомъ съ суровыми фигурами этихъ мощныхъ борцовъ, въ своей вѣрѣ сочетавшихъ алтарь и плаху. Маргарита устоемъ вѣры полагала только сердце—и будущее подтвердило правильность ея взгляда.

МАТЕМАТИКА, ФИЗИКА И ХИМІЯ.

«Сборникъ для самообразованія», ч. II и III.

Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи, составленныхъ кружкомъ преподавателей. Вып. II. Москва, 1898. Въ настоящемъ выпускѣ наиболѣе удачной является статья г. Постникова: «О природѣ электромагнитныхъ явленій». Съ конца прошлаго столѣтія, времени господства въ наукѣ разнаго рода магнитныхъ и тепловыхъ невѣсомыхъ жидкостей, ученіе объ электричествѣ и магнитизмѣ пережило радикальныя измѣненія; первымъ реформаторомъ былъ геніальный англичанинъ Микель Фарадей, обратившій свое вниманіе не столько на самыя наэлектризованныя или намагниченныя тѣла, сколько на окружающую ихъ непроводящую среду. Современники не въ состояніи были оцѣнить всей важности идей великаго ученаго, и лишь въ наше время онѣ были наглядно подтверждены опытами Герца, вызванными трактатомъ англичанина Максвелля. Этотъ классическій трудъ, имѣвшій цѣлью математическое обоснованіе и развитіе идей Фарадея, по своей серьезности не можетъ стать достояніемъ всей читающей публики, и такимъ образомъ, красота и полетъ максвеллевской мысли остаются сокрытыми. Всякая хорошая популяризація этой книги является цѣннымъ пріобрѣтеніемъ, поэтому статья г. Постникова заслуживаетъ особаго вниманія. При большой элементарности и ясности изложенія она даетъ понятіе о циклѣ электромагнитныхъ явленій, по Максвеллю. Читатель узнаетъ о замкнутыхъ эфирныхъ вихряхъ, образующихъ магнитное поле, о томъ, какъ подобнаго рода вихри, вращаясь около проволокъ, «несущихъ токи», вызываютъ притяженіе и отталкиваніе ихъ (проволокъ), и о томъ, что такъ называемые проводники въ сущности поглощаютъ энергію тока, а не проводятъ и т. д. Статья заключается краткимъ описаніемъ опытовъ Герца, достаточнымъ однако для того, чтобы уразумѣть идею чуда нашихъ дней—телеграфированіе безъ проволокъ.

Въ «Физической теоріи свѣта», г. Лебединскій излагаетъ механизмъ движенія поперечныхъ волнъ (въ частности свѣтовыхъ), интерференцію, имѣющую своимъ содержаніемъ сложеніе свѣтовыхъ волнъ, въ силу котораго свѣтъ можетъ иногда уничтожить свѣтъ и дать темноту—заявленіе на первый взглядъ

парадоксальное; дифракцію, или явленіе перегиба свѣтовыхъ лучей, которые, какъ принято думать, всегда распространяются по прямымъ линіямъ, и поляризацію, съ одной стороны, приводящую къ явленіямъ рѣдкой красоты, съ другой стороны, опредѣляющую характеръ колебаній эфира. Конечно, все изложеніе проведено на основаніи простыхъ геометрическихъ соображеній и, уступая извѣстнымъ популярнымъ лекціямъ Тиндаля, по конкретности образовъ, даетъ тѣмъ не менѣе отчетливое представленіе о явленіяхъ свѣта.

Обыкновенные курсы физики, приноровленные къ требованіямъ средней школы, намѣчаютъ устройство оптическихъ инструментовъ въ самыхъ общихъ чертахъ, и учащіеся относятся къ этому отдѣлу съ естественнымъ равнодушіемъ. Жаль, если читатель не удѣлитъ должнаго вниманія статьѣ г. Гершуна только изъ-за ея названія: «Объ оптическихъ инструментахъ»! Статья интересна уже потому, что въ ней подробно разбирается роль увеличенія въ трехъ основныхъ типахъ оптическихъ инструментовъ при помощи простого геометрическаго построенія, предложеннаго пр. Любимовымъ и извѣстнаго подъ именемъ «оптическаго окошка»; разобранъ также вопросъ о полѣ зрѣнія. Достаточно мѣста удѣлено сравненію яркости изображеній въ невооруженномъ глазу и глазу, наблюдающемъ черезъ посредство инструментовъ. Нѣсколько словъ сказано о разрѣшающей силѣ зрительныхъ трубъ, то-есть, способности раздвигать изображенія отдаленныхъ, стоящихъ близко другъ отъ друга предметовъ. Благодаря практическимъ приложеніямъ спектральнаго анализа и могуществу идеи, положенной въ его основаніе, это открытіе стало извѣстнымъ большому кругу людей. Законъ тяготѣнія, спектральный анализъ—вотъ то, съ чѣмъ неразрывно связывается у каждаго представленіе о физикѣ. Въ наше время къ человѣку, претендующему хотя бы на поверхностное знакомство съ естественными науками, можно предъявить бо́льшія требованія и спросить его, какъ созидался этотъ принципъ высокой важности и интереса, какое отношеніе имѣетъ спектральный анализъ къ изученію *движенія* небесныхъ тѣлъ, а не только ихъ внутренняго строенія, какое вѣроятное будущее ожидаетъ его? Мы не будемъ распространяться о приложеніи спектральнаго анализа къ металлургіи, или о принципѣ Доттлера-Физо, предоставляя читателю ознакомиться съ этимъ изъ статьи г. Степанова, приведемъ только ея заключеніе:

«Проникая своимъ умственнымъ взоромъ въ глубь вопросовъ о сущности и строеніи матеріи, о взаимодѣйствіи между частицами вещества и эфира и т. п., мы наталкиваемся на задачи необычайнаго интереса и особенной трудности. Такъ, всякое тѣло, по нашимъ представленіямъ, состоитъ изъ молекулъ, молекулы изъ атомовъ, атомы—недѣлимые и суть малѣйшія (частицы) доли вещества. Движеніе ихъ, ихъ взаимодѣйствіе порождаетъ все то разнообразіе явленій, которое подлежитъ нашему изученію. Но гдѣ способъ проникнуть въ тайны строенія и движенія этихъ частицъ вещества? Думается, что особенности спектральныхъ линій каждаго отдѣльнаго вещества со временемъ дадутъ средства проникнуть въ тайны строенія матеріи и свойствъ частицъ различныхъ тѣлъ».

Отмѣтимъ еще одно интересное мѣсто въ этой статьѣ. Мы говоримъ о тѣхъ немногихъ словахъ (страницы двѣ), которыя посвящены теоріи дисперсіи свѣта (свѣторазсѣянія). Дѣло въ томъ, что, ознакомившись съ преломленіемъ свѣта и его законами съ чисто внѣшней стороны, мы въ большинствѣ случаевъ этимъ и удовлетворяемся, не задавая себѣ вопроса: почему собственно свѣтъ *долженъ* преломиться? Это-то мѣсто, кажется, и наведетъ читателя на подобнаго рода размышленія.

Изучивъ различныя свойства и вѣроятныя причины самосвѣченія (фосфоресценція и флюоресценція), г. Грибоѣдовъ переходитъ къ животрепещущему теперь вопросу объ электролюминисценціи—лучахъ катодныхъ, Ленардовскихъ и

Х-лучахъ Рентгена. Чтобы закончить обзоръ статей, имѣющихъ своимъ предметомъ явленіе свѣта, скажемъ нѣсколько словъ о содержательной статьѣ г. Созонова: «Глазъ и зрѣніе». Устройство глаза и его функціи разобраны съ подробностью постольку, постольку это интересно для неспеціалиста-физіолога. Указывая на недостатки нашего зрительнаго аппарата, г. Созоновъ приводитъ примѣры заблужденій въ оцѣнкѣ глазомъ разстояній и величинъ предметовъ, какъ-то: обычное представленіе о шарообразности небеснаго свода, его сплюснутости и т. п. Составители сборника, отводя около 80 страницъ практическимъ приложеніямъ свѣта и электричества, считаютъ нужнымъ оговориться въ слѣдующихъ словахъ:

«Наше изложеніе физики было бы не полно, если бы не было приведено хотя бы нѣсколькихъ примѣровъ приложенія ея къ практикѣ. Неполнота эта оказалась бы не потому, что физика носитъ особенный практическій характеръ, но по сложности, присущей понятію науки вообще...» Происходятъ нерѣдко споры между представителями раціональной, конкретной, или практической наукъ, «считающими результаты ученыхъ другого лагеря ничтожными. Намъ нѣтъ надобности становиться на какую-нибудь исключительную точку зрѣнія, и потому мы должны, кромѣ изложенія чистыхъ наукъ—раціональной и опытной, удѣлить мѣсто и прикладной наукѣ». Не надо прибавлять, что такое рѣшеніе говоритъ само за себя!

Изъ статей, отвѣчающихъ этой цѣли, мы назовемъ статью г. Серебрякова; ея содержаніе: исторія фотографіи, объясненіе разныхъ фазъ въ усовершенствованіяхъ послѣдней; теперь, по словамъ автора, фотографія выплачиваетъ свой долгъ наукѣ, которой она оказываетъ громадныя услуги.

Статьи гг. Миткевича, Лебединскаго, Вульфа, Голова, Ліандера и Леонова трактуютъ объ источникахъ электрической энергіи, электрическомъ освѣщеніи, его удобствахъ и недостаткахъ, объ электродвигателяхъ, передачѣ энергіи при работѣ въ тунеляхъ и рудникахъ, объ электрическихъ экипажахъ и лодкахъ. Удѣлено мѣсто примѣненію электричества къ морскому и военному дѣлу: воспламененію зарядовъ и сигнализаціи. Телефонъ и телеграфъ разобраны не только въ ихъ начальной формѣ,—даны описанія нынѣ дѣйствующихъ приборовъ, одновременнаго встрѣчнаго телеграфированія и т. д. Обо всемъ сказано кратко, но ясно. Очень отчетливо рисуетъ г. Ліандеръ состояніе электрохиміи въ наше время. Электрохимія въ послѣдніе годы, благодаря открытію дешевыхъ источниковъ электричества, шагнула быстро впередъ, но всѣ методы ея извѣстны очень немногимъ. Кромѣ гальванопластики и гальваностегіи (гальваническаго золоченія и серебренія), мы находимъ тутъ описаніе металлургіи мѣди, никкеля, алюминія и другихъ металловъ, выдѣленіе золота и серебра изъ сплавовъ, примѣненіе электролиза къ золотопромышленности, рафинированіи сахарнаго сока и т. д.

«Основанія электрическихъ измѣреній» г. Вульфа хороши, несмотря на сжатость, отъ которой до извѣстной степени пострадалъ очеркъ ученія о звукѣ г. Степанова. Особнякомъ стоитъ очеркъ метеорологіи г. Савинова. Объ этой молодой наукѣ въ обществѣ извѣстно или мало, или, что того хуже, извѣстно то, что не имѣетъ къ метеорологіи почти никакого отношенія. Даже ученые обнаруживаютъ недостаточную освѣдомленность относительно содержанія и цѣлей этой науки. Стоитъ вспомнить нападки на нее, посыпавшіяся по поводу путешествія Андрэ. Статья прочтется съ пользой и интересомъ, хотя въ ней затронута лишь сравнительно небольшая часть метеорологіи—физика атмосферы, то-есть, климатъ, влажность, вихревыя движенія и т. д.

Бросивъ взглядъ на всю совокупность статей, мы замѣтимъ, что всюду, гдѣ только говорится объ эфирѣ, говорится о немъ, какъ о чемъ-то совершенно реальномъ. Чтобы не загромождать рецензію выдержками, возьмемъ хотя бы слѣдующее

мѣсто изъ статьи г. Лебединскаго (стр. 275): «Смыслъ физической теоріи свѣта тотъ, что группируемыя ею факты убѣждаютъ въ *истинной* природѣ свѣта и заставляютъ не только признать *существованіе* (курсивъ автора) особаго тѣла—эфиръ, но и приписать ему нѣкоторыя опредѣленныя свойства». Подобнаго рода заявленія можно найти въ статьѣ г. Постникова и во многихъ другихъ мѣстахъ сборника. Хорошо это или дурно? Поставимъ себя на минуту въ положеніе юноши, окончившаго гимназію съ аттестатомъ зрѣлости, не тупицы, но и не очень развитого, т. е. того человѣка, для кого эта книга по преимуществу писана. Теперь пусть намъ скажутъ, что эфиръ есть только *форма познанія нашего* ума и, безъ знакомства съ теоріей познанія, безъ нѣкоторой минимальной философской подготовки, мы вынесемъ впечатлѣніе бренности всего, опирающагося на теорію объ эфирѣ,—отъ этого ошибочнаго и скораго вывода насъ не спасутъ даже увѣренія въ плодотворности научныхъ гипотезъ, помѣщеннаго на первыхъ страницахъ учебника Малинина! Съ педагогической точки зрѣнія тенденція гг. составителей — основательна. Второй выпускъ украшенъ пятью портретами: Августина Френеля, основателя волновой теоріи свѣта, Кирхгофа, Гельмгольца, Фарадея и Якоби, къ которымъ приложены интересныя біографическія данныя. 118 чертежей увеличиваютъ доступность и понятность изложенія.

Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи, составленныхъ кружкомъ преподавателей. Выпускъ III. Москва. 1898. Третій выпускъ заключаетъ въ себѣ одиннадцать статей по химіи и наукамъ, опирающимся на данныя химіи; по объему онъ не уступаетъ любому начальному курсу, но содержаніемъ и группировкой матеріала радикально отличается отъ послѣднихъ. Въ вступительныхъ статьяхъ г. Коновалова: «Химія, ея предметъ, задачи и значеніе» и г. Реформатскаго «Прошлое химіи» мы находимъ: во-первыхъ, сводъ начальныхъ понятій о характерѣ химическихъ взаимодѣйствій и о роли въ нихъ химической энергіи и выясненіе важности химіи, какъ науки высокихъ раціональныхъ построеній и практическихъ приложеній, во-вторыхъ, чрезвычайно живо и интересно написанный историческій очеркъ развитія химіи отъ зачатковъ ея у египтянъ и греческихъ философовъ до конца прошлаго столѣтія, когда геніальный Лавуазье далъ основной методъ изслѣдованія—взвѣшиваніе, благодаря чему всѣ факты, накопленные вѣковой работой алхимиковъ, получили правильное строгое освѣщеніе. Коротенькій очеркъ алхимическаго періода иллюстрированъ фототипическимъ снимкомъ съ картины Теньера, изображающей алхимика въ его лабораторіи, и работамъ Лавуазье и его поучительной жизни, полной труда, удѣлено почетное мѣсто.

Отдѣльныхъ элементовъ описано, какъ и слѣдовало ожидать, немного: кислородъ и водородъ въ «Водѣ» г. Ижевскаго, азотъ и его кислородныя соединенія въ статьѣ г. Созонова: «Воздухъ», углеродъ въ статьѣ того же имени г. Биркенгейма и алюминій въ «Химіи земной коры»—г. Сперанскаго; но характеръ этихъ описаній заслуживаетъ особаго вниманія со стороны читателей. Говоря о водѣ, авторъ не ограничивается описаніемъ ея анализа и свойствъ съ точки зрѣнія чисто-химической; онъ останавливается подолгу на раствореніи водой твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ тѣлъ, и на томъ глубокомъ значеніи, которое пріобрѣтаетъ это свойство для строенія земной коры и существованія живыхъ организмовъ, когда вода является въ роли растворителя веществъ природныхъ... Если мы обратимъ свое вниманіе на описаніе азота, то и тутъ, помимо фактическаго матеріала, почерпнемъ много интересныхъ свѣдѣній по вопросу о круговоротѣ азота, особенно же въ той части, гдѣ говорится о работахъ Пастёра и Виноградскаго о вліяніи микроорганизмовъ на усвоеніе азота растеніями. Статья объ углеродѣ и примѣры, которыми поясняется пре-

красная статья г Коновалова объ анализѣ и синтезѣ, вводятъ въ область органическій химіи съ ея прежними трудностями, и новыми грандіозными завоеваніями въ дѣлѣ искусственнаго лабораторнаго приготовленія организованныхъ веществъ. Нынѣ разгаданный процессъ кругообращенія углерода въ природѣ заставляетъ автора говорить о цѣли и смыслѣ этого процесса. По скольку яснымъ является по прочтеніи статьи объ углеродѣ смыслъ этого процесса съ точки зрѣнія поддержанія жизни организованныхъ существъ на землѣ, по стольку остается безъ отвѣта автора вопросъ о цѣли процесса, по той причинѣ, кажется, что въ наше время врядъ ли кто-нибудь въ состояніи на него отвѣтить.

Перейдемъ къ статьямъ, гдѣ трактуются «общіе принципы современной химіи» и «систематика элементовъ». Обѣ статьи написаны г. Реформатскимъ съ большимъ вкусомъ и обдуманностью. Трудно сказать тутъ по существу что-нибудь новое, но простое и ясное изложеніе этихъ кардинальныхъ нитей химическихъ воззрѣній имѣетъ для учащагося всегда цѣну (отмѣтимъ, напримѣръ, законъ Авогадро-Жерара). Вторая статья о періодическомъ законѣ Менделѣева даетъ даже больше, чѣмъ того требуютъ университетскія экзаменаціонныя программы. Полна глубокаго интереса статьи г. Байкова: «Химическое сродство». Подъ этимъ простымъ заголовкомъ для неискушеннаго въ химіи человѣка и столь многозначительнымъ для того, кто вдумывался въ химическіе процессы, изложенъ рядъ принциповъ, которыми управляются реакціи: законъ дѣйствующихъ массъ, химическая механика, принципъ молекулярныхъ работъ, термохимія, принципъ начальнаго и конечнаго состоянія, принципъ наибольшей работы и его неудовлетворительности. Диссоціація, подвижное равновѣсіе, начала реакціи и т. д. Статья по химической технологіи г. Гинзберга о горѣніи, кромѣ разбора горючихъ матеріаловъ, даетъ понятіе о новыхъ способахъ освѣщенія (ацетиленъ). Эта полезная статья и другая по геологіи г. Сперанскаго чрезвычайно умѣстны въ сборникѣ, подобномъ разбираемому; оба очерка очень занимательны.

Изъ промаховъ отмѣтимъ слѣдующіе:

На страницѣ 93 приведенъ законъ Генри-Дальтона о раствореніи газовъ въ водѣ въ такой формѣ: «каждый газъ имѣетъ свой «коэффиціентъ растворимости» въ водѣ, но *всѣ они* (курсивъ нашъ) подчиняются закону Генри-Дальтона: «коэффиціентъ растворимости» газа въ водѣ измѣняется прямо пропорціонально давленію, подъ которымъ газъ находится». Посмотримъ, что изъ этого выходитъ: десятью строками ниже мы читаемъ: «Есть однако газы, которые *совершенно* не слѣдуютъ *вышеприведенному закону*. Какъ бы мало ни было давленіе такого газа надъ водой, онъ весь поглотится ею». Правда, ниже мы находимъ, что здѣсь не простое раствореніе, а химическое соединеніе, но да не посѣтуетъ на насъ авторъ, если мы здѣсь увидимъ очень нежелательную нестройность изложенія. Къ вышеприведенной формулировкѣ надо прибавить еще нѣсколько словъ и все станетъ ясно, а именно: всѣ газы, *не дѣйствующіе химически на воду*, подчиняются закону Генри-Дальтона.

Далѣе на страницѣ 27 излагается теорія алхимика Гебра, который принимаетъ за основу своихъ воззрѣній, «что всѣ металлы составлены изъ двухъ первоначалъ: ртути и сѣры». Ртуть, поясняетъ авторъ, объясняетъ различныя свойства, общія всѣмъ металламъ, напримѣръ: металлическій блескъ, цвѣтъ, ковкость и др.; ртуть же по идеальной ковкости (единственный жидкій металлъ) взятъ за типъ металла.

Дѣло въ томъ, что подъ ковкостью разумѣютъ въ наукѣ свойство выковываться въ тонкіе листы, чѣмъ ртуть, по крайней мѣрѣ, въ ея обыкновенномъ состояніи, совершенно не обладаетъ, именно въ силу того что она—металлъ жидкій. Можетъ быть, рѣчь тутъ шла о текучести ртути, но это свойство обобщено на прочіе лишь недавно, а не во времена Гебра, да и то подмѣчено при обыкновенныхъ условіяхъ давленія лишь въ ничтожной степени.

Укажемъ еще на опечатку на стр. 138. Тамъ сказано: «Мы уже видѣли, что два метала соединяются между собой и даютъ частицу *метана*»; надо читать: *этана*.

Въ этомъ выпускѣ еще больше и ярче, чѣмъ въ двухъ предъидущихъ, выражено симпатичное стремленіе гг. составителей уничтожать по возможности искусственныя перегородки между различными областями науки.

Какъ мы уже выше отмѣтили, почти каждая статья не только затрогиваетъ вопросы, подлежащіе компетенціи собственно химика, но и дышитъ желаніемъ пролить при помощи приведенныхъ данныхъ науки свѣтъ на тѣ, окружающіе насъ и совершающіеся внутри насъ процессы біологическіе, на тѣ измѣненія въ строеніи планеты, на которой мы живемъ, которыя, къ сожалѣнію, слишкомъ часто исключаются изъ круга интересовъ, какъ нѣчто спеціальное, какъ лишнюю роскошь.

Къ тексту приложено 57 пояснительныхъ чертежей и портреты: Лавуазье, Дальтона, Жерара, Бутлерова, Менделѣева и Гей Люссака.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

съ 15-го января по 15-е февраля 1899 года.

Н. Карелинъ. Жанъ-Жакъ Руссо. Изд. П. Струве. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Георгъ Брандесъ. Людвигъ Берне и Генрихъ Гейне. Изд. ред. журнала «Образованіе». Спб. 1899 г. Ц. 60 к.

Ф. Паульсенъ. Иммануилъ Кантъ, его жизнь и ученіе. Библіот. философовъ. Изданіе ред. журн. «Образованіе». Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Владиміръ Шуфъ. Крымскія стихотворенія. Изд. П. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Свенъ Techинъ. Въ сердцѣ Азіи. Путешествіе въ 1893—1897 гг. Пер. со шведск. Изд. Девріена. Спб. 1899 г. Вып. I. Подписная цѣна 6-ти вып. 5 р. 50 к.

Н. Тарновскій. Левъ Сиренинъ. Повѣсть. Харьковъ. 1898 г. Ц. 75 к.

П. Н. Полевой. Непокупное. Повѣсть съ 55 ориг. рис. Изд. Маркса. Спб. 1899 г.

Обзоръ Уфимской губерніи въ сельскохозяйственномъ отношеніи. Годъ первый. Изд. губернск. земской управы. Самара. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Уфимской губерніи. Т. IV. Белебеевскій уѣздъ. Изд. уфимск. губ. земск. управы. Ц. 3 р. 25 к.

И. Даниловъ. Въ тихой пристани. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Г. Конъ. Два міра. Типы и картинки съ натуры. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Н. Тарановскій. Повѣсти и разсказы. Харьковъ. 1898 г. Ц. 75 к.

Продовольственный вопросъ въ 1897 — 1898 гг. Изд. Имп. Вольно-Экономич. Общ. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.

Д-ръ Л. Р—съ. Талмудъ и его критики. Астрахань. 1898 г. Ц. 1 р.

Д. Ахшарумовъ. Поэма о рожденіи, жизни и смерти человѣка. Полтава. 1898 г.

Г. Майръ. Закономѣрность въ общественной жизни. Изд. «Библіотеки для самообразованія». Москва. 1899 г. Ц. 2 р. 25 к.

Б. Чичеринъ. О народномъ представительствѣ. Изданіе «Библіотеки для самообразованія». Москва. 1899 г. Ц. 2 р. 25 к.

Г. Лоренцъ. Элементы высшей математики. Т. I. Изд. «Библіотеки для самообразованія». Москва. 1899 г. Ц. 3 р.

Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до смутнаго времени. Вып. I. Изданіе «Библіотеки для самообразованія». Москва. 1899 г. Ц. 2 р. 75 к.

Бейсвенгеръ. Борьба съ туберкулезомъ у животныхъ. Изд. Тихоміровa. Москва. 1899 г. Ц. 30 к.

Общедоступный учебникъ скотоводства и скотоврачеванія. Сост. проф. Придорогинъ. Изд. Тихомірова. Москва. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к.

Новѣйшія пріобрѣтенія въ области животноводства. Перев. съ нѣмецк. Изд. Тихомірова. Москва. 1899 г. Ц. 2 р.

Дж. Клеркъ Максвелъ. Матерія и движеніе. Изд. Пантелѣева. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

К. Д. Кавелинъ. Собраніе сочиненій. Т. III. Спб. 1899 г. Ц. 4 р.

М. Леклеркъ. Воспитаніе и об-во въ Англіи Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1899 г. Ц. 3 р.

М. Садовскій. Разсказы. Т. I и II. Москва. 1899 г. Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к.

Н. П. Дружининъ. Русское государственное право въ популярномъ изложеніи. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Бѣлогрудовъ. Исповѣдь кавалериста. Съ прил. отд. оттиск. «Караджилярское дѣло» 7-го января 1878 г. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.

Н. М. Соколовъ. Лирика А. П. Полонскаго. Критич. этюдъ. Изд. П. П. Сойкина. 1899 г. Спб. Ц. 60 к.

Д-ръ jur. N. Reichesberg. Die sociologie, die sociale Frage und der Sogen. Rechtsocialismus. Bern. 1899.

В. Х. Меллонъ. Соціальное равенство. Москва. 1899 г. Перев. съ англ. А. А. Велицына. Ц. 1 р.

Ричардъ Кобденъ. Перев. Е. Н. Каменецкой. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1899 г. Ц. 1 р.

Д-ръ Вильгельмъ Вагнеръ. Эллада. Перев. П. Евстафьева. Изд. М. Ѳ. Вольфа. 1899 г. Спб. Вып. I. Цѣна за 10 вып. съ перес. 5 р. 50 к., безъ дост. 4 р. 50 к.

Э. Ожешко. О равноправности женщинъ передъ лицомъ знанія, труда и человѣческаго достоинства. Перев. Сабанской. Москва. 1899 г. Ц. 15 к.

Л. Мельшинъ. Кобылка въ пути. Разсказъ изъ жизни ссыльныхъ. Москва. 1898 г. Ц. 15 к.

Джонъ Рёскинъ. Воспитаніе. Книга. Женщина. Перев. Л. П. Никифорова. Ц. 20 к.

Всеволодъ Чешихинъ. Пять стихотвореній на случай. Рига. 1899 г. Ц. 20 к.

Всеволодъ Чешихинъ. Современное общество въ произведеніяхъ Боборыкина и Чехова. Одесса. 1899 г. Ц. 25 к.

П. Барышниковъ. Какъ вести объяснительное чтеніе въ народной школѣ. Изд. К. И. Тихомірова. Москва. 1899 г. Ц. 20 к.

С. А. Мокржецкій. Вредныя животныя и растенія въ Таврич. губ. съ указаніемъ мѣръ борьбы. Симфероп. 1898 г. Ц. 25 к.

Ѳ. Тищенко. Хлѣбъ насущный. Ржаной хлѣбушка калачу дѣдушка. Москва. 1898 г. Ц. 20 к.

В. Аггеенко. О медоносныхъ растеніяхъ, имѣющихъ сельскохозяйственное значеніе. Спб. 1899 г. Ц. 40 к.

Сборникъ статей по Семипалатинской области. 1899 г. Ц. 50 к.

Д-ръ Е. М. Брусиловскій. Одесскіе лиманы и ихъ лѣчебныя средства. Одесса. 1898 г. Ц. 75 к.

Практическая зоотомія. Вып. II. Рѣчной ракъ. 25 рис. въ текстѣ. Сост. П. Веркосъ и И. Ингеницкій. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.

А. Степовичъ. О древне-русской беллетристикѣ. Кіевъ. 1898 г.

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и примѣровъ съ распредѣленіемъ задачъ по типамъ для начальн. народн. училищъ. Сост. кружкомъ учит. московскихъ городскихъ школъ. Ц. 20 к.

Орестъ Головнинъ. Басни, переводныя, подражательныя и оригинальныя. Москва. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Н. В. Волковъ. Къ исторіи русской комедіи. Зависимость «Ревизора» Гоголя отъ комедіи Квитки «Пріѣзжій изъ столицы».

Я. В. Стефановичъ. Къ вопросу о донномъ льдѣ. Съ чертежами. Иркутскъ. 1898 г.

В. А. Колесниковъ. Причины крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ. Ярославль. 1898 г. Ц. 50 к.

П. Е. Кулаковъ. Ольхонъ, хозяйство и бытъ бурятъ еланцинскаго и кутульскаго вѣдомствъ, Верхоленскаго округа. Издан. «Записокъ Географич. Общества».

И. С. Штейнгауэръ. Первые уроки географіи, примѣненные къ потребностямъ школъ съ инородческимъ элементомъ. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Уставъ Полтавскаго кружка любителей физико-математическихъ наукъ. Полтава. 1898 г.

Н. Д. Болгарская пропаганда въ Македоніи и македонскій вопросъ. Москва. 1899 г. Ц. 25 к.

Краткая историческая записка по поводу десятилѣтія коллективныхъ уроковъ общества воспитательницъ и учительницъ. Москва. 1898 г.

Отчетъ о дѣятельности общества попеченія объ улучшеніи быта учащихъ въ начальныхъ училищ. г. Москвы 1897—1898 гг.

Отчетъ Общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ Тульск. губ. 1898 г. Вып. III.

Т. Рибо. Аффективная память. Перев. съ франц. Е. Максимовой. Изд. ред. журн. «Образованіе». Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

Цифровой матеріалъ для изученія переселеній въ Сибирь, извлеченный изъ книгъ общей регистраціи переселенцевъ въ 1895 году. Сост. подъ руководств. Г. А. Пріймака. Части I и II.

Плято Ф. Рейсснера. Новѣйшая русско-нѣмецкая азбука «Самоучитель». Варшава. 1898 г. Ц. 20 к.

Отчетъ Общества вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на С.-Петерб. высшихъ женскихъ курсахъ за 1898 г. Спб 1899 г.

П. А. Минаковъ. Новыя данныя по изслѣдованію волосъ изъ древнихъ могилъ и отъ мумій. Ненормальная волосатость Москва. 1898 г.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Европейская политика въ борьбѣ за справедливость и гуманность.

По поводу книги *La question d'Orient depuis le traité de Berlin*. Par Max Choublier, prof. à l'école française de droit du Caire. Paris. 1899.

I.

Предъ нами книга, представляющая истинный подвигъ философскаго спокойствія и ученаго безпристрастія. Казалось бы, что можно представить безпокойнѣе, *раздражительнѣе* во всей современной европейской политикѣ, чѣмъ такъ называемый восточный вопросъ? Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ онъ не перестаетъ терзать душу культурнаго человѣчества, нанося кровныя оскорбленія рѣшительно всѣмъ благороднымъ инстинктамъ нашей природы—правиламъ справедливости, чувству гуманности, идеѣ умственнаго и нравственнаго прогресса.

И вотъ при такихъ-то условіяхъ французскій профессоръ съумѣлъ изобразить исторію вопроса,—и именно въ самый тревожный его періодъ,—безъ всякихъ сильныхъ волненій, будто дѣло шло о какомъ-нибудь средневѣковомъ спорѣ или древней, давно позабытой распрѣ народовъ. Даже самый непосредственный источникъ страсти—патріотизмъ не возъимѣлъ никакого вліянія на трудъ ученаго. Книга сохранила лѣтописный тонъ въ самыя критическія минуты, когда всякій другой современный французъ непремѣнно призвалъ бы громъ и молнію во-имя чести своей родины и ея многовѣковой культурной миссіи.

Все это большая профессіональная заслуга ученаго и публика всѣхъ національностей будетъ ему благодарна за тщательную и всестороннюю разработку задачи, едва доступной въ настоящее время чисто-историческому изслѣдованію. Развѣ только нѣкоторые русскіе читатели могутъ представить кое-какія возраженія, но и то, вѣроятно, довольно робкія и запутанныя.

Авторъ, безъ всякихъ колебаній, славянофильскую внѣшнюю политику принимаетъ за настоящія національныя стремленія всего русскаго народа и русскаго правительства. Онъ ссылается на публицистовъ крайняго московскаго направленія и извлекаетъ изъ ихъ произведеній символъ вѣковой русской политики. Легко представить окончательный выводъ изъ этихъ извлеченій! Онъ способенъ перепугать самаго безпечнаго обывателя Западной Европы и самаго крикливаго франко-русса.

Весь восточный вопросъ для Россіи сводится къ власти надъ Константинополемъ, подъ *Царьградомъ*. Крестъ на св. Софіи—истинная мечта русскаго народа и непоколебимая задача петербургскаго правительства. Все остальное только хитроумныя лицемѣрныя уловки, напримѣръ, защита балканскихъ христіанъ, освобожденіе славянскихъ національностей. Правда, русская либеральная партія вѣруетъ въ право всякой народности на самостоятельное политическое и культурное существованіе, но для русской политики эта либеральная вѣра только лишній козырь въ старой игрѣ. Она неуклонно ставитъ себѣ одну и ту же цѣль, все равно, опирается ли на чисто-народное сочувствіе страдающимъ христіанамъ, или на идеи просвѣщеннаго общества о національной свободѣ: цѣль эта—создать всеславянскую имперію съ Москвой—столицей. И это не только русскій политическій идеалъ, весь міръ заинтересованъ въ этомъ переворотѣ. Славянская цивилизація должна обновить и въ то же время замѣстить европейскую.

Такъ французскій профессоръ понимаетъ русскій отвѣтъ на восточный вопросъ. Дальнѣйшія, еще болѣе грозныя перспективы открываются сами собой, и все на почвѣ московскаго политическаго евангелія. Черезъ Константинополь прямой путь въ Индію, и Англія совершенно права въ своей неумолимой и неослабной враждѣ противъ Россіи. Все ея благоденствіе зависитъ отъ успѣховъ или неудачъ русской національной политики, и даже французскіе публицисты давно ставятъ вопросъ: будетъ ли Индія русская или англійская?

Это уже настоящій кошмаръ для владычицы морей, и онъ именно побуждаетъ ее становиться на всѣхъ путяхъ русской политики, разстраивать ея планы, отравлять сладость ея успѣховъ, ея побѣды лишать заслуженныхъ плодовъ... Нашъ авторъ все это объясняетъ и оправдываетъ ссылками на статьи катковскихъ *Московскихъ Вѣдомостей*, произведенія Данилевскаго, г-жи Ольги Новиковой.

Это единственный моментъ въ книгѣ нашего ученаго, не свидѣтельствующій въ пользу ясности его духа и проницательности его политической мысли. Но онъ въ то же время заслуживаетъ самаго широкаго снисхожденія.

Во-первыхъ, онъ раздѣляетъ участь большинства европейцевъ, писавшихъ и пишущихъ о Россіи, и, повидимому, весьма почтенныхъ, близко изучившихъ предметъ. Какъ разъ именно эти знатоки дѣла въ сильнѣйшей степени способствовали англійскимъ ужасамъ предъ кознями русской политики. Всего нѣсколько лѣтъ назадъ, въ Оксфордѣ читались публичныя лекціи о русской литературѣ. Читалъ ихъ лекторъ петербургскаго университета, десятки лѣтъ проживщій въ Россіи, обучавшій русскую молодежь англійскому языку и литературѣ: на что болѣе освѣдомленнаго судьи!

И вотъ онъ-то усиленно доказывалъ англійской аудиторіи, что единственные истинно-русскіе люди—славянофилы. западники нѣчто въ родѣ отщепенцевъ своего отечества. Даже больше Такъ называемая интеллигенція—явленіе отрицательное въ развитіи русской общественности. Она совершенно чужда истинно-національныхъ идеаловъ, она—болѣзненный наростъ на русской куль-

турной почвѣ. Настоящаго русскаго духа слѣдуетъ искать въ старцѣ Ѳерапонтѣ Достоевскаго, въ ученіи гр. Толстого о непротивленіи злу. Вотъ это подлинная русская мудрость и, естественно, по соображеніямъ лектора, «наука и университеты не являются естественными продуктами русской жизни».

Старецъ Ѳерапонтъ, дѣйствительно, съ наслажденіемъ присоединилъ бы это открытіе къ своей бесѣдѣ о чертяхъ, владѣющихъ, будто бы, всѣми ненавистными ему людьми. И такія-то объясненія русской литературы авторъ давалъ иностранной публикѣ съ цѣлью «вызвать болѣе дружественное и справедливое сужденіе о характерѣ и стремленіяхъ русскаго народа»! Даже сами правовѣрные почитатели «московскаго фанатизма» отмахнулись бы въ ужасѣ предъ такой компаніей.

Но сущность вопроса представляется тѣмъ ярче и внушительнѣе. Время отъ времени ее воспроизводитъ иностранная печать, безповоротно убѣжденная въ панславистскомъ азартѣ нашего отечества. Убѣжденіе съ большимъ авторитетомъ поддерживается знатными русскими сотрудниками заграничныхъ журналовъ. Нашъ авторъ ссылается на г-жу Ольгу Новикову; странно, какъ онъ не воспользовался несравненно болѣе авторитетнымъ свидѣтельствомъ, очень недавнимъ и, на иностранный взглядъ, безусловно убѣдительнымъ.

Мы говоримъ о статьѣ русскаго автора, не подписавшаго своего имени, но по всѣмъ признакамъ не зауряднаго журнальнаго публициста. Статья разсказываетъ о послѣдней русско-турецкой войнѣ по первоисточникамъ, открываетъ не мало дипломатическихъ и военныхъ тайнъ и во всеоружіи авторской освѣдомленности приходитъ къ рѣшительному выводу. Россія, въ теченіе всего своего политическаго существованія, неудержимо стремится къ власти надъ Византіей. Это ея провиденціальное назначеніе, это стихійная воля русскаго народа, его историческое призваніе. И пока оно не осуществлено, надъ страной виситъ гроза страшныхъ драмъ. Будто злой рокъ мститъ ей за невыполненіе священной *тысячелѣтней* задачи *).

Развѣ не правъ послѣ этого французскій профессоръ въ своемъ недовѣріи къ гуманнымъ, безкорыстнымъ стремленіямъ Россіи въ восточномъ вопросѣ? И онъ прямо пишетъ: «цѣль Россіи не столько защищать угнетенныхъ, сколько удовлетворить своему честолюбію, своимъ личнымъ интересамъ». Даже больше. Авторъ старается подъискать своей мысли общее философское объясненіе. Онъ, очевидно, не вѣритъ воодушевленію, съ какимъ русскій народъ принялъ сторону славянъ въ борьбѣ съ Турціей. Онъ даже ни словомъ не упоминаетъ о христіанскомъ сочувствіи массы и безусловно идеальномъ увлеченіи общества. Все это, по мнѣнію автора, несовмѣстимо съ историческими основами русскаго государства.

Естественно, онъ становится противъ Россіи всюду, гдѣ только представляется ему малѣйшій намекъ на сопротивленіе ея панславистскому самовластію. Онъ восхваляетъ борьбу возрожденной Болгаріи за независимость отъ русской политики и забываетъ

---

*) Les Russes devant Constantinople (1817—1878). *Révue de Paris*, 15 juillet 1887.

упомянуть, кѣмъ и какъ велась эта борьба. При всемъ уваженіи къ болгарской національной свободѣ, Стамбулова врядъ ли можно, безъ всякихъ оговорокъ, считать спасителемъ отечества и творцомъ нравственнаго и политическаго прогресса. Авторъ даже не упоминаетъ о «конституціонной» дѣятельности болгарскаго Бисмарка и объ ея конечныхъ результатахъ для него и для внѣшней политики страны. Даже франко-русскій союзъ не смягчаетъ его сердца,—фактъ, не лишенный поучительности для русскихъ читателей. Они могутъ видѣть, какъ антирусскія убѣжденія ученаго внесли рѣзкую фальшивую ноту въ общій спокойный и безпристрастный тонъ его книги. Даже въ Египтѣ, въ странѣ самой обостренной борьбы французской и англійской національностей, французъ распространяетъ исконно англійскій взглядъ на неутомимую жадность Россіи къ завоеваніямъ и захватамъ.

Но это — единственная тѣнь на трудѣ нашего автора. Всѣ другія раздражающія свойства восточнаго вопроса остались за предѣлами его исторіи. Онъ не позволилъ себѣ ни чувствительныхъ изліяній, ни патріотическаго негодованія, ни одного изъ настроеній, столь обычныхъ у всѣхъ и особенно у французскихъ современныхъ политиковъ. Они безпрестанно негодуютъ на поведеніе своего правительства въ греческомъ и армянскомъ вопросѣ. Они находятъ унизительнымъ сдержанное поведеніе своей когда-то столь рыцарственной страны предъ вызывающими преступленіями Турціи. Они даже бросаютъ камнями въ Ганото, одного изъ удачливѣйшихъ дѣльцовъ третьей республики, за его нѣжныя чувства къ султану и совершенное равнодушіе къ судьбѣ его христіанскихъ подданныхъ. И, несомнѣнно, патріоты правы. Франція на Востокѣ играетъ самую блѣдную роль, усиленно выслушиваетъ другихъ и присоединяется къ нимъ, повидимому, окончательно забывъ свои когда-то страстныя эллинскія увлеченія и свое вѣковое историческое положеніе покровительницы и защитницы восточныхъ христіанъ *).

И печать тщетно напоминаетъ своему правительству его долгъ. Въ отвѣтъ оно смѣется надъ «чувствительной политикой искателей приключеній», надъ несвоевременностью крестовыхъ походовъ, надъ забавной идеей быть въ концѣ XIX-го вѣка филэллиномъ. Подальше отъ рискованныхъ, хотя и идеальныхъ мечтаній! Достаточно ихъ было: пора успокоиться и предоставить дѣлаться исторіи, какъ она хочетъ.

Нашъ авторъ, повидимому, знаетъ эту философію третьей республики. Послѣ франко-прусской войны духовная температура Франціи сильно упала. Страной овладѣлъ неизъяснимый ужасъ предъ всякой опасностью впасть въ новыя затраты людьми или деньгами. Особенно крѣпко запомнила она мексиканское приключеніе своего императора. Наполеонъ III потратилъ массу денегъ и солдатъ, стремясь Мексику изъ республики превратить въ имперію. Это была одна изъ многочисленныхъ авантюръ бонапартизма и не могла имѣть ничего общаго съ настойчивымъ вмѣшательствомъ въ турецкій способъ управлять христіанами.

Но у страха нѣтъ логики, и міръ, по крайней мѣрѣ, надолго

*) Напримѣръ, Ernest Lavisse. *Notre politique orientale. Révue de Paris*, 1897, 15 mai, 15 juin.

потерялъ одно изъ давнишнихъ прибѣжищъ гуманности и справедливости. Франція, первая провозгласившая когда-то борьбу съ невѣрными, стоявшая во главѣ крестовыхъ походовъ, и потомъ неоднократно поднимавшая духъ угнетенныхъ народовъ, теперь презрительнымъ смѣхомъ прикрываетъ свое политическое безсиліе и душевное оскудѣніе.

Авторъ старается оправдать поведеніе своего отечества, какъ истинный дипломатъ. Онъ вычитываетъ изъ французскихъ дипломатическихъ нотъ тонкіе намеки на сочувствіе Франціи, напримѣръ, свободѣ критянъ. Правда, намеки до такой степени тонки, что безъ микроскопическаго изслѣдованія автора могли бы остаться неуловимыми. Но по нынѣшнимъ временамъ, очевидно, и этого достаточно, и профессоръ стыдливо умалчиваетъ о нѣкоторыхъ несуразныхъ обстоятельствахъ, уже совсѣмъ не дипломатическихъ, а очевидныхъ для всякаго смертнаго.

Во время, напримѣръ, армянскихъ избіеній погибъ католическій священникъ. Франція считается покровительницей армянскихъ католиковъ. Ея заботами возникла эта церковь и признана турецкимъ правительствомъ. Франція не переставала до послѣднихъ дней давать средства на расширеніе и устройство этой церкви, поощрять національное армянское движеніе и, согласно берлинскому трактату, охранять католическія миссіи. Столько поводовъ заинтересоваться положеніемъ армянъ и убійствомъ католическаго священника!

Убійца всѣмъ былъ извѣстенъ и спокойно пользовался полной свободой. Французскій посолъ тщетно настаиваетъ на арестѣ и судѣ. Ему обѣщаютъ все, что̀ угодно, и ничего не исполняютъ; напротивъ, готовятся казнить еще армянскаго епископа. Парижъ или молчитъ, или сочиняетъ ноты по всѣмъ правиламъ дипломатическаго художества, вызывающія у Высокой Порты благосклонно-насмѣшливыя улыбки. Тогда совершается нѣчто, совершенно невозможное въ политикѣ могущественной просвѣщенной державы. Посолъ отчаявается въ своемъ правительствѣ и на свой страхъ заявляетъ турецкимъ министрамъ, что онъ покинетъ Константинополь въ случаѣ неисполненія его требованій.

Посолъ превысилъ свои полномочія и въ сущности нанесъ жестокое оскорбленіе своему министру. Послѣднему, во имя личнаго достоинства и національной чести, не осталось ничего другого, какъ заднимъ числомъ подтвердить рѣшительность посла.

Объ этомъ эпизодѣ нашъ авторъ даже не упоминаетъ. Такъ онъ уравновѣшенъ и такъ далекъ отъ всякаго рода лирическихъ ощущеній! Краснорѣчивая порука за трезвость взглядовъ и осмотрительность сообщеній.

И каирскій профессоръ въ высшей степени трезвъ, до такой степени, что даже уклоняется прямо выражать свои сужденія. Онъ не оттѣняетъ и не подчеркиваетъ фактовъ. Онъ только приводитъ ихъ въ стройную картину, отнюдь не подъ внушеніемъ какой-либо идеи, а просто по хронологическому порядку. Его рѣчь едва лишь рѣшается украситься какимъ-либо яркимъ выраженіемъ, опять не ради сильнаго чувства, а въ интересахъ красоты французскаго стиля.

Драгоцѣнный историкъ, въ особенности современныхъ, *переживаемыхъ* событій! И это именно качество сообщаетъ книгѣ

нашего ученаго значеніе, на какое онъ, вѣроятно, и не разсчитывалъ. Онъ писалъ, не задаваясь никакой политической цѣлью и почувствовалъ бы горькую обиду, если бы его обвинили въ публицистическихъ умыслахъ. Разсужденія о корысти и честолюбіи Россіи въ счетъ не идутъ: они давно стали аксіомой въ заграничной печати и французскій профессоръ, ни на минуту не утрачивая достоинства ученаго, могъ сколько угодно декламировать о русскомъ панславизмѣ. Зато онъ обнаружилъ полную невинность въ «любви къ отечеству и народной гордости», и его сочиненіе можетъ разсчитывать на благосклонный пріемъ у всѣхъ партій и націй, съ единственнымъ исключеніемъ.

Могутъ явиться недовольные читатели среди людей, не принадлежащихъ ни къ какому политическому направленію, въ высшей степени благодушныхъ и миролюбивыхъ, всю жизнь только почитывающихъ и никогда не читающихъ. Ученая и совершенно безпартійная книга можетъ огорчить ихъ до глубины души и взволновать не хуже жестокаго романа и разрушительной газетной статьи. Авторъ въ формѣ историческаго обзора восточнаго вопроса написалъ, безъ собственнаго вѣдома, злѣйшую сатиру на самые почтенные предметы нашей современности, и ударъ тѣмъ чувствительнѣе, что онъ нанесенъ совершенно неумышленно, простодушнѣйшимъ перечисленіемъ фактовъ.

Въ этомъ *непредусмотрѣнномъ* результатѣ заключается поистинѣ исключительный интересъ книги и она заслуживаетъ самаго широкаго распространенія. Секретъ начинаетъ обнаруживаться съ первыхъ же страницъ, и дальше чтеніе увлекаетъ и захватываетъ не меньше блестящаго художественнаго произведенія.

II.

Европейская наука и философія почти уже два вѣка рѣшаетъ вопросъ, существуетъ ли прогрессъ? Для упрощенія задачи вопросъ давно разбитъ на нѣсколько частей, признана необходимость дать, по крайней мѣрѣ, два отвѣта: можно ли признавать нравственный и научный прогрессъ?

До послѣдняго времени отвѣты давались различные. Въ прогрессѣ науки, повидимому, нельзя было сомнѣваться, особенно въ XIX вѣкѣ. Стоило только вспомнить о поразительныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, о величественныхъ побѣдахъ человѣческаго ума надъ природой. Другое дѣло—нравственный прогрессъ, т. е. становятся ли съ теченіемъ времени люди счастливѣе и лучше?

Даже въ безгранично самонадѣянный вѣкъ просвѣщенія и самые сильные просвѣтители не осмѣливались отвѣчать утвердительно. Счастья на землѣ вообще нѣтъ и быть не можетъ, и въ особенности для людей, одаренныхъ талантами и умомъ. Земля и есть тотъ адъ для избранныхъ, который рисуется въ столь потрясающихъ краскахъ религіозному воображенію. Такъ вѣрилъ Вольтеръ и не могъ указать высшаго идеала благополучія, чѣмъ мирное уединенное воздѣлываніе сада.

Пожалуй, сомнительно и нравственное совершенствованіе человѣческой расы. Она неистощима на орудія борьбы противъ мысли и нравственнаго благородства, и прогрессъ выражается, кажется, въ

одномъ только отношеніи: орудія становятся многочисленнѣе и утонченнѣе. На кострѣ философа больше не сожгутъ, но публика и толпа могутъ всю жизнь его превратить въ пытку, въ одинокую унизительную борьбу за истину.

Такъ нерѣдко приходилось разсуждать людямъ прошлаго вѣка, но это бывало въ тяжелыя минуты испытаній, наступали иныя времена, и философы восторженно пѣли гимны непрестанному развитію человѣческаго разума и чувства, и, случалось, умирали насильственной смертью, но съ вѣрой въ необъятныя перспективы мысли и добра.

Съ теченіемъ времени мы отрезвѣли, и самая идея прогресса является намъ архаической, своего рода вдохновенной метафизикой наивнаго стараго времени. Но не всѣмъ легко и просто покончить хотя бы и съ метафизикой, особенно когда она затрогиваетъ самые источники нашей нравственной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, докажите, что прогресса нѣтъ и человѣчество въ своемъ призрачномъ движеніи впередъ уподобляется только бѣлкѣ въ колесѣ, вы этимъ самымъ уничтожите всякій разумный и наглядный смыслъ какой бы то ни было идейной дѣятельности, пріурочите жизнь къ одному рабскому инстинкту и поставите человѣка, дорожащаго жизнью, ниже животнаго. И мы всѣми силами хватаемся за мучительно-загадочную идею, готовы на какія угодно оговорки и уступки, лишь бы не позорили насъ ролью неосмысленныхъ существователей.

Такъ думаемъ мы, но совершенно иначе поняли дѣло мудрецы, наблюдающіе насъ съ высоты другой, не европейской мудрости. Мы привыкли считать себя единственно призванными вершителями міровыхъ вопросовъ, привилегированными созидателями возможнаго на землѣ порядка и благополучія. Кромѣ того, мы, повидимому, имѣемъ всѣ основанія подозрѣвать у себя неотразимыя критическія способности,—мы, разрушившіе столько темныхъ вѣрованій и предразсудковъ! Наконецъ, вообще наша цивилизація для насъ внѣ сомнѣнія: мы давно дожили до идеи о равноправности и свободѣ всѣхъ людей и вѣроисповѣданій, мы отвергаемъ политическія привилегіи и презираемъ религіозный фанатизмъ, мы даровали гражданскія права неграмъ и стараемся облагодѣтельствовать культурой азіатскихъ язычниковъ... Гдѣ предѣлъ нашей терпимости и человѣколюбію?

Съ такимъ вопросомъ Европа представилась Азіи, точнѣе, европейскія великія державы турецкой имперіи. Казалось бы, въ самомъ вопросѣ, предрѣшавшемъ отвѣтъ, заключалось побѣдоносное рѣшеніе всѣхъ восточныхъ затрудненій.

Магометанское царство вѣдь это религіей освященное мертвенное состояніе всѣхъ нравственныхъ силъ человѣческой природы, власть страшной, всеубивающей идеи фатализма, а Европа—вѣчное движеніе и развитіе, свѣтлая вѣра въ человѣческую волю и силу. Дальше. Турція—гнѣздо мрачнаго, дикаго фанатизма, безсмысленныхъ религіозныхъ суевѣрій и неотвратимая угроза всякой чужой религіи и умственной независимости. Наконецъ, Востокъ дряхлѣетъ въ чисто-животномъ прозябаніи, понимаетъ жизнь исключительно какъ смѣну грубыхъ наслажденій и поэтому цѣнитъ только матеріальныя блага и совсѣмъ не живетъ душою и сердцемъ. А Европа,—кому же неизвѣстно? Только она понимаетъ жизнь въ духѣ и истинѣ, знаетъ, что такое идеалы и назначеніе человѣка на землѣ.

Можно ли Востоку бороться съ такой силой? Еще менѣе оскорблять и явно презирать ее, какъ нѣчто низшее и неразумное.

Не только можно, но и должно, отвѣчаетъ Востокъ, т. е. турки.

Коранъ, говорятъ они европейцамъ, не знаетъ ничего похожаго на вашу идею прогресса. Онъ прямо говоритъ намъ: вы—лучшій среди народовъ вселенной и вы не должны слушать невѣрныхъ: иначе они заставятъ васъ вернуться къ вашимъ заблужденіямъ и васъ постигнетъ гибель. Очевидно, намъ нельзя усовершенствоваться: мы уже совершенны, и насъ убѣждаетъ въ этой истинѣ не только наша священная книга, но и ваша, о европейцы, жизнь и исторія.

И просвѣщенные турки, тѣ самые, кого Европа научила думать и разсуждать, ея же науку обращаютъ противъ нея. Мы, говорятъ они, рѣшительно не видимъ, въ чемъ заключается вашъ прогрессъ, вообще ваша цивилизація. Они, несомнѣнно, имѣли бы очень большую цѣну, если бы одновременно съ ея развитіемъ и вы сами становились лучше, нравственнѣе и благороднѣе. Этого именно и нѣтъ!—восклицаетъ Мидхатъ-паша.

И къ его разсужденіямъ слѣдуетъ прислушаться. Онъ—глава такъ называемой *молодой Турціи*, пламенный патріотъ, но на новыхъ просвѣтительныхъ основахъ. Онъ отлично изучилъ западноевропейскіе порядки, пришелъ къ мысли о необходимости ограничить власть султана, ввести въ Турціи конституцію. На нее онъ возлагалъ блестящія надежды и по этому поводу представилъ сравнительную картину магометанской и европейской культуры.

Всѣ преимущества на сторонѣ первой прежде всего уже потому, что основной принципъ ислама—демократическій. Паша, несомнѣнно, увлекся и наговорилъ не мало несообразностей: турецкая правда блистательно сказалась на судьбѣ его конституціи и его собственной. Но все это не помѣшало Европѣ услышать множество крайне непріятныхъ и справедливыхъ упрековъ.

Мидхатъ прекрасно изучилъ ея прошлое и настоящее и изъ историческихъ фактовъ составилъ краснорѣчивый памфлетъ. Турцію укоряютъ въ болгарскихъ жестокостяхъ, но вѣдь это обычная исторія всякаго вооруженнаго возстанія. И турецкій авторъ призвалъ въ свидѣтели французскую революцію, парижскую коммуну, политику Испаніи на Кубѣ и особенно хозяйство Англіи въ Индіи. Гладстонъ громитъ Турцію за славянъ, а развѣ ему не извѣстно, какъ поступаетъ его просвѣщенное отечество съ индусами? Да и съ одними ли индусами!

Вообще восхвалять европейскую цивилизацію—задача крайне рискованная. Младотурки не отступили предъ самымъ рѣшительнымъ разсчетомъ съ похвальбой Европы. Пусть она представитъ, что европейцы въ VII вѣкѣ не одержали бы побѣды надъ сарацинами, т. е. не устранили бы мусульманской цивилизаціи ради собственной. Чтó произошло бы? Для магометанъ отвѣтъ вполнѣ ясный.

Міръ не зналъ бы среднихъ вѣковъ со всѣми ихъ ужасами, со всей ихъ умственной тьмой, и жестокостью. Возрожденіе наступило бы шестью вѣками раньше. Магометане не стали бы избивать ни альбигойцевъ, ни гугенотовъ, они не залили бы кровью Америки, не вызвали бы тридцатилѣтней войны со всѣми ея бѣдствіями.

И европейскому историку трудно возражать съ полнымъ успѣхомъ. Арабская культура дѣйствительно поражаетъ блескомъ и просвѣщенностью, и столь несомнѣнны свирѣпства средневѣковыхъ католиковъ и еще ужаснѣе бойни, устроенныя испанцами въ Новомъ Свѣтѣ. Можно, конечно, припомнить исторію магометанскихъ военныхъ доблестей, но вѣдь христіане отнюдь не оставались въ долгу и какой-нибудь крестоносецъ, въ родѣ Ричарда Львиное Сердце, по части варварства могъ затмить какого угодно мусульманина.

Люди вездѣ и всегда были людьми, и инквизиція возникла и процвѣла подъ покровомъ не полумѣсяца, а креста.

Не убѣдительно и настоящее Европы. Она хвалится своей наукой; но развѣ она сдѣлала христіанъ счастливѣе? Они знаютъ множество вещей, неизвѣстныхъ магометанину, но развѣ ихъ ученые глаза способны открыть рай? Если нѣтъ, зачѣмъ тогда это вѣчное безпокойство, эти лишенія изъ за предмета, не дѣлающаго людей ни счастливѣе, ни лучше.

А вѣдь только эти цѣли и имѣютъ смыслъ. Само по себѣ накопленіе всевозможныхъ свѣдѣній лишено всякаго значенія. Можетъ быть, даже они увеличиваютъ недовольство и, слѣдовательно, бѣдствія людей. И мусульманинъ съ высоты своего фаталистическаго корана, цѣлые вѣка твердящій одни и тѣ же молитвы и правила жизни, мудрый готовой мудростью, съ презрѣніемъ или состраданіемъ взираетъ на неустанно мятущагося, вѣчно неудовлетвореннаго европейца и уже неразъ приходившаго къ чисто восточному убѣжденію: побѣда надъ *волей жить*—величайшее могущество и послѣднее слово человѣческаго разума.

Да, въ этой глубоко-принципіальной распрѣ коренится культурный смыслъ восточнаго вопроса. Все остальное только частности и послѣдствія. Востокъ угнетаетъ христіанъ, отказывается слить ихъ съ магометанскимъ населеніемъ, потому что презираетъ ихъ, считаетъ низшей человѣческой породой. И въ этомъ презрѣніи не одинъ религіозный фанатическій предразсудокъ. Онъ остается у людей, совлекшихъ съ себя ветхаго восточнаго человѣка, искренне убѣжденныхъ въ неизбѣжной гибели Турціи, если она не порветъ съ вѣковыми нравственными и политическими недугами. Эти люди, переставая быть слѣпыми поклонниками отечественныхъ преданій, не становятся почитателями и европейской цивилизаціи. И они подробно объясняютъ намъ, почему.

Пусть эта цивилизація докажетъ имъ свои положительныя нравственныя преимущества, пусть культурная христіанская Европа ослѣпитъ темный магометанскій востокъ блескомъ добродѣтелей, и разсчетъ окажется совершенно другимъ. Впрочемъ, что говорить о блескѣ добродѣтелей! Было бы достаточно убѣдить Востокъ въ безкорыстіи и дѣйствительно цивилизаторскихъ стремленіяхъ Европы, и восточный вопросъ въ сильнѣйшей степени упростился бы. На вѣсахъ дипломатическихъ и военныхъ побѣдъ прибавился бы общечеловѣческій нравственный авторитетъ, и государственнымъ людямъ Турціи пришлось бы считаться съ гораздо болѣе внушительной силой, чѣмъ краснорѣчіе министерскихъ канцелярій.

Такъ предполагать не значитъ увлекаться мечтательными

призраками; совершенно напротивъ; только дѣлать прямое логическое заключеніе изъ многочисленныхъ фактовъ.

Европейская дипломатія безпрестанно толкуетъ предъ турецкимъ правительствомъ о высокихъ принципахъ гуманности и справедливости. Рѣчь ея часто превращается въ настоящую проповѣдь и стремится тронуть умъ и сердце халифа. Эти именно пути лордъ Сольсбери призналъ единственными въ рѣшеніи восточнаго вопроса, пока существуетъ оттоманская имперія.

И мы, дѣйствительно, по европейскимъ дипломатическимъ нотамъ можемъ составить цѣлую хрестоматію самыхъ хорошихъ словъ, какія только имѣются во французскомъ словарѣ. Въ одинъ изъ самыхъ напряженныхъ моментовъ, въ разгаръ армянской рѣзни, представители шести великихъ державъ вручили Портѣ документъ очень рѣшительнаго содержанія. Краснорѣчивѣйшимъ мѣстомъ было слѣдующее заявленіе:

«Европейская совѣсть неизбѣжно возмутилась бы (ne manquerait pas de s'indigner), если бы стало очевиднымъ, что бездѣйствіе власти поощряетъ прискорбныя страсти».

Очень тонко и изящно! Но главное *La conscience européenne!* Это должно было убить султана. Ему приходилось жестоко покраснѣть за турецкую безсовѣстность и поскорѣе заслужить одобреніе европейской совѣсти.

Результаты не оправдали ожиданій. Событія продолжали идти своимъ чередомъ, въ полной зависимости исключительно отъ восточной совѣстливости. Было ясно, — Абдулъ-Гамидъ встрѣтилъ, въ лучшемъ случаѣ, добродушной улыбкой цицероновское воззваніе европейской дипломатіи.

И онъ былъ правъ если не съ общечеловѣческой точки зрѣнія, то съ дипломатической непремѣнно. Болѣе ста лѣтъ онъ слышитъ разговоръ о принципахъ европейской цивилизаціи, о правилахъ терпимости, объ идеалахъ національной свободы. Толковали ему все это и нѣсколько державъ заразъ, и каждая отдѣльно, доказывали и перомъ, и оружіемъ, и тѣмъ и другимъ способомъ очень усердно. Но султанъ никакъ не можетъ усвоить европейскихъ поученій, и не потому, чтобы его мозгъ былъ безнадежно невоспріимчивъ къ французскому душеспасительному діалекту, а потому что онъ—султанъ—имѣетъ всѣ основанія европейскія проповѣди считать чисто художественнымъ упражненіемъ въ краснорѣчіи.

Именно такое убѣжденіе одушевляетъ всѣ дѣйствія турецкаго правительства, часто совершенно непостижимыя по своей дерзости и вызывающему характеру. Это давно признано европейской печатью. Еще въ 1880 году *Daily News*, оцѣнивая турецкое обращеніе съ европейскимъ концертомъ, заявляли: такъ могъ бы вести себя развѣ только Наполеонъ на вершинѣ своего могущества съ какимъ-либо побѣжденнымъ непріятелемъ!

Султанъ и Наполеонъ! И такое сопоставленіе оказывается совершенно естественнымъ. Властитель едва существующаго, безнадежно больного государства, повелитель варварскаго и культурѣ недоступнаго народа, безчисленное число разъ побѣжденный и униженный, онъ все-таки можетъ держать наполеоновскую рѣчь къ своимъ просвѣщеннымъ и неизмѣримо сильнѣйшимъ его побѣдителямъ! И во имя чего держать! Защищая свои

нарушенія европейскихъ рѣшеній или просто отказываясь исполнять ихъ!

Развѣ это не противоестественное явленіе? И какъ же послѣ этого султану не улыбаться въ отвѣтъ на голосъ «европейской совѣсти»? Улыбка не сойдетъ съ его лица даже и послѣ того, какъ англійскій первый министръ заявитъ: «Ужасъ армянскихъ убійствъ заставилъ Европу поблѣднѣть»...

Пусть ужасается и блѣднѣетъ,—могъ сказать султанъ, отдавая новыя распоряженія на счетъ гяуровъ. Я къ этому давно привыкъ: для меня гораздо важнѣе, чтобы мои солдаты и вѣрные мнѣ дикари курды, албанцы и черкесы жили и наслаждались жизнью безъ всякихъ отягощеній моей казнѣ. А что касается Европы, я знакомъ съ ней не первый день, и знаю, чего стоитъ ея совѣсть и что означаетъ блѣдность ея лица. Объ этомъ можетъ, къ моему полному удовольствію, разсказать любой европейскій историкъ.

Чтобы особенно не углубляться въ прошедшее, посмотрите, какъ дѣйствовала цивилизованная Европа за послѣднія двадцать лѣтъ.

III.

13-го іюня 1878 года въ Берлинѣ происходило одно изъ самыхъ знаменательныхъ торжествъ всей новой исторіи Европы: открылся конгрессъ подъ предсѣдательствомъ общепризнаннаго государственнаго генія, князя Бисмарка. Со временъ вѣнскаго конгресса Европа не видала столь величественнаго зрѣлища и задачи, лежавшія на собраніи, были, пожалуй, еще значительнѣе, чѣмъ шестьдесятъ лѣтъ назадъ. Конгрессу предстояло создать бытіе новыхъ національностей, дать отвѣтъ на четырехвѣковой вопросъ, а главное—упрочить торжество европейской цивилизаціи надъ азіатскимъ варварствомъ.

Султану представлялся исключительный случай убѣдиться разъ навсегда въ мудрости европейской политики и въ недосягаемомъ превосходствѣ культуры надъ дикостью. За мудрость рѣшеній ручалась такая первостепенная дипломатическая сила, какою считался во всемъ мірѣ объединитель Германіи, просвѣщенность и гуманность не подлежали сомнѣнію, разъ дѣло попало въ руки представителямъ передовыхъ народовъ.

Правда, султанъ могъ припомнить кое-что изъ подобнаго же внушительнаго прошлаго и воспоминанія могли его отчасти успокоить. Вѣнскій конгрессъ отличался еще болѣе ослѣпительнымъ блескомъ, на немъ присутствовали даже государи и руководитель его въ свое время считался провиденціальнымъ спасителемъ Европы. А результаты получились, по меньшей мѣрѣ, странные.

Блистательное собраніе такъ ловко перекроило карту Европы, такъ мудро соединило и раздѣлило народы и области, что передѣлка его постановленій началась немедленно и неуклонно продолжалась десятилѣтія, пока революціи, войны и новые союзы окончательно не перечеркнули почти всѣхъ протоколовъ конгресса. Онъ, напримѣръ, совокупилъ воедино голландцевъ и бельгійцевъ, не взирая на непримиримыя религіозныя и національныя различія двухъ народовъ, онъ отдалъ Австріи Ломбардію и Венецію,

и совершилъ все остальное въ этомъ же духѣ. Естественно, сооруженіе должно было расползтись по всѣмъ швамъ и поразить сильнѣйшимъ конфузомъ вѣщаго руководителя конгресса.

Теперь, повидимому, нельзя повторить столь поучительныхъ уроковъ прошлаго. Накопилось вполнѣ достаточно опытовъ, чтобы не рѣшать судебъ національностей при помощи линейки и двухъ ариѳметическихъ дѣйствій. Въ началѣ столѣтія само понятіе *національности*, какъ нравственной и политической единицы, было новостью и еще не успѣло попасть въ мозгъ дипломатовъ, но послѣ объединенія Германіи и Италіи, возникновенія новой Греціи — фактъ не подлежалъ сомнѣнію и именно въ Берлинѣ имѣли всѣ основанія считаться съ нимъ. Это было бы и мудро, и гуманно. На самомъ дѣлѣ, вѣра дипломатовъ во всемогущество своихъ перьевъ и бумагъ, очевидно, не истребима. Только бы представился случай, а тамъ не будетъ конца и мѣры самымъ героическимъ упражненіямъ. Послѣ пусть народы и государства разсчитываются какъ хотятъ съ полетами канцелярскаго фантазерства.

Предъ берлинскимъ собраніемъ лежала готовая программа переустройства оттоманской имперіи—санъ-стефанскій договоръ. Онъ заключенъ былъ на мѣстѣ и въ немъ участвовали люди дѣйствія, отдававшіе ясный практическій отчетъ въ своихъ представленіяхъ. Географія и этнографія—двѣ науки, неизмѣримо болѣе положительныя и, слѣдовательно, сильныя, чѣмъ политика и дипломатія, лежали въ основѣ санъ-стефанскаго договора, и вотъ онѣ-то въ Берлинѣ не встрѣтили ни малѣйшаго вниманія. Это говоритъ даже нашъ скромный авторъ и горько сѣтуетъ на заблужденіе конгресса.

А заблужденіе состояло въ томъ, что конгрессъ рѣшилъ раздѣлить самой природой сплоченное и соединить безусловно несоединимое. Даже если бы конгрессъ задался спеціальной цѣлью дѣйствовать разсудку вопреки и наперекоръ стихіямъ, ничего болѣе эффектнаго онъ не могъ бы совершить. Факты немедленно это доказали и собраніе, разсчитывавшее все умиротворить и упрочить, на самомъ дѣлѣ посѣяло обильныя сѣмена раздоровъ, возстаній и кровопролитій. И все это продолжается до послѣднихъ дней, благодаря исключительно мудрости конгресса.

Напримѣръ, мы безпрестанно слышимъ о побоищахъ между черногорцами и албанцами. Уже въ нынѣшнемъ году одна изъ такихъ вѣстей успѣла облетѣть міръ. Это значитъ, албанцы и черногорцы два племени, совершенно другъ съ другомъ не примиримыя: такими они были искони вѣковъ и такими останутся навсегда, потому что албанцы—прирожденные разбойники и безнадежные дикари. Но въ Берлинѣ разсудили иначе; рѣшили присоединить часть албанцевъ къ Черногоріи, а взамѣнъ отнять ея естественныя славянскія границы. Легко представить, какъ встрѣтили это рѣшеніе албанцы и турки, и на этотъ разъ мудрость принадлежала безусловно азіатамъ.

Турецкій уполномоченный указывалъ, что албанцы—магометане и не славянской расы: пытаться слить ихъ съ черногорцами, значитъ вызвать междоусобицу. Лучше отдать Черногоріи область, населенную славянами и православными. Конгрессъ полагалъ иначе, раздулъ старый очагъ международной ненависти и вопросъ о присоединеніи албанцевъ къ Черногоріи превратилъ въ траге-

дію. Только два года спустя и съ величайшими усиліями Черногорія оффиціально получила присужденный ей край, и до сихъ поръ не можетъ справиться съ навязанными ей подданными.

Еще мудрѣе поступилъ конгрессъ съ Болгаріей. Санъ-стефанскій договоръ создавалъ цѣльный политическій болгарскій міръ, конгрессъ разбивалъ его на три части: княжество Болгарію, Румелію и Македонію. Что изъ этого вышло—достаточно извѣстно. Румеліи потребовалось возстаніе, чтобы возстановить естественный порядокъ вещей, Македонія пока состоитъ подъ властью султана, но не перестаетъ быть поприщемъ политическаго броженія. Берлинское постановленіе, видимо, и здѣсь переживаетъ агонію, только болѣе медленную и болѣе мучительную, чѣмъ въ другихъ христіанскихъ областяхъ европейской Турціи,

Дальше шелъ греческій вопросъ, и опять на ясной, вполнѣ опредѣленной почвѣ національности. Предстояло рѣшить судьбу Крита. Послѣ Черногоріи это самая героическая страна Европы. Можно сказать, Критъ никогда никому вполнѣ не принадлежалъ. Даже римляне едва могли одолѣть островитянъ, но нисколько не ослабили ихъ древняго мужества и не сгладили яркихъ національныхъ свойствъ. Такую же безпощадную борьбу вели потомъ критяне съ греческими императорами, съ Венеціей и, наконецъ, съ турками. Мусульмане въ теченіе вѣковъ не могли фактически овладѣть всѣми провинціями Крита. Возстанія слѣдовали одно за другимъ и островъ не разъ свергалъ совершенно власть Турціи. И цѣлью возстаній всегда было сліяніе съ Греціей, лишь только возникло независимое эллинское королевство.

Въ этомъ смыслѣ критяне еще въ шестидесятыхъ годахъ обращались къ Европѣ. Они говорили: «вѣруя въ справедливость нашего дѣла, мы объявляемъ смѣло предъ Богомъ и предъ людьми наше пламенное желаніе соединиться съ Греціей, нашей общей матерью?»

Греція восторженно встрѣчала это желаніе и принимала дѣятельное участіе въ борьбѣ критянъ. Не правительство греческое, а народъ: участіе являлось чисто инстинктивнымъ стремленіемъ и никакая политическая сила не могла бы подавить его.

Нѣкоторые дипломаты это понимали. Князь Горчаковъ убѣждалъ державы присоединить Критъ къ Греціи, указывалъ въ будущемъ неизбѣжность кровопролитія, власть султана на островѣ считалъ возможнымъ утвердить развѣ только надъ развалинами и трупами. Въ шестидесятыхъ годахъ и Франція готова была поддержать такое рѣшеніе вопроса. Но непреодолимое препятствіе встрѣтилось со стороны Англіи. Ни для кого не была тайной причина англійскаго протеста. Англія выжидала удобнаго случая собственнолично завладѣть Критомъ. Въ результатѣ Критъ остался за Турціей и Европа совѣтовала султану быть снисходительнымъ...

Картина, достойная великаго живописца, когда султанъ выслушивалъ этотъ совѣтъ! Турки, разумѣется, не перестали быть турками вслѣдствіе жалкихъ словъ дипломатовъ, а критяне—бороться и ждать. Берлинскому конгрессу вновь представился старый вопросъ и Критъ, ссылаясь на вѣроломство Турціи, снова умолялъ Европу развязать его узы. Конгрессъ выслушалъ мольбу, призналъ неисправимость турецкаго правительства на островѣ и рѣшилъ: Криту впредь оставаться подъ властью султана, а Европа

посовѣтуетъ Абдулъ-Гамиду выполнить обѣщанія на счетъ реформъ. Именно *посовѣтуетъ*, на чистѣйшемъ дипломатическомъ языкѣ съ изложеніемъ всѣхъ титуловъ Высокой Порты и его оттоманскаго величества.

Конгрессъ, очевидно, чувствовалъ себя въ ироническомъ настроеніи и съ нетерпѣніемъ ждалъ, какое зрѣлище получится послѣ изреченія его воли. Зрѣлище не замедлило послѣдовать къ полному торжеству дипломатическаго джентльменства и къ новому униженію разума и нравственнаго чувства Европы.

Англія, эта свободнѣйшая и національнѣйшая страна въ мірѣ, могла остаться довольной. Критъ снова становился вопросомъ дня, еще болѣе жгучимъ, чѣмъ раньше. Турція пользовалась всякимъ своимъ успѣхомъ на островѣ, чтобы тѣснѣе сжать кольцо рабства. Она безъ малѣйшихъ колебаній извѣщала мудрую и гуманную Европу, что намѣрена подвергнуть критянъ осадному положенію и послать новаго губернатора съ военными полномочіями. Европа не нашлась, что отвѣтить, и предоставила Турціи дѣйствовать на полной свободѣ. И дѣйствія открылись. Потоки крови задушили возстаніе, и началось управленіе, превзошедшее даже турецкіе политическіе обычаи. Вспыхнуло послѣднее возстаніе, турки произвели рѣзню, но весь островъ рѣшилъ скорѣе умереть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ быть раздавленнымъ въ рабствѣ. Дальнѣйшее извѣстно. Мудрость конгресса сторицей вознаграждена. Греко турецкая война дополнила картину и только послѣ цѣлаго ряда кровавыхъ трагедій Критъ, наконецъ, вступилъ на новый путь національнаго бытія.

Зачѣмъ разыгрались эти трагедіи? Какая разумная сила мѣшала Европѣ исполнить законныя желанія критянъ и хотя бы въ шестидесятыхъ годахъ послушаться добраго совѣта не какихъ-нибудь мечтателей, а дипломатовъ, и предотвратить позорное истребленіе человѣческой расы? Но если ужъ Криту суждено было принадлежать Турціи, что могло побудить Европу предоставить на добрую волю султана такъ или иначе поступить съ безпокойными подданными?

Съ такою же проницательностью и гуманностью рѣшены и остальные вопросы. Конгрессъ будто задался цѣлью всѣми силами щадить деликатныя чувства султана, не зналъ, какъ и доказать ему довѣріе къ чистотѣ его намѣреній и просвѣщенности его государственныхъ людей. Этотъ идеализмъ по отношенію къ Турціи соотвѣтствовалъ поразительной трезвости взглядовъ касательно ея христіанскихъ подданныхъ. Конгрессъ покончилъ со всѣми мечтательными чувствами прошлаго, и прежде всего съ идеальнымъ филэллинствомъ. Раньше страна Сократа и Демосѳена вызывала даже въ сердцахъ политиковъ лирическія движенія и европейское общественное мнѣніе восторженно привѣтствовало возрожденіе обѣтованной земли цивилизаціи.

Конгрессъ дѣйствуетъ исключительно на положительной почвѣ матеріальныхъ интересовъ. Онъ видимо проникнутъ завистью къ молодой Элладѣ, онъ опасается, какъ бы ей не достался лишній кусокъ исконно греческой земли. Онъ готовъ скорѣе предоставить рѣшеніе наболѣвшаго вопроса просвѣщенной мудрости султана, ждать какого угодно будущаго, лишь бы не облагодѣтельствовать черезчуръ народа, мечтающаго не только о свободномъ королевствѣ, но даже о независимой націи.

Въ результатѣ, конгрессъ и здѣсь даетъ добрый совѣтъ султану—полюбовно рѣшить споръ и только въ случаѣ несогласія Европа обѣщаетъ свое любезное посредничество. Нечего и говорить, что *практически* означалъ этотъ образъ дѣйствій. Трудно повѣрить, до какой степени простой здравый смыслъ иногда расходится съ дипломатическимъ хитроуміемъ. Послѣ трехъ вѣковъ сношеній съ турецкой имперіей Европа ожидала, будто султанъ рѣшится ограбить самого себя въ пользу христіанскаго государства! Если дѣйствительно такой разсчетъ владѣлъ умами дипломатовъ конгресса,—легко представить, съ какимъ настроеніемъ повелитель правовѣрныхъ выслушалъ этотъ актъ безпримѣрной политической поэзіи новаго времени! И даже нашъ скромный профессоръ не можетъ удержаться по этому поводу отъ горькихъ мыслей. Онъ говоритъ: «дипломатія, долгъ которой избѣгать и предупреждать столкновенія, совершила непростительную ошибку: она открыла рядъ затрудненій, неразрѣшенныхъ до сихъ поръ».

Это очень скромно! Дипломатія сдѣлала гораздо больше: она *поощрила* султана на дальнѣйшую, менѣе всего примирительную дѣятельность. Она стремилась прежде всего понизить нравственное и политическое значеніе русскихъ побѣдъ, а въ результатѣ подорвала кредитъ вообще европейскаго и христіанскаго авторитета. Если побѣжденный султанъ могъ получить такое количество совершенно нелѣпыхъ, не заслуженыхъ авансовъ, на что же онъ могъ разсчитывать въ случаѣ побѣды? И могъ ли онъ серьезно относиться вообще къ рѣшенію государственныхъ мужей, приносившихъ въ жертву корыстнымъ вожделѣніямъ отдѣльныхъ державъ судьбу христіанскаго міра на Востокѣ?

Султанъ превосходно понималъ, какія жертвы были принесены Критомъ, Черногоріей и Греціей для спасенія національной свободы. Онъ зналъ, что Европѣ извѣстенъ обычный турецкій способъ умиротворять безпокойныхъ подданныхъ и «преобразовывать» христіанскія провинціи. Онъ, наконецъ, помнилъ, сколько разъ онъ обманулъ довѣріе Европы своими обѣщаніями ввести реформы, какъ онъ насмѣялся надъ наивностью гяуровъ, напуская курдовъ, албанцевъ и черкесовъ на преобразуемыя области. Это его излюбленные реформаторы и онъ держалъ ихъ наготовѣ въ ту самую минуту, когда берлинскій конгрессъ торжественно изрекалъ свои рѣшенія, достойныя стиля Раблэ.

Наконецъ, еще одинъ подвигъ, едва ли не самый блистательный, во всякомъ случаѣ самый краснорѣчивый въ исторіи европейской справедливости на Востокѣ. Конгрессу, помимо судьбы балканскихъ подданныхъ султана, настояло опредѣлить родъ жизни азіатскихъ христіанъ, т. е. армянъ. Здѣсь, повидимому, затрудненіе рѣшалось чрезвычайно благопріятно. Независимо отъ общеевропейскаго интереса къ армянскому народу, одна великая держава взяла на себя спеціальную заботу о мирѣ и благоденствіи Арменіи. Англія заключила съ Турціей особый договоръ: Англія обязывалась охранять неприкосновенность азіатскихъ владѣній Турціи и за это получила островъ Кипръ и «формальное увѣреніе» султана—ввести въ Арменіи необходимыя реформы. Англія надѣялась дѣятельно помогать предстоящей преобразовательной дѣятельности султана, и именно съ этою цѣлью она занимала Кипръ, сосѣдній съ Малой Азіей.

Армяне могли утѣшиться. За нихъ стояло теперь чувство національной чести самой гордой и просвѣщенной націи во всемъ мірѣ. Реформы становились на очередь текущаго дня и Арменія, повидимому, лежала теперь, по крайней мѣрѣ, столь же близко англійскому сердцу, какъ Ирландія и Индія.

Но армянская радость явилась не только преждевременной, но совершенно неосновательной. Англійская сдѣлка съ Турціей грозила даже ухудшить именно положеніе армянъ. Турція, напуганная Россіей, поддалась коварнымъ внушеніямъ Биконсфильда и заплатила Кипромъ за свое спасеніе отъ воображаемой опасности. Истина не замедлила обнаружиться. Россія вовсе не стремилась завоевывать Малой Азіи, англичанамъ не отъ кого было оберегать султана,—вышло,—островъ отданъ даромъ, Блистательная Порта оказалась просто одураченной. Легко представить, какой вкусъ теперь возъимѣли для нея обѣщанныя армянскія реформы?

Но Англіи нечего было волноваться. Еще задолго до берлинскаго трактата будущій лордъ Биконсфильдъ, пока только Дизраэли, заявлялъ: «Англичанамъ нуженъ Кипръ, и они его возьмутъ... Имъ нуженъ новый рынокъ для хлопчатобумажныхъ издѣлій. Англія не успокоится до тѣхъ поръ пока, жители Іерусалима носятъ тюрбаны изъ миткаля».

Хлопчатыя издѣлія, очевидно, преобладали въ идеяхъ англійскихъ министровъ даже, когда они заключали свой договоръ съ Турціей. Въ договорѣ о реформахъ говорилось *вообще*, англичане не признали необходимымъ ясно и подробно опредѣлить, какія именно преобразованія обязана произвести Порта въ Малой Азіи? Говорилось просто—объ усовершенствованіи администраціи. Султанъ, конечно, могъ по своему понимать совершенную администрацію, и это пониманіе какъ нельзя сильнѣе поощрялось раздраженіемъ на коварство англійской дипломатіи.

Таковы главныя черты величайшаго дипломатическаго акта нашего столѣтія. Участники конгресса въ полномъ смыслѣ дѣлали исторію, и, къ сожалѣнію, скверную исторію и на самое отдаленное будущее. Дѣятельность, тѣмъ болѣе неожиданная, что она оказалась въ непримиримомъ противорѣчіи съ торжественнымъ заявленіемъ геніальнаго предсѣдателя собранія: «Конгрессъ,—говорилъ князь Бисмаркъ,—собрался не за тѣмъ, чтобы охранять интересы Турціи, а за тѣмъ чтобы обезпечить миръ Европы въ настоящемъ и будущемъ».

Обезпеченіе вышло самое поразительное. Европѣ едва ли не на слѣдующій же день послѣ разъѣзда берлинскихъ устроителей вселенной пришлось впасть въ изумленіе и на десятки лѣтъ остаться въ этомъ глубокомысленномъ настроеніи. Какъ берлинскій трактатъ приводился въ исполненіе, это цѣлая эпопея грандіозно-сатирическаго содержанія, къ сожалѣнію, только обильно приправленнаго драмой. Рѣшительно ни одно болѣе или менѣе существенное постановленіе конгресса не было выполнено ни одной заинтересованной стороной, начиная съ великихъ державъ.

Австрія, по рѣшенію конгресса, заняла Боснію и Герцоговину для административнаго устроенія. Провинціи оставались за султаномъ, но конгрессъ не опредѣлялъ ни срока ни подробностей

австрійской оккупаціи и черезъ восемь лѣтъ Австрія фактически отмѣнила власть султана, подвергнувъ босняковъ и герцоговинцевъ военному набору «для защиты монархіи», разумѣется, австро-венгерской.

За Россіей конгрессъ оставилъ Батумъ съ условіемъ сдѣлать его порто-франко: черезъ семь лѣтъ Батумъ превратился въ крѣпость.

Еще пренебрежительнѣе поступили съ трактатомъ балканскія государства. Болгарія ни единаго раза не заплатила Турціи установленной дани, Турція, въ свою очередь, не подумала даже теоретически отнестись серьезно къ берлинскимъ обязательствамъ. Что она нигдѣ не ввела никакихъ реформъ разумѣется само собой, но она наотрѣзъ отказалась уступить мѣстности, присужденныя Черногоріи, и исправить границы съ Греціей. Нѣтъ ничего поучительнѣе споровъ Европы съ султаномъ по поводу Черногоріи. Какое ужасающее количество дипломатическихъ бумагъ, какія величественныя заявленія въ родѣ: «торжественная манифестація воли Европы», «европейскій вердиктъ»! И въ отвѣтъ, явное издѣвательство Турціи, открытое возбужденіе бунта въ округахъ, присоединяемыхъ къ Черногоріи, и жалоба той же Европѣ на эти же самые бунты.

Европа выходитъ изъ себя и рѣшается произвести «нравственное давленіе» на Турцію, посылаетъ свои корабли къ берегамъ Албаніи, но съ распоряженіемъ не дѣйствовать этимъ кораблямъ, а только стоять и пугать султана. Едва вѣроятно, а между тѣмъ именно такое рѣшеніе вынесла Европа. Нашъ ученый и здѣсь утрачиваетъ свое образцовое терпѣніе и заявляетъ: «Это значило впадать въ странное заблужденіе—предполагать подобную наивность у совѣтниковъ султана».

И султанъ не только не испугался, а поспѣшилъ объявить Европѣ: всѣ событія и ноты со времени берлинскаго трактата онъ считаетъ за ничто и требуетъ предоставить его доброй волѣ выполнить свои обязательства, а Европѣ убрать свой флотъ, оскорбляющій его, султанское, достоинство. Европа склонила свою главу предъ энергіей падишаха и только случайность—невѣрныя свѣдѣнія султана на счетъ единоличныхъ дѣйствій Англіи—помѣшали исторіи закончиться постыднѣйшимъ конфузомъ для такъ-называемаго европейскаго концерта.

Султанъ жестоко жалѣлъ, понявъ преждевременность своего страха и своей уступки. Но и эта ошибка должна была только окрылить его на дальнѣйшую, надменно вызывающую борьбу съ Европой.

И событія не замедлили обнаружить всю глубину султанскаго презрѣнія къ рѣшеніямъ христіанскаго міра. Онъ—этотъ міръ—въ лицѣ лорда Сольсбёри провозглашалъ: «Я совершенно убѣжденъ, всякое зданіе, сооруженное въ прямое противорѣчіе съ желаніями народностей, для которыхъ оно сооружается, не можетъ быть прочнымъ». Основательнѣйшая идея, и одновременно съ ней Критъ подчинялся Турціи, малоазіатскіе христіане отдавались въ распоряженіе курдамъ, Румелія отрывалась отъ Болгаріи. Естественно, не Турціи же было укрѣплять подобное зданіе, и въ теченіе двадцати лѣтъ не прекращаются кровавыя зрѣлища по всему пространству оттоманской имперіи, возстанія смѣняются войнами,

даже такими безумными, какъ сербо-болгарская, и такими безрезультатами, но неизбѣжными, какъ греко-турецкая. А Европа собираетъ конференціи, пишетъ ноты, взываетъ къ разсудку и сердцу султана, засыпаетъ совѣтами Блистательную Порту, и достигаетъ одного самаго свѣжаго и богатаго будущимъ результата: султанъ теперь *побѣдитель*. Греческая война подняла духъ мусульманъ на высоту, какой онъ не зналъ въ теченіе всего XIX-го вѣка. Теперь Турція—членъ европейскаго концерта. Она дѣятельно упрочиваетъ свое новое положеніе широкими военными преобразованіями, и Европа еще менѣе, чѣмъ когда-либо, въ состояніи заговорить съ султаномъ рѣчью настойчивой и исполненной достоинства. Европа ждетъ, пока новый пожаръ не развяжетъ ей языкъ и не вдохнетъ въ ея мысли смѣлость и логику.

IV.

Смѣлость и логика!.. Казалось бы, они такъ естественны именно въ поведеніи Европы съ Турціей. Еще Монтескьё видѣлъ безнадежное разложеніе оттоманской имперіи. Въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія Гизо доказывалъ, что никакихъ реформъ немыслимо ждать отъ мусульмамскаго міра. И исторія неуклонно доказывала справедливость этихъ взглядовъ. Турція не подлежитъ никакому культурному воздѣйствію. Всякое отраженіе европейскихъ вліяній на исконныхъ мусульманскихъ порядкахъ въ глазахъ правовѣрныхъ является вѣроотступничествомъ. И даже современный султанъ у признанныхъ хранителей магометанскаго правовѣрія слыветъ гяуромъ и рабомъ Европы.

Прежде всего самая идея равноправія христіанъ съ точки зрѣнія Корана—безуміе. Всякій человѣкъ, не признающій Магомета пророкомъ, *по природѣ* низшее существо и предназначенъ къ вѣчному рабству у правовѣрныхъ. Коранъ не признаетъ за побѣжденнымъ гяуромъ никакихъ правъ, даже права на существованіе. «Предъ Богомъ —говоритъ онъ,—нѣтъ болѣе низкихъ существъ, чѣмъ невѣрующіе»». И даже если бы султанъ проникся гуманными воззрѣніями, онъ ничего не могъ бы сдѣлать практически. Подданные отказались бы ему повиноваться: такъ открыто заявляютъ европейцамъ доктора мусульманскаго права. Въ 1856 году султанъ издалъ указъ о равноправіи свидѣтельскихъ судебныхъ показаній христіанъ и магометанъ. Мусульманскіе судьи не исполняли указа, лишь только приходилось разбирать дѣло между магометаниномъ и христіаниномъ. Очевидно, цивилизовать мусульманскій востокъ значить уничтожить мусульманскую религію, и арабская культура является, по существу, неестественнымъ явленіемъ въ мусульманствѣ, исключительно *національнымъ* въ исторіи самихъ арабовъ, а не магометанскимъ.

Съ другой стороны Турція утратила всѣ основы нравственнаго и политическаго бытія. Она давно уже не государство, а дворцовая вотчина. Оффиціальное правительство не имѣетъ никакого значенія—всѣмъ управляетъ Ильдизъ Кіоскъ, т. е. личные слуги султана. Въ интересахъ дворца существуетъ администрація, войско, собираются налоги, вообще совершается вся жизнь оттоманской имперіи. Жалованье получаютъ только чиновники и войска, непосредственно связанныя съ дворцомъ. Султанъ лично

владѣетъ шестою частью всей территоріи своей имперіи, кромѣ того доходами съ почтъ, таможней, состоитъ пайщикомъ въ разныхъ финансовыхъ предпріятіяхъ, владѣетъ монополіями табачной, желѣзнодорожной. И всѣ его заботы сосредоточены на своемъ штатѣ и стражѣ. Преемникъ двухъ султановъ, свергнутыхъ съ престола, онъ вѣчно дрожитъ за свою особу и на этомъ ужасѣ собственно и сосредоточены всѣ его политическія способности. Онъ «человѣкъ Ильдиза», такъ его именуютъ его же подданные, и государство предоставлено на полную волю чиновниковъ. Они вынуждены торговать закономъ и судомъ: эта торговля—единственный источникъ ихъ существованія. Другой—христіанскіе подданные, стоящіе внѣ мусульманскаго права. И они, кромѣ обычныхъ насилій и поборовъ, обязаны еще время отъ времени удовлетворять своей кровью и имуществомъ варварскія племена, поставляющія султану самыхъ преданныхъ тѣлохранителей. Курды истребили до трехсотъ тысячъ армянъ, но они—личная гвардія повелителя, ихъ полки носятъ его имя, и, естественно, о наказаніи не можетъ быть и рѣчи. Иначе Ильдизъ лишился бы своей вѣрной опоры и лучшихъ подданныхъ.

Все это факты, отлично извѣстные Европѣ. Ни для кого не тайна, что Турція вовсе не имперія и даже не правительство, а таборъ дикарей, сидящій на одномъ мѣстѣ исключительно благодаря внѣшнимъ обстоятельствамъ. Но это—историческая и наглядная истина, отъ нея до дипломатическихъ выводовъ цѣлая пропасть.

Спросите нѣкоторыхъ и очень важныхъ дипломатовъ на счетъ того самаго человѣка, кого Гладстонъ назвалъ «великимъ убійцей» и кто послѣдовательно издѣвается надъ терпѣніемъ Европы вотъ уже почти четверть вѣка. Вы получите самые неожиданные отзывы.

Абдулъ-Гамидъ!—да это любезнѣйшій изъ монарховъ. Онъ кротокъ, вѣжливъ, всегда обходителенъ и въ высшей степени сдержанъ. *Всѣ дипломаты*, говорятъ намъ, побывавшіе въ Константинополѣ, были очарованы султаномъ и *многіе* изъ нихъ сохранили это очарованіе навсегда. Абдулъ-Гамидъ прямо неотразимъ. Онъ всегда внимательно выслушиваетъ совѣты и представленія, задаетъ вопросы о подробностяхъ, свидѣтельствующія его серьезное отношеніе къ дѣлу и готовность слѣдовать добрымъ внушеніямъ. Послѣ его аудіенціи всякій европейскій дипломатъ выходилъ непремѣнно *удовлетвореннымъ* и *тронутымъ*. Наконецъ, султанъ набоженъ, крайне умѣренъ въ удовольствіяхъ, можно сказать, безупреченъ въ нравахъ *).

Таковъ единодушный отзывъ. И онъ подтверждается даже младотурками, завѣдомыми врагами Абдулъ-Гамида. Вождь ихъ—Мурадъ-бей также поддался чарамъ султана: до такой степени задушевно и искренне говорилъ Абдулъ-Гамидъ даже о конституціи, такъ настоятельно просилъ Мурада представить ему планъ ея. Мурадъ, выходя отъ султана, преисполнился радости и вѣры, что все спасено...

Съ такими точно настроеніями откланивались Абдулъ-Гамиду и представители европейскихъ державъ.

---

*) Victor Berard. *La politique du sultan. Révue de Paris.* 1897, 1 janvier, p. 57—58.

Но разочарованіе *неизмѣнно* слѣдовало по пятамъ осчастливленныхъ смертныхъ. Младотурки отправлялись на дно Босфора или въ Аравію на вѣрную смерть, студенты теологіи слѣдовали за ними по повелѣнію горячаго поклонника пророка, европейскіе дипломаты терпѣли соотвѣтственную участь: ихъ аудіенціи и ноты тонули въ рѣкѣ забвенія и безпрестанно подвергались самому оскорбительному нарушенію и извращенію.

Какое же впечатлѣніе производили эти приключенія на очарованныхъ? Нерѣдко, разумѣется, вполнѣ логическое, но бывали и до сихъ поръ происходятъ случаи, способные внушить султану непоколебимое убѣжденіе въ своей поистинѣ волшебной симпатической власти надъ гяурами.

Напримѣръ, самый усердный и краснорѣчивый защитникъ современной турецкой политики Ганото. Умѣреннѣйшіе французы приходили въ изумленіе предъ чисто вѣрноподданнической сдержанностью своего министра въ отзывахъ о султанѣ, завѣдомомъ первовиновникѣ армянскихъ убійствъ. Ни одного слова порицанія! И гдѣ же—во французской палатѣ, во времена республики. Да пусть какая угодно политика тяготѣетъ надъ мозгомъ представителя французской націи, не могъ же не заговорить, хоть на одно мгновеніе, голосъ культурнаго европейца и просто человѣка.

И все таки не заговорилъ. Французская печать объяснила удивительный фактъ столь же удивительными сообщеніями. Правда, Ганото и по дипломатическимъ причинамъ не возставалъ противъ Турціи, но главная была сердечная. Онъ личный сочувственникъ султана. Онъ прошелъ дипломатическую школу въ Константинополѣ. Онъ былъ еще очень молодъ, когда правительство поставило его во главѣ посольства. Онъ понравился султану и въ теченіе десяти лѣтъ Ганото очень успѣшно велъ дѣла. Онъ научился любить и уважать его оттоманское величество. Онъ изумлялся поразительной канцелярской усидчивости падишаха, его тонкому уму и чарующей обходительности.

Всѣ эти чувства Ганото привезъ во Францію и заключилъ ихъ въ свой портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Здѣсь главная разгадка его неизмѣнно почтительнаго, бережнаго отношенія ко всѣмъ дѣйствіямъ Ильдизъ-кіоска.

Министерство, устранившее Ганото, не могло рѣзко измѣнить политики: Франція уже была связана дѣятельностью прежняго министра и султанъ не могъ ждать грозы со стороны республики.

И на этотъ разъ республика сошлась съ своимъ опаснѣйшимъ врагомъ, съ германскимъ императоромъ. Турція нашла въ Германіи вѣрнѣйшаго друга, какого только она когда-либо имѣла среди христіанскихъ государей. Вильгельмъ II, столь подчасъ рыцарственный и вдохновенный, чуть не средневѣковой герой въ своихъ восторгахъ предъ завѣтами Гогенцоллерновъ и даже боговъ германской миѳологіи, отбросилъ въ сторону всѣ средневѣковые предразсудки на счетъ сарацинъ и невѣрныхъ. Онъ—первый и единственный—привѣтствовалъ турецкія побѣды надъ греками. Онъ не побоялся предъ всѣмъ свѣтомъ засвидѣтельствовать горячую дружбу къ султану въ то самое время, когда Гладстонъ клеймилъ этого друга именемъ «убійцы», а Европа, по увѣренію другого англійскаго политическаго главы, «блѣднѣла» отъ ужасовъ оттоманской имперіи.

Откуда же у германскаго императора такія стремительныя чувства! Конечно, не изъ того источника, откуда у Ганото. Вильгельмъ II руководится неизмѣримо болѣе убѣдительными побужденіями, чѣмъ личныя достоинства Абдулъ-Гамида. Общій характеръ этихъ побужденій и подобныхъ имъ, весьма распространенныхъ, остроумно выраженъ однимъ французскимъ публицистомъ. «Европа,—писалъ онъ,—во всякое время предпочла бы самаго реакціоннаго фанатика, оплачивающаго свои купоны и благопріятствующаго торговлѣ, самому передовому преобразователю, вызывающему банкротство или революцію».

Этотъ именно принципъ лежитъ въ основѣ трезвой германской дружбы съ Турціей. Вильгельму II нужна Турція именно въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ, слѣдовательно, и Абдулъ-Гамидъ со всѣми его оригинальными пріемами управленія. Германскій императоръ привѣтствовалъ побѣду турецкихъ полковъ надъ греческими по самому естественному побужденію, какое только существуетъ для человѣческихъ дѣйствій. Турокъ приготовили для побѣды германскіе офицеры и они же руководили турецкимъ штабомъ. Очевидцы разсказываютъ, какъ турецкіе солдаты на полѣ сраженія цѣловали руки у своихъ нѣмецкихъ учителей. То же самое они должны были бы сдѣлать съ нѣмецкими ружейными и пушечными мастерами: султанъ самый крупный иностранный потребитель нѣмецкаго оружія.

Но этотъ товаръ только часть громаднаго нѣмецкаго ввоза въ оттоманскую имперію. Нѣмецкая промышленность, послѣ объединенія, быстро стала развиваться, и преуспѣла до такой степени, что вступила въ конкурренцію съ французской и особенно англійской. Потребовались новые рынки; отсюда горячка колоніальной политики и неутомимые поиски сбыта. Балканскій полуостровъ скоро сталъ кишѣть агентами нѣмецкихъ фирмъ и превратился въ сплошной базаръ нѣмецкихъ товаровъ.

Рядомъ шла и германская культура. Константинополь обогатился нѣмецкими школами, армія нѣмецкими инструкторами. Правительство, разумѣется, не могло оставить безъ поощренія этого явленія, и императоръ сталъ во главѣ національнаго торговаго прогресса. Турція, въ ея современномъ варварскомъ состояніи—благодарная почва для нѣмецкихъ дѣлателей. Ея раздѣлъ между культурными націями неизбѣжно повлекъ бы подрывъ германскому движенію, и естественно, неприкосновенность оттоманской имперіи своего рода догматъ современной германской политики.

Нѣкоторые европейскіе политическіе дѣятели видятъ и другую причину стремленій Вильгельма II на Востокъ. Они будто бы, служа нѣмецкому купону, въ то же время даютъ выходъ и романтическому воображенію императора. Авторъ гимна Эгиру въ пламенныя минуты своей мечтательности грезитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о священной имперіи былыхъ вѣковъ отъ Тріеста до Гамбурга. Австрія вѣдь явно разлагается, среди ея партій существуетъ теченіе, глубоко проникнутое пангерманскими идеалами и еще другое болѣе могущественное, преисполненное ненависти къ славянамъ... Что же невѣроятнаго въ будущемъ сліяніи всей великой германской расы подъ одной короной?.. *).

*) Kramarsch. *L'Avenir de l'Autriche.*

Открываются ли дѣйствительно предъ Вильгельмомъ II подобныя перспективы, или это клевета злыхъ политиковъ, во всякомъ случаѣ, Турція можетъ считать его прочной опорой своего *европейскаго* положенія. Это истинное повышеніе въ важный чинъ: Европа, считаясь съ султаномъ, должна помнить о германскомъ императорѣ. Какой успѣхъ послѣ невѣроятныхъ нарушеній всѣхъ трактатовъ и обязательствъ и особенно послѣ незабвеннаго въ исторіи памятника XIX-го вѣка изъ трехсотъ тысячъ человѣческихъ головъ!

Результатъ очевиденъ. Восточный вопросъ только по недоразумѣнію именуется восточнымъ, на самомъ дѣлѣ онъ *западный*, во всѣхъ смыслахъ—въ политическомъ и культурномъ. Оттоманская имперія сама по себѣ можетъ сколько угодно разрушаться, она непоколебима, на сколько прочна такъ-называемая «европейская совѣсть». А это—вопросъ весьма темный.

Правда, Гладстонъ вѣдь тоже европеецъ, и онъ съумѣлъ выказать поразительно энергичный образъ дѣйствій противъ Турціи и ему случалось увлекать за собой даже толпу парламентскую и уличную. Но это не было увлеченіемъ англійской націи, и нашъ ученый авторъ находитъ горячность Гладстона излишней и опрометчивой. Онъ, повидимому, готовъ великаго государственнаго человѣка изобразить красками легкомысленнаго и опрометчиваго агитатора.

И этотъ взглядъ внушаетъ ему уже не «европейская совѣсть», какъ она понимается на дипломатическомъ языкѣ, а логика и исторія. Трудно при такихъ обстоятельствахъ ожидать чего-нибудь похожаго на крестовый походъ, хотя бы даже на словахъ, не только на дѣлѣ. Вильгельмъ II, напримѣръ, торжественно празднуетъ седанское событіе, годовщину одной изъ горестнѣйшихъ распрей среди цивилизованныхъ народовъ, и тотъ же Вильгельмъ привѣтствуетъ турецкое оружіе въ борьбѣ также съ цивилизованной націей. Нельзя сказать, чтобы подобные факты знаменовали успѣхи европейской совѣсти, и Турція будетъ жить именно потому, что жизнь ея основана на темныхъ сторонахъ нашей цивилизаціи. Все, что только сохранилось варварскаго, своекорыстнаго, кровожадно воинственнаго въ современной европейской культурѣ,—все это истинные киты оттоманскаго царства. И султанъ понимаетъ это лучше, чѣмъ кто-либо, понимаютъ и его образованнѣйшіе подданные. Какъ же имъ послѣ этого не смѣяться надъ европейскими конгрессами и нотами, смѣло не противопоставлять мусульманскую культуру христіанской и не презирать европейцевъ уже не какъ гяуровъ, а какъ торгашей и варваровъ?

Мы видимъ, какъ глубоко коренится сущность и живучесть восточнаго вопроса. Можно безъ преувеличеній сказать: самая скромная и безпристрастная исторія этого вопроса представляетъ гораздо болѣе поучительную и содержательную критику современной европейской просвѣщенности и нравственности, чѣмъ краснорѣчивѣйшія философскія и политическія упражненія пессимистовъ и декадентовъ.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Kritische Grundlegung der Ethik als positives Wissenschaft*», *von D-r Stern, Berlin.* (*Ferdinand Dümmles*). (*Критическія основы этики, какъ позитивной науки*). Въ послѣднее время, въ германскомъ обществѣ замѣчается особенный интересъ ко всякимъ этическимъ вопросамъ, вслѣдствіе чего число книгъ, посвященныхъ этой области, съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Авторъ этого, недавно вышедшаго сочиненія по вопросамъ этики, докторъ медицины Штернъ, задался цѣлью очистить этику отъ всѣхъ примѣсей, религіозныхъ и метафизическихъ воззрѣній доказать ея необходимость посредствомъ естественно-историческихъ фактовъ. Авторъ предварительно подвергаетъ строгой критикѣ всѣ существующія этическія системы и ихъ религіозныя и философскія основы и затѣмъ указываетъ почву, на которой онъ строитъ свою позитивную этику. По мнѣнію автора, всѣ этическія понятія и поступки надо разсматривать съ генетической точки зрѣнія. Понятіе о нравственности возникло лишь постепенно и авторъ стремится доказать, что понятія эти составляютъ продуктъ наслѣдственности и эволюціи въ теченіе многихъ тысячелѣтій. Каждый, кто занимается вопросами этики, долженъ прочесть эту книгу съ большимъ интересомъ. (Frankfurter Zeitung).

«*Die Ethischen Grundfragen*» *von Theodor Lipps. Hamburg und Leipzig. Leopold Voss.* (*Основные вопросы этики*). Въ книгѣ заключается десять лекцій, прочитанныхъ авторомъ по предложенію ферейна высшихъ народныхъ школъ. Авторъ излагаетъ тѣ великіе принципы, благодаря которымъ человѣчество должно сдѣлаться болѣе гуманнымъ, добрымъ и великодушнымъ, и призываетъ къ покровительству всему великому, доброму и свободному.

(Berliner Tageblatt).

«*Die Frauen in der Geschichte des deutschen Geisteslebens des 18 und 19 Iahrhunderts. Erstes Buch. Dr. Adalbert v. Haustein*». *Leipzig* (*Freund und Wittig*) *1899.* (*Женщины въ исторіи нѣмецкой умственной жизни XVIII и XIX вѣка*). Чрезвычайно интересное и основательное изслѣдованіе той роли которую играла женщина въ исторіи развитія культуры въ Германіи. Авторъ обнаруживаетъ очень большую эрудицію и знаніе источниковъ, изъ которыхъ онъ черпаетъ свои свѣдѣнія, и доказываетъ, что ученыя женщины въ Германіи не составляютъ нововведенія, относящагося ко второй половинѣ XIX вѣка и стремленіе къ высшему образованію существовало у женщинъ еще въ XVIII вѣкѣ. Но стремленія эти не получали законнаго удовлетворенія и женщины должны были собственными силами пробивать себѣ дорогу. Авторъ начинаетъ свой трудъ съ изложенія взглядовъ Фенелона на воспитаніе дочерей; потомъ онъ рисуетъ парижскихъ женщинъ и нѣмецкихъ ученыхъ женщинъ временъ реформаціи. Очень интересны главы, въ которыхъ разсказывается борьба въ пользу женскаго образованія и описываются различные дѣятели, прославившіеся въ этой борьбѣ. Это серьезное изслѣдованіе, относящееся къ исторіи женскаго вопроса въ Германіи, составляетъ чрезвычайно цѣнный вкладъ въ литературу женскаго движенія.

(Frankfurter Zeitung).

«*Légendes et archives de la Bastille*» *par Fr. Funck Brentano Avec une préface de M. Victorien Sardou. Paris* (*Librairie Hachette et C°*). (*Легенды и архивы Бастиліи*). Авторъ даетъ исторически вѣрное изображеніе государственной тюрьмы, съ именемъ которой связано столько мрачныхъ легендъ и воспоминаній, изображающихъ ее какъ мѣсто безконечныхъ страданій и отчаянія, настоящій «адъ живыхъ» (l'enfer des vivants). Однако, авторъ, на основаніи своихъ тщательныхъ историческихъ изслѣдованій, приходитъ къ заключенію, что Бастилія была все-таки лучше своей репутаціи и въ XVIII вѣкѣ, содержавшіеся въ ней писатели, не могли пожаловаться на обращеніе съ ними. По мнѣнію автора, нашъ просвѣщенный вѣкъ отсталъ отъ XIX вѣка въ этомъ отношеніи и въ настоящее время писателямъ, попадающимъ въ современныя тюрьмы за слишкомъ смѣлыя рѣчи, приходится испытывать

гораздо больше лишеній. Авторъ разсказываетъ о разныхъ знаменитыхъ заключенныхъ Бастиліи и, между прочимъ, о знаменитой «Желѣзной маскѣ»; впрочемъ маска, которую носилъ этотъ заключенный, была не желѣзная, а изъ чернаго бархата. Авторъ разрушаетъ многія легенды и отнимаетъ ореолъ у нѣкоторыхъ «мучениковъ Бастиліи», но зато даетъ читателямъ громадный историческій матеріалъ, благодаря которому они получаютъ болѣе правильное понятіе о томъ, что такое была Бастилія въ XVIII в. (Journal des Débats).

«*Kreta in Vergangenheit und Gegenwart» geschildert von H. Botiner. Mit 30 Illustrationen. Leipzig.* (*Woert's Beisebüches Verlag*). (*Критъ въ прошломъ и настоящемъ*). Островъ Критъ настолько интересуетъ теперь европейскую публику, что появленіе книги, дающей въ краткомъ изложеніи исторію острова и знакомящей читателей съ его прошлымъ и настоящимъ, надо признать вполнѣ своевременнымъ. Симпатіи автора, повидимому, находятся не на сторонѣ критянъ, но онъ старается быть безпристрастнымъ и поэтому книга его производитъ хорошее впечатлѣніе. Превосходнымъ дополненіемъ къ тексту служатъ иллюстраціи, сдѣланныя съ фотографій, снятыхъ на мѣстѣ.

(Litterarische Echo).

«*La psychologie du Sozialisme» par Dr. Gustav Le Bon (Felix Alcan*). (*Психологія соціализма*). Авторъ проводитъ въ этомъ своемъ произведенія ту же мысль, что и въ предшествующихъ своихъ сочиненіяхъ и доказываетъ «неравенство» человѣческихъ расъ. Люди созданы вовсе не изъ одной и той же глины и поэтому неравенство соціальныхъ условій составляетъ естественную необходимость. Отсюда слѣдуетъ, что соціалисты, добивающіеся нивеллировки, уравненія и всеобщей справедливости, стремятся къ невозможному уже вслѣдствіе самой природы вещей. Такова основная мысль автора. Кромѣ того, онъ доказываетъ, что борьба классовъ не только необходима, но должна становиться все болѣе и болѣе жестокой. Спасеніе онъ видитъ въ сильномъ правительствѣ и профессіональной арміи.

(Revue des Revues).

«*Flash Lights on Nature» by Grant Allen; with 150 illustrations* (*George Newness*). (*Бѣглый взглядъ на природу*). Какъ и всѣ книги Грентъ Аллена, эти очерки природы написаны очень живо и интересно и снабжены превосходными иллюстраціями. Каждая глава представляетъ совершенно отдѣльный очеркъ и заключаетъ въ себѣ или жизнеописаніе какого-нибудь насѣкомаго, растенія или описаніе какого-нибудь явленія природы. Названія главъ также занимательны, какъ и содержаніе и книга Грентъ Аллена увлекаетъ читателя, не только такого, который любитъ природу и способенъ увлекаться ея красотами, но пробуждаетъ интересъ къ природѣ и въ такихъ читателяхъ, которые до этого времени проходили равнодушно мимо многихъ ея явленій.

(Literary World).

«*Recent Advances in Astronomy» by Doctor Alfred H. Fison* (*Blackie and Sons*). (*Новѣйшіе успѣхи астрономіи*). Интересная маленькая книжка, въ шести главахъ которой авторъ сообщаетъ всѣ послѣднія новости изъ міра звѣздъ. Въ главѣ «Жизнь звѣзды» авторъ очень увлекательно разсказываетъ происхожденіе и вѣроятную судьбу такъ-называемыхъ неподвижныхъ звѣздъ. Глава «Млечный путь и распредѣленіе звѣздъ» знакомитъ читателей со всѣми новѣйшими открытіями въ этой области и съ разными гипотезами, посредствомъ которыхъ старались объяснить эти чудныя явленія на ночномъ небѣ. Но самою интересною главой, безспорно, слѣдуетъ считать ту, въ которой авторъ знакомитъ читателей со всѣми открытіями и гипотезами, касающимися Марса. Въ высшей степени интересны также взгляды самого автора на эту планету. Авторъ увѣренъ, что Марсъ имѣетъ арктическій климатъ и что еслибъ мы переселились туда, то нашли бы безплодную пустыню и напрасно старались бы смягчить рѣзкій холодъ, господствующій въ этой негостепріемной области. (Literary World).

«*Outlines of the Eearth's History» by Nathaniel Southgate Shaler, prof. of Geology at Harvard. London.* (*Heinemann*). (*Очерки исторіи земли*). Въ высшей степени популярно написанная книга, очень занимательная и приспособленная для такого круга читателей, которые имѣютъ лишь весьма поверхностныя элементарныя познанія по физіографіи, но желали бы расширить ихъ. Особенно интересны главы, въ которыхъ авторъ разсказываетъ о ледникахъ и знакомитъ читателей съ ихъ теоріей, а также съ дѣятельностью подземныхъ водъ.

(Literary World).

«*The Philippine Islands and thes People» A Record of personal observation and Experiences with a Shart Summary of the more important Facts in the History of the Archipelago by Dean C. Woraster.* (*Macmillan Company*). *New-York.* (*Филиппинскіе острова и населеніе ихъ*). Профессоръ Уорчестеръ изъ мичиганскаго университета, провелъ одиннадцать мѣсяцевъ на Филиппинскихъ островахъ и сообщаетъ въ своей книгѣ результаты своего пребыванія въ этомъ архипелагѣ и своего знакомства съ его населеніемъ и климатомъ. Авторъ насчитываетъ около пяти милліоновъ цивилизованныхъ туземцевъ на Филиппинахъ, принадлежащихъ къ тремъ главнымъ племенамъ архипелага. Но, кромѣ нихъ, въ лѣсахъ и горахъ водятся совершенно дикія племена, стоящія на очень низкой ступени развитія. Авторъ описываетъ нравы и обычаи разныхъ племенъ, съ которыми ему пришлось познакомиться болѣе или менѣе близко во время своего пребыванія на островахъ. (Bookseller).

L'idéalisme social» par E. Fournière. (Félix Alcan). (*Соціальный идеализмъ*). Книга, проникнутая горячимъ чувствомъ любви къ человѣчеству и сочувствіемъ къ тѣмъ, кто страдаетъ. Авторъ хорошо понимаетъ всю сложность соціальнаго вопроса и соціальныхъ страданій и не предлагаетъ никакой идеальной соціальной схемы, ограничиваясь лишь указаніями на то, къ чему должно стремиться человѣчество. «Идеализмъ дѣлаетъ необходимой эволюцію», говоритъ онъ, и, развивая свою идею, доказываетъ необходимость утопій въ соціальной эволюціи. Далѣе авторъ говоритъ о соціологической недостаточности политической экономіи, о коллективизмѣ и въ заключеніе рисуетъ идеальную семью и «идеальное государство», высказывая твердое убѣжденіе, что придетъ время, когда эти мечты станутъ дѣйствительностью.

(Revue internationale).

«La famille dans les différentes sociétés» par C. N, Starcke (*V. Giard et E. Brière*). (*Семья въ различныхъ обществахъ*). Авторъ разсматриваетъ семью и ея будущее съ точки зрѣнія исключительно нравственной и философской и въ особенности посвящаетъ свое вниманіе тѣмъ различіямъ, которыя обнаруживаются въ этомъ отношеніи въ различныхъ европейскихъ государствахъ. Онъ различаетъ двѣ большія группы народовъ; къ одной принадлежатъ тѣ народы, у которыхъ преобладаетъ индивидуализмъ, къ другой — тѣ, у которыхъ идея единства семьи преобладаетъ надъ индивидуальнымъ правомъ каждаго изъ ея членовъ. Въ латинскихъ семьяхъ, напримѣръ, права жены и дѣтей исчезаютъ передъ авторитетомъ и индивидуальностью отца и мужа. Не смотря на нѣкоторые предвзятые взгляды автора, въ книгѣ его заключается чрезвычайно много интересныхъ данныхъ, касающихся положенія семьи въ современномъ обществѣ и взаимныхъ отношеній ея членовъ.

(Revue internationale).

«A History of Europeen Thought in the Nineteenth Century» by J. Th. Merz. London. (Blackwood). (*Исторія европейской мысли въ XIX вѣкѣ*). Девятнадцатый вѣкъ приходитъ къ концу и хотя дѣленіе на вѣка совершенно произвольно, но тѣмъ не менѣе принято думать, что каждый періодъ въ сто лѣтъ имѣетъ свои характерныя черты и свои особенности. Авторъ пробуетъ охарактеризовать кончающійся вѣкъ, но избираетъ для этого не строго научную, а философскую точку зрѣнія и, становясь на эту точку зрѣнія, разсматриваетъ, главнымъ образомъ, идеи, преобладающія въ XIX вѣкѣ. Въ первой части книги онъ разсматриваетъ научные успѣхи, затѣмъ переходитъ къ общей эволюціи идей, останавливаясь преимущественно не на развитіи національной идеи, а на научныхъ идеяхъ, выработанныхъ учеными всѣхъ странъ. Авторъ старается дать въ своей книгѣ возможно болѣе полный очеркъ исторіи цивилизаціи XIX вѣка и достигаетъ своей цѣли.

(Revue scientifique).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

